

Александр
БОГОМОЛОВ

Георгий
САННИКОВ

DER SPIEGEL

Geheimdienst

Sowjet-Diplomat Bogomolow als Wirtschaftsspion in deutschen Salons

*Штрихи
к портрету
ЭПОХИ*

Александр БОГОМОЛОВ

Георгий САННИКОВ

БЕЗ ПРОТОКОЛА

БЕЗ ПРОТОКОЛА

А. Я. Богомолов
Г. З. Санников

БЕЗ ПРОТОКОЛА

Москва
«Печатные Традиции»
2010

**Александр БОГОМОЛОВ
Георгий САННИКОВ**

БЕЗ ПРОТОКОЛА

*Невыдуманные истории рассказывают
дипломат Александр Богомолов
и разведчик Георгий Санников*

Москва
«Печатные Традиции»
2010

УДК 82/89
ББК 84/66.49/67.401.212
Б 744

ISBN 978-5-91561-048-3

© Квицинский Ю.А., предисловие, 2010
© Богомолов А.Я., наследники, 2010
© Санников Г.З., 2010
© Оформление.
ООО «Печатные Традиции», 2010

К 65-летию Великой Победы

*Народам России и Германии
с пожеланием счастливого будущего
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга носит не совсем обычный характер. Это воспоминания двух друзей — дипломата, одного из наших лучших знатоков немецкого языка Александра Яковлевича Богомолова (ныне покойного) и разведчика, работавшего в Берлине под посольской «крышей», Георгия Захаровича Санникова.

Это не политические мемуары, претендующие на систематизированное изложение, осмысление и оценку авторами тех событий в Германии, которые они наблюдали со стороны или в которых в том или ином качестве принимали личное участие. Их книга — это нечто мозаичное, складывающееся из эпизодов, которые случались в служебной жизни авторов, а также встреч и знакомств с известными людьми, рассказов друзей об интересных событиях, необычных жизненных ситуациях, а иногда и просто анекдотов (анекдотов в немецком понимании этого слова, то есть не просто забавных шуток, а реальных, имевших действительно место в истории комичных и поучительных случаев и ситуаций).

Эпизоды, рассказываемые авторами, подобны точечным мазкам художников-пуантилистов. Каждый из мазков мало что отображает, не обладает точностью и тщательностью, но в совокупности они рисуют для зрителя выразительную и целостную картину предмета. Особенно если смотреть на эту картину на некотором удалении. Поскольку речь идет о забавных, менее забавных или вовсе не забавных случаях из истории второй половины теперь уже прошлого XX века, требование удаленности от предмета вполне соблюдается. Это придает книге особый интерес и аромат. Что же касается техники исполнения — судить о ней читателю. Тут, как говорится, на вкус и цвет товарищей нет. Но я уверен, что каждый сделает для себя немало открытий, найдет в книге новое, доселе мало известное.

Авторы книги — во многом непохожие друг на друга люди по темпераменту, жизненному опыту, склонностям и интересам. Это сразу же почувствует читатель книги. Их роднит, однако, главный жизненный интерес — любовь к профессии, честное и старательное отношение к делу, доброе, заботливое отношение к ГДР, которой посвящена основная часть книги, уважительное и местами трогательное отношение к ее людям.

В этом смысле А.Я. Богомолов и Г.З. Санников — достойные и типичные представители того поколения советских германистов, которые отдали лучшие годы своей активной профессиональной и политической

жизни делу борьбы за создание, укрепление, защиту и международное признание ГДР. Их партнерами с немецкой стороны были люди, которые, может быть, впервые в истории отношений между Германией и Россией искренне, последовательно и безальтернативно сделали ставку на сотрудничество с нашим народом и нашей страной. Именно они спасли и восстановили честь немцев как народа в глазах наших людей, которым Германия в ходе Великой Отечественной войны принесла жертвы и страдания такого масштаба, которого до сих пор не знала история.

ГДР — это было «наше», дружественное и союзное, немецкое государство. Гэдээровцы — это были «наши» немцы, которым хотел верить и с течением времени поверил советский человек. ГДР — это был плод нашей тяжелейшей войны, неслыханных испытаний и победы со слезами на глазах, залог веры в то, что дружба, доверие и партнерство между нашими народами наконец могут превратиться в прочную реальность, а не останутся очередным эпизодом. Так было в течение почти полувека. В этом историческая заслуга немцев ГДР и их руководителей. В этом, однако, и историческая трагедия исчезновения ГДР с карты Европы.

Но ГДР не ушла в прошлое бесследно и бесполезно, как ныне старательно пытаются изобразить дело наследники традиционной немецкой политики движения на Восток, всегда набивавшие себе цену в глазах Запада путем разыгрывания карты «сближения с Россией» в надежде в подходящий момент сбросить ее в угоду другим, более милым их сердцу партнерам. ГДР оставила глубокий след в немецкой истории. Она продолжает оказывать влияние на жизнь немцев теперешней объединенной Германии. Она постепенно смывает с себя грязь и коросту несправедливых упреков и клеветы, которой старательно обмазывали ее после восстановления и продолжают мазать до сих пор. ГДР возбуждает чувство ностальгии уже более чем у одной трети восточных немцев. Это чувство не ослабевает, а крепнет, потому что нет в истории большей силы, чем сила правды.

В 2009 году исполнилось 60 лет со дня создания ГДР. Пусть книга А.Я. Богомолова и Г.З. Санникова станет вкладом в восстановление правды о первом немецком социалистическом государстве и его людях — друзьях авторов и не только их одних, но и современников — соратников авторов.

Ю.А. Квицинский,

*депутат Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации, посол*

Выдающийся советский и российский дипломат Юлий Александрович Квицинский скончался 3 марта 2010 года.

Его многолетняя и плодотворная государственная и политическая деятельность была посвящена защите интересов нашего Отечества, в том числе вопросам европейской безопасности, сокращению ядерного вооружения, урегулированию германской проблемы, нормализации и развитию добрых отношений между народами России и Германии на основе взаимопонимания и делового сотрудничества.

БЕЗ ПРОТОКОЛА

Невыдуманные истории
рассказывает дипломат

Александр БОГОМОЛОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Автор предлагаемой книги Александр Яковлевич Богомолов — профессиональный дипломат, германист и переводчик. По роду своей деятельности — 1950–1980-е годы XX столетия — лично был знаком с государственными деятелями ГДР и ФРГ.

Воспоминания Александра Яковлевича Богомолова отличаются от традиционных мемуаров тем, что они состоят из наиболее запомнившихся ему отдельных эпизодов, забавных и горьких, которые касаются прежде всего того, что происходило за кулисами официальных переговоров и отношений. Поэтому книга и названа «Без протокола».

Другая отличительная особенность этой книги в том, что она была написана автором на немецком языке, поскольку в конце девяностых годов он получил предложение от немецкого издательства опубликовать ее и она была издана в Берлине в 2000 году (*Bogomolow A. Ohne Protokoll. Berlin: Edition Ost AG, 2000*), за год до его кончины в феврале 2001 года.

В русское издание книги мы также включили и перевод предисловия к немецкому изданию, написанного нашим общим немецким другом Бруно Маловым, с которым долгие годы Александра Яковлевича связывали деловые и искренние дружеские отношения. В этом предисловии дается очень точный портрет Александра Яковлевича как человека во всем разнообразии его удивительных личных качеств.

Русское издание данной книги мы, его жена и сын, посвящаем светлой памяти Александра Яковлевича Богомолова, который был и остается для нас всегда таким, каким он предстает на страницах этой книги.

**Богомолова Нина Николаевна,
Богомолов Никита Александрович**

Москва, 2005 год

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

Перед читателем лежит поистине оригинальная книга. В ней речь идет не о привычных в наше время мемуарах или о чем-то вроде исторического исследования. Как искусный фотограф, автор вылавливает исторические события, радостные и горькие, делает мгновенные литературные фотографии всемирно известных и менее известных людей. Большинство эпизодов датированы. Лишь в отдельных случаях память отказывалась помочь в этом, что, однако, не наносит сколько-нибудь значимого вреда содержанию и живости повествования. В остроумной манере автор, как истинный свидетель событий того времени, показывает, что история делается не только выдающимися личностями, но и обычными людьми со всеми их сильными и слабыми сторонами. Оригинально не только повествование, но и сам его автор. Нестандартно уже то, что русский автор написал свой текст на немецком языке.

Александр Яковлевич Богомолов — русский, каким он и предстает в этой книге. Но чего только не пишут в книгах про русских! Для меня Саша, а я знал его много лет, — неординарный человек. Участник Великой Отечественной войны, сапер, обезвредивший бесчисленное количество смертоносных мин и снарядов, он был тяжело ранен и чудом выжил после шести операций. В последние годы у него была ампутирована нога, и он стал пенсионером в период особо тяжелых испытаний, выпавших на долю России. Получив во время войны тяжелое ранение правой руки, он был вынужден не только отказаться от обучения архитектуре, о чем мечтал в юности. Ранение помешало ему также продолжать играть на фортепиано. А у меня была возможность узнать его и как музыканта. Но Саша еще более многосторонний человек. Он мог бы стать и ювелиром, и искусным резчиком по дереву. Хорошо разбираясь в камнях, он умел делать из них дорогие украшения. И все эти долгие годы он делал это бескорыстно и бесплатно для друзей и знакомых. Это было его хобби, что могла бы подтвердить Марго Хонеккер, которой он как-то сам отремонтировал кольцо. Саша остался в памяти членов моей семьи как остроумный рассказчик, прекрасный экскурсовод и очень изобретательный человек.

Много лет Александр Яковлевич состоял на дипломатической службе в ФРГ и ГДР. По роду своей деятельности он занимался не только чрезвычайно сложным германским вопросом, но был связан с большим количеством очень разных немцев, многие из которых стали его друзьями. Александр Богомолов имел полное право, подтвержденное его личным участием в войне, высказать свое мнение по вопросам переменчивых российско-германских отношений и болезненных противоречий того времени. Из воспоминаний Богомолова видно, насколько точны его оценки как германиста, которые он давал всегда очень откровенно и смело. В этом отношении, я думаю, Богомолов проявлял смелость не только, как он пишет, два раза в своей жизни, когда он ушел в начале войны добровольцем на фронт вскоре после школьных выпускных экзаменов и когда попросился на пенсию в 1982 году, но и много раз в проработке между этими двумя событиями. Как человек, много лет проработавший в аппарате Министерства иностранных дел и ЦК КПСС, он всегда оставался патриотом и защищал интересы своей страны, был дисциплинированным солдатом своей партии до 1993 года. Но он никогда не был покорным чиновником или аппаратчиком русской или прусской чеканки. Он излучал, в отличие многих других функционеров, дух независимости и человеческого достоинства. И я так думаю не только потому, что он, выступая переводчиком во время встреч на высшем уровне, когда Брежнев по состоянию здоровья уже не мог больше курить, сам смолил одну сигарету за другой. На самом деле, как увидит читатель, он мог взять на себя риск сказать откровенно что-то отличное от мнения начальства.

Александр Богомолов излагает конкретные факты. Они были и остаются достоверными, поскольку взяты из богатой событиями жизни активного борца, даже когда некоторые детали происходивших событий, прежде всего касавшиеся личных взаимоотношений, не были ему, как и большинству его современников, известны в полной мере. Эпизоды, описанные ближе к концу воспоминаний, делают особенно понятным, что не только при Горбачеве, как это ошибочно принято считать, но и раньше, уже при Брежневе, во многом не было откровенности со стороны руководства СЕПГ в отношениях с СССР. В частности, если говорить конкретно, на встречах Брежнева с Хонеккером в Крыму с советской стороны высказывалась довольно открытая критика экономической политики ГДР, ее взаимоотношений с ФРГ, а также действий в китайском вопросе. Из записок Богомолова читатель узнает, что охлаждение в отношениях между СССР и ГДР началось не с началом перестройки. Корни этого лежат глубже, причем с советской стороны при обмене мнениями не все делалось с необходимым тактом и учетом интересов другой страны. Таким образом, обе стороны отказались от подлинно открытого обсуждения сложных внутривосточных процессов.

Решающим для поведения Саши было и остается то, что ему всегда была настолько противна любая попытка наущничества, что иногда ему

даже не хватало для выражения этого всего арсенала русского мата (о! как искусно он мог ругаться, ругаться так, что ни один переводчик не смог бы точно перевести сказанное). В полемике, в горячке спора он, как видно из некоторых его записей, мог быть очень острым на язык. И наша дружба с ним была и остается несвободной от споров об истории и современности, о немцах и русских. Тем не менее я должен уважать его точку зрения на историю КПСС и его родной страны. В одном разговоре, состоявшемся в 1994 году в его московской квартире, он воспроизвел за десятилетия до этого сказанные слова своего отца, вступившего в партию еще до революции: «Мы с Владимиром Ильичем Лениным совершали Великую Октябрьскую Социалистическую революцию не для того безобразия, которое сейчас творится вокруг нас». Об этом может судить сегодня не только автор, но и сам читатель на основании того, как отражена здесь и в других местах история, пережитая им на собственном опыте. Конечно, не все описанные автором эпизоды равноценны по своему содержанию и значимости. Не каждый из них позволяет сделать правильный вывод о времени, в котором он имел место, и дать объективные характеристики изображенных лиц. Это, как уже было сказано, всего лишь моментальные фотоснимки. Однако без них история была бы куда более бесцветной и безликой.

Остается пожелать читателю, чтобы он проникся интересом к этим зарисовкам, способным побудить его к сочувственным раздумьям.

*Бруно Малов,
ответственный работник ЦК СЕПП*

Берлин

ВСТУПЛЕНИЕ

Теория, мой друг, суха,
Но зеленеет жизни древо.
Гете. «Фауст»
(пер. Б. Пастернака)

Об умерших только правду.
Валентин Фалин

Когда я мысленно представляю себе свою жизнь, я с удивлением обнаруживаю, что почти 60 из 77 лет были тем или иным образом связаны с Германией, то есть с довоенной Германией, затем с обоими немецкими государствами и вновь с объединенной Германией. Моя работа в качестве переводчика и дипломата приводила меня и в Берлин, и в Бонн. Я был очевидцем исторических событий, участником и свидетелем важных международных конференций в Москве, Берлине, Женеве и Хельсинки. Я был свидетелем провозглашения суверенитета ГДР и установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии, подписания Варшавского договора и принятия Московского договора, который вместе с другими международными документами означал окончательное признание послевоенных границ Германии и конец пресловутой доктрины Хальштейна.

Много лет я имел честь переводить немецких и советских выдающихся деятелей. Имел честь относиться к большинству людей, занимавших высокие посты, потому что встречи с известными политиками оставили у меня хотя и разное, но, как правило, позитивное впечатление. Некоторых я смог узнать ближе и оценить их личные качества. Но я встречал и таких видных деятелей, правда рангом пониже, один вид которых вызывал у меня неприятное чувство и даже отвращение. Таких мне «приходилось» переводить по долгу службы.

Я переводил и работал с Вячеславом Молотовым, Анастасом Микояном, Никитой Хрущёвым, Василием Чуйковым, Дмитрием Устиновым, Георгием Жуковым, Андреем Гречко, Андреем Громыко, Климентом Ворошиловым, Лазарем Кагановичем, Богданом Кобуловым, Василием Кузнецовым, Отто Куусиненом, Георгием

Маленковым, Родионом Малиновским, Николаем Патоличевым, Арвидом Пельше, Михаилом Первухиным, Николаем Шверником, Юрием Андроповым, Леонидом Брежневым, Михаилом Суловым и другими. В ГДР я соприкасался по работе с Вальтером Ульбрихтом, Германом Аксеном, Францем Далемом, Георгом Дертингером, Отто Дибелиусом, Фридрихом Эбертом, Отто Гротеволем, Рудольфом Геррнштадтом, Гансом Гофманом, Эрихом Хонеккером, Гербертом и Вернером Кроликовскими, Эрихом Корренсом, Вернером Ламбертцем, Бруно Лейшнером, Эрихом Мильке, Винценцем Мюллером, Альфредом Нейманом, Отто Нушке, Фредом Эльснером, Вильгельмом Пиком, Генрихом Рау, Максом Рейманом, Карлом Ширдеваном, Фрицем Зельбманом, Вилли Штофом, Герхардом Циллером и другими. Я имел дело и с политиками Федеративной Германии, такими как Конрад Аденауэр, Отто Вольф фон Аммеронген, Эгон Бар, Райнер Барцель, Бертольд Бейтц, Генрих фон Brentано, Вилли Брандт, Томас Делер, Людвиг Эрхард, Ганс Дитер Геншер, Вальтер Хальштейн, Курт Георг Кизингер, Гельмут Коль, Эрих Менде, Мартин Нимеллер, Эрих Олленхауэр, Гельмут Шмидт, Карло Шмид, Герберт Венер. К моим непосредственным начальникам, с которыми я был много лет тесно связан совместной работой, относятся Георгий Пушкин, Владимир Семёнов, Иван Ильичев, Анатолий Блатов, Михаил Первухин, Семен Царапкин, Валентин Фалин и многие другие. Как правило, это были умные, чрезвычайно порядочные люди, высокой квалификации, от которых я, как переводчик и дипломат, смог многому научиться. В моей памяти осталось множество связанных с ними приятных воспоминаний.

Рассказывать о наиболее ярких и порой забавных эпизодах я буду без особого притязания на историографическую точность. В мои намерения вовсе не входило писать историю послевоенных советско-германских отношений. Этот сборник эпизодов должен лишь в занимательной манере осветить пространство за кулисами официальных контактов с 1950-х и до начала 1980-х годов. Правда, та или иная деталь в них может представлять интерес и для исторической науки, потому что политика делается не только в крупных делах и за столом переговоров. Традиционная историография, впрочем, в большинстве случаев выносит свои суждения только на основе официальных протокольных записей и коммюнике. В дополнение к более или менее известному я предлагаю

здесь свое видение некоторых больших и маленьких историй на краю ИСТОРИИ. Во многих случаях я в мои 77 лет являюсь еще живущим свидетелем соответствующих событий.

Я родился 4 декабря 1922 года в Москве. Моя мать и моя старшая сестра Марина рассказывали, что отец, когда мать была на девятом месяце беременности, постоянно выбегал в озабоченности на улицу Большая Ордынка, чтобы раздобыть адреса акушерок. Так он поступил и 4 декабря. Он не смог найти акушерку и через час вернулся усталый, изнервничавшийся, с растрепанными волосами в спальню, где лежала мать. К своему изумлению он увидел там своего закадычного друга и врача Лебедева с орущим во все горло младенцем на руках. Ребенок выглядел здоровым. Счастливая мать смотрела на своего мужа, с напряжением ожидая его реакции. Тот секунду постоял ошеломленный, а затем влепил «акушерке» сочную оплеуху. «Дурак, я же врач», — сказал Лебедев. «Я знаю, но ты не имел права этого делать». Казалось, многолетняя дружба разлетелась в прах. Предыстория: за десять лет до этого мой отец и его друг Лебедев сделали предложение моей матери. Она предпочла моего отца. В последующие дни отец поостыл, и дружба возобновилась. Позднее Лебедев стал известным врачом в Боткинской больнице в Москве.

Два первых года моей жизни были единственными, когда Германия не играла для меня какой бы то ни было роли. Я сосал материнское молоко и делал в штаны, как это делают все дети в этом мире. Это молоко было русским. Моя мама происходила из маленького городка на Волге, который называется Тутаев. В 1924 году мой отец стал директором представительства советско-германской нефтяной фирмы DERUNAFТ в Германии. Так мои родители, моя сестра Марина и я попали в Берлин. Родители сняли квартиру на Грольманнштрассе. Кроме нас в ней жила немецкая семья Мевис, в которой тоже были дети — все почти моего возраста. Весь день мои родители находились на работе, а ватага ребятишек была предоставлена заботам фрау Мевис. Она объяснила моей маме, что ей «совершенно безразлично кормить каждый раз три или пять штук».

Однажды, когда мои родители вернулись домой вечером, в квартире оказалось пусто. На кухонном столе лежала записка от тети Мевис. Смысл ее сводился к следующему: «Не волнуйтесь за своих детей, сегодня до обеда мы уехали на поезде на берег Бал-

тийского моря в Альбек. Нам там будет очень хорошо у наших родственников». Приблизительно через неделю из Альбека пришла вторая весточка от тети Мевис с фотографией. «Моя дорогая фрау Богомолова, — было написано на ней, — сегодня новая фотография. Вы, конечно, найдете нас на ней в хорошем состоянии. У нас все хорошо. Дети в добром здравии, веселы и послушны. Они все дни на пляже. Деньги получили. Спасибо. Здесь много отдыхающих, и на пляже очень весело. Всего хорошего. С наилучшими пожеланиями. Целую. Ваша Э. Мевис». Я сохранил эту фотографию. На ней изображены около двадцати мужчин и женщин в купальных костюмах на пляже. Среди них Марина и я. Тетя Мевис брала нас с собой на Балтийское море еще два раза, каждый раз приблизительно на три недели.

В остальное время мы жили в Берлине. По воскресеньям, когда моя мама спрашивала, куда нам хотелось бы пойти, я часто предлагал навестить Женщину-птицу. Так я окрестил Богиню победы на высокой колонне за Бранденбургскими воротами. Мы ходили в зоопарк и в аквариум. Так я рос среди своих сверстников в чисто немецкой обстановке. Это продолжалось целых три года. Неудивительно, что немецкий язык стал для меня вторым родным. Когда в 1927 году мы вернулись обратно в Советский Союз, я не мог произнести по-русски ни слова.

От Белорусского вокзала до Кривоколенного переулка, где мы тогда жили, ехали в переполненном трамвае. Я громко спросил мать по-немецки: «Мамочка, а почему здесь нет духовых оркестров?»¹ Мать слегка шлепнула меня рукой по губам и тихо прошипела: «Сашка, закрой рот и не задавай больше глупых вопросов».

В Москве меня отправили в русскую школу, где я быстро выучил русский язык и начал забывать немецкий. Но пребывание в Москве продолжалось недолго. В 1933 году моему отцу вновь было поручено возглавить представительство нефтяного консорциума, на этот раз в Италии. Путь в Рим лежал через Берлин, где мы остановились на три дня. Мне тогда едва исполнилось 11 лет. Несколько занимательных эпизодов глубоко врезались мне в память. На Александерплац, например, моя мама спросила у полицейского

¹ Как рассказывал еще при жизни сам Александр Богомолов, в те далекие времена, перед приходом к власти Гитлера по улицам крупных городов Германии, в том числе и Берлина, часто маршировали группы нацистов-штурмовиков в сопровождении небольших духовых оркестров. (Примеч. Г.С.)

дорогу в посольство СССР. Полицейский вытаращил глаза, пожал плечами и сухо сказал, что он не знает такой страны. Тогда я тоже выпучил глаза и пробормотал: «Обхотаться можно». И тотчас же я получил подзатыльник от мамы и умолк. На следующий день мы были в Тиргартене. За завтраком отец рассказал нам о пожаре в Рейхстаге, который произошел накануне вечером. Мы конечно же не могли не взглянуть на знакомое нам здание. И в самом деле: Рейхстаг еще дымился, из окон верхних этажей курился белый дымок. Стены были покрыты копотью. У меня по коже побежали мурашки, тогда я думал, что это от холодного порыва ветра. Может быть, воспоминание именно об этом событии побудило меня в 1971 году, когда я работал в Бонне, приобрести пятимарочную серебряную монету, на которой с гербовой стороны было вычеканено здание Рейхстага. Монета лежит сейчас передо мной и помогает освежить мои воспоминания.

После осмотра Рейхстага мы продолжили наше путешествие в Италию. В Риме не было русской школы, и мне заново пришлось учить немецкий язык в немецкой школе. Но учеба опять продлилась недолго. И не потому, что мой отец снова был переведен по службе. Нет, мои родители все еще оставались в Италии, но я был исключен из немецкой школы за непослушание. Это произошло так.

В 1933 году в Италии широко праздновалась десятая годовщина прихода к власти итальянского фашизма. В праздничный день наш классный руководитель немец Вальтер фон Декер потребовал от нас спеть гимн итальянских фашистов. Я отказался встать и спеть вместе со всеми. (Дипломатический протокол, который сегодня мне достаточно хорошо знаком, тогда был для меня абсолютно неизвестен). Вечером мои родители получили решение директора школы, по которому им предлагалось забрать их «отродье» (имелся в виду я) из школы. С этого, можно сказать, и начался счастливейший период моего детства. Я катался один на велосипеде по всему Риму и иногда даже ездил до Остии, которая находится на берегу Средиземного моря. Я часто ходил в кино, ел много мороженого, посещал лучшие музеи города, быстро выучил итальянский и завел знакомства с гвардейцами Ватикана.

В 1935 году мы вернулись в Москву и я снова пошел в русскую школу. В 1937 году многие немецкие школы в Москве были закрыты, а ученики распределены по другим школам. В нашей средней

школе № 189 учились только две немецкие девочки — Евгения и Таня. Я был в 7-м классе. Мы часто разговаривали друг с другом по-немецки, и постепенно Таня и я стали испытывать друг к другу симпатию. Симпатию, которую в этом возрасте называют первой любовью. Пожалуй, так оно и было. 18 июня 1941 года мы отпраздновали окончание школы. Через несколько дней я узнал, что все немцы были высланы из Москвы в Казахстан и другие районы Советского Союза. Это на ближайшее время положило конец моим упражнениям в немецком языке. В 1942 году Таня вернулась в Москву. Ее мама стала редактором одной немецкоязычной газеты, а сама она ушла добровольцем в Красную армию. Победу в Великой Отечественной войне она встретила лейтенантом в Вене.

5 июля 1941 года, вскоре после выпускного вечера, я надел форму рядового солдата. Военная часть, в которой я прослужил всю войну, состояла из добровольцев — в большинстве своем студентов и преподавателей Московского института физической культуры, выпускников этого института, среди которых много известных спортсменов, чемпионов Европы и даже мира. Еще там были инженеры и несколько таких же вчерашних школьников, как я. Для тех, кто хотел бы узнать больше об отдельной мотострелковой бригаде особого назначения НКГБ (ОМСБОН), я мог бы порекомендовать почитать многочисленные публикации об истории этого воинского подразделения и его участии в боях во время войны. Мое воинское подразделение внутри бригады называлось «отрядом подрывников». Мы заложили в конце осени 1941 года на западных окраинах советской столицы тысячи противотанковых мин, взрывали автодороги и мосты. Позднее мы обезвреживали немецкие мины и наши собственные взрывные устройства в больших советских городах, которые были освобождены. Я был в Минске, Смоленске, Харькове и других городах, а также в Крыму. Мы ликвидировали, в частности, в августе-сентябре 1944 года мины в летних резиденциях Сталина и Молотова, а также во дворце Ливадия. В то время мы не знали, что готовим комнаты непосредственно для участников Ялтинской конференции четырех великих держав, на которой в феврале 1945 года должны были решаться вопросы о судьбе Германии после окончания войны и о создании ООН.

Сапер ошибается только один раз, говорят непосвященные. Те, кто сам занимается этим делом, говорят по-другому: сапер оши-

бается дважды. В первый раз тогда, когда соглашается стать сапером. Один наш инженер, лейтенант, усовершенствовал английскую магнитную мину ММ1, которой оснащались наши партизаны на оккупированных гитлеровцами территориях. В 1943 году его в буквальном смысле разорвало на куски при разборке одной из таких английских мин. Мина лежала перед ним на столе. Вероятно, он сделал какое-то неосторожное движение. И это был второй раз, когда он ошибся... Нашего товарища звали Исидор Дисн.

И меня не обошла стороной беда. Война уже закончилась, но наше подразделение еще выполняло боевые задания. В начале июня 1945 года один из офицеров нашей подрывной группы нечаянным выстрелом тяжело ранил меня в живот. Та же пуля раздробила лучевую кость предплечья, в результате чего правая рука была тяжело повреждена. На следствии я тем не менее защищал беднягу, которого звали Петр Кудрявцев. Этот штабной офицер, говорил я, который никогда не нюхал пороха, просто не умел как следует обращаться с автоматом. Подействовало, офицер получил довольно мягкое наказание. У него только сняли одну звездочку с погон. Со мной дела обстояли сложнее. Ранение в живот оказалось опасным для жизни. Меня перевезли в Москву. Там мне сделали шесть операций, причем каждая длилась 4–5 часов. По окончании последней операции хирург, Никита Иванович Махов, сказал мне, что я выкарабкался и буду жить. Я пообещал ему, что если я когда-нибудь женюсь и моя жена родит сына, то ребенок будет назван в честь него Никитой. Так и случилось. Нашего сына, который родился в 1951 году, зовут Никита. Но хватит о войне. Есть много генералов и офицеров, которые могут рассказать о ней гораздо больше.

В декабре 1945 года я наконец вернулся из госпиталя домой. Мое довоенное зачисление в Московский архитектурный институт, в который я был принят без экзаменов благодаря представленным туда моим рисункам, теперь потеряло смысл. С поврежденной рукой нечего было больше и думать о работе за чертежной доской. Мне приходилось бы привязывать карандаш к пальцам. И тогда я пошел по пути наименьшего сопротивления, став студентом переводческого факультета Московского института иностранных языков.

Вначале я учился на подготовительном факультете, потому что за четыре года войны я изрядно подзабыл все, что узнал в школе.

Институт в то время насчитывал 3500 студентов. Мужская часть состояла приблизительно из двадцати парней-инвалидов, которые пострадали на войне, потеряв ногу или руку. У иных ребят пули или осколки мин были во всех возможных частях тела. Многие из нас встретили в институте своих будущих жен. Мне тоже повезло. Недавно мы с Ниной отпраздновали нашу золотую свадьбу.

В Институте иностранных языков у нас были великолепные преподаватели. Преимущественно это были немцы, такие как Александр Лепинг, Вера Борисовна Линднер и другие, которые эмигрировали из гитлеровской Германии еще перед войной. Я ценил их всех без исключения как в высшей степени интеллигентных людей. Их русский был не слишком хорош, зато они говорили на замечательном немецком литературном языке. Они строго запрещали нам использовать диалектные выражения. Многие преподаватели были лишь на несколько лет старше студентов, что способствовало установлению добрых, доверительных отношений между нами. На четвертом курсе, в начале 1951 года, я и мой сокурсник Александр Зуев, к огромному удивлению всех студентов, были направлены в ГДР на языковую практику. Уже в апреле 1951 года мы оба были в Берлине. От Восточного вокзала мы проехали на трамвае до Карлсхорста¹ и, как нам было велено в Москве, явились в секретариат Советской контрольной комиссии (СКК) в Германии. Там нам сказали, что мы должны устроиться в гостинице и ждать дальнейших распоряжений. Саша Зуев был удивлен и даже немного обижен приказным военным тоном. Я, как бывший солдат, выслушал это указание спокойно.

На следующий день с нами беседовал майор Лебедев, который был офицером секретариата председателя Советской контрольной комиссии в Германии и личным референтом и переводчиком главнокомандующего Группы советских войск в Германии и председателя СКК генерала армии, позднее маршала, Василия Ивановича Чуйкова. Лебедев безукоризненно владел немецким языком. Он расспросил нас о наших биографиях, а затем объявил, что на следующий день в 9 часов мы должны явиться в секретариат. С этого времени мы занялись там под его руководством всякого рода письменными и

¹ Карлсхорст — район Берлина, где была подписана капитуляция Германии в 1945 г. В 1950-е гг. там располагалась Советская контрольная комиссия и проживало большинство советских сотрудников, работавших в Берлине.

устными переводами. К нам подошла жена Вильгельма Цайссера, которая много лет жила в Советском Союзе и хорошо говорила по-русски. Она настойчиво пыталась своими вопросами определить уровень наших языковых знаний. Так продолжалось еще несколько недель, в течение которых мы переводили на русский язык частые выступления Ульбрихта, Пика, Гротевоя и других руководителей ГДР. Только в конце апреля майор Лебедев объяснил мне, что будет со мной дальше. Генерал армии Чуйков, сказал Лебедев, уже много лет таскает повсюду его с собой как переводчика и не разрешает ему вернуться на родину, чтобы получить высшее образование, хотя он сам на этом очень настаивал. Недавно Чуйков объявил, что он разрешит Лебедеву вернуться в Москву сразу, как только тот найдет кого-нибудь, кто сможет его полностью заменить.

Итак, вскоре я был представлен генералу армии Василию Ивановичу Чуйкову. У него в кабинете были руководитель секретариата Советской контрольной комиссии полковник Втюрин и Лебедев. Лебедев коротко доложил Чуйкову, как и кем я был здесь в течение нескольких недель проэкзаменован. Кроме этого он всячески расхваливал мой немецкий язык. Я подумал про себя, что делал он это, безусловно, только из-за опасения, что Чуйков отклонит мою кандидатуру. Полковник Втюрин заметил, что Богомолу придется пройти еще одну проверочную комиссию, на что я возразил, что в 1941 году, перед тем как уйти добровольцем на фронт, я уже подвергался проверке. Чуйков насторожился и спросил о фронтовом периоде моей жизни. Я перечислил ему города, в которых мне доводилось действовать как саперу. Чуйков повернулся к полковнику: «Ты слышал? Ты можешь сам проходить через эту проверочную комиссию. Выплатите ему жалование со времени его прибытия в Берлин. Лебедев, ты можешь начинать паковать свои чемоданы». Так я в свои 28 лет стал старшим переводчиком секретариата председателя Советской контрольной комиссии в Германии.

Это было место, о котором начинающий переводчик мог только мечтать. И когда я говорю «место», я имею в виду даже не саму должность как таковую, а те многочисленные возможности, которые она предоставляла начинающему переводчику при выполнении им своих служебных обязанностей. Почти ежедневно в штабе СКК проходили многочасовые переговоры и обсуждения множе-

ства самых различных проблем. Повседневная работа переводчика отнимала у меня все время с лета 1951 года до ликвидации Советской контрольной комиссии в 1953 году. Формально мне подчинялась группа советских переводчиков, около 15 сотрудников, которые переводили на русский язык немецкие документы, речи и выступления в печати. Во время важных событий мы переводили ежедневно более 300 страниц.

Советская дипломатическая миссия в Панкове, которой вначале руководил Георгий Максимович Пушкин, затем Иван Иванович Ильичев, а между ними верховный комиссар Владимир Семёнович Семёнов, была преобразована в Посольство СССР в ГДР, которое было вновь подчинено Пушкину. Я был назначен туда старшим референтом. В 1955 году я попросил Георгия Максимовича Пушкина послать меня на учебу в разведшколу КГБ, ввиду того что кроме переводов я пока ничего больше не умел делать. Георгий Максимович категорически отверг мою просьбу, сказав дословно следующее: «Ты сделаешь это только через мой труп. Осенью я отправлю тебя в Высшую дипломатическую школу при Министерстве иностранных дел СССР».

В конце лета 1955 года я взял отпуск, прибыл в Москву и отправился с друзьями отдыхать на озеро Селигер. Мы жили в крошечной деревне из четырех крестьянских дворов. Через две недели я получил телеграмму с указанием немедленно возвращаться обратно в Москву. Я предполагал, что это имеет отношение к моей предстоящей учебе, ведь 1 сентября повсеместно начинались занятия. В Третьем европейском отделе Министерства иностранных дел в Москве я, однако, узнал, что ожидается приезд западногерманской делегации во главе с федеральным канцлером Аденауэром. Я должен был подготовиться к переговорам в Москве.

После Аденауэра в Москву с официальным визитом прибыл лидер ГДР Вальтер Ульбрихт; это должно было способствовать восстановлению паритета двух германских государств. Мне снова пришлось переводить.

Занятия в Дипломатической школе к тому времени уже давно начались. Когда в конце осени я встретил Георгия Максимовича Пушкина, я спросил его с беспокойством: «Как же я теперь начну учебу, когда первый семестр уже почти закончился?» Пушкин улыбнулся и сказал, что он на днях разговаривал с Молотовым и узнал, что излагаемый до конца ноября общий учебный материал

не будет вынесен на государственный экзамен. «После обучения ты опять вернешься ко мне в Берлин. Ни пуха ни пера!» — добавил он по старому русскому обычаю. Я послал его к черту, чтобы доброе пожелание сбылось.

В 1957 году я с отличием окончил Высшую дипломатическую школу. Мне и еще четверем выпускникам сразу же был присвоен дипломатический ранг первого секретаря первого класса. В том же году я вернулся в советское посольство в Берлине. В 1958 году его руководитель Георгий Максимович Пушкин был отозван из ГДР. Подробнее я остановлюсь на этом эпизоде далее. Вместо него приехал Михаил Георгиевич Первухин. Оба посла остались в моей памяти наряду с Василием Ивановичем Чуйковым и Иваном Ивановичем Ильичевым, как и Владимир Семёнов и Андрей Смирнов, как самые замечательные фигуры советской внешней политики пятидесятых годов, особенно в том, что касается образования и становления ГДР. К сожалению, все упомянутые выше уже ушли из жизни. Их отличала от коллег достойная подражания порядочность и высокая нравственность, не говоря уже об их профессионализме. В 1962 году в Берлин приехал Петр Абраимов. Он принадлежал к уже упомянутым мной негативным исключениям. Властолюбивый и коварный к своим подчиненным, но подхалим по отношению ко всем остальным, кто в то время стоял выше него на иерархической лестнице.

После одного из скандалов с Абраимовым я вернулся в Москву. Я прибыл в Третий европейский отдел Министерства иностранных дел, в компетенцию которого входили отношения с обеими Германиями, Западным Берлином и Австрией. Он был лучшей профессиональной школой для такого германиста, как я. У нас были замечательные опытные руководители, такие как Анатолий Блатов и Андрей Александров. Я был направлен на работу в сектор ФРГ.

В 1966 году я прибыл в Бонн в качестве пресс-атташе и первого секретаря советского посольства. В 1968 году последовало назначение советником посольства по информации. В 1971 году в нашем боннском представительстве произошла смена посла. Семен Царапкин вернулся в Москву, и в Бонн приехал Валентин Фалин. Новый посол попросил меня остаться в Бонне еще на один год для того, чтобы помочь ему наладить контакты со средствами массовой информации в Западной Германии. С 1966 по 1972 год я

изучил эту страну, знал немецкие нравы и обычаи, завязал множество знакомств и приобрел на Востоке и Западе много хороших друзей.

Затем осенью 1972 года меня перевели в Москву в аппарат ЦК КПСС, в Отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Там я проработал до 1983 года и ушел на пенсию по собственному желанию. В те последние годы работы я все еще время от времени привлекался к переговорам на высшем уровне как переводчик. Это были встречи Брежнева с Эрихом Хонеккером или Вилли Штофом, встречи с федеральным канцлером Гельмутом Шмидтом и министром иностранных дел ФРГ Гансом Дитрихом Геншером. Деятельность в аппарате партии была превосходным местом для наблюдения, откуда было хорошо видно, что происходит в ГДР и как развиваются ее отношения с Федеративной Германией.

Читатель может спросить, зачем нужны все эти подробности биографии автора? Ну, во-первых, для того, чтобы иметь представление о человеке, который все это написал. С другой стороны, я хотел бы проиллюстрировать, особенно господину Гюнтеру Гаусу, тогдашнему главному редактору немецкого журнала «Шпигель», что для «службы в КГБ» (смотри эпизод «Одностороннее знакомство») в моей жизни не было времени. Конечно, у меня были в этом ведомстве друзья, возможно даже самые лучшие — мы же находились под одной крышей. Они были высокоэрудированными, порядочными, надежными, мужественными людьми, обладавшими чувством юмора. Я горжусь дружбой с ними. Большинство из них уже, к сожалению, ушло из жизни.

Я провел в Германии более двадцати лет, не считая четырех лет войны. Это было насыщенное событиями и интересное для меня время. Накопилось много опыта и впечатлений, которые по своему разнообразию, скорее всего, сравнимы с разноцветными камнями. В 1996 году я решил изложить кое-что из этого на бумаге. Я думал, что мне удастся сложить из этого красивую мозаику. Несколько месяцев я обдумывал, как это лучше сделать, но оказалось, что цвета не складываются. Одним словом, гармоничного изображения не получалось. Поэтому я решил представить читателю разрозненные камешки. Это портреты государственных деятелей, дипломатов и военачальников; ретроспектива событий, оказавших решающее влияние на послевоенное развитие Европы,

на сложные отношения Советского Союза с обоими немецкими государствами, на отношения России с Федеративной Республикой Германией; примеры из истории человеческих отношений времени существования двух Германий, представленные точкой зрения вовлеченного в политику очевидца.

Было бы преждевременно уже сегодня делать из всего этого принципиальные выводы. Вторая мировая война, «холодная» война, «тепловатая» война, короткая оттепель с ее весенними и осенними заморозками, наконец, горбачевская перестройка и последовавшая непосредственно за ней вторая мощная русская революция — у меня не было ни единого свободного часа времени основательно обдумать все это. А если бы я подвел итог всему пережитому, то что осталось бы тогда для профессиональной историографии?

Москва

ПРИБЫТИЕ В БЕРЛИН. 1951 год

Ехали мы в Берлин вдвоем. Александр Зуев — мой коллега по учебе в Московском педагогическом институте иностранных языков, изучал, как и я, немецкий язык на десятом семестре. В середине марта ректор сообщил нам, что нас двоих еще до государственных экзаменов направляют на год на языковую практику в ГДР. Это решение вызвало в институте всеобщее возбуждение, поскольку такое было необычным.

4 апреля 1951 года мы сошли с московского поезда в Берлине, прибыв на Восточный вокзал. Сразу же подтвердилась правильность пословицы: «Лиха беда начало».

Мы оба, Александр Зуев и я, быстро поняли, что здесь нас никто не ожидает и не собирается встречать. Денег у нас не было. Поэтому я предложил Александру подождать меня на вокзале, пока я получу в Немецком эмиссионном банке наши подъемные деньги и вернусь назад. Александр кивнул мне и сел на чемодан. Я вышел из вокзала, чтобы на улице спросить у кого-нибудь, как пройти к банку. Вокруг себя я увидел толпы людей, и все они были немцы. Я некоторое время колебался, потому что не был уверен, что меня вообще кто-нибудь поймет. После короткого размышления я подошел к пожилому человеку в темной поношенной спецовке и спросил его вежливо по-немецки: «Товарищ, простите, пожалуйста, как мне пешком пройти к Немецкому эмиссионному банку?» На слово «товарищ» он на мгновение вздрогнул, откинул голову назад и громко спросил: «Русский?» — «Да, русский. Я был уже здесь много лет назад ма-а-аленьким мальчиком». При этом я показал рукой, каким маленьким я тогда был. «Что за ерунда, — думал я в тот момент, — я же провоцирую его на берлинский диалект своим исковерканным языком». И в самом деле, мой «товарищ» начал тараторить на берлинском диалекте, размахивая

руками: «О, это далеко отсюда. Вы идете немного дальше, потом налево, потом дальше вперед, потом доходите до угла и там останавливаетесь, и напротив вы увидите светлое здание, где как раз лежат ваши деньги».

Я не знал, что мне следует делать с такой «адресной справкой», и опять попросил: «Не могли бы вы объяснить мне это еще раз на литературном немецком языке, потому что я с трудом понимаю берлинский диалект?» «Диалект? — посмотрел он на меня озадаченно. — Не, о диалекте я не имею ни малейшего понятия. Я не знаю, где он находится».

Тогда я вспомнил строгое предупреждение наших преподавателей в Москве: «Вы должны выучить здесь литературный немецкий язык. За диалекты, жаргонные выражения, блатные словечки и тому подобный сленг — двойка. Понятно?» Конечно, тогда все было теоретически понятно. А сейчас, в Берлине, я получил вот такой «сюрприз»...

МОЙ ДЕБЮТ. 1951 год

Мой предшественник, майор Лебедев, как уже упоминалось, был старшим переводчиком Советской контрольной комиссии в Германии. Он переводил все переговоры генерала армии Василия Ивановича Чуйкова с руководителями ГДР. Лебедев планировал после завершения службы в армии учиться в Москве, чтобы получить диплом о высшем образовании, однако Чуйков долго отказывал ему. Лебедева обязали найти кого-нибудь, кто мог его заменить. Его выбор пал на меня, и в течение нескольких недель я подвергался в Берлине тщательной проверке. Я делал устные и письменные переводы, громко читал вслух немецкие газеты, пересказывал тексты, был представлен нескольким немецким преподавателям и профессорами, в том числе часто привлекавшейся к переводам специалисту по русскому языку Эльзе Цайссер. Наконец после трех недель испытаний я был признан пригодным для данной работы.

В свое время в Берлине два раза в год подписывался протокол о ремонтных поставках ГДР Советскому Союзу. Подписание протокола всегда проходило в торжественной обстановке и обильно обмывалось. Церемония обычно проходила в офицерской столовой.

В начале моей переводческой работы как раз предстояло очередное такое подписание, в чем я должен был принять участие.

Лебедев наставлял меня, как я должен вести себя с Чуйковым: «Он говорит громко, и ты тоже; он снижает голос, и ты делай то же самое; говори ему только в правое ухо, потому что на левое он глуховат со Сталинграда. Важно, чтобы ты всегда был рядом с ним, лучше с правой стороны».

Между тем было без десяти восемь. Чуйкова еще не было, когда Лебедев и я вошли в зал столовой. В глубине помещения, которое было довольно слабо освещено, я увидел много стоявших дородных пожилых мужчин. «Сейчас, — думал я, нервничая, — я вижу собравшихся вместе руководителей ГДР, для которых я буду переводить». Итак, начинается первый день моей трудовой жизни.

Кто-то крикнул: «Чуйков подъезжает!» Я почувствовал очень сильное волнение и увидел, как генерал армии быстрыми шагами поднимается по ступеням лестницы. Едва он прошел мимо нас, я почувствовал сильный толчок и Лебедев шепотом пожелал мне «на дорожку»: «С Богом!»

Чуйков сделал еще несколько энергичных шагов вперед и громко сказал: «Здравствуйте, товарищи!» С чрезмерным усердием я громко крикнул в зал по-немецки: «Guten Tag, Genossen!» Чуйков остановился, удивленно повернулся ко мне и сказал добродушно: «Да ты, братец, немного зарапортовался. Немцев пока здесь еще нет». Я стоял как парализованный и воспринимал только громовой хохот в глубине столовой. До сегодняшнего дня я не знаю, стояли у меня тогда в глазах слезы или то был холодный пот от страха.

Вскоре прибыли гости: Вальтер Ульбрихт, Вильгельм Пик, Отто Гротеволь, Генрих Рау, Фред Эльснер, Герхард Циллер, Бруно Лейшнер и другие. Лебедев стоял рядом со мной и показывал, кто есть кто.

ПЕРЕГОВОРЫ В КАРЛСХОРСТЕ. 1951–1953 годы

Официальные встречи между руководителями Советской контрольной комиссии (СКК) в Германии и руководством ГДР проводились регулярно два-три раза в неделю. Это расписание соответствовало своего рода неписаному соглашению между обеими сторонами, которое было достигнуто в связи с тем, что генерал армии Чуйков для работы в качестве председателя СКК в Германии мог

приезжать в Берлин только через день. В другие дни недели он выступал в роли главнокомандующего Группы советских войск в Германии со штабом в Вюнсдорфе. Встречи проходили в просторном кабинете Василия Ивановича Чуйкова в Карлсхорсте. Германская сторона была, как правило, представлена троицей — Вильгельмом Пиком, Отто Гротеволем и Вальтером Ульбрихтом. Именно в таком порядке они и сидели за столом. На противоположной стороне длинного стола занимали места руководители СКК: Чуйков, его советник по политическим вопросам Семёнов, который присутствовал почти всегда, заместители Чуйкова Быков и Семичастнов, а также руководитель финансового отдела Ситнин. Реже присутствовал генерал-полковник госбезопасности Богдан Кобулов — руководитель Управления советским имуществом за границей. В зависимости от повестки дня менялся и состав приглашенных высокопоставленных сотрудников СКК. Я, как переводчик, сидел в торце стола справа от Чуйкова.

На этих встречах каждый раз обсуждалось громадное количество проблем. Они касались важнейших сфер жизни ГДР: экономики, внешней и внутренней торговли, финансовой системы, науки, культуры, средств массовой информации, ремонтных поставок, дислокации воинских частей и т.д. Нередко повестка дня состояла из двадцати и более пунктов. Во время бесед в Карлсхорсте первую скрипку на немецкой стороне играл обычно Вальтер Ульбрихт. При обсуждении экономических вопросов часто брал слово Отто Гротеволь. Вильгельм Пик иногда сидел так безучастно, что казалось, будто он спит (ему в то время было уже за 75 лет). Но это было ошибочное впечатление. Когда во время беседы голоса становились громче, возникали какие-то сомнения или начинался спор, Пик тут же открывал глаза, выпрямлялся и говорил: «Но, Вальтер, нам же следует поступить так, как нам предлагают советские товарищи». И эта сцена стала уже обычной.

Вальтер Ульбрихт всегда открыто высказывал собственное мнение. Он горячо отстаивал занятую позицию до тех пор, пока не приходили к какому-то общему решению. После же принятия решения можно было быть уверенным, что оно будет во всех мелочах соблюдено и проведено Ульбрихтом в жизнь.

Я помню, как на одной из такого рода встреч министр внутренних дел Вилли Штоф продемонстрировал Чуйкову образцы военной формы солдат и офицеров будущей Национальной народ-

ной армии ГДР. В большом соседнем зале были поставлены многочисленные манекены, одетые в военную форму разных воинских званий и родов войск. Чуйков критически осматривал модели, которые напоминали советскую форму, и коротко пояснил, что их военная форма не должна быть похожей на советскую и не должна также напоминать форму гитлеровского вермахта. «Вы являетесь немецкой, но никак не русской армией».

И еще один пример того, как работала Советская контрольная комиссия в Германии. Во время одной встречи в Карлсхорсте осенью 1952 года Отто Гротеволь объявил: «Товарищ Чуйков, мы хотим открыть в северной части Берлина новую среднюю школу». Чуйков посмотрел на своего советника по политическим вопросам Семёнова, который сидел слева от него, и кивнул головой. Семёнов ответил: «Хорошо, передайте нам, пожалуйста, список учителей, которые должны там преподавать». Гротеволь ответил: «Сейчас у нас его с собой нет, но на следующей встрече мы вам его представим». Через неделю список был передан Семёнову. В нем было около сорока фамилий. «Хорошо, мы проверим этот список и дадим вам на следующей встрече ответ», — объявил Семёнов. Прошло около недели, и на следующей встрече в СКК немецким друзьям сообщили: «Мы проверили список. И из сорока фамилий в вашем списке около половины вычеркнули, потому что эти люди состояли в нацистской партии». Гротеваль сказал: «Хорошо, мы заменим этих людей на других и предоставим вам новый список». Чуйков усмехнулся: «Американцы говорят в таких случаях “о’кей!”». Гротеволь ответил также усмехнувшись: «Мы это тоже понимаем, но мы говорим: понятно, согласны». Осенью новая школа была торжественно открыта.

В начале 1952 года состоялся острый диалог между Ульбрихтом и Чуйковым по поводу репарационных поставок из ГДР. В тот раз Ульбрихт приехал в Карлсхорст к Чуйкову один. Он затронул проблему репарационных поставок оборудования в СССР во второй половине 1952 года. Ульбрихт сказал, что ГДР выполнит план репарационных поставок, но для этого нужны два пресса по 15 тысяч тонн, три пресса по десять тысяч тонн, столько-то тонн профильной стали. Едва я перевел слова Ульбрихта на русский язык, Чуйков сказал: «Если я правильно понял переводчика, вы отказываете Советскому Союзу в репарационных поставках?» Эти слова привели Ульбрихта в бешенство. Он стукнул кулаком по

Антонина Константиновна
Богомолова с годовалым
Сашей. Москва 1923 год

А.К. Богомолова с детьми – Мариной и Сашей – перед отъездом
в Германию. Москва 1924 год

Брат и сестра
Богомолы.
Берлин 1924 год

Молодожены Саша и Нина Богомолы. Москва 1948 год

Отец Александра Богомолова Яков Федорович. Он приехал в Берлин по турпутевке после перерыва в несколько десятилетий, чтобы встретиться с городом своей молодости и с сыном. Берлин, Карлсхорст 1960-е годы

Александр Богомолов.
Первые рабочие дни в ГДР.
Берлин 1951 год

Главком Группы советских войск в Германии Василий Иванович Чуйков на встрече с президентом ГДР Вильгельмом Пиком. Крайний слева — А. Богомолов. Берлин 1951 год

В.С. Семенов. Известный советский дипломат. Чрезвычайный и Полномочный посол. Один из ведущих советских германистов, под началом которого много лет работал А. Богомолов. Берлин 1950-е годы

столу и сказал, что в следующий раз он сам будет говорить по-русски или привезет с собой своего переводчика. И что про отказ он не сказал ни единого слова. Через двадцать минут Чуйков и Ульбрихт сошлись на том, что ремонтные поставки из ГДР будут продолжены и без всяких встречных поставок из Советского Союза. Обычно Чуйков прощался со своими гостями в кабинете, расположенном на втором этаже. Так было и в этот раз. Я провожал Ульбрихта вниз по лестнице до его машины. Как правило, мы разговаривали по пути, но в этот раз он сердито молчал. И когда машина Ульбрихта тронулась, он словно не заметил моего прощального жеста рукой. Когда я, расстроенный, вернулся в кабинет Чуйкова и сказал: «Василий Иванович, Ульбрихт же совсем ничего не говорил об отказе от ремонтных поставок», — Чуйков поднялся со своего места, подошел ко мне, взял обеими руками мою голову и крепко поцеловал меня в губы: «Спасибо тебе. Я уж боялся, что ты будешь оправдываться в его присутствии. Я заметил, что он отклонился от темы, и мне нужно было найти виноватого».

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЧУЙКОВ. 1951 год

Это случилось в марте 1951 года. Капитан Валерий Тихонов, порученец Чуйкова, разыскал меня и объявил: «Товарищ ефрейтор (шутя, он часто так ко мне обращался), в данный момент с тобой хочет срочно поговорить генерал армии Чуйков». Я узнал, что Чуйков едет в 14 часов во Франкфурт-на-Одере с целью посетить одну из советских воинских частей. И я должен его сопровождать на тот случай, если там окажется кто-нибудь из окружающих руководителей СЕПГ.

Ровно в 14 часов светло-серый ЗИМ Чуйкова тронулся в путь. Василий Иванович всегда садился на переднее сидение справа от водителя. Во время поездки он никогда не разговаривал с ним. Он устанавливал скорость машины молча ладонью левой руки, согнув пальцы, почти так, как это делает папа римский, благословляя свою паству. Когда он хотел, чтобы шофер прибавил скорость, он быстро вытягивал левую руку по направлению движения, и машина немедленно реагировала на это. Водитель прекрасно владел этим языком глухонемых и ни разу не истолковал неверно жесты

генерала. Я могу судить об этом, потому что как-никак за два с половиной года проделал с Чуйковым в этой машине путь в несколько тысяч километров.

Недалеко от городка Зеелов наша машина догнала черный «бьюик» с западноберлинскими номерами. Мы попробовали обогнать эту машину, но ее водитель не захотел уступать нам дорогу. Звуковые и световые сигналы нам также не помогли. Тогда Чуйков сделал резкое движение левой рукой, которое означало, что нужно тотчас же обогнать западноберлинскую машину. Чуйков приоткрыл окно со своей стороны, достал из кобуры пистолет ТТ, высунулся правым плечом из окна и, когда увидел перед собой лицо водителя, несколько раз сильно ударил рукояткой пистолета по дверце этой машины. «Бьюик» моментально остановился. Перепуганный водитель, бедный малый, не мог знать, что его обогнал советский генерал Чуйков, чьи солдаты и офицеры в мае 1945 года взяли Берлин.

Наш автомобиль остановился неподалеку от Зеелова. Чуйков вышел из машины и направился на поле. Там он стал рвать полевые цветы и наконец остановился перед большим валуном. Генерал поцеловал камень, встав на колени, и положил рядом с ним свой букет. Его глаза были влажными. «В апреле 1945 года я предлагал обойти эти Зееловские высоты с юга, но меня предостерегли от этого мои друзья, заявив, что мне нужно отказаться от своего плана и вместо этого выполнять имеющийся приказ. Ну и что? Я выполнил приказ. Но более тридцати тысяч моих солдат и офицеров полегли здесь».

Он встал и взволнованный пошел к машине. Едва захлопнув дверцу машины, он приказал шоферу: «Назад в Вюнсдорф».

Поездка в воинскую часть не состоялась.

ЖИЗНЕННО ВАЖНАЯ ПОМОЩЬ. 1951 год

В середине октября из Москвы позвонила моя теща. Она сообщила, что у моей жены Нины после рождения нашего первенца начались тяжелые осложнения и я должен как можно быстрее ехать в Москву. Я пообещал ей это. Но в кассах Аэрофлота на три следующих дня не было билетов. Я чувствовал горькое разочарование, мое положение казалось безвыходным.

На следующий день я поведал Василию Ивановичу Чуйкову о своих заботах. Чуйков сразу же сказал: «Тогда бери мой самолет и завтра же лети в Москву». Вечером он передал мне через своего помощника, что со мной еще полетит один генерал службы тыла. Мы познакомились с ним только во время полета. Я рассказал генералу, почему я возвращаюсь в Москву. Через четыре часа мы приземлились на маленьком военном аэродроме Астафьево недалеко от Москвы. На летном поле лежал глубокий снег. Лестницы со ступеньками не было. Мы просто спрыгнули вниз. Затем мы «поплыли» свободным стилем по снегу, пока почти через пятьдесят метров не добрались до деревянного барака. Я тащил с собой маленький чемоданчик. У генерала не было никакого багажа, и он добрался до барака раньше меня. Когда я наконец-то подумал, что догнал его, я услышал шум отъезжающего автомобиля. Товарищ генерал уехал!

Я добрался до клиники только поздно вечером. Моя жена, на первый взгляд, выглядела хорошо и радостно мне улыбалась. Медицинская сестра протянула мне рыжеволосого ребенка. После его рождения мы оба договорились, что назовем мальчика Никитой в честь хирурга Никиты Ивановича Махова, который в 1945 году спас мне жизнь, сделав шесть тяжелейших операций. Потом Нина рассказала мне, что случилось: сперва у нее парализовало левую сторону. Через десять дней паралич прошел, но перестал видеть правый глаз. Врачи сказали, что тромб закупорил сосуд, снабжающий кровью зрительный нерв. Я попытался успокоить жену. Она должна была знать, что я никогда не оставлю ее в беде и останусь, что бы ни случилось, преданным как собака-поводырь. Через месяц она вернулась с ребенком домой.

Я улетел обратно в Берлин. Поблагодарив Чуйкова за самолет, я также коротко рассказал о моем попугайчике. После этого он осведомился, что я думаю о генерале. Я улыбнулся и спросил, имеет ли право простой солдат говорить правду генералу армии о другом генерале.

«Ну конечно! И только правду!» — ответил Чуйков.

«Он подлец», — заявил я и рассказал, как он бросил меня в снегу на произвол судьбы. В ту же зиму Чуйков убрал генерала с должности. Пожалуй, на это у него были свои причины.

ВЛАДИМИР СЕМЁНОВ ИГРАЕТ ЛЮДВИГА ВАН БЕТХОВЕНА. 1951 год

Все молодые советские дипломаты, которые в послевоенные годы занимались немецкой проблематикой, будь то в Москве, Берлине или Бонне, знали В.С., как он обычно подписывал свои документы. Лично я знал Владимира Семёнова более сорока лет. В начале пятидесятых годов мы с ним почти ежедневно встречались по работе. Я узнал его очень хорошо во время его многочисленных переговоров с известными деятелями Германии, во время ночных совещаний в кругу членов Советской контрольной комиссии, а также когда мы с ним вместе работали над различными документами.

Так как в свое время Сталин, как нам рассказывали, работал до поздней ночи, во всех наших учреждениях и зарубежных представительствах работники покидали свои рабочие места уже далеко за полночь. Характерными для такого длинного рабочего дня были полуофициальные непринужденные беседы между сотрудниками. Наши наблюдения за поведением начальников давали разнообразные результаты. Типичной для Семёнова была его странная манера разыгрывать перед нами, его молодыми коллегами, роль большого начальника. Высокомерие было у него в крови. Один из нас дословно записывал его выверты. Их было несколько десятков. Германисты, работавшие за границей, потом долгие годы пересказывали их в виде анекдотов. Это происходит до сих пор, хотя и Семёнова и многих его тогдашних более молодых коллег уже давно нет в живых.

Хорошие анекдоты достойны того, чтобы быть известными широкой публике. Поэтому мне хотелось бы рассказать здесь один из них.

Карлсхорст. Огромный зал, в котором в мае 1945 года была подписана безоговорочная капитуляция Германии. За овальным столом сидят порядка пяти-шести сотрудников аппарата Семёнова и секретариата Советской контрольной комиссии в Германии. В углу зала стоит черный концертный рояль фирмы «Бехштайн». Мы должны были собраться в час ночи. Сейчас около половины второго. В.С. заставляет себя ждать. Так он делает почти каждый раз. Так он кажется себе более значительным и важным. Дверь рабочего кабинета Семёнова, в котором ранее работал маршал

Жуков, открывается. В.С. направляется к инструменту, садится за него, открывает крышку и начинает играть первую часть, «Адажио костенато», сонаты №14 Людвиг ван Бетховена, гениальной «Лунной сонаты». Внезапно он поднимается, закрывает крышку и возвращается к нашему столу. На ходу он делает жест глубочайшего сожаления, который должен означать, что инструмент расстроен, иначе бы он играл дальше... Неожиданно наш коллега Владимир Иванов устремляется к роялю и виртуозно играет оставшуюся часть гениального творения — «Аллегретто» и «Престо агитато». А как он играет! Звучит великолепно. Мы слушаем и украдкой смотрим на лицо Семёнова. Он сидит молча и слушает явно озадаченно. Когда звучит последний аккорд, в зале все стихает. В.С. встает и сухо объявляет: «Ну хватит, мы сегодня проводим не музыкальный вечер. Нам предстоит сегодня ночь труда». Так этот хитрец ловко ушел от обсуждения своего музыкального таланта.

Многие граждане ГДР, ФРГ, Австрии и Западного Берлина, которые посещали в 1950–1970-е годы советские представительства в этих странах и имели дело с нашими дипломатами, смогли насладиться виртуозной игрой Владимира Иванова, когда он работал сначала в Берлине, затем в советском посольстве в Бонне, затем генеральным консулом в Зальцбурге и генеральным консулом в Западном Берлине. Я в то время очень завидовал Иванову. До войны я самостоятельно научился играть сонату №14 Людвиг ван Бетховена. Но ранение в руку во время войны положило навсегда конец моим музыкальным упражнениям.

На Рождество 1997 года я был в гостях у Владимира Иванова. Я напомнил ему об этом случае с Семёновым, и он звонко рассмеялся. В знак благодарности он сыграл мне Бетховена. Играл целый час.

СЕМЁНОВ О РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ОБРАЗОВАНИЯ. 1951 год

В 1951 году в Карлсхорст пришла поздравительная телеграмма от Молотова на имя Отто Гротевоя ко дню рождения последнего. В.С. попросил меня перевести на немецкий язык эту телеграмму, занимавшую на машинке чуть менее страницы. Через четверть часа перевод был готов. Я вошел в кабинет Семёнова и

протянул ему листок. Едва прочитав первое предложение, он взял толстый цветной карандаш и резким движением зачеркнул слово «образование», использованное мною в смысле создания ГДР. Он так сильно нажимал на карандаш, что тот сломался. В.С., посмотрев на меня, произнес холодно и безапелляционно: «Богомолов, зарубите себе на носу: существуют три вида образования: высшее, среднее и начальное образование. Вам не хватает, вероятно, даже последнего». Я попробовал оправдаться: «Насколько я помню, и в приветствии Сталина руководству ГДР в октябре 1949 года используется словосочетание “образование ГДР”». На что Семёнов ответил: «У нас сегодня не вечер воспоминаний, а обычный рабочий день».

Я покинул кабинет Семёнова и попросил Риту Янченко, чрезвычайно симпатичную и умную секретаршу Семёнова, отпечатать лист с исправлениями Семёнова и затем показать мне окончательную редакцию. Через несколько минут она закончила, передала мне перевод и указала пальцем на первое предложение. Все-таки там стояла выбранная мною формулировка: «образование». Между строк чернового варианта Семёнов своей рукой вписал два альтернативных слова: «учреждение», «основание».

Их он нашел, вероятно, в словаре.

РАЗНЫЕ ЗЕМЛИ, РАЗНЫЕ ПРАВЫ. 1951 год

Если дипломат не считается с обычаями страны пребывания из-за того, что их не знает, иногда могут случаться довольно неприятные вещи. Особенно когда он едет куда-то инкогнито.

Следующая история произошла с моим коллегой Михаилом Борониным в Берлине в 1951 году. Он работал в то время в информационном отделе СКК в Германии. Незадолго до этого прибыв из Москвы, он получил задание попристутствовать на партийном съезде Христианско-демократического союза в Демократическом секторе Берлина (так тогда называлась столица ГДР) и после закрытия съезда составить о нем отчет. Участники партийного съезда ни в коем случае не должны были догадываться о присутствии представителя СКК. Таково было строгое распоряжение.

Боронин занял место где-то в центре зала. Он внимательно следил за происходящим и делал краткие пометки в блокноте,

конечно по-немецки, чтобы его соседи не заподозрили, что он русский. Все шло как по маслу. Во время обеденного перерыва он удовлетворенно поднялся и вместе с другими делегатами и гостями отправился в столовую. Там он встал в очередь и начал изучать меню с разнообразными блюдами. Боронин решил: «Возьму-ка сардельку с салатом под майонезом, два куска хлеба и кружку пива». Длинный заказ для иностранца. Тогда ему в голову пришла еще идея — заказать водки. Когда подошла его очередь, он выпалил: «Мне, пожалуйста, сардельку с салатом под майонезом, два куска хлеба, кружку пива и стакан... нет, 100 грамм... Нет, 50 грамм водки» — и, облегченно вздохнув, стал ждать.

С другой стороны прилавка воцарилась тишина. Продавщица исчезла, и из открытой двери на кухне появились несколько новых лиц, рассматривавших нашего Боронина. После короткой суматохи, во время которой Боронин ничего особенного не заметил, он получил чайную чашку с 50 граммами водки. После еды секретный гость вернулся в зал и занял свое место. Послеобеденное заседание началось. И для Боронина оно началось неожиданным сюрпризом! Деятель ХДС, который вел заседание, встал и громко объявил в микрофон: «Дамы и господа! Мы имеем честь приветствовать на нашем заседании представителя Советской контрольной комиссии!» Весь зал встал и разразился аплодисментами. После того как аплодисменты стихли, председатель собрания продолжил: «Мы просим господина Боронина занять место в президиуме съезда». Плохие предчувствия охватили Боронина. На окаменелых ногах он взшел на сцену и занял место в президиуме.

На обратном пути Бородин размышлял, какое наказание ему может грозить. Но все последующие дни информационный отдел, а потом и вся Советская контрольная комиссия умирали со смеху. Пошедшая по кругу шутка спасла беднягу, он легко отделался. Но и возможно, что его начальник побоялся привлекать к ответу инвалида войны за подобного рода прокол. Стыд насмешек все равно не миновал Боронина. Как заметил в шутку один мой коллега, для выполнения шпионских заданий он конечно же не годится.

ЕЩЕ КОЕ-ЧТО О ЧУЙКОВЕ. 1952 год

Генерал армии Чуйков был человеком, который быстро принимал решения. Во многих ситуациях проявлялась его своенравная, но всегда нетривиальная реакция.

В июле 1952 года Чуйков получил письмо министра высшего образования СССР с просьбой направить меня в Москву для сдачи государственного экзамена. Когда я приехал в Берлин в 1951 году для языковой практики, у меня еще не было диплома. Чуйков вызвал меня к себе. Когда я предстал перед ним, он прочитал мне вслух полученное письмо министра и спросил, нет ли у меня недовольства своим местом старшего переводчика Советской контрольной комиссии. Я ответил: «Напротив». Тогда Чуйков разорвал письмо министра на мелкие клочки и бросил в мусорную корзину. При этом он проворчал: «Мне нужны не студенты, а работники. Ты скоро получишь отпуск и в это время можешь сдавать свой государственный экзамен». Так и произошло. При этом, узнав о сдаче госэкзаменов на «отлично», Чуйков добавил мне еще девять дней к отпуску.

Другая история. Она случилась в приемной перед кабинетом Чуйкова. В приемную вошел полковник, начальник шифровального отдела, и спросил у порученца, здесь ли генерал армии. «Как раз собирается отъехать», — ответили ему. Как только послышались шаги Чуйкова, полковник вытянулся по стойке смирно. Тут появился Чуйков. Он встал, широко расставив ноги, и спросил полковника: «Есть что-то?» — «Так точно, товарищ генерал армии. Телеграмма из Магдебурга». Полковник открыл свою тонкую папку, вытащил сложенную бумагу и привычным жестом протянул ее генералу. Чуйков кратко приказал: «Читайте!» — «На границе зоны в районе Магдебурга застрелили пограничника». — «Только одного?» — «Одного, Василий Иванович». — «Ну, это полбеда», — решил генерал. «Вы распишитесь за бумагу?» — спросил полковник. «Как ты поступишь, если я этого не сделаю?» — «Тогда я напишу: “генерал армии ознакомлен”, дату, время и поставлю свою подпись». — «Точно, напиши 18.30». И добавил по-немецки: «До свидания!» Он посмотрел на меня усмехнувшись и спросил: «Правильно?»

Я кивнул, и Чуйков заторопился к машине.

ПЕРЕУСЕРДСТВОВАЛИ. 1952 год

В 1950-е годы В.М. Молотов два или три раза приезжал в ГДР. В 1952 году он должен был посетить в соответствии с программой своей поездки сельскохозяйственный производственный кооператив, нечто вроде нашего колхоза, к северу от Берлина. По автобану двигалась длинная колонна черных лимузинов, от тридцати до сорока машин. На сером пустом автобане эта колонна выглядела как огромная черная гусеница. Эта «гусеница» покинула автобан и вскоре остановилась перед зданием руководства кооператива прямо в деревне. Молотов вышел из машины и прошел несколько шагов к краю дороги. Я последовал за ним. В этот момент мы заметили в кювете два-три десятка людей в униформе. Они лежали на внешней стороне кювета с винтовками, направленными в чистое поле.

«Что это значит?» — спросил Молотов своего советского телохранителя. «Товарищ Молотов, это, вероятно, ваша немецкая охрана».

Молотов быстро вернулся к своей машине, сел в нее и раздраженно сказал: «Мы немедленно едем обратно в Берлин в резиденцию. Но не слишком быстро! Чтобы хозяева могли нас догнать».

Когда мы разворачивались, то увидели, как многочисленные сопровождающие растерянно смотрят на нашу машину. В ехавшем за нами автомобиле сидел и премьер-министр Отто Гротеволь и с ним Пауль Шольц. Черная «гусеница» быстро двинулась по направлению к Берлину.

Всю дорогу высокий гость раздраженно ворчал: «Что за глупость! Война закончилась уже семь лет назад».

КУЛАК КОБУЛОВА. 1952 год

Во время моей службы старшим переводчиком СКК мне пришлось несколько раз переводить Богдану Кобулову, который в то время руководил Управлением советским имуществом за границей. Ему подчинялись советские акционерные общества (САО), в первую очередь предприятия «Висмута», по добыче урана. Одновременно он был заместителем председателя Советской конт-

рольной комиссии. Кобулов считался доверенным лицом Берии. Он принимал своих гостей чаще всего в своем уютном особняке в Карлсхорсте.

Чаще, чем кто бы то ни было, его навещал Генрих Рау, заместитель премьер-министра, член Политбюро СЕПГ, занимавшийся экономикой. Во время одной из встреч Рау робко затронул вопрос о возможной передаче части урана в ГДР. Наступила долгая гнетущая пауза, после чего Кобулов произнес: «Уран, если хотите знать, товарищ Рау, особое сырье. Да вы и сами знаете, для чего оно требуется Советскому Союзу. Следовательно, мы не можем поставлять уран. Для научных исследований получают радиоизотопы. Их количество может быть увеличено, если в ГДР этого хотят». Рау при удобном случае поднимал вопрос о передаче урана еще раза три. Однажды на встрече с генералом Чуйковым то же самое попробовал сделать Вальтер Ульбрихт, но ответ был всегда один и тот же: нет.

Через несколько дней мне позвонил Кобулов и попросил быть у него в 19 часов, потому что к нему опять придет Рау. Я был там в назначенное время. После пятнадцатиминутного ожидания Кобулов сказал своему адъютанту, молодому лейтенанту: «Уже темно. Езжайте к въезду в городок и привезите гостя сюда. У него на черном ЗИМе должна быть голубая мигалка». Вскоре лейтенант вернулся, однако без Рау. Зато он привез министра иностранных дел Георга Дертингера. Всеобщему удивлению не было предела. Я предполагаю, что Дертингер, как министр иностранных дел, был лучше других информирован о личности Кобулова и его связях с руководителем госбезопасности Берия. Министр побледнел. Кобулов молча ходил по своему кабинету. Все это продолжалось несколько минут. Потом он поднял телефонную трубку и спросил Семёнова, не ждет ли он кого-нибудь. Семёнов сказал, что как раз в этот момент у него хотел быть Дертингер. Ситуация прояснилась, Дертингер облегченно вздохнул, извинился за недоразумение и попрощался.

Едва Дертингер уехал, Кобулов со всей силой ударил своего адъютанта кулаком по лицу, да так, что у того из носа пошла кровь. Лейтенант стоял вытянувшись и молчал. Я протянул ему свой носовой платок. Вскоре появился Генрих Рау. На этот раз речь шла о различных поставках из Советского Союза в ГДР. Об урановой руде Рау теперь не вспоминал.

На следующее утро меня вызвал к себе Чуйков и спросил раздраженно: «Где ты был весь прошлый вечер? Мне звонил Ульбрихт, но он говорит по-русски так же хорошо, как я по-китайски».

Я рассказал ему все, что случилось накануне. Чуйков схватил телефонную трубку, набрал номер и рявкнул: «Богдан, я запрещаю тебе занимать Богомолова без моего разрешения».

Он хмуро посмотрел на меня и добавил: «Это и к тебе относится, понятно?»

Для меня это было только к лучшему

ШТОФ СТАНОВИТСЯ МИНИСТРОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ. 1952 год

Чуйков приказал, чтобы в 15 часов я был готов к отъезду. Мы ехали в район Панков, где в то время жили все руководители ГДР. Мы остановились перед домом Штофа.

Как только мы вышли из машины, из дома тотчас же выбежала фрау Штоф. Ее сопровождали три маленькие девочки, дочери хозяев дома. Потом появился и Вилли Штоф. Обменявшись рукопожатиями, мы вошли в дом. В большой комнате стоял обеденный стол, накрытый на трех человек. Я понял, что встреча имеет конфиденциальный характер.

Но наша беседа после второй рюмки водки приобрела более непринужденный характер. Разговаривали о том о сем, о всякой чепухе. Время шло, рюмки были вновь наполнены. Самая важная часть разговора еще впереди, подумал я, лучше я не буду пить. Но оба продолжали болтать дальше. Я посмотрел на генерала армии, показал на свою пустую рюмку и тихо сказал: «Василий Иванович, мой язык тяжелеет».

Тогда Чуйков неожиданно поднялся и объявил громко и внятно: «Товарищ Штоф, мы приняли решение назначить тебя министром внутренних дел!»

Вилли Штоф, который тоже встал, слушал напряженно. Чуйков продолжил: «Итак, давайте работать как коммунисты!»

«Да, я коммунист», — ответил Штоф и вытащил из нагрудного кармана свой партийный билет члена СЕПГ. Когда он положил билет на стол, Чуйков сразу улыбнулся и тоже вытащил из заднего брючного кармана свой партийный билет члена КПСС. Он бросил его по-

верх немецкого партийного билета, как будто хотел побить козырем чужую карту. «Слушаюсь, товарищ генерал армии», — ответил Штоф, вытянувшись по стойке смирно. После поздравлений Чуйкова мы покинули дом будущего министра внутренних дел.

КАК ТЫ СО МНОЙ, ТАК И Я С ТОБОЙ. 1952 год

Осенью 1952 года в Карлсхорсте состоялись длительные переговоры Чуйкова с руководителями ГДР. Я делал записи. Они были почти готовы, когда Чуйков через несколько дней снова приехал в Карлсхорст. Когда я хотел пройти к своему главному начальнику, в приемной мне сказали, что придется подождать около получаса, потому что Чуйков в данный момент встречается с несколькими офицерами из комендатуры Берлина. Я положил свой блокнот на стол порученца Тихонова в приемной и стал смотреть в окно.

Неожиданно в приемную вошел полковник, начальник шифровального отдела СКК в Германии. Когда я через несколько минут вернулся к столу, я увидел, что моя тетрадь исчезла. Следует сказать, что это была необычная тетрадь. Каждая из почти 100 ее страниц была пронумерована и проштампована специальной печатью — все содержавшиеся в ней записи относились к категории совершенно секретных. Я без слов одними глазами спросил Тихонова: «Моя тетрадь у полковника?» Он закрыл глаза и подтвердил тем самым мое подозрение. В этот момент офицеры покинули кабинет Чуйкова и полковник прошмыгнул туда.

Я тотчас же отправился наверх, в комнату, в которой мы могли знакомиться с секретными шифрованными донесениями. Комната была пуста. Я быстро взял пять донесений без разбора и поспешно засунул их в мою папку для бумаг. Вернувшись в свой кабинет, я позвонил полковнику, который тем временем тоже вернулся в свой кабинет. Я сделал ему предложение: он немедленно придет ко мне и отдаст мои записи, тогда я в свою очередь немедленно отдам ему пять шифрованных телеграмм, содержащих особо секретную информацию. Об этом происшествии я никому не расскажу. Если он не придет, мы оба окажемся в тюрьме. Через минуту он был у меня. Молча мы обменялись нашими секретными документами, и он ушел.

Долгое время мы не разговаривали. Но наконец он все-таки пришел ко мне и предложил заключить мир. Я согласился. Для

обитателей советского городка в Карлсхорсте существовал русский ресторан под названием «Волга», но полковник и я пошли в «Приток Волги», как мы шутя называли другую уютную пивную на Тресков-Аллее, и выпили в спокойной обстановке за новый союз.

ПОТРЯСЕНИЕ ОТ ФИЛЬМА. 1952 год

В начале 1952 года руководители СКК получили доставленный из Москвы документальный фильм. В нем демонстрировались цветные съемки испытаний первой советской атомной бомбы. После того как фильм был продемонстрирован представителям группы советских войск в Германии, съемки решили показать руководителям СЕПГ. Приблизительно тридцать высших должностных лиц ГДР были приглашены в офицерский клуб в Карлсхорсте, среди них были Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Отто Гротеволь, Генрих Рау, Бруно Лейшнер, Герхард Циллер, Альфред Нейманн, Фред Эльснер и Фриц Зельбман.

Демонстрация началась около 20 часов, когда за окнами уже стемнело. Гости собрались, будучи в расслабленном, даже веселом настроении. Фильм продолжался едва ли пятьдесят минут. Он показывал очень наглядно последствия взрыва атомной бомбы: действие взрывной волны, теплового и радиоактивного излучения. К концу показа в зале воцарилась гробовая тишина. Можно было услышать только тихое шуршание старенького кинопроектора. Затем на экране появилось слово «Конец» и кто-то зажег свет.

Все гости были бледные и ошолбевшие от ужаса. Тихо, с поникшими головами и не попрощавшись руководители СЕПГ покинули зал.

СТРАННАЯ ВСТРЕЧА ДВУХ ПРЕЗИДЕНТОВ. 1953 год

Вскоре после смерти Сталина Богдан Кобулов внезапно улетел в Москву. Неожиданно для сотрудников Советской контрольной комиссии он оставил свой пост заместителя начальника СКК. После этого в Карлсхорсте произошли некоторые события, которые я мог бы охарактеризовать как «крен в грузинскую сторону». Атмосфера была тревожная.

В начале или в середине апреля в Берлин прибыла советская делегация под руководством председателя Президиума Верховного Совета СССР Николая Шверника. Мы вскоре заметили, что протоколом руководит не дипломат, а начальник личной охраны Шверника, грузин, сотрудник госбезопасности. Это стало очевидно уже в аэропорту Шёнефельд. Официальная встреча президента Вильгельма Пика и Шверника, как ни странно, состоялась не в светлых просторных залах советского посольства, а в апартаментах посла, которые находились на третьем этаже, выходили на задний двор здания и были плохо приспособлены для подобных церемоний. Меня засадили в маленькую коморку, похожую на ванную комнату, несмотря на то что я, собственно говоря, должен был переводить для обоих гостей посольства. Начальник протокола сказал мне сухо, что мне следует находиться там до тех пор, пока меня не позовут. Я только пожал плечами: мне все равно.

Я сидел некоторое время и ждал. Что происходило снаружи, я не мог видеть. Приблизительно через пятнадцать минут меня наконец вызвали. В довольно большой, темной комнате (в ней было только одно окно) друг напротив друга стояли Пик и Шверник. Расстояние между ними составляло примерно пять метров. Оба молчали, каких бы то ни было бумаг в их руках не было. Сперва я подумал, что оба уже сказали все необходимое и собираются расходиться. В этот момент за моей спиной появился черноволосый грузин и накинулся на меня: «Почему вы не переводите?» — «Но они же оба молчат, что же здесь переводить?» — ответил я. «Они уже прочитали свои речи», — прошептал он мне зло. «Тогда передайте Пикку и Швернику, чтобы они дали свои тексты, и я их переведу».

Для меня до сих пор остается загадкой, как Пик понял то, что я сказал, но он вытащил из кармана лист бумаги и отдал мне. Шверник сделал то же самое вслед за ним. Я быстро перевел тексты. Не сказав после этого не единого слова, Пик быстро покинул помещение, за ним последовал Шверник. Оба, вероятно, хотели увидеть свет и глотнуть свежего воздуха. Это было очевидно. Я тоже не задержался дольше в этой комнате.

ОДНА ПОРОДА. 1953 год

В марте в Москве умер дядя моей жены, известный конструктор самолетных двигателей Швецов. Моя теща попросила Нину приехать на похороны в Москву. В секретариате СКК я узнал, что на следующее утро специальным самолетом в Москву летит супруга Кобулова. Так как билетов на самолеты Аэрофлота не было ни на этот, ни на следующий день, мы решили попросить ее взять нас с собой в Москву. После вечерних переговоров у Кобулова она всегда угощала меня испеченными ею пирогами и другими вкусными вещами.

На следующий день в 8:30 мы были в аэропорту Шёнефельд. Вскоре мы нашли наш двухмоторный самолет. Рядом с ним стояли два открытых грузовика, полные чемоданов, ящиков и всевозможных дорожных сумок. Через час после того, как этот багаж исчез в самолете, я поднялся по трапу и обнаружил там супругу Кобулова. Она узнала меня, и я объяснил ей ситуацию. Я спросил ее, не может ли моя жена лететь с ней. К моему удивлению она отказала мне в этой просьбе. Якобы машина и так уже перегружена. Когда я спускался вниз по трапу, то услышал насмешливое замечание одного человека из окружения Кобулова: «Что, Александр, номер не удался?» «Жизнь вас за это накажет!» — крикнул им я. Эти люди могли думать только определенными категориями.

К счастью, руководитель представительства Аэрофлота вошел в наше положение и распорядился продать нам один билет на ближайшей рейс из брони.

17 июня 1953 года

О волнениях в ГДР в июне 1953 года советский народ узнал из сообщения ТАСС, опубликованного в то время во всех советских газетах. В нем говорилось, что в ГДР «произошли волынки». Речь шла не о народном музыкальном инструменте, «мешке с дудочками», а о понятном русскому уху слове «волынить», то есть затыгивать дело, уваливать от работы. Такое объяснение политических событий в ГДР, конечно, не могло способствовать их пониманию. Оно скорее было направлено на то, чтобы замаскировать происходившие в реальности события.

Говорили, что такое объяснение придумал Семёнов. Может быть. Так это или не так, но «музыка волынки» звенела в июне 1953 года у нас в ушах. В ее сопровождении в советском секторе Берлина было объявлено чрезвычайное положение. Я тогда в ночь на 17 июня переводил на немецкий язык приказ военного коменданта Берлина генерал-майора Дибровы. Он был отпечатан тиражом в два миллиона экземпляров в типографии «Taeglichen Rundschau», газеты советской военной администрации. Один экземпляр этого приказа я сохранил у себя.

В первой половине июня Владимир Семёнов, только что назначенный верховным комиссаром СССР в Германии, принимал участие в заседании Политбюро ЦК СЕПГ. Я сопровождал его и делал записи того, что там говорилось. Сам Семёнов слушал и только один раз коротко выступил. Мы посетили, если мне не изменяет память, только два заседания Политбюро. На втором заседании с докладом о настроениях молодежи выступал Эрих Хонеккер. Семёнов только раз сделал одно очень общее замечание, смысл которого сводился к тому, что нужно что-то предпринимать.

После нашего возвращения в Карлсхорст я получил указание от верховного комиссара изложить на бумаге все существенное из сказанного на заседании Политбюро ЦК СЕПГ. Информация должна была после внесения им исправлений уйти телеграммой в Москву. «Я вернусь через час», — сказал Семёнов и исчез.

Вернувшись, он просмотрел написанные от руки лист за листом и сделал короткие сокращения. Неожиданно он раздраженно перечеркнул две страницы полностью и спросил у меня зло: «Зачем вы записали этот вздор?» Он имел в виду выступление Хонеккера. «Вы что, сами не видите, что все это чепуха? Если вам не жалко вашего собственного времени, то хотя бы поберегите мое!» — «Согласен, — ответил я, — но эта информация может быть интересна товарищам в Москве». — «Может быть», — проворчал он и дал мне понять, что не хочет больше об этом говорить.

Таким образом, «товарищи в Москве» так и не узнали, кто на Политбюро ЦК СЕПГ «молот чепуху». Этот короткий разговор с Семёновым хорошо мне запомнился. Между прочим, на этом вышеупомянутом заседании Политбюро я впервые увидел Эриха Хонеккера, так как на встречах в СКК он никогда не присутствовал.

Руководители ГДР во главе с Ульбрихтом, Пиком и Гротеволем ради их личной безопасности были доставлены 17 июня в Карлс-

Министр иностранных дел В.М. Молотов и председатель СМ ГДР О. Гротеволь во время посещения промышленного предприятия в Ростоке. ГДР 1954 год

Главу советской делегации В.М. Молотова и председателя правительства ГДР О. Гротеволья приветствуют пионеры Республики. Переводит А. Богомолов. Берлин 1950-е годы

Советская делегация на переговорах по установлению дипломатических отношений между Советским Союзом и ФРГ. Слева направо: М.Г. Первухин, Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин, В.М. Молотов, Верховный комиссар СССР в Германии В.С. Семенов, сотрудник аппарата Верховного комиссара С.Г. Лапин. Москва, Кремль 1955 год

Встреча в ЦК СЕПГ. Слева направо: заведующий Третьим европейским отделом МИД И.И. Ильичев, посол СССР в ГДР М.Г. Первухин, А.И. Микоян, президент АН СССР А.Н. Несмеянов. Переводит А. Богомолов (крайний слева). ГДР, Берлин 1959 год

В гостях у Главкома Группы советских войск в Германии И.И. Якубовского. Слева направо: М.Г. Первухин, А.Я. Богомолов, Д.Ф. Устинов, И.И. Якубовский и Л.И. Брежнев. ГДР, Вюнсдорф 1962 год

В гостях у немецких друзей. Л.И. Брежнев и Д.Ф. Устинов (крайний справа). Переводит А. Богомолов. ГДР, Берлин 1962 год

Н.С. Хрущев принимает вице-президента бундестага Томаса Делера.
Переводит А. Богомолов (крайний слева). Москва 1964 год

Гость Верховного Совета СССР вице-президент бундестага
Томас Делер при посещении московского метро в сопровождении
А. Богомолова. Москва 1964 год

хорст. Мой коллега Алексей Каретников вместе с Карлом Ширдеваном, членом Политбюро, взяли на себя дежурство в здании ЦК СЕПГ. Ульбрихт спросил меня, как он мог бы отсюда позвонить Ширдевану. Я проводил его в кабинет, где ранее работал Чуйков, а теперь располагался Семёнов, и показал ему на правительственный телефонный аппарат. Ульбрихт набрал номер, но трубку поднял Каретников. Чрезвычайное положение есть чрезвычайное положение, подумал я, а то бы трубку взял Ширдеван. Потом к телефону подошел Ширдеван. Ульбрихт коротко спросил: «Как дела?»

Как я узнал на следующий день от Каретникова, Ширдеван ответил: «Несколько сот пьяных людей разбили оконные стекла на первом и частично на втором этажах и собираются проникнуть в здание ЦК». Ульбрихт отреагировал неожиданным для меня образом: «Конец!» — только сказал он и сильно побледнел.

Тот факт, что я оказался свидетелем его минутной слабости, был ему очень неприятен.

Советские танки днем вошли в Берлин. Кроме того, уже вступил в силу вышеупомянутый приказ Дибровы. Танки, например, стояли на правой стороне улицы Унтер-ден-Линден в направлении Тиргартена, что в Западном Берлине. Вокруг машин после обеда собралось много молодых людей. Они затерялись среди молодых советских танкистов. Вскоре послышались звуки игры на аккордеоне и на губной гармошке. Молодежь танцевала вокруг танков и пела песни. Однако ситуация была далеко не безобидная. В ночь на 19 июня во исполнение приказа о чрезвычайном положении в советском секторе Берлина был приговорен к смерти и расстрелян как зачинщик беспорядков некий Вилли Гетлинг.

О тогдашних волнениях в ГДР и их причинах много написано. В книгах и публикациях, вышедших в ГДР, писали, что «враги социализма» предприняли «попытку контрреволюционного путча», которая «управлялась вражескими спецслужбами и агентами империалистических государств». Только вскользь было отмечено, что в Берлине и некоторых других городах ГДР прошли забастовки рабочих и демонстрации, что имеются упаднические настроения среди трудящихся. Реальные причины волнений, которые в то время держались в секрете для широкой общественности, состояли в том, что увеличение норм выработки 28 мая 1953 года и другие мероприятия, проведенные в контексте решений второй партийной конференции 1952 года, на которой было провозгла-

шено построение социализма в ГДР, привели к элементарному ухудшению условий жизни. Оттуда и угроза конца для Ульбрихта. Вскоре посыпался град постановлений, решений и мероприятий руководства ГДР, направленных на «повышение жизненного уровня», «улучшение условий жизни», «снижение цен», «повышение пенсий» и странным образом поставленное на последнее место «повышение производительности труда». Советский Союз принял важные коррективы в пользу ГДР. 1 января 1954 года ГДР были переданы последние 33 государственных акционерных общества. СССР простил ГДР в 1955 году еще остававшиеся репарационные платежи. Конечно же это было нелегко для Советского Союза, в котором в то время не было завершено восстановление собственной, разрушенной в годы войны экономики.

«ИСТИННЫЕ ЗАЧИНЩИКИ». 1953 год

Это произошло, вероятно, 20 июня. В тот день грузовик привез в Карлсхорст около пятнадцати молодых людей. Это были участники демонстраций протеста, которые были арестованы народной милицией на улицах Берлина. Семёнов допрашивал их лично. Он задавал мягкие и вежливые вопросы. Допрос, больше походивший на разговор, продолжался около часа. В конце Семёнов крепко пожал каждому руку и отпустил домой. Когда демонстранты ушли, кто-то сказал, что «истинных зачинщиков» будут допрашивать только через несколько дней.

И в самом деле, 26 июня я и мой друг Юра Тимофеев были вызваны к руководителю секретариата СКК в Германии полковнику Втюрину. Он предоставил нас в распоряжение одного полковника Советской армии. Тот объяснил, что мы должны освободить комнату на втором этаже рядом с кабинетом, который ранее занимал Чуйков, то есть вынести из нее всю мебель. Через полчаса все было готово. Полковник осмотрел комнату и приказал нам еще удалить занавески и вырвать телефонные провода. Он продемонстрировал нам, как это следует сделать. Комната, которую мы очистили, была единственной, в которой на окне была массивная стальная решетка. После того как все было приготовлено, полковник встал перед дверью и достал из кобуры свой пистолет ТТ. «Теперь вы можете идти, спасибо», — сказал он нам сурово. К нашему удив-

лению он зарядил свой пистолет и снял его с предохранителя! И мы оба подумали: что за чудовища должны быть сегодня доставлены для допроса, «истинные зачинщики»?

Уже смеркалось, но все еще никого не было. «Вероятно, сегодня допроса не будет, — высказал свое мнение Юра. — Я пошел домой». Я остался в ожидании другого переводчика. Наконец подъехал черный ЗИМ, из него вышли два стройных, хорошо сложенных человека в штатском. Капитан Тихонов, бывший порученец Чуйкова, подошел к окну и сказал: «Это два генерала КГБ. Справа генерал Амаяк Кобулов, младший брат Богдана Кобулова, а слева — генерал Гоглидзе».

Через несколько секунд оба вошли в приемную. «Они здесь?» — услышал я вопрос Кобулова. Тихонов утвердительно кивнул головой, и приехавшие решительно прошли в кабинет, который ранее занимал Чуйков. Прошло не более десяти минут. Тихонов немного приоткрыл дверь. В кабинете Чуйкова не было света. В комнате отдыха, которая соприкасалась с моим кабинетом и была размером около четырнадцати квадратных метров, было также совершенно темно. Дверь комнаты отдыха оставалась открытой. Она была пуста. Везде царило полное спокойствие.

Только несколько дней спустя мы узнали, что произошло в тот вечер. В маленькой комнате отдыха генералов КГБ ждали маршалы Говоров и Соколовский, генерал-полковник Гречко, верховный комиссар Семёнов и несколько полковников Советской армии, среди которых и наш знакомый, с которым мы освобождали комнату. От имени советского правительства Говоров велел немедленно арестовать обоих генералов из-за их преступной связи с Берия. Генералы провели ночь в комнате с решетками и на следующий день были доставлены самолетом в Москву.

По сравнению с тем, что в эти дни происходило в Советском Союзе, этот арест в Карлсхорсте был мелочью.

СЕМЁНОВ И СУБОРДИНАЦИЯ. 1954 год

Советская делегация на Берлинской конференции министров иностранных дел стран-победительниц возглавлялась Молотовым. В советском посольстве в его распоряжение была предоставлена представительская квартира посла на пятом этаже. Кроме него в

советскую делегацию входили заместители министра иностранных дел и наши послы в Лондоне, Париже, Вашингтоне и Берлине. Для них мы освободили свои кабинеты на первом этаже посольства.

Приблизительно на третий день переговоров около восьми часов я проходил мимо комнаты, зарезервированной для Молотова. Дверь была открыта, и я услышал пронзительный звонок правительственного телефона. Я взял трубку и сказал: «Телефон Молотова. Говорит Богомолов». Это был сам министр иностранных дел. Он попросил передать Семёнову, что он его ждет.

Мы принялись искать Семёнова. Приблизительно через пять минут я постучался в одну из дверей в конце коридора. В комнате за письменным столом сидел наш тогдашний посол в США Зарубин. Я громко спросил: «Здравствуйте, Георгий Николаевич, вы случайно не видели Владимира Семёновича?» В этот момент одно из кожаных кресел с высокой спинкой повернулось ко мне, и я увидел небрежно развалившегося в нем Семёнова. Он раздраженно спросил: «Вы что, не видите, что я занят?» — «Я только хотел вам сказать, что Вячеслав Михайлович Молотов ждет вас уже 25 минут». В.С. подпрыгнул и умчался как герой мультфильма Диснея: пунктирная линия в воздухе и облачко пыли над полом.

После того как Семёнов исчез, Зарубин спросил меня ухмыляясь: «Признайтесь, Богомолов, вы прибавили десять минут?» — «Двадцать», — правдиво ответил я. «Ну, теперь, — высказал свое мнение посол, — мы оба знаем, что значит в наши дни субординация!» После чего он, улыбаясь, пожал мне руку.

ИСТОРИЯ С ВОЛОСАМИ. 1954 год

Берлинское совещание министров иностранных дел четырех стран-победительниц в войне продолжалось третью неделю. Уже в начале конференции был брошен клич «Свистать всех наверх!». В те дни было очень много работы. Дни напролет мы не приходили домой и ночевали в библиотеке посольства.

В один из этих суматошных дней я увидел нескольких членов советской делегации, среди них Семёнова и Зорина, стоявших перед широкой лестницей, которая вела в зал. Я хотел пройти мимо, чтобы попасть в свой кабинет. Едва я поравнялся с этой группой, меня остановил громкий голос Семёнова: «Богомолов, посмотри-

те на себя в зеркало! С вашими волосами вы выглядите как бродячий монах! Вы же дипломат!» Зная, что он прав, я, однако, робко возразил, что я уже две недели не был дома, что мы спим на полу в библиотеке и что у меня нет времени сходить в парикмахерскую. На что Семёнов ответил: «Но я же нахожу для этого время».

И это сказал мне Семёнов, посол, у которого в распоряжении был легковой автомобиль с личным шофером, повар, секретарь и персональный парикмахер. К тому же он был совершенно лыс. Его замечание показалось мне довольно несправедливым, и я возразил: «Владимир Семёнович, для чего жертвовать ради этого своим временем? У вас же волосы просто не растут».

На миг воцарилась мертвая тишина. Семёнов тяжело дышал и начал заикаться. Не оттого, что он нервничал. Он часто использовал этот трюк с заиканием, чтобы выиграть время: «Бо-го-мо-лов, за-пом-ни-те, волосы растут даже у мертвых!» Немедленно раздался гомерический смех. Хохотали конечно же над Богомоловым. Над кем же еще?

Один мой коллега, который наблюдал этот эпизод, сообщил мне вечером: «На твоём месте, Саша, я бы тотчас отправился домой и стал упаковывать чемодан». — «Нет, — сказал я, — я знаю Семёнова». И в самом деле, В.С. ничего не имел против людей, которые ему перечили. Он сам был остроумным человеком и умел ценить черный юмор. Но прежде всего он был человек незлопамятный. Он был желанный гость на многочисленных свадьбах, которые в то время игрались в Берлине. Короче говоря, на следующий день выяснилось, что я был прав, сохраняя оптимизм. Мой дерзкий ответ сошел мне с рук и не имел последствий.

СУВЕРЕННЫЕ, НО НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ. 1955 год

Еще до совещания глав правительств четырех держав в Женеве в июле 1955 года ГДР и Советский Союз договорились между собой, что правительства обеих стран будут постоянно обмениваться мнениями по всем вопросам, касающимся Германии. К тому времени ГДР был гарантирован полный суверенитет.

Правительство ГДР направило в Женеву делегацию наблюдателей под руководством Георга Хандке, статс-секретаря Министерства иностранных дел. Его партнером был Георгий Макси-

мович Пушкин, бывший тогда нашим послом в Берлине. Кроме всего прочего, он должен был информировать Хандке о ходе Женевского совещания. Я в то время работал вторым секретарем посольства и должен был переводить в Женеве. Пушкин и Хандке договорились встречаться в обеденный перерыв и притом в отеле, где остановился Хандке. Первое их свидание с Пушкиным должно было состояться на следующий день в 14 часов. Пушкин и я прибыли в отель вовремя, а наблюдатели из ГДР заставили себя ждать.

«Это хорошо, — неожиданно высказался мой шеф. — Я сегодня с раннего утра ничего не ел. Мы пойдем сейчас в ресторан и что-нибудь перекусим. Ты не против?» Я не возражал. Мы заняли столик и с моей подачи заказали омуля с отварным картофелем. Пушкин бросил взгляд в меню и спросил меня, улыбаясь: «Почему ты заказал самое дорогое блюдо и почему только одну порцию?»

Я пояснил ему, что эта рыба представляет собой в Швейцарии кулинарную редкость. Одна порция состоит из двух рыбин. Местный омуль имеет русское происхождение, так как он родом из озера Байкал. Когда-то в XVIII веке кто-то из русских царей подарил швейцарскому кантону Женева около 200 бочек с водой из Байкала и мальками омуля. Бочки перевезли зимой на санях к Женевскому озеру. Затея оказалась успешной, примерно половина мальков выжила. Молодые рыбки успешно размножились в Женевском озере, потому что оно имеет то же геологическое происхождение, что и озеро Байкал. Оба водоема глубокие, холодные и очень чистые.

Мы быстро поглотили изысканное блюдо, и я отправился к стойке администратора, чтобы узнать, не появились ли тем временем немецкие наблюдатели. В холле их видно не было, так что я вышел на улицу. Слева от отеля лежало Женевское озеро, приблизительно на расстоянии 800–900 метров. Я посмотрел в том направлении и увидел немецких товарищей. Группа медленно плелась к отелю. Все четверо изнемогали от жары. С махровыми полотенцами вокруг шеи, казалось, что они купаются в море блаженства.

Я быстро побежал к Пушкину и предупредил его, что Хандке и его коллеги сейчас придут, очевидно, кончив загорать на пляже. Пушкин бросил быстрый взгляд на часы (было 14:40) и сказал: «Я сейчас исчезну. А ты передашь им то, что я рассказал тебе о вче-

рашнем заседании. И также скажешь, что посол ждал их более 30 минут. В конце концов, придется приучать их к дисциплине! Завтра я снова приду в 14 часов».

Вскоре в холле отеля появились и сами загоревшие наблюдатели. Увидев меня, они были очень удивлены. Хандке обеспокоенно спросил: «Что, товарищ Пушкин все еще здесь?»

Я сказал, что посол только незадолго перед этим покинул отель и поручил мне ознакомить их с ходом заседания предыдущего дня. Я сделал вид, будто верил, что Хандке и его коллеги опоздали не по своей вине.

«ПОДОПЫТНЫЕ КРОЛИКИ». 1955 год

Анастас Микоян, в то время член Президиума ЦК КПСС и министр торговли СССР, приехал в Берлин во главе советской партийно-правительственной делегации. Это был его второй или третий визит в ГДР. Программа визита, как всегда, была очень напряженная, в течение недели было запланировано множество встреч и переговоров. Микоян посетил больницу для горняков советско-германского акционерного общества «Висмут» и типографию в Лейпциге. Он также побывал в качестве гостя в немецкой Академии наук. Его поездка по стране не раз прерывалась, как это было, например, в Карл-Маркс-Штадте. Он вышел из машины и произнес короткую речь перед многочисленными жителями города. Микоян любил говорить экспромтом, без заранее подготовленных заметок. Его выступления всегда были образными и полными юмора. Правда, иногда Анастаса Ивановича трудно было понять, что объяснялось его армянским выговором. В армянском языке есть слова, в которых значительно больше согласных, нежели гласных звуков. Так, например, фамилия знаменитого вратаря советской хоккейной команды была — Мкртчян. Попробуйте это произнести!

Мне положено было находиться в непосредственной близости от Микояна. Я занимал место перед ним, чтобы во время перевода видеть его лицо и наблюдать за его губами. Микоян имел привычку перед тем, как начать говорить, немного пожевать губами, приблизительно так, как это делает тот, кто пригубляет сухое вино или коньяк, чтобы распробовать его вкус: дорогой ли это коньяк

или коньячный напиток «made in GDR»? С утра и до позднего вечера я переводил для Микояна. Я узнал его как очень мудрого и остроумного человека.

В день отлета Анастаса Микояна провожал к самолету посол Пушкин. Василий Чистов, помощник Микояна, и я шли позади него на расстоянии нескольких шагов. Неожиданно Чистяков произнес: «Саша, в ФРГ скоро начинается чемпионат мира по хоккею. Я завидую тебе, ты можешь туда поехать». — «Как бы не так!» — ответил я, улыбнувшись. «А вот увидишь, я сейчас все тебе устрою». Он сделал два больших шага вперед, догнал Микояна и сказал: «Анастас Иванович, ведь Богомолов хорошо переводил все эти дни?» Микоян пожевал губами и произнес: «Да, а что?» — «Может быть, он сможет съездить в ФРГ на чемпионат мира по хоккею?» — «Мне не жалко, но что думает посол?» Пушкин смеясь погрозил мне кулаком и проговорил шепотом: «В посольстве я влуплю тебе “шайбу»!» Мы стояли уже перед двухмоторным самолетом Микояна. Он поднялся вверх по трапу, помахал нам рукой и скрылся в черном овальном проеме машины.

На обратном пути из аэропорта Шёнефельд я обдумывал реакцию Пушкина и пришел к выводу: за его широкой и добродушной улыбкой не могло скрываться ничего плохого. И в самом деле, через два или три дня Пушкин вызвал меня к себе и сообщил, что советник посольства Сергей Лапин (позднее он возглавил советское телевидение и радио), я и мой коллега из консульского отдела посольства Грант Акопов поедем на чемпионат мира по хоккею и что каждый может получить в бухгалтерии посольства по 400 западногерманских марок на карманные расходы. Нам не дали даже ни одного служебного поручения. Нам предстояло только потратить наши карманные деньги и наслаждаться хоккеем высшего класса. Это было замечательное событие, и конечно же мы были очень рады возможности заменить целый рабочий день таким великолепным переживанием.

Мы тогда еще не знали, что советское руководство уже приняло решение пригласить в Москву делегацию из Западной Германии. Советский Союз был заинтересован в установлении дипломатических отношений с Федеративной Республикой. Наше трио должно было отправиться в ФРГ на советской машине ЗИМ как маленькая туристическая группа. Хотели посмотреть, как примут там русских, не будут ли они подвергаться провокациям или даже

нападениям. Ну, мы были побиты — в хоккее. Я имею в виду поражение советской команды в матче с американцами. Он окончился со счетом 2:5. А мы, три подопытных кролика, вернулись в Берлин целыми и невредимыми.

«ВОПРОС УРЕГУЛИРОВАН ИЛИ РЕШЕН?» АДЕНАУЭР В МОСКВЕ. 1955 год

Федеральный канцлер Конрад Аденауэр прибыл в Москву 9 сентября 1955 года. Он последовал приглашению московского руководства, которое было заинтересовано в нормализации отношений с Федеративной Республикой Германией. Для этой делегации в аэропорту была устроена парадная встреча. Высокого гостя встречали глава партии Никита Хрущёв и премьер-министр Николай Булганин. Для приветствия выстроились чуть ли не все члены Политбюро, множество министров, военных, дипломатов и партийных функционеров. Были цветы, почетный караул и все прочее, что полагается по дипломатическому протоколу при подобных церемониях. Число тех, кто хотел поприветствовать Аденауэра, было, как мне показалось, необычно большим. Хотя все это можно было понять. Спустя десять лет после окончания войны «германские империалисты» в первый раз приехали в Москву. Каждый хотел их увидеть.

На первой встрече гости изложили свои принципиальные позиции. Переговоры проходили спокойно и по-деловому, причем поначалу никакие договоренности не вырисовывались. Но уже на второй день возникла критическая ситуация. Аденауэр требовал освобождения всех немецких военнопленных. Советская сторона возражала ему, что военнопленных больше нет. В Советском Союзе остались только военные преступники, которые были осуждены советскими судами за их преступления. Никита Хрущёв напомнил гостям об ужасных злодеяниях, совершенных немецкими войсками на советской земле. Аденауэр ответил по смыслу следующее: «Это правда, что немецкие войска напали на Россию. Правильно, что при этом творилось много нехорошего. Но так же верно и то, что русская армия, когда она вошла в Германию, совершала точно такие же зверства». Как бывшего солдата, меня передернуло при слове «зверства». Напряжение висело в воздухе.

Я с любопытством ждал реакции Хрущёва. И в самом деле, его взорвало. Он стукнул ладонью изо всей силы по столу и сказал: «Если наши уважаемые партнеры не готовы продолжать сегодня переговоры об установлении дипломатических отношений, тогда пусть они об этом так и скажут. Мы можем и подождать». При этом он слегка привстал, хлопнул по своей задней части и сказал: «Нам не дует!»

Мне, как переводчику, его неделикатный намек доставил серьезные сложности. Как мне следует это переводить? Я не мог повторить жест Хрущёва. И кто бы его понял? Мне спонтанно пришло в голову только: «Мы можем и подождать, над нами не каплет». Русская стенографистка механически записала то, что она услышала от Хрущёва: «Нам не дует!» Поздно вечером Александров и я просматривали стенограмму. «Это что еще такое?» — спросил он меня о вышеупомянутом месте в тексте. Я рассказал ему, что произошло. В конце концов он исправил стенограмму так: «Нам ветер не дует». На следующий день сообщение об этой встрече на первой полосе газеты «Правда» называлось «Нам ветер в лицо не дует!». Так в результате коллективного обсуждения появилась новая русская метафора.

После того как стенограмма была готова, распространился слух, что Аденауэр велел подготовить свой специальный самолет для возвращения домой.

Тема «ужасных злодеяний» всплыла и на следующей встрече, когда слово взял социал-демократ Карло Шмид. Правда, он говорил в примирительном тоне. Нюансы у него были совсем другие, нежели у Аденауэра. «По отношению к русскому народу были совершены ужасные злодеяния, каких до сих пор не знала мировая история», — сказал он. Он подчеркнул, что моральную ответственность за это несут и те, кто прямо не причастен к этому: они могли бы не допустить к власти этого режима. Шмид сказал, что для немцев всегда стыдно просить о чем-то у жертв тех преступлений, которые совершались от имени немецкого народа. Только после этих слов он повторил просьбу немецкой делегации позволить вернуться на родину немецким военнопленным, осужденным советскими судами как военные преступники. Он апеллировал к великодушию русского народа, к тому великодушию, о котором он так много слышал. Шмид попросил советскую сторону, по меньшей мере, сделать такое заявление, кото-

рое могло бы вселить надежду в сотни тысяч немцев. По моему мнению, выступление Карло Шмидта дало переговорам позитивный поворот.

На следующий день немецкую делегацию пригласили в Большой театр на балет «Ромео и Джульета». Тема «примирения» была в эти дни действительно актуальна.

10 сентября Булганин и Аденауэр поручили министру иностранных дел Молотову и статс-секретарю Министерства иностранных дел Вальтеру Хальштейну, найти приемлемые для обеих сторон формулировки по вопросу границ. Оба удалились и поехали в советское Министерство иностранных дел на Смоленской площади. Встреча прошла довольно своеобразно. Хальштейн все время пытался внушить Молотову, что вопрос о границах «урегулирован». Молотов же, напротив, всегда спокойный и невозмутимый, настаивал на формулировке, что вопрос границ «решен». Хальштейн утверждал: «Оба выражения обозначают одно и то же». На адресованный мне вопрос Молотова, имеют ли немецкие слова «урегулирован» и «решен» одинаковое значение, я ответил, что это разные слова и по-русски они имеют различный смысл. Молотов обратился ко мне: «Скажите ему, что оба слова имеют разные значения». Я так и сделал. Но Хальштейн настаивал: «Это разные слова, но означают они одно и то же». Но тут запротестовал Молотов: «Если “урегулирован” и “решен” имеют одинаковое значение, тогда я не понимаю, к чему эти возражения против слова “решен”. “Решен” означает то же, что и “урегулирован”, это же вы сами говорите, господин Хальштейн». Этот разговор длился около получаса.

После обеда пленарное заседание было продолжено в здании на Спиридоновке. На этот раз председательствовал Аденауэр: «Послушаем теперь наших уполномоченных. Кто первый возьмет слово?» Молотов повел себя предупредительно и вежливо: «Преимущество за молодыми» (Молотову тогда было 65, а Хальштейну 54 года). Хальштейн ответил не менее галантно: «Я думаю, что опыту должно быть отдано предпочтение». Все решил Аденауэр: «Я присоединюсь к тому, что скажет господин Булганин». Тот предпочел сначала предоставить слово Молотову. Молотов начал: «Мы обсудили вопрос границ. Господин Хальштейн высказал некоторые свои соображения и сомнения: Я думаю, что он, несомненно, воспроизведет их лучше, чем это мог бы сделать я». На это Хальш-

тейн бросил: «Я же сразу сказал, что опыт предпочтительнее». Затем он добавил еще что-то невразумительное о полемике с Молотовым. 12 сентября после обеда переговоры были окончены.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ. 1955 год

Главная цель переговоров с Аденауэром в Москве была достигнута лишь на заключительном приеме, который был дан в честь западногерманской делегации в Георгиевском зале Кремля. Зал был полон гостей. Члены обеих делегаций сидели за одним столом в Президиуме. Каждый из них мог переговариваться лишь с соседом слева или справа. При этом ели и пили. В разговоре с Булганиным Аденауэр, сидевший рядом с Хрущёвым, вновь затронул тему немецких военнопленных. На этот раз то, что он говорил, звучало учтиво и просительно.

«Хорошо, — ответил Булганин с улыбкой, — мы отдадим вам назад ваших военнопленных. Мы даем вам честное слово». Хрущёв, слышавший этот разговор, утвердительно кивнул. Тотчас же после этого Булганин поднялся, держа в правой руке бокал вина, и громко объявил в микрофон: «Я поднимаю этот бокал за установление нормальных дипломатических и других дружественных связей между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германией и за проводников этой политики».

Переводить пришлось господину Кайлю из делегации ФРГ, так как он сидел рядом с Булганиным непосредственно перед стоящим микрофоном. На русском слове «проводники» он запнулся, наклонился ко мне и спросил шепотом: «Проводники?» Я подсказал ему: «Лучше первопроходцы». Пауза продлилась всего несколько секунд, и никто ее не заметил еще и потому, что огромный зал после первых же слов Булганина моментально заполнился громкими; веселыми и возбужденными голосами и аплодисментами гостей.

После Булганина выступил Аденауэр: «В последние дни мы вели очень откровенные и вместе с тем острые беседы с руководителями Советского правительства. Мой сосед справа, господин Хрущёв, очень откровенно выражал свои мысли. Этому человеку можно доверять. То, о чем пишут газеты, часто верно, но не всегда. Я хочу сказать, что мы здесь, у вас на глазах, провели очень важные и решающие переговоры». При этом он имел в виду дого-

воренность о возвращении на родину военнопленных и соглашение об установлении дипломатических отношений, которая была достигнута за этим столом фактически лишь за несколько минут до этого.

Поздно вечером я получил от господина Кайля маленький томик стихов Гете с коротким посвящением: «Первопроходцам». Ну что ж, большое спасибо, подумал я, и мне в голову пришла цитата из Гете: «Теория, мой друг, суха, но зеленеет древо жизни».

13 сентября переговоры почти больше не велись. Текст писем, которыми должны были обменяться руководители делегаций, заключительное коммюнике и тому подобные документы были согласованы на уровне экспертов. В тот же день в Кремле был дан обед в честь Аденауэра. На нем присутствовали Хрущёв, Булганин, Молотов, все другие члены Президиума ЦК КПСС и члены западногерманской делегации. Всего приблизительно два десятка функционеров и государственных деятелей. Меня в качестве переводчика и дипломата часто приглашали на разного рода официальные обеды, но ни на одном из них раньше я не видел такого богатого выбора изысканных блюд. Стол украшали цветы и отборные грузинские вина. Обед начался приблизительно в 14:30, и я, как, вероятно, и другие гости, проголодался. При виде разнообразных мясных и рыбных деликатесов у меня потекли слюнки. Все принялись за еду, а я не мог есть, потому что, едва Булганин заканчивал, начинал говорить Аденауэр. И мне приходилось переводить оживленную беседу. С полным ртом это не получалось. Когда уносили мои нетронутые тарелки, я надеялся, что хоть кто-нибудь догадается, почему я не ем. И вот один из официантов подвинул ко мне с середины стола овальное блюдо с огромными жирными кусками семги. «Попробуй-ка это, — прошептал он мне на ухо. — Тебе совсем не нужно их жевать. Проталкивай языком в горло и глотай».

Это было действительно великолепно. В секундные паузы между переводом я очистил половину блюда с семгой. Два дня затем я только и делал, что пил воду. Этот опыт я с удовольствием передаю переводчикам на тот случай, когда на столе лежат жирные куски семги.

На этом пиршестве перед Аденауэром стояла бутылка «Столичной» водки, которую он один выпил почти наполовину. Канцлер был в приподнятом настроении. Аденауэр пил и грузинские вина,

пригубивая их как истинный знаток вин. «Я пришлю вам коллекцию рейнских и мозельских вин», — обратился он громко к Булганину, который ответил ему: «А вы получите коллекцию наших вин». Аденауэр окинул взглядом гостей и произнес улыбаясь: «Но не мечите бисер перед свиньями».

После того как я перевел эту реплику, Молотов заметил: «Это известное выражение, оно из Библии». — «Вы знакомы с Библией?» — спросил Аденауэр. «Мы, коммунисты, всегда имеем то преимущество, что мы знаем и Коммунистический манифест, и Библию. Вы — только Библию».

Аденауэр промолчал. Но при первой же возможности он ясно продемонстрировал Молотову свою сдержанность. После обеда представители принимающей стороны и Аденауэр провели встречу в соседнем зале, усевшись на обтянутый светлым шелком диван и в такие же кресла. С советской стороны присутствовали Хрущёв, Булганин и Молотов. Аденауэр же был один. Он повернулся к Булганину и Хрущёву и задал им вопрос: «Мы сегодня ехали по Садовому кольцу и видели гигантский дом. Что в нем располагается?» — «Это наше Министерство иностранных дел», — ответили ему. «Я именно так и думал, так много места для такого множества глупостей».

Я посмотрел на Молотова. Однако тот промолчал и не проявил вообще никаких эмоций. Острый ответ Аденауэра позволял сделать заключение о том, что тот был хорошо проинформирован об отношениях внутри советского руководства.

Неожиданно федеральный канцлер сделал тогда еще одно загадочное предложение. Он попросил встретиться с ним с глазу на глаз. Где, когда, зачем и с кем, он не сказал. Эта неожиданная просьба явно поставила советских руководителей в неловкое положение. Это читалось на их лицах. Хрущёв первым взял себя в руки и предложил: «Ну конечно же приезжайте, пожалуйста, завтра в Кремль». Аденауэр ответил, что он этого не хочет, так как его черный «мерседес» тотчас же обратил бы на себя внимание прессы. В ответ на это Булганин предложил посетить Аденауэра в его резиденции на одной из дач в пригороде Москвы. Аденауэр согласился, и на следующий день советская принимающая сторона приехала в гости к Аденауэру. Эта встреча «с глазу на глаз» превратилась в выезд на природу под взорами приблизительно сорока глаз. Там собралось больше народу, чем сидело за столом

переговоров. Стоял теплый солнечный осенний день. Участники встречи медленно гуляли вокруг дачи. За последовавшим кофе кто-то поднял тему обучения летчиков. Хрущёв обратился к Аденауэру: «Если Федеративная Республика хочет иметь хороших летчиков, тогда вам следует отправлять своих молодых людей учиться во Францию или к нам, в Советский Союз». Потом он лукаво оглянулся, наклонился к Аденауэру и прошептал: «Я хочу открыть вам секрет; скоро мы запустим кое-что вокруг земного шара». Это предложение я перевел тогда так, как это написано здесь, но понять его я смог только тогда, когда весь мир узнал о «Спутнике».

Общеизвестен факт, что переговоры с Федеративной Республикой состоялись по инициативе советской стороны. Хрущёв, Булганин и Молотов во время переговоров ссылались на то, что установление дипломатических отношений между Федеративной Республикой и Советским Союзом позволило бы решить важнейшую проблему немецкого народа — восстановление единого немецкого государства и что объединение обоих немецких государств не состоится до тех пор, пока обе Германии сами не возьмутся за решение этой проблемы. Эти мысли были изложены в совместном немецко-советском заключительном коммюнике, а также в идентичных письмах Аденауэра и Булганина от 13 сентября. Тогда я принял все это за абстрактную, чисто протокольную пустышку. Однако сегодня, по прошествии более 40 лет, это звучит почти мистически.

Переговоры 1955 года были успешными для обеих сторон. Незначительные пикантные эпизоды приобрели на фоне позитивного исхода переговоров характер дружеских юморесок и имели для меня, как для будущего слушателя лекций в Высшей дипломатической школе, огромную прикладную ценность.

С особым удовольствием я вспоминаю одну встречу, проходившую в неформальной обстановке. В Московском зале переговоров на Спиридоновке над столом висела великолепная бронзовая люстра, увешанная сотней больших подвесок из горного хрусталя. При незначительном повороте головы можно было видеть, как подвески переливаются всеми цветами радуги. Это было очаровывающее зрелище. Я, ювелир-любитель, заметил эту люстру еще в первый день переговоров и захотел при первой же возможности получше рассмотреть эту великолепную вещь. На следующий день,

во время короткого перерыва в переговорах, когда обе делегации разошлись по своим совещательным комнатам, я пошел в зал для переговоров и спокойно любовался прекрасной игрой цвета этой люстры.

Неожиданно дверь за моей спиной открылась. Когда я оглянулся, то увидел, как ко мне, доброжелательно улыбаясь, подходит Конрад Аденауэр. Он протянул мне руку и произнес: «Добрый день». Я ответил на приветствие. Все члены немецкой делегации, к моему удивлению, последовали примеру Канцлера и один за другим пожали мне руку. Я робко косился на дверь в ожидании моих соотечественников. К счастью, они зашли лишь несколько минут спустя, когда эта странная не предусмотренная протоколом церемония уже закончилась.

Правда, я должен отметить, что Министерство иностранных дел ФРГ не выразило мне особой признательности за мой труд переводчика. В вышедшей на Рейне объемной книге (более 1000 страниц) «Внешняя политика Федеративной Республики Германии» на странице 303 сказано лишь: «Запись о переговорах между немецкой и советской делегациями в Москве, во второй половине дня 10 сентября 1955 года. Присутствовали с немецкой стороны: господин Федеральный канцлер, господин Федеральный министр иностранных дел. С советской стороны: премьер-министр Булганин, господин Хрущёв, господин Семёнов. В качестве переводчиков: проф. Браун и советский переводчик...».

Во второй раз я почувствовал себя уязвленным, когда немецкое посольство в 1993 году отказало мне во въездной визе. Одно мюнхенское издательство пригласило меня приехать в ФРГ на два-три месяца, для того чтобы я перевел на немецкий язык «Политические воспоминания» Фалина. Но мне не позволили приехать. Необъяснимость этого состоит в том, что я после выхода на пенсию в 1983 году уже семь раз побывал в Германии. Три раза я приезжал в ГДР, два раза — в ФРГ. И два раза уже успел побывать в объединенной Германии. Нелегально? Боже упаси! С визами, выданными посольством ФРГ в Москве. Я что же стал нежелателен только в 1993 году? Дружескую же услугу моему старому знакомому Фалину я смог оказать только частично, не выезжая из Москвы.

ВЫВЕРТЫ ДИПЛОМАТИИ. 1955 год

Вскоре после отъезда делегации Аденауэра в Москву приехала делегация ГДР во главе с Вальтером Ульбрихтом. Это был своего рода дипломатический и международно-правовой противовес в германо-советских отношениях. 20 октября, по окончании переговоров, был подписан договор об отношениях между ГДР и СССР, по которому Советский Союз передал ГДР полный суверенитет и упразднил аппарат Верховного комиссариата. Вечером в Кремле в честь делегации ГДР должен был состояться ужин.

В зале, в котором перед этим проходило подписание договора, собрались гости. Молотов, Булганин, Микоян и Семёнов стояли у входа. По их виду было заметно, что они озабочены какой-то протокольной проблемой. Это можно было понять из их высказываний. По мнению Молотова, проблема была деликатная. Дело заключалось в том, что как раз в тот же день в Москву прибывал еще один высокий гость — президент Финляндской Республики Юхо Кусти Паасикиви. Будет ли корректно пригласить на прием и его? Знакомы ли непосредственно друг с другом Паасикиви и Ульбрихт? Если нет, то следует ли кому-нибудь из советских руководителей постоянно сопровождать финского гостя.

Я слышал все это и решил вмешаться в разговор. «Вячеслав Михайлович, извините, пожалуйста, но Ульбрихт и Паасикиви еще до войны были между собой на ты». «Это правда?» — спросил Молотов. «Правда. Оба были активными антифашистами. Я это знаю от Макса Рейманна». Молотов повернулся к своим коллегам: «Попробуем». Булганин согласился.

Вечером собрались гости. Зал был полон. Ульбрихт сидел за столом в президиуме вместе с советским руководством. Место справа от Ульбрихта оставалось пустым. Я сидел как на раскаленных углях. Паасикиви еще не появился. Он отклонил приглашение? Или просто опаздывает? Я взглянул на свои часы. Нет, у него еще есть пять минут. В этот момент я заметил легкое движение в президиуме. Я посмотрел направо. Слава Богу! Вошел Паасикиви. Он направился прямо к столу президиума. Ульбрихт поднялся со своего места. Теперь его заметил и финн. Широко расставив руки, он поспешил навстречу Ульбрихту. Прямо перед президиумом они

обнялись и сильно похлопали друг друга по плечу. Я почувствовал ни с чем не сравнимое облегчение.

На этом приеме произошел еще один примечательный эпизод. В зале приемов царила непринужденная, дружественная атмосфера. Произносились многочисленные тосты. Приблизительно в середине вечера слово предоставили Паасикиви. Мне придется перед изложением его тоста упомянуть о том, что в середине сентября Советский Союз отказался от советской военно-морской базы Порккала-Удд и вернул ее Финляндии. Именно с этого Паасикиви и начал свой тост. Он сердечно поблагодарил за возвращение этого острова. Говорил он очень медленно и чрезвычайно сильно заикался. Вдруг он повысил голос и крикнул в зал: «Но м-м-мы ни-ни-когда не от-отдадим Советскому Союзу кусок исконной финской з-з-земли!» В Кремлевском зале воцарилась гробовая тишина, как перед бурей. Лица советских товарищей в президиуме помрачнели. Я наострил уши. И Паасикиви закончил свою фразу: «...на котором расположено финское посольство в Москве». Зал взорвался громовыми аплодисментами, публика весело хохотала. Улыбнулся даже Молотов, а я быстро опрокинул рюмочку... Черт побери, едва успели!

ПОДОЗРИТЕЛЬНО. 1955 год

Возвращаясь в июле 1955 года после визита в Лондон, Николай Булганин и Никита Хрущёв посетили ГДР. Они побывали в различных городах, осмотрели предприятия. На химическом комбинате Буна состоялся большой митинг, на котором перед семью-десятью тысячами работников Хрущёв выступил с речью. Советские государственные деятели и руководство ГДР стояли на импровизированной трибуне. Хрущёв говорил экспромтом, без какого-либо заранее написанного текста, о международном положении и необходимости разрядки. Тему отношений между Советским Союзом и США он завершил призывом: «Давайте соревноваться в том, кто больше произведет, больше пшеницы, молока, мяса».

На митинге Никиту Сергеевича переводил Вернер Эберляйн, бывший тогда сотрудником аппарата ЦК СЕПГ. После слов «Давайте соревноваться в том, кто больше произведет» Эберляйн сделал продолжительную паузу. Тысячная толпа спонтанно отреагировала громкими криками и аплодисментами. Я стоял внизу перед три-

буной и заметил, что реакция людей привела находившихся на трибуне уважаемых гостей в чрезвычайное замешательство. Хрущёв, заметно смущенный и озабоченный, оглянулся по сторонам, но никто не мог ответить на его вопрос. И тут в громкоговорителе загремел голос Эберляйна, переводившего вторую часть фразы: «...больше пшеницы, молока, мяса». По толпе, казалось, прошел вздох облегчения. Я посмотрел на трибуну. Олег Трояновский, помощник Хрущёва, нахмурившись, как бы спрашивал меня, что это все должно означать. Я быстро поднялся на трибуну и пояснил, что неожиданная реакция людей вызвана неверной паузой при переводе. Участники митинга, вероятно, предположили, что Хрущёв предложил США посоревноваться в производстве оружия. Я обещал зафиксировать позднее пометкой соответствующее место в выступлении, которое я стенографировал, чтобы, может быть, успокоить Хрущёва, если он более обстоятельно заинтересуется этим делом.

После митинга гости проехали по городу на двигавшихся колонной машинах. Тогда гость и руководитель принимающей стороны ехали отдельно друг от друга в разных автомобилях. Переводчик занимал, как правило, место в машине, следовавшей непосредственно за автомобилем главного гостя. В данном случае это была машина охраны, в которую я втиснулся. Во время поездки я делал пометки для Трояновского. Но из-за постоянных толчков и качки записи получались нечитабельными. Когда колонна остановилась, я переписал записку набело и передал ее Трояновскому. Черновик с каракулями я при этом, однако, засунул куда-то так неудачно, что он скомканной бумажкой остался лежать в салоне машины.

Найденный черновик был передан министру государственной безопасности Эриху Мильке. Тот хорошо знал меня, потому что очень часто присутствовал на встречах на высшем уровне, которые я переводил. Более того, когда большая группа советских офицеров государственной безопасности была отмечена высокими орденами ГДР, министр лично попросил меня помочь ему с переводом на церемонии награждения, проходившей в советском посольстве на Унтер-ден-Линден. В свое время мне очень импонировало доверие со стороны министра. Теперь я должен был почувствовать, что значит вызвать недоверие Мильке.

Во время последовавшего затем торжественного собрания Вальтер Ульбрихт и Эрих Мильке подошли в перерыве ко мне и

послу Первухину. В правой руке Мильке держал лист бумаги, а Ульбрихт коротко сказал Первухину: «Это его бумага». И потом они удалились.

Я взял сложенный лист бумаги и, смущенно улыбаясь, передал его моему послу. Выслушав мою историю, Первухин сказал: «Какими благородными они могут себя показать. Но тут мне приходит на ум поучительная частушка: “Всунул руку — там тепло, вынул руку — там дерьмо”. Это для тебя должно быть уроком, Александр. В их машину можно садиться только с пустыми карманами».

ЧЬЯ ЭТО ПОЛИЦИЯ — МНЕ НАПЛЕВАТЬ. Конец 1950-х годов

Во второй половине 1950 годов я работал в качестве атташе по печати в советском посольстве в ГДР. Мне был выделен автомобиль «победа». С грехом пополам эта машина могла ехать немного быстрее 100 км в час. Но не только в этом смысле это был безопасный автомобиль. Даже лобовое столкновение едва ли могло повредить этот тяжелый танк.

Тогда в посольстве работали два немецких шофера. Одному из них, господину Папе, было около 60 лет, он обладал чувством юмора и охотно рассказывал нам берлинские анекдоты. Однажды я спросил его: «Какая полиция, по вашему мнению, вежливее и корректнее — народная полиция ГДР или западноберлинская?» Господин Папе отмахнулся, сказав: «Ах, господин Александр, я в партиях не состою. Мне абсолютно наплевать — западногерманская это полиция, западноберлинская или гэдээровская, у меня собственный опыт».

Позднее, когда в моем распоряжении был «фольксваген» — известный «жук», я приобрел собственный опыт. Мы ехали на повышенной скорости по Восточному Берлину. Перед мостом Янновиц в центре города нас обогнала на мотоцикле «белая мышь» — так называли одетых в белую униформу дорожных полицейских. Крепкий молодой человек потребовал остановиться. Я прошептал водителю — моему другу: «Ты не знаешь ни слова по-немецки! Говорить с ним буду я». Полицейский подошел к дверце водителя и громко сказал в открытое окно: «Вы ехали со скоростью восемьдесят километров в час». Я прикинулся дурачком: «Нет, нет, те-

перь не восемьдесят, теперь восемнадцать», — и показал ему на свои часы. «Вы ехали со скоростью восемьдесят километров», — повторил полицейский. Но я настаивал на своей версии: «Посмотрите, мои часы — восемнадцать, ваши часы ... — и я немного приподнял его левый рукав, — тоже восемнадцать, а вы так кричите!» Эта бессмыслица возымела свое действие. Полицейский энергично махнул жезлом и крикнул: «Проваливайте!» Это было также и нашим самым большим желанием.

КАРЛ ШИРДЕВАН НА СВОЙ СТРАХ И РИСК ОБРАЩАЕТСЯ К ПОСЛУ ПУШКИНУ. 1956–1957 годы

В ноябре в советском посольстве в Берлине состоялся прием по случаю годовщины Октябрьской революции. На приеме ко мне подошел Карл Ширдеван. Я был с ним дружен с 1951 года. Он спросил, не может ли он конфиденциально поговорить с послом Георгием Пушкиным. Я пообещал сейчас же переговорить об этом с послом и дать ответ. Пушкин сразу же дал свое согласие и попросил меня привести в его кабинет Ширдевана приблизительно в 24 часа, после того как большая часть гостей покинет посольство.

Примерно в пять минут первого ночи мы вместе с Ширдеваном вошли в рабочий кабинет посла. Разговор продолжался около получаса. Он касался манеры руководства Вальтера Ульбрихта. Ширдеван начал с того, что в настоящее время Вальтеру Ульбрихту нет равноценной замены. Он пользуется огромным доверием и авторитетом в партии, он хороший организатор и располагает большим жизненным опытом. Во всех отношениях он на сегодняшний день незаменим. Далее Ширдеван пояснил, что Советский Союз обладает огромным авторитетом в глазах руководства СЕПГ. И для Вальтера Ульбрихта Советский Союз является примером. Поэтому он, Ширдеван, просит Пушкина повлиять на Ульбрихта, чтобы тот не помышлял бы далее своим ближайшим окружением. Ситуация невыносима. Позитивное воздействие на Ульбрихта может оказать только Советский Союз с его авторитетом «старшего брата».

Пушкин поблагодарил за доверительную информацию и пообещал поставить в известность компетентные инстанции. Оба очень сердечно распрощались, и я проводил Ширдевана в вестибюль. Внизу в гардеробе я увидел Пауля Фернера, разговаривав-

шего с одним молодым советским дипломатом. Увидев Ширдевана, он громко воскликнул: «А! Вот ты где...» Я взглянул на часы. Была половина первого ночи.

Вскоре выяснилось, что ночная встреча Карла Ширдервана с послом Пушкиным привела к тяжелым последствиям для обоих. Пауль Фернер оказался доносчиком и провокатором. Он остался им, впрочем, и при Эрихе Хонеккере, сменившем Ульбрихта в 1971 году. На XXX пленуме ЦК СЕПГ, проходившем с 30 января по 1 февраля 1957 года, Эрих Хонеккер выступил с отчетом Политбюро. Позднее в своих воспоминаниях он напишет: «Я выступал за то, чтобы до конца выяснить все назревшие проблемы. В этом смысле произошло неизбежное столкновение с некоторыми товарищами, которые создали группу вокруг Карла Ширдевана и Эрнста Вольвебера — вплоть до их отстранения от занимаемых постов»¹.

Нечто похожее произошло, впрочем, и с послом Пушкиным. После своего возвращения в Москву он был первым делом отстранен от должности. Это продолжалось несколько недель, пока дело не прояснилось полностью, и дипломат был реабилитирован. Пушкин стал после этого заведующим отделом в аппарате ЦК КПСС, а затем заместителем министра иностранных дел Советского Союза. На этот раз, правда, в его компетенцию входила Юго-Восточная Азия. С ГДР он и сам больше не хотел иметь дело.

Через много лет, в 1995 году, в Москве меня посетили репортеры немецкого телевизионного канала ZDF. Они готовили передачу о Вальтере Ульбрихте. Я рассказал им о встрече Ширдевана и Пушкина, рассказал подробно все, что я знал. Но именно этот кусок не включили в передачу. Почему? При том ночном разговоре присутствовал Вернер Эберлейн. Вероятно, он мог бы раскрыть эту тайну.

НЕЧТО НЕОБЫЧНОЕ. 1957 год

Долгие годы граница между Западным и Восточным Берлином была открыта. Выбор товаров в Западном Берлине был несравнимо больше, чем в Восточном. Результатом этого были толпы людей перед обменными пунктами, предлагавшими западногерманские марки по курсу один к пяти и даже дороже. Со временем Фе-

¹ Хонеккер Э. Из моей жизни. Берлин, 1980. С.193.

деративная Республика накопила миллиарды восточных марок. Необходимо было что-то предпринять для того, чтобы предохранить денежную систему ГДР и ее экономику от серьезных неприятностей. Решением этой задачи должен был стать обмен денег. Цель состояла в том, чтобы миллиарды восточных марок, накопившихся в Западном Берлине и ФРГ, моментально бы превратились в макулатуру. Единственным и решающим условием успеха этой акции в те времена было соблюдение строжайшей секретности. Как этого добиться?

Со стороны ГДР в подготовке и проведении этой акции принимали участие только четыре человека — Вальтер Ульбрихт, Вилли Румпф, тогдашний министр финансов, Грета Кукхоф, руководительница Немецкого эмиссионного банка, и министр госбезопасности Эрих Мильке, которые были проинформированы о предстоящем денежном обмене всего за несколько дней до него. С советской стороны в эту тайну были посвящены посол Георгий Пушкин, главнокомандующий Группой советских войск в Германии Андрей Гречко, тогдашний руководитель представительства КГБ в Берлине и я, как переводчик. Даже начальник штаба советских войск в Германии не был поставлен в известность об этой акции, потому что в то время у него в Вюнсдорфе как раз находилась его супруга. Даже Отто Гротеволь, премьер-министр ГДР, ничего не знал о подготовке этого мероприятия.

Состоялось много встреч Пушкина с Ульбрихтом и Румпфом, на которых до мельчайших подробностей обсуждались различные конкретные мероприятия. Вечером накануне обмена Пушкин велел зайти к нему второму секретарю посольства Юрию Кандалову. Следующий диалог произошел в моем присутствии в кабинете посла.

Пушкин: «Добрый вечер. Сегодня ночью вы дежурите в посольстве?»

Кандалов: «Да, с 21 часа до 9 часов утра».

Пушкин: «У меня одна особая просьба. Пожалуйста, слушайте в течение ночи все передачи РИАС (Радио в Американском секторе Берлина). Если только сообщат что-нибудь необычное, сразу же разбудите меня!» — «И что это должно быть?» — «Как сказано, что-нибудь необычное, что-то, что может возбудить ваше любопытство».

Пушкин положил на стол как бы между прочим большой альбом, в котором были новые денежные купюры. Юрий Кандалов

без видимого волнения немного полистал альбом. «Выглядят симпатично!» «А вот приемник, — сказал Пушкин, — Сателлит фирмы "Грундиг", хороший аппарат...»

РИАС не сообщило в ту ночь ничего необычного. А в 6 часов утра во всех сберегательных кассах ГДР уже начался обмен денег. В 9 часов утра Кандалова сменили. Он поехал домой, чтобы выспаться. Кандалов был тогда, возможно, единственным человеком в ГДР, который не поменял сразу же свои несколько сотен марок. Пушкин был вынужден потом обратиться с запиской к министру финансов Вилли Румпфу с просьбой в порядке исключения задним числом поменять дежурившему сотруднику его деньги. Приблизительно через неделю восточногерманская сторона официально проинформировала Пушкина о том, что в результате этой акции на Западе было обесценено примерно четыре миллиарда восточных марок. По нашей доверительной информации, их было, по крайней мере, десять миллиардов. На мой взгляд, это был первый случай большого обмана со стороны немецких товарищей, глубоко разочаровавший всех посвященных с советской стороны.

НЕЛОВКОСТЬ 8 МАЯ В ВЕЙМАРЕ. 1958 год

В мае 1958 года в Берлин прибыла советская партийно-правительственная делегация. Ее возглавлял первый секретарь Московского горкома партии Устинов. Среди членов делегации был также Василий Иванович Чуйков, бывший председатель Советской контрольной комиссии в Германии. После того как мы поздоровались в аэропорту, Василий Иванович сказал, что надеется, что я постоянно буду его сопровождать во время этого пребывания в ГДР. «Это само собой разумеется, — ответил я, — и даже больше, посол Пушкин строго наказал мне не выпускать вас ни на минуту из поля зрения».

На мой вопрос, почему неизвестный региональный секретарь возглавляет делегацию, Чуйков сказал, что в советском руководстве есть мнение, что не следует напоминать народу ГДР об оккупации и выдвигать на передний план его персону. Несмотря на эту «дальновидность», люди приветствовали Чуйкова бурными аплодисментами. На Устинова население вообще никак не реагировало.

8 мая делегация была в Веймаре. При посещении мемориала в концентрационном лагере Бухенвальд к нам присоединился Луит-

польд Штайдле, бургомистр города. Штайдле попал под Сталинградом в советский плен, и тогда его допрашивал Чуйков. В 1950-е годы они часто встречались: Чуйков как председатель СКК, Штайдле как министр здравоохранения ГДР. Во время осмотра мемориала Штайдле все время стоял рядом с Чуйковым и давал ему пояснения об особенностях мемориала. Неожиданно Василий Иванович заинтересовался, кому пришла в голову идея воздвигнуть мемориальный комплекс в четырех километрах от самого лагеря. Лишь немногие после посещения мемориала захотят забираться в гору, чтобы увидеть сам концентрационный лагерь. Штайдле ответил, что это решение было принято еще до его назначения в Веймар.

Затем мы пошли дальше. На зеленом сверкающем склоне горы Эттерсберг мы подошли к огромному каменному цилиндру со стенами примерно тридцатисантиметровой толщины. Его высота составляла около пяти метров, а в стенах находились пазы приблизительно трехметровой ширины, через которые была видна внутренняя сторона стен цилиндра. Из внутренних стен торчали вверх три огромных крюка. Из любопытства мы пролезли в паз. Чуйков заинтересовался: «Для чего эти большие крюки наверху?» «В дни больших праздников на них вешают венки из цветов», — объяснил Штайдле, у которого тут же отказал голос, потому что он увидел, что крюки были пусты. Было 8 мая — официальный праздник ГДР «Освобождение Германии от фашизма»...

У Чуйкова нервно задергалась правая щека — следствие контузии под Сталинградом, — и он прошептал мне громко и сердито: «Ефрейтор, сделай что-нибудь, чтобы он сегодня больше не попадался мне на глаза!»

На следующий день мы опять были в Берлине. Вечером в советском посольстве был прием по случаю 13-й годовщины Дня Победы. Чуйков сидел за столом для почетных гостей, Штайдле — за другим столом, вместе с одним генералом Национальной народной армии. Тут же были и их супруги. Примерно через полтора часа Чуйков подозвал официанта и попросил его поставить на поднос четыре бокала вина. Он приблизился с бокалом в руке к столу, за которым сидел Штайдле, и громко произнес: «Штайдле, смотри, чтобы ты больше мне в плен не попадался!» Штайдле встал и ответил: «Слушаюсь, товарищ генерал армии!» Оба улыбнулись, Штайдле — смущенно, Чуйков — злорадно, но дружелюбно.

ПЕРВУХИН «ОСУЖДЕН» БЫТЬ ПОСЛОМ. 1958 год

Это произошло довольно неожиданно для всех сотрудников посольства. Нового посла звали Михаил Георгиевич Первухин, и направлен он был не от Министерства иностранных дел. О событиях в Москве и возникновении «антипартийной группы» вокруг Молотова, Маленкова и Кагановича, к которой принадлежал и Первухин, мы узнали только после его прибытия в Берлин. Я знал от своего отца, который еще в 1912 году стал в подполье членом Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), что в 1937 году Первухин вступился за хорошую знакомую моего отца, Анну Колпакову, что способствовало ее освобождению из тюрьмы. Для нас это означало, что Первухин — порядочный и смелый человек. Когда в 1958 году я вернулся из отпуска в Берлин, то передал послу сердечный привет от той знакомой, и это по-человечески сблизило нас.

Как правило, назначение на должность посла — повышение по службе. В случае Первухина это назначение было равносильно служебной ссылке, из которой отправленный туда никогда не мог вернуться на прежнее место. Первухин был кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, он прибыл в Берлин с личной охраной и другими привилегиями. Причины мы узнали позднее от него самого. Первухин рассказал нам, что, когда на Политбюро принималось решение о создании совнархозов, он проголосовал против этого. Хрущёв воспринял это как персональный выпад против себя. И Первухина сняли с должности.

Были десятки подобных случаев «служебных ссылок» в зарубежные страны, жертвами которых стали министр иностранных дел СССР Молотов, а позднее Катушев, бывший моим начальником в отделе ЦК и секретарем ЦК КПСС. А теперь вот и Первухин. Эту сторону практики в советской внешней политике я никогда не мог понять. Для меня всегда оставалось загадкой, почему одновременно с назначением нового посла в иностранное государство, с которым следовало развивать отношения, ни с того ни с сего наносилась публичная оплеуха. Это означало не что иное, как «примите, пожалуйста, как доверенное лицо нашего государства человека, которого наше правительство не может ни использовать, ни терпеть». Станным образом, если я не ошибаюсь, в выдаче агремана не было отказано ни разу. Напротив, ГДР, Куба и Монголь-

ская Народная Республика послушно и молчаливо принимали каждого, кого к ним посылали.

Первухин не заслуживал подобного оскорбительного отлучения. В свои 64 года он имел отменное здоровье, был очень активен и работоспособен. Даже после своего исключения из Политбюро он держался с большим достоинством, что производило особое впечатление на меня и многих моих коллег. Первухин был блестящим специалистом в области энергетики, и это принесло большую пользу экономике ГДР. В начале 1960-х годов на некоторых электростанциях ГДР, работавших на буром угле, произошли странные взрывы, повлекшие за собой человеческие жертвы. На одной из встреч Вальтер Ульбрихт пожаловался на это и попросил совета у Первухина. Тот тут же захотел осмотреть несколько бурогольных электростанций. Примерно через два месяца он приехал к Ульбрихту и рассказал ему о результатах своих технических исследований. Советский посол предложил провести совещание представителей всех угольных электростанций ГДР, на котором он доложил о своих предложениях. Причиной взрывов, по мнению Первухина, было то, что руководство предприятий не проводило каких-либо профилактических мероприятий, предотвращавших скопление больших масс угольной пыли. После совместного совещания взрывы прекратились.

Когда в 1962 году истек срок его пребывания в должности посла, Первухин незадолго до своего возвращения в СССР попросил меня купить ему в Западном Берлине одну книгу. Она называлась, если я правильно припоминаю, «Эксплуатация тепловых электростанций». Книга эта насчитывала приблизительно 1000 страниц и стоила около 80 дойчмарок, что даже для советского посла составляло немалую сумму. Накануне отъезда Первухина я зашел в его рабочий кабинет. На письменном столе лежала вышеупомянутая толстая книга. Я взял ее в руки и из любопытства полистал. Первухин уже прочитал примерно 100 страниц, поля их были заполнены пометками и схемами. Встречались также и вопросительные знаки. Некоторые абзацы были отчеркнуты красным карандашом. Первухин, присутствие которого я сперва не заметил, кашлянул. Он давно уже молча наблюдал за мной. Я смущенно промямлил, что его успехи в немецком языке произвели на меня глубокое впечатление. Михаил Георгиевич тоже был смущен и сказал, что изучение этого тома он закончит в Москве.

Следующим вечером мы провожали Первухина и Амалию Израилевну, его супругу, в Москву. На Восточном вокзале были только Юлий Квицинский, мой московский друг Борис Михайлов и я. Незадолго до того, как тронулся его поезд, Первухин задумчиво сказал, имея в виду сменяющего его на посту посла Петра Абрашимова: «Будьте осторожны, это человек, который идет по трупам». Тогда мы еще не подозревали, как он был прав.

ХРУЩЁВ, ОЛЛЕНХАУЭР И ПАПИРОСА. 1959 год

В начале 1959 года была согласована встреча в Берлине Никиты Хрущёва и председателя Социал-демократической партии Германии Эриха Олленхауэра. Вилли Брандт 30 лет спустя написал в своих воспоминаниях, что «результатов это не дало»¹. Это, возможно, и верно. Примечательным и совершенно необычным было тем ни менее начало этой встречи, где обнаружился своеобразный характер Хрущёва.

Беседа с глазу на глаз началась в вестибюле посольства в Берлине. Едва лишь оба партийных лидера встретились, Хрущёв произнес: «Это хорошо, что вы пришли ко мне, первому секретарю Коммунистической партии Советского Союза! Рабочий класс Германии высоко оценит ваш мужественный шаг!»

Такого рода вступление смутило Олленхауэра. Маленькие капельки пота выступили у него на лбу. Он вытер их носовым платком и попытался двумя пальцами достать из пачки предложенную ему папиросу. Но у него ничего не вышло. Его пальцы дрожали, и папироса ломалась на части. Он сделал еще несколько попыток и все с тем же успехом, почти половина содержимого пачки рассыпалась. Хрущёв продолжил: «Как мы будем называть друг друга: товарищ или господин?» — «Пожалуй, товарищ», — сказал Олленхауэр нервно и сунул себе в рот папиросу. Я чиркнул зажигалкой и поднес ему огонь, но слишком поздно заметил, что папироса вставлена в рот обратным концом. Мундштук сразу же вспыхнул. Эрих Олленхауэр взволнованно потушил его и взял новую папиросу. Я снова предложил ему огонь, и он наконец-то прикурил. Олленхауэр наслаждался папиросой, а я — всей этой сценой.

¹ Цит. по: Брандт В. М., 1991. С. 56.

БРЕЖНЕВ И ХОНЕККЕР. 1960-е годы

Я впервые увидел Брежнева в начале 1960-х, когда он приехал в ГДР и выступал в Вюнсдорфе (это недалеко от Берлина), где тогда размещалось командование Группы советских войск (ГСВГ). С тех пор в качестве переводчика в течение многих лет я имел возможность близко общаться с ним. Но эта первая встреча особенно запомнилась и оставила в памяти неизгладимое впечатление.

Представьте себе громадный зал, заставленный столами, за которыми разместилось человек пятьсот высшего командного состава и старших офицеров ГСВГ. При появлении Леонида Ильича, как положено по уставу, последовала команда: «Товарищи офицеры!»

Когда все сели, нам открылось неожиданная картина: перед каждым стол граненый стакан водки и тарелка с закуской. Брежнев занял свое место. Перед ним поставили такой же стакан с закуской. Произнеся краткий, но весьма выразительный тост, он не просто выпил, а мгновенно проглотил содержимое стакана. Кажется, он просто опрокинул его в себя. И что примечательно, он даже не прикоснулся к великолепной закуске, а, как принято было, особенно у военных, обошелся «мануфактуркой», то есть прикоснулся тыльной стороной ладони к губам и сразу же открыл совещание. Можно быть уверенным, что после таких жестов армия просто боготворила его. С той встречи он остался в моей памяти как сильный красивый мужик, поражающий присутствующих какой-то неудержимой удалью. С годами эта удаль постепенно куда-то исчезла, как и русская мужская лихость при застольях...

Запомнились мне и встречи Брежнева с высшим руководством ГДР, особенно с последним лидером, Эрихом Хонеккером. Он совсем не был нашим другом, как в те годы его рисовали наши СМИ. Вот одно из его высказываний в узком кругу своих соратников по партии и государству, которое доверительно передавали мои немецкие друзья: «СССР — большая страна. Никто на Западе не знает, как живут советские люди. И всем наплевать, как они живут. А мы на виду. На стыке социализма и капитализма. Поэтому СССР обязан нам помогать». Или такое: «На хрена мне ездить в Крым, где я должен выслушивать какие-то лекции». Как переводчик, многократно присутствовавший на встречах наших лидеров с немецкими друзьями, я никогда не замечал никаких нравоучений.

Напротив, это всегда был дружеский, товарищеский обмен мнениями.

Когда Хонеккер приезжал в Крым, он обычно посещал дачу Брежнева по приглашению последнего, но иногда и сам принимал высокого гостя, встречая его на крыльце. Леонид Ильич выходил за пару десятков метров из машины и, идя навстречу Хонеккеру, как всегда дружелюбно улыбаясь, кричал: «Ну, поможем, поможем!», заранее зная, что наши немецкие друзья будут обязательно просить помощи. Эрих делал вид, что не понимает, о чем так громко говорит Леонид Ильич, но спустя какое-то время действительно просил помочь Республике. Вот такая «братская помощь» и мешала Советскому Союзу обращать больше внимания на собственную экономику.

В ГОСТЯХ У ПОЛИТОФИЦЕРОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ НАРОДНОЙ АРМИИ. 1962 год

Как первого секретаря и пресс-атташе советского посольства в Берлине, меня часто приглашали выступать с докладами. В октябре 1962 года руководство Военной академии ГДР попросило меня прочитать лекцию на тему «Мирное сосуществование и германо-советские отношения». Правда, как раз в тот момент не было уверенности, что мир будет сохранен. Моя поездка пришлась на самый пик Карибского кризиса. Я прибыл в Дрезден, где находилась академия, на следующий день после того, как наши корабли получили приказ повернуть назад. По пути в Дрезден я узнал из одной радиопрограммы о сравнительно благоприятном повороте событий.

Мою лекцию слушали будущие высшие политофицеры Народной армии ГДР. После моего доклада, продолжавшегося приблизительно 30 минут, один майор в ходе дискуссии задал мне вопрос: «Вы только что сказали, что приказ вашим кораблям отправиться в обратный путь — это компромисс. Верно?» Другой офицер добавил: «Однако слово “компромисс” не было использовано советским руководством. Вы не боитесь, что после возвращения в посольство у вас будут серьезные трудности?»

Я осведомился, есть ли еще другие мнения на этот счет. Один майор объяснил: «Среди наших офицеров существуют различные оценки произошедшего. Часть офицеров придерживается мнения,

что Советский Союз в борьбе с США потерпел поражение. Другие думают, что СССР одержал в ней победу». Спрашивавший причислял себя к тем офицерам, которые считали, что было поражение.

Я быстро обдумал сложившуюся ситуацию и сказал, что хочу попробовать устранить имеющуюся неопределенность. Далее последовало по смыслу то, что я по возвращении из Дрездена изложил послу Первухину следующим образом: «Вместо того чтобы беспокоиться о моем благополучии, им следовало бы позаботиться о своем собственном будущем. Они же все будущие политработники! Они должны учиться самостоятельно оценивать события мировой политики, а не ждать установок сверху». Еще в тот вечер я призвал моих слушателей из Военной академии взять в руки работу Ленина «Детская болезнь левизны в коммунизме»: «Перечитайте ее два-три раза, и вы научитесь думать самостоятельно».

После лекции начальник академии пригласил меня в свой кабинет. Там собрались несколько генералов и высших офицеров из руководства академии. Пили коньяк и кофе. После того как бокалы были наполнены, генерал-полковник нагнулся ко мне и прошептал на ухо: «Я тоже думаю, что это был компромисс». Мы выпили за это.

Через неделю в Москве состоялось заседание Верховного Совета СССР. Министр иностранных дел Андрей Громыко заявил в своем выступлении, что Карибский кризис разрешился компромиссом. На следующий день меня вызвал к себе посол Первухин и рассказал, что ему сегодня позвонил начальник Военной академии имени Фридриха Энгельса. «Твой доблестный генерал, — сказал мне Первухин с усмешкой, — благодарил за то, что мы прислали ему такого сведущего лектора».

СОФИ ЛИБКНЕХТ — МОЯ УЧИТЕЛЬНИЦА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА. 1962 год

Мое участие в переговорах и встречах требовало непрерывного повышения квалификации. Поэтому мне разрешалось иметь по моему выбору одного преподавателя немецкого языка, работа которого оплачивалась посольством. О моих познаниях в немецком языке несколько лет заботился господин Альтенполь, с которым мы в конце концов сдружились. Это было еще в 1950-е годы, когда

послом был Пушкин. В 1960-е годы уроки мне давала Софи Либкнехт. Вдова Карла Либкнехта, по ее словам, не очень-то любила руководство ГДР. Но о причинах этого она говорить не хотела.

Во время занятий мы часто беседовали ради собственного удовольствия. Софи Либкнехт была гражданкой СССР. На вопрос, почему она не переедет жить в ГДР, она ответила, что привыкла к московской атмосфере и не представляет себе жизни без своих московских друзей и Большого театра.

Летом 1962 года я попросил посла Первухина разрешить мне показать Софи Либкнехт Западный Берлин. «Нет проблем», — ответил он. Таким образом, в один из вечеров мы отправились в Западный Берлин. Приблизительно час мы колесили на автомобиле по городу во всех направлениях, посетили крупнейший в городе универмаг КДВ. На Курфюрстендамме Софи попросила остановить машину. Мы вышли на правую сторону улицы напротив неоновой рекламы фирмы «Саламандра». «О, Александр, Александр, здесь все выглядит так же, как и раньше! Невозможно поверить. Только того дома, в котором мы жили с Карлом, больше здесь нет. Это было давно, очень давно». Ее глаза наполнились слезами.

Я постарался отвлечь ее от печальных мыслей: «Софи, вы, наверное, проголодались?» — «Честно говоря, да», — заметила она, и мы отправились в близлежащее кафе. Потом мы вернулись в Восточный Берлин. В дальнейшем мы с ней совершали такие «заграничные поездки» еще дважды.

ЦИРК АБРАСИМОВА. 1964 год

Да, конечно же! Я в восторге от цирка. Акробат прекрасен! — звучит как музыка в моих ушах. Но в последующей истории речь идет не о немецком цирке, а об одном из советских послов. Он пребывал в столице ГДР с 1962 по 1971 и с 1975 по 1983 год.

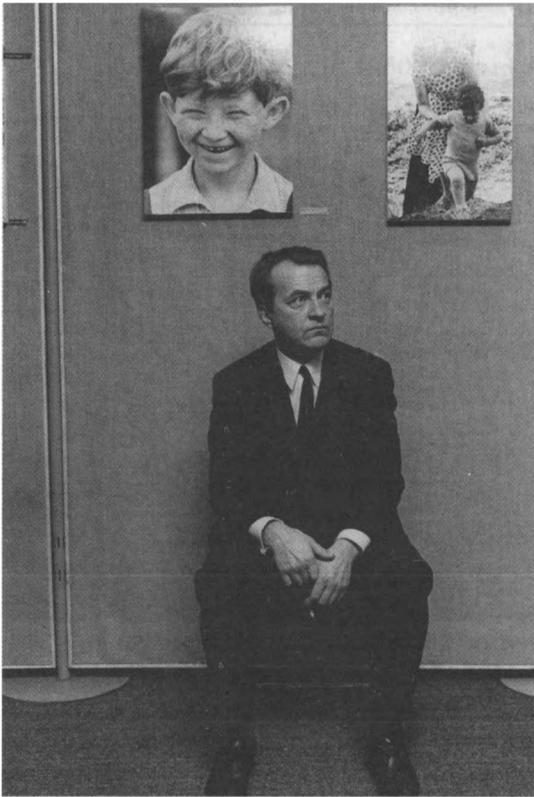
Козьма Прутков сказал: «Что могут сказать о тебе хорошего, коли ты сам о себе ничего сказать не можешь?» Советский посол в Берлине, Петр Андреевич Абрасимов решил опровергнуть это умное изречение. Он увековечил свое имя еще при жизни тем, что велел установить в фойе советского посольства на Унтер-ден-Линден мраморную мемориальную доску, надпись на которой упоминала его имя дважды.

На коктейле в советском посольстве в Бонне по случаю приезда А. Богомолова и отъезда пресс-атташе Г. Владимирова. В центре – Нина Богомолова. ФРГ, Бонн 1966 год

Семья Богомоловых в редкие минуты отдыха. Сын Никита в гостях у родителей в Германии в школьные каникулы. В руках у Никиты декоративная кружка с пивной пеной из пластмассы. ФРГ, Мюнхен 1966 год

Саша любил детей и часто их сам фотографировал. Он не мог пропустить международную фотовыставку, посвященную детям, выбрав профессионально нужный ракурс. Германия, Бонн 1960-е годы

Беседа посла в ФРГ С.К. Царпкина (в центре) с федеральным министром правительства ФРГ Хорстом Эмке. Слева – А. Богомолов. ФРГ, Бонн 1968 год

Встреча с руководителем концерна Круппа Бертольдом Байтцем. Слева направо: владелица ресторана, в котором проходили встречи высоких политиков, Б. Байтц, советник-посланник А.П. Бондаренко, советник посольства А.Я. Богомолов. ФРГ, Бонн 1968 год

Пресс-атташе советского посольства в Бонне Александр Богомолов с женой Ниной – гости редакции газеты «Бильд-Цайтунг». ФРГ, Гамбург конец 1960-х годов

Прием в советском посольстве в Бонне в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина. Справа налево: вице-канцлер ФРГ Г. Геншер, посол С.К. Царапкин, советник посольства А.Я. Богомолов, канцлер ФРГ В. Брандт, советник-посланник А. П. Бондаренко. ФРГ, Бонн 1970 год

Функционеры партийного аппарата ГДР не очень-то доверяли Абрагимову, потому что иногда он разбалтывал их тайны. Они предпочитали в период исполнения Абрагимовым его служебных обязанностей ездить в Москву и обсуждать там свои проблемы с работниками отдела ЦК КПСС. В начале 1970-х годов я работал в Центральном аппарате партии и знал все это. Функционеры СЕПГ тайком называли Абрагимова за его грубость и наглость «губернатором». Советское руководство, по крайней мере некоторая его часть, также не доверяло ему каких-либо серьезных дел.

В конце 1980 года в Москве состоялись переговоры Леонида Ильича Брежнева с одним из членов Политбюро ЦК СЕПГ. Меня послали в Берлин, чтобы устно ознакомить посла Абрагимова с записями этих переговоров, но саму стенограмму ему не отдавать. Ее я лично должен был доставить на следующий день обратно в Москву. На этот счет мне были даны строгие инструкции. Я соответствующим образом проинформировал об этом посла. Перед тем как выйти из берлинского посольства, я передал этот документ в секретариат, где хранились секретные документы. Я попросил секретаршу, которую знал уже в течение многих лет, не отдавать конверт никому, даже самому послу. В том случае, если он ночью будет спрашивать о моих бумагах, ей следует сказать, что она вообще меня не видела и не знает, что я в Берлине. Я же остановился на квартире одного своего товарища. На следующее утро я узнал, что Абрагимов действительно позвонил среди ночи этой секретарше и спросил ее о стенограмме. Кроме того, он справлялся, работает ли в секретариате копировальный аппарат. В Москве знали, с кем имеют дело!

Для меня всегда было удивительно, как люди типа Абрагимова делают карьеру. Как мог такой тип сделаться первым секретарем одного из областных комитетов партии, в течение многих лет занимать должность посла, а перед уходом на пенсию стать министром? Довольно очевидно, что для этого надо было иметь протекцию на самом верху. Вероятно, самого высокого покровителя Абрагимова звали Константин Черненко.

По-моему, это было в 1980 году, когда мой начальник в аппарате ЦК Шахназаров попросил изложить ему письменно мое мнение об автореферате докторской диссертации Абрагимова. Работа освещала тридцатилетний период развития отношений между СССР и ГДР. Реферат составлял 50 страниц машинописного тек-

ста. Мой «приговор» занял всего одну машинописную страницу: во-первых, работа представляет собой плагиат, во-вторых, отсутствовало указание степени секретности, в-третьих, в ней разглашались государственные тайны. Так, Абрасимов привел некоторые критические высказывания Брежнева в адрес руководства ГДР в ходе его встречи с Эрихом Хонеккером в Крыму. Менее высокопоставленные авторы за такие вещи строго наказывались.

Шахназаров упрятал изложение моей точки зрения в письменный стол. Однако заместитель начальника отдела, которому я дал копию моего заключения, дал ход делу: об этом узнала Комиссия партийного контроля. Когда Академия общественных наук при ЦК КПСС объявила о защите докторской диссертации, я, будучи тогда исполняющим обязанности заведующего сектором отдела, способствовал тому, что мой коллега поставил в известность о нашем вердикте ректора Академии Вадима Медведева. Он изложил ректору три упомянутых выше пункта. Как рассказывал потом мой коллега, Медведев сначала внимательно выслушал его, а затем сказал, что ему уже много раз звонил член Политбюро и секретарь ЦК КПСС Черненко и спрашивал, почему все время откладывается защита докторской диссертации Абрасимова. Мой коллега посоветовал назвать в качестве причины этого нашу оценку. «Вы сможете сделать это, когда сами окажетесь на этом месте», — сухо отреагировал Медведев и при этом показал на свое кресло. Защита состоялась. Присутствовавшие на ней доктора и профессора пришли в полный восторг. Один из них даже выразился в том роде, что эта работа якобы представляет собой нечто новое в советской исторической науке. Это, право же, не было преувеличением, если принять во внимание то, что ученые Академии никогда прежде не использовали шифрованные телеграммы или секретную дипломатическую почту. Понятно, что их привели в неопишуемый восторг и растрезвененные Абрасимовым секретные строки переговоров Брежнева с Хонеккером.

Чтобы завершить портрет Абрасимова, еще одно маленькое сравнение. Как и посол Пушкин, Абрасимов получил в подарок от руководства ГДР, на этот раз через Хонеккера, разборный дачный домик. Не проинформировав никого об этом и лично приняв подарок, он поступил иначе, чем Пушкин за 10 лет до этого. Более того, он попросил прислать в Москву монтажную бригаду со строительными материалами, арматурой, красками и так далее. И как

можно прочитать в мемуарах посла ГДР Винкельмана, Абрахимов не постеснялся предъявить по телефону претензию по поводу водопроводных кранов и поручить посольству возместить свои расходы на телефонные переговоры.

В настоящее время он проживает на этой даче в одном из фешенебельных пригородов Москвы, в 40 километрах от столицы. «Пушкинская» же дача была по его предложению в свое время отдана детскому пансионату Министерства иностранных дел.

ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ С ТОМАСОМ ДЕЛЕРОМ. 1964 год

После моего второго шестилетнего пребывания в Берлине летом 1963 года я опять вернулся в Москву. Меня назначили первым секретарем Третьего европейского отдела, в компетенцию которого входили отношения с ГДР, ФРГ и Западным Берлином. На этот раз круг моих обязанностей лежал в секторе Федеративной Республики Германии.

В 1964 году в Москву приехал вице-президент Бундестага Томас Делер — в свое время активный противник нацизма, чрезвычайно симпатичный и приятный человек. Делер приехал в нашу страну не как турист. Его пригласил в гости Никита Хрущёв, бывший в то время первым секретарем ЦК КПСС. Руководство Третьего европейского отдела поручило мне сопровождать Делера в его поездке по Советскому Союзу. В качестве переводчика был привлечен тогдашний второй секретарь нашего отдела Владислав Петрович Терехов, позднее ставший послом Российской Федерации в Федеративной Республике Германии. Мы показали гостю Москву, посетили Ташкент, Минск, Киев и Сочи.

В Киеве в честь Делера дали обед. Принимающей стороной был заместитель председателя Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики. За столом разместились приблизительно 12 человек. Мы как раз были заняты тем, что пробовали знаменитый украинский борщ, когда хозяин неожиданно встал и произнес короткую речь на украинском языке. Ее текст был отпечатан на одном листе бумаги. После этого оратор сел, и в зале наступила тишина. Делер посмотрел на меня вопросительно, и я быстро прошептал ему через плечо Терехова, что мы оба не

понимаем украинского языка. Пауза длилась 20 секунд. Терехов тихо поинтересовался у меня, что ему делать. «Вкусный борщ?» — спросил я его. «Да, даже очень» — ответил он. «Тогда продолжай есть дальше» — шепнул я, не глядя на него. Тут хозяин громко задал вопрос: «Почему речь не переводится на немецкий язык?» Я взялся ответить: «Мы с господином Делером посетили четыре разные советские республики — Узбекистан, Белоруссию, Украину и Российскую Федерацию. Господин Делер — гость Верховного Совета СССР. Мы, сопровождающие его лица, — германисты и кроме русского языка говорим только по-немецки».

После короткой паузы я заметил движение на стороне стола хозяина. Оттуда поднялся один молодой человек. Через минуту он вернулся в зал с листком бумаги в руке. Хозяин кивнул ему головой, и молодой человек сделал два шага в нашу сторону. Он бросил Терехову бумагу так, что лист упал на пол. Я посоветовал Терехову не поднимать листок с пола: «Так почетным гостям бумаги не подают». Наконец молодой человек сам нагнулся и положил бумагу с русским текстом речи на стол перед Тереховым.

Тогда тот быстро перевел речь на немецкий.

После обеда мы узнали от Делера, что он наблюдал и правильно понял то, что произошло. Об Украине он узнал тогда намного больше, чем просто то, что борщ имеет великолепный вкус.

ДЕЛЕР ОТКАЗЫВАЕТСЯ ПРИВИВАТЬ ФРУКТОВОЕ ДЕРЕВО. 1964 год

Поездка была для Делера очень напряженная, в то время ему было уже почти 70 лет. Во время перелета в Сочи он задремал в кресле. Яркие солнечные лучи падали сквозь овальный иллюминатор прямо ему на лицо. Его седые волосы и морщины на щеках отбрасывали мягкие тени. Я вытащил из своей папки лист бумаги и стал рисовать нашего спящего почетного гостя. Незадолго перед приземлением эскиз был готов. На нем был изображен берег Черного моря в овале иллюминатора и прямо перед ним лицо Томаса Делера. В верхнем левом углу рисунка печатными буквами я написал по диагонали «Германия, Германия превыше всего...». При этом я думал о Гофмане фон Фаллерслебен, который сочи-

нил этот текст. Об этом я и сказал господину Делеру, когда дарил ему этот эскиз. Рисунок ему, очевидно, понравился, потому что в Рождество я получил от него ценный подарок — книгу «Изображения обнаженных человеческих тел великими мастерами» со 120 рисунками Микеланджело, Рубенса, Рембрандта, Леонардо да Винчи и Ренуара.

В Сочи мы побывали в Ботаническом саду, который прежде всего знаменит тем, что один известный ботаник вырастил там огромное фруктовое дерево с сотнями различных видов фруктов (яблок, груш, абрикосов, слив и т.д.). Многочисленным почетным иностранным гостям, посещавшим курорт, предлагалось собственноручно привить какой-нибудь новый фрукт по их выбору. Ученый обстоятельно и терпеливо показывал, как это делается. Нож для окулировки гости могли оставить себе на память. Вслед за этим гостю, как правило, предлагалось занести в книгу для гостей дату, свое имя, привитый сорт фрукта, свою подпись. К 1997 году на Дерево дружбы было привито около 600 сортов. И Томас Делер в 1964 году внимательно выслушал профессора. При этом он не менее внимательно листал книгу для гостей. Но когда ему было предложено привить веточку на Дерево дружбы, господин Делер, однако, неожиданно отклонил это предложение, объяснив причину следующим образом: в книге для гостей он обнаружил запись, сделанную делегацией Народной палаты ГДР. Его подпись рядом означала бы признание ГДР.

Сегодня отказ Делера может показаться нелепым, но в годы холодной войны оба германских государства тщательно заботились о том, чтобы сохранять и постоянно демонстрировать свои позиции, расставляя все точки над *i*. Даже нашему ботанику аргументация Делера показалась тогда убедительной. Он с сожалением пожал плечами и пригласил нас в соседнюю комнату на чашку кофе.

МОЖЕТ ЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ БУНДЕСТАГА КАРЛ КАРСТЕНС ПОСЕТИТЬ 9-Й КОНЕЗАВОД? 1966 год

В середине 1960-х годов в Москву приехал Карл Карстенс. Он был в Советском Союзе с официальным визитом как председатель бундестага. Но в следующей ниже истории речь идет не о высо-

ком визите, а о существовавших нелепых обычаях в дипломатической службе СССР. Все работники Министерства иностранных дел точно знали, что только высшее начальство может принимать решения, даже если речь шла о совершеннейших пустяках. Какие странные масштабы могло принимать это требование, показывала реальность.

Из посольства ФРГ в Москве поступил телефонный звонок. Звонившие сообщили, что господин Карстенс во время своего пребывания в СССР хотел бы посетить какой-либо конезавод. Мы передали эту просьбу в Министерство сельского хозяйства. Там нам сказали, что 9-й конезавод, который относится к числу образцовых предприятий, вполне подошел бы для высокого визита. Это хозяйство посещалось в течение года многочисленными иностранными специалистами. Полученную информацию мы изложили на бумаге. По нашему мнению, она могла бы быть передана в посольство ФРГ. Но один наш коллега посчитал, что в любом случае мы должны поставить в известность начальника отдела Семёнова.

Семёнов как раз в тот момент был у первого заместителя министра иностранных дел Кузнецова. Так что я спустился на два этажа ниже, туда, где на седьмом этаже работал Кузнецов, и попросил его помощников передать Семёнову наш листок бумаги. Но они не захотели беспокоить его, так что я на свой страх и риск зашел в зал заседаний. Мне это дело казалось мелочью, которую я думал спешно уладить. Я пододвинул нашу записку через стол Семёнову, тот же счел необходимым обратиться к своему начальнику Кузнецову: «Василий Васильевич, Карл Карстенс хочет посетить Девятый конезавод». Кузнецов в свою очередь спросил: «Это предприятие подходит для посещения иностранцами?» — «Подходит, подходит. Этот завод образцовый во всех отношениях», — объяснили хором Семёнов и я. Кузнецов между тем отодвинул наш листок в сторону, не дав какого-либо ответа, и занялся более важными для него делами. Я покинул комнату, так и не уладив дела.

Наше маленькое уведомление прошло бюрократическую процедуру только после обеда следующего дня. И все же Карл Карстенс получил доступ на образцовое предприятие.

ГРОМЫКО МОГ БЫ «ПЕРЕВЕРНУТЬ ВЕСЬ МИР». 1966 и 1988 годы

С момента, когда в 1957 году Андрей Громыко сменил Молотова на посту министра иностранных дел, я знал его как неразговорчивого, нелюдимого и замкнутого человека. В моем присутствии Андрей Андреевич лишь один раз за 25 лет проявил настоящее человеческое чувство. И то лишь потому, что был поставлен в неловкую ситуацию.

Это случилось в 1966 году в Бухаресте на заседании Политического консультативного комитета стран — участниц Варшавского договора. Принятие совместного коммюнике затягивалось из-за неразумной позиции румынской делегации. В проекте коммюнике говорилось, что западногерманский реваншизм угрожает таким государствам, как ГДР, Польская Народная Республика, ЧССР, и другим. Чаушеску между тем упрямо настаивал на том, что в этом пункте должна быть упомянута Социалистическая Республика Румыния, и притом перед ГДР и другими социалистическими странами. Когда помощники Громыко доложили ему о румынской позиции, он пришел в ярость и начал так сквернословить, что те предпочли незаметно удалиться. Громыко искусно владел русским матерным языком. Эта сцена пришлась мне по душе. Я впервые увидел в нем живого человека, способного потерять самообладание.

Типичной для Громыко была безоговорочная верность линии партии. Он покорно выполнял каждый ее поворот и при этом всегда перестраховывался. Его малодушие было известно, но, несмотря на это, удивляло нас каждый раз заново. Так, например, Громыко всячески восхвалял в 1960 году результаты поездки Хрущёва в Египет, а немного позднее, после Октябрьского пленума, на котором Хрущёв был отправлен в отставку, преподнес их как «возмутительные» и «ужасные» промахи. Меня это особенно поразило еще и потому, что я часто присутствовал на встречах и переговорах Хрущёва с руководством ГДР и испытывал к нему большую симпатию.

Однако было бы неправильно и несправедливо подчеркивать только негативные черты Громыко. Он уверенно выступал и свободно говорил по-английски. Кроме того, он блестяще владел литературным русским языком. Министр иностранных дел был очень хорошо знаком с немецкой проблематикой. И еще — он был очень рабо-

тоспособным человеком. Я помню, как однажды он вызвал к себе меня и других сотрудников и попросил подготовить проект ноты протеста в адрес правительства ФРГ. Он дал нам час времени. Когда по прошествии этого времени мы представили ему наш проект, выяснилось, что Андрей Андреевич уже сочинил свой. Согласование обоих проектов позволило быстро подготовить ноту. Две трети итогового текста вышло из-под пера министра иностранных дел.

Но чем старше становился Громыко, тем отчетливее проявлялись его слабые стороны: малодушие и трусость. Однажды Громыко в откровенном разговоре со своим внуком (как тот потом рассказывал в телевизионном интервью) заявил: «Если я расскажу все, что знаю, то весь мир перевернется!»

Его смелости, правда, хватило лишь на один разговор с внуком. А еще на несколько прописных истин в мемуарах. Когда Громыко опубликовал их, шел уже 1988 год!

ПАРИ НА ЧЕТЫРЕ БУТЫЛКИ ВОДКИ. 1966 год

Весной 1966 года Иван Иванович Ильичев, тогдашний руководитель Третьего европейского отдела МИДа, сказал мне, что я согласно плану кадровых замен должен осенью 1966 года отправиться в Бонн в качестве первого секретаря советского посольства. Я обрадовался и стал готовиться к вступлению в должность. Прежде всего, мне нужно было познакомиться с новыми именами, экономическими данными и политическими проблемами. В начале июля я снова был вызван к Ильичеву. Когда я вошел в его кабинет, то обнаружил там группу наших послов, которые сидели на кушетке и весело переговаривались между собой. Ильичев без комментариев отправил меня к Василию Грубякову, начальнику отдела кадров Министерства иностранных дел. «Вы не знаете, в чем дело?» — поинтересовался я. «Не знаю. После разговора с Грубяковым ты придешь сюда и все нам расскажешь».

Через некоторое время я сидел перед начальником отдела кадров Грубяковым. Тот поставил меня в известность, что руководство Министерства иностранных дел намерено предложить мне пост помощника заместителя министра иностранных дел в ранге советника посольства. Я поблагодарил его, но объяснил, что, согласно ротационному плану, меня должны послать осенью в Бонн

первым секретарем посольства. Об этом мне еще в начале года сообщил Ильичев. «Обдумайте основательно свое решение, — заметил Грубьяков с серьезным выражением лица. — Такого выгодного места второй раз вам уже не предложат». — «Может быть, и так, Василий Федорович, но, видите ли, я уже провел двенадцать лет в ГДР, хорошо знаю страну, людей и тамошние проблемы. Но до сего момента я провел лишь два недели в Федеративной Республике Германии. Как германисту, мне хотелось бы познакомиться с обеими частями Германии, или это нескромно?» — «Посмотрим, действительно ли вас планируют послать осенью в ФРГ». С этими словами он поднялся и подошел к своему сейфу, из которого вытащил огромный синий альбом. Это, очевидно, была его книга «кадровых перемещений». Он раскрыл ее и пробежал карандашом по списку имен. Затем карандаш двинулся горизонтально дальше и остановился у края страницы. Грубьяков прочитал вслух: «Богомоллов, сентябрь 1966 года, первый секретарь Посольства СССР в ФРГ». И через мгновение: «Ну, хорошо, я принимаю ваши аргументы. Давайте оставим все как есть, без изменений».

Когда я снова предстал перед Ильичевым, тот спросил меня, широко улыбаясь: «Ну, что было?» Я пересказал свой разговор с Грубьяковым. «Ну, что я вам говорил!» — гордо воскликнул Иван Иванович. А потом проворно объяснил мне: «Когда ты ушел, коллеги сказали мне, — и он кивнул головой в сторону кушетки, — что я плохо знаю своих людей и ты проглотишь наживку — должность советника. Я предложил пари и утверждал, что ты отклонишь повышение по службе. Ты выиграл четыре бутылки водки!» — «Я сильно сомневаюсь, что получу за это хотя бы одну-единственную бутылку», — ответил я и оказался прав.

БУНДЕСВЕР — ОДИН РАЗ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ. 1967 год

В начале осени 1966 года я прибыл в Бонн. Впереди были пять лет, наполненных интересными встречами в «империалистическом германском государстве». Некоторые из них получили очень неожиданный исход.

Я сидел в своем кабинете на втором этаже советского посольства на Роландсек-на-Рейне, когда дежурный сообщил, что со мной

хотят говорить два офицера бундесвера. Я пошел в комнату для встреч, где меня уже ждали два молодых, едва ли старше 30 лет, офицера. Погоны указывали на то, что это летчики. Я предложил обоим сесть и спросил о причине их визита. Они встали. Старший по званию, старший лейтенант, объяснил: «Мы узнали сегодня из прессы, что вчера в Советском Союзе при завершении космического полета погиб советский летчик-космонавт Владимир Комаров. В связи с этим мы хотели бы выразить свои соболезнования родственникам Комарова, а также его друзьям и коллегам».

Искренняя открытая манера поведения обоих офицеров бундесвера произвела на меня, как на бывшего солдата и инвалида войны, глубокое впечатление. Я представил себе, что с этими двумя людьми я мог бы подружиться.

Если эти воспоминания попадут им в руки, они могли бы дать мне о себе знать через издательство и я бы с удовольствием пригласил их к себе на неделю в Москву.

СЛОВЕСНАЯ ТРУХА. 1968 год

На второй год после моего приезда в Бонн я был произведен из первого секретаря в советники посольства по информации. В Москве надо мной стоял отдел информации МИДа. В мои обязанности входило изучение антисоветской пропаганды немецких средств массовой информации, анализ существенных аргументов и мотивов их выступлений и пересылка через посольство в Москву соответствующих сообщений с предложениями. Читиво часто было однообразным и скучным, круглый год одно и то же. Подавляющая часть критических выпадов была неизменно ядовитой и демонстрировала недостаток знаний о действительном положении дел в Советском Союзе. Я считал эти материалы пропагандистки нерезультативными. Аргументы казались большей частью примитивными. Но все чаще всплывали и реалистичные описания положения дел в Советском Союзе. В них утверждалось, что ресурсы Советского Союза хотя и большие, но ограниченные, и страна либо отстанет от США в гонке вооружений, либо ее ожидает социальный взрыв.

В обратном же направлении вообще никакая информация не проникала. Западные изображения жизни в Федеративной Респуб-

лике Германии и западные взгляды на СССР не проникали сквозь железный занавес. Даже для партийного аппарата информация предварительно «просеивалась». В секторе ГДР аппарата ЦК КПСС, куда я затем был назначен в 1972 году, мы выписывали многие газеты и журналы: «Ди Вельт», «Франкфуртер Альгемайне», «Франкфуртер Рундшау», «Зюйддойче Цайтунг», «Форвертс», «Шпигель», «Штерн» и другие. Они доходили до нашего отдела целыми и невредимыми. Но однажды, когда я взял в руки свежий номер «Шпигеля», я заметил, что кто-то усердно повозился над этим экземпляром с ножницами. Мы получили номер, подвергнутый цензуре, предназначавшийся для других отделов. Одна статья о Брежневе была превращена в лапшу. В ней невозможно было прочесть ничего. Я попросил Русакова, секретаря ЦК КПСС и руководителя отдела, оставить нам свой не подвергнутый цензуре экземпляр. Он протянул мне свой номер с просьбой поставить его в известность о том, что же было вырезано из нашего номера. При сравнении обоих номеров выяснилось, что цензор выбросил все намеки на слабое здоровье генерального секретаря. Это было странно, потому что это было тогда секретом Полишинеля. И что это была за глупость, ведь дюжину других газет с подобными же статьями этот цензор не обработал!

Кроме анализа массмедиа, в Бонне мне приходилось также вносить предложения по улучшению внешнеполитической пропагандистской работы. Я не могу не признать, что все мои усилия в этом направлении пропадали даром. Я делал многочисленные деловые предложения, которые рассылались в разные советские учреждения. Ни на одно из них не последовало какой-либо реакции. Однажды я посоветовал воплотить в жизнь идею господина Неске, одного издателей из Штутгарда, состоявшую в том, чтобы издать альбом с краткими биографиями и портретами ста выдающихся советских людей. Этот альбом должен был выйти на трех языках. Свиридов, всемирно известный фотохудожник, должен был сделать фотографии. Издательство хотело предоставить в распоряжение Советского Союза определенный процент прибыли. Из Москвы, однако, не пришло никакого ответа. Причину этого я узнал лишь после моего возвращения в Москву осенью 1972 года. Московские инстанции не смогли договориться, кого следует поместить в список лучших людей.

Агентство печати «Новости» присылало в Федеративную Республику Германию ящиками информационные материалы на немецком языке. Брошюры бесплатно раздавались нашими дипломатами и корреспондентами во время их лекций всем присутствовавшим. Они были написаны русскими и как по языку, так и по содержанию скорее годились для внутреннего советского пользования. Вместо того чтобы написать: «Товарищ Брежнев на съезде партии сказал, что...», стояло: «Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев на съезде Коммунистической партии Советского Союза сказал...». Я пробовал осторожно дать понять вышестоящим инстанциям, что эти брошюры скорее отпугивают читателей, ссылаясь при этом на безобидную поговорку, что-то вроде «другие страны — другие нравы». Я цитировал выдержки из писем дружественных Советскому Союзу немецких граждан, которые делились с нами своим мнением по поводу брошюр АПН. Одно из них звучало приблизительно так: «Дорогие друзья, вам следует более ответственно подходить к редактированию ваших текстов, потому что иногда невозможно переварить эту словесную труху». Однако ничего не менялось. Напротив, во второй половине 1960-х годов советское посольство в Бонне стало получать еще больше подобных брошюр, также и на итальянском, испанском, турецком и югославских языках. У посольства не было вообще никакой возможности распространять эти брошюры среди работавших в ФРГ иностранцев. Брошюры сваливались пачками в кучи, и их в конце концов пришлось сжечь.

Когда директор издательства АПН Комолов приехал однажды на книжную ярмарку во Франкфурт, я откровенно сообщил ему, как мы уничтожили его литературу на иностранных языках. Он устроил невиданный скандал, грозился отдать меня под суд. Я ответил ему, что юстиция хотя и судит с повязкой на глазах, но она умна и что его преступление — слать в Германию тонны брошюр на турецком языке — весит больше, чем наше разумное решение — сэкономить на дорогой обратной транспортировке в Москву.

После того как я вернулся в Москву, я узнал, что вышеупомянутый директор издательства сел в тюрьму за финансовые махинации. Очевидно, кто-то снял у юстиции повязку с глаз.

ОДНОСТОРОННЕЕ ЗНАКОМСТВО. 1969 год

В апреле 1969 года нашему посольству в Бонне пришло задание выяснить, как информируется высшее руководство Федеративной Республики Германии о событиях дня, какими учреждениями, в каких формах и как часто это делается. Я беседовал по этому вопросу со многими моими коллегами из Министерства иностранных дел, но их сведений не хватало для того, чтобы я мог составить полный отчет. Поэтому я решил напрямую обратиться к статс-секретарю Конраду Алерсу. Он согласился помочь и назначил мне встречу. Я должен был посетить его в Федеральном ведомстве печати и информации. Я прибыл туда вовремя, но узнал, что господин Алерс еще не появился, и его прибытия ожидают приблизительно через четверть часа. Я решил подождать снаружи у главного входа.

Вскоре к зданию подъехали два черных «мерседеса». Из первой машины вышел Алерс, а из второй — Гюнтер Гаус, главный редактор журнала «Шпигель». Мы поприветствовали друг друга, причем Алерс обратился к Гаусу и ко мне с вопросом: «Вы знакомы друг с другом?» Я ответил: «Только односторонне. Господин Гаус знает меня, а я никогда не имел чести быть знакомым с ним». Гаус взглянул на меня вопросительно и сказал, что он меня не знает. «Как это?» — повернулся ко мне Алерс. «То, что говорит господин Гаус, не соответствует истине, — пояснил я свое утверждение, — или следует полагать, что главный редактор журнала “Шпигель” не знает людей, о которых поручает напечатать подробную статью?»

28 апреля именно в «Шпигеле» была опубликована большая статья обо мне. Она называлась «Пресс-атташе как агент КГБ». Казалось, в редакции журнала знали все обо мне, о моей семье, о моей жизни.

«Следует согласиться, что его ответ звучит убедительно», — искусно закончил Алерс мое представление Гаусу. Он попрощался с Гаусом и пригласил меня в свой кабинет, располагавшийся на втором этаже.

Статс-секретарь поделился со мной интересными сведениями, которые сформировали основу моего отчета. Приведу здесь только один маленький пример того, что рассказал мне тогда Алерс: незадолго до ввода советских войск в Чехословакию учреждения

Федерального ведомства печати перехватили сообщение одной нелегальной чешской радиостанции о вводе советских военных подразделений в Чехословакию. Это произошло среди ночи. После короткого раздумья Алерс решил разбудить канцлера Кизингера. Когда на следующее утро представители компетентных органов представляли свои очередные доклады, один из сотрудников разведывательной службы повторил ночное сообщение. Канцлер движением руки прервал его и сказал лишь: «Это мне уже известно». У докладчиков от удивления вытянулись лица. Алерс спросил у меня: «Как ты думаешь, Александр, осмелился бы кто-нибудь у вас среди ночи поднять генерального секретаря из теплой постели из-за такого “пустяка”?»

Тогда я не знал ответа на этот вопрос, а сейчас у нас больше нет генерального секретаря.

«Шпигель». №18, 28 апреля 1969 года

Д р у з   С а ш а

Когда Александр Я. Богомолов, 46 лет, ведет со своим гостем на улице Рейнвег, дом 12, в Бонне беседы на политические темы, он на полную мощь включает в своей жилой комнате три источника звука: телевизор, радиоприемник «Сателлит» фирмы «Грюндиг» и дуальный проигрыватель.

Шумовая завеса имеет для Богомолова конспиративный смысл: он полагает, что в его скромно обставленной квартире установлены «жучки» (на жаргоне секретных служб — подслушивающие устройства) или что в запаркованных перед дверями его дома автомобилях находится подслушивающая аппаратура западных органов безопасности.

Интерес контрразведки, по меньшей мере, к одной из сторон осуществляемой Богомоловым деятельности не случаен, поскольку исполняемая этим русским в Бонне функция имеет двоякий характер. Официально он представляется как атташе по вопросам печати в ранге советника в советском посольстве в Роландсеке, на Кобленц-штрассе, дом 28. Неофициально он использует свой дипломатический иммунитет в интересах своего конспиративно-подрывного хозяина — советской секретной службы, Комитета государственной безопасности (Комитет государственной безопасности — КГБ; насчитывает от 600 тыс. до одного

миллиона сотрудников; руководитель — Юрий Владимирович Андропов; по оценкам американского ЦРУ, ежегодный бюджет зарубежной шпионской деятельности составляет восемь миллиардов марок).

Офицер секретной службы Богомолов находится в подчинении у 1-го главного управления (руководитель — генерал-лейтенант Александр М. Сахаровский; 10 тыс. штатных сотрудников) — активной зарубежной разведывательной службы КГБ, сравнимой с немецкой Федеральной разведывательной службой и американским ЦРУ.

Богомолов — умный, интеллигентный, остроумный, в необходимых случаях чрезвычайно коммуникабельный человек — и в секретной службе действует по нескольким направлениям: он использует свои отношения с представителями политической жизни и промышленности в интересах подотдела по сбору информации в 1-м главном управлении КГБ.

Как никто другой из русских в советском посольстве в Бонне, он весьма непринужденно вращается в федеральных общественных кругах. Здесь Богомолов, заядлый рыбак и любитель стрельбы по тарелочкам, изучает своих собеседников на предмет их пригодности для секретной службы Москвы в качестве богатого источника информации или агента влияния в пользу Советов.

Ибо Богомолов, говорящий по-немецки на нескольких диалектах, переводит в интересах советской политики также директивы группы Д — «Дезинформация» (руководитель — Иван И. Ага-яни) — специального подразделения секретной службы Москвы по распространению за рубежом сфальсифицированной и вводящей в заблуждение информации.

В качестве состоящего на службе этого преследующего подрывные цели коллектива Богомолов допустил недавно языковый ляпсус, запустив в немецкую общественность предназначенное только для внутреннего употребления в КГБ понятие «дезинформация». Выступая 14 марта перед боннскими журналистами, этот дезинформатор сказал, что федеральное правительство путем «дезинформирующих» сообщений искаженно передало содержание бесед между канцлером Куртом Георгом Кизингером и советским послом Семеном К. Царапкиным.

На днях Богомолов распространил в боннских кругах целенаправленную версию, согласно которой правительство Кизингера

подчиняется американскому нажиму. Богомолов утверждал, что по указанию посольства США боннское Министерство иностранных дел должно было отклонить компромиссные предложения Москвы об установлении германо-советского воздушного сообщения.

Шарм, с каким офицер КГБ умеет собирать сведения и распространять дезинформацию, при обмене ударами может быстро превращаться в жесткость, которой теннисист Богомолов производит впечатление также у сетки на площадке в американском клубе в Бад-Годесберге. То, что он не всегда придает значение обходительности, этот советский человек обнаружил в конце прошлого месяца при выполнении в Министерстве иностранных дел в Бонне приказа отдела кадров центра секретной службы в Москве (руководитель — генерал майор Василий В. Мозжечков).

Русские в Бонне уже дважды обращались к Министерству иностранных дел с необычным требованием передать им копию полицейского сообщения о смерти вследствие несчастного случая руководителя советской секретной службы в Федеративной Республике Юрия Никаноровича Воронцова 25 февраля на улице Милтерринг в Кельне («Шпигель», № 12, 13 за 1969 г.).

Сначала с просьбой передать такой рапорт к Министерству иностранных дел обратился советский посланник Александр П. Бондаренко. Затем посол Царапкин спросил о полицейском протоколе даже министра иностранных дел Вилли Брандта.

Но чиновники МИДа не хотели реагировать опрометчиво, потому что из своего опыта знали, что и московская милиция не передает немецким дипломатам свои внутренние рапорты. В конце концов, в здании МИД на Вертштрассе, дом 3, появился Богомолов. Но не для того, чтобы посетить ответственного за работу с атташе по печати старшего советника Юргена Руфуса. Напротив, офицер КГБ пробился к исполняющему обязанности заведующего 2-м политическим отделом МИД, министерский-директору Ульриху Заму и резким тоном потребовал от него передать наконец отчет из Кельна о происшествии.

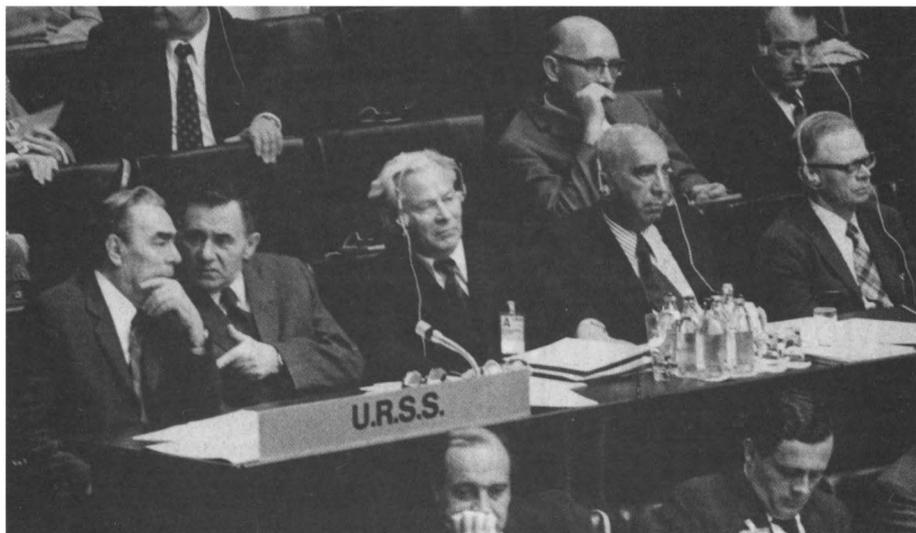
Направив вербальную ноту, МИД уступил наконец назойливому напору, и сотрудник КГБ Богомолов дал возможность бюрократии секретной службы в Москве закрыть с помощью немецкого отчета о происшедшем дело Воронцова и окончательно «исключить»

Прощаясь с пресс-атташе советского посольства в ФРГ Александром Богомолковым, западные журналисты преподнесли ему подарок – концертный барабан. Этим ударным инструментом Саша владел также искусно и виртуозно, как и немецким языком с его многочисленными диалектами. Бонн 1972 год

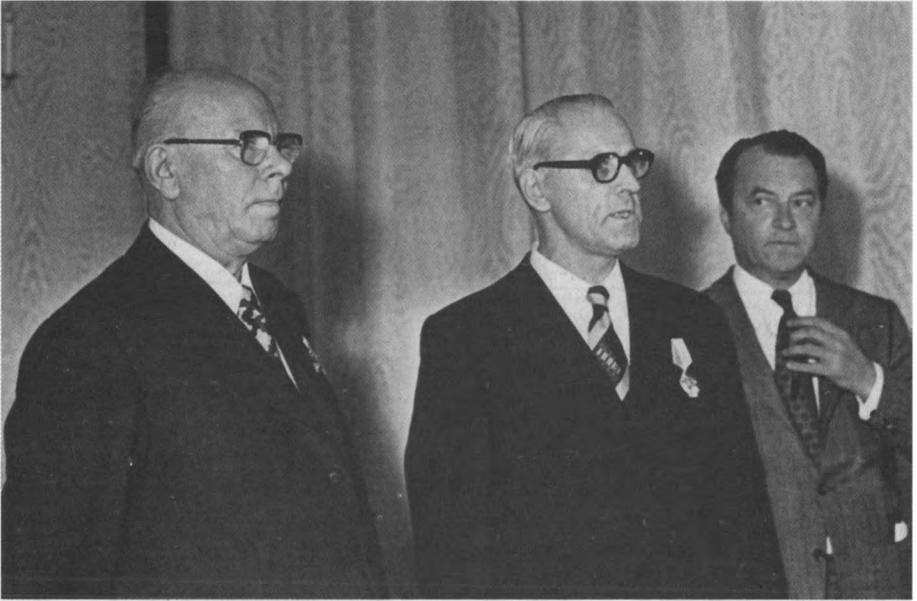
Правительственная делегация ГДР при посещении Центра подготовки космонавтов в Звездном городке. Слева направо: В. Ламберц, П. Фернер, Э. Хонеккер, В. Штоф. Переводит В. Эберляйн. Москва, Звездный городок 1975 год

Советская делегация на Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. Слева направо: Л.И. Брежнев, А. А. Громыко, К.У. Черненко, А. Г. Ковалев (заместитель министра иностранных дел), А.М. Александров-Агентов (помощник Л.И. Брежнева). Второй ряд справа налево: А.Я. Богомолов, А.И. Блатов (помощник Л.И. Брежнева). Финляндия, Хельсинки 1975 год

На одном из партийных мероприятий ЦК СЕПГ. Выступление руководителя делегации ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Справа Э. Хонеккер. Переводит А.Я. Богомолов. Берлин 1970-е годы

Награждение орденом Ленина председателя СМ ГДР В. Штофа. Слева – председатель ВС СССР Н.В. Подгорный, справа – ответственный сотрудник ЦК КПСС А.Я. Богомолов. Москва 1976 год

На приеме в Кремле. Слева направо: К.Ф. Катушев, Н.А. Косыгин, Б.Н Пономарев, Э. Хонеккер, И.В. Капитонов, Л.И. Брежнев, В. Эберляйн, П.А. Абрасимов, Ф.Д. Кулаков, И.А. Курпаков, А.Я. Богомолов, В. Штоф. Москва конец 1970-х годов

Встреча старых и надежных друзей. Ответственные работники ЦК СЕПГ Бруно Малов и ЦК КПСС Александр Богомолов. Крым 1970-е годы

чить» (жаргон секретных служб) мертвого резидента из списка сотрудников.

Смерть в транспортном происшествии Воронцова, который с алкоголем в крови протаранил немецкого автомобилиста, Богомоллов воспринял как личное горе, потому что руководитель боннского КГБ и его сотрудник были хорошими друзьями. Между тем жест утешения выпал на долю Богомоллова на Пасху со стороны немца, который охотно похваляется своей закадычной дружбой с русским: Георга-Фолькмара графа Цедтвица фон Арнима, 43 лет, директора штабного подразделения «Информация» концерна Круппа в Эссене и автора книги «Делай добро и говори об этом».

Граф с берегов Рура сделал доброе дело, освободив собеседников Богомоллова от потенциальной опасности быть сожженными бывшим офицером-сапером Красной армии. Многие годы Богомоллов (как говорит Цедтвиц, «мой друг Саша») предлагал курильщикам прикурить от инструмента, из которого вырывалось высокое пламя.

После Пасхи огненный дьявол изгнан из боннских приемов и встреч агентов. Богомоллов с готовностью предлагает курильщикам изящное пламя из золотой зажигалки фирмы «Данхилл» (стоимостью 180 марок) с выгравированными буквами на кириллице АЯБ. Как говорит Богомоллов: «От моего друга Цедтвица».

Однако на этот раз графа совсем не устраивает, что «Саша» еще и говорит о сотворенном добре, так как тесная связь между штабным директором подразделения «Информация» и офицером секретной службы по «дезинформации» считается тем временем у Круппа довольно сомнительным делом. Цедтвиц сказал «Шпигелю»: «Им это больше не так уж нравится».

Направление, от которого исходит опасность, будет меняться, поскольку вследствие смерти и демаскировки своего боннского резидента Воронцова, а также разоблачения других агентов центр КГБ в Москве готовит перемены в секретной сети в Федеративной Республике. Тогда и Богомоллов вместе с супругой, д-ром Богомолловой, и 17-летним сыном Никитой вернется после почти трехлетней шпионской деятельности с берегов Рейна на берега Москвы.

ГЕМОРРОЙ И ШПИОНЫ. 1969 год

Статья в «Шпигеле» имела забавные последствия. Некоторые из аккредитованных в Бонне послов устраивали по тому или иному случаю приемы в летних павильонах, которые им с удовольствием сдавали внаем по низким ценам американцы. Я приехал на одну такую встречу, причем с небольшим опозданием. Зал уже был полон гостей. Я осторожно пробирался сквозь толпу людей, стараясь найти хоть одно знакомое лицо. Тут я заметил статс-секретаря Хорста Эмке и нескольких хорошо знакомых мне журналистов. Я приблизился к этой группе и услышал громкий голос Эмке: «Ага, вот идет главный советский шпион». Говоря это, он доброжелательно улыбался. Если статс-секретарь так непринужденно шутит, подумал я, то его замечание не следует принимать всерьез.

«Я должен немедленно отправляться домой паковать чемоданы, или же мне будет позволено все-таки выпить рюмочку?» — отшутился я в том же тоне. Эмке сделал приглашающее движение рукой. Однако в этот момент ко мне повернулся господин, с которым я не был лично знаком, и мрачно произнес: «Я бы на вашем месте все-таки немедленно ушел паковать чемоданы». Я сообразил, что имею дело с послом Великобритании.

«Добрый день, господин посол, — ответил я, — знаете ли, я ведь всего лишь советник посольства. На моем месте вы можете оказаться лишь в том случае, если вас понизят в должности, но это вам определено не угрожает».

Посол пробурчал что-то себе под нос и отошел в сторону, пока я здоровался со всеми стоявшими в этом кругу.

Незадолго до этого английское правительство выслало из Лондона около 100 советских дипломатов, обвинив их в том, что они якобы шпионы. Отношения между нашими странами были напряженные. Из-за этого, вероятно, британец и был так неприветлив со мной. Среди корреспондентов выделялся один особенно высокий парень. Он наклонился ко мне и, держа в левой руке блокнот, а в правой шариковую ручку, громко спросил: «Скажите, пожалуйста, как будет реагировать ваше правительство на высылку советских шпионов из Лондона?»

Меня сразу же охватило чувство антипатии к этому назойливому детине. «Скажите, пожалуйста, вы уже вылечили свой геморрой?» — спросил я его в ответ.

Человек удивленно посмотрел на меня: «Какой геморрой? У меня нет никакого геморроя!» — «Видите ли, — спокойно возразил я, — у вас нет никакого геморроя, а у нас нет никаких шпионов в Лондоне».

Через неделю я получил почтовую открытку из Восточного Берлина от сотрудника советского посольства Георгия Санникова: «Саша, с геморроем было превосходно. Вчера услышал об этом по радио Люксембурга! Твой Г.».

ДОБРЫЙ ДЕНЬ, ФРАУ ФАННИ, РУССКИЕ ИДУТ! Конец 1960-х годов

Между зданием советского посольства в Роландсэке под Бонном и консульским отделом посольства располагалось маленькое кафе. Держала его фрау Фанни. Во всяком случае, так звали его хозяйку советские дипломаты, которые часто заходили в это кафе. Фрау Фанни была всегда приветлива и общительна, а ее муж был превосходным кондитером. Атмосфера в кафе была очень приятная, а торты и пирожные такие, что прямо пальчики оближешь. Вполне достаточно для того, чтобы заходить к фрау Фанни три-четыре раза в неделю.

По субботам я обычно брал из посольства домой десяток газет, чтобы спокойно прочитать их, осмыслить написанное и пополнить мой досье, потому что иначе была опасность завалить себя непрочитанными старыми газетами. В одну из таких суббот я вышел из посольства и решил навестить фрау Фанни. Я был в хорошем настроении, поднялся с легким сердцем по ступенькам и, когда уже нажал ручку двери, слишком поздно заметил, что в кафе очень много посетителей. Фрау Фанни стояла за стойкой. Я вошел и с веселой шутливостью воскликнул: «Добрый день, фрау Фанни, русские идут!»

Что после этого стало твориться в кафе, не передашь словами! Большинство посетителей повскакали со своих мест и поспешно похватили с вешалки пальто и куртки. Одни бросились к окнам, другие выбежали на улицу. Они всматривались во все стороны, но преимущественно в направлении востока, в сторону Кобленца. Через несколько минут посетители кафе вернулись обратно, уже успокоившиеся, и снова заняли свои места. Когда я платил за свой кофе, фрау Фанни прошептала мне: «Это было совсем не смешно.

Но давайте поговорим об этом как-нибудь без посетителей». Я согласился и поехал домой.

В следующий понедельник я опять был в кафе. Фрау Фанни подошла к моему столику: «Господин советник посольства, в субботу я была крайне поражена реакцией моих гостей на ваше восклицание “Русские идут!”. В следующую субботу ко мне в гости придут мои родственники с детьми, всего 15 человек. Мы давно не видели друг друга. Я бы хотела прощупать их. Я вас очень прошу, господин советник посольства, приходите ко мне в субботу около одиннадцати — половины двенадцатого и повторите эту шутку с русскими. Мне ужасно любопытно, как поведут себя мои родственники». — «Хорошо, согласен. Проверим вместе общественное мнение», — сказал я.

В следующую субботу я опять, на этот раз по заказу, вошел в кафе со словами: «Добрый день, фрау Фанни, русские идут!» При этом я с трудом сдерживал смех. Гостей кафе охватила точно такая же паника. Фрау Фанни звонко рассмеялась, когда ее близкие выбежали на улицу, а затем шепнула мне: «Что же они в свое время у вас в стране натворили, если через столько лет после войны при одном только упоминании русских у них уже мокрые штаны?! Я благодарю вас, господин советник посольства. Сегодня я основательно узнала своих родственников».

НАДЕЖНЫЙ БАНК. 1970 год

Я сидел в своем рабочем кабинете в посольстве на Роландсэк и редактировал запись беседы с одним немецким коллегой, когда на прием попросилась какая-то молодая женщина. Стройная высокая блондинка. И что меня невольно поразило как мужчину, так это, простите, ее огромные груди. «Природа всемогуща», — пронеслось у меня в голове.

Я узнал, что эта дама — советская гражданка, преподающая русский язык в средней школе Франкфурта-на-Майне. Собственно говоря, как она объяснила, ей хотелось изложить свою настоятельную просьбу только советскому послу. Но тогда посол как раз находился в Москве, его возвращения ожидали лишь через два-три дня, и эта, явно волновавшаяся, учительница была готова открыться другому сотруднику посольства. Я предложил ей чашеч-

ку кофе. После этого она успокоилась и попросила у меня помощи. «Отвернитесь, пожалуйста», — сказала она, что я сразу же и сделал. На горы Зибенгебирге, высившиеся за Рейном перед моим окном, можно было любоваться часами.

Когда я снова повернулся, то увидел на своем столе две большие пачки денег. Я пристально посмотрел в смущенное лицо учительницы. Она рассказала мне, что зарабатывает в школе 2200 дойчмарок в месяц. Но себе она имеет право оставлять только 800 марок, остальные 1400 марок она обязана отдавать под расписку бухгалтеру советского посольства. За шесть месяцев у нее накопилось таких казенных денег более 7000 марок. Поездка во Франкфурт-Бонн стоит около 120 марок. Эту сумму ей приходится тратить из своей зарплаты, хотя для нее это слишком дорого. Из страха, что накопившиеся деньги у нее украдут или она потеряет их еще каким-либо образом, женщина сшила себе специальный бюстгальтер, в который могла прятать «излишки» денег, когда шла в кино или за покупками.

Мы оба искренне посмеялись над этой трогательной и одновременно грустной историей. Я познакомил учительницу с нашим бухгалтером, который сделал себе имя на том, что ежегодно получал высокие премии за экономию твердой валюты. Мы передали под расписку в руки бухгалтера накопления нашей гостьи.

Мы также нашли способ, как в будущем избавить учительницу от бремени богатства. Один наш корреспондент, работавший во Франкфурте-на-Майне, согласился впредь регулярно забирать у нее казенные деньги для передачи их в бухгалтерию посольства.

БМВ-2800 И МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ. 1970 год

В начале августа 1970 года я получил приглашение прочитать лекцию «Ленин и принципы мирного сосуществования» в Народной высшей школе города Любека. Ежегодно я делал до 15 выступлений перед немцами. Один короткий доклад, примерно на 30 минут, являлся основой для последующей дискуссии, длившейся обычно около трех часов. Вопросы сыпались градом, злые и дружелюбные, но, как правило, разумные. Все мероприятие часто заканчивалось по немецкой традиции в близлежащей пивной. Так же было и в Любеке.

Всему этому предшествовал один эпизод, придавший теме моего доклада интересный фон. За три дня до доклада в наше посольство приехал представитель концерна БМВ и объяснил, что хочет говорить с пресс-атташе. Как выяснилось, он приехал по рекомендации начальника боннской полиции. Он предложил предоставить посольству на один месяц совершенно бесплатно автомобиль БМВ-2800. Тут же он позвал меня на улицу осмотреть машину. Я сел в нее и принялся с удивлением рассматривать приборную панель. Особенно поразил меня спидометр с указанием максимально возможной скорости в 220 км/ч. В таком экипаже я не ездил ни разу в жизни, да даже внутри мне не доводилось сидеть. Было совершенно исключено, чтобы посольство или кто-либо из его сотрудников могли бы позволить себе приобрести такое авто. Я попытался объяснить это представителю концерна. Но он пояснил, что предоставление машины можно рассматривать как рекламный подарок фирмы. Единственное, что ожидал от нас концерн, предоставляя автомобиль, было то, что, в случае если авто нам понравится, мы в дальнейшем будем отдавать ему предпочтение перед другими фирмами. По моему совету посол Царапкин решил принять это транспортное средство. Мы поделили все время, в течение которого могли использовать эту машину, на четырех сотрудников посольства, по неделе каждому. Мне выпала последняя неделя сентября. Так что я отправился в Любек рассказывать о мирном сосуществовании именно на этом БМВ.

В РОЛИ КИТАИСТА. 1970 год

Осенью 1970 года в посольство обратился один немецкий корреспондент. Он собирался написать книгу о Вилли Брандте, и тот предложил ему, за неимением других возможностей, сопровождать его в поездках в ходе предвыборной кампании. Мне он хотел задать лишь один вопрос: «Как будет реагировать советское правительство на установление дипломатических отношений между Федеративной Республикой Германией и Китаем?» Я дал такой ответ, который считал допустимым: «Федеративная Республика Германия — суверенное государство и вольна сама решать, как ей правильно поступать». Я добавил, что Советский Союз в подобных случаях ведет себя так, чтобы не причинить вред отношениям с третьими странами.

Об этом разговоре я поставил в известность посла Царапкина. Семен Константинович предложил запросить Министерство иностранных дел, достаточно ли полно и правильно мы ответили на поставленный вопрос. Через два дня из Москвы пришел позитивный ответ. Послу, правда, при этом поручили специально следить за развитием немецко-китайских отношений. Семен Константинович с улыбкой показал мне это сообщение. «Вот тебе и карты в руки. С сегодняшнего дня ты наш синолог (китаевед). Тебе уже доводилось бывать в Китае?» — «Нет еще. Но моя жена была там в 1949 году и позднее еще два раза, как член женской делегации». Несколько дней спустя в посольство опять приехал мой новый знакомый, тот самый корреспондент. Он спросил, можно ли рассматривать мой ответ как официальную позицию СССР по этому вопросу. «Конечно!» — ответил я с уверенностью, не упомянув, однако, о посланном в Москву запросе.

В течение нескольких месяцев мне пришлось заниматься вопросом об изучении Китая в Федеративной Республике Германии. Я посетил пять крупных институтов в Гамбурге, Мюнхене и других городах, где занимались этой проблемой. Работа по изучению этого вопроса доставила мне большое удовольствие. Я хорошо помню, какое сильное впечатление произвела на меня та глубина, с которой в Западной Германии занимались исследованием Китая. В Гамбурге, например, электронные базы данных содержали всю имеющуюся информацию по Китаю, и это еще в то время, когда не было персональных компьютеров! Это внушало уважение. Между прочим, таким путем я также узнал, что в Западной Германии в то время насчитывалось около 400 китайских ресторанов с китайским персоналом. Китайцы в свою очередь наверняка уже очень много узнали о Федеративной Республике Германии.

Из Москвы вскоре пришло распоряжение всем представительством СССР за границей собирать информацию о взаимоотношениях стран, в которых они работают, с Китаем.

СИБИРЬ НАЧИНАЕТСЯ ПРЯМО ЗА МОСКВОЙ. 1970 год

Советская сборная по теннису победила в четвертьфинале Кубка Дэвиса в Дюссельдорфе со счетом 3:2 команду Федеративной Республики Германии. Игра проходила под патронатом господи-

на Хенкеля, одного из руководителей химического концерна БАСФ. В честь советской команды был дан обед, на котором присутствовал советский посол Царапкин с супругой. Я сопровождал их.

За столом царил явно праздничная атмосфера. Ее не в последнюю очередь создавали роскошные цветы на столиках, большие плоские золотые тарелки, стоявшие под фарфоровой посудой, и позолоченные столовые приборы. Слева от меня сидела супруга патрона. Тихо разговаривая, мы постепенно все лучше узнавали друг друга. Госпожа Хенкель поинтересовалась, сколько у меня детей, чем занимается моя жена, хорошо ли я чувствую себя в Германии и так далее. Мои вопросы были не менее вежливые и скромные. Но я чувствовал, что меня что-то отвлекает. Этим «чем-то» были очаровательные драгоценные украшения госпожи Хенкель: золотые кольца с сияющими бриллиантами, сказочными изумрудами и рубинами. Ее шею украшало обворожительное колье. Это богатство потрясло мое воображение страстного ювелира.

«Господин Богомолов, можете ли вы ответить мне на два вопроса? Только будьте, пожалуйста, откровенны», — попросила госпожа Хенкель. «Ну конечно же, сударыня! Вы можете задать даже больше, чем два вопроса», — ответил я великодушно и с любопытством стал ждать.

«Скажите, пожалуйста, Сибирь расположена ближе или дальше пригородов Москвы?» — «А какой второй вопрос?» — «Узбекский язык — диалект русского языка или отдельный национальный язык?»

Я задержал дыхание, потому что не знал, как мне на это реагировать. Я попробовал понять по ее глазам, говорит ли она всерьез. Возможно, госпожа Хенкель изволит шутить? Но она не подала виду, ее глаза были серьезны и чисты. Поэтому, совершенно обнаглев, я бойко ответил: «Москву окружает кольцевая автомобильная дорога, за этой дорогой как раз и начинается Сибирь. Русский язык, — продолжал я, — самый богатый на земле (что, возможно, и не было ложью) и имеет множество диалектов. Например, армянский, грузинский, еврейский и другие». Она не разгадала моей злой шутки и сказала в заключение: «Я так и думала».

Потом, обдумав свое поведение, я пришел к выводу, что оно было правильным. Если бы я ответил ей, что Узбекистан как государство почти на полтора тысячелетия старше, чем Россия и Германия, а Сибирь лежит за Уральскими горами и принадлежит к

другой части света, она бы истолковала мои слова как чистую издевку. В сущности, думал я, у нее достаточно денег для того, чтобы иметь достаточный образовательный уровень.

Этими мыслями я и по сей день успокаиваю свою совесть.

ФАЛИН В БОННЕ. 1971 год

В 1971 году я должен был возвращаться в Москву. В среднем пребывание советского дипломата за границей продолжалось тогда пять лет. Точного правила на сей счет не существовало. Во всяком случае, ностальгия мучила меня все сильнее. Мы с женой уже начали собирать чемоданы, когда в Бонн прибыл наш новый посол Валентин Фалин. Он попросил меня задержаться в Бонне еще на годик и помочь ему наладить контакты со средствами массовой информации. Нина и я приняли предложение и согласились и позднее не пожалели об этом. Ведь наступали новые времена.

Семен Константинович Царапкин, предшественник Фалина, был вполне опытным дипломатом, но его опыт был приобретен во время холодной войны. В 1969 году к власти в Федеративной Республике Германии пришли социал-демократы, и на горизонте забрезжила надежда, что отношения между Советским Союзом и ФРГ смогут впредь развиваться быстро и конструктивно. Западногерманская пресса дралась за возможность представить нового советского посла. Вскоре его пригласил к себе западногерманский Союз журналистов. Встреча состоялась в Федеральном ведомстве по печати ФРГ. Игра в вопросы и ответы продолжалась в течение полутора часов, и обе стороны остались ею довольны. Порядка ста присутствовавших на встрече журналистов задали десятки вопросов, и среди них те, что имели целью испытать нового человека Москвы. Своей непринужденной манерой держать себя Фалин завоевал большую симпатию. Так, на вопрос: «Каковы ваши отношения с Китаем?» — он с улыбкой ответил: «Лучше, чем у вас. Мы хотя бы поддерживаем дипломатические отношения». Присутствовавшие отдавали должное его находчивости в принятой в Германии манере — стуча рукой по столу. Прежде в мои задачи входила запись официальных переговоров в Бонне и Берлине, а также составление проектов телеграмм. Но не при Фалине. На мой вопрос: «Должен ли я что-нибудь записать?» — он всегда отвечал: «Нет, спасибо, я сделаю это сам». И так получи-

лось, что я никогда не знакомился с записями и телеграммами Фалина. Как говорится, о чем не знаю, то меня не волнует.

За последующие месяцы сильного интереса средств массовой информации к Фалину он познакомился почти со всеми издателями и главными редакторами авторитетных немецких газет и журналов. Среди них были Рудольф Аугштайн, Генри Наннен, Ф. и Е. Бурда, издатели газет «Франкфуртер Альгемайне», «Форвертс» и других. Вообще говоря, переводчик Фалину был совсем не нужен, он свободно говорил по-немецки. Несмотря на это, я время от времени сопровождал его. Так, он взял меня на свою первую встречу с федеральным канцлером Вилли Брандтом. Я переводил Брандта на русский язык, а Фалин использовал это время для того, чтобы глубже обдумать свой ответ. В этом, пожалуй, и заключался смысл моего присутствия на его переговорах. На встрече Брандт — Фалин у меня была возможность внимательно наблюдать за обоими партнерами по переговорам. Было очевидно, что они мало-помалу обретают искреннее уважение и симпатию друг к другу. В отношениях Брандта и Царапкина, похоже, отсутствовало и то и другое.

Мои личные отношения с Фалиным были и остались очень дружескими. Следующие эпизоды существенно содействовали моему уважению к прежнему коллеге, а с недавнего времени и начальнику.

В 1980 году мы с женой решили провести часть нашего отпуска в Ленинграде. Мы побывали в Эрмитаже и посетили там его тогдашнего директора Пиотровского, всемирно известного археолога и востоковеда, долгие годы дружившего с Фалиным, который тоже был ленинградцем. Между прочим, и сам Фалин великолепно знал историю искусства. Ему хорошо были известны стили в живописи и направления в изготовлении изделий из стекла и фарфора, а также мебели. Я представился секретарше директора и спросил, можно ли коротко передать Пиотровскому привет от Фалина. Имя Фалина сотворило чудо! В следующий же момент дверь распахнулась и перед нами стоял директор. Он поздоровался с нами и пригласил нас к себе, чтобы помочь ему расправиться с великолепными холодными закусками, от которых за недостатком времени был вынужден отказаться один высокопоставленный гость.

Во время еды хозяин справился о самочувствии Фалина и сказал задумчиво: «Если бы мне пришлось кому-то передать руководство Эрмитажем, то только Валентину Фалину».

«Шпигель». №15, 1972 год. Рубрика «Персоналии»

Александр («Саша») Богомолов, 48 лет, руководитель отдела прессы и информации советского посольства в Роландсэке, хотел бы «шумно отметить, ратификацию Восточных договоров». Теперь он действительно имеет такую возможность: на «Бело-голубом симпозиуме» Мюнхенского иллюстрированного журнала «Квик» его главный редактор Ганс фон Ноухус преподнес музыкальному советскому человеку концертный барабан. Богомолов тактично сказал: «В плохие времена на нем можно выражать минорное настроение, примерно так (при этом он пробарабанил тихо), а в спокойное время — веселое расположение духа, примерно так (при этом он издал оглушительную барабанную дробь). Я хотел бы, чтобы подарок был мне преподнесен в последнем смысле». Комментарий очевидца Герхарда Лёвенталья, возглавляющего редакцию «ЦДФ журнала» и противника Восточного договора: «Он же заранее упражнялся».

ОСВОБОДИТЕ ДОРОГУ! 1972 год

В августе 1972 года из Москвы пришло распоряжение заместителя министра иностранных дел Семёнова о том, что Богомолов должен срочно выехать в Москву. Почему такая спешка? Вопросы без ответов порождают тревогу. Посол и резидент постарались меня успокоить: «Очевидно, речь идет о новой сфере деятельности». Итак, я отправился в Берлин и оттуда самолетом в Москву.

В Берлине я чуть было не застрял. Один коллега из советского посольства вызвался подвести меня на своей машине в аэропорт Шёнефельд. Неожиданно в центре города было остановлено движение транспорта. Один дорожный полицейский встал посередине улицы с расставленными горизонтально руками. Я сказал ему, что мы должны успеть в Шёнефельд, через 40 минут улетает самолет, и попросил пропустить нас.

Мои слова не произвели на него никакого впечатления, и он сказал: «Всем сразу вдруг захотелось в Шёнефельд!» В дальнейших препирательствах с ним не помогли ни мой билет на самолет, ни мой дипломатический паспорт. Когда я задиристо заметил, что

теперь-то он хотя бы представляет себе, с кем имеет дело, полицейский ухмыльнулся и сказал: «Сегодня начинается официальный визит Индиры Ганди. Дорога на Шёнефельд перекрыта». Я показал рукой на несколько автомашин, двигавшихся в направлении аэропорта. Но полицейский еще шире расставил руки и повернулся ко мне спиной. Я заорал на него, рассвирепев: «Больше двадцати лет тут болтают о германо-советской дружбе, а как доходит до дела, чтобы действительно помочь советскому человеку, тогда перед ним перекрывают дорогу».

Неожиданно я услышал приглашение: «Садитесь!» Полицейский показал мне на открытую дверцу своей служебной машины. Я пересел в нее, и мы поехали в аэропорт. В пути полицейский включил сирену. Ого, с сиреной! Не более чем через 20 минут мы были уже на месте. Я протянул ему на прощание руку и ощутил его крепкое рукопожатие. «Поездка была чудесная», — сказал я и сердечно поблагодарил его.

В Москве я узнал о переводе меня на работу в аппарат ЦК КПСС. Через 10 дней я опять был в Бонне. Мы упаковывали наши вещи, а Фалин дал в посольстве прощальный прием. На него были приглашены немецкие журналисты и коллеги из Федеративной Республики Германии. Газета «Боннер Рундшау» вспомнила в связи с этим еще раз о моей шпионской репутации, но на этот раз это звучало скорее дружелюбно.

«Боннер рундшау». 29 августа 1972 года

К отъезду Богомолова, «шпигелевского» шпиона и чистокровного русского (авт. Ф. Грютеринг)

Александр Я. Богомолов, советник советского посольства в столице ФРГ Бонне и, возможно, один из самых интересных людей на дипломатической сцене, возвращается в Советский Союз.

Пожалуй, никто из тех, кто ближе узнал его в личной беседе, кто восхищался его лишенным акцента немецким языком (с легким саксонским выговором), которым он овладел за 12 лет, проведенных в советском представительстве в Восточном Берлине, и кто с подозрением относился к «шпигелевскому» шпиону, не забудет этого человека. Иногда более общественно-политически активный, чем его начальник — посол, Богомолов свободно чувствовал себя как на Боннском и Кельнском карнавалах, так и на дискус-

сиях в кругах ХДС, в барах, студенческих пивных и на крупных серьезных мероприятиях.

Его политические противники, даже самые недоверчивые, втайне восхищались непринужденностью этого настоящего русского, хобби которого есть и останется — ловля форели и, наверное, дипломатическая ловля большой и малой рыбы.

Хладнокровно и невозмутимо, но с ощутимым внутренним волнением вступал он в принципиальные дискуссии. Журналисты никогда не забудут, как на советском приеме по случаю празднования годовщины Октябрьской революции после русского ввода войск в Чехословакию он явно потерял самообладание и мог лишь с трудом отбиваться от хлесткой критики.

На одном из мероприятий боннского отделения ХДС в зале Бетховена он дал ясно понять возмущенным слушателям, что Советский Союз был и останется впрямь одной из великих держав — победительниц в последней войне и что в Москве еще не забыли эту войну.

Богомоллов был единственным в боннском обществе рядовым дипломатическим сотрудником иностранного посольства, который мог позволить себе проявлять такую активность. Человек, хорошо знающий боннскую дипломатическую сцену, строил догадки, не был ли этот человек фактическим послом Москвы в Бонне.

Валентин Фалин, советский посол в Бонне, его нынешний начальник в посольстве в Роландсэке, дал сегодня в его честь прием в посольстве. «По случаю отъезда» — лаконично говорится в приглашении.

«СЕКТОР ГДР» В МЕЖДУНАРОДНОМ ОТДЕЛЕ ЦК КПСС. 1972–1983 годы

Честно говоря, я по сей день не знаю, кому я обязан своим переводом из Бонна в Москву. Этот «кто-то» снова соединил меня с ГДР. Только теперь меня направили работать в партийный аппарат. Сразу же при первых беседах на моем новом рабочем месте я познакомился со своими будущими начальниками: руководителем сектора ГДР Александром Ивановичем Мартыновым, заместителем руководителя отдела Георгием Шахназаровым и руководителем отдела и секретарем ЦК КПСС Константином Катушевым.

В течение почти 11 лет моей трудовой деятельности в аппарате ЦК мы довольно хорошо сработались друг с другом. Особенно хорошо мы работали вместе с моим непосредственным начальником — Мартыновым. Этот человек был умен, прекрасно разбирался в немецкой проблематике и свободно объяснялся по-немецки. И прежде всего он пользовался доверием как руководства ГДР, так и в среднем звене партийного аппарата. Я мог с ним открыто спорить. Он спокойно допускал это, даже когда дебаты проходили слишком шумно. Если мои аргументы и доказательства казались ему достаточно весомыми, он позволял убедить себя. Короче говоря, лучшего начальника невозможно было себе и пожелать. Однако мой тезка проявлял и такие свои качества, которые мне не нравились. Он часто вел себя нерешительно и, на мой взгляд, бывал слишком осторожен. Хотя эти черты были воспитаны за годы советской власти не только у партийных функционеров, но и у всего народа.

Катушев был человеком интеллигентным и очень считался с мнением своих сотрудников. На полях шифрованных телеграмм, которые мы ежедневно получали для ознакомления, я часто обнаруживал написанные его рукой вопросы: «Товарищ Богомолов, это так?» или «Товарищ Богомолов, пожалуйста, к этому подробный письменный отчет». Он не стеснялся показать, что многого не знает и многое хочет узнать. Такая откровенность была необычной. Этот человек был мудрым и обладал мужеством.

Мне очень нравилась моя работа в секторе ГДР. Она доставляла мне больше удовлетворения, чем работа в МИДе. В секторе было меньше текучки и больше времени для глубокого обдумывания. Преимущественно мы имели дело с принципиальными проблемами внутреннего развития ГДР. Наши бумаги направлялись прямо начальнику отдела, курирующему этот вопрос секретарю ЦК, а от него в секретариат генерального секретаря. При окончательном редактировании этих материалов я нередко имел дело с помощниками генерального секретаря. В отличие от Третьего европейского отдела МИД, сектор ГДР аппарата ЦК получал информацию о развитии ГДР по своим каналам, без помощи Министерства иностранных дел. Но при подготовке важных документов мы часто работали вместе. Информацией нас снабжали некоторые члены Политбюро ЦК СЕПГ, прежде всего Вилли

Штоф, Вернер Кроликовский, Вернер Ламберц и Эрих Мильке, но также и другие члены партаппарата, такие как Пауль Марковский — руководящий партийный работник, заведующий отделом международных связей ЦК. Мильке передавал информацию через своих советских коллег по профессии. При пребывании того или иного товарища в Москве мне обычно поручалось встречаться с ними. То, что они рассказывали, было всегда обстоятельным и достаточно личным, так что мы могли составить себе многостороннюю картину.

Начало моей новой работы почти точно совпало с радикальным событием в ГДР — уходом Ульбрихта с поста первого секретаря ЦК СЕПГ в мае 1971 года. Летом 1973 года Ульбрихт умер. В развитии Восточной Германии начался новый этап. В социалистической ГДР дела шли все хуже и хуже. Для нас не было секретом, что Ульбрихт видел в Хонеккере своего будущего преемника. Он давал возможность Хонеккеру накапливать политический опыт в различных областях. Однако, как только произошла смена руководителя, ученик проявил неблагодарность.

В 1970-е годы стало правилом, что руководитель СЕПГ приезжал летом примерно на три дня в Крым, чтобы посоветоваться с Брежневым. Переговоры проходили поочередно то в резиденции Хонеккера, то в резиденции Брежнева. При приездах партийно-правительственных делегаций переговоры проходили в Москве, беседы же в Крыму продолжались, как правило, с 18 до 21 часа. Других членов Политбюро СЕПГ Брежнев принимал в Москве. Записи, которые я готовил ночами после переговоров в Крыму, занимали обычно 20–25 машинописных страниц. Утром Анатолий Блатов, помощник Брежнева, вносил в них краткие правки. Подписанные мною стенограммы представляли важную рабочую основу для моих начальников.

Сегодня невозможно пересказать все, что тогда обсуждалось. Однако я со всей уверенностью могу утверждать, что руководству ГДР ни разу не было сказано что-либо, что могло бы оскорбить национальное самосознание народа ГДР или его руководителей. Я убежден, что эти записи, безусловно, должны быть обнародованы. Это не противоречило бы интересам России. Историки всего мира были бы благодарны нашему Министерству иностранных дел.

НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ УЧАСТКЕ ФРОНТА. 1960–1970-е годы

В беседе между Хрущёвым и Ульбрихтом в советском посольстве в Берлине первый секретарь ЦК СЕПГ однажды пожаловался на сильное влияние средств массовой информации из Западной Германии. Он сжал для наглядности свою руку в кулак и поднес несколько раз ко лбу. «И это происходит повседневно, — подчеркнул он, — днем и ночью».

Хрущёв сделал небольшую паузу и сказал: «Знаете ли, товарищ Ульбрихт, если вы немного отступите назад и приподнимитесь повыше, тогда горизонт значительно расширится и вы увидите, что ваш идеологический участок фронта составляет лишь одну крошечную точку на всей линии горизонта». При этом он показал, сложив вместе два пальца, как мал этот участок фронта. Потом он добавил: «Я хочу рассказать вам один анекдот на эту тему. Был 1945 год. Советские и американские войска встретились на Эльбе. Два офицера, американец Джон и русский Иван, держат пари. Они хотят установить, кто из них может съесть больше кабаньего мяса. Перед ними на лужайке накрыли два стола. Солдаты выступали в роли официантов и подавали на стол. Жюри состояло из офицеров штабов обеих войск. Те засекали время, и соревнование началось. Через час русский, который слопал не заметив уже двух кабанов, подозвал своего офицера: “Товарищ капитан, когда же кончатся закуски? Где же наконец кабан?”. Никита Сергеевич Хрущёв задумчиво наклонил голову и тихо сказал: «Вот так и с идеологией». Хозяева и гости соображали, что мог бы означать этот анекдот. Честно говоря, я по сей день раздумываю, что, собственно говоря, хотел сказать Хрущёв. Все же помню, что в то время, когда первым секретарем ЦК СЕПГ был Ульбрихт, деликатные проблемы обсуждались в непринужденной, иногда даже веселой атмосфере. Ульбрихт часто видел их в слишком мрачном свете, Хрущёв же воспринимал все проще.

Совсем по-другому стало у Хонеккера и Брежнева. На переговорах в Москве или на ежегодных встречах в Крыму наша сторона часто предупреждала Хонеккера, что нельзя безучастно наблюдать за идеологическим давлением Запада и в результате ряда плохо продуманных мероприятий, не согласованных с советским руко-

водством, только облегчать ему достижение поставленных целей. Летом 1977 года Леонид Брежнев указывал Хонеккеру на слабость идеологической работы среди офицеров Национальной народной армии. Хонеккер отвел упреки Брежнева и утверждал, что в этом отношении в ГДР все в порядке. На это Брежнев упомянул один конкретный случай, который усилил его тревогу. При показе фильма Юрия Озерова «Освобождение» офицеры одной из воинских частей ГДР одобрительно аплодировали, когда на экране появлялись генералы немецкого вермахта. При появлении же советских генералов в зале слышались возгласы антипатии.

Когда мы, Мартынов, я и Эрих Хонеккер, в перерыве переговоров стояли в саду друг против друга, Хонеккер спросил нас с явным беспокойством, откуда у нас эта информация. Его не столько интересовали сами эти факты, сколько их источник. Осторожный Мартынов промолчал, но Эрих Хонеккер снова повторил свой вопрос. Тогда я сказал: «Товарищ Хонеккер, ваше Общество германо-советской дружбы насчитывает более пяти миллионов членов. Среди них есть и наши убежденные друзья, которые готовы помочь нам с информацией».

Хонеккер всегда был убежден, что советское руководство располагает только той информацией, которую передают в Москву он сам или его ближайшее окружение. Но тут он жестоко ошибался. В действительности Брежнев и компетентные товарищи в руководстве КПСС знали буквально все о ГДР, включая информацию о внутренних раздорах и интригах в руководстве СЕПГ. Как раз в те годы среди советских военных неофициально обсуждался вопрос, не будут ли наши восточногерманские союзники и их социалистические соседи в случае новой мировой войны путаться как балласт у нас под ногами и только ограничивать нашу собственную маневренность.

СТРАННЫЕ ВСТРЕЧИ. Конец 1970-х годов

Мне доводилось быть свидетелем довольно-таки прохладных встреч. Поведение наших представителей было при этом в высшей степени отчужденным.

В 1975 году в Москву прибыла одна партийно-правительственная делегация из ГДР. Функции принимающей стороны при встрече этой делегации в соответствии с протоколом распределялись следу-

ющим образом: с делегацией работают И. Капитонов и М. Соломенцев, делегацию сопровождают А. Мартынов и А. Богомолов. После приветствия Мартынов сел в машину Хонеккера, а я в машину Штофа. Поездка из аэропорта Внуково-2 до резиденции гостей на Ленинских горах продолжалась около 20 минут. В машине Штофа после продолжительной паузы состоялся следующий странный разговор.

Соломенцев спросил Штофа: «Как у вас в этом году с урожаем зерновых?» — «В этом году нормально. А у вас?»

Долгое молчание. А затем: «Все залило. А что с урожаем картофеля?» — «Достаточно хорош, — последовал ответ. — В среднем более двухсот центнеров с гектара. А у вас?» — «За Уралом во многих районах в основном все высохло, а в южных регионах все залило».

Вскоре колонна автомашин подъехала к резиденции. Гости вышли, а Соломенцев исчез, не попрощавшись с ними.

Через несколько лет Вили Штоф был награжден орденом Ленина. После церемонии вручения ордена, которую проводил председатель Президиума Верховного Совета СССР Подгорный, оба проследовали в соседнее помещение, чтобы побеседовать с глазу на глаз. Эта беседа прошла чрезвычайно странно. На пороге комнаты для переговоров Штоф протянул Подгорному руку для приветствия, однако хозяин не ответил на этот жест и рука гостя повисла в воздухе.левой рукой Подгорный сделал широкое, полукруглое движение, которое должно было означать, что он хочет, чтобы Штоф занял место за столом. Я также не удостоился какого-либо приветствия. Подгорный ни разу не взглянул на меня. Штоф еще раз поблагодарил за награждение его высшим советским орденом и начал рассказывать своему высокопоставленному собеседнику подробно и откровенно о ситуации в республике. Он охарактеризовал атмосферу в Политбюро и ЦК СЕПГ, упомянув также о самоуправстве Хонеккера. Однако слышен был только монолог гостя. Подгорный не проявил никакой реакции. Он ни разу не взглянул на Штофа и не задал ни одного вопроса. Приблизительно через 20 минут Штоф прошептал мне: «Мне кажется, ему совсем не интересно то, что я здесь ему рассказываю. Пойдем?» Я молча согласился с ним. После этого Штоф встал и громко произнес: «Вот все, товарищ Подгорный, о ситуации в нашей республике. Большое спасибо и до свидания».

И на этот раз Подгорный не обнаружил никакой реакции. С сонными глазами он поднялся со своего места и вышел в дверь.

Молча мы покинули комнату, обмениваясь при этом недоуменными взглядами.

Сегодня я могу объяснить такого рода встречи двояким образом. Или тогда высшим представителям советского руководства было строжайшим образом запрещено затрагивать даже незначительные темы, или они были настолько глупы, что не могли сформулировать даже простейшего вопроса. Я предполагаю, что в данном случае было и то и другое.

ПУСТЬ УЕЗЖАЮТ. 1975 год

Программа пребывания в СССР партийно-государственной делегации из ГДР предусматривала переговоры в Москве и поездку по Советскому Союзу. Делегация во главе с Хонеккером посетила Ульяновск, Свердловск, Казань, Набережные Челны и Волгоград. На этот раз в нее входили также руководители всех партий ГДР, составляющих так называемый демократический блок. Перед началом поездки в Москве были предусмотрены два заседания: первое — для всей делегации, второе — в узком кругу, на котором должны были обсуждаться проблемы межпартийных отношений и развития ГДР.

На первом широком заседании после короткого приветствия Брежнева слово было предоставлено Хонеккеру. Хонеккер читал по бумажке. Он более 40 минут распространялся об успехах «нашей Германской Демократической Республики», ни разу не подняв головы. Немецкий переводчик переводил на русский язык, также имея перед собой готовый текст. Представители других партий сидели с отсутствующими взглядами, а иные и с сонными глазами. А хозяева? Они сидели с высоко поднятыми от удивления бровями, обменивались вопросительными взглядами и нервничали.

Я сидел позади Брежнева, который неожиданно обернулся и попросил у меня листок с программой пребывания делегации. Я достал из кармана отпечатанную программу и протянул ему. Брежнев надел очки и написал на первой странице несколько слов. Затем он отдал мне обратно программу и сказал: «Передайте это Косыгину!» Я бросил на ходу взгляд на бумагу. Рядом с программным пунктом «10 часов, закрытое заседание с руководителями СЕПГ» стояли написанные Брежневым слова: «Может быть, вычеркнем и отпустим?» Ему, вероятно, все это изрядно надоело. Я быс-

тро снова занял свое место, смотря на Косыгина. Он прочитал записку и радостно закивал головой. Когда Хонеккер закончил перечисление достигнутых успехов, Брежнев достал из своей папки листок с пометками, на котором были записаны критические замечания, которые на самом деле предназначались для закрытого заседания в узком кругу. Он зачитал замечания на этом же широком заседании. Для руководителей партий блока это стало сенсацией: Советы критикуют Хонеккера! Удивление было огромным. Некоторые энергично схватили свои портфели и в этот момент впервые обнаружили, что не взяли с собой бумагу для записей. Тогда советские коллеги снабдили их писчей бумагой.

Во время поездки по Советскому Союзу мне показалось, что руководители других партий пребывают в хорошем, приподнятом и даже радостном расположении духа.

И СНОВА НИКАКОЙ РЕАКЦИИ. 1975 год

Тридцатую годовщину освобождения немецкого народа от фашизма в ГДР, как обычно, праздновали с размахом. Я приехал в Берлин с официальной советской делегацией. На ночном столике в моем гостиничном номере я обнаружил маленькую цветную картонную коробочку. В ней лежала памятная медаль, которая была отчеканена по случаю годовщины освобождения. Я долго смотрел на нее, потому что что-то в ней было не так. На лицевой стороне медали был изображен известный памятник в Трептов-парке: советский солдат с маленькой девочкой в левой руке и мечом в правой. На медали отсутствовала только одна маленькая деталь — разрубленная свастика под ногами солдата. Неужели кто-то попытался представить освободителя как завоевателя?

На следующий день после праздничных мероприятий я показал свою медаль коллегам из отдела международных связей ЦК СЕПГ и объяснил им, что именно в ней меня неприятно удивило. Медаль вернул им. К сожалению, с советской стороны не последовало никакой реакции. Со стороны ГДР распространение еще не розданных медалей было прекращено. Это мне рассказал позднее Пауль Марковски.

Жаль медали. Политически мое вмешательство ни к чему не привело. К тому же я сам лишил себя медали, которая непременно представляла бы сегодня значительную нумизматическую ценность.

КТО ТАКОЙ ГИЙОМ? 1975 год

Встреча руководителей советской и западногерманской делегаций на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшемся в Хельсинки, была предварительно согласована по дипломатическим каналам. Беседа, в которой также принимали участие оба министра иностранных дел Андрей Громыко и Ганс Дитрих Геншер, проходила в советском посольстве, резиденции Брежнева.

Когда в беседе возникла краткая пауза, Гельмут Шмидт неожиданно заметил: «Дело Гийома¹ доставило немецким социал-демократам много неприятностей».

Брежнев опустил голову и дважды медленно повторил: «Гийом, Гийом. Мне эта фамилия неизвестна. Андрей (обращаясь к Громыко), может, ты знаешь эту фамилию?»

Громыко отрицательно покачал головой и заявил: «Нет. Фамилию Гийом я слышу в первый раз». Советское руководство дистанцировалось от акции секретной службы ГДР. По крайней мере, так это выглядело.

Несколько позднее я был свидетелем другого случая потери памяти.

В конце беседы Брежнев попросил федерального канцлера о разговоре с глазу на глаз. Оба министра иностранных дел тотчас же молча встали и покинули комнату. Беседа продолжалась около 30 минут. Брежнев попросил у немцев кредит. На вопрос о величине желаемого кредита наш генеральный секретарь назвал сумму в 400 миллионов дойчмарок. После короткого размышления Шмидт ответил: 200 миллионов! Брежнев просил набавить хотя бы еще немного, но Гельмут Шмидт покачал головой и сказал: «В настоящий момент Федеративная Республика Германия не может предоставить больше». Честно говоря, я готов был провалиться от стыда сквозь землю. Такого рода неприятную ситуацию я переживал впервые в своей жизни, а ведь я как-никак все же переводил более 20 лет переговоры на высшем уровне. А наш генеральный секретарь вообще не испытал какого-либо стеснения.

¹ Офицер разведки МГБ ГДР Гийом длительное время являлся личным референтом-помощником канцлера ФРГ В. Брандта. В связи с арестом Гийома Федеральным ведомством по охране конституции и разоблачением его как сотрудника разведки МГБ ГДР Брандт был вынужден уйти в отставку. Это нанесло значительный вред проводимой СДПГ восточной политике.

Окончание этой встречи дало возможное объяснение того, почему он ничего подобного не ощутил. Было похоже, что подтверждается мое впечатление о затемнении сознания у Брежнева, поскольку в следующий момент он наклонился ко мне и таинственно произнес: «Попросите, пожалуйста, ВАШЕГО КАНЦЛЕРА, чтобы он разрешил вам предоставить мне один экземпляр записи этой беседы!» Брежнев принял меня за немецкого переводчика!

Я не сразу нашелся. Что же я должен был сказать немецкой стороне? Перевести его слова означало бы то же самое, что объявить, что у нашего генерального секретаря «не все дома».

В ожидании перевода Гельмут Шмидт смотрел на меня с нескрываемым любопытством. Наконец я нашелся и симпровизировал: «Господин Брежнев сказал мне, чтобы я не затягивал с записью этой беседы».

ИСКУССТВО ПЕРЕВОРАЧИВАНИЯ СТРАНИЦ. 1978 год

Летом 1978 года переговоры Брежнева и Хонеккера опять проходили в Крыму. На этот раз они встречались на территории резиденции Брежнева внутри грота. Перед обоими партийными лидерами лежали листы с нужными текстами. Первым начал Брежнев. Он медленно читал свой текст, а я переводил на немецкий. Бруно Малов, в то время заместитель руководителя отдела международных связей ЦК СЕПГ, должен был переводить на русский язык слова Хонеккера.

Примерно в середине выступления я услышал из уст Брежнева одну несуразную фразу, которую невозможно было перевести. Анатолий Блатов, помощник Брежнева, тоже обратил на нее внимание. Я подал ему знак: смочив языком указательный палец, я потер его несколько раз о большой палец той же руки. Мне хотелось, чтобы он понял по этому жесту, что страницы Брежнева, наверное, слиплись. Блатов это сообразил. Он поднялся с места, склонился над бумагами Брежнева так низко, что тому даже пришлось отклониться назад, и отделил друг от друга две слипшиеся странички. Одну он положил справа, другую — в стопку еще не прочитанных страниц. Обо всей этой сцене едва ли стоило упоминать, если бы не поведение Брежнева, очень характерное для его тогдашнего физического состояния. Брежнев сконфузился и сердито смотрел то на Блатова,

то на меня. Казалось, до него не дошло, что в его тексте произошел разрыв. Эрих Хонеккер, который не знал русского языка и целиком зависел от перевода, и подавно ничего не понял.

КАК ХОНЕККЕР УКРЕПЛЯЛ ВЕЧНУЮ ДРУЖБУ. 1982 год

Небольшая группа из четырех коллег поехала в начале лета 1982 года в Берлин, где должно было состояться совещание братских партий по вопросам движения в защиту мира в капиталистических странах. Этой встречей у нас занимался международный отдел ЦК КПСС под руководством Бориса Пономарева, в компетенцию которого входили рабочие партии капиталистических стран и стран третьего мира. Я работал тогда в отделе ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран и поехал исключительно как эксперт по ГДР. Я должен был словом и делом помогать своим коллегам.

Немецкую группу возглавлял Манфред Файст, руководитель отдела в ЦК СЕПГ и брат жены Хонеккера. Мы не виделись с ним к тому времени уже примерно 25 лет. После ужина на первой встрече мы обнялись. Манфред весело воскликнул: «Ну, Саша, как дела? Все замечательно?»

Все замечательно? Так бывает редко, подумал я, и ответил: «Если ты имеешь в виду лично меня, то дела у меня так себе. В марте я перенес тяжелую операцию и поэтому уже попросился на пенсию. А если ты имеешь в виду отношения между Советским Союзом и ГДР, тогда оценка “все замечательно” сюда вряд ли подходит, потому что иначе вы бы не отправляли во все районные комитеты СЕПГ циркулярные письма со строгими директивами свести к минимуму контакты населения с советскими гражданами. А ты говоришь: “Все замечательно!” Честно говоря, я такого от вас не ожидал. От румын, вероятно, ожидал, но только не от вас, которые все время говорят о “вечной дружбе”! Это вызывает у меня удивление».

Манфред Файст вздрогнул и стал уверять, что ничего об этом не знает. Он произнес это очень сухо и сразу же попрощался. Было половина девятого вечера. Я тогда не подозревал, что этот короткий разговор, который начался с объятий, в дальнейшем вызовет такую нервную реакцию у руководителей ГДР, в особенности у Эриха Хонеккера.

На следующий день мои коллеги поехали на совещание в центр города. Я остался в Нидершенхаузене, где нас разместили. Около половины второго ко мне неожиданно заехал Бруно Малов, мой давнишний друг. Он взволнованно рассказал мне, что Герман Аксен вызвал к себе руководителя советской делегации Виталия Шапошникова и сказал ему следующее: «Вчера вечером Александр Богомолов разговаривал с руководителем отдела Манфредом Файстом. Из записки Файста следует, что Богомолов критиковал ГДР за то, что она якобы идет по румынскому пути. При этом Богомолов сослался на советское руководство».

Шапошников, сообщил далее Малов, покачал головой и заявил, что он сразу же сообщит об этом в Москву. Бруно упрекнул меня за то, что я доверил свои мысли такому человеку, как Файст. «Ты же его знаешь!» — добавил он укоризненно.

«Мой дорогой друг, — ответил я ему, — я долгие годы знаю этого человека как лицемера и доносчика. В этом как раз и заключалась причина того, что я заговорил с ним об этом. По моим расчетам, он должен был немедленно поставить в известность свое руководство. Хонеккер должен понять, что если о циркуляре всем районным руководителям СЕПГ известно Богомолову, то тем более это известно и советскому руководству. Ты не согласен с такой логикой?» Бруно принял мои аргументы и быстро покинул наше убежище, во избежание быть замеченным разговаривающим со мной.

Самое интересное произошло вечером, когда мои коллеги вернулись с совещания в резиденцию. Мы долгие годы очень хорошо знали друг друга. Перед началом совещания мы еще вместе ходили гулять в парк и шутили друг с другом. Теперь же никто из них не хотел со мной разговаривать. Шапошников сообщил членам делегации о своем разговоре с Аксеном, только мне он ничего не сказал об этом. За ужином никто не хотел смотреть мне в глаза. За столом царилась гробовая тишина. Наконец я спросил своих коллег: «Что случилось? Почему вы все такие мрачные?»

Один из них глубоко вздохнул и произнес: «Бывают ситуации, в которых уже нельзя помочь». И снова гробовая тишина.

Тогда уже я не вытерпел: «Прекратите же, пожалуйста, эту глупую игру в прятки. Вы все так ведете себя, как будто вы здесь должны защищать интересы ГДР, а не Советского Союза. Мне стыдно за вас, и вам следует это знать!» Один из них возмущенно перебил меня: «Но позвольте! В таком тоне вы не можете с нами разгова-

ривать! Я сообщу о вашем поведении в Москву секретарю ЦК Русакову!»

«Спокойно, спокойно, товарищи. Я себе могу и еще большее позволить. Я расскажу сейчас одну маленькую историю». И я описал то, что я знал о протесте Аксена. Потом я вкратце пересказал содержание моего разговора с Манфредом Файстом. «Если бы вы сами спросили меня, то вы бы знали, что я в действительности сказал. И, пожалуйста, не спрашивайте меня, от кого я имею свою информацию, — добавил я. — Я здесь в качестве эксперта по обоим немецким государствам. Я занимаюсь Германией уже пятьдесят лет, если включать войну и изучение языка, и знаю уже тридцать лет Файста. Имя товарища, который мне все рассказал, я, само собой разумеется, не назову. И еще. Мой разговор с ним я уже записал и передал его содержание в Москву».

Шапошников подошел ко мне и извинился. Через два дня я рассказал в Москве о том, что произошло в Берлине. Мой отчет руководство уже прочитало. Мартынов ни в чем меня не упрекнул.

В тот же день пришло известие, что в начале августа в Советский Союз приезжает Эрих Хонеккер, чтобы провести в Крыму встречу с Брежневым. Я попросил на этот раз пощадить меня и не посылать в Крым, поскольку я очень плохо чувствовал себя после перенесенной тяжелой операции. Мартынов добился на это согласия Блатова, помощника Брежнева, который уже находился в Крыму.

Через несколько часов после того, как Блатов выразил свое согласие с моей просьбой, во всей этой истории была поставлена жирная точка. Я был неожиданно вызван к своему начальнику Русакову, секретарю ЦК КПСС. Когда я вошел в его огромный кабинет, Константин Викторович поднялся со стула и пошел мне навстречу. «Значит ты прочитал им нравоучения?» — «Можно и так понимать», — ответил я с улыбкой.

Русаков возразил: «Но это же прерогатива ЦК партии — или как?» — «Может, это и верно, но разве вы верите во всю эту чепуху, рассказанную Файстом, что я якобы сослался на советское руководство?» — «Этому я не верю, но сейчас у меня будет посол ГДР Эгон Винкельман. Он придет по указанию Эриха Хонеккера с протестом по поводу твоего разговора с Файстом. Будем считать, что я тебя слегка пожурил».

На следующий день Мартынов показал мне запись этого разговора с послом. Тот «по прямому указанию» Хонеккера повторил

буквально то, что уже заявил Аксен в Берлине. Новым было следующее обстоятельство: «Эрих Хонеккер скоро встречается с Леонидом Брежневым в Крыму. В этой связи он не желает видеть в Крыму Александра Богомолова». Мартынов считал, что я должен расписаться в том, что я непосредственно ознакомлен с этой информацией. Я сначала отказывался, так как он и Русаков точно знали, что я не полетел на этот раз в Крым по своему собственному ходатайству. И моя просьба была удовлетворена. Из последнего предложения в записи этой беседы, однако, следовало, что мы будто бы поддались Хонеккеру, что не соответствует действительности. Мартынов признал мою правоту, посоветовав, однако, не привлекать к этой истории внимания, так как в противном случае у него могут быть неприятности.

Только ради него и с выражением протеста я расписался на этой бумаге.

КАПРИЗЫ ХОНЕККЕРА. 1980-е годы

Брежнев постоянно напоминал Хонеккеру, что Советский Союз и ГДР совсем разные страны: по размерам, по истории, по национальным особенностям. Это было ясно как божий день, и никто никогда не требовал от Хонеккера, чтобы он во всем следовал советскому примеру. Но тот воспринимал дававшиеся ему советы и предостережения молча, с крепко сжатыми губами. Дома же, среди единомышленников, он открыто выражал недовольство всем этим, заявляя, что он уже сыт по горло нравоучениями из Москвы. Советское руководство моментально узнавало и об этом.

Отношения между партийными руководителями становились все более напряженными. Зачастую бремя этого напряжения ложилось на плечи невиновных. Руководитель бюро ТАСС в Берлине Иванов однажды подготовил по своей инициативе хорошую, содержательную корреспонденцию о внешнем долге ГДР. При этом он использовал все доступные источники информации: сообщения информационных агентств, газетные статьи, разговоры с коллегами и другие. Видимо, своим журналистским расследованием он попал в самую точку. Посол ГДР в Москве Эгон Винкельман отреагировал молниеносно. Он послал тассовскую корреспонденцию Иванова напрямую Эриху Хонеккеру, для которого она послужила достаточным поводом

потребовать у советского руководства снятия Иванова с должности. Советское руководство, вместо того чтобы защитить Иванова, уступило этому натиску. Незаслуженное наказание было воспринято Ивановым как личное оскорбление, и, когда тогдашнее руководство ТАСС через некоторое время одумалось и командировало Иванова на новую работу в Австрию, он там остался.

В серьезных делах, каковыми были увеличивающийся внешний долг или рост экономической зависимости ГДР от ФРГ, советские руководители, разумеется, высказывали критические замечания. На одной из встреч в Москве в конце 1970-х годов Брежнев коротко и ясно разъяснил Хонеккеру, что советское руководство не считает Гюнтера Миттага способным решать экономические проблемы, ввиду чего необходимо подумать о его замене на этом посту. Но Хонеккер остался безразличен к этому ясному сигналу.

На мой взгляд, советское руководство явно слабо реагировало на несуразные выходки Хонеккера. Я не знаю, чем это можно объяснить. Само собой разумеется, что о своих предположениях я не говорил Брежневу или его помощникам. Однако, по моему мнению, при контактах с руководством ГДР нам мешала непонятная щепетильность. По мне так лучше говорить правду, чем на весь мир делать лицемерные заявления о вечной дружбе. Даже понимающие подлинную ситуацию в наших отношениях лишь стыдливо опускали глаза. А Хонеккер расценивал фальшивую деликатность наших руководителей как проявление слабости и позволял себе все больше вольностей.

СЕМЁНОВ ОТПРАВЛЯЕТСЯ ПОСЛОМ В БОНН, А Я ОТПРАВЛЯЮСЬ НА ПЕНСИЮ. 1982 год

Последний раз я видел Семёнова осенью 1982 года. Он неожиданно зашел ко мне в кабинет в ЦК КПСС. Я помог ему снять пальто и предложил сесть за рабочий стол. «Тебе известно, — спросил он торжественно, — что меня назначили послом СССР в Федеративной Республике Германия? Агреман пришел вчера. Я знаю, что ты был при Царапкине и Фалине шесть лет в Бонне пресс-атташе и советником посольства по информации. Не можешь ли мне посоветовать, как я должен держать себя с западногерманскими масс-медиа, местными и иностранными журналистами?»

Я предупредил его, что это займет некоторое время. Все-таки он не дал отговорить себя от своего намерения, вытащил из портфеля толстый блокнот и сказал, что в его распоряжении два часа времени. А затем Семёнов, обычно такой заносчивый и невыдержанный, сидел чинно передо мной и усердно записывал как старательный школьник все, что я ему говорил, ни разу не перебив меня. Когда наконец он спрятал свой блокнот обратно в портфель, то спросил: «Не хочешь ли ты со мной в Бонн советником посольства?»

Я поблагодарил его за доверие, но напомнил ему о том, что мне уже почти 60 лет и я хочу уйти на пенсию. Семёнов оживился: «Но-но! Поосторожнее! Если уж ты выходишь на пенсию, тогда мне уже давно пора бы совершить этот шаг». Семёнову в то время было 72 года.

«Но, Владимир Семёнович, — возразил я, — мы все-таки оба стоим на разных ступеньках. С вашего уровня все же не уходят просто так на пенсию. В крайнем случае, люди, как вы, выходят в отставку незадолго перед тем, как найти вечный покой». Семёнов предпочел промолчать. Он поблагодарил меня и попрощался. На пороге моего кабинета он сказал: «Если передумаешь, дай мне знать!»

4 декабря 1982 года я попросился на пенсию. Это был мой 60-й год рождения. Выход на пенсию следовал по моему собственному настоянию. Около трех месяцев я ждал реакции на поданное мною заявление. «Ты что, серьезно?» — спрашивали меня. Ведь за 65 лет советской власти еще никто добровольно не покидал аппарат ЦК КПСС.

В коридоре я встретил заведующего сектором Лощакова. Он поинтересовался, почему я такой мрачный. В ответ на это я рассказал ему, что уже три месяца не получаю ответа на мое обращение относительно пенсии.

«Возможно, тебе дают время передумать и забрать свое заявление. Я как раз собираюсь к заместителю заведующего отделом Рахманину...» — «О, расскажите ему, пожалуйста, следующий хороший анекдот. И скажите, что я попросил вас сделать это».

Этот анекдот и помог разрешению моей проблемы. В Одессе одного старого еврея забрали в милицию по подозрению в убийстве. Его допрашивает начальник угрозыска. В комнате находятся еще два молодых человека в штатском. «Где вы живете?» — «Дерибасовская, три, квартира четыре». Начальник смотрит на

двоих в штатском и движением головы приказывает им, чтобы они отправились туда и установили, правильный ли это адрес. Через полчаса оба возвращаются и качают головами. Мнимого убийцу поколотили и снова спрашивают, где он живет. Он отвечает то же самое. Эта сцена повторяется два или три раза. Наконец в комнату входит один офицер и сообщает, что действительный убийца установлен и арестован. Начальник извиняется перед стариком и отпускает его домой. Во дворе своего дома старик встречает дворника. Едва заметив своего соседа, дворник кричит ему: «О! Добрый день, Исаак! Ты должен мне бутылку водки!» — «За что?» — «Я тебе помог. Сегодня здесь два раза были люди из милиции, спрашивали про тебя. Я сказал им, что они ошиблись адресом».

Как я узнал позднее, начальник отдела кадров, едва услышав этот анекдот, вскочил, подбежал к своему сейфу, извлек мое заявление и подписал его. «Отдайте ему эту дурацкую бумагу», — сердито сказал он посреднику. Через три недели я стал пенсионером. Это произошло 11 марта 1983 года.

Я считаю, что в своей жизни я совершил два решительных шага, которые действительно потребовали от меня гражданского мужества. Первый, когда в июне 1941 года я добровольно попросился на фронт, и второй, когда спустя 40 лет я добровольно вышел на пенсию. Мои коллеги попрощались со мной очень тепло. В одном кабинете собралось около 50 мужчин и женщин. У них нашлось для меня немало теплых слов. Мой начальник Мартынов сказал, что ходят нелепые слухи о том, что Богомолов будто бы уходит в отставку из-за того, что он поссорился с Хонеккером. Я объяснил, что мое прощание с дипломатической работой не имеет к Хонеккеру никакого отношения. Будучи инвалидом войны, после дюжины тяжелейших операций и напряженной трудовой жизни, я слишком хорошо знал, что работать не в полную силу на международном паркетe нельзя.

СЮРПРИЗЫ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОТЦА. 1957 год

13 февраля 1957 года мы, моя жена Нина и я, посетили моего отца, которому в этот день исполнилось 67 лет. Важным для описываемого далее эпизода было бы отметить, что мой отец в

1912 году, то есть за пять лет до Октябрьской революции, стал и оставался с тех пор членом партии большевиков. С 1945 года он более 30 лет возглавлял планово-финансовое управление ТАСС и являлся заместителем генерального директора этого телеграфного агентства.

А теперь о сюрпризах. После праздничного стола я встал и подошел к книжному шкафу с застекленными дверцами. На верхней полке я заметил совершенно новую, большую по размерам книгу, на корешке которой золотыми буквами на темно-синем фоне было напечатано: «Словарь современного русского литературного языка. Том 1». Я немного полистал книгу и, улыбаясь, выразил надежду, что это прекрасное 17-томное издание отец со временем подарит нам с женой, поскольку мы оба филологи.

Отец обещал, а я заметил ему в этот момент с укором: «У тебя ценное собрание книг, а четвертого издания сочинений Ленина у тебя нет...» — «Какое издание? Как оно выглядит?» — спросил отец. «Но, отец, оно же общеизвестно. Это издание вишневого цвета с золотыми буквами на обложке, тридцать пять томов» — «Это издание — фальсификация, — сказал отец, — и оно меня не интересует». — «А ты, собственно, можешь это доказать?» — «Конечно, — ответил отец. — Неси сюда своего Ленина. Ты можешь принести любой том, и все равно получишь доказательства».

Нам было очень любопытно узнать, что же это у него за доказательства, и уже через неделю мы снова были у отца. Дома я взял наугад один том из 4-го издания. В нем шла речь о подписании Брестского мирного договора.

Отец взял книгу, полистал недолго и сказал: «Хорошо, а теперь сравним твою фальсификацию с подлинником». — «Это не моя фальсификация, а старых большевиков», — рассерженно возразил я.

Отец только молча улыбнулся. Принес из ванной комнаты небольшую стремянку и залез на нее. На верхней полке лежали несколько сумок и старых чемоданов. Он побряхтел там несколько минут и достал из лежавшего снизу чемодана книгу. Отец сидел там наверху, как петух на насесте. Он гордо показал мне книгу и сказал: «Вот подлинник, собрание, изданное еще во времена Ле-

нина. При Сталине за хранение этих сочинений сажали в тюрьму или отсылали в лагерь. Тебе это известно?»

Мне это было неизвестно. Отец спустился со стремянки, и мы перешли в гостиную, где нас ждали два его старших брата, тетя Лида и моя жена Нина. Когда мы снова сели за стол, мой старик сказал: «Теперь давай сравним. Ты читай вслух статью Ленина, а я буду сравнивать ее с такой же статьей в моем томе. Если ты скажешь что-либо неверное, я дерну тебя за пиджак. Согласен?» — «Конечно», — ответил я. — «Но тебе не удастся дергать меня за пиджак...»

Затем я громко зачитал два первых абзаца. Отец молчал. После третьего абзаца он слегка потянул меня за рукав и спросил: «На каком абзаце ты остановился?» — «Это третий абзац», — ответил я, на что отец снова спросил: «Может быть, там есть сноска или другой знак препинания?» — «Да, здесь стоит точка», — сказал я.

«Вот это как раз то! — торжествовал Яков Богомолов. — Ты только что прочитал четвертый абзац, а третий абзац в твоём сфальсифицированном четвертом издании выпущен. А в нём говорится следующее. Слушай внимательно: “Товарищ Сталин неправ, если он выступает против подписания Брест-Литовского мирного договора, так как отказ от его подписания означает объявление смертного приговора советской власти...” Согласись, — продолжал отец, — ты проиграл спор. А он на шесть бутылок пива...»

Честно говоря, мы оба, Нина и я, были потрясены.

Вскоре мы с женой уехали на шесть лет в Берлин, а потом, после двухлетнего перерыва — на шесть лет в Бонн. Мой отец умер 8 февраля 1975 года в возрасте 85 лет.

Поздно вечером после поминок в квартире моего отца меня пронзила мысль. Я ведь забыл тогда купить отцу те шесть бутылок пива. А сегодня это было уже слишком поздно. Глаза повлажнели. Мой поминальный тост был сплошным самобичеванием. И в этот раз, когда я писал эти строки, мне сдавило горло. Я сгорал от стыда.

В четвертом издании подчеркивалось, что Ленин принимал свои решения, только переговорив предварительно со Сталиным.

Сравните оба текста и скажите сами.

В подлиннике написано так: «Товарищи (затем следуют 15 фамилий. Сталин упоминается в середине списка)! Вопрос довольно сложный. Я не хотел бы решать его, не посоветовавшись с вами». Подпись — Ленин.

В 4-м издании резолюция выглядит так: «Товарищ Сталин, вопрос довольно сложный. Я не хотел бы решать его, не посоветовавшись с вами». Подпись — Ленин.

Среди моих знакомых и друзей есть много журналистов. Еще до перестройки и после нее я часто предлагал эту историю некоторым из них, но никто при этом не пошевелил и пальцем. Было ли это проявлением их осторожности, трусости?

А те из моих соотечественников, которым около 60 или 70 лет и которые не отучились еще от слепого повиновения, оправдывают упомянутую здесь фальсификацию беспомощным молчанием или ссылками на то, что страна находилась тогда в сложной внешней и внутрисполитической ситуации. Такого рода фальсификаторов я назвал бы «вечно вчерашними» — прозвище, которое в Германии достаточно известно и понятно из ее недавнего прошлого.

МИТИНГ В ПАРКЕ ЛЮСТГАРТЕН. 1991 год

Через 50 лет после начала Великой Отечественной войны я уже почти девять лет находился на пенсии. Советский комитет ветеранов войны предложил мне полететь в Берлин и выступить там на большом митинге по случаю 50-й годовщины нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Это должен был быть не такой рядовой митинг, в каких мы постоянно принимали участие у себя дома или в ГДР. У меня не нашлось времени как следует подготовиться, потому что предложение приехать я получил всего за два дня до выступления. Ответственность была огромная. Я же был там совсем один, и более 20 тысяч участников митинга видели во мне официального представителя Советского Союза, каким я в действительности не являлся.

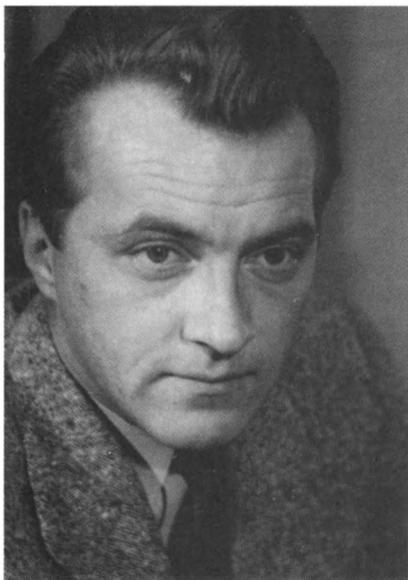
Мое выступление с самого начала было импровизацией, своего рода экспромтом. Я вовсе не хотел скрывать свое чувство неуверенности. Я спросил себя, первым делом, как мне обратиться к ним, уважаемым участникам митинга? Почему я, русский, должен

Встреча ветеранов ОМСБОН НКВД СССР на стадионе «Динамо». Третий справа — А.Я. Богомолов. Москва 1990-е годы

Ветераны Великой Отечественной Александр Богомолов и Лев Шерышевский. Они вместе воевали в ОМСБОН НКВД СССР. Москва, стадион «Динамо» 1990-е годы

Александр Яковлевич Богомолов –
таким его помнят по совместной работе
в Германии в 1960–1970-е годы

Александр Богомолов
часто проводил свой
отпуск на Валдайской
возвышенности,
у берегов Селигера.
Рыбачил, мастерил.
Россия, озеро Селигер
1960-е годы

Александр Богомолов демонстрирует только что завершённую работу по дереву. Слева жена друга Андрея Мельникова — Евгения. Россия, Валдай, Селигер 1960-е годы

«Вторая жизнь» Александра Богомолова, известная только самому узкому кругу друзей – ремонт ювелирных украшений из драгметаллов и резьба по дереву. Это увлечение на профессиональном уровне «зарядило» талантливому Александру Яковлевичу новой энергией. «Рабочий уголок» в квартире Богомоловых и сегодня хранит память о хозяине. Москва 1990-е годы

выступить здесь сегодня, 22 июня 1991 года первым? Поскольку я целых 12 лет проработал сначала в Советской контрольной комиссии в Германии, а затем в советском посольстве в Берлине, начну-ка я, пожалуй, словами «Дорогие товарищи!». Но ведь я целых шесть лет проработал и в советском посольстве в Бонне. Поэтому, возможно, мне следует начать обращением «Дамы и господа!» или просто «Друзья!».

Стоя за ораторской трибуной, я увидел перед собой много пожилых людей. Это, должно быть, были в большинстве своем бывшие солдаты и офицеры вермахта. Также и я четыре года войны был рядовым солдатом. В моих воспоминаниях проплыли мои детские годы, тот момент, когда мои родители со мной и моей сестрой Мариной в 1924 году приехали в Берлин. Именно в этом городе я начал говорить по-немецки. Однако мое слишком глубокое копание в прошлом могло произвести неблагоприятное впечатление на участников митинга. И я наконец выбрал корректную общеупотребительную форму: «Уважаемые дамы и господа! Дорогие друзья! Это обращение относится ко всем почти восьмидесяти миллионам граждан вашей прекрасной страны...» Я думал над тем, что бы такого все они хотели услышать от меня, чего не знали сами 50 лет назад. Все эти слова я произнес на берлинском диалекте, что вызвало одобрение у многих присутствовавших. При этом мне вспомнились слова известной немецкой песенки: «...а у меня таки еще остался чемоданчик в Берлине...».

Мой голос продолжал звучать в микрофон: «Собственно говоря, вы здесь знаете лучше, какие цели преследовал Гитлер в той войне против Советского Союза ровно пятьдесят лет назад. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные выступления и документы той поры — “ликвидация”, “тотальное разрушение и уничтожение России как государства”, “тотальное онемечивание”, “тотальная война” и так далее. Что другого оставалось нам делать в той ситуации? Победить или умереть — перед этим выбором стоял Советский Союз в Великой Отечественной войне. И наш собственный словарный запас тогда, соответственно, стал суровым и жестоким. “Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой...” — поется в одной нашей известной песне. 19 июня 1941 года у меня был школьный выпускной бал. Мне было восемнадцать лет, и я хотел учиться в Московском архитектурном институте. Но жизнь решила все иначе. Началась война. Я добро-

вольно ушел в армию, стал сапером. И как каждый солдат, я стрелял, взрывал и закладывал мины. Эта война вторглась в каждую советскую семью. Не осталось ни одной семьи, не познавшей горя и страданий. Мы оплакиваем около тридцати семи миллионов человеческих жизней. В 1942 году погибли отец и брат моей жены. Мой двоюродный брат, Леонид Богомолов, провел четыре года в немецком плену.

После войны и получения в институте диплома германиста вся моя дальнейшая жизнь была теснейшим образом связана с Германией. Я знаю многих ваших земляков по одну и другую сторону. Я стоял рядом со многими выдающимися деятелями, среди них были пять немецких канцлеров и два генеральных секретаря ЦК СЕПГ. Когда они по различным поводам встречались с советскими руководителями, доводилось их переводить. Я горжусь тем, что способствовал установлению взаимопонимания. Теперь я почти уже девять лет на пенсии и в первый раз в гостях в объединенной Германии. Я признаюсь, что для меня вся эта ситуация несколько непривычна. Два часа назад я приземлился в едином Берлине.

В этот день я хотел бы, как ветеран войны, сказать вам следующее: благодаря перестройке, благодаря многим позитивным переменам в нашей стране — и я думаю, вы знаете об этом — сегодня для наших стран, для Востока и Запада открываются новые пути для сотрудничества. Нет никаких препятствий, барьеров или заграждений, которые могли бы нарушить нашу совместную работу в политической, экономической, культурной и других областях. Более того, это сотрудничество уже идет. Создаются совместные германо-советские предприятия. Наши газеты и журналы пестрят немецкой рекламой. Сыновья и дочери некоторых моих однополчан и друзей учатся в немецких высших школах или трудятся в немецких фирмах, которые имеют представительства в России. Но самое главное, мы знаем сегодня, как никогда раньше, что благодаря этим позитивным изменениям в мире стало возможным мирное будущее. Правда, только в том случае, если мы будем строить это будущее не каждый для себя, за счет соседей, а все вместе».

Я пожелал всем участникам митинга доброго здоровья и счастья в жизни.

**Государственные и партийные деятели СССР, ГДР и ФРГ, кото-
рых довелось переводить
Александрю Яковлевичу Богомолу**

Деятели СССР

- Ю.В. Андропов — секретарь ЦК КПСС (1962–1967), председатель КГБ СССР (1967–1982), генеральный секретарь ЦК КПСС (1982–1983)
- Л.И. Брежнев — генеральный секретарь ЦК КПСС (1964–1982), председатель Президиума Верховного Совета СССР (1977–1982)
- Н.С. Хрущёв — первый секретарь ЦК КПСС (1952–1964)
- А.А. Гречко — главнокомандующий Группой советских войск в Германии (1953–1957), министр обороны СССР (1967–1976)
- А.А. Громыко — министр иностранных дел СССР (1957–1985)
- К.Е. Ворошилов — государственный, партийный и военный деятель, председатель Президиума Верховного Совета СССР (1953–1960)
- Г.К. Жуков — выдающийся полководец, министр обороны СССР (1955–1957), маршал Советского Союза
- Л.М. Каганович — советский партийный деятель
- К.Ф. Катушев — секретарь ЦК КПСС по международным вопросам (1968–1977)
- Б.З. Кобулов — член руководства МГБ СССР (до июня 1953 г.)
- О.В. Куусинен — член Президиума, секретарь ЦК КПСС (1957–1964)
- Г.М. Маленков — член Президиума, секретарь ЦК КПСС (1948–1957), председатель Совета Министров СССР (1953–1955)
- Р.Я. Малиновский — выдающийся советский военачальник, министр обороны СССР (1957–1967), маршал Советского Союза
- А.И. Микоян — государственный и партийный деятель, председатель (1964–1965) и член (1965–1974) Президиума Верховного Совета СССР
- В.М. Молотов — член Президиума ЦК КПСС (1952–1957), министр иностранных дел СССР (1953–1956)
- Н.С. Патолочев — первый секретарь ЦК КП Белоруссии (1950–1956), министр внешней торговли СССР (1958–1985)
- А.Я. Пельше — член Политбюро ЦК КПСС (1966–1991)
- М.Г. Первухин — член Президиума ЦК КПСС (1952–1957), посол СССР в ГДР (1958–1962)
- К.В. Русаков — секретарь ЦК КПСС (1977–1985)

- Н.М. Шверник — председатель Комиссии партийного контроля (1956–1970), председатель ВЦСПС
- М.А. Суслов — член Президиума, затем Политбюро и секретарь ЦК КПСС (1955–1982)
- В.И. Чуйков — выдающийся полководец, маршал Советского Союза, главнокомандующий Группой советских войск в Германии (1949–1953)
- Д.Ф. Устинов — секретарь ЦК КПСС, курировавший военно-промышленный комплекс СССР (1965–1976), член Политбюро ЦК КПСС (1976–1984), министр обороны СССР (1976–1984), маршал Советского Союза

Деятели ГДР

- Вильгельм Пик — президент ГДР (1949–1960), сопредседатель Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) (1946–1954)
- Вальтер Ульбрихт — генеральный секретарь СЕПГ (1946–1954), первый секретарь ЦК СЕПГ (1954–1971), председатель Государственного совета ГДР (1960–1973)
- Отто Гротеволь — сопредседатель СЕПГ (1946–1954), премьер-министр ГДР (1949–1964)
- Эрих Хонеккер — первый секретарь, затем генеральный секретарь ЦК СЕПГ (1971–1989), председатель Государственного совета ГДР (1976–1989)
- Вилли Штоф — член Политбюро ЦК СЕПГ (1953–1989), председатель Совета Министров ГДР (1964–1973 и 1976–1989), председатель Государственного совета ГДР (1973–1976)
- Герман Аксен — член Политбюро и секретарь ЦК СЕПГ по международным вопросам (1970–1989)
- Эрих Мильке — член Политбюро ЦК СЕПГ (1976–1989), министр государственной безопасности ГДР (1957–1989)
- Вернер Ламберц — член Политбюро ЦК СЕПГ, секретарь по пропаганде (1976–1978)
- Альфред Нойман — член Политбюро ЦК СЕПГ (1958–1989)
- Фридрих Эберт — член Политбюро ЦК СЕПГ (1949–1979), обер-бургомистр Берлина (1948–1967)
- Вернер Кроликовский — первый секретарь Дрезденского окружкома СЕПГ (1960–1973), член Политбюро ЦК СЕПГ (1971–1989)
- Герберт Кроликовский — член ЦК СЕПГ, первый заместитель министра иностранных дел ГДР
- Хайнц Гофман — министр национальной обороны ГДР (1961–1985)

- Франц Далем — видный деятель коммунистического движения в Германии, депутат Народной палаты ГДР, член ЦК СЕПГ
- Георг Дертингер — член правления Христианско-демократического союза ГДР (ХДС), депутат Народной палаты ГДР и министр иностранных дел ГДР (1949–1953)
- Рудольф Хернштадт — видный деятель коммунистического движения, член ЦК СЕПГ и главный редактор центрального органа СЕПГ — газеты «Нойес Дойчланд» (до 1953 г.)
- Карл Ширдеван — член Политбюро и секретарь ЦК по кадровым вопросам (1953–1958)
- Герхард Циллер — член ЦК СЕПГ и секретарь ЦК по экономической политике, министр машиностроения (1950-е гг.)
- Фриц Зельбман — член ЦК СЕПГ и министр тяжелого машиностроения (1950-е годы)
- Генрих Рау — член Политбюро ЦК СЕПГ, с 1961 г. — председатель Госплана ГДР
- Фред Ольснер — член Политбюро ЦК СЕПГ, курировал вопросы идеологической работы (1950-е гг.)
- Вильгельм Цайссер — член ЦК СЕПГ и министр государственной безопасности ГДР (1950–1953)
- Бруно Лойшнер — член Политбюро ЦК СЕПГ (1958–1965), председатель Госплана ГДР (1952–1961)
- Эрих Корренс — президент Национального совета Национального фронта ГДР (1950–1981)
- Винсенц Мюллер — член руководства МВД (1952–1956), заместитель министра обороны, начальник главного штаба Национальной народной армии ГДР (1956–1958)
- Отто Нушке — председатель ХДС ГДР, заместитель премьер-министра ГДР (1948–1957)
- Макс Рейман — видный деятель коммунистического движения, председатель КПГ в ФРГ (1948–1956)
- Отто Дибелиус — председатель Совета евангелических церквей в Германии, епископ Берлинский и Бранденбургский (1949–1961)

Деятели ФРГ

- Конрад Аденауэр — канцлер ФРГ (1949–1963)
- Отто Вольф фон Амеронген — крупный промышленник, руководитель Восточного комитета германской экономики (1955–2000), активно содействовавший в 1950–1960-е гг. развитию экономических связей с СССР

- Эгон Бар — видный деятель СДПГ, министр по особым поручениям в Ведомстве федерального канцлера (1972–1982)
- Райнер Барцель — министр по общегерманским вопросам (1962–1963), председатель фракции ХДС/ХСС в бундестаге ФРГ (1964–1973)
- Бертольд Байц — председатель наблюдательного совета в концерне Круппа (1970-е гг.), активный сторонник развития культурных и спортивных связей с СССР
- Генрих фон Брентано — министр иностранных дел ФРГ (1955–1961)
- Вилли Брандт — правящий бургомистр Западного Берлина (1957–1966), министр иностранных дел ФРГ (1966–1969), канцлер ФРГ (1969–1974), председатель СДПГ (1964–1987), председатель Социалистического интернационала
- Томас Делер — министр юстиции ФРГ (1949–1953), председатель Свободной демократической партии (СвДП) (1954–1957)
- Людвиг Эрхард — министр экономики (1949–1963), канцлер ФРГ (1963–1966)
- Ганс-Дитрих Геншер — министр внутренних дел (1969–1974), министр иностранных дел (1974–1992), председатель СвДП (1974–1985)
- Вальтер Хальштайн — статс-секретарь в Ведомстве федерального канцлера, затем в МИД ФРГ (1950–1958)
- Курт Георг Кизингер — канцлер ФРГ (1966–1969), председатель ХДС (1967–1971)
- Гельмут Коль — канцлер ФРГ (1982–1998)
- Эрих Менде — председатель СвДП (1960–1968), министр по общегерманским вопросам (1963–1966)
- Эрих Олленхауэр — председатель СДПГ (1952–1963)
- Гельмут Шмидт — занимал посты министра обороны, экономики, финансов (1969–1974), канцлер ФРГ (1974–1982)
- Карло Шмид — видный деятель СДПГ
- Герберт Венер — видный деятель послевоенной СДПГ, председатель фракции СДПГ в бундестаге ФРГ (1969–1983)
- Мартин Нимеллер — видный церковный и общественный деятель ФРГ, участник движения в защиту мира и против ядерного вооружения (1950-е гг.), президент Всемирного совета церквей

БЕЗ ПРОТОКОЛА

Невыдуманные истории
рассказывает разведчик
Георгий САННИКОВ

ВСТУПЛЕНИЕ

Истинны в жизни человека не его дела,
а легенды, которые его окружают.
Никогда не следует разрушать легенд.
Сквозь них мы можем смутно разглядеть
подлинное лицо человека.

Оскар Уайльд

Слушайся своей совести,
а там будь что будет.

Клаус Фукс

Я начал заниматься изучением Германии, ее народа, истории, прежде всего точного, как математика, немецкого языка, имея от роду уже солидный возраст — 27 лет, не думая и не ведая до того, что более полувека в разные периоды своей жизни стану участником и свидетелем различных событий, в том числе не совсем обычных, связанных с этой страной, разделенной после разгрома нацизма в 1945 году на две Германии. До того я имел самые смутные представления о немецком языке, изучая язык врага вяло и неохотно в 7-м классе Сарептской железнодорожной школы города Сталинграда в 1943–1944-х годах.

Став слушателем специального учебного заведения в Москве в 1956–1958-х годах, где готовили сотрудников госбезопасности для работы по линии разведки в Германии, я, наверное, был чуть ли не единственным не знавшим немецкого слова «Konjunktiv», означавшего в немецкой грамматике «сослагательное наклонение». Оказалось, что подавляющее большинство слушателей в 40 с небольшим человек нашего курса обладали приличными знаниями немецкого. Таким было одно из условий подбора слушателей, кроме наличия высшего образования, опыта работы, отличного здоровья и положительных рекомендаций с прежнего места службы. Мне оставалось только одно — догнать их по уровню знаний. Это стоило мне четырехмесячного затворничества в нашей войсковой части в одном из пригородов Москвы. После окончания занятий в субботу все москвичи покидали расположение части и спешили к своим семьям, возвращаясь лишь в понедельник. Иногородние, вроде меня, как правило, тоже спешили в город, где посвящали себя культурному досугу — театрам, музеям, отдыху. Я же после короткого «передыха» занимался так необходимой в изучении любого иностранного языка зубрежкой, то есть наращивал

лексику и ставил фонетику, посвящая этому же процессу и воскресный день. К декабрю я был в полной форме хорошо успевающего слушателя. Единственный недостаток состоял в том, что наша языковая группа была самой слабой, заранее предусмотренной руководством на «отсев», нас и по количеству было больше, чем в других группах. В течение первых двух месяцев учебы выбыло три человека, не сумевших освоить плановую языковую программу. По заключению наших педагогов, они просто не смогли преодолеть языковый барьер. Специалисты-филологи считают, что около 10 процентов вообще не в состоянии освоить иностранный язык. В лучшем случае они смогут понимать его, но не способны овладеть чужой речью. Теперь нас оставалось четверо, где я оказался «в передовых», так что тянуться мне было не за кем...

Как утверждают специалисты и знатоки, знание иностранного языка равноценно получению второго высшего образования. Перед нами открывался новый, удивительно интересный мир, в который нас со сознанием дела методически и последовательно вводила наша светлой и самой доброй и признательной памяти Маргарита Васильевна Волинец. Она была моложе нас и недавно окончила Военный институт иностранных языков, но уже успела познакомиться с Западной Германией, куда сопровождала в качестве переводчика один из творческих коллективов. Коренная москвичка, влюбленная в свой город и свою профессию, она не только «ставила» нам литературный немецкий язык, но и учила правильно и грамотно разговаривать на русском. Мы с почитанием и любовью относились к нашей Lehrerin, но в общении между собой, как говорится «для внутреннего пользования», ласково окрестили ее Маргошкой...

Мне было 10 лет, когда я впервые увидел живого немца и услышал чужую речь. Мы жили тогда под Ленинградом в Колпино. Здесь, еще до появления города-крепости на Неве, на базе маленькой пушечной мастерской, построенной по инициативе сподвижника царя Петра — Александра Меншикова, выросла со временем громадина Ижорского завода, на котором работал мой отец. В огромном Питере было такое количество музеев и других исторических достопримечательностей, не говоря уже о Петергофе, Гатчине, Пушкине — Царском Селе и тому подобных местах, что за три года нашего пребывания в этом регионе мы так и не смогли всюду побывать. Однако все свободные выходные ис-

пользовали для знакомства с Северной Пальмирой и рассыпанными вокруг сверкающим ожерельем дворцовыми сооружениями, парками, усадьбами. Я вспоминаю об этом потому, что наш Эрмитаж, Русский музей своей «начинкой» не только превосходит многие музеи других стран, но и может соперничать с такой мировой жемчужиной, как Лувр. Впрочем, это мое сугубо личное мнение и сравнение впечатлений от виденного мною. А побывал я в 12 странах Европы и Скандинавии и, будучи весьма любознательным и любопытным, не упускал случая хоть на часок от сэкономленного мною времени заглянуть в музеи и познакомиться с местными достопримечательностями. Ну не мог я пропустить в Копенгагене знаменитого датчанина Торвальдсена, как и головку египетской красавицы царицы Нефертити в Берлине, которой любовался не один раз. Или в Осло норвежского скульптора Вигеланда. Берлин, как и Питер, потрясает своими музеями и историей. Я полюбил этот город, его жителей — берлинцев, юмор которых, наверное, нельзя сравнить ни с одной землей Германии. У них и берлинский диалект какой-то особенный. Пожалуй, более понятный, чем другие многочисленные немецкие диалекты. Во всяком случае, во мне он всегда вызывал какую-то особую симпатию...

Итак, мой первый контакт с немцами. Это случилось в Исакиевском соборе, в подвальной части которого размещались какие-то экспонаты, в том числе длинный и плоский деревянный ящик-стол на ножках. Под стеклом рассыпаны толстым слоем старинные монеты. В основном медные, но много и серебряных. Я с любопытством рассматривал эти «сокровища». Внезапно надо мной нависла незнакомая голова и вкрадчивый, странно звучащий голос произнес: «Малчык, т'еб'е нрав'ятся эт'и дэнги?»

Два красивых светло-серых костюма, два розовощеких холеных лица. Один почти лысый, пожилой, второй помоложе, светло-волосый. Оба лучезарно улыбались. Я не успел ответить, как мама дернула меня за руку и отвела в сторону: «Не разговаривай с ними. Это иностранцы. Немцы...»

Потом была война... Она обрушилась на нашу семью в августе 1942 года. Мы жили в поселке Красноармейск, южной части Сталинграда, где отец работал на заводе № 264 «Судоверфь», производство которого было перепрофилировано на выпуск в основном танковой продукции. В конце лета 1941 года выселяли немцев

Поволжья. В Сарепте, рядом с поселком Красноармейск, была большая немецкая колония, появившаяся на этих землях в XVIII веке. Именно здесь, впервые, немецкие колонисты начали производить знаменитую русскую горчицу, завезя эту культуру из Германии. К нам в дом приходила пожилая немка-молочница, снабжавшая нас великолепными молочными продуктами. Мама рассказывала, как эта немка незадолго до своего исчезновения уговаривала ее никуда из Сталинграда не уезжать, так как скоро сюда придут немецкие войска и всем будет хорошо жить вместе с культурной немецкой нацией. Она показывала маме фотографию племянника в форме офицера вермахта. В это время уже шли бои в глубине России, немцы рвались к Москве, подошли к Ленинграду, началось сражение за Киев. Мама выставила немку и просила больше к нам в дом не приходите. Тогда же мы с мальчишками нашли на чердаке исправную немецкую рацию, ракетницу с запасом ракет и несколько немецких, явно сигнальных, карманных фонарей. Все это было тщательно замаскировано в одном из чердачных углов. находку сдали в милицию. Очень гордились. 8 августа 1942 года был первый воздушный налет на наш район. Воскресный базарный день. Полный рынок народа. Много убитых. Отец пришел весь залитый кровью. Чужой. Он был в толпе, когда стали рваться первые бомбы. Осколочные. Упавшие на него люди были убиты... Четко запомнил в тот же день летевшие вдоль завода над волжским затоном совсем низко немецкие самолеты и бешеную стрельбу по ним девушек-зенитчиц из 37 мм зенитных автоматов, установленных на крышах заводских цехов. Первые воздушные бои над нами. Наш завод немцы бомбили, но как-то мало попадали. Когда в конце августа 1942 года огромная волна немецких самолетов накрыла город, наш завод почти не подвергся бомбежке. Позже говорили, что немцы якобы планировали использовать его в будущем в качестве ремонтной базы. В своей победе они не сомневались...

Нам удалось вовремя перебраться за Волгу... Разрушаемый непрерывными бомбовыми ударами с воздуха, горящий Сталинград яростно защищался. Закрывающее солнце черное облако горячей нефтебазы. Беспрерывная круговерть воздушных боев наших истребителей с немецкими самолетами, пытавшимися уничтожить переправу. Иногда им это удавалось, но ее тут же восстанавливали. Моста через Волгу в районе города не было.

Самое страшное ожидало нас впереди в 80 километрах от Сталинграда на железнодорожной станции Джаныбек, что на границе с Казахстаном. Голая степь, непрерывно контролируемая немецкой авиацией. Через несколько дней нашего пребывания там немцы полностью уничтожили саму станцию, почти весь поселок, сожгли элеватор и несколько стоявших на железнодорожных путях военных эшелонов с людьми и техникой, в том числе с эвакуированными из Сталинграда детьми, эшелон с которыми стоял рядом с цистернами с горючим. Огромные огненные шары от взрывов цистерн вначале взмывали вверх, а затем пламя накрывало землю...

Потом огромными арбами, предназначенными для перевозки сена и запряженными верблюдами, вывозили для безымянного погребения обугленные детские трупы с торчащими в разные стороны ручками-ножками... Живых там никого не осталось. Часть военных успела отбежать в степь. Бомбардировщики сделали несколько заходов. Рев моторов и трескотня пулеметов рвали барабанные перепонки. Самолеты делали развороты как раз над нами...

Мы ночевали в большом деревянном брошенном хозяевами доме, который стоял на отшибе в двух километрах от станции. Были в доме, когда начался массированный налет. Возле дома, когда кончился этот ад и стало тихо, насчитали совсем рядом семь бомбовых воронок. Стоявшие у дома лошадь, корова и наша «живая» игрушка — маленький щенок — были убиты. Дом был изрешечен осколками и полуразрушен. В ту ночь мы, четверо подростков и наши матери, выкопали недалеко от дома, где был колодец, траншею и укрылись в ней, замаскировав себя сверху самодельной веревочной сеткой с вязанными в нее пучками полыни. В оставшихся вокруг станции нескольких саманных¹ домиках продолжали жить люди. Там у кого-то была русская печь, где мама пыталась выпечь хлеб. Очередной налет выгнал нас на улицу. Мы упали рядышком под таким же саманным забором. Поднятая взрывами бомб пыль превратила яркий солнечный день в ночь. Осколок разорвавшейся недалеко бомбы пробил маме икру. Лечилась с помощью выпрошенной у военного фельдшера, делавшего ей перевязку, какой-то черного цвета и со жгуче-дегтярным запахом

¹ Саманом назывался строительный материал из глины, перемешанной с навозом и соломой.

мази. Если в Сталинграде нас защищали военные, даже одно их присутствие вносило спокойствие, стреляли зенитки, сражались наши самолеты, то здесь, в глухой степи, в небе безраздельно господствовали немцы, атакуя любое появление жизни на земле. Даже скотину в степи убивали.

Теперь маршевые войска разгружались где-то далеко от нашей полностью выведенной из строя железнодорожной станции и прилегавших к ней путей. Колонны войск появлялись у нас с наступлением ночи, преодолев, наверное, приличное расстояние. Они безостановочно двигались, наполняя степь приглушенным землей шумом тяжелой обуви, тихим позвякиванием оружия. Шагали молча, никто, даже командиры, не курил, соблюдая светомаскировку. Хорошо было слышно фыркание лошадей, тянувших орудия и повозки к ним. Танков и тягачей, автомашин мы здесь не наблюдали. До этого ночного перемещения войск, когда солнце только-только касалось горизонта и было еще хорошо видно, степь также постоянно наполнялась медленно бредущими мимо нас сотнями людей. Их было, наверное, больше, но их поглощало степное пространство. Это шли ходячие и легко раненные. В наступающих сумерках они выделялись белыми повязками бинтов на головах и руках. Все наши запасы питьевой воды, а наш колодец больше 10–12 ведер не «выдавал», мы отдавали этим с трудом передвиравшимся в сторону Казахстана раненым. При бывших хозяевах эту солоноватую на вкус от обилия в этих краях солончаков воду использовали для бытовых нужд и давали скотине. Сами же употребляли чистую питьевую воду, получаемую из водонапорной башни, наполнявшейся из артезианской скважины. Эти сооружения были уничтожены немцами с воздуха. Особенно было тяжело смотреть на «челюстников». Головы их вместе с лицом были покрыты сплошным слоем бинтов. Виднелись только глаза. От них шел тяжелый запах гниения человеческой плоти. Говорить они не могли. На груди у каждого на шпагатном шнурке висели одинаковые куски картона с надписью химическим карандашом: «Дайте воды. Пить хочу, умираю». Все они получали у нас нужное им количество воды. Они доставали из карманов шинели или брюк фаянсовую, стеклянную или металлическую плошку, иногда кружку со вставленной в нее резиновой трубочкой, крошили туда хлеб, наливали воду, а другой конец трубочки вставляли в нащупываемую ими в бинтах щель, и хлебная кашка поступала таким обра-

зом куда-то в рот. Наверное, это были такие «челюстники», у которых сохранилась глотательная функция...

Тяжелый крестьянский труд в колхозе имени Будённого. Получал как колхозник трудодни. Ездовым на косарке — коренная лошадь и два верблюда заменяли трактор — косил хлеб. С утра до захода солнца в безостановочном беге, изматывая до предела старую, не попавшую в армию лошадь, отвозил на движке¹ выбрасываемую комбайном мякину в сторону, где ловкие женщины скирдовали ее. Дважды со стариком-колхозником, инвалидом Первой мировой, доставляли в прифронтовую полосу, в Дубовку, что выше Сталинграда по Волге, пшеницу для помола и выпечки хлеба фронту. В Дубовке круглосуточно действовала большая деревянная мельница, которую почему-то немцы не сожгли и не разбомбили. Позже кто-то мне рассказывал, что уверенная в победе 6-я армия Паулюса планировала сохранить эту мельницу для своих нужд после поражения Красной армии на Волге.

Поездки в прифронтовую Дубовку хорошо оплачивались. Один день приравнялся к трем обычным трудодням, что означало получение за одну поездку почти десяти килограммов высокосортной пшеницы. Поездка к Волге занимала три, иногда четыре дня. Туда и обратно. Наш транспорт — три длинные арбы с высокими дощатыми боками. В каждой по тонне зерна. Каждую арбу тянули по два здоровенных вола в деревянных ярмах. Повозки крепились последовательно друг за другом прочными веревками из конского волоса — по-местному налыгычами. На передней дед за старшего, а на последней я для страховки и помощи. Время движения для безопасности было точно рассчитано. Выезжали, когда еще было светло, но с воздуха земля уже плохо просматривалась и немецкие самолеты не могли нас обнаружить. Двигались всю ночь. С рассветом, когда солнце поднималось из-за горизонта и начинало заливать светом степь, забирались в известный деду овраг с обязательным родником и заросший по краям кустами, укрывавши-

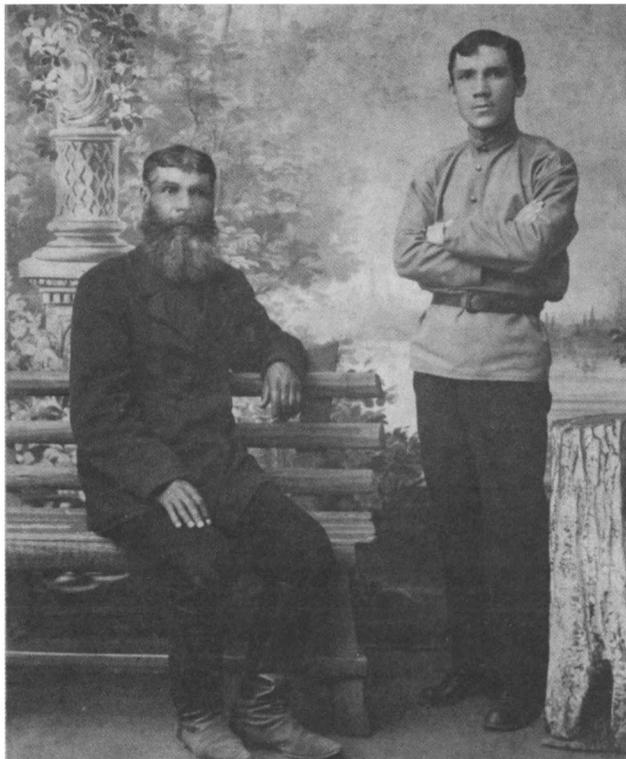
¹ «Движок» — так местные колхозники называли примитивное устройство для транспортировки в сторону скирды пшеничной соломы-мякины. Лошадь впрягалась в постромки, на концах которых крепилась поперечная толстая жердь. Она «заводилась» под накопившуюся при обмолаоте комбайном пшеницы соломой. Эту работу ведущего всегда выполняли еще легкие по весу мальчишки-подростки. Ведущий, захватив жердью кучу соломенной мякины, становился обеими ногами на эту жердь, припускал кнутом лошадь, а поравнявшись со скирдой, прыгивал с жерди. И так весь рабочий день по кругу.

ми нас от обнаружения с воздуха. Варили из молотой на крупорушке¹ пшеницы кашу, сдабривая ее обильно каймаком². Муки в ту пору в колхозах не было, а стало быть, и хлеба. Весь помол шел фронту. Поили быков и задавали им корма той же пшеницей и прихваченным с собой сеном. Стреноженные на всякий случай волы, уставшие от многочасовой дороги, лежали без движения, безразлично взирая на нас красивыми глазами, и беспрерывно жевали, насыщая себя на предстоящий долгий ночной путь. В течение ночи мы успевали добраться до цели, с помощью красноармейцев быстро разгрузиться и тут же трогались в обратный путь, чтобы до рассвета выйти из опасной зоны при атаке нашего транспорта с воздуха. Еще одна ночевка, и мы дома. Во вторую поездку я до Дубовки не доехал — сломалось колесо. Часть зерна перегрузили в другие повозки, а на сломанной и перекошенной я один вернулся домой. Страшно было ехать одному в предрассветный час в глухой степи. Волы умные животные. Прикрикнешь на них: «Цоб-цобе», шлепнешь слегка кнутовищем по мощному воловьему заду — и вперед. Дорогу к своему дому волы сами найдут.

В конце 1942 года мы наконец-то почти достигли последней эвакуационной точки. Почти, потому что должны были попасть в Саратов, но несколько дней были вынуждены оставаться в расположенном напротив Саратова через Волгу городе Энгельсе, бывшей столице выселенных с нажитых мест немцев Поволжья. Мы были размещены на территории бывшего немецкого колхоза. Дома немецкой постройки мне знакомы по Сарепте, но здесь все более солидно, очень по-настоящему немецкое. Спустя много лет, оказавшись в Германии, я смог сделать это сравнение. Удобные и теплые жилые постройки. Нас удивляла система обогрева простых крестьянских домов через вмурованный в печь с выходом в другую комнату котел с толстыми чугунными стенками. Красивые и удобные невысокие с орнаментированными изразцами печи-голландки. Большие плотно пригнанные окна и двери. Добротные коровники и свинарники. Конюшни. Просторные помещения для хранения сельхозтехники. Пока здесь еще целы все окна и двери. Ничего не успели разворовать и растащить на топливо. Здесь жи-

¹ Крупорушка — самодельное устройство из дерева и жести для измельчения зерна.

² Каймак — запеченные в русской печи сливки. Широко распространен на Дону, Волге и в Заволжье.

Дед и отец
Санникова Г.З.
Иван Дмитриевич —
сталевар Ижевского
оружейного завода
и Захар Иванович —
писарь воинского
столоняльника.
Сарапул 1915 год

Валентина Ивановна Санникова с детьми Инессой и Георгием.
Ленинград, Колпино, Ижорский завод 1939 год

Киевская спецшкола ВВС. Второй ряд крайний справа — Г. Санников.
Киев 1944—1947 годы

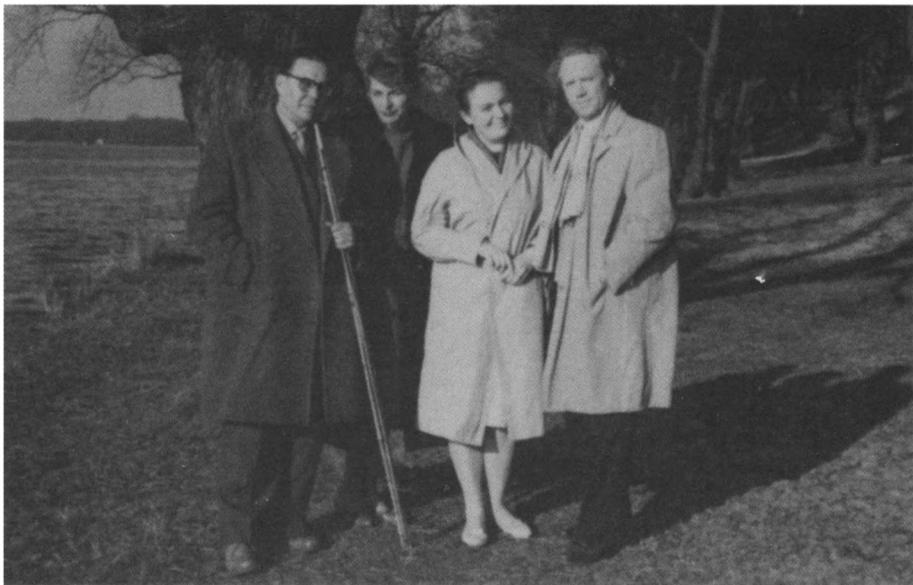
После первого года учебы в Москве. Семья «в сборе». Украина,
Полесье 1957 год

На языковой практике в ГДР. С любимыми преподавателями. Слева – Маргарита Васильевна Волынец, справа – Софья Анатольевна Дубровская. Потсдам 1958 год

Проводы Н.С. Хрущева на аэродроме Бранд. ГДР 1959 год

Санников с женой и немецкими друзьями — Э. и К. Цайзингами.
Предместье Берлина, осень 1959 года

На приеме в советском посольстве. Слева направо: Т.Р. Бобырев – советник посольства (руководитель экономгруппы, друг А.М. Короткова), А.М. Коротков, Алла Санникова – сотрудница экономгруппы, Ю.А. Квицинский. Берлин 7 ноября 1960 года

вут семьи авиаторов. Они обеспечены топливом и, судя по лицам, — сытые. Недалеко знаменитое Энгельское военное авиационное училище им. Расковой. Совсем низко и часто, особенно днем, пролетают заходящие на посадку самолеты...

В январе 1943 года мы наконец-то в Саратове. Разместились по разнарядке эвакуопункта в семье неких Шепелюков, частный дом которых под № 7 находился то ли в Больничном, то ли в Клиническом поселке. Скромные и гостеприимные люди. У нас маленькая комната с одной большой кроватью. Нам хватает. Наконец-то мы почувствовали впервые за много месяцев тепло и хоть какой-то уют. Однако голодно. Запасы колхозного зерна заканчиваются. Хозяйка делится с нами тоже ограниченным «куском хлеба» — но им самим не хватает. Получили продуктовые карточки. Впервые пробуем удивительно вкусный здешний белый хлеб — *кух*¹. Появились знакомые мальчишки-соседи. Один приглашает в гости. Зашел и тут же под каким-то предлогом ушел — так вкусно пахло мясными щами. Грустно. Все время хочется есть. Младшая дочь хозяев Любочка, 19 лет, работает медсестрой в госпитале. Иногда притаскивает для меня пару папирос — гостинцы от раненых. Красивая девушка. И очень добрая. Курево заглушает голод... Старший сын хозяев — офицер-артиллерист. Сражается в Сталинграде. Любочка переписывается с ним и его другом. Они вместе служат в одном дивизионе. Друг влюблен в Любочку, и они договорились пожениться после окончания войны. Мы всем домом слушаем фронтовые новости из «черной тарелки»². И все стали свидетелями потрясающего сообщения, как «первой в город ворвалась батарея старшего лейтенанта Шепелюка». Шли сталинградские новости. Был январь 1943 года. Родители плакали. Сын живой!.. Он погиб на Курской дуге летом 1943 года. Какова судьба его друга и Любочки, мне неизвестно. Какое-то время мама переписывалась с ними. Я не запомнил имен старших Шепелюков. Пожилые люди. Они приехали в Саратов в 1930-е годы из ныне не существующей Манчжурии, где хозяин работал машинистом на КВЖД (Китайско-Восточной железной дороге).

¹ *Кух* — производное от немецкого слова «Kuchen» — пирожное, пирог. Выпекался как большой пирог без начинки.

² Так в те годы называли очень простые радиоаппараты, изготовливавшиеся из толстой, в форме вогнутого круга плотной бумаги черного цвета, с регулируемым звуком.

Торопились с сестрой поскорее записаться в школу. В годы войны школьникам в середине учебного дня выдавали бесплатно кусочек хлеба. Иногда с соевой конфеткой. Или тарелку жидкого супа. Или маленькую булочку. Мизерная порция мгновенно проглатывалась. Многие местные ребята отдавали нам, пришлым, свою дозу. Мы были благодарны.

Ранней весной 1943 года мы возвратились в Сталинград. В марте я стал комсомольцем, в апреле начал работать на нашем заводе № 264 разнорабочим, а затем учеником шофера в гараже. Но в основном мы занимались ремонтом автомашин, помогая старшим. Главной же нашей работой была перекачка горючего — бензина или солярки с переоборудованных под танкеры барж на высокий заводской берег. Мы, подростки, становились по четыре человека с двух сторон большого ручного насоса и, сменяясь каждые 15 минут с обязательным отдыхом, непрерывно качали топливо, пока нас к вечеру не сменяла ночная смена из взрослых рабочих или пленных немцев. Особенно почетной для себя мы считали работу по подготовке танков для капитального ремонта. Эти подбитые или сожженные танки привозили с полей Сталинградской битвы наши заводские полевые ремонтные бригады — ПРБ. Специальными металлическими крючьями, скребками и щетками мы очищали внутренний корпус от грязи. Иногда попадались и обуглившиеся останки экипажа. Ветошью с керосином прочищали все уголки. Покраску производили другие бригады...

Мы часто пересекались с работавшими на заводе пленными немцами, лагерь которых находился на холмах за поселком. Это были в основном молодые солдаты из 6-й армии Паулюса. Тех, кто работал на заводе, кормили по полной рабочей норме. Если они ее вырабатывали. Что касается тех нескольких немецких инженеров и техников-специалистов, то я сам неоднократно наблюдал за их обедом. Они ели консервированную американскую колбасу из ленд-лиза. Такой приличный кусок. Истощенных и падающих от голода немецких пленных я не видел. А вот гоняющих футбольный мяч на плацу за колючей проволокой видел собственными глазами в 1944 году. От отца моего сталинградского друга Игоря Вознесенского, в ту пору бывшего начальником госпиталя в нашем поселке, слышал, что они всегда находили место для сложных операций пленным немцам. Правда, речь шла об офицерах. Мы, мальчишки, часто меняли у немцев на хлеб зажигалки, часы, карманные ножики, бритвенные лез-

вия, губные гармошки и другую интересную для нас мелочь. Это считалось обычным делом. Многие из немцев обращались к нам с необычной просьбой: взять у них домашний адрес родственников в Германии и после конца войны отправить письмо, что они живы. Я даже запомнил города — Берлин, Дрезден, Кельн и Гамбург... Я был свидетелем двух побегов немцев из лагеря. Может быть, их было и больше. Беглецы планировали незаметно пробраться на плывущие до Астрахани по Волге баржи, а там попытаться перейти советско-турецкую границу. Их поймали. Одного убили случайно, обнаружив спрятавшимся в бочке в подвале нашего дома. Наш офицер увидел в бочке белое пятно — лицо спрятавшегося немца и от неожиданности выстрелил.

По воскресным дням мы на товарняках обязательно ездили в Сталинград. Каждый раз поднимались на Мамаев курган. Обшаривали все еще не разобранные блиндажи, подвалы. У каждого из нас были целые наборы немецких солдатских книжек (Soldbuch), знаков различия, военных эмблем, наград в виде железных крестов и прочей военной всячины. И конечно же оружия. Разного. Настрелялись вдоволь. Гранатами глушили рыбу в затоне и на озерах за Волгой. Долго хранился у меня как память найденный в одном из подвалов фотоальбом с фотографиями улыбающихся врагов в Париже, Варшаве, советских городах. Тут же семейные фотографии среди веселых и радостных молодых женщин и детей. Из сундучка, где лежал альбом, я извлек еще и дневник его хозяина-офицера с записями готикой. В те годы я мог разобрать только даты. Некоторую часть своего «хозяйства» я привез в Киев и, когда учился в университете, дал на время для работы над диссертацией одному инвалиду войны, потерявшему зрение в Сталинграде. Так все это у него и осталось. Мы часто находили в развалинах документы — красноармейские книжки, комсомольские билеты. А однажды нам попался и партийный билет. Все это мы сдавали в военкомат.

24 июня 1944 года мама принесла в этот мир еще одного члена семьи. Родился сталинградец — мой младший брат Митя. Конечно, любимый, потому что младший. Со временем он стал известным кинооператором. Живет и трудится в Киеве. Мы с Инессой его всегда воспринимали как маленькое любимое чудо, возникшее в нашей жизни в тяжелую военную пору.

Из-за тяжелой малярии у моей сестры Инессы отец по настоятельной рекомендации врачей был вынужден перевестись на Ук-

раину. Так мы очутились в Киеве. Шел 1944 год. Пройдя строгую медицинскую комиссию, я был принят в Киевскую спецшколу ВВС. Эти подготовительные военные заведения для подростков давали хорошую общеобразовательную, военную и физическую подготовку. Прививали воспитанникам настоящую «военную косточку». Я настолько изматывал себя спортом, что «перекачался» и заработал неприятности с сердцем и начальную гипертонию, хотя сам этого не замечал. Отказ от приема меня в летно-подъемное училище был подобен жизненной катастрофе. Карьера военного летчика оказалась не для меня. Уже в студенческие годы любовь к небу все же привела меня в киевский аэроклуб. Строгая медицинская комиссия на сей раз не нашла во мне никаких изъянов.

После окончания университета с радостью принял предложение работать в системе госбезопасности Украины. Мне повезло. Я попал на интереснейший участок работы. Воспоминания тех лет нашли отражения в моих книгах «Операция Рейд, или История одной любви» (М.: Детектив-Пресс, 2007) и «Большая охота. Борьба с вооруженным подпольем ОУН в Западной Украине» (М.: Печатные традиции, 2008, 2-е и доп. изд.).

Мой отец, вступивший в партию большевиков в годы Гражданской войны, был убежденным коммунистом, честным, принципиальным и скромным человеком. Вся его жизнь была подчинена интересам партии. В начале 1920-х годов возглавлял все кустарное кружевное производство Северного Урала. Знаменитые вологодские кружева. В доме — ни кружевницы. Вся продукция шла на экспорт. Страна нуждалась в валюте. Родина отца — Ижевск. Его предки появились здесь в 1760 году, когда первые приписные крестьяне были пригнаны на реку Иж с берегов волжского притока Камы, чтобы создать железодельный завод — основу оружейного производства. Они копали котлован и строили плотину, чтобы перегородить огромный пруд, заставить воду работать на механизмы завода. По линии отца все мои деды-прадеды были сталеварами и оружейниками. А предки по линии моей бабушки — Склюевой Екатерины Лукиничны — считались одними из лучших пистолетных мастеров. Моя мама тоже была «уралочка», родом из Воткинска. Старшая сестра Инесса родилась в Вологде, а я в Свердловске, откуда семи месяцев от роду меня перевезли в Ижевск. Неполных шести лет, я впервые узнал вкус южных фруктов — отца перевели в Дагестан, на знаменитый тогда военный завод «Двигательстрой» под Махачкалой.

Мне казалось, что я опосредованно был давно связан с Германией. В доме всегда велись разговоры о борющейся против нацизма Коммунистической партии Германии, о томлящемся в тюрьме лидере КПГ Эрнсте Тельмане. Отец даже какое-то время брил голову «под Тельмана». Часто говорили о сражавшихся в республиканской Испании интербригадах, где более всего было немецких коммунистов. В доме звучали революционные песни тех лет. Я их помню и по сей день. Старшая сестра носила имя революционерки Инессы Арманд. Отец читал переводные книги писателя-коммуниста Фридриха Вольфа. Всей семьей мы по несколько раз смотрели кинофильмы «Болотные солдаты», «Семья Оппенгейм», «Профессор Мамлок». В доме были книги немецкого прогрессивного писателя-драматурга Гергардта Гауптмана, имя которого так почиталось родителями, что чуть не закрепилось за мной.

Необъяснимое чувство охватило меня, когда я впервые вступил на немецкую землю в апреле 1958 года. Я долго не мог понять, что мне здесь показалось давно знакомым. Да, конечно же! Запах! Я знал его с мальчишеских лет по Сталинграду. Так пахло немецкое мыло, средство от насекомых, офицерский одеколон, немецкие сигареты и дым от них. Мне этот запах был знаком по найденным в степи и балкам грузам, сброшенным с самолетов в Сталинградский котел. Он исходил от уцелевших подвалов, где укрывались немецкие солдаты. Это был чужой для меня запах. Однако я вскоре привык к нему, и он перестал казаться мне чужим.

Мы были распределены по немецким семьям, где представлялись специалистами различных гражданских профессий. Я был «историком». Не знаю, по какому принципу, но была выделена группа в семь человек, которую для дальнейшей языковой практики отправили на остров Рюген в молодежный лагерь немецких студентов-славистов. Это был мой самый лучший месяц практики в языковой среде.

Короткий отпуск, несколькодневная стажировка в МИДе. С красивым, продолговатой формы, в мягкой коже зеленого цвета с золотым тиснением дипломатическим паспортом я в новом качестве атташе МИДа возвратился в Берлин. Я проработал в Берлине без малого 12 лет. Насыщенный различными событиями период. Меня окружали интересные люди. Я участвовал в мероприятиях, о которых мог бы поведать с профессиональной гордостью. Работал под началом нескольких послов — Михаила Георгиевича Первухина, Петра Андреевича Абраимова (дважды), Михаила Тимофеевича

Ефремова. Советников-посланников, ставших впоследствии послами — Григория Васильевича Жиликова, Сергея Тимофеевича Аставина, Вячеслава Ивановича Кочемасова. Я горжусь, что у меня были такие руководители, как Александр Михайлович Коротков, Иван Анисимович Фадейкин, Владимир Павлович Бурдин, Евгений Изотович Шишкин. Меня окружала блестящая плеяда германистов нашего внешнеполитического ведомства — Белецкий Виктор Николаевич, Булай Борис Алексеевич, Быков Владислав Иванович, Ваулин Геннадий Афанасьевич, Греммитских Юрий Алексеевич, Гриценко Анатолий Иванович, Горбачев Николай Александрович, Давидян Армен Давидович, Ермаков Николай Александрович, Ерофеев Иван Алексеевич, Жаров Юрий Федорович, Квастель Самуил Меерович, Квицинский Юлий Александрович, Коптельцев Валентин Алексеевич, Козобродов Валентин Дмитриевич, Кузьмин Иван Николаевич, Лапин Генрих Эрнестович, Ломейко Владимир Борисович, Лысов Юрий Васильевич, Манжосов Юрий Васильевич, Михайлов Борис Яковлевич, Попов Валерий Николаевич, Родин Владимир Митрофанович, Рыбаков Юрий Михайлович, Сафрончук Иван Степанович, Семенников Альберт Васильевич, Сененков Алексей Алексеевич, Славин Григорий Иванович, Совва Всеволод Иванович, Слюсарь Анатолий Алексеевич, Сурков Николай Александрович, Тарасов Андрей Борисович, Шарков Юрий Михайлович, Шатверов Александр Яковлевич, Шишкин Иван Александрович, Хотулев Бронислав Павлович, Юргенс Виктор Александрович...

Здесь живые и ушедшие от нас друзья-товарищи, коллеги. Они близки моему сердцу.

Широко известный американский журналист Джон Бэррон в свое время опубликовал обошедшую весь мир книгу под названием «КГБ», где значатся «установленные» сотрудники советской разведки. Среди них достаточно лиц из наших внешнеполитического и внешнеторгового ведомств, никогда не имевших никакого отношения к советским спецслужбам. В их числе как офицер КГБ указан Александр Богомоллов. К сожалению, к нашей Службе Богомоллов не относился, но имел среди нашего брата немало личных друзей, что было характерно для работавших в одном коллективе людей. А «к сожалению» потому, что, несмотря на полученные вследствие войны «болячки», он стал бы, я в этом уверен, одним из лучших разведчиков-германистов.

МОЙ ПЕРВЫЙ ПОСОЛ МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ ПЕРВУХИН. 1958–1962 годы

Впервые в здание советского посольства в Берлине я вошел в качестве сотрудника МИДа в августе 1958 года.

За многие годы моей работы в Берлине сменилось несколько послов. Самым впечатляющим из них был мой первый посол — «опальный» государственный и политический деятель с мировым именем Михаил Георгиевич Первухин. «Опальный» — потому что именно его обвинил Н.С. Хрущёв в контактах с группой недовольных его политическим курсом. Речь идет о так называемой антипартийной группе В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, Г.М. Маленкова и «примкнувшего» к ним Шепилова.

Скажу откровенно, не без робости вошел я в кабинет посла, чтобы представиться в связи с направлением МИДом на работу в Берлин. В те годы Михаил Георгиевич еще оставался кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, куда был переведен из членов Президиума по решению июньского 1957 года Пленума ЦК КПСС. Мне хорошо был известен М.Г. Первухин, его положение и роль в жизни партии и страны. В довоенные годы, во время войны и в тяжелые первые послевоенные годы он являлся заместителем главы советского правительства, то есть самого И.В. Сталина. Его вклад в оборону страны, в дело создания ракетно-ядерного щита и атомной энергетики был огромным. Все это вызывало уважение к Михаилу Георгиевичу.

Это была моя первая заграникомандировка. Я впервые появился в огромном, прекрасном здании совпосольства на Унтер-ден-Линден в центре Берлина. С руководителем такого высокого государственного и политического уровня мне ранее не приходилось ни встречаться, ни тем более разговаривать. Ранг для начинающего дипломатическую карьеру у меня был самый маленький — атташе.

Не знаю, чем объяснить, но, как только Михаил Георгиевич пожал мне руку и поинтересовался некоторыми деталями биографии, мне стало спокойно и разговор быстро вошел в доверительное русло...

В один из вечеров первых дней моей новой службы я работал в посольской библиотеке, отбирая интересующие меня книги по Германии. В большом зале библиотеки я был один, библиотекарша куда-то вышла. Внезапно тихий женский голос произнес: «Добрый вечер». Повернувшись к вошедшей, я увидел стоящую возле входной двери пожилую, скромно одетую невысокого роста женщину с миловидным, чуть тронутым улыбкой лицом. Ответив на приветствие, я вновь углубился в чтение. Женщина подошла к полкам и что-то стала там искать. Через несколько минут последовал вопрос: «Вы не знаете, библиотекарша скоро вернется?» — «Понятия не имею», — ответил я. Еще через несколько минут: «А вы не знаете, куда и к кому она пошла?» — «Нет, не знаю, — довольно сухо ответил я, сам задав вопрос:— А вы сотрудница посольства? Работаете здесь?» — «Нет, — ответила она спокойным, лишенным какого-либо признака раздражения или возмущения голосом. — Я не работаю, в посольстве работает мой муж. А вы, наверное, недавно приехали?» — «Позавчера поздно вечером», — проворчал я. «Я так и подумала», — без тени недовольства или другого отрицательного проявления ответила маленькая женщина. И пожелав мне успехов в работе, вышла из библиотеки, тихо закрыв за собой дверь... Каково же было мое изумление и смущение, когда спустя еще пару дней я узнал в этой скромной женщине жену М.Г. Первухина — Амалию Израилевну. Она вела политзанятия с техническим персоналом посольства — водителями, подсобными рабочими, ремонтниками, лифтером, слесарем. Слушатели ее семинара посещали занятия с желанием. Их поражала широта политического и общего кругозора, знания своего любимого пропагандиста. Амалия Израилевна по своему положению могла бы работать только с женами дипсостава, организуя и направляя работу женсовета. Сам Михаил Георгиевич и Амалия Израилевна являли собой пример исключительной скромности, проявлявшейся как во внешнем поведении с окружающими их людьми, так и в глубокой внутренней культуре... Михаилу Георгиевичу не был присущ грубый, тем более оскорбительный тон в работе с подчиненными. Помню лишь единственный случай строгого раз-

говора с его переводчиком Мишей Голубничим, который частенько мог опоздать или затянуть срочно необходимый перевод. «Что же вы такой разбросанный и неорганизованный, Миша? — как-то спросил посол. — Сколько вам лет?» — «Двадцать восемь», — ответил Голубничий. «Вот видите, совсем взрослый человек. Я в двадцать шесть лет стал наркомом. Впрочем, что это я? Время ведь было другое». И махнув рукой в сторону смущенного Голубничего, который не закончил к сроку перевод, Михаил Георгиевич ушел в кабинет.

Не был он лишен и чувства юмора. Как-то летом, гуляя ранним утром по дорожкам посольской дачи в Цойтене, он столкнулся с пятилетним сыном сотрудника посольства А.Я. Богомолова. Никита прошел мимо посла не поздоровавшись. Первухин повернулся и, посмотрев в вихрастый затылок мальчугана, произнес: «Здравствуй, мальчик! Почему ты не здороваешься?» Никита молчит. Михаил Георгиевич недоуменно еще раз обращается к малышу. «Чего же ты не отвечаешь? Как тебя зовут? Как фамилия твоих родителей?» Затылок и весь облик Никиты выражают напряжение и упрямство. Посол повторяет свой вопрос и спрашивает: «Может, ты немой?» Мальчик неожиданно круто поворачивается и, глядя снизу вверх на высокого дядю в очках и по-детски грозно шепелявя из-за выпавших передних зубов, произносит: «А мозет, вы шпион?» Как рассказывал Михаил Георгиевич, он вначале оторопел от неожиданного ответа и реакции вихрастого мальчишки, а потом, глядя на стоявшего перед ним с грозным видом Никиту, начал от души смеяться. Позже Михаил Георгиевич рассказывал об этой смешной истории, восхищаясь каждый раз находчивостью и смелостью мальчишки.

1 апреля — день розыгрышей. Эта традиция имела широкое хождение у населения и ФРГ, и ГДР. Шли розыгрыши на самом серьезном уровне, в том числе по телевидению и радио. Например, могли показать человека в светлом костюме, залитом, запачканном до предела чернилами. Человек входил в этом костюме в небольшой бассейн со специальной жидкостью и выходил из него в совершенно чистом костюме. При этом сообщались адрес и телефоны этой чудо-химчистки. Комичные розыгрыши бытовали и в нашем посольстве. Особенно отличался всеобщий любимец Саша Богомолов. В столовой посольства могло появиться на официальном бланке столовой меню с диковинными закусками и блюдами,

типа особых сибирских пельменей, рыбного пирога, жареных улиток с капустой, особых пирожных и т.п. Или кто-то получал счет от вымышленной химчистки за носки. А однажды 1 апреля в кабинет посла вошли сразу вместе все четыре наши юные женщины-стенографистки для выполнения срочной работы под диктовку. Они сели за приставной стол, приготовив свои блокноты. Михаил Георгиевич с удивлением посмотрел на них и спросил, почему они все пришли к нему. Девушки заверили посла, что он только что лично их срочно вызвал. «Ясно, — завершил беседу посол. — Сегодня первое апреля, я догадываюсь, кто это сделал». И, рассмеявшись, отпустил смущенных стенографисток. А сделал это лучший знаток Германии и немецкого языка в посольстве, постоянный участник самых ответственных и закрытых переговоров, инициатор целого ряда политических мероприятий, он же великолепный изобретатель самых смешных задумок, человек завидного артистизма — Александр Богомолов. Он-то и вызвал голосом посла всех стенографисток посольства. Эта история мгновенно распространилась по посольству, однако Саша долгое время не признавался в авторстве этого розыгрыша, а «ответных действий» от посла так и не последовало.

Где-то зимой 1959/60 года я дежурил по посольству и до 24:00 должен был находиться в приемной посла. Была суббота. Неожиданно в приемную вошли посол, председатель Компартии Германии Макс Рейман и сопровождавший его 3-й секретарь посольства Ю.А. Гремитских. Посол принимал Реймана у себя в кабинете, куда официантка принесла шампанское, фрукты, сладкое и приготовила кофе. Было довольно поздно, когда они вышли из кабинета. Проходя мимо меня, Михаил Георгиевич бросил на ходу: «Убрать» — и сделал решительный жест рукой в сторону кабинета. Я вошел в кабинет. На овальном столе, в углу, перед мягким диваном и креслами стояла недопитая бутылка шампанского, фрукты, печенье, конфеты. Я позвонил официантке, чтобы она прибрала кабинет, а сам с удовольствием допил шампанское и съел оставшиеся в вазе две груши и несколько конфет. До конца дежурства оставался час, а пока доберешься домой... Минут через 20 вернулся Михаил Георгиевич. Прошел в кабинет. Судя по звукам, что-то там искал. Заходил в комнату отдыха, открывал холодильник. Вышел и, несколько недоуменно улыбаясь, спросил меня: «Куда делись груши?» Я смущенно ответил: «Михаил Георгиевич, вы сказали “убрать”, я и убрал, то есть

сьел». Он удивленно посмотрел на меня, потом рассмеялся и махнул рукой: «Ну и правильно сделал. А я хотел отнести груши внучке». И видя мое лицо, добавил: «Не расстраивайся, она наверняка не дождалась деда и давно спит». Позже он несколько раз, когда позволяла обстановка и у него было хорошее настроение, заговорщически улыбался и спрашивал: «Ну, как наши груши?» Я в те годы никому никогда не объяснял этот таинственный вопрос. Вот такая была у меня с послом маленькая тайна.

Отчетливо помню партактив в посольстве после XXI съезда КПСС. Тогда Михаила Георгиевича Первухина вывели из состава кандидатов в члены Президиума ЦК. Неожиданно один из тех, кто ранее не вспотев от страха не мог войти в кабинет посла, скрипучим голосом произнес: «А за что вас, товарищ Первухин (мог бы и по имени-отчеству назвать), вывели из состава Президиума ЦК?» На спросившего зашикали со всех сторон. Зал заволновался. Михаил Георгиевич только что закончил доклад о работе съезда и собирался отвечать на вопросы. Он призвал к спокойствию, поднял руку и сказал: «Разумеется, я отвечу и на ваш вопрос». Доходчиво, просто и понятно, соблюдая всегда присущие ему спокойствие и достоинство, он пояснил случившееся с ним. Он рассказал, что из состава Президиума его вывели за то, что в комнате отдыха его служебного кабинета несколько раз встречались Молотов, Каганович, Маленков, где пили чай. Сам Первухин якобы в этих чаепитиях вообще не участвовал. Но, как бы там ни было, всем присутствующим стало понятно, что именно за это М.Г. Первухин «отбыл» в свое время в почетную ссылку в Берлин.

В Москве долгие годы Михаил Георгиевич возглавлял отдел Госплана СССР, что приравнялось к рангу министра.

В моей памяти Михаил Георгиевич Первухин навсегда остался человеком, до конца выполнившим свой долг гражданина великой страны.

ГЕНЕРАЛ КОРОТКОВ. 1958–1961 годы

Когда разговор заходит о Короткове Александре Михайловиче или когда читаешь о нем в уже многочисленных сегодня мемуарах, публицистике о советской, российской разведке, ее истории, видишь фотографии мужественного, волевого, красивого лица —

вспоминается далекий 1958 год, школа разведки, выступающий перед слушателями молодежавый генерал. Мы тогда не очень много знали о Короткове. Ну, один из замов начальника разведки, бывший нелегал, германист, в мое время уполномоченный аппарата КГБ СССР в ГДР, имеет много боевых наград, присутствовал при подписании капитуляции Германии в Карлсхорсте в 1945 году. Вот, пожалуй, и все. В те годы конспирация была на должном уровне. Уже значительно позже мы увидели его на экране телевизора подкладывающим под перо фельдмаршала Кейтеля Акт о капитуляции Германии. Это полковник Коротков вводил в зал Саперной школы (ныне Музей капитуляции Германии), что размещена в районе Калсхорста Берлина, группу офицеров уже несуществующего вермахта. А вел эту группу к зданию Саперной школы тогда капитан Кучин, большой друг и товарищ все годы до смерти генерала и своей смерти. В конце 1960-х писатель и дипломат Бережков напишет в своей книге «На рубеже войны и мира» об атташе посольства Саше, которому удалось после начала войны и блокады посольства выскользнуть буквально из-под носа гестаповской охраны, выйти на связь с радисткой из знаменитой «Красной капеллы» и передать ей соответствующие инструкции и рацию. За этот подвиг в октябре 1941 года Коротков был награжден высшей наградой СССР — орденом Ленина. Позже атташе Саша превратился в полковника Александра Михайловича Короткова, работавшего в те далекие сороковые под дипломатическим прикрытием. Этот эпизод будет детально, во всевозможных вариантах описан в разных воспоминаниях, мемуарах, а в 1990-х П.А. Судоплатов, у которого А.М. Коротков был в сороковых заместителем, в своих воспоминаниях по непонятным причинам принизит значимость этой встречи и инструкций о дальнейшей работе героической разведывательной группы немецких антифашистов.

Но все это будет потом, а сейчас шел 1958 год и перед небольшой, в 40 человек, аудиторией стоял статный спортивного склада человек, с темно-каштановыми волнистыми волосами, тронутыми сединой, с добрым приветливым лицом, в котором, впрочем, четко проступали воля и жесткость. Его глаза пытливо и очень быстро, как бы прощупывая, окинули зал, и мне показалось, что он всех нас мгновенно сфотографировал.

«Ну что же рассказать вам о Германии (при этом он так и сказал — «о Германии», как бы не разделяя Германию на ГДР и ФРГ),

где вам скоро придется работать? — и после краткой паузы: — Даже не знаю, с чего начать». Снова пауза, пытливый, быстрый взгляд — выстрел в аудиторию: «Мне говорили, вы хорошо учились, успешно закончили языковой курс, хорошо знаете Германию. Так вот, я вам скажу, что Германию, как и немцев, вы узнаете намного позже, поработав не один месяц, а может быть, и годы, там, в Германии. Вам сейчас за эти два года учебы дали хоть и хорошие, но самые общие представления о стране и нации, где, между прочим, живут только немцы, если не считать обособленной и практически изолированной группы в несколько десятков тысяч немецких сорбов. Все крайне нужное и важное для разведки и успешной работы в этом регионе Европы вы познаете в практической работе». И он сразу же перешел к разговору-беседе, как-будто говорил не с группой, а с отдельным человеком, моментально завладев вниманием каждого.

«До встречи в Берлине, — сказал на прощание Коротков и, многозначительно улыбнувшись, добавил: — Пока у вас еще есть четыре месяца языковой практики в стране, где вы будете жить в немецких семьях, подчиняясь их распорядку, впитывая в себя их нравы и обычаи, не теряйте даром времени, используйте каждую минуту, станьте хоть немножко немцами. И не забывайте — хороший немецкий язык — это ваш успех в работе, это самое главное оружие разведчика. Не жалейте выданных для практики денег, оденьтесь в немецкую одежду — костюмы, белье, обувь; ходите в немецкие кафе, закусовые, кино, театры, музеи. Как можно больше впитывайте в себя все немецкое».

Незаметно пролетел час, и, уже расставшись с ним и обсуждая беседу, мы почувствовали, что перед нами был человек громадной интеллектуальной и психологической мощи, и не просто знаток Германии и немца как такового, а образованнейший германист, блестяще знающий эту страну и ее жителей. Неслучайно так многозначительно улыбнулся на прощание генерал. Позже полковник Василий Васильевич Донцов, наш «дядька» — куратор и начальник курса, рассказывал мне, как генерал отбирал для работы в Германии слушателей немецкого курса. Прежде всего по знанию немецкого языка. Рекомендую на работу в Германии кого-то из заслуженных по работе в прошлом в территориальных органах, полковник Донцов подчеркивал хорошие деловые качества, фронтовые заслуги, наличие орденов, отличные оценки по марксист-

ко-ленинской философии, на что Коротков спрашивал, и это был первый и в некоторых случаях последний вопрос: «А как у него с языком?» И если Донцов говорил, что как-то не очень, «тройка», но оперработник хороший, генерал коротко говорил: «Мне нужны люди прежде всего с хорошим немецким языком, а что касается марксистско-ленинской философии, истории КПСС и оперативных дисциплин, то это, само собой разумеется, должно быть при отличном немецком».

Беспредельно преданный коммунистическим идеалам, своему Отечеству, что он неоднократно доказывал конкретными делами и рискуя жизнью, Коротков из личного опыта знал, что отличный иностранный язык является основной базой успешной работы разведчика не только с нелегальных, но и с легальных позиций, ну а что касается марксистско-ленинской философии, то генерал наверняка не сомневался в нашей преданности своей Отчизне. Доказывать же противнику превосходство наших марксистских философских взглядов над их буржуазной теорией вряд ли было возможно при плохом знании немецкого. Я хочу сказать, что он не боялся так ставить этот вопрос. Сейчас, с позиций сегодняшнего дня, это звучит понятно, а тогда, в 1958 году, марксизм-ленинизм был альфой и омегой всего и вся.

Вскоре мы выехали на языковую практику в Берлин, где нас поселили в «проверенных» немецких семьях под разными «гражданскими» легендами, а группу наиболее сильных в языке после трех месяцев проживания в немецких семьях направили на месяц в молодежный лагерь Союза свободной немецкой молодежи (немецкий комсомол) на остров Рюген, что на севере Германии. В конце практики все мы прошли беседу в кабинете генерала в Берлине. Встреча с каждым из нас проходила весьма своеобразно и была стремительно короткой, 7–15 минут. Кивнув головой и пожав руку, указывал на стул и сразу же клал на стол западную газету, «Die Welt» или «Tagesspiegel». «Не надо переводить содержание. Прочти и переведи все имеющиеся в статье слова», — говорил генерал. Внимательно слушал, иногда поправлял. Наверное, у него был свой взгляд на оценку языковых знаний. Некоторых спрашивал о прежнем месте работы, о впечатлениях по Германии. Из нашего курса он отсеял четверых. И что интересно — вся четверка прилично знала немецкий. Как мне стало известно позже, один из них в начале беседы не смотрел в глаза генералу и вел себя застенчи-

во. Кстати, это был один из лучших по языковой подготовке слушателей, но говоривший по-немецки такой скороговоркой и так невнятно, что генерал сказал ему при этом очень по-товарищески: «Знаешь, Виктор, я тебя порекомендую на работу по немецкой линии во Втором главке, а тебя здесь немцы не поймут». При этом Александр Михайлович смог так расположить к себе этого, в общем-то, симпатичного парня, что у того не осталось никакой обиды на случившееся. Генерал дал этому оперработнику при устройстве его на работу соответствующую хорошую характеристику, которую тот объективно заслуживал, сохранив его таким образом и для работы по немецкой линии, и для дальнейшей перспективы, — отработав много лет по немецкой линии, полковник Г. перешел на преподавательскую работу в одно из учебных заведений КГБ, став доктором исторических наук, профессором. Двое «отличились» тем, что не выполнили в нужном объеме все те требования к прохождению практики, о которых еще в Москве говорил нам генерал, — не посещали театров, музеев, кафе, не приобрели нужную по совету генерала экипировку из вещей немецкого производства, но каждый из них увез в Москву по два объемных чемодана немецкого «барахла». А государственных денег на эту языковую практику с целью совершенствования языка, познания немецких нравов и обычаев нам выделили весьма прилично. И последнего, четвертого, он забраковал по неподходящей для работы по немецкой линии внешности: «Ну, брат, тебе с таким лицом, а ты красивый мужик, нельзя работать в Германии, очень уж ты похож на выходца с Востока». Действительно, этот красивый парень был похож на монгола. По личному звонку генерала в Москву этот оперработник получил хорошее назначение на работу в Союзе.

Как он вычислил, по его мнению, не подходящих для работы за границей ребят — осталось для нас загадкой. А «вычислил» он, по его мнению, непригодных для работы в разведке за границей, будучи великолепным психологом. Это, как говорится, от Бога. Он обладал умением не только расположить к себе человека, но так повернуть дело, что ты становился активным собеседником, а он все больше втягивал тебя в разговор, навязывал своеобразный диспут, и ты уже не чувствовал, что перед тобой один из руководителей разведки, легендарная личность.

Проработав в Германии где-то больше года, я, как дипломат, попал в немецкую правительственную больницу со сложным ди-

агнозом, требовавшим хирургического вмешательства. Предстояла операция. Буквально в первый же день пребывания в больнице лечащий врач попросил меня быть переводчиком при обследовании пожилой женщины, которая оказалась интересным собеседником, и я несколько раз заходил к ней в палату. Уже на следующий день я узнал от нее, что она — теща генерала Короткова, и прекратил свои визиты к ней. Сама она была лежачей больной и передвигаться не могла. Через несколько дней кто-то резко постучал в дверь палаты, и еще до слова «войдите», произнесенного по-немецки, в комнате появился Александр Михайлович. Справившись о здоровье, уже сидя на стуле рядом с кроватью (встать я не мог по характеру обследований), сказал: «Что ты перестал ходить к моей теще? Я тебя прошу, ты старушку не оставляй, заходи к ней, она у меня замечательная теща. Должен сказать, что все тещи замечательные, если любишь свою жену». Генерал был у меня больше часа (жена его Ирина Александровна в это время была в соседней палате у мамы), обсудил все «горячие» по тому времени политические вопросы, расспросил, что из периодики я сейчас читаю и что и как оцениваю. Узнав, что я должен быть прооперирован, сказал нашему советскому врачу (об этом я узнал позже), поддерживающему контакты с немецкими медиками: «Вы мне этого парня сохраните».

Через две недели, когда я уже работал, довольно поздно вечером в воскресенье в моем доме раздался телефонный звонок. Это было накануне Рождества, которое, как известно, широко и масштабно отмечается в Европе. Александр Михайлович без всякого предисловия сказал: «У твоего начальства я попросил дать тебе две недели для отдыха после операции вместе с женой. Местечко тихое, в Тюрингии, в деревне Массеберг. Маленький, человек на тридцать-сорок закрытый дом отдыха для сотрудников МГБ ГДР. Публика там проверенная, да немцы и не будут тобой интересоваться, тем более языком ты владеешь. С Мильке я договорился. Завтра за тобой в шесть утра заедет машина и доставит тебя с женой по месту назначения. С послом я тоже вопрос уладил». Все это было сказано так, как будто я еще до этого разговора уже дал свое согласие. Он добавил в конце, что если что-то будет не так, то вот тебе номер телефона и эта же машина из аппарата Мильке заберет тебя на следующий день и доставит в Берлин. Я что-то промямлил, вроде того, что как же все-таки с работой, у меня могут

быть встречи с немцами, на что генерал уже сердито отрубил: «Я же сказал, что на Рождество работы оперативной нет, у тебя во всяком случае, а надо будет — вызовем. Вернешься — доложишь» — и положил трубку. Что это? Особая забота о подчиненных? Или он кого-то особо выделял? Или что-то еще, известное только ему? Как-то кто-то сказал, что у генерала были свои слабости, хотя и не мне об этом судить, но скажу, что, как говорили, если ему кто-то понравился, то надолго, если не навсегда, а если наоборот — тоже надолго. Может быть, и так. Но это тоже волевой принцип. И все же, что это значило? Заигрывание с подчиненными, то, что сегодня зовется популизмом?

Спустя много времени, проанализировав свои встречи с Александром Михайловичем и рассказы о нем своих товарищей, я пришел к однозначному, на мой взгляд, выводу. Проявляемая генералом реакция на подчиненных и человеческий контакт, ну, наверное, с симпатичными или приятными для него молодыми оперативными работниками были целенаправленными. Его интересовало настроение сотрудников, их оперативные и человеческие качества, политическая и общая эрудиция, уровень знаний страны, языка, оперативная грамотность по конкретным делам и т.п. Желание знать, чем живут его подчиненные, эти, в общем-то, симпатичные молодые ребята, от умения работать которых и успехов зависит выполнение поставленных перед его аппаратом в целом и в частности перед ним задач и в определенной степени его успехи.

Генерал не любил доносов, и об этом я ниже еще скажу. Помню, как на первой встрече у него на вилле, после нескольких рюмок «крепкого», Александр Михайлович стал расспрашивать меня о сотрудниках нашего немецкого отдела. По моим словам и характеристикам, все были хорошими и все на уровне. Ответы были односложные и положительные. Когда я стал давать положительную, но, разумеется, самую общую характеристику одного из сотрудников, жена моя возмущенно выпалила: «Этот-то хороший, да он...» И тут же замолчала после моего нажима на носок ее туфли. Генерал, может быть, заметив это движение или зафиксировав ее секундное замешательство и последующее молчание и взгляд в мою сторону, хитро улыбнулся и больше никогда в разговорах со мной тему «характеристик» на товарищей не поднимал.

Эта первая встреча с ним в его доме произошла спустя пару месяцев после моего возвращения из немецкого дома отдыха. Как-

то в субботу вечером так же неожиданно он позвонил мне домой, мне, старшему оперуполномоченному, капитану, работавшему под прикрытием атташе группы прессы посольства в ГДР. Воспроизвожу этот разговор по памяти: «Ты чем занимаешься? В гости не идешь? Встреч на сегодня-завтра нет? Бери жену и заходи к нам. Мы с Ириной хотим пригласить вас в гости». Думаю, вот попал в историю, никому и не расскажешь, не поймут да и не поверят. Мы сразу же с женой договорились никому не рассказывать об этом приглашении.

Забегая вперед, скажу, что эта личная встреча в семье генерала не была единственной, и как-то на одной из них было несколько его друзей из числа руководства аппарата, так что о внимании ко мне высокого руководства стало известно. Должен сказать, и это облегчало мое положение, что Ирина Александровна хорошо знала мою жену, так как они вместе работали в экономической группе посольства...

Что делать? Как идти к генералу? Купить цветы, спиртное, конфеты? Решили выполнить все три пункта. Генерал скептически посмотрел на бутылку немецкого коньяка: «У меня лучше, французский высшего качества, подарок от Эриха, сейчас попробуем». Эрихом он называл министра государственной безопасности ГДР Мильке, и не только за глаза, но и в разговоре с ним, в том числе и на приемах в посольстве и по телефону. И непосвященному уху и глазу сразу же было заметно, что эти крупные политические лидеры и высочайшего класса профессионалы не только близки по своим идеологическим убеждениям, но их связывает настоящая мужская дружба. После смерти Короткова Мильке часто и практически все оставшееся время до исчезновения ГДР и разгрома министерства госбезопасности Республики подчеркивал нашему руководству свою особую близость к Александру Михайловичу, награждая орденами и медалями ГДР близких Короткову руководителей разведки и рядовых сотрудников из окружения генерала. Он, Мильке, подчеркнуто официально воспринимал последующих руководителей представительства КГБ в ГДР, разве что за исключением Ивана Анисимовича Фадейкина.

Подчеркивая свое особое отношение к Короткову, член Политбюро ЦК СЕПГ, министр госбезопасности ГДР Эрих Мильке, приезжая часто для встречи с руководством КГБ СССР, каждый раз прямо с аэродрома обязательно заезжал к вдове генерала — Ири-

не Александровне Басовой-Коротковой, к которой и при жизни Александра Михайловича, и после его смерти относился в равной степени уважительно и с любовью. Обязательно пили чай и всегда вспоминали Александра Михайловича.

Здесь следует сказать, что у Короткова, как ни у кого из тогдашних советских руководителей любых рангов, не было таких близких и совершенно особых, прежде всего человеческих, отношений с партийным и государственным руководством ГДР. Его лично знали и высоко ценили Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Отто Гротеволь, Вилли Штоф и другие. Он был хорошо известен всем нашим друзьям в ГДР. Поэтому неслучайно уже после смерти генерала, в одну из годовщин образования ГДР было выпущено юбилейное, альбомного типа издание истории ГДР, на титульном листе которого в числе создателей «первого в истории Германии немецкого государства рабочих и крестьян» после десятка немецких фамилий стояло «А. Коротков».

Его часто можно было видеть в воскресные дни за рулем автомашины западной марки, на теннисном корте в Карлсхорсте, иногда в небольшом садике на углу Ингельхаймер и Кёнихсвинтерштрассе с маленькой рыжекудрой красивой голубоглазой девочкой 5–6 лет, дочкой по имени Юлька. Или же он стоял рядом с «утюгом» — так называли в обиходе дом, заселенный в основном сотрудниками торгпредства, — и большинство проходивших мимо знали его, здоровались либо подходили к Александру Михайловичу и вступали в разговор. Некоторых он сам подзывал к себе. Я несколько раз видел эти сцены. Они стояли и курили вместе, эти мужчины, связанные одним общим стремлением, одной общей целью — обеспечить государственную безопасность своей Родины. Наверное, эти непринужденные воскресные беседы много давали генералу. Я не знаю, был ли тогда известен Александру Михайловичу ныне столь популярный американец Карнеги, но панибратства, насколько я помню, никогда не было, он всегда держал королевский ярд, всегда держал дистанцию и никого особенно близко к себе не подпускал. Конечно, он, наверное, мог, как говорили некоторые, не заметить чем-то заметного, выделяющегося своими способностями оперработника, а заурядную личность выделить. Может быть. Думаю, что подобные ошибки могли иметь место. Но в людях, в принципе, он ошибался крайне редко. Будучи категорически против всякого рода наветов и, как я говорил

выше, доносов, он мог простить ошибки, не таящие в себе опасности для работы или окружающих людей, и сохранить для дела оперработника...

Иногда мы собирались мужской компанией на квартире у моего старшего по работе товарища — Вениамина Терентьевича Сутулова с его друзьями — Захаровым Сергеем Васильевичем, Зайцевым Иваном Ивановичем и еще одним, фамилию которого называть не хочу, ибо именно он и донес генералу о наших встречах за рюмкой. Какие это были приятные и так много дающие вечера! Все они были намного старше меня, а какие знаменитые, сколько они знали и как много я от них получил. Великолепнейшая школа, пожалуй, никакая лекция по соответствующей оперативной дисциплине не заменит таких вечеров. Этих вечеров было несколько. И вот однажды, приехав к нам в Берлин из Бонна, Иван Иванович Зайцев, который уже до этого побывал у генерала, рассказал нам, что Александр Михайлович буквально «снял стружку», отругав за, как он сказал, «пьянки», и запретил эти встречи. Мы сразу же по некоторым признакам определили «доносчика», он пришел чуть позже всех остальных, и хозяин квартиры в соответствующей мужской форме с позором выставил его из своего дома. Казалось бы, и конец истории. Однако спустя несколько дней в посольство по делам приехал Александр Михайлович, вызвал к себе несколько человек и потом, попросив меня остаться, спросил: «Ты тоже в этой компании пьяниц по Ингельхаймерштрассе?» — «О чем вы, Александр Михайлович, кого вы имеете в виду?» — с удивлением и непониманием спросил я. Генерал несколько раз и по-разному повторил свой вопрос и, так и не получив ответа, махнул рукой: «Ну вас всех к черту, в людях нужно лучше разбираться». Я-то понял, о ком и о чем идет речь. Но генерал явно был доволен, что никто из нас, на кого «донесли», так и не назвал ни самого факта, ни своих товарищей, а ведь генерал, наверное, специально нашел возможность каждому из нас задать один и тот же вопрос.

Как-то в период весенней Лейпцигской ярмарки один из наших сотрудников был направлен вместе с оперативным водителем на встречу с ценным источником из числа западных фирмачей. Успешно проведя встречу и получив интересный материал, этот сотрудник, имея некоторую слабину в обращении с рюмкой, решил отметить вместе с шофером удачную работу, и, найдя укромное местечко в лесу под Лейпцигом, они предавались в тече-

ние двух дней пьяному веселью. Так и провели двое суток — днем пили, а ночью «конспиративно» отсыпались в машине. На третий день придя в себя, он вспомнил, что в конце этого дня в Берлине у него не менее серьезная, чем в Лейпциге, встреча с агентом из Западного Берлина. Строго предупредив шофера и «под пытками» не выдавать происшедшее, они, совершив на бешеной скорости прыжок Лейпциг — Берлин, буквально ворвались в город и успели-таки вовремя подъехать к зданию «Культур-бунда», что на Отто-Нушке-штрассе, где и произошла встреча с агентом. Тут-то и произошла непростительная для опытного оперработника ошибка — он отпустил машину. Чувствовал он себя неважно, хотя и был крепким и сильным физически человеком. Вскоре собеседник понял, что его шеф и руководитель мертвецки пьян и вот-вот свалится и заснет. И вот тут уже и агент поступил непродуманно. Вместо того чтобы довезти своего куратора до дома, то есть до огороженной и охраняемой части района в Карлсхорсте, где тогда проживали почти все советские граждане и где размещались представительство КГБ, военная комендатура и другие военные учреждения, агент посадил шефа в такси и отправил его одного. Тот по дороге заснул, да так крепко, что, подъехав к пропускному пункту и не добившись от бормотавшего что-то русского ничего вразумительного, немец — шофер такси сдал его подошедшему советскому военному патрулю. Финал известен. Обнаружив в карманах у спящего советские документы, военные передали его дежурному аппарата КГБ.

Последовали письменные объяснения, в которых вообще отрицалась какая-либо вина, тем более двухдневная пьянка, а все сводилось к тому, что ему стало нехорошо после встречи уже в Берлине. Александр Михайлович лично допросил обоих. Оперработник как-то сразу же сник и, уже не сопротивляясь, выложил все как было генералу, написав откровенное объяснение. Ну а водитель, памятуя указание своего непосредственного оперативного начальника, продолжал упорно сопротивляться, отрицая «пьянку», утверждая, что тот был трезвый и, вероятно, опьянел уже после встречи с человеком в Берлине, так как много работал в Лейпциге, не спал две ночи, смертельно устал, ну и т.д. и т.п., то есть то, что он уже писал в объяснении. Рассвирепевший генерал буквально рывкнул на шофера: «А это ты видел? Читай!» — и ткнул ему под нос вторичное объяснение виновного, где была уже правдиво

и в деталях описана вся «эпопея». Картина, как мне позже рассказывали присутствовавшие при этом свидетели, была более комичная, чем грозная: сидящий на табурете в комнате водителей (да, именно в комнате водителей, куда и пришел генерал) маленького росточка шофер, в прошлом танкист-фронтовик, кавалер трех орденов «Славы», крепко вцепившийся в края высокого табурета обеими руками и с не достающими до пола ногами, глядит снизу вверх в глаза стоящему перед ним высоченному и разъяренному до предела Александру Михайловичу, который держит перед лицом водителя объяснение оперработника. «Читай, если не можешь сам сказать!» — говорит генерал, и маленький человек на табурете переводит свои ясные, светлые и такие правдивые глаза сначала на бумагу, а прочитав ее, вновь смотрит в глаза генералу и четко произносит: «Я выполнял указание своего прямого начальника». — «Вот дал бы тебе сейчас! — в сердцах произносит генерал, взмахнув перед носом не моргнувшего и глазом водителя кулаком, — да отвечать за тебя не хочется, а надо бы вздуть!» И бросил кадровику уже на выходе из комнаты: «Оперативного сотрудника немедленно откомандировать в Москву и уволить, а водителя пока на год оставить!» В этом был весь генерал, по достоинству и предельно четко оценивший все происшедшее.

Александр Михайлович, наверное, крайне редко менял свои решения, но на этот раз сдался. Уверен, что в изменении решения об увольнении из органов госбезопасности и в переводе провинившегося из Первого главного управления во Второе (контрразведку) сыграло не только то обстоятельство, что речь шла об очень опытном и квалифицированном сотруднике-фронтовике, — определенную роль имела просьба товарищей, обратившихся к генералу с ходатайством оставить на работе этого сотрудника, а самое главное — за него замолвила слово по просьбе одного нашего работника жена генерала Ирина Александровна.

Александр Михайлович был исключительно решительным человеком. Так уж бывает, что на определенное количество успешно проведенных оперативных мероприятий обязательно случаются провалы даже при очень тщательной подготовке. В Западном Берлине в районе Цоологишенгартен проводилась важная операция, в которой было задействовано четыре оперативных работника и прикрывавших их несколько немецких агентов-боевиков. Было совершено предательство. Один из прикрывавших наших

сотрудников агентов позвонил американцам, и те мгновенно среагировали: через 20 минут они уже были в районе операции и взяли всех участников. К счастью, проводившие прикрытие этой операции сотрудники не были известны предателю, и через небольшой промежуток времени генерал знал все. Знал он и то, что задержанные были доставлены в подразделение ЦРУ в Западном Берлине на Клейаллее и содержались под стражей.

Прежде чем позвонить в Москву, генерал, не теряя ни минуты, сразу же позвонил по прямой связи Мильке. Как мне рассказывал позже присутствовавший при этом сотрудник, разговор был предельно четким и решение было принято мгновенно: «Эрих! Час назад в Западном Берлине американцы арестовали четверых моих парней. Есть предложение сейчас же задержать четверых американцев, находящихся в настоящее время в столице ГДР — Берлине...» Небольшая пауза, его перебивает Мильке: «Почему четверых и почему только находящихся в Берлине? Мы арестуем всех находящихся на территории ГДР, и немедленно, сейчас же, я отдаю приказ, об исполнении сообщу сразу же, позвоню, не будем терять время». А потом генерал позвонил в Москву, которая подтвердила правильность решения. Буквально через час Мильке сообщил о задержании в Берлине и на территории ГДР 42 американцев — гражданских лиц. Спустя семь часов, после переговоров между представителями ЦРУ и нами, американцы были отпущены взамен наших четверых оперработников. Вот так действовал наш генерал.

Ему был свойствен мощный оперативный размах, масштабность мышления. Он и нас приучал мыслить масштабно, работать на перспективу, создавать и готовить агентурный аппарат из числа молодых людей, которые в будущем смогли бы не только успешно выполнять роль ценных источников — информаторов, но и быть агентурой влияния. Ругал он нас частенько. Поднимет очки на лоб, окинет всех быстрым взглядом и скажет: «Ну что это за встречи у вас, что это за оперативные расходы в три–пять марок? Лучше угостить хорошим обедом или ужином, чем сосиской и кружкой пива. Деньги государственные надо экономить, но не так же». Однако чаще было иначе. Каждая неудача, а их было достаточно, строго, требовательно и жестко разбиралась. И здесь генерал не выбирал выражений. Генерал считал разведку тяжелой работой, требующей полной отдачи сил. Он всячески поощрял хоро-

шие знания языка, страны, быта, нравов и обычаев немцев. Сам знал Германию и все связанное с ней в мельчайших деталях.

Он был противником шаблона в работе, прежде всего в вербовочных мероприятиях. По некоторым делам настойчиво рекомендовал не стремиться к формальному завершению вербовки, заявляя, что вопрос не в получении расписки от агента с обязательством не разглашать ставшие ему известными секретные сведения; факт сотрудничества не в выборе псевдонима, а в том, что может сделать этот помощник для нашей разведки конкретно и самое главное — какие у него перспективы на будущее. Как-то был такой случай. Генералу доложили материалы с просьбой дать санкцию на вербовку одного гражданина ГДР, искреннего друга Советского Союза, служебное положение которого открывало большие возможности для проведения очень нужных советской разведке мероприятий по вопросам документации наших нелегалов. Разработку этого человека вел опытный сотрудник, назовем его А.К.А. Он-то и рассказал мне эту историю. Александр Михайлович спросил его, была ли уже необходимость использовать возможности этого человека, А.К.А. ответил, что пока нет, но следует иметь готовый резерв. Генерал как-то задумчиво посмотрел на А.К.А., поднял своим любимым движением очки на лоб и сказал: «Вот когда нам будут нужны необходимые документы для работы, он и так для нас все сделает и без вербовки, как наш политический друг, я знаю этого человека». Вопрос был закрыт.

Александр Михайлович всегда и во всем был в высшей степени принципиальным. Приехал в Берлин однажды родственник Н.С. Хрущёва — муж его старшей дочери Юлии Никитовны, некто Гонтарь, тогда директор Киевского Государственного академического театра оперы и балета им. Т.Г. Шевченко, ценитель и коллекционер почтовых марок, известный в Киеве филателист. Попросил генерала принять его, тот принял, родственник Н.С. Хрущёва все же. А Гонтарь после общей беседы возьми да попроси у Короткова денег, что-то около тысячи марок ФРГ для покупки почтовых марок в Западном Берлине. Александр Михайлович конечно же ответил отказом, сказав при этом, что деньги-то не его личные, а государственные. «Странно, — ответил ему Гонтарь, — ваши коллеги в других странах мои подобные просьбы всегда выполняли. Я не просто Гонтарь, я родственник Никиты Сергеевича». Генерал ничего не ответил, но и денег не дал.

Рассказывала Ирина Александровна. Незадолго до смерти Александр Михайлович долго и скрупулезно обдумывал свой план реорганизации разведки в целом и в частности работы по Германии исходя из складывающихся новых политических условий в Европе, активизации усилий спецслужб противника по ослаблению стран социалистического содружества, первых попыток социал-демократов Германии выйти на контакты с коммунистическими партиями социалистического лагеря. Политическая обстановка была крайне сложной, возникали совершенно новые, еще неизвестные современной истории политические тенденции к диалогу между Востоком и Западом, с одной стороны, и крайне жесткие беседы между лидерами Востока и Запада при их встречах — с другой. Чувствуя все это, располагая обширной информацией, Коротков решил представить некоторые свои соображения по реорганизации разведки руководству КГБ СССР. Дело было новое, не всем понятное. Ведь речь шла об изменении методов работы, о новых направлениях, целях, задачах. Не понял и тогдашний председатель КГБ А. Шелепин. И не только не понял, но был крайне раздражен смелыми суждениями Александра Михайловича. Прощаясь с генералом после его доклада, председатель сказал, что его удивляет необоснованная смелость генерала и несвоевременность этого проекта, заявив в конце: «Не бойтесь, что мы сможем сделать оргвыводы в отношении вас и отозвать из Берлина?» На что Александр Михайлович ответил, что нет, не боится, а считает своим долгом провести до конца задуманную им реорганизацию, если получит на это санкцию руководства, считает свой проект правильным, очень нужным и крайне своевременным.

Генерал оказался прав — в начале 60-х разведка постепенно начала переход к новым методам работы.

Александр Михайлович любил сам участвовать в оперативных мероприятиях, острых оперативных ситуациях, вербовочных беседах, и в этих случаях он действовал как опытейший оперативный работник и, как правило, не подчеркивал (если это не диктовалось оперативной необходимостью), что он один из руководителей разведки, генерал. Был прост в обращении с работниками, принимавшими участие вместе с ним в этих мероприятиях.

Далее я привожу рассказ работавшего тогда в Берлине моего старого товарища Лезина Олега Сергеевича.

« Незадолго до своей кончины Александр Михайлович просмотрел материалы о срочной публикации в целях дезинформации противника определенной статьи в одном из западных журналов, с редактором которого я был знаком как сотрудник совпосольства. Александр Михайлович в качестве советника посольства вместе со мной выехал в один из городов на юге ГДР, где у своих родственников в это время находился редактор нужного нам журнала. Действуя под соответствующей легендой и свободно владея немецким языком, Александр Михайлович сумел буквально так “влюбить” в себя этого довольно мрачного и несговорчивого немца, что тот не только дал согласие опубликовать статью, но, будучи заинтересованным в поступлении в журнал подобных материалов (а заинтересовал его именно А.М.), выразил искреннюю готовность публиковать и в будущем нужные нам, ну, и “разумеется, не расходящиеся с его точкой зрения” материалы. Расстались друзьями. И при этом никакого давления. Со стороны все выглядело так, как будто шумно и довольно весело разговаривали два немца, несколько расходящиеся в своих политических оценках и взглядах. В беседе участвовала и жена этого немца, которой явно понравился молодой и энергичный советник посольства, да еще и владеющий языком как немец. Александр Михайлович нашел подходящий момент, познакомил этих немцев со своей семьей, показав им фотографии жены и дочери (у немцев такое принято) и подчеркнув, как бы невзначай, свою непреходящую любовь к жене и дочери, наговорив одновременно массу приятных для женского уха (в том числе и немецкого) любезностей, расставив таким образом все по своим местам и сохранив нужные оперативные позиции. Работа была проделана положительная, задача выполнена, что и было подтверждено несколько позже публикацией статьи. В будущем мы неоднократно использовали этот канал.

После встречи, освободившись поздно вечером, мы пришли в гостиницу, и генерал предложил переночевать вместе в одном номере. Конечно, мне польстило это, и, откровенно говоря, очень хотелось пообщаться с генералом в непринужденной обстановке, побыть вдвоем, это ведь громаднейшая честь да и доверие. Но я чего-то застеснялся и сказал Александру Михайловичу, что мне нужно завтра очень рано выезжать в Берлин, где я должен сдавать плановый экзамен по немецкому языку, поэтому боюсь его побеспокоить и не дать выспаться. Генерал мрачно (он далеко не всегда

был веселым и радостным, чаще всего выглядел озабоченным и глубоко задумавшимся) посмотрел на меня, сказав (привожу дословно): «Другой на твоём месте наверняка с радостью бы согласился поменять экзамен на мое предложение. Хочешь, я сейчас позвоню в Берлин и договорюсь об экзамене?» Я отказался, и генерал отпустил меня. До сих пор жалею об этой неиспользованной возможности побыть с Александром Михайловичем в непринужденной обстановке, да еще только вдвоем».

При наличии жесткой воли, собранности и четкости, железной самодисциплины и, чего греха таить, иногда и грубых словечек в обращении с подчиненными, что проявлялось чисто внешне и только со «своими», в общем-то, с теми, кого он, в принципе, уважал, а «крыл» за дело, ему был присущ и хороший, добрый, товарищеский юмор.

Рассказывает Анатолий Иванович Грищенко¹, тогда второй секретарь совпосольства: «Как-то я позвонил наверх в вашу референтуру (так все в посольстве называли помещение, специально оборудованное от прослушивания, где при необходимости проходили совещания работавших под прикрытием посольства сотрудников КГБ), где должен был в это время находиться мой ныне тоже покойный друг Саша Шатверов: “Сашка! Это ты музыку слушаешь?” А в это время из той комнаты громко звучала какая-то модная мелодия. “Я, — ответил “Сашка”, — а что, плохая музыка?” — “Да нет, — продолжал я, — хорошая, только надоел ты мне с этой мелодией!” — “А мне она нравится”, — ответил “Сашка”. Тут я почувствовал что-то неладное. “Постой, постой, это ты, Сашка? Шатверов?” — вновь переспросил я, конечно же даже и не предположив, что там, наверху, мог быть сам генерал Коротков. “Да, — ответил голос, — я Сашка, только не Шатверов, а Коротков. А кто со мной говорит?” Я молча положил трубку. Спустя год на одном из приемов в посольстве я все же осмелился признаться в этом “диалоге” Александру Михайловичу. Посмеялись. Вот таким я его запомнил, а не только “железным” генералом»...

Или другой случай. Собрались как-то на совещание. Разговор был строгий и суровый. В конце, наверное, думая немного смягчить обстановку, Александр Михайлович, как всегда в таких слу-

¹ А.И. Грищенко — чрезвычайный и полномочный посол, закончивший свою дипломатическую службу секретарем парткома МИД СССР.

чаях, подняв очки на лоб и оглядев всех нас уже добрым, но при этом не терявшем цепкости и пытливости взглядом, сказал: «Тоже мне разведчики, разведчики. Шпионы вы. А то мы разведчики, а они (то есть наши противники) шпионы. Слово “шпион”, кстати, не позорное, а в переводе означает “идуший впереди”. Так-то вот, мои дорогие разведчики-шпионы».

Он был скромным человеком. Никогда не говорил, за что он был награжден. Из десяти орденов, не считая иностранных, у него было одних только «Красного Знамени» шесть. Однажды я осмелился и спросил, за что он их получил. Александр Михайлович шуточно ответил: «Четыре “Красного Знамени” — за боевые конкретные дела, ну а два из шести у меня “юбилейные” — и, глядя на мое удивленное лицо, пояснил: — Юбилейные, значит, дали за выслугу лет и по случаю какого-нибудь общего торжества». Даже близкий ему человек, родной брат Павел, только на похоронах генерала с удивлением узнал о наградах: «Надо же, я и не знал, что у Сашки столько орденов!»

Мало кто знал, что непогожей ночью 44-го полковник Коротков прыгал с парашютом в расположение окруженного немцами штаба партизанской армии Иосипа Броз Тито и за выполнение этого особого задания был награжден самым высоким орденом Югославии — «Партизанской Звездой» в золоте. До сих пор неизвестны ни цель, ни задача, ни обстоятельства этого ночного прыжка с парашютом. Как, впрочем, и его работа в Тегеране в 1943 году, когда немцами готовилось покушение на Сталина, Рузвельта и Черчилля.

Никто, кроме Ирины Александровны, не знал, какой смертельной опасности подвергался Александр Михайлович осенью 1956 года во время боев в период путча в Будапеште, где под началом генерала И.А. Серова¹ он выполнял особое задание руководства. Наверняка, чтобы не волновать жену, он почти ничего не рассказывал Ирине Александровне об этой командировке, но она сама увидела прострелянные в 12 местах полы его шинели. Потом узнала от его сослуживцев, что ее Саша там, в Будапеште, чудом остался жив. Дым от бушевавших пожаров застилал улицы города. Дышать было нечем. Бронетранспортер, на броне которого при-

¹ Иван Александрович Серов — генерал армии. Был в разное время председателем КГБ и МВД, начальником ГРУ МО СССР.

мостился Александр Михайлович, попал под плотный пулеметный огонь. В первые мгновения этого страшного обстрела сразу же был убит водитель. Пуля попала ему в голову. В последние секунды жизни он вывел машину из-под обстрела. И умер. Это произошло на глазах сидевшего рядом генерала Серова. Они тогда все должны были погибнуть. Когда Коротков уходил из московской квартиры, спешил на ожидавший их самолет, он положил в карман шинели берет жены. Как талисман... Потом этот берет много раз надевал его друг Прудников, маскируясь под местного жителя там, в Будапеште, при выходах в город...

Не сказать хотя бы немного о семье Короткова — значит не иметь полного представления об этом человеке. Ну разве можно представить себе боевого генерала на кухне в переднике и с ручной кофемолкой в руках? «А ведь кофе-то вкуснее, если его смолоть вручную», — говорил генерал и молот его, и даже как бы с удовольствием. Или, как я уже писал выше, гулял с дочкой, как и все остальные отцы. Конечно, не так часто, как другие, но все же и это было у него.

Ирина Александровна была достойной спутницей своего мужа. Сама профессионал-германист, она блестяще знала экономику Германии, как и немецкий язык, защитила кандидатскую по Германии. И что интересно — одним из оперативных псевдонимов генерала Короткова была девичья фамилия жены.

Их связывало многое — они были единомышленниками во всем. Такая спутница была определена генералу самой судьбой, как говорится, свыше. В семье Короткова не только чтят память о муже, отце и дедушке (внука называли в честь генерала Александром), но исключительно преданно, до мельчайших нюансов хранят тот идеологический и человеческий настрой, который был заложен при жизни Александра Михайловича и который навсегда остался в этом доме: преданность своему Отечеству, служению Державе, верность долгу и, как и у генерала, никакого предательства ни идеям, ни друзьям, ни товарищам, связанным с этой семьей. В этой семье нет предательства в любом его выражении. Они, эти оставшиеся уже без Александра Михайловича женщины, Ирина Александровна и Юля, основой всей своей жизни — и это тоже от мужа и отца — считают принципиальность во всем.

«Мы не меняем ни своих идеалов, ни друзей», — сказала мне совсем недавно Ирина Александровна. До последнего времени

Ирина Александровна использовала малейшую возможность, чтобы передать восточку-поддержку Эриху Мильке — забытому всеми, старому, больному, умирающему старику, отдавшему всего себя когда-то тому делу, которое объединяло советского и немецкого генералов.

Коротков ушел из жизни неожиданно для всех. Внешне могучий, физически крепкий, спортивно подтянутый, он, казалось, был несокрушим и в состоянии выдержать любые, даже превышающие все нормы физические и психологические напряжения.

«После своей последней встречи с председателем Шелепиным домой вернулся в угнетенном состоянии, был мрачен и неразговорчив, — вспоминала Ирина Александровна. — Прилег отдохнуть, что случалось с ним крайне редко». А на следующий день, наверное, желая не просто размяться, а физической нагрузкой подавить гнетущее состояние после вчерашнего неприятного разговора на Лубянке, он вышел на теннисный корт поиграть со своим другом генералом Серовым. На корте почувствовал себя плохо... Когда приехала скорая, генерал был мертв. Ему шел 51-й год. Врачи констатировали обширный инфаркт. «Его сердце было похоже на мочалку, все в рубцах», — сказал позже один из врачей. Ничто не проходит бесследно. Александр Михайлович, особенно в первые годы работы в разведке, выполнял задания в тяжелейших условиях, требующих колоссальной концентрации всех физических и духовных сил. Разве могут уйти из памяти и забыться глаза ликвидированных в Париже в 1938 году возглавляемой Коротковым группой предателя-чекиста Агабекова и троцкиста Клемента?

Похороны генерала были более чем скромные. Никто из высшего руководства КГБ и ПГУ не присутствовал при погребении на Новодевичьем кладбище. Делегация МГБ ГДР была представлена всем высшим руководящим составом во главе с министром Мильке. Как рассказывал позже переводивший траурные речи немецких друзей начальник разведки МГБ ГДР Маркус Вольф, Мильке, покидая кладбище, грязно выругался в адрес руководства КГБ... По-русски.

Через несколько дней после похорон Ирине Александровне позвонил сам глава Республики Вальтер Ульбрихт и пригласил осиротевшую семью Коротковых на постоянное жительство в Берлин с предоставлением небольшой полностью оборудованной виллы

и назначением ей достойной пенсии пожизненно. Он так и сказал: «Мы готовы взять вас на полное государственное обеспечение». У семьи Коротковых и мысли не было оставить Москву и переехать в ГДР.

Много лет назад остановилось сердце легендарного разведчика, профессионала высочайшего класса, оказавшего большое влияние на развитие советской разведки, опередившего уже тогда своими действиями и направлением в работе само время. Но память о нем навсегда осталась в истории Российской внешней разведки, где достойное место принадлежит и ему — генералу А.М. Короткову.

По сей день у меня добрые отношения с Ириной Александровной. Но был период, который я и сегодня считаю позорным для себя. Мог ли я поступить иначе? Я подчинялся партийной и офицерской дисциплине. А произошло следующее. В 1973 или 1974 году один из руководителей кадров ПГУ, явно выполняя указание высокого начальства, рекомендовал мне прекратить встречи с семьей Коротковых. При этом он не назвал причин. Лишь после длительного разговора и моих настоятельных просьб прояснить ситуацию он ответил, что Ирина Александровна поддерживает дружеские отношения с семьями Буденных и Молотовых. Поэтому мне, как сотруднику особого политического органа, то бишь разведки, «не может быть разрешен контакт с людьми, поддерживающими отношения с подобной категорией родственников в прошлом крупных политических деятелей, скомпрометировавших себя оппозиционными настроениями». Все это я воспринял как какой-то несурзанный вздор, но это было именно так. Я был вынужден возразить, что годами существовавшие дружеские и семейные отношения с точки зрения человеческой морали просто вот так, неожиданно прервать невозможно. Да я и причин не мог понять, о чем прямо сказал беседовавшему со мной руководителю. Слова его я запомнил: «Не мне вас учить. Вы опытный работник, и не вы, а я должен спрашивать у вас совета, как действовать в данном случае. Подумайте сами, как лучше сделать. Это указание». И добавил: «О нашей беседе никому не рассказывать и не советоваться».

Спустя много лет, уже после ухода из жизни моей первой жены, на похоронах я все рассказал Ирине Александровне. Покаялся. Она простила меня.

КАК ОЛЕГ ПАНИН ПОМОГ НАЙТИ СЕБЯ БЫВШЕМУ ГЕНЕРАЛУ БЕЛОЙ АРМИИ. Начало 1950-х годов

Во время своей первой заграникомандировки Олег Сергеевич некоторое время работал в только что открывшемся в одном из округов советском консульстве. Когда в начале 1960-х я ближе познакомился и подружился с ним и его семьей, наши отношения стали более доверительными. Он охотно делился со мной своим богатым оперативным опытом, а будучи незаурядным рассказчиком, часто удивлял изложением таких эпизодов, которые навсегда остались в моей памяти.

Вот один из них. Русская эмиграция. Олег хорошо знал эту категорию бывших граждан Российской империи, Советской России, Советского Союза. Как известно, было три основные волны русской эмиграции: последствия Гражданской войны (1918–1922 гг.), отток российской интеллигенции в начале 20-х годов XX века и попавшие в западные зоны Германии и оставшиеся там по разным причинам бывшие граждане нашей страны после разгрома нацистского режима. В общем, все те выходцы из России, Советского Союза, прежде всего русские, кто в силу разных обстоятельств и в разное время был вынужден жить не только в Западной (ФРГ), но и Восточной (ГДР) Германии. Это была особая публика. С некоторыми из них следовало общаться. Прежде всего с теми, кто не утратил любви к Отечеству, считал себя русским¹, симпатизировал Советскому Союзу, сердцем и душой не порвал с Родиной, Россией и был готов служить ей... В этом смысле некоторые из названной категории могли представлять и оперативный интерес для советской разведки...

Как-то зашел в консульство пожилой русский человек. Внешне подтянутый, статный, с выправкой кадрового военного, в таком же строгом гражданском платье и с изящной тростью с массивным серебряным набалдашником. Как выяснилось позже, трость оказалась данью старой привычке, но никак не помощью при ходьбе. В общем, вид этот элегантный старик имел, прямо скажем, молодцевато-моложавый.

¹ В те годы, да и сегодня, «русскими» на Западе называют практически всех русскоговорящих — выходцев из России, Советского Союза.

— С кем имею честь? — обратился посетитель после приветствия к вышедшему ему навстречу Панину.

— Сотрудник консульства Панин Олег Сергеевич. А с кем я имею честь? Что привело вас к нам?

— Генерал-лейтенант такой-то (имя я запомнил). В прошлом работал в штабе Врангеля в Крыму.

Он назвал свою последнюю высокую должность и замолчал. По предъявленным документам гражданина ГДР он выглядел минимум лет на десять моложе своего действительного возраста.

— Что же привело вас сюда, к нам, в советское консульство? — вновь спросил его Олег.

После некоторого раздумья и абсолютно серьезно, во всяком случае внешне, старик рассказал, что после прихода нацистов к власти, симпатизируя молодой Советской Республике и радуясь возрастающей мощи Красной армии, он искал пути возвращения на Родину, имея тайную мысль продолжить карьеру военного и, как и известный белый генерал Слащов¹, предложить свои услуги советскому правительству. Он был уверен, что война между фашистской Германией и Советским Союзом неизбежна. Это вопрос времени. Он еще до войны искал возможности осуществить свой план. Тогда он был в состоянии командовать корпусом, не меньше. Он не сотрудничал с немцами, отказался от предложения предателя Власова, за свои антинемецкие настроения попал в концлагерь. Он чист перед Богом и Россией! К сожалению, мечта его поработать на Советский Союз в качестве военного специалиста тогда не удалась. Старик показал Панину свои документы, подтверждавшие его учебу в Киевском кадетском корпусе, Александровском артиллерийском училище, Академии Генштаба царской армии. Во время Первой мировой войны он действительно командовал дивизией и корпусом. Затем Белая армия, фронты Гражданской войны, закончил он службу в штабе барона Врангеля.

Панин еще раз спросил его:

— Чего же, собственно, вы хотите от нас?

Старик не раздумывая, мгновенно ответил:

¹ Генерал-лейтенант Я.А. Слащов — в годы Гражданской войны один из руководителей врангелевской армии в Крыму. В 1920 г. после разгрома Врангеля эмигрировал в Турцию. Через год вернулся в Россию, был амнистирован, служил в Красной армии.

— В Первую мировую и Гражданскую я командовал дивизией. Понимаю, что мои знания военного специалиста не отвечают современным требованиям, предъявляемым к высшему командному составу. Да и не прошу генеральской должности. Знаю, что устарел, да и возраст имею приличный. Но поверьте мне, я вполне мог бы справиться с командованием полком. Я хочу продолжить службу России, в победу которой всегда верил.

Олег готов был расхотаться, но, естественно, он не мог позволить себе этого. Старик говорил убежденно и искренно. Жаль было обижать старого служаку. Оба выжидательно замолчали. Наконец Олег принял решение и попросил старика еще раз зайти в консульство через месяц-два, может быть, что-нибудь они для него придумают. Консульство свяжется с ним в нужное время.

Соответствующая дополнительная проверка никаких компрометирующих материалов за время нахождения этого человека в эмиграции не выявила. Напротив, задержанный как бывший врангелевский генерал и допрошенный нашей армейской контрразведкой, он дал развернутые показания на тех, из числа известных ему по Белому движению, кто выступал против советской власти, сотрудничал с нацистами, поддерживал предателя Власова. Было также подтверждено, что за свои антинемецкие, прорусские настроения он действительно неоднократно подвергался допросам в гестапо и даже какое-то время содержался в концлагере. За его симпатии к Красной армии от него отвернулись почти все ранее почитавшие его близкие друзья и товарищи по прошлой военной службе во время Первой мировой и Гражданской войн. Одинокий, обманутый и забытый Историей и Временем старик...

Олег Панин сдержал свое обещание. Разумеется, он действовал по разрешению своего руководства, которому, однако, пришлось настойчиво доказывать целесообразность этого необычного решения. После завершения проверочных мероприятий Олег связался со стариком и пригласил его прийти в консульство для беседы. Старика было объявлено, что по возрасту и своему прошлому он не подходит к службе в Советской армии. Но, учитывая его желание поработать на советскую власть, ему предлагается возглавить консульский гараж со всем автохозяйством, включая текущий ремонт машин, то есть стать завгаром в советском учреждении. При этом, как подчеркивал Панин, советская сторона

исходила из того, что старик в свое время долгие годы имел в Германии частную автомастерскую, увлекался автомашинами, сам был неплохим водителем и автомехаником. Старик с радостью согласился. Олег Сергеевич не ошибся в нем. В течение очень короткого времени бывший генерал вместе с выделенным ему помощником-немцем привел в надлежащий порядок несколько имевшихся в распоряжении консульства трофейных немецких автомашин. В особо торжественных протокольных случаях он сам садился за руль машины с нашим начальством или гостями консульства.

Обе стороны были довольны. Старик проработал в консульстве несколько лет и ушел на пенсионный покой по состоянию здоровья и возрасту, оставаясь до самой смерти активным членом Общества германо-советской дружбы.

НОЧЬ В ЛИФТЕ. Начало 1950-х годов

В здании посольства на Унтер-ден-Линден, 63, было три лифта. Два в основном здании, один — в так называемой квартирной части, где находились несколько квартир для начальства: советника-посланника, секретаря парткома, советников. Самым значительным, разумеется, был лифт, соединяющий цокольный этаж служебного здания с апартаментами посла — его представительской квартирой и зимним садом.

Спустя пару месяцев после начала моей работы в посольстве, где-то осенью 1958 года я был вызван на квартиру к послу Михаилу Георгиевичу Первухину. Можно было подняться по удобной и широкой лестнице или же на лифте. Не помню почему, но я выбрал лифт. Большая, с зеркалами кабина, рассчитанная на четыре-пять человек. Стены снизу до середины обиты темно-бордовой ворсистой тканью типа бархата. На одной из стенок откидная скамеечка на одного человека, обитая такой же тканью. Далее до потока и сам потолок отделаны полированным красным деревом. Пол покрыт плотной ковровой тканью. Массивная, по-моему из кованого металла, почти бесшумная входная дверь с литыми рукоятками. Мягко и плотно закрывающиеся дверцы самой кабины с хрустальной прозрачностью стекол (в те годы еще не было автоматических дверей). Плавно поднимающаяся вверх кабина с незаметной мягкой остановкой. И вдруг — непонятная неожидан-

ность: как-то совершенно не гармонирующий со всем названным антуражем, необходимым в представительских целях нашего солидного полпредства, не вписывающийся в общую картину роскошного лифта обыкновенный, черного цвета старорежимный телефон на одной из стенок. Зачем?

Я человек любопытный и не успокоился, пока кто-то из старожил не рассказал мне комичную историю, случившуюся вначале 1950-х с послом Владимиром Семёновичем Семёновым.

После встречи на правительственном уровне он поздно ночью возвращался домой. Помощника отпустил и в посольство вошел один. Владимир Семёнович любил спорт, систематически тренировал себя гантелями, любил много ходить и крайне редко пользовался лифтом, разве что поднимая наверх самых солидных гостей, к себе в представительскую квартиру. Уставший после работы в ночное время, он решил подняться домой лифтом. И... застрял между вторым и третьим этажами. Сильный человек, он приоткрыл дверь лифта и стал звать на помощь кого-нибудь, кто мог бы освободить его из этого плена. Тщетно. Могучий голос посла поглощали толстые стены здания, и он никак не мог достичь слуха дежурного в другой его части. Промучившись и ослабев, посол устроился на полу и заснул. Домашние тоже спали, устав ждать хозяина. Ранним утром уборщица обнаружила Владимира Семёновича, мирно спавшего на полу кабины лифта, положив голову на руки. Разбудила посла и подняла тревогу. Срочно прибывшие мастера высвободили посла из «лифтного плена». С тех пор и появился этот телефон на стене кабины лифта.

ШЕФ ПРОТОКОЛА О.С. ПАНИН. 1958 год

В конце лета 1958 года перед выездом на работу в Берлин я проходил подготовку в соответствующем отделе своей Службы. Полученные во время двухлетней учебы в специальном учебном заведении знания по немецкому языку и германской тематике, включая трехмесячную языковую практику в ГДР, дополнялись беседами с оперативными работниками — специалистами по Германии. Они обладали опытом работы в этой стране и свои знания передавали нам, выезжающим в свою первую заграничную командировку. Моим наставником был определен Олег Сергеевич Панин.

Признаюсь, я с волнением ожидал встречи с этим опытным разведчиком-германистом. Он понравился мне с первой встречи. Олег обладал далеко не всем данным природой свойством — сразу же производить на собеседника приятное впечатление. Он умел нравиться людям. Мог внимательно слушать и незаметно направлять разговор в нужное русло. В нем чувствовался хороший психолог, умеющий не только расположить к себе, но и оказать при этом как-то совершенно незаметно нужное ему воздействие.

Его своеобразный инструктаж по форме был более похож на беседу товарищей по работе, нежели на формальные и строгие указания и рекомендации старших по возрасту, званию и служебному положению. Олег был прост в обращении, и это располагало к себе собеседника. Несмотря на нашу солидную разницу в возрасте — все-таки 10 лет, — это совершенно не чувствовалось. Он, как говорится, «не надувал щеки». Понимал юмор и шутку. Но более всего в нем подкупала какая-то мальчишеская задоринка, обволакивающая собеседника и вызывающая симпатию к нему, желание слушать и делиться с ним своими мыслями. Может быть, это удавалось ему, потому что и сам он, так мне казалось, был искренен и откровенен. Такое впечатление он производил на тех, кто с ним общался. Я имел время убедиться в этом, потому что нас в последующем связывала многолетняя дружба, в том числе и на семейном уровне.

Человек он был необычный и чем-то едва уловимым отличался от своих товарищей по работе: как никто другой, во всяком случае, из моего окружения, он мог поделиться своим опытом, познакомить с тонкостями мастерства по получению интересующей нашу Службу политической информации. Он был не только внешне, но и внутренне интеллигентен. В отличие от всех нас я никогда не слышал от него грубого русского мата. Самым бранным выражением у Олега было «Животное!», которое он мог в ярости процедить сквозь зубы. Но это случалось с ним крайне редко. Как правило, он был выдержанным и спокойным человеком.

Олег тепло вспоминал своих родителей. Много рассказывал о своем детстве и юности в Тбилиси, где родился и вырос. Отец — кадровый военный, офицер-пограничник, из простой крестьянской семьи. Мать — профессиональная певица, родом из бедной, но интеллигентной (не дворянской!) семьи. В доме всегда был музыкальный инструмент — пианино. Мать часто музицировала.

Была еще и старшая сестра, всегда опекавшая младшего брата. Спокойная и душевная обстановка в семье наложила отпечаток на формирование характера Олега. Но не меньшее влияние оказала на него и улица. Он жил и вырос среди грузинских детей, которые из мальчишек превращались в юношей, а затем в мужчин. Наверное, поэтому в Олеге сочетались русская удаль и размах с горячим и независимым характером жителя Кавказа. У грузинских подростков были особые нравы. Многие вопросы решались не как в русской среде — на кулаках, а дракой «на ножичках». До первой крови. Как-то Олег с гордостью показал мне шрам на плече от ножевой раны, полученной при вот такой уличной кровавой разборке. Из-за девчонки. Он не струсил и от драки «на ножичках» не отказался. Вышел победителем.

Еще до войны Олег поступил на строительный факультет Тбилисского института инженеров железнодорожного транспорта. Как с гордостью утверждал Олег, до сих пор где-то под Тбилиси функционирует небольшой железнодорожный бетонный мост, через который все еще ходят железнодорожные составы. Это был его дипломный, первый и последний, проект инженера-путейца.

Всем им, студентам этого института, было отказано в добровольном призыве в Красную армию. Соблюдалась строгая бронь на студентов этого вуза. Однако положение на фронтах в конце лета 1942 года стало критическим, и стал Олег связистом. Вскоре военная судьба забросила Олега на Сталинградский фронт. Да не просто в город Сталинград, а в самое его сердце — Мамаев курган¹.

Как рассказывал Олег, дело было так. Заканчивался последний день — 31 декабря — 1942 года. Красноармеец Олег Панин очутился в этом городе в конце короткого светового дня. Ближе к ночи присланный за ним боец повел его в сторону Мамаева кургана, где он должен был поступить в распоряжение командира роты, позиции которой находились на самой вершине легендарного и уже известного всему миру кургана. Они долго пробирались по

¹ Мамаев курган — самая высокая точка в Сталинграде. С его вершины просматривался весь город и переправы через Волгу. Вот почему именно здесь шли самые ожесточенные бои, эта высота многократно переходила из рук в руки. В конце ноября 1942 г. Мамаев курган был окончательно отбит у немцев. Вот почему ныне здесь возвышается известная всему миру знаменитая скульптура Вутечича «Родина-мать».

узким окопам и ходам сообщений, натываясь в темноте на редких солдат-наблюдателей, слушающих ночь. Немцы уже давно сидели в обороне и наши позиции особо не беспокоили. С боеприпасами у них было туго. Вскоре запахло дымком. «Почти пришли», — пояснил сопровождавший боец. Несмотря на быстрое движение по бесконечным узким траншеям и ходам сообщений, Олегу не становилось теплее. Новогодняя ночь была морозной. Казалось, все уцелевшее в этой страшной войне живое, спрятавшее себя в землянки и блиндажи, подвалы и подземные трубы-коммуникации разрушенных до основания многочисленных городских промышленных сооружений, было не в состоянии выдержать эту леденящую стужу здесь, наверху, под необъятно раскинувшимся и сверкающим удивительно яркими звездами небом. Хорошо было только ногам в теплых валенках. Все остальное пронизывала леденящая стужа. «Как же здесь выдерживают люди такой холод, — подумал он. — Неужели я смогу перенести это?» На душе у Олега было погано. Донимал и голод. Последний раз он поел еще днем, и под ложечкой давно подсасывало. Еще один поворот траншеи, и они подошли к выделяющемуся на фоне более светлого неба насыпному верху блиндажа. У входа Олег заметил прислонившуюся к стенке траншеи человеческую фигуру с замотанной чем-то головой. От фигуры исходили странные звуки. Подошли ближе. Олег услышал всхлипывание с тихим подвыванием вперемежку с непонятным бормотанием. Полученные в школе и институте скудные знания немецкого языка позволили уловить некоторые слова: «Mutter, Vater, Kommunist, Kinder». «Кто это?» — удивленно спросил Олег. «Пленный. Сам пришел. Сдался. Я уходил за тобой, он только пришел. Так и стоит тут. Я думал, он замерз уже. Назад к себе идти не хочет», — пояснил солдат. «А что же его в блиндаж не пускают?» — вновь спросил Олег. «Так ведь и нам с тобой там тесно будет. Поспать, может, и не удастся. Командир роты спит в другом блиндаже. Там тоже полно народу. Старшина просил не беспокоить ротного и привести тебя сюда, к нам. А немец что? Враг он. Фашист», — мрачно закончил солдат.

Дверь со ступенями вниз разверзлась желтым пятном слабого света. Пыхнуло дымом, махоркой, тяжелым портяночным запахом. На снаряжном ящике горел немецкий карбидный фонарь. Блиндаж был буквально набит спящими вповалку солдатами. Горящая, немецкого производства, железная печка источала жар. Позже

Олег узнал, что печка топилась содранными со стен и пола досками (немцы умели хорошо оборудовать свои блиндажи, особенно офицерские). Вместо досок стены солдаты занавесили плащ-палатками, в основном немецкими, пятнистыми. Ими же был покрыт пол. Олег вскинул руку к завязанной под подбородком ушанке. «Отставить», — изрек возникший перед ним в заношенной теплой бязевой, некогда белой нижней рубаше и таких же кальсонах босой старшина роты. «Знаю, кто такой и откуда. Раздевайся, грейся, поешь и отдыхай, если место найдешь», — вместо приветствия радостно, как показалось Олегу, произнес старшина. «Товарищ старшина, а что с тем немцем делать? Замерзнет ведь», — раздался голос приведшего его сюда бойца. «А что, еще стоит, не замерз?» — рычно произнес старшина. Он протянул руку и снял висевший на стене ППШ. Сунул его Олегу, который все еще стоял перед старшиной с завязанной под подбородком шапкой-ушанкой. «Застрели его», — все еще держа в вытянутой руке автомат, произнес старшина. Олег онемел. «Так ведь он пленный. Он там замерзнет. Может, он коммунист. Его впустить сюда надо. Он там, на морозе погибнет», — продолжал Олег. Старшина повернулся в сторону приведшего Олега бойца. Тот уже успел ловко раздеться и теперь стоял перед старшиной в нижнем белье, явно не желая выходить из жаркого блиндажа. «Я тоже не могу, товарищ старшина». — «Ах, мать вашу так, хлюпки интеллигентные, студенты швивые, — взревел старшина. — Войну не видели? Они нас тысячами безоружных убивали. Просто так, удовольствия ради. Еще насмотришься. Мало тебе! Вместо себя егопустишь? Себе на голову? Нет у меня бойцов его конвоировать, да и не нужен нам “язык”, с ними и так все ясно. Я и для тебя-то еле сопровождающего нашел. Все с ног от усталости валятся. Вишь, спят как мертвые. Мы в этом блиндаже по очереди в тепле отходим. А этого фрица швивого сюда пусти! У нас своих вшей хватает!»

Губы старшины затряслись, глаза остекленели. Он стволом автомата отстранил Олега, все еще растерянно стоявшего у входа, толчком босой ноги распахнул дверь, выскочил в ночь. Прошлепал босыми ногами по ледяной земле. Передернул затвор. Олег отвернулся от дверного проема. Хлопнул выстрел. Вернувшись в блиндаж, расшвирепевший старшина поднял двух крепко спавших бойцов: «Хватит греться. Одевайтесь и марш к себе. Дайте новенькому место. Он с дороги, отдохнуть должен. Там в траншее немец

мертвый. Выбросьте его за бруствер». Солдаты, недовольно ворча, медленно стали одеваться. Они явно тянули время, не имея никакого желания идти в свой холодный блиндаж. Олег положил на образовавшееся от двух ушедших узкое место свои нехитрые солдатские пожитки, под голову — валенки и лег рядом с уже знакомым ему бойцом. На душе было муторно. Голод куда-то пропал. От предложенной старшиной тушенки он отказался.

Старшина, все еще ворча что-то себе под нос, сдвинул к холодной стене лежавшего на кровати, да так и не проснувшегося солдата, лег, вытянув босые ноги. Олега удивило, что на все происшедшее никто не среагировал. Ему казалось, что никто даже не проснулся. Продрогшие на морозе и измотанные войной люди, попадая в теплое помещение, мгновенно засыпали и более не реагировали на внешние раздражители. Но это Олегу станет понятно позже, когда он сам на себе испытает тяжелый солдатский труд...

«Видишь, — шептал ему в ухо знакомый боец, — пустил бы ты сюда немца, а сам где бы лег? Наш старшина лучший в батальоне. Воюет с 1941 года. Ранен был. Контужен. Медаль у него. В окружении был. Даже в плен раз попал. Бежал под Ростовом. Он такого посмотрелся! Жуть! А ты фрица пожалел». Олег ничего не ответил бойцу. Тепло разморило его, но он долго не мог заснуть. В ушах все еще слышалось жалобное бормотание немца. Потом забылся в тяжелом сне. Так закончился его первый день войны. Потом их было много. Тяжелых и кровавых. Смерть сотни раз была рядом с ним, но эта первая военная ночь осталась в памяти навечно, как и голос замерзающего немца. Его первый живой, но уже неопасный враг, этот несчастный немец, нашедший такую страшную смерть на чужой для него земле.

Я никогда не расспрашивал Олега о его фронтовой жизни. Я сам мальчишкой близко познал войну. Видел смерть, грязь и кровь и хорошо понимал Олега, Тем более что рассказанная им история с немцем произошла именно в том городе и на том самом месте, откуда в августе 1942 года мы бежали за Волгу, а весной 1943-го я вместе со своим другом Игорем Вознесенским¹ излазил весь Ма-

¹ Игорь Сергеевич Вознесенский — мой друг по Сталинграду, также переживший военное лихолетье в этом городе. Вы вместе заканчивали 7-й класс Сарептской железнодорожной школы в 1944 году. После окончания МГИМО он работал в различных международных организациях, в том числе и за рубежом. В настоящее время живет в Москве.

маев курган. На вершине этой высоты находилась городская водонапорная башня, огромная бетонная труба которой уходила глубоко вниз. А рядом все еще оставались полуразрушенные окопы с присыпанными землей трупами немецких и советских солдат и неразобранные немецкие блиндажи, в одном из которых и произошла эта военная драма...

В лирические минуты на обычно свободных от работы вечерах за дружеской чаркой мы много философствовали в прямом смысле этого слова, рассуждая о нуждах и перспективах рода человеческого, о смысле жизни, мечтая о будущем и завидуя грядущим поколениям, которые рано или поздно создадут справедливое и разумное человеческое общество. В моей памяти Олег остался убежденным коммунистом, верой и правдой служившим социалистическому Отечеству, одним из лучших запомнившихся мне разведчиков-германистов.

В каждом из них, настоящих фронтовиков-окопников, была какая-то особенная внутренняя убежденность и своя философия жизни. Как-то Олег сказал мне, что перед смертью он попросит своих сыновей положить у гроба только одну, самую дорогую для него в жизни награду — медаль «За отвагу», полученную им за форсирование Днепра в ноябре 1943 года. Тогда, у Киева, он пережил свое второе рождение — такие были страшные бомбежки и артобстрелы. Немецкие самолеты непрерывно висели над их боевыми порядками. Вокруг бушевала смерть. Он тогда сорвал в кровь ногти, пытаясь разгрести смерзшуюся землю, чтобы как-то спрятать свое ничем не защищенное тело. Он был уверен, что спастись не удастся. Но ведь выжил!

А еще запомнился мне Олег нашими застольными песнями. Его любимой была «В полях за Вислой сонной лежат в земле сырой Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой»... Он говорил в такие минуты, что главную цель в своей жизни он видит только в одном — чтобы его сын Сергей, как в той песне, не лег бы в чужую сырую землю!.. Нет, все-таки Олег Панин был врожденным романтиком!

В этом эпизоде с медалью он чем-то напомнил мне Сашу Богомолова. Тот тоже просил на его похоронах положить на красную подушечку только одну из всех наград — медаль «За отвагу», полученную им в 1942 году за оборону Москвы.

Вот такими в моей памяти остались мои старинные друзья, солдаты Великой Отечественной — Олег Панин и Саша Богомолов.

Через год после моего приезда в Берлин в посольстве появился Олег Панин. Наша встреча с ним была искренне радостной. Вскоре он стал шефом протокола и достойно выполнял свои обязанности на этом специфически сложном участке дипломатической деятельности.

За годы моей работы в посольстве сменились три руководителя протокольной службы, отвечавшие за организацию контактов с администрацией США, Великобританией и Францией в Западном Берлине. Первым был Иван Абрамович Панасенко, выделявшийся среди всех сотрудников особо элегантным видом. Его часто можно было видеть в галстук-бабочке («кис-кис»), которых у него было, наверное, несчетное количество — так часто он их менял. До Берлина он работал в США. Об этом периоде своей жизни рассказывал с восторгом. Чувствовалось, что Америка ему нравилась более, чем Германия. Даже внешне он напоминал, особенно прической, типичного среднего американца. Протокол знал отлично. Он как-то быстро возвратился в Москву.

Его сменил Олег Сергеевич Панин. Затем я несколько лет тесно общался с третьим в моей дипломатической жизни «протоколистом» — Поликарпом Савельевичем Хрусталёвым. Ему повезло. Наступило время «наведения мостов», претворялась в жизнь «новая восточная» политика Вилли Брандта. Холодная война заканчивалась. Ее менял более хитроумный и более тонкий курс новой политики Запада. Цели, однако, оставались прежними. И этот период первых послевоенных крупных международных событий, таких как переговоры по Западному Берлину, успешно закончившихся подписанием четырехстороннего соглашения и Московского договора, пришелся на время работы «протоколита» П.С. Хрусталёва.

Но более всего в памяти моей остался Олег Панин. И не потому что мы были с ним друзьями. Его работа в переходный период нашей внешней политики была достойным вкладом, позволившим в дальнейшем успешно развивать наши контакты с представителями западной дипломатии в этом непростом регионе.

КАК СОВЕТСКИЙ ВОЕНВРАЧ-ЕВРЕЙ ПЕРЕВОСПИТАЛ УБЕЖДЕННОГО НАЦИСТА. 1958 год

Враг становится апостолом.
Из послания апостола Павла

На одном из моих первых приемов в посольстве я познакомился с заведующим протокольным отделом МИД ГДР Туном. Высокий сухопарый немец, осанка которого выдавала в нем военного в прошлом. Гладкие, тщательно зачесанные назад с ровным пробором, густо смазанные бриллиантином волосы, вытянутое остзейское лицо с тяжелым подбородком и невозмутимым выражением. «Не хватает только монокля», — подумал я. Он был намного старше меня. Мы оказались вместе рядом со столом с обильной закуской и выпивкой и непроизвольно разговорились, представившись друг другу. Может быть, слегка разогретые выпивкой, мы долго беседовали, все больше проникаясь взаимной симпатией. Тун неплохо владел разговорным русским языком, полученным им у нас в плену и во время учебы в «Антифе». Однако беседовать Тун предпочитал все же на немецком. Оказалось, он воевал в Сталинградском котле, где и был пленен. Я хорошо знал этот район военных действий в 1942–1943-х годах, и это произвело впечатление на Туна. В последующем мы еще несколько раз встречались, пока он не перешел на работу в аппарат Национал-демократической партии ГДР, членом которой он состоял с момента ее образования¹. Был я у него и дома. Он проживал в небольшой вилле в районе Панкова.

Тун оказался человеком необычной биографии. Происходил он из богатой и родовитой в прошлом семьи немецких кадровых военных. Его фамилию украшала приставка «фон», от которой он решительно избавился как убежденный патриот социалистической ГДР. Бывший старший лейтенант СС, он и в плену оставался убежденным нацистом, свято верил в гений фюрера. Известно, что из числа окруженной в Сталинграде группировки 6-й армии Паулюса в количестве более 300 тысяч человек в плену оказалось по-

¹ Национал-демократическая партия Германии (НДПГ) входила в блок других демократических партий ГДР, где руководящую роль осуществляла СЕПГ. НДПГ в основном объединяла бывших военнослужащих вермахта (преимущественно офицеров), чиновников и служащих времен нацистской Германии, интеллигенцию.

чти 90 тысяч. Практически все они были заранее обречены на смерть, так как организм большинства из них был предельно истощен многодневным голодом, холодом и болезнями. В числе выживших оказался и фон Тун. Однако летом 1943 года, находясь в лагере для военнопленных, он заболел дизентерией. Смерть в тех условиях была неминуема. А полное отсутствие необходимых именно для этого инфекционного кишечного заболевания продуктов питания медленно приближало Туна к роковому порогу. Он умирал. Его поместили в специальный барак для умирающих, а как офицеру — выделили в углу отдельную койку. Уже несколько дней в полузабытьи он находился в этом бараке, когда там появился советский военврач...

Силы почти оставили Туна. Он не мог даже приподняться. Ему и самому больше не хотелось жить. Приходя временами в сознание, он уже не взывал к Создателю и не обращал свои мысли к оставшимся в Германии жене и детям. Он давно распрощался с ними. В душе он всегда оставался верующим человеком, но, как убежденный национал-социалист, скрывал свою религиозность от товарищей по партии, дабы не показывать слабость духа своего. В его угасающем сознании все чаще и чаще появлялось что-то большое и ярко-светлое, зовущее его куда-то...

Тун с трудом разлепил веки. Над ним склонился советский военврач, на узких белого цвета погонах которого было три звездочки. Старший лейтенант медицинской службы. Как в тумане перед умирающим Туном возник апостольский лик с ярко выраженными семитскими чертами. Через толстые линзы стекол на Туна внимательно смотрели светло-серые увеличенные линзами хорошие глаза. Если бы не эти очки, наделяющие лицо современным обликом, и военная форма, Тун был бы уверен, что он уже вознесся на небо. «Апостольский лик», однако, еще ближе склонился над лежащим без движения умирающим.

— Вам нужны медикаменты и усиленное питание с одновременной строгой диетой для лечения запущенной дизентерии. Сейчас вам противопоказана грубая пища, — изрек «апостол» на понятном для любого немца идише.

Тун закрыл глаза. Ему не хотелось больше слушать этого странного еврея, явившегося ему в образе апостола Павла, который по библейскому преданию был такого же щуплого вида и с редкой растительностью на голове. Какой-то внутренний толчок заста-

вил его еще раз поднять тяжелые, как налитые свинцом, веки. Теперь он совсем близко увидел глаза врача. Они действительно лучились добром и состраданием. Врач снял с больного одеяло, покрывавшее изможденное тело. Приложил к выступающим костям грудной клетки стетоскоп и стал внимательно слушать. Потом профессионально простучал его. Также старательно пропальпировал живот Туна. Казалось, его пальцы проникали до позвоночника. Неожиданно врач сказал, чтобы Тун сегодня вечером ничего не ел, а только пил много теплой кипяченой воды, которую ему по его указанию принесет санитар. Он распорядится не давать ему положенную пищу, которую уже давно не воспринимал организм больного. У Туна не было сил что-то ответить врачу. Вскоре он вновь впал в забытье...

Рано утром этот странный военврач снова появился у постели Туна. В руках у него была неполная бутылка молока.

— Это козье молоко. Оно целебное. Мы его сейчас разбавим горячей водой, и его следует выпить в два приема с этим кусочком белого сухаря, — сказал военврач. — Вторую такую же порцию с белым сухариком я дам сегодня вечером.

Тун с помощью врача попытался сесть на кровати, но не удержался и повалился набок. Врач прислонил его спиной к стене и поднес к его губам кружку с разбавленным горячей водой молоком. Тун с наслаждением выпил. Затем врач размочил в кружке кусочки белого сухаря и извлеченной из кармана галифе завернутой в чистую тряпочку чайной ложкой медленно скормил больному образовавшуюся хлебную кашницу, заставляя его делать жевательно-глотательные движения...

Кровать Туна стояла в углу полутемного помещения, и процедуру кормления этого умирающего офицера не могли наблюдать другие тяжелобольные пленные. Туну казалось, что военврач специально прикрывает его спиной от внимания других больных. Военврач впервые за все время болезни дал Туну какие-то порошки. Уже на второй день ему стало лучше. А еще через несколько дней Тун окончательно пришел в себя. Впервые за долгие недели изнурительной болезни к нему вернулся интерес к жизни. Неужели Господь смиловился над ним?

Внимательный уход военврача продолжался ровно десять дней. Потом он больше не приносил козьего молока. Тун уже был в состоянии принимать обычную лагерную пищу...

Но что случилось с бывшим офицером СС Туном? Он больше не мог видеть в этом военвраче-иудее своего врага! Как мог он, еще не потерявший веру в Бога, сохранивший где-то в глубине своего сердца Иисуса Христа — иудея, пройдя ад Сталинградского котла, ужасы плена, когда у него на глазах умирали его вчерашние товарищи, уйти из жизни, раствориться навечно в небытии для своей семьи? Как мог он не поверить в посланного ему самой судьбой этого необычного военврача-иудея, ставшего для него спасителем и так внешне похожого на святого апостола Павла, тоже иудея? Ему не было стыдно за свою слабость, что он, немецкий офицер, дававший клятву фюреру, из рук врага своего принял спасение. Его потряс поступок этого военврача. Тун узнал, что этот военврач сам был слабого здоровья, поэтому не мог работать в армейских госпиталях. К тому же он еще и плохо видел, а в вечернее время при скудном освещении вообще терял зрение. Имел трех малолетних детей. Единственной поддержкой семье были его скудный тыловой офицерский паек и специально приобретенная для детей молочная коза. От ее «малых» надоев он ежедневно в процессе лечения выделял нужную дозу молока, а от своего пайка — особо дефицитные кусочки белого хлеба, без которого было невозможно «вытащить» больного из тяжелого состояния. Он под разными предлогами вымаливал у лагерного начальства дефицитные медикаменты для спасения немецкого офицера. Когда до сознания Туна дошло все это, психика его не выдержала. Однажды ночью он проснулся от душивших его рыданий. Чувство тихой благодати снизошло на него. Вчерашняя ненависть к этим русским, советским, прежде всего к евреям, которых он считал виновниками всех человеческих бед, выплеснулась из него вместе со слезами необъяснимой радости и умиротворения. Он проклинал свою прошлую жизнь и вождей Рейха. Как мог он, интеллигентный человек, сохранивший в сердце Веру в Него, служить дьяволу?

В ту ночь он впервые за несколько месяцев плена и тяжелой болезни заснул сном здорового физически и духовно человека. Ему казалось, он вновь родился.

Потом был другой лагерь в Красногорске под Москвой. Знаменитая «Антифа». И возвращение в новую Германию.

У него была возможность уехать на Запад, в другую Германию, если бы не было ставшей для него родной новой социалистической Германии.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА. 1958 год

Как-то, думая о разном, я вспомнил прелюбопытнейший случай, происшедший со мной в первые дни работы в советском посольстве в Берлине в августе 1958 года. Нас, молодых дипломатов, принимал один из руководителей посольства советник Николай Родионович Шелех.

Каково же было мое удивление, когда в этом советнике, разговаривающем с еле заметным мягким украинским акцентом, я узнал бывшего второго секретаря Дрогобычского обкома КПУ. Как и все, я представился Николаю Родионовичу. На лице своего нового посольского руководителя я не заметил никаких эмоций. «Не мог же он не узнать меня», — подумал я. А между тем мы были прежде знакомы. В 1953 году в управлении госбезопасности по Дрогобычской области мы вместе допрашивали арестованного бандпособника и безуспешно в течение двух дней уговаривали его оказать помощь советской власти в поимке еще скрывавшихся в подполье оуновцев.

Через несколько дней, выбрав время и оказавшись с Николаем Родионовичем один на один в его рабочем кабинете, я спросил советника:

— Николай Родионович, вы не узнали меня?

— Почему же, узнал, — ответил Шелех. — Но ведь меня никто не предупредил заранее о твоем приезде и о новом назначении в посольстве. Может быть, ты так глубоко законспирирован, что мне и знать о твоей работе не положено.

Больше мы к вопросу о работе в Западной Украине не возвращались, но отношения у нас сложились самые хорошие.

На работу в МИД Николай Родионович попал по партийному набору после окончания Высшей дипломатической школы, ныне Дипломатическая академия МИД. К сожалению, он рано ушел из жизни. Я хорошо помню его милую и симпатичную семью — интеллигентную и скромную жену, двух девочек-подростков, радовавших родителей и учителей своими знаниями и успехами в учебе и в музыкальном кружке по классу фортепьяно.

В гостях у друзей.
А.Н. Санникова,
О.С. и А.К. Панины.
Берлин, Карлсхорст
1960 год

Неделя советских фильмов в Западном Берлине в марте 1961 года.
В гостях у владельца киностудии «ССС-Фильм» Артура Браунэра.
Сидят слева направо: Владимир Браунэр – брат А. Браунэра, Алексей Сененков – атташе совпосольства в ГДР, жена Артура Браунэра, Григорий Чухрай, Николай Горбачев – представитель «Совэксспортфильма» в Западном Берлине; стоят слева направо: Юрий Кутырев – представитель «Совэксспортфильма» в Западном Берлине, Сергей Бондарчук, Ирина Скобцева, Изольда Извицкая, Алексей Давыдов – председатель Всесоюзного объединения «Союзэксспортфильм», Элина Быстрицкая, Артур Браунэр, Аллочка Сененкова.

В студии «ССС-Фильм». Слева направо: Владимир Иванов — руководитель бюро ТАСС в Западном Берлине, Мария Шелл — известная актриса театра и кино, Владимир Ивашов, Николай Горбачев, Алексей Сененков, Владимир Кукушкин — корреспондент газеты «Известия» в ГДР.
Март 1961 года

После выступления наших артистов на Гостелерадио ГДР. Слева направо: Владимир Ивашов, сотрудник посольства Ю.А. Бармичев, Элина Быстрицкая, Г.З. Санников, Петр Глебов, сотрудник Гостелерадио ГДР.
Берлин 1961 год

Посещение космонавтом №2 Германом Степановичем Титовым ГДР. Прием в посольстве. Тост за его здоровье. Слева направо: Г.С. Титов, Г.З. Санников, функционер СЕПГ Пауль Фернер. Берлин 1961 год

Во время очередного инцидента у секторальной границы на Фридрихштрассе сотрудники совпосольства, военные, пресса. Слева направо: В.Н. Белецкий, А.Я. Шатверов, В.Д. Козобродов, Г.В. Жиликов (советник-посланник), журналист Владимир Шумский. Берлин, КПП «Чекпойнт-Чарли». Октябрь 1961 год

На образцовом кукурузном поле, «дважды» продемонстрированном Н.С.Хрущеву. «Хорошая кукуруза должна быть выше Володи», — пошутил обманутый Никита Сергеевич. Слева направо: В. Ульбрихт, Вернер (Володя) Эберляйн, Н.С. Хрущев. ГДР 1962 год

Алла и Лариса Санниковы.
Берлин 1966 год

«ВОЛОСАТЫЙ» МЮЛЛЕР. 1958 год

Рабочий день давно закончился. В посольстве осталось только двое: дежурный комендант внизу, у входа, и дежурный из числа дипсостава наверху, в приемной посла. Сегодня мой черед дежурить. Ранний осенний вечер. Посол М.Г. Первухин давно поднялся в свои апартаменты. Мое дежурство заканчивается ровно в полночь. В обязанность дежурного по посольству входит в основном прием посетителей, если таковые появятся, что, впрочем, в вечернее время было крайне редко; кроме того, могли быть какие-то сообщения из Москвы. Поэтому звонок снизу от дежурного коменданта с просьбой выйти к посетителю заставил меня с большим нежеланием оторваться от какого-то чтива. Спускаюсь вниз. В холле вижу пожилого человека. Он с трудом поднимается из кресла. Ноги его явно плохо слушаются. Он делает шаг мне навстречу. Человек среднего роста, как у нас говорят, этакий кряжистый мужик. Особо выделяется большой мясистый нос «боксерской» формы. На лбу, щеке и подбородке плохо зарубцевавшиеся и явно старые шрамы (позже выяснилось, что это следы сабельных ударов, полученных на фронтах Гражданской войны в России). Крепкое рукопожатие. Моя рука тонет в его огромной ручище. Садимся. Начинается разговор, который все больше и больше увлекает меня. Слушая внимательно, рассматриваю его весьма примечательную внешность. Крупная голова, мощная шея еле угадывается, а главное — он какой-то волосатый. Такое впечатление, что он весь состоит в основном из волос. Пышная, впечатляющая кажущейся нечесанностью седеющая шевелюра. При этом возникает ощущение, что он как бы подстрижен ежиком. Волосы торчат из ушей, ноздрей, еще откуда-то сбоку, кустистые брови. Волосы выступают из-под воротника сорочки на груди, их не скрывает даже подпирющий горло плотно завязанный галстук.

«Волосатый» Мюллер, как я сразу окрестил этого немца, хорошо владеет русским. Правда, это далеко не литературный язык, пересыпанный большим количеством украинских слов, более напоминающий говорок сельского люда юга Украины. Чем дальше мне рассказывает свою одиссею Мюллер, тем больше я проникаюсь симпатией к этому внешне грубому, как и его речь, человеку. Он поведал интереснейшую историю. Бывший горняк, шахтер.

Еще в кайзеровской Германии, спустившись впервые в шахту в 15 лет, он вырос от простого шахтера-проходчика до маркшейдера¹.

В Первую мировую в 1916 году он в кавалерийской атаке в бою с казаками был ранен и попал в русский плен. В лагере военнопленных в Сибири стал большевиком.

Потом была Гражданская. Воевал на юге Украины, где вскоре стал комиссаром Мелитопольского кавалерийского полка. Дрался под Каховкой, брал Перекоп. Несколько раз был ранен. За Гражданскую войну был награжден орденом Красного Знамени. Демобилизовался в 1922 году. Работал на шахтах Донбасса. В начале 30-х его перевели на работу в Киев, где он вырос до заместителя наркома угольной промышленности Украины. Арест в 1937 году по обвинению в троцкизме. Тюрма, лагеря, в которых погиб его сын. Он с женой выжил. В 1954 году реабилитирован и вместе с женой вернулся в Германию. Конечно же в ГДР. Восстановлен в партии. Рассказав все это, «волосатый» Мюллер обратился с просьбой решить, как он выразился, очень деликатный вопрос. Это якобы была его единственная просьба за все годы жизни в России, службы в Красной армии и работы в Советском Союзе: помочь приобрести легковой автомобиль «москвич».

— Мы с женой два старых и больных человека. Я хожу с трудом, жена вообще еле передвигается. Что нам осталось жить, хотя я еще крепок и чувствую себя хорошо? При аресте у меня были конфискованы по тем временам, наверное, хорошие, дорогие вещи. Мебель, ковры, несколько картин, посуда, ну и всякое другое, в общем-то, ценное барахло (он так и сказал — «барахло»). По закону, — продолжал старик, — я имею право получить компенсацию, как мне было объявлено в ЦК КПСС при моем отъезде в ГДР. Я там, в Москве, сказал и сейчас говорю вам: мне ничего не надо компенсировать. Ходить мне тяжело стало. Подарите «москвич». У нас в ГДР купить легковую автомашину невозможно. Стоять в очереди на авто надо много лет. Не доживу. Конфискованные при аресте вещи стоят во много раз больше, чем «москвич». Если не получится, тоже в обиде не буду, — закончил Мюллер.

Рассказ старика — «волосатого» Мюллера — тронул и взволновал меня. Утром я все доложил послу. Михаил Георгиевич принял в решении этого вопроса самое горячее участие, дав мне соот-

¹ Маркшейдер — мастер в горном производстве.

ветствующее поручение и указание. Сделанный запрос через МИД подтвердил историю Мюллера. Через пару месяцев счастливый обладатель новенького «москвича» подъехал к зданию советского посольства. Поддерживая еле передвигающуюся жену, Мюллер вновь встретился со мной, передал благодарственное письмо нашему послу Первухину. Позже я получил по почте еще одно благодарственное письмо трогательного содержания в мой адрес с фотокарточкой этих милых стариков на фоне нашего «москвича». К сожалению, эти дорогие для меня реликвии, долго лежавшие в моем архиве, ныне утрачены. Такая вот история с легендарным героем Гражданской войны, завоевывавшим Советскую власть за тысячи километров от своей родины — Германии.

ДЫРКА В ГАЗЕТЕ, ИЛИ У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ... 1959 год

В один из поздних осенних вечеров я возвращался городской электричкой из отдаленной части Западного Берлина к себе домой. Несмотря на усталость и наваливающую дремоту (следствие напряженного дня), настроение у меня было приподнятое. Встреча с одним из моих знакомых в Западном Берлине (мы их называли оперативными контактами) прошла успешно. Я получил наверняка представляющую для Центра интересную информацию и, закрыв глаза и подремывая, прокручивал в голове детали беседы, выделяя еще раз наиболее важные, которые завтра перенесу на бумагу для доклада начальству.

На душе у меня было спокойно. Проверка по заранее подобранному маршруту возможное наружное наблюдение не выявила. Я был «чист» и также уверен, что и мой контакт пришел на встречу без «хвоста». Мы уже договорились с ним заранее, что наши «свидания» лучше всего проводить без огласки среди своего окружения и знакомых. Мало ли что они могут подумать. Лучше обойтись без лишних неприятностей, так будет спокойней и ему и мне. Он принял с пониманием эти правила игры, и последние несколько встреч проходили как бы конспиративно. Этот человек еще не был привлечен к сотрудничеству с нами на агентурной основе. Мы пока не видели в этом необходимости, да и вряд ли нужно было в будущем переходить на более строгие отношения с ним.

Временами я на очередной остановке открывал глаза, фиксируя название станций. По мере приближения к Восточному Берлину людей в вагоне становилось все меньше. Вдруг я как бы почувствовал на себе чей-то взгляд. Сидевший на отдалении прямо передо мной человек читал газету, развернув ее пред собой и скрыв тем самым весь свой облик. Но что это?! В газете на уровне головы через сделанное небольшого диаметра круглое отверстие я увидел самый настоящий человеческий глаз. Все во мне обмерло. Нет, я не то чтобы испугался. Хотя холодок и пробежал по моей спине. Даже если за мной велось наблюдение и я его не заметил, при мне не было никаких компрометирующих нашу встречу документов, кроме дипломатического паспорта, небольшой суммы денег, записной книжки, из которой противник в случае моего задержания не сможет выявить ничего неприятного для меня и Службы. Но где я допустил промажку? Жаль было терять только что наладившийся интересный оперативный контакт. Ну и, разумеется, был бы неприятный разговор с начальством за этот промах в работе. Неужели мой знакомый привел за собой «хвост»? А может быть, он сам был в разработке у противника? И им заинтересовалось Ведомство по охране конституции?¹ А глаз продолжал бесстрастно сверлить меня. «Вот гад, — думал я. — Небось, уверен, что я его не вижу. Сволочь! Ничего. Все-таки я тебя сам выявил».

Я широко зевнул и, сделав равнодушное лицо, стал смотреть на мелькавшие за окнами яркие огни города. Медленно повернул голову в сторону окон на противоположной стене вагона, боковым зрением зафиксировав по-прежнему наблюдавший за мной глаз. Следующая станция — моя. Я медленно приподнялся с места, подошел к двери выхода, ожидая, когда она откроется. Вышел на перрон и направился в сторону вокзала. Слегка повернул голову к уже отходящему поезду. За моей спиной, широко улыбаясь и скорчив уморительную рожу, стоял мой коллега и добрый товарищ Володька Ю., мастер розыгрышей, великолепнейший рассказчик, выдумщик всяких смешных и остроумных историй, весельчак и беззлобный насмешник. Кстати, все это ему не мешало, а только способствовало и успешной работе, и быстрому продвижению по службе. «Ну что, старик, здорово я тебя разыграл? —

¹ Ведомство по охране конституции — контрразведка в ФРГ.

сказал он, хлопнув меня по плечу. — А ты, я это почувствовал, тоже увидел, что за тобой наблюдают, а не испугался, вел себя естественно. Молодец!»

Посмеялись оба, но я честно сказал ему, что так и не догадался, что меня кто-то разыгрывает. И было не очень-то приятно видеть чей-то глаз через отверстие в газете. Да и страх хоть и небольшой, а был. Затем мы «запили» этот вопрос парой кружек пива в вокзальном ресторанчике и дружно пошагали домой. Все же договорились об этой шутке никому не рассказывать.

Ей-богу, рассказываю об этом комичном и в то же время заставившем меня изрядно переволноваться эпизоде впервые.

«НА ЭТИХ КОЗЛАХ-ТОПЧАНЕ ОНИ ХОТЕЛИ ЗАПОРОТЬ МЕНЯ НАСМЕРТЬ». 1959 год

26 марта 2008 года. 10:30 утра. Не помню, по какому каналу шла передача. На экране телевизора появилось знакомое лицо. Летчик-истребитель Девятаев Михаил Петрович. Звание Героя Советского Союза он получил лишь после войны, в 1957 году, хотя до того самого страшного в его жизни дня лета 1944 года, когда он раненым, потеряв сознание, попал к немцам в плен, успел в воздушных боях лично сбить девять самолетов противника и совершить 180 боевых вылетов. Могучий организм выдержал. Он выжил...

Телекамера показывает то место, где в начале 1945 года на еще занятой немцами территории находился аэродром, с которого безымянный заключенный, обозначенный лагерным номером, сумел поднять в воздух тяжелый бомбардировщик He-111 («хейнкель») и улететь к своим, прихватив еще девять беглецов — собратьев по плену. Посланный вдогонку «мессершмитт» все же настиг He-111, обстреляв бомбардировщик за те оставшиеся доли секунды до исчезновения самолета в спасительной облачности. Немецкий летчик был уверен, что, судя по трассам снарядов и пуль, его очереди попали в цель и самолет должен был после удачной атаки рухнуть в море. Так он и доложил по возвращении на аэродром.

Вездесущим журналистам удалось разыскать немецкого пилота. Гюнтер Хоман...

Незадолго до этой телепередачи оба пилота встретились в Германии, в Панемюнде. Два бывших врага обнялись и по традиции бывших фронтовиков выпили за эту счастливую для обоих встречу. Было за что. Оба остались живы после страшной войны...

В памяти всплыл тот далекий день, когда судьба подарила мне встречу с этим знаменитым героем Великой Отечественной...

Посол М.Г. Первухин поручил мне сопровождать Михаила Петровича во время его несколькихдневного пребывания в ГДР. Он — гость Общества германо-советской дружбы (ОГСД). Программа обширна. Здесь и встреча с коллективом одного из заводов, посещение немецкой воинской части, еще целый ряд мероприятий. Неожиданно Михаил Петрович просит организовать поездку в музей бывшего концентрационного лагеря в Заксенхаузене. Это недалеко от Берлина. Именно в этот лагерь его привезли после побега из концлагеря на территории Польши. Поймавшие беглецов охранники зверски избили его, а напарника до смерти порвали овчарки. Едем. На Михаиле Петровиче скромного темно-синего цвета форменный морской китель. На груди только одна награда — Золотая Звезда Героя. Такая же форменная капитанская морская фуражка, но с эмблемой речника. Девятаев — первый капитан первого в Советском Союзе пассажирского судна на подводных крыльях будущей серии «Ракета». Говорит, что чувствует себя за штурвалом этого сверхбыстроходного судна, как когда-то за штурвалом самолета. Осматриваем музей. Девятаев просит показать ему то помещение, где пытали и били провинившихся заключенных. Небольшая комната. Посередине — высокий толстый деревянный столб с двумя крюками наверху. У стен два из толстых досок, отшлифованных телами несчастных, козла-топчана. Над одним из этих низких топчанов, высота которых рассчитана на более сильный удар бича, расположены вдоль стены темного цвета кожаные бичи. Девятаев просит сопровождавшую нас смотрительницу музея оставить нас вдвоем. Молодая женщина с двумя значками на груди — члена СЕПГ и ОГСД, изобразив вежливую улыбку, выходит из этой страшной комнаты.

— Вот здесь, на этом козле-топчане надсмотрщики из числа наших русских предателей били меня с таким остервенением и злобой, что явно хотели запороть насмерть. Охранники-немцы тоже присутствовали при этих экзекуциях. За побег полагалось

такое количество плетей, что редко кто выдерживал. Я выжил. Еще на топчане от боли вскоре потерял сознание. Ведь били не разбираясь, попадая на раны от собачьих клыков. Потом в бараке меня несколько дней выхаживали товарищи. Оклемался. Поднялся на ноги. Снова погнали на тяжелые работы. Мне потом товарищи по плену объяснили, почему порка бичом была такой страшной. Это не просто плеть. Это именно бич. Оказывается, в немецких концлагерях использовались плети-бичи такой формы и выделки, как в рабовладельческом Риме более двух тысяч лет тому назад. Удары такого бича были самые болезненные. Эти бичи изготавливались в Германии, как и в Древнем Риме, исключительно из бычьих членов, — закончил он свое жуткое повествование.

Я был ошеломлен рассказом Михаила Петровича.

— Но самое страшное, — вновь заговорил Девятаев, — ожидало меня на Родине. Никто мне не верил, что я, изможденный на каторжных работах военнопленный летчик-истребитель, смог поднять никогда не бывавшую в моих руках такую тяжелую машину, как He-111. Каждый авиатор знает, что самое сложное — это взлет и посадка. Как ни старался я доказать, что много раз смотрел на действия немецких пилотов, запускавших двигатели для прогрева или готовивших самолет к пробежке. Тогда у немцев я молил Господа Бога только об одном, чтобы встречный ветер с моря был посильнее. Ведь взлетная полоса обрывалась у самой кромки воды. Чтобы баки были полные. Но у немцев с этим был порядок. Самолеты снаряжались бомбовой нагрузкой у начала взлетной полосы перед вылетом. Должен сказать, что большинство немецких экипажей относились к нам, военнопленным, без особой злобы. Некоторые даже давали нам иногда куски хлеба, оставшегося у них от обеда. Помню, как однажды один из офицеров-пилотов дал мне плитку шоколада. В страшных муках я выдержал и не съел эту плитку, планируя поддержать себя перед тем, как занять место в кабине и начать разбег. Мне позже рассказывали, что мое дело докладывали самому Берии. Наши авиационные эксперты якобы дали ему такое заключение, что не смог бы я без обучения поднять в воздух такой бомбардировщик. Но ведь взлетел же! К счастью, дул приличный встречный ветер и я смог оторвать машину от земли на последних метрах взлетной полосы уже у самой воды. Да и облачность помогла уйти от истребителя. Ког-

да я приземлился на «брюхо» на старом картофельном поле на виду у двигавшихся по дороге наших войск, я насчитал на фюзеляже несколько пулевых пробоин. К счастью, в самолет не попал ни один пушечный снаряд. В общем, долго меня мурьжили. Посидел я и в нашем лагере...

ВСТРЕЧА НИКИТЫ ХРУЩЁВА И ЭРИХА ОЛЛЕНХАУЭРА В СОВЕТСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ В БЕРЛИНЕ.

Май 1959 года

(продолжение рассказа Александра Богомолова)

Встреча Н.С. Хрущёва с Э. Олленхауэром была не обычной встречей двух лидеров крупнейших политических партий, духовные истоки которых имеют общие исторические корни. Хрущёв, руководитель великой державы, не посчитал зазорным встретиться в Берлине с лидером Социал-демократической партии ФРГ, находившейся к тому же в то время в оппозиции.

Конфиденциальный характер встречи не позволял при ее организации советским представителям в Берлине вступать в какие-либо контакты как с официальными властями сената или правлением СДП Западного Берлина, так и с соответствующими органами ГДР...

Май в Берлине, как правило, всегда солнечный и теплый. Свежая ярко-зеленая листва только-только начинает входить в летнюю силу, и это придает городу особый колорит...

Посольство напряженно работает — в Берлине начинается визит советско-партийной делегации, возглавляемой самим Никитой Хрущёвым. Как говорили посольские шутники в такие дни особой ответственности и напряжения, все стояли на ушах!

В первый же день своего визита в Республику Хрущёв поинтересовался у посла Первухина, можно ли узнать, где сейчас находится председатель Социал-демократической партии Германии Эрих Олленхауэр, с которым он хотел бы встретиться как с лидером социал-демократов.

Позже посол рассказывал, что это решение Хрущёва было, по всей вероятности, спонтанным. Лишь в ходе визита немецкие товарищи в ГДР узнали от самого Хрущёва о встрече в посольстве. Я не знаю реакции первого секретаря ЦК СЕПГ Вальтера Ульбрихта,

но уверен, что эта импровизация ему вряд ли могла понравиться. Подобными неожиданностями Хрущёв неоднократно удивлял свое близкое окружение. Решал сам. Вопросов задавать первому лицу государства не полагалось.

Как рассказывал автору участник этих событий Валентин Козобродов, тогда атташе посольства, неожиданный вызов к шефу — советнику посольства Григорию Ивановичу Славину его не удивил. Григорий Иванович часто поручал ему выполнение различных заданий в Западном Берлине. В кабинете у Славина был и его заместитель — первый секретарь посольства Борис Яковлевич Михайлов. Как показалось Козобродову, его руководители, опытные германисты и специалисты своего дела, были чем-то взволнованы. Его догадка сразу же нашла свое объяснение. Славину было поручено разыскать в Западном Берлине Олленхауэра и договориться с ним о неофициальной встрече с Хрущёвым в советском посольстве. Не было только данных, где он будет находиться в Западном Берлине. Славин был знаком с Олленхауэром и, работая в прошлом в Бонне, неоднократно встречался с ним там, в том числе и на личной основе. Козобродову поручалось срочно выехать в Западный Берлин и выяснить, где находится Олленхауэр. Задача, похожая на поиски иголки в стоге сена.

Никто в посольстве, кроме узкого круга посвященных, не знал ни о подготовке этой встречи, ни о самой встрече, ни о ее характере и содержании бесед.

Валентин начал поиск с просмотра утренней западноберлинской прессы, в которой, к сожалению, не было никаких упоминаний о пребывании Олленхауэра в Западном Берлине. Его внимание привлекло, однако, короткое объявление в еженедельном партийном вестнике СДП Западного Берлина о намечаемом на эти дни в Конгресс-халле¹ международной конференции европейских социал-демократических женских организаций. При отсутствии другой информации это стало основной зацепкой для поиска Олленхауэра в Западном Берлине. На свой страх и риск Валентин сразу же отправился туда, благо это заняло не более 10 минут езды

¹ Конгресс-халле — одно из первых общественных зданий, построенных в Западном Берлине после войны, в 1958 г. За причудливую форму крыши в виде раскрытых створок устрицы строители прозвали его «бетонной устрицей», а острые на язык берлинцы — «беременной устрицей».

от посольства напрямую через Бранденбургские ворота... Его маленький серого цвета «фольксваген»-жук¹ ничем не выделялся в потоке машин.

При входе в Конгресс-халле он назвал себя финским журналистом и получил в пресс-бюро материалы по работе конференции. Однако ни в буклетах, ни в графике работы конференции не упоминалось о выступлении Олленхауэра. Потолкавшись среди журналистов, Валентин выяснил, однако, что Олленхауэр должен был обязательно появиться сегодня же, но чуть позже, где-то в полдень. Он срочно возвращается в посольство и сразу же после доклада о результатах поездки вместе со Славиным вновь отправляется в Западный Берлин на своем «жуке». Валентин остается в машине на парковке, а Славин с пресс-папкой Валентина проходит в здание Конгресс-халле. Возвращается буквально через полчаса радостный и довольный: ему удалось встретиться с Олленхауэром в кулуарах конференции, и они договорились о времени его встречи с Хрущёвым на следующий день в советском посольстве.

Чтобы избежать возможных дорожных и временных неожиданностей в день доставки Олленхауэра в посольство, Славин тут же поручил Козобродову вместе с оперативным водителем тщательно проработать маршрут и график движения от места его проживания в гостинице «Отель ам Цоо» в Западном Берлине до посольства. В этом вопросе Валентину отводилась своего рода роль штурмана.

На следующий день в точно назначенное время черный «мерседес», в котором находились Славин, Олленхауэр и Козобродов, подъехал к парадному входу советского посольства. Во втором «мерседесе» следовал представитель-спикер СДПГ Франц Барзиг². Но была еще и третья машина, следовавшая за первыми двумя. И тоже черный «мерседес». Из нее вышел мужчина средних лет с ярко-желтым портфелем, такого же цвета рыжими волосами и проследовал за приехавшими. Наверняка, желая подчеркнуть значимость этой встречи, высокого гостя в вестибюле приветствовал сам Никита Сергеевич Хрущёв. Затем после короткого разговора

¹ Так еще до войны немцы прозвали этот «семейный» автомобильчик за его форму, напоминающую майского жука.

² Ф. Барзиг — известный социал-демократ. В середине 1960-х был направлен В. Брандтом в Западный Берлин, где с целью укрепления позиций СДПГ стал интендантом (директором) радиостанции «Свободный Берлин».

и знакомства все поднялись по парадной лестнице в купольный зал, через него в зеркальный зал и очутились в небольшой комнате, известной в посольстве как «дамский салон», где, собственно, и произошла эта историческая встреча.

Славин дал команду Козобродову «взять на себя» Барзига и все время встречи находится в зеркальном зале и занимать гостя беседой на любые темы. Валентин выбрал рассказ о постройке здания совпосольства и его отдельных помещениях. Так, например, Валентин обратил внимание гостя на то, что часть отделочного камня мрамора и гранита фасада здания была взята из сохранившихся стен рейхсканцелярии Гитлера. Были использованы сохранившиеся бронзовые светильники из той же канцелярии и т.п.

Не успели Козобродов и Барзиг углубиться в историю постройки здания посольства, как плотно закрытая дверь «дамского салона» открылась и из нее вышли сотрудник посольства Сергей Иванович Тарасенко, приехавший в третьем «мерседесе» незванный гость и, с раскрасневшимся от возмущения лицом и редко приходивший в подобное состояние, Славин. Как выяснилось, рыжий немец вместе со всеми сумел пройти в «дамский салон», и, когда участники встречи стали занимать свои места (Хрущёв, Олленхауэр, посол Первухин, советник Славин и переводчик Богомолов), Григорий Иванович подошел к рыжему и спросил его шепотом:

— Вы кто? Вы вместе с господином Олленхауэром? Вы его сотрудник?

— Нет, — ответил рыжий. — Я журналист, работаю в «Шпигеле».

— Зачем вы здесь и как вы попали в посольство?

— Я ехал за вашими машинами и таким образом подъехал к посольству, оставил машину внизу и проследовал за всеми в здание посольства.

— Немедленно покиньте помещение! К выходу вас проводит наш сотрудник.

На прощание Славин сказал журналисту:

— Если хоть одна некорректная заметка, даже строчка появится в вашем журнале, доступ сотрудникам «Шпигеля» в наше посольство будет закрыт навечно.

Журналист дал слово и сдержал его. «Шпигель» о встрече публикаций не помещал.

Встреча Хрущёва с Олленхауэром закончилась через полтора часа. Как утверждал Валентин Козобродов, участники покинули

«дамский салон» с веселыми лицами и без маски некоторого напряжения, которое наблюдалось у Эриха Олленхауэра в начале встречи. Остался доволен и Франц Барзиг.

Спустя годы, став руководителем радиостанции «Свободный Берлин», он продолжил контакты с советским посольством, в частности с автором этих строк и Валентином Козобродовым.

ДЕЛО МАСТЕРА БОИТСЯ, ИЛИ МАСТЕРСТВО НЕ ПРОПЬЕШЬ. 1959 год

Знойное берлинское лето. Солнце еще высоко, жара пока не спала, а рабочий день закончился. Сотрудники посольства, притомившиеся после рабочей недели, морально готовятся к отдыху. Все спешат домой — в Карлсхорст. Скоро автобус вывезет их с семьями, то есть с женами и детьми, в посольский дом отдыха, что под Берлином, на берегу большого озера — Цойтензее. Нам с Богомоловым спешить особо некуда. Завтра должна состояться давно запланированная и неоднократно срывавшаяся из-за рабочих дел рыбалка. Саша предпочитает рыбалку со спиннингом. Это более спортивно да и нагрузка приличная. Походи-ка несколько километров вдоль берега да побросай-ка несколько часов кряду спиннинг! Но в летнее время, тем более в жару, и щука, и окунь, и судак плохо реагируют на блесну и даже приличного живца. Поэтому было решено поехать «на карпа». Места для этого у нас старые, проверенные.

Берлин постепенно пустеет. Все стремятся как можно скорее покинуть жаркий город и провести время где-нибудь на берегу многочисленных, особенно в этой части Германии, озер и каналов, укрывшись в тени деревьев.

Забежав домой, я переоделся и поспешил к Богомоловым, квартира которых была в доме напротив нашего, известном в советской колонии под именем «утюг».. Мы должны были с Сашей подготовить снасти для завтрашней рыбалки. Карп требует особого подхода.

Саша был один. Нина вместе с сыном Никитой уехала посольским автобусом в Цойтен. Рыбак-профессионал, иначе его не назовешь, мастер своего увлечения, Александр Яковлевич Богомоллов с помощью не очень сведущего и способного подмастерья, то

есть меня, быстро отобрал и просмотрел нужную «под карпа» снасть. В конце наших сборов в прихожей раздался звонок.

— Кто-то чужой, — определил Богомолов. — Звонит робко.

Саша открыл дверь, и мы увидели немца. Это легко определить еще до того, как человек начнет издавать речевые звуки. Лет тридцати пяти, с добрым лицом и застенчивой улыбкой¹. Немец поздоровался. Саша ему ответил.

— Прошу извинить меня за беспокойство, но у меня несколько необычная просьба, — начал вежливый (они почти все вежливые и воспитанные, во всяком случае внешне) немец. — Дело в том, что почти все дома в этом районе не пострадали во время войны. В этой части города почти не было уличных боев. А в вашем доме даже черепица на крыше старая осталась.

— Ну и что? — с такой же ласковой улыбкой и так же вежливо, в тон все еще стоявшему на лестничной клетке немцу ответил Саша. — Вы, наверное, все-таки ошиблись. Я не совсем понимаю, что вам нужно от нас. Все-таки вы ошиблись квартирой.

— Нет-нет, — более настойчиво возразил немец. — Меня интересует именно ваша квартира.

Саша недоуменно посмотрел на немца и все же сделал приглашающий жест рукой, затем вежливо, как это и положено, во всяком случае у немцев, произнес:

— Ну что же, проходите, если вы действительно в чем-то уверены.

— Я могу к вам обращаться «товарищ»? Я — коммунист.

— Валяйте, — уже предчувствуя что-то необычное и наверняка веселое, ответил Саша.

— В 1938 году здесь было построено несколько десятков многоквартирных домов. Полы жилых комнат в некоторых домах имели паркетное покрытие. Тогда я еще совсем молодым парнем работал подмастерьем у известного паркетчика и матера высокого класса.

И немец торжественно произнес, указав при этом рукой в дальний угол комнаты, видневшейся через открытую дверь:

¹ В те годы для проведения хозяйственных работ, уборки улиц и т.п. советской администрацией привлекались граждане ГДР, которые проходили специальную проверку при приеме и получали специальный пропуск для прохода в район, где размещались жилые дома советских граждан и некоторые советские учреждения.

— Вон в том углу, где стоит швейная ножная машинка, в пятнадцати сантиметрах от плинтуса должна быть отметина моей профессиональной печати паркетчика. Если она сохранилась, то и пол не менялся и не ремонтировался.

Он извлек из висевшей у него через плечо брезентовой сумки металлическую печать и протянул ее нам, слегка изумленным русским. На бронзовой солидной и массивной печати с длинной деревянной ручкой четко значилось имя мастера-паркетчика.

— Я пять лет был подмастерьем. И тот день, когда я сдал экзамен и сам положил свой первый паркет, был самым счастливым днем в моей рабочей жизни.

Мы вместе с немцем молча вошли в комнату, отодвинули в сторону привезенную из Москвы Богомолковыми старую, но абсолютно надежную швейную машинку немецкой фирмы «Зингер», отвернули покрывавший пол ковер.

Немец опустил на колени, каким-то инструментом-скребочком несколькими ловкими движениями руки убрал въевшийся за много лет налет и, обратив к нам сияющее лицо, почти прокричал:

— Смотрите, смотрите, какой идеально сохранившийся пол! Это моя работа!

Он попросил разрешить ему освободить от ковра еще большую площадь пола. Вновь опустил на колени. Мы изумленно смотрели на него. Он медленно полз на коленях, подняв вверх лицо с закрытыми глазами, все черты которого излучали радость и удовлетворение. Рот его приоткрылся. До нас донеслось четко различимое бормотание:

— Великолепно! Изумительно! Превосходно! То что надо! Отличная работа! Паркет так хорошо сохранился. Здесь ни разу не было ремонта. А по нему хорошо помаршировали.

Это продолжалось добрых две-три минуты. Он был похож на безумного, занимающегося каким-то колдовством с причитанием заклинаний.

Но вот он прекратил свое движение на коленях по полу, открыл глаза. Лицо его приняло смущенный вид. Он поднялся с колен и вновь начал извиняться. Мы были потрясены увиденным. Наверное, наши серьезные лица несколько успокоили его. Он стал откланиваться. И тут Богомоллов проявил всю широту своей русской души, заявив немцу, что он не отпустит его, не разделив его

профессиональной радости, что по русскому и рабочему обычаю это следует обязательно празднично отметить.

Кстати, после многословной тирады Саши немец как-то недоуменно-вопросительно посмотрел на него и вдруг заявил:

— Но вы-то наверняка не русский, а немец. Мало того что вы говорите без акцента, но еще и как истинный берлинец.

Мы не стали переубеждать понравившегося нам такого симпатичного немца, влюбленного, как и подавляющее большинство немецких, именно немецких, мастеров в свою профессию, свою работу. Быстро «сообразили» выпивку и закуску, уютно устроились по русскому обычаю на кухне и дружно выпили за советско-германскую дружбу.

«ПРИДЕТ ВРЕМЯ, И ВСЕМ ПАВШИМ В СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ ПОСТАВЯТ ПАМЯТНИК». 1959 год

В Дрездене шел съезд ХДС (ГДР). По посольской работе я был знаком с руководством этой партии, неоднократно встречался с такими значимыми функционерами, как Геральд Гёттинг, Макс Зефрин.

Вместе с первым секретарем посольства Борисом Червовым я, тогда начинающий атташе, был гостем этого политического форума. Присутствовало много иностранных гостей, священнослужителей многочисленных христианских объединений и общин. Среди разнообразной церковной публики выделялись своим облачением отец Борис, представлявший Московский патриархат в Германии, и отец Дионисий — в миру Зернов Михаил Викентьевич — благочинный в Берлине. Много пишущей братии — журналистов и корреспондентов различных газет и журналов.

За нашим столиком во время ужина оказался корреспондент западногерманской газеты «Ди Вельт» («Die Welt»), Георг Ш. Я забыл его фамилию, а визитка не сохранилась. Помню, что фамилия начиналась именно с этой буквы, что-то похожее на Georg Schneider (Шнайдер). Пожилой человек, переживший две мировые войны, автор ряда интересных очерков и статей. Он недавно вернулся из служебной поездки в Советский Союз, где посетил несколько городов, в том числе Сталинград, и уже поделился впе-

чатлениями с читателями своей газеты. В беседе со мной он откровенно высказал свое непонимание по поводу отсутствия в Сталинграде памятника погибшим там немецким солдатам. Так, он сказал, что насчитал в Сталинграде более 150 памятников павшим бойцам и командирам Красной армии и не смог обнаружить памятника немецким солдатам. Теперь был вынужден изумляться я. Мне пришлось повторить ему известные истины, что именно в этом городе в самом ожесточенном и значимом сражении Второй мировой войны решалась судьба жизни и смерти нашего государства. С потерей Сталинграда мы лишались бы жизненно важной для нашей страны артерии — реки Волги, по которой шло снабжение горючим и нефтью. Кроме того, ожидавшие победы немцев на Волге Турция и Япония немедленно бы вступили в войну с Советским Союзом на стороне нацистской Германии. В политических дискуссиях иногда создаются ситуации, при которых следует быть жестким и бескомпромиссным. Это был именно тот случай.

— Ваше поражение под Москвой, — и тут я процитировал слова нашего главковерха Сталина, — «развело миф о непобедимости немецкой армии». Заметьте, господин Ш., впервые после побед гитлеровской Германии в ходе Второй мировой войны, начавшейся нападением на Польшу 1 сентября 1939 года. Мало вам было этого урока? Мы разгромили лучшую армию Германии под Сталинградом, одних пленных было почти 100 тысяч, в том числе 22 генерала. Этого тоже было мало? А между тем материальные, а главное, духовные потери гитлеровского режима были настолько велики, что Германия до конца войны так и не смогла оправиться. И еще. В 1943 году наша военная промышленность превзошла промышленность Германии по всем видам вооружений. А самое главное, из чего мы оба, ведущие этот диалог, должны исходить, — кто начал войну, да еще самую разбойничью, коварную, захватническую, имея только одну цель: уничтожить не только Советский Союз как государство, но и его население. И не только евреев, славян тоже. Превратить нас всех в сырьевой придаток, в рабов. Вот почему вы проиграли войну. Вас к нам никто не звал. Вы ворвались в наш дом. Так какой же памятник, каким павшим вы хотите иметь в Сталинграде?

Немецкий собеседник, как мне показалось, был обескуражен моей, может быть, чрезмерно эмоциональной реакцией на его

Интервью западногерманскому журналу «Штерн» в связи с падением военного самолета ЯК-28 на территорию Западного Берлина. Слева направо: Георгий Санников (второй), пресс-атташе посольства Юрий Жаров (пятый), генерал Василий Сидоренков, руководитель западноберлинской группы посольства Виктор Белецкий, Эгон Вацек («Штерн»).
Западный Берлин, Бюро АПН 16 апреля 1966 года

Прием в посольстве. «Три грации». Слева направо: Алла Санникова, Соня Мебель, Эрика Эберляйн. Крайний слева - Мориц Мебель.
Берлин 1966 год

Семейная немецкая подруга Санниковых — Ингрид Штенцель с сыном Матиасом. Рядом Г. Санников с дочерью Ларисой.

«Мирное сосуществование». Председатель партии Свободных демократов ФРГ Эрих Менде берет с тарелки советского дипломата кусок паштета из дичи. («Шпигель» от 10.08.1967 года). Г.З. Санников и Эрих Менде. Западный Берлин, «Европа-Центр» 1967 год

Западные журналисты на приеме в советском посольстве по случаю Октябрьских торжеств. Опубликованная после этого статья в «Штерне» – «Уверенно на русском паркете» – понравилась Вальтеру Ульбрихту. Слева направо: Г.З. Санников, Зепп Эбельзедер (бюро «Штерн» в Западном Берлине), В.Н. Белецкий, посол П.А. Абраимов. Берлин, Унтер-ден-Линден 7 ноября 1967 года

Один из многочисленных знакомых западноберлинских журналистов Улли, более известный как диктор на радио под именем Сэм Йензен. Западный Берлин 1968 год

Виталий Коротков в «первом гражданском костюме», сшитом у лучшего портного Вены. Австрия, Вена 1946 год

Советские дипломаты в Вене. Слева направо: миссис Стирман — жена представителя США в Подкомитете прессы и зрелищных предприятий Союзнической комиссии по Австрии, Виталий Коротков — представитель Советского Союза в Подкомитете прессы и зрелищных предприятий Союзнической комиссии по Австрии, мистер Стирман, Угрюмов — сотрудник Союзнической комиссии по Австрии, жена В. Короткова — Анна. На приеме по случаю национального праздника Франции — 14 июля. Австрия, Вена 1954 год

вопрос... Глядя на примолкнувшего пожилого журналиста, я добавил:

— Не надо забывать, что именно советская сторона словами Сталина заявила решительное «нет» предложению министра финансов США Моргентгау на Подстадамской конференции — уничтожить Германию как географическое понятие, превратив ее территорию в картофельное поле. Именно тогда прозвучали слова Сталина: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается».

От себя я добавил, что народ не может быть виновным в содеянном его правителями, хотя в определенной степени у таких народов всегда остается на долгие времена чувство вины. Я уверен, что придет время и всем павшим во время Второй мировой войны на советской земле будет воздвигнут памятник. Надо иметь историческое терпение, ведь только спустя 100 лет после вторжения «великой» армии Наполеона в Россию в 1812 году царское правительство в 1912 году поставило памятник французам на известном всему миру Бородинском поле. Ведь французы тоже были захватчиками, грабили и оскорбляли наши православные храмы, пытались взорвать нашу святыню — Московский Кремль.

Мой оппонент все-таки остался при своем мнении, утверждая, что сейчас наступил цивилизованный век. Мир извлек уроки из горького прошлого, уничтожил фашизм, а поэтому следует как можно скорее исцелять духовные раны всех пострадавших в прошлой войне. Расстались мы по-мирному. Статья Георга Ш. в его газете о состоявшемся съезде ХДС (ГДР) была в общем объективной и положительной. Это уже радовало.

СОВЕТЫ РЫБОЛОВА БОГОМОЛОВА — КАК СЛЕДУЕТ ЛОВИТЬ ЛЕЩА. 1959 год

В октябре 1999 года я зашел к приболевшему другу Саше Богомолу. Нина и Александр Богомолы всегда были радушными хозяевами. Нина быстренько «собрала» стол. Мы уютно устроились, приняли немножко «для сугреву» и углубились в приятные для гостя и хозяев воспоминания. Конечно же, как всегда при подобных встречах, речь зашла об общих по работе в прошлом товарищах и друзьях по Берлину, известных нам памятных и прочих запомнившихся своей необычностью событиях. Я попросил Сашу

рассказать что-нибудь особо запомнившееся ему об Александре Михайловиче Короткове¹.

Генерал Коротков и Богомолов хорошо знали друг друга по послевоенным годам жизни в Германии. Встречались они довольно часто и на теннисном корте.

Неожиданно Саша рассказал историю, случившуюся с ним в один из воскресных дней в конце лета 1959 года. Рассказ Александра был настолько примечательным, что я попросил «положить» его кратко на бумагу, что он и исполнил в течение нескольких минут.

Привожу эту необычную историю практически дословно:

«Мы с женой зашли в гости к нашим друзьям — Наташе и Юре Александровым². Кто-то из гостей уже был там, и за столом оказалось человек семь. Это были товарищи Юры Александрова по работе в аппарате уполномоченного КГБ, или, как называли старожилы Карлсхорста, “Института Святого Антония”³. Все мы были друг с другом знакомы и по спортплощадке, и по магазинам, да и жили достаточно кучно в жилых зданиях, за исключением высокого советского руководства, — ему изначально выделялись достаточно комфортабельные, как правило с гаражом в полуподвале, особняки. Некоторые из них без преувеличения можно было назвать виллами.

Присутствующим я был хорошо известен как сотрудник посольства, теннисист и заядлый рыбак. На вопрос, как мои дела и что нового в нашей скрытой от постороннего немецкого взгляда жизни, я начал рассказывать, что накануне с товарищами по работе был на рыбалке под Берлином, в окрестностях которого много красивых рыбных озер. Кто-то из гостей спросил: “А чем, собственно говоря, хороша рыбалка, кроме чистого воздуха и красивой природы?”

Я стал рассказывать о ловле леща, осторожной и “мудрой” рыбы. Особенно если речь идет о крупной рыбине этой породы.

¹ А.М. Коротков (1909–1961) — легендарный разведчик, германист, один из руководителей советской разведки, долгие годы возглавлял Представительство КГБ при МГБ ГДР в Берлине.

² Юрий Николаевич Александров в 1950-е гг. работал в Представительстве (в те годы Инспекции) КГБ при МГБ ГДР.

³ До размещения в этой части Карлсхорста советских учреждений и жилых зданий помещение Представительства КГБ принадлежало Евангелической церкви.

Для этого, продолжил я, нужно удилище длиной не менее 5–6 метров и хороший поплавок из петушиного пера. Оно толще в диаметре и длиннее пера курицы. Что очень важно.

В это время в комнату вошел А.М. Коротков с женой Ириной Александровной, с которой я также был хорошо знаком по общей партийно-общественной работе коллективов советских учреждений в Берлине. Наверное, Александр Михайлович поймал конец моей фразы. Я замолчал, а Коротков вопросительно посмотрел на присутствующих, явно смутившись, что прервал какой-то интересный разговор. Хозяин дома Юра Александров пояснил ему громко: “Тут Богомоллов рассказывает в картинках о ловле леща”.

Коротков: “Ну, ну, давайте послушаем... Продолжай, Александр!”

Я быстро повторил начало и продолжил: “Так вот, в качестве приманки лучше использовать жмых из зерен подсолнечника. Жмых режется на ломтики размером примерно в половину спичечного коробка. Если снасть отрегулировать правильно, то после ее заброса в воду поплавок должен торчать над поверхностью воды под углом 40–45 градусов. Крупный лещ — рыба очень осторожная. Подойдя к приманке, касается ее губами и, пропуская воду через жабры, как бы присасывает приманку к губам, чуть-чуть приподнимая насадку. При этом поплавок слегка дергается и принимает вертикальное положение. В этот момент подсекать рыбку нельзя, так как приманка находится все еще вне полости рта леща. Затем лещ может отойти в сторону, и тогда рыбаку необходимо набраться терпения и ждать, ждать, ждать, не делая резких движений руками и соблюдая тишину. Через какое-то время лещ вновь подплывает к приманке и начинает вновь пробовать ее. Он может присосать ее к губам и потащить в сторону. В этом случае поплавок быстро заскользит по поверхности воды, но подсекать и сейчас нельзя, то есть подсесть-то можно, но лещ обязательно сойдет, так как он еще не проглотил приманку. Так или примерно так может продолжаться несколько раз. Нужно иногда ждать часами, пока лещ заглотнет приманку и поплавок начнет быстро погружаться под воду под углом в 25–30 градусов. Вот тут-то и не упускай момента и подсекай! Лещ ваш! Можно разводить костер и наливать стопку”.

А.М. Коротков очень внимательно слушал мой рассказ. Я замолчал. Молчали все присутствующие, глядя на генерала. Вдруг

он улыбнулся, посмотрел на меня как-то заговорщически и с хитринкой и сказал: “Александр, ты завтра (было воскресенье) можешь подойти ко мне на работу, скажем, к десяти часам? Мои ребята тут наколбасили и упустили свою “рыбалку”. Я закажу пропуск. Ты только повтори у меня в кабинете свой рассказ и сразу сможешь уйти домой. “Арбузы” я буду вставлять уже без тебя!”

К Александру Михайловичу я пришел без опоздания, в кабинете у него было человек девять народу. Вот, собственно говоря, и все. У него в кабинете я лишь повторил то, что только что рассказал. Конечно, было понятно, какого крупного “леща” упустили подчиненные генерала, не создав нужных условий и не проявив терпения, необходимых при ловле крупной рыбы».

СВЯЩЕННИК С ПАРТИЙНЫМ БИЛЕТОМ В КАРМАНЕ И КОММУНИСТИЧЕСКИМИ ИДЕАЛАМИ В ДУШЕ. 1959 год

Случай свел меня с удивительным человеком. Это был истинно верующий священник и коммунист одновременно.

Мы ужинали в уютном ресторанчике рядом с Берлинским оперным театром. Нас было шестеро. Пригласил меня знакомый заведующий сектором ЦК СЕПГ. Это высокий партийный пост. Все присутствующие, как сказал мой знакомый, — коммунисты. Представляясь, один из гостей назвал свое имя — Клейншмидт.

— Вы родственник или однофамилец известного в партии Клейншмидта, который является священником? — шутивно заинтересовался я.

— А я и есть тот самый Клейншмидт, — с улыбкой ответил он.

Чтобы скрыть возникшее у меня внутреннее смущение, я тут же процитировал слова Ленина, что, если священнослужитель, выполняя свою работу, делает это формально, соблюдая церковный ритуал, но не более того, а, по сути, не верит в Бога, он имеет право быть коммунистом.

— Нет-нет, — возразил Клейншмидт. — Я истинно верующий.

Что-то притягивало в этом внешне, казалось бы, ничем не выделяющемся человеке. Среднего роста. Сухощавый. Симпатичное, тронутое доброй улыбкой лицо. Крупные складки морщин, придающие ему мужественность. Светлые глаза, в глубине кото-

рых затаилась грусть. Рыжеватые волосы с обилием седины. Короткая старомодная фасонная стрижка (так в Германии стриглись в 1930-е годы). Четкая артикуляция немецкого интеллигента. Чуть заметный внешний артистизм. Крепкое пожатие, руки.

Я знал, что в СЕПГ (как и в других компартиях некоторых европейских стран¹) были священники. Два имели приходы, а третий, доктор теологии и философии, профессор, являлся деканом теологического факультета Берлинского государственного университета имени Гумбольдта. Забегая вперед, я должен сказать, что спустя несколько лет после моего знакомства с Клейншмидтом упомянутому выше декану-коммунисту предложили перейти на работу в идеологический отдел ЦК СЕПГ заведующим сектором. При этом ему было поставлено условие: уходя с должности декана, он должен был полностью отойти от церкви, то есть, как это ни странно звучит, перестать быть верующим. Профессор отказался, вышел из партии и еще много лет возглавлял теологический факультет университета.

Мой новый знакомый Клейншмидт за столом оказался рядом со мной. Сидевший с другой стороны от меня мой знакомый функционер стал рассказывать всем присутствующим историю идеологического становления Клейншмидта. А сам герой смертельно-трагического, но с элементами юмора повествования иногда добавлял некоторые детали. Вот эта история.

Еще до прихода Гитлера к власти Клейншмидт, тогда совсем молодой, начал свою карьеру на театральной сцене, выступая в жанре политической сатиры. Обладая хорошими артистическими данными, мимикой, пластикой, острым умом, мгновенной реакцией на бушевавшие тогда в Германии политические события, он быстро стал заметной фигурой в этом театральном жанре. В Германии кабаре политической сатиры всегда имели успех у публики. Артисты кабаре — это особый народ с особым талантом. Кроме перечисленных выше актерских дарований, Клейншмидт обладал недюжинными организаторскими способностями, что помогло ему организовать свое кабаре под названием «Бомбы и катакомбы».

Но вот Гитлер пришел к власти. На инакомыслие любого рода, особенно с критикой правящей клики национал-социалистов, начались гонения и запреты.

¹ Во французской компартии в те годы было семь священников, в итальянской — 11, а в СЕПГ — три.

Первый раз кабаре Клейншмидта разогнали, а сам он оказался в концлагере из-за смелого и открытого антигосударственного выступления. На сцену вышли одна за другой четыре девушки в форменной одежде рабочих-стекольщиков. В руках у каждой был плоский деревянный на ремне через плечо ящик для стекольных пластин. Каждый в Германии знал, что на ящике стекольщика всегда крупными буквами значилось: «Nicht stuerzen!», что в переводе означало «Осторожно! Стекло!» или «Не кантовать! Не ронять!». Но в немецком языке есть другой перевод и понятие слова stuerzen: свергать (в том числе неудобную власть), низвергать, низлагать (имеется в виду королевская, графская или царская власть). По команде Клейншмидта девушки перевернули на другую сторону свои бутафорские ящики, и зал замер в страхе: на ящиках красовались портреты Гитлера, Геринга, Геббельса и Гесса. Концерт был сорван, а сам Клейншмидт после короткого следствия в гестапо и жестоких избиений очутился в недавно созданном нацистами концлагере Дахау.

Вышел он оттуда в 1938 году, когда Гитлером была объявлена политическая амнистия. Нацистская клика была настолько уверена в победе своей идеологии в Германии, что освободила большое число коммунистов и социал-демократов, за исключением известных функционеров, «не перевоспитавшихся» и «не исправившихся» в концлагерях. В числе «исправившихся» оказался и Клейншмидт. 1938 год был особым годом в Германии — он ознаменовался апофеозом власти национал-социалистов.

Как только Клейншмидт очутился на свободе, он тут же вновь организовал кабаре и был арестован после первого же выступления. Труппа выступала в театре под открытым небом. Перед началом концерта и объявления программы он вышел на сцену и, обращаясь к публике, среди которой было много нацистов в форме гестапо, произнес следующие слова: «Знаете ли вы, что такое концлагерь?» Публика замерла. Зал затих.

«Не знаете? Так я вам сейчас расскажу, я только что вышел оттуда. Это большая территория в пустынной местности, обнесенная двойным, а местами и тройным высоким забором из колючей проволоки, через которую пропущен ток высокого напряжения. Внутри симметрично расположены бараки с заключенными. По всему периметру этой мощной ограды стоят высокие вышки с прожекторами и пулеметами. Ночью светло как днем. Между рядами

колючей проволоки запускаются злые овчарки. В некоторых местах оборудованы наполненные водой рвы. Не только человек, птица не вылетит из этого места. Но если я захочу, то сразу же попаду туда».

Здесь он прервал речь и, подойдя к рампе, вбросил вперед в нацистском приветствии правую руку и замер. Весь зал, как по команде, быстро и молча поднялся с таким же приветствием. Иначе и быть не могло. Так в гробовой тишине прошло томительных 10–15 секунд. Клейншмидт вздохнул, поднял голову и посмотрел на ясное в звездах небо, перевернул ладошкой вверх протянутую правую руку, еще раз вздохнул и громко произнес: «А дождя-то нет!» Дали занавес. Клейншмидт тут же был арестован. И вновь после жесточайшего избиения в гестапо очутился в концлагере. Он чудом остался жить. На сей раз до освобождения его Красной армией в 1945 году.

Программу идеологического перевоспитания он прошел сполна, выбрав новую жизнь священника-коммуниста.

КРОВЬ И ШОКОЛАД. 1959 год

Я почувствовал себя плохо. Заболел. После короткого, но тщательного обследования мой лечащий врач (он и его жена Соня к этому времени стали нашими семейными друзьями), Мориц Мебель, вынес окончательное решение: нужна срочная полостная операция. Мое начальство предложило сделать операцию в нашем центральном военном госпитале ГСВГ в Белице. Мориц не рекомендовал мне этот вариант. Тогда мне предложили лететь в Москву. Я отказался. Когда руководитель Представительства КГБ в ГДР генерал Александр Михайлович Коротков узнал, что решение о срочной операции вынес Мориц Мебель и готов сам сделать ее, он тут же дал свое согласие на операцию в немецкой клинике в Бухе (пригород Берлина), где в то время работал Мориц. Но при условии, что в соседнем помещении, откуда можно было бы слышать все, что будет происходить в операционной, должен находиться наш сотрудник. А вдруг под наркозом я начну выбалтывать известные мне секреты? Этим сотрудником согласился быть мой друг Олег Сергеевич Панин, который «отсидел» все время операции рядом, но ни бормотания, ни речи находившегося под наркозом

оперируемого так и не зафиксировал. Больной даже матом ни разу не выругался. Врач-анестезиолог еще до операции утверждал, что некоторые русские пациенты, особенно в начале действия наркоза, виртуозно и смачно бранятся. Этот немец врач был у нас в плену и сносно владел русским языком.

Операция прошла благополучно. Я жив и здоров по сей день. Через 12 дней меня выписали из клиники, и в тот же день я сел за руль своей «Волги» и выехал в Западный Берлин по делам.

Еще находясь в клинике, я спросил Морица, чью кровь я получил. Целых 250 граммов. У немцев принято сообщать данные доноров. Им оказалась 19-летняя девушка, проживающая в Берлине по Нидершенхаузен. Спустя некоторое время, предварительно позвонив по телефону, я посетил свою спасительницу.

Посол Михаил Георгиевич Первухин выделил мне для подарка из личного резерва громадную, почти двухкилограммовую коробку шоколадных конфет, изготовленных в Москве на «Красном Октябре» по правительственному спецзаказу.

С этой коробкой и букетом роскошных роз в руках я нажал кнопку звонка квартиры донора. Миловидная белокурая мордашка с лучезарными глазами радостно мне улыбалась. Она сделала жест рукой, пропуская в квартиру «спасенного» ею русского пациента. Я вручил ей букет и коробку. Мне показалось, что по милой мордашке пробежала какая-то тень то ли смущения, то ли разочарования. Пригласила к столу, где гостя уже ожидал кофе. Странно, но сладкого на столе не было. Блюдец соленых орешков и соленой соломки. В разговоре выяснилось, что девушка работает на известной на всю Республику и далеко за ее пределами шоколадной фабрике «Эльфе». Стоит у шоколадного конвейера, где заняты только женщины, в основном молодые. От запаха шоколада почти всех мутит, и они затыкают носы ватой, чтобы даже запах не проникал в пропитанный шоколадом организм. Вот тут-то я и понял причину мелькнувшей на румяном личике гримаски. Поболтав с ней немного и поблагодарив за спасение жизни, я распрощался и договорился еще об одной встрече. Через две недели, когда у нее был свободный от тяжелой работы на конвейере день, я вновь появился в этой квартире с пакетом и традиционным букетом цветов. На этот раз я хорошо подготовился и вручил своей спасительнице банку красной икры, банку русской селедки, приобретенные в магазине у наших военных русской за-

солки огурцы, банку соленых, по русскому рецепту, грибов. Бутылку какой-то особой (из подвалов посла) водки не распечатывали. Договорились, что она днями встречается (приглашала и меня, но я отказался под предлогом занятости) со своим другом и они обязательно выпьют за мое здоровье русской водки под типично русскую закуску и, разумеется, за укрепление советско-германской дружбы.

Так закончилась встреча с моей «кровной» немецкой сестрой. Получив дозу немецкой крови, я не почувствовал себя немцем. Да это и, слава Богу, к лучшему!

ВСТРЕЧА С ЖИВОЙ ЛЕГЕНДОЙ. ЭРНСТ ВОЛЛЬВЕБЕР¹. 1959 год

Карлсхорст. 1959 год. Солнечно-мягкая осень. Воздух чист и прозрачен. Воскресный день. Дворники сегодня не работают, поэтому пешеходная и проезжая части улиц этого зеленого района Берлина покрыты сплошным ковром опавших листьев. Они приятно шуршат под ногами, создавая ощущение загородной прогул-

¹ Эрнст Вольвебер (1898–1967) — участник восстания революционных матросов в Гамбурге в 1918 г. и боев в Рурской области в 1921 г. Член компартии Германии с момента ее образования в 1919 г. В 1928–1933 гг. депутат прусского (земельного) ландтага и рейхстага. С приходом к власти нацистов в 1933 г. эмигрировал в Советский Союз, где руководил международным клубом моряков в Ленинграде. Созданная им в те годы из иностранных моряков нелегальная группа («Группа Вольвебера») во время гражданской войны в Испании активно действовала в тылу войск генерала Франко. Еще до разгрома республиканской Испании «Группа Вольвебера» активно участвовала в антифашистском сопротивлении в Скандинавских странах, отправляя на дно путем диверсий грузенные знаменитой шведской рудой корабли, следующие в нацистскую Германию. После ареста в Швеции в 1940 г. с целью освобождения получил советское гражданство и выехал в СССР. Это удалось осуществить благодаря усилиям и умению вести переговоры одному из наших выдающихся дипломатов того времени, да при этом еще и женщине, перед обаянием и силой логики которой редко кто мог устоять, — Александре Михайловне Коллонтай. Кстати — первая в мире женщина-посол. С 1953 г. Вольвебер — статс-секретарь службы госбезопасности в МВД ГДР. В 1955–1957 гг. — министр госбезопасности Республики. В последующем был обвинен в принадлежности к антипартийной группе в ЦК СЕПГ и во «фракционной деятельности», заключавшейся в критике курса В. Ульбрихта. Вместе с секретарем ЦК СЕПГ К. Ширдеваном и другими товарищами был выведен из ЦК СЕПГ. Несмотря на это, Вольвебер всегда оставался верным другом Советского Союза и был до конца предан идеям коммунистического строительства.

ки. На тротуаре Ингельхаймерштрассе рядом с островком-треугольником зеленых насаждений, разделяющим проезжую часть улицы, и как раз напротив моего подъезда под номером 1а стоят трое мужчин. Двое — мои коллеги по работе в посольстве. Третий, что ко мне спиной, судя по крупной лысой голове и морщинистой шее — пожилой человек, который мне незнаком. Один из моих товарищей приглашает меня присоединиться к их компании. Пожилым оказался незнакомый мне немец. При приветствии он крепко пожал мою руку, но имени своего не назвал. Пожилой немец продолжает начатый еще до моего появления рассказ. Русским языком он владеет достаточно прилично, чтобы не только довести до собеседников существо обсуждаемой темы, но и украсить свою речь образными выражениями.

— Можете говорить и думать что хотите, но я никогда не изменю своего мнения. В те годы у меня были такие ребята, которых сейчас уж нет. Я руководил не только немецкими, но и интернациональными группами. Вот одна из них. Их человек десять было. Два русских, три немца, поляки, чехи, шведы. Хорошо работали. Не один корабль фашистский на дно отправили. В этой группе каждый владел двумя-тремя языками. Все — бывшие моряки. Коммунисты. Кроме интеллекта, каждый из них мог руками лом согнуть. Да я бы этих десять моих парней на весь штат наших сотрудников в десять тысяч человек никогда бы не поменял.

И далее он продолжал в таком же духе о самом лучшем сочетании в человеке силы и ума, умноженных на коммунистическую идеологию, и именно в тех людях, которыми он руководил в годы сопротивления нацизму и войны с Германией.

Он полез за чем-то в карман пиджака, полы его легкого осеннего пальто на мгновение распахнулись, и перед моими глазами мелькнули две бело-красные муаровые колодки с золотистыми кружочками орденов Красного Знамени на левом лацкане пиджака.

Старик еще немножко «пошумел», чем-то повозмушался, тепло распрощался с «самыми любимыми», как он сказал «советскими русским друзьями», от встреч с которыми ему «всегда немножко грустно», и ушел не оборачиваясь, слегка загребая старческими ногами ярко-желтые листья.

Мы молча провожали его взглядом, пока он не скрылся за ближайшим углом, свернув на Кенигсвинтерштрассе.

Тут я спросил своих товарищей:

— Что это за чудак, да еще и при таких высоких наших наградах?

— Как же ты не узнал его? Это же знаменитый Волльвебер.

— Конечно, я знаю легендарного Волльвебера, но никогда его не видел.

Именно таким я и представлял себе этого немецкого коммуниста, принявшего свой первый бой с нацизмом задолго до гражданской войны в Испании. Это он сражался в 1921 году в пылающем революционным огнем Руре, а позже создавал нелегальные военные организации компартии Германии. Эта случайная встреча с легендарным немецким антифашистом навсегда осталась в моей памяти.

КАК НЕМЕЦКИЕ ДРУЗЬЯ ОДНАЖДЫ ОБМАНУЛИ Н.С. ХРУЩЁВА. 1960 год

Неслучайно в народе Никиту Сергеевича ласково называли «Никита-кукурузник». Внимание Хрущёва к развитию сельского хозяйства, в частности к увеличению производства кукурузы, было хорошо известно. Он призывал везде и всюду сеять кукурузу — лишь бы она выростала до молочно-восковой спелости, даже можно было сеять ее, чтобы просто получить зеленую массу. Скошенная в таком состоянии кукуруза закладывалась в силосные емкости, и это был великолепный корм для колхозных коров, что резко увеличивало как надой молока, так и производство мясной продукции. В принципе, это было разумным, но мы иногда забывали при этом мудрую русскую поговорку: заставь дурака Богу молиться — он и лоб расшибет. Никита Сергеевич требовал продвижения посевов кукурузы чуть ли не во все регионы страны. Даже туда, где кукуруза никогда не культивировалась. И включение этой сельхозкультуры в планы производства кормов было явно нерентабельным.

Те, кто выступал против такого повсеместного расширения посевов кукурузы и пытался при этом даже как-то научно обосновать свое мнение, мог и пострадать. Такие случаи, к сожалению, имели место в советской сельскохозяйственной науке.

Нашим немецким товарищам «любовь» советского лидера к этой культуре была конечно же хорошо известна... При посеще-

нии стран соцсодружества Никита Сергеевич старался убедить руководство дружественных стран в целесообразности активного внедрения кукурузы. И вот однажды при очередном визите в ГДР он поинтересовался у Вальтера Ульбрихта, как обстоят дела в Республике с урожаем такой, как он считает, важнейшей кормовой культуры и могли бы ему немецкие друзья показать посевы кукурузы.

Немцы сразу же вывезли нашего лидера в один из образцовых сельхозкооперативов недалеко от Берлина, где было что продемонстрировать. Приехали. Хрущёв внимательно и профессионально осмотрел поле и спросил, есть ли в ГДР еще подобное этому хозяйство. Конечно же в Республике было достаточно посевов этой культуры, но ехать в другой район было далеко, а протокольного времени по намеченным планам явно не хватало. И руководители Республики пошли на хитрость. Они подъехали к этому же полю, но с другой стороны. Вновь Хрущёв выразил свой восторг относительно посевов, все выглядело так, как будто это были совершенно разные поля и в разных районах.

Эту историю мне рассказал покойный друг Вернер-Володя Эберляйн, непосредственный участник события. Эберляйн был очень высокого роста, и Никита Сергеевич тогда пошутил, прислоняя к нему кукурузный стебель: «Ваша кукуруза должна быть еще выше, чем Володя! Но ваши достижения — уже большой успех. Поздравляю вас, товарищи!» Обе стороны остались довольны. Советские товарищи так ничего и не заметили.

КАК ПРЕСС-АТТАШЕ БОГОМОЛОВ УЧИЛ ПОДЧИНЕННЫХ. 1960 год

В 1960 году пресс-атташе посольства в Берлине Юрия Вардановича Бебурова сменил Александр Яковлевич Богомолов, работавший до этого в аппарате посла.

В это же время сидевший с первого дня появления в посольстве в стеклянной выгородке так называемый дежурный комендант (мой большой друг в будущем) Юрий Федорович Жаров, тогда просто Юра, был переведен в группу прессы и получил свой первый дипломатический ранг атташе. Спустя несколько лет он сделает быструю и заслуженную карьеру. Станет советником, со-

ветником-посланником, сменил несколько участков государственной деятельности в прямом смысле этого слова. Уйдет из МИДа и возглавит одно из подразделений Всесоюзного агентства по авторским правам в ранге заместителя председателя (министра). Переживет не одну трагедию, в том числе личную. Будет балансировать между политической жизнью и смертью. Выдержит. Поднимется. Вновь вернется в МИД... Но об этом позже, в другом повествовании о нем. А тогда, в далекие времена, Юра Жаров получил свою первую настоящую работу в посольстве. Не дипломатическую должность и дипломатическое звание, а именно работу дежурного коменданта для первичного приема посетителей.

Он отсидел в этом «стакане» год. И только потом был переведен на дипломатическую работу. Но тут-то и начались его первые трудности на дипломатическом поприще. Именно тогда Жаров попал под начало Богомолова. Юра закончил МГИМО с красным дипломом и был уверен в себе, полагая, что его первые шаги будут только удачными. Не тут-то было. Когда его первые записи беседы с кем-то из немцев легли на стол пресс-атташе Богомолова, Юра пришел в ужас. Саша так издевательски правил изложенное начинающим дипломатом, что тому стало просто не по себе. Жаров жаловался жене Гале, что он никогда не овладеет искусством дипломата, умением фиксировать на бумаге все то, что могло бы представить интерес для Москвы. Он был уверен, что Саша сознательно издевается над ним. Галя как могла успокаивала мужа, а тот все более утверждался в мысли, что пора возвращаться в Москву и менять профессию. Галя, как всегда и во всем, поддерживала мужа, но просила только одно — не торопиться. Но удивительное дело, почти все правленные Богомоловым записи бесед все больше приобретали значимость, а некоторые достигали самого министра А.А. Громыко. При этом Юре было точно известно, что об «издевательствах» над ним Богомолова никто не знает, включая высокое начальство. Только спустя полгода Богомолов сам сказал, впервые похвалив Жарова: «Я специально перекраивал так документ, чтобы придать ему логичную и нужную форму». А спустя еще пару месяцев Жарову стало ясно, что этот «курс молодого бойца» для начинающего дипломата он освоил именно благодаря Богомолову. Только теперь он овладел нелегким искусством правильно и доходчиво излагать полученную информацию на бумаге.

Спустя годы, сам будучи руководителем разных коллективов, Жаров всегда с благодарностью вспоминал своего первого учителя и наставника, легендарного среди дипломатов-германистов Александра Богомолова.

КИТАЙСКИЕ ДЕТИ, ИЛИ ПРОНИКНОВЕНИЕ В ЧУЖУЮ СРЕДУ. 1960 год

Берлин. Заснеженный вечер перед Рождеством. Тихо. Город почти замер. Лихорадочный темп рождественских покупок затихает. Через несколько часов божественная благодать опустится на затихшие дома, в окна которых уже давно горят рождественские лампочки-свечи. Красиво. Мы не отмечаем Рождество, но нам очень нравится этот праздник. Он по-особенному торжествен. Жаль, что у нас в Москве не принято радоваться этому Божьему величию. Мне кажется, именно в эти дни очищается человеческая душа. Подобные ощущения возникают, наверное, почти у каждого человека, христианина или неверующего, кто в эти дни очутился в том регионе планеты, где именно Рождество — главное и самое торжественное событие в жизни христианского мира. Эти чувства возникают и усиливаются еще и под воздействием всех видов массовой информации, особенно телевидения. Задолго до Рождества этому событию уделяется особое внимание. У людей возникает праздничное настроение. Все что-то покупают, тщательно и с любовью выбирают подарки, особенно детям. Почта в пред-рождественские дни не справляется с работой. Все поздравляют друг друга, стремятся сделать близким приятное. По мере приближения к Рождеству все теле- и радиопрограммы заполнены рождественской тематикой...

Скоро наступит Рождественская ночь...

Мы с женой медленно движемся вдоль Тресковаллее в сторону посольства Китайской Народной Республики. Это параллельно той части Карлсхорста, где расположен ряд советских учреждений и жилые дома советского посольства и торгпредства...

На улице редкие прохожие. Недалеко от китайского посольства промтоварный магазин с большим отделом детских вещей и игрушек. Рядом со входом огромная ярко освещенная витрина, за чистым и прозрачным стеклом которой в разных позах застыли

диковинные игрушки. Игрушечный рай притягивает не только детей, но и взрослых. Мы направляемся к давно известной нам витрине. Две детские спинки в курточках-анораках. Вязаные яркие зимние шапки-колпачки. Дети столбиками застыли у яркого от электрического света стекла. Совсем рядом от рассматривающих витрину детей стоит тепло одетый в плотную зимнюю шинель и русского покроя шапку-ушанку немецкий полицейский. Наверное, здесь его рождественский пост, а может быть, он из охраны у китайского посольства, находящегося недалеко от магазина. Скоро магазин закроется. Подходим ближе. Уже четко видно раскрасневшееся от легкого мороза лицо полицейского. Он смотрит в сторону о чем-то живо разговаривающих детей. Останавливаемся за маленькими детскими спинками. Наверное, им не больше пяти или шести лет. Это здешние, берлинские детки. Они щебечут что-то веселое на берлинском диалекте. Но что это? Почему на лице полицейского четко выраженное удивление, граничащее с нескрываемым изумлением? Чем так поразили его веселящиеся ребятишки? Хлопает магазинная дверь и сразу же раздается непонятный гортанный звук женского голоса. Мы поворачиваем головы. К витрине спешит молодая китаянка. Дети бросаются к ней. Это ее дети! Китайские ребятишки! Полицейский при исполнении. Он делает серьезное и невозмутимое лицо и медленно направляется в сторону китайского посольства. Теперь не слышно веселого щебетания на берлинском диалекте, дети по-китайски разговаривают с женщиной. Через несколько минут они входят в здание посольства.

Я не удержался и подошел к полицейскому. Действительно, он нес охрану посольства. Молодой парень, берлинец. Он сказал, что даже представить себе не мог, чтобы китайские дети так говорили по-немецки да еще виртуозно владели берлинским диалектом. Я запомнил слова полицейского: «Если бы я не видел их лица, никогда бы не поверил, что разговаривают китайские дети. Я сам берлинец и по слуху их воспринимал как маленьких берлинцев».

Позже я выяснил, что все сотрудники китайского посольства отдают своих детей в детские учреждения демократического Берлина с трех-четырёх лет.

ШАРОМ ПОКАТИ... 1960 год

Начало 60-х. Посол Первухин поручил мне сопровождать в поездках по Берлину своего старого друга, приехавшего из Москвы в качестве гостя посла. Им оказался высокий пожилой человек (назовем его Стариком, так как фамилию его я не запомнил) с добрым улыбочивым лицом и на удивление пытливым и острым взглядом. В руках — палочка, на которую он опирался, припадая на одну ногу. Когда он садился в машину, тут же пояснил — протез. Больше он ничего о себе не рассказывал. Как выяснилось после его отъезда (рассказывал сам посол Первухин), они дружны еще со времен Гражданской войны. Он был намного старше Михаила Георгиевича. Оба — старые члены партии. В 1941 году друг посла работал комендантом здания ЦК ВКП(б) (кстати, тогда весь аппарат ЦК — от технических работников до генерального — составлял 1800 человек, то есть намного меньше аппарата ЦК КПСС), и история, случившаяся с этим симпатичнейшим стариком, имеет прямое отношение к его работе...

Начало марта 1942 года. Немцев к этому времени отогнали от Москвы на несколько сот километров. Столица была надежно прикрыта с воздуха мощной ПВО, и ни одна попытка немцев пробиться к Москве не увенчивалась успехом.

Стоял солнечный, еще морозный день. Москва в те времена была тихой. Городской транспорт работал не в полную мощь. Автомашин было мало. Неожиданно Старая площадь содрогнулась от мощного взрыва, чему предшествовал, и довольно долго по времени, уже известный москвичам свист падающей с большой высоты авиационной бомбы. Но ведь уже несколько месяцев немцы не бомбили Москву, что случилось? Как над городом мог оказаться вражеский самолет? Мощным взрывом бомбы был обрушен угол здания ЦК. Бомба попала в самый угол старинной постройки дома. И практически вся взрывная волна была поглощена открытым пространством и больших разрушений в этой части здания не произвела. К счастью, это произошло во время обеденного перерыва. Почти все сотрудники были в столовой вне основного здания, а высокое начальство разъехалось на обед. В той части здания, куда попала бомба, находился только один человек — комендант. Рухнувшей балкой ему перебило ноги. Одну удалось спасти, вторую пришлось ампутировать. Позже выяснилось, что в тот день неза-

меченный системой ПВО немецкий дальний бомбардировщик «Фокке-Вульф-200» на большой высоте неожиданно появился над Москвой. Поднятым истребителям удалось догнать немецкий самолет, но на слишком большой высоте у наших истребителей отказало оружие и немец ушел безнаказанно. Такая вот история. Старик еще долгие годы продолжал работать комендантом. Это была тяжелая и ответственная работа — он ведал всеми техническими вопросами. Его хорошо знал сам Сталин.

По поручению посла я несколько раз выезжал с его гостем в город. Он удивил меня своей скромностью и отношением к заграничному «барахлу» — почти никакого интереса. Он восторгался только великолепными немецкими детскими игрушками (купил несколько для своих внуков). Неожиданно меня вызвал посол и поручил вывезти гостя в Западный Берлин. Старик никогда не сталкивался с западным миром и хотел сам убедиться в его порочности и силе воздействия буржуазной пропагандистской рекламы западного образа жизни. В «помощь» нам Михаил Георгиевич выделил еще одного сопровождающего — первого секретаря Петра Петровича Сорокина, прибывшего несколько месяцев назад в Берлин после окончания Высшей дипломатической школы МИД. До этого Сорокин был секретарем парткома одного крупного завода в Москве. Я вел машину, рядом сидел гость. Сорокин разместился сзади и по ходу моего рассказа о Западном Берлине в историческом плане никак меня не комментировал. Но, когда я стал приводить цифры и некоторые аргументы по поводу быстрого экономического роста этой западной части Берлина, о настроениях населения, в частности рабочего класса, о повышающемся благосостоянии, Сорокин попытался меня слегка поправить. Старик сразу же встал на мою сторону, мол, не надо ему цитировать газету «Правда», все гораздо сложнее, мы имеем дело с опытным идеологическим противником, он, Старик, не разделяет позицию германской социал-демократии, других буржуазных партий, так как они враги коммунизма, но нельзя не считаться и с некоторыми достижениями Запада и более высоким уровнем жизни, чем у нас. При этом он показал рукой на дома так называемого жилого социального фонда, где проживали в основном рабочие западноберлинского филиала концерна «Сименс». Далее гость поинтересовался снабжением Западного Берлина, продуктами питания, предметами первой необходимости, всеми теми товарами, которые необ-

ходимы человеку. Мы ему пояснили, что с этим здесь все в порядке. Подавляющая часть продукции производится в городе. Много поступает товаров из ФРГ. Частично из ГДР, а овощи — в основном из фермерских хозяйств Западного Берлина, коих в городе более 140. По ходу движения машины гость видел множество мелких магазинчиков, кафе, закусочных. Небольшие витрины этих заведений демонстрировали свои товары.

Пора было возвращаться домой. Маршрут наш проходил через площадь Виттенбергерплатц, на которой находился самый крупный торговый центр Западного Берлина — KaDeWe — Kaufhaus des Westens (Торговый дом Запада, но многие берлинцы, считая свой город центром мира, гордо называют магазин — Торговый дом мира, Kaufhaus der Welt). Мы медленно двигались в потоке машин. Из автомашины совсем близко от нас хорошо просматриваются огромные витрины этого магазина. Молчим. Гость с повышенным интересом смотрит на витрины. Неожиданный голос Сорокина:

— Это только на витринах, а зайдешь — шаром покати.

Гость:

— А давайте зайдем.

Я молчу. Сорокин пытается отговорить Старика. Что-то утвердительно доказывает, ссылаясь на скорый обед в посольстве. Я продолжаю молчать. Гость проявляет настойчивость, и мы подчиняемся его желанию. В магазине шесть этажей. Последовательно обходим все отделы магазина. В этом торговом центре можно было приобрести любые товары, нужные человеку, от хозмелочей, до готового платья. Последний этаж — продуктовый — привлек особое внимание гостя. Он с нескрываемым удивлением рассматривал громадных днестровских раков, естественно живых, в большом аквариуме. Буквально горы советских деликатесных консервов, от камчатских крабов до разных видов семги, поражающих покупателя своим разнообразием — от мало-мало соленой, мало-соленой, среднесоленой, слабосоленой и нормально соленой — и своим великолепным товарным видом. Воображение гостя поразило также обилие экзотических фруктов и овощей и необычайно широкий ассортимент молочной и кисломолочной продукции, совершенно непривычный взгляду советского человека в те годы.

Молча спускаемся вниз. Молча садимся в машину. Отъехав немного, Старик мрачно произносит:

— Да, шаром там покатить действительно негде...

«ВСТРЕЧИ» С БЕНОМ¹. 1960 год

Летом 1960 года мне в посольство позвонил сотрудник Представительства КГБ в Карлсхорсте Саша Г.

— Есть указание руководства. Завтра, в субботу, вечером будь дома. Поедем в Западный Берлин. Подробности сегодня вечером. Я к тебе зайду домой.

Вечером в пятницу мы с Г. обговорили предстоящее мероприятие в Западном Берлине. Поздно вечером в субботу мы в аэропорту Темпельхоф должны были забрать из ячейки для хранения вещей авиапассажиров чемодан, заранее заложенный туда нашим человеком. Шифр для открытия ячейки и время изъятия Г. были известны. Машина с дипломатическим номером. А посему задержанию и осмотру не подлежала. Водитель, то есть я, — обладатель дипломатического паспорта, тоже был лицом как бы неприкосновенным. Все это, разумеется, условно. Выехали. Запарковали машину и спокойно проследовали в зал, где находились багажные ячейки. Саша набрал нужный номер, чемодан был извлечен, погружен в машину, и мы благополучно пересекли секторальную границу. В Карлсхорсте у меня на квартире мы с Сашей открыли чемодан и внимательно осмотрели лежавшие там вещи, затем составили подробный своеобразный реестр всего содержимого. Характер кем-то подобранных вещей вызвал у нас некоторое недоумение, но мы это не обсуждали, никаких предположений на этот счет не делали и не удивлялись — в разведке возможна любая неожиданность. В чемодане были носильные вещи — дамский костюм, несколько платьев, блузки, нижнее белье, колготки, две пары туфель, набор дорогого парфюма. Золотые браслет, часы, два или три кольца. Как было принято, в реестре мы указали, что все украшения «желтого металла». Несколько пар детской обуви, и, что странно, ботиночки были разного размера, как бы «на вырост», несколько детских носильных вещей и тоже «на вырост». Или, как мы подумали, вещи были предназначены разновозрастным детям.

¹ Бен — оперативный псевдоним советского разведчика-нелегала Молодого Конона Трофимовича (1922–1970). Арестован в начале 1961 г. в Англии, где работал под видом канадского бизнесмена Гордона Лонсдейла. В 1964 г. был обменен на английского шпиона Винна.

Прошло несколько лет. Я и забыл бы напрочь эту историю с чемоданом, если бы в один из очередных отпусков не встретил в коридорах Лубянки Сашу Г. Пообщались, покурили. Он меня и спрашивает:

— А помнишь, мы ездили с тобой в Западный Берлин в аэропорт Темпельхоф за чемоданом.

— Помню, конечно. А что тут особенного?

— Да ничего, конечно. Но если бы это случилось чуть позже, нас могли бы задержать тогда, в Темпельхофе. И паспорт твой дипломатический не помог бы. Англичане бы запросто «отбили» у нас этот чемодан. Дело в том, что «закладку» чемоданную делал Бен, передавая с санкции Центра вещи своей семье в Москву.

Тут пришел черед удивляться мне. Саша пояснил, что Бен попал под подозрение английской контрразведки чуть позже своего появления в Западном Берлине с этим чемоданом. То есть до своего ареста в Лондоне.

— Протяни они немножко с разработкой Бена, и нас бы точно задержали и чемодан отобрали. Быть бы беде и скандалу, — утвердительно закончил Саша...

Прошло еще несколько лет. Закончилась моя заграникомандировка. Шел конец 70-х, может быть, начало 80-х. Я знал, что Бен умер. Семья его, вдова и сын, которым в свое время предназначались вещи, проживала в одном доме со мной. Я иногда встречал вдову, уже начинающую терять былую красоту женщину, и сына — статного и крепко сбитого, сначала курсанта, а потом и офицера-пограничника.

И вот однажды звонок в дверь. Открываю. На лестничной площадке стоит вдова Бена. Я знал, что она дружит с моей соседкой и иногда посещает ее. Спрашивает меня, не знаю ли я, куда могла подеваться соседка, ее знакомая. Отвечаю, что, по-моему, уехала отдыхать в санаторий. И тут я увидел у нее на запястье тот самый браслет «желтого металла». Это была моя вторая и последняя «встреча» с легендарным разведчиком. Я ничего не сказал вдове так рано ушедшего из жизни этого талантливого человека. И виду не подал. А хотелось рассказать ей эту историю с чемоданом. Но сдержался...

НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ С ПРОШЛЫМ. 1960-е годы

Адъютант белогвардейского генерала Шкуро¹ — боец Интернациональной бригады Сашка

Об этой необычной истории, случившейся в 1938 году во время Гражданской войны в Испании в сражении на р. Эбро, поведал легендарный советский генерал Павел Иванович Батов².

Он был гостем немецких друзей. По просьбе посла он нашел время и в посольском клубе встретился с нашим коллективом. Перед традиционным чаепитием, когда мы, тогда молодые дипломаты, окружили генерала Батова, я спросил, как он оценивает свою первую открытую схватку с фашизмом в Испании, где республиканская армия подавляла контрреволюционный мятеж генерала Франко, приведший к гражданской войне. Павел Иванович поделился своими переживаниями и рассказал о случившейся с ним истории, которая запомнилась ему на всю жизнь.

— Дело было на реке Эбро. Шел 1938 год. Мы проигрывали франкистам. До конца испанской трагедии оставалось несколько месяцев. Завершалась одна из последних военных операций республиканской армии. Наши силы были на исходе. В этом сражении особенно много погибло бойцов лучших и самых боеспособных подразделений — интербригадцев. Мы были отрезаны от наших основных сил. Помощи ждать было неоткуда. У нас не оставалось ни артиллерии, ни танков. В небе господствовала немецкая и итальянская авиация. Было много тяжелораненых. Их было не на чем и некуда эвакуировать. Они были обречены на мучительную смерть. Не было медикаментов, чтобы облегчить их страдания. Мы, военные советники, хотя и носили форму и знаки различия республиканской армии, ближайшему окружению были известны как совет-

¹ А.Г. Шкуро — генерал-лейтенант Белой армии. В Гражданскую войну командовал кавалерийским корпусом Вооруженных сил Юга России. После разгрома армии Врангеля в Крыму в 1920 г. эмигрировал за границу. За антисоветскую контрреволюционную деятельность и сотрудничество с нацистской Германией в 1939–1945 гг. был казнен по приговору советского суда.

² П.И. Батов (1897–1985) — видный военачальник в Великой Отечественной войне. Генерал армии, дважды Герой Советского Союза (1943, 1945). Военный советник во время гражданской войны в Испании в 1936–1939 гг. На стороне Франко выступали нацистская Германия, фашистские Италия и Португалия.

ские военные. Правда, в целях конспирации каждый имел вымышленное имя. Так, я был известен испанским друзьям как «товарищ Фриц». Тогда в Испании на стороне Республики воевали представители десятков национальностей и, наверное, всех левых политических партий и течений — от коммунистов и социал-демократов до троцкистов и анархистов разного толка...

Я с товарищами работал над картой, обсуждая возможности прорыва. Недалеко от нас просто на земле лежали пока не погребенные убитые, агонизирующие тяжелораненые. Вокруг практически голая местность...

Ко мне обратился испанский офицер: «Товарищ Фриц, вас просит подойти умирающий русский танкист. Он лежит здесь, недалеко». Я подошел к умирающему земляку. У танкиста были оторваны обе ноги, одна выше колена. Обрубки ног были перетянуты жгутом. Он лежал, закутанный в одеяло. Тяжело было представить, какие муки должен был испытывать этот человек, не имея возможности получить хотя бы укол морфина. Лицо русского было пепельного цвета, посиневшие губы силились что-то произнести. Я не мог уловить ни одного слова. Светлые волосы умирающего закрывали его глаза. Руки раненого безжизненно лежали вдоль обрубка тела в танковом комбинезоне. Он не имел сил поднять их. Определить возраст было невозможно. Я опустился на колени, отвел рукой волосы с его лба и склонился к нему. На меня глянули полные муки светлые глаза, в которых еще угадывалась жизнь. «Товарищ генерал, благословите меня на гражданина СССР и члена ВКП(б)», — услышал я срывающийся хрип умирающего. «Ты кто?» — спросил я. «Я — Сашка... — он назвал фамилию, которую я не запомнил, — адъютант Шкуро, тогда у нас, в Гражданскую. Родина обещала нам прощение. Я хочу умереть советским гражданином и коммунистом». «Я же не священник, вообще не верующий. Как же я тебя благословлю, Саша?» — «Нет у меня выхода. Какая разница. Благословите. Я хочу уйти спокойно». И я благословил этого несчастного и неизвестного мне Сашку, русского человека, сказав ему, что он может быть спокоен. Родина обязательно простит его, искупившего все грехи перед родной землей смертью своей. «Считай себя гражданином СССР и коммунистом». Мне показалось, что лицо умирающего Сашки стало как-то спокойнее. Исчезли болевые гримасы. Глаза закрылись. Я взял его холодеющую руку и сжал ее, прощаясь с ним. Он захрипел, силясь еще что-

то сказать. Я не мог больше оставаться рядом с ним и принять его смерть. Меня ждало мое дело. Я не имел права на проявление чувств...

Павел Иванович сделал паузу, помолчал. Молчали и мы, потрясенные рассказом генерала... Потом он продолжил:

— Сколько лет прошло, сколько было войн и смертей, но почему-то именно эта история с русским парнем, бывшим белым казаком, так мечтавшим вернуться в Россию, навсегда осталась в памяти.

Павел Иванович пояснил, что якобы во времена тех далеких событий в Испании Сталину доложили о большом количестве обращений бывших участников Белого движения с просьбой разрешить им вернуться на Родину. И что они готовы понести наказание, но хотят умереть на родной земле. Якобы Сталин на это ответил, что пусть они докажут свою любовь к Родине и право на советское гражданство через войну в Испании в интербригадах. Генералу было известно, что в составе интербригад было достаточно бойцов — бывших белогвардейцев, разными путями пробравшихся в сражающуюся Испанию. Все они хотели вернуться в Россию через Испанию. Чем все это закончилось и попал ли кто-либо из них на Родину, ему не было известно.

Случай в Барселоне

Нас познакомил на приеме в Западном Берлине мой давнишний знакомый Петер Херц, в то время возглавлявший отдел печати и информации западноберлинского сената. К сожалению, память не сохранила имени этого человека. Примечательно, что Херц представлял его как своего сотрудника, члена СДПГ, воевавшего в Испании во время гражданской войны 1936–1939-х годов на стороне республиканского правительства. В Испанию он приехал нелегально как противник фашизма и убежденный социал-демократ. Херц как-то со смыслом подчеркнул, что этот человек воевал вместе с немецкими коммунистами в одной интербригаде. Одно это сразу же вызвало у меня симпатию к этому, как мне показалось, малоразговорчивому, мрачноватому человеку. Выпили. Разговорились. У меня складывалось впечатление, что он, в принципе, разделяет наш внешнеполитический курс, во всяком случае, в вопросах борьбы за мир, против колониализ-

ма и угнетения капиталом трудящихся в «третьем мире». Но при этом он занимал жесткую позицию в решении германской проблемы, а обсуждать темы «стена», «беглецы из Республики», «раскол», «блокада», «расчлененные Берлин и Германия» и т.п. считал для себя вообще неприемлемым. На мои осторожные вопросы «о гражданской войне в Испании» отвечал неохотно и по некоторым репликам и реакции я уловил его политическое кредо — ярый антикоммунист.

Вскоре мы вновь встретились на каком-то приеме в Западном Берлине уже как старые знакомые. По-моему, это случилось в польской военной миссии. Поляки умеют угощать, и мой «интербригадовец», выпив изрядное количество «Польской водки wyborовой» и вкусив настоящих, польского приготовления соленых огурцов и вкуснейшего бигуса, который умеют готовить только поляки, превращая его, то есть бигус, в настоящее произведение кулинарного искусства, наконец-то разговорился. Я не пытался ни спойть его, ни добиться получения какой-то информации или же окончательно убедиться в его идеологических взглядах. Вдруг он начал «изрыгать» грубые выпады в адрес коммунизма, да так яростно, что я был вынужден тоже в достаточно резкой форме сделать ему замечание, как бы сегодня сказали, по поводу его «политической некорректности». Я хорошо запомнил его короткий рассказ, объяснявший, чем была обоснована его ненависть к коммунизму.

— В последних боях под Барселоной я был ранен в обе ноги. Самостоятельно передвигаться я не мог, и меня вместе с другими тяжелоранеными на грузовике привезли в город. Доехать до госпиталя нам не удалось. Разорвавшимся снарядом убило водителя и разбило мотор. Часть раненых погибла. Меня спасли местные жители, которых я попросил поднести меня к советскому генконсульству, благо это было недалеко от разбитой машины. Консульство было закрыто. Я подполз к двери и, пока были силы, колотил кулаком, лежа перед входом. Вскоре дверь открылась, и двое мужчин втянули меня вовнутрь. Положили у стены. В комнату вошел кто-то из советского начальства. Он что-то резко стал выговаривать внесшим меня в консульство. Я не знал русского. Но слова звучали как приказ. Эти же двое молодых людей выволокли меня из здания, перенесли на соседнюю улицу и оставили там меня лежать у стены дома. Скоро появились франкистские

солдаты. Они не расстреляли меня и доставили подвезавшим грузовиком в военный госпиталь, вылечили и уже потом перевели в лагерь для военнопленных. Потом как немца передали германским властям. Гестапо. Избиения. Но ведь это же были наши общие враги-фашисты. И это было объяснимо и понятно. Я пережил муки концлагеря. Остался в живых. Был освобожден американцами. Они лечили меня. С тех пор я ненавижу не только фашизм, но и ваш коммунизм. Я знаю, тогда, в Барселоне советским генконсулом был коммунист Антонов-Овсенко¹. У меня к вам свой счет!

Вот такой «выброс» политического гнева произошел у этого «интербригадовца». Больше я с ним постарался не встречаться.

Русский бас в Западном Берлине

В посольство из МИД поступило указание возложить венок к памятнику композитору Глинке² на русском кладбище в Западном Берлине. По-моему, отмечалась 105-я годовщина смерти композитора.

Рано утром три машины советского посольства появились у входа на русское кладбище. В глубине широкой аллеи вековых лип просматривались очертания православного храма, так радующие русский глаз в чужих краях. Как выяснилось, Глинка был захоронен на кладбище, которое в те годы было лютеранским. Позже часть пустующей территории кладбища по просьбе российского правительства была передана под строительство православного храма святых равноапостольных Константина и Елены и кладбища при нем. Тогда же «царем-освободителем» Александром II были выделены деньги и на строительство на этой же территории приюта для престарелых. Так возник своеобразный центр русской культуры, с библиотекой в этом приюте...

¹ В.А. Антонов-Овсенко (1883–1939) — советский военачальник и государственный деятель. С 1924 г. на дипломатической работе. С 1936 г. генеральный консул в Барселоне.

² Михаил Иванович Глинка (1804–1857) — родоначальник русской классической музыки. Автор целого ряда крупных музыкальных произведений, в том числе опер «Иван Сусанин», «Руслан и Людмила». Глинка умер в Берлине и был погребен на русском кладбище в Берлине, в районе Тегеля. В том же году прах композитора был перевезен в Санкт-Петербург и перезахоронен на Тихвинском кладбище.

Стоявшая у храма явно русская прихожанка любезно провела нас к могиле композитора¹. Возложили венок. Постояли. Помолчали. Наша сопровождающая охотно согласилась быть нашим гидом, и мы, возглавляемые послом П.А. Абрасимовым, двинулись по дорожкам, слушая ее рассказ о кладбище и некоторых весьма любопытных захоронениях. Каких только интереснейших могил здесь не было! Какие известные из истории России имена значились на могильных плитах! От гражданских политических деятелей, типа Кривошеина², и целого ряда министров, титулованных особ, князей, графов, дипломатов и ученых до военных разных мастей и калибров. Здесь покоились генералы царской и Белой армий, в том числе известный Сухомлинов³, чей скромный холмик с высоким дубовым крестом особо привлек наше внимание. Мы как раз стояли у могилы Сухомлинова, когда к нам с какой-то осторожностью стали приближаться странные фигуры. Их было несколько. Подошли. Представились. Графиня такая-то и такая-то. Князь такой-то. Такие благостные, со светящимися розовенькими личиками старички. Объяснили, что, узнав о посещении кладбища русскими, да еще из советского посольства, тут же поспешили к нам. Они годами не выходили за пределы своей «обители»-приюта. Очень тоскуют по России, Москве, Петербургу — тут же стыдливо поправились — Ленинграду, где у них осталось навсегда утраченная недвижность. Они осторожно, пытаясь сделать это незаметно, как бы невзначай, прикасались к нам. Казалось, они проверяют, что происходящее реально, не сон. Перед ними действительно русские, советские люди. Одна старушка-«графинюшка» уж очень сетовала по поводу еще проживающей в Питере кузины, с которой изредка обменивалась письмами. Уж очень хотелось пови-

¹ Могила Глинки находилась у кладбищенской стены и на этом месте в 1857 г. была установлена памятная мраморная плита. В конце Второй мировой войны плита исчезла. На этом месте в 1947 г. по решению советского правительства военной комендатурой советского сектора Берлина был сооружен достойный величия композитора памятник.

² А.В. Кривошеин (1857–1921) — российский государственный деятель. В разное время министр, управляющий Дворянским и Крестьянским банками, член Государственного совета. Руководил проведением столыпинской реформы. Глава Правительства Юга России в 1920 г.

³ В.А. Сухомлинов (1848–1926) — генерал-лейтенант, в 1909–1915 гг. военный министр России. Снят по обвинению в злоупотреблениях и измене (такова была официальная формулировка).

даться с ней, да боится трогаться с места... Речь их была интеллигентна, даже несколько вычурна и напоминала уже забытый нами русский язык XIX века. Старички рассказали, что генерал Сухомлинов умирал в нищете.

— Мы всем миром собрали ему денег на новые сапоги, чтобы похоронить достойно, как военного министра.

Старушки показали могилки убитых «русских воинов», как называли их старички, в дни уличных боев. При них не оказалось никаких документов. На гранитных плитах так и было указано: «Неизвестный красноармеец. Апрель 1945». Недорогие плиты этим погибшим при штурме Берлина были сделаны за счет русской общины. Наш консул тут же взял эти захоронения на учет.

Вскоре посол стал торопить нас, и мы медленно потянулись к выходу. Старички и женщина-гид проводили нас за ворота на улицу. Там нас ожидали еще несколько старичков «из прошлого». Лица их светились радостью. Им удалось поговорить с настоящими русскими, советскими людьми. Искренность и радость их были неподдельными. попрощались. Сели в машины. Машина с послом и еще одна уже успели отъехать. Я что-то замешкался, прощаясь с любезными старичками, и не пожалел, потому что тогда произошло примечательное событие, прочно врезавшееся в мою память...

Разбрызгивая лужи, оставшиеся после прошедшего с утра холодного осеннего дождя, к нам на скорости подлетело такси. Вышел высокого роста представительный старик с внешностью Федора Ивановича Шаляпина. Стоявшие у нашей машины старички дружно приветствовали его как хорошо знакомого. Он, как и Шаляпин на известной картине Кустодиева, был не в шубе, но в роскошном, старинного покроя длиннополом пальто. Правда, вместо меховой шапки, как у Шаляпина на картине, его голова была покрыта широкополой черной шляпой. Но весь облик — лаковые туфли, прикрытые белыми гамашами, сучковатая палка-трость, белая манишка (правда, не совсем свежая) с черным галстуком-бабочкой, выглядывавший из-под пальто черный смокинг... — ну, вылитый Федор Иванович! Старик молодежавой походкой быстро приближался к нам. Мы вышли из машины. Рокошущим, приятно-го тембра голосом он громко приветствовал нас и крепко пожал нам руки. Тут я заметил, что белая манишка надета у старика на

голое тело, а лицо порядочно заросло несколькодневной седой щетиной. Рокочущий голос продолжал:

— Я сегодня ночью вернулся из Базеля. Давал концерт нашим русским. Старушки позвонили мне слишком поздно. Я едва застал вас здесь. Жаль, что вы уже уезжаете.

Стоявшие рядом милые старушки охотно пояснили, что это знаменитый, лучший в Европе церковный бас. Назвали фамилию. Нам она была неизвестна. Старик-бас тем временем торопливо, боясь, что мы уедем, не выслушав его историю, стал говорить о любви к России. О том, что его родной младший брат, главный инженер крупного завода на Урале, недавно награжден орденом Ленина, о чем он сам прочел в советской газете «Правда». Что он не переписывается с братом, для которого давно исчез во время Гражданской войны в России. Что не может умереть, не повидав перед смертью свою Родину, и т.д. и т.п.

— А чего же вы боитесь? Приезжайте!

Старик ответил, что Хрущёв (он так и сказал) не простит его, всю Гражданскую воевавшего против советской власти. На его совести много загубленных русских душ. Он участник «Ледяного похода»¹. После разгрома белых армий бежал в Польшу, где еще несколько лет командовал казачьим эскадром в 30-тысячном отряде, ожидавшем приказа о наступлении на Москву, которое так и не состоялось.

Мы стали торопиться и, попрощавшись с «Шляпинным» и милыми старичками, сели в машину. Окна салона автомобиля были открыты. Когда машина тронулась, старик-бас вытянулся по-военному, молодежовато приложил руку к шляпе и, повернувшись к нам лицом, громко запел, широко открывая рот и удивляя тембром и мощностью своего голоса. Бас у него действительно был шляпинский. Пел проникновенно, наверное, от всего сердца. По его небритым щекам текли слезы.

Широка страна моя родна,
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...

¹ «Ледяной поход» — так основатели Белого движения генералы П.Г. Корнилов и А.И. Деникин называли переход офицерских частей от Ростова на казачий Дон. В лютые морозы офицерам удалось пробиться через заслоны большевиков. Это было началом Гражданской войны.

Машина проехала уже приличное расстояние, а в открытые окна все еще проникал его рокочущий бас, вызывая в нас щемящую грусть...

Я впервые так ощутимо близко столкнулся со старой русской эмиграцией, почувствовал духовную обреченность этих бывших врагов советской власти, бежавших из «красной России», но оставшихся до конца своих дней русскими людьми, не потерявшими любовь и тяготение к своей Отчизне.

P.S. Проверка показала, что старик-бас говорил правду. Он был действительно активным белогвардейцем и имел брата, награжденного орденом Ленина, в служебной анкете которого в графе о родственниках значилось: «Имею брата, пропавшего на фронтах Первой мировой войны».

КАК МОЙ ЧЕРНЫЙ ПРОТОКОЛЬНЫЙ КОСТЮМ УЧАСТВОВАЛ В ПОХОРОНАХ ПРЕЗИДЕНТА ГДР ВИЛЬГЕЛЬМА ПИКА. 1960 год

Летом 1960 года мы с женой Аллой выехали в очередной отпуск, как мы тогда говорили, в Союз. Я не помню, где мы тогда отдыхали, но, уладив все свои рабочие дела на Лубянке и на Смоленской площади¹, подались на юг.

Обычно уезжавшие на длительное время из Берлина сотрудники посольства оставляли ключи от квартиры у близких друзей — мало ли что могло случиться за время отсутствия хозяев. Мы отдали ключи Олегу Сергеевичу Панину, с семьей которого дружили.

В отпуске мы услышали печальную весть — умер первый президент Республики с 1949 года, то есть со времени образования ГДР, ветеран коммунистического и рабочего движения и Коминтерна Вильгельм Пик. Помянули добрым словом заслуженного и уважаемого коммуниста. Нам было искренне жаль старика — верного друга Советского Союза...

Вернулись в Берлин. Потянулись как всегда напряженные рабочие будни. Прошла пара недель, и неожиданно возникла необходимость облачиться в представительский черный костюм. Почему именно, не помню, но не в связи с чьей-то смертью и печаль-

¹ Смоленская-Сенная пл., 32/34, тогда МИД СССР.

ными проводами в «последний путь» или участием в каких-то важных протокольных церемониях, но, в общем, было что-то официально-торжественное. Следовало быть в «черной паре». Времени для сборов было мало. Приехав домой переодеться, я извлек из шкафа свой «особо торжественный» костюм и начал облачаться. Надев свежую белоснежную сорочку, «выходные» и, как положено, слегка приношенные черные ботинки, тщательно вывязав спокойных тонов галстук, я медленным движением надел пиджак и... обомлел! Он был явно с чужого плеча. Не мой пиджак! Он принадлежал полному человеку и был однопортным. Этикетка на подкладке свидетельствовала о пошиве этой вещи в правительственном ателье Панкова¹ и ни о чем не говорила, так как почти весь дипломатический состав посольства шил именно в этой мастерской черные представительские костюмы. Да и пошивочный материал был у всех одинаковый — лучшая ткань в те годы датского производства. Вроде мой пиджак и в то же время — не мой! Тогда я еще не имел «пивного» брюшка, а приобретенные в Берлине несколько килограммов лишнего веса не имели даже намека на полноту и не портили пока еще сохранившейся спортивной стати. Нет! Пиджак был явно не мой. Он был сшит на солидное брюшко, хозяин которого был весьма и весьма тучноват.

Время выезда на мероприятие поджимало. Посольский автобус ждать не будет.

Лихорадочно шаря по всем карманам в надежде найти хоть какую-то зацепку, я в наружном нагрудном кармане обнаружил кусочек белого картона, на котором большими печатными буквами шариковой ручкой было выведено САННИКОВ. Смутно догадываясь о происшедшем, но не представляя, что именно могло случиться с моим пиджаком, я рванул к телефону и буквально перехватил уже выходявшего к машине и тоже торопившегося Олега. Уловив встревоженную интонацию и недоуменный вопрос, он начал хохотать, торопливо пересказывая суть возникшей ситуации.

— Я сейчас заеду за вами. Шура (жена Олега Панина — Александра Константиновна) возьмет с собой прочную нитку, чтобы

¹ Панков — один из районов Демократического Берлина, в котором в отгороженной части его, в парковой зоне размещались жилые дома-виллы некоторых членов правительства и ответственных функционеров Республики. Там же находился ряд правительственных хозучреждений, в частности пошивочное ателье.

Алла излишне не копалась, и исправит ситуацию, ибо именно она перешивала пуговицы на твоём костюме!

Служебная вилла, в которой проживали Панины, была в двух минутах езды от нашего дома...

В руках Шуры уже была заготовленная иголка с нужной ниткой. Алла до этого успела отрезать пуговицу и расчистить место для работы.

По дороге Олег рассказал весьма примечательную историю.

Умер Вильгельм Пик. В те годы Леонид Ильич Брежнев был председателем Президиума Верховного Совета СССР и приехал на похороны во главе правительственной делегации. Олег Панин руководил протокольной группой посольства и, естественно, все время был вместе с делегацией.

В кабинете посла Михаила Георгиевича Первухина при обсуждении предстоящей церемонии помощник Брежнева траурно-печальным голосом поведал, что по пока не выясненным причинам багаж членов нашей делегации с черными костюмами был отправлен не в Берлин, а в Будапешт и получить его можно только сегодня поздним вечером, да и то если будет организован спецрейс. Брежнев стал распекать помощника, грозя ему строгими наказаниями. Ситуацию «разрулил» находившийся вместе со всеми в кабинете посла руководитель Представительства КГБ в ГДР генерал Коротков. Александр Михайлович решительно вмешался в принимавший «горячую» форму разговор, сказав:

— Леонид Ильич! Вам точно подойдет мой костюм. А костюм Михаила Георгиевича, как я вижу, придется в пору... — и он назвал одного из членов делегации. — Что касается вашего помощника, то мы сегодня же подберем по его фигуре черный костюм из других, имеющихся у наших сотрудников. Этим займется наш «протоколист» Олег Сергеевич Панин.

Бросив грозный взгляд в сторону своего помощника, Леонид Ильич тут же сменил гнев на милость.

— Ладно, я еще с ним дома поговорю, — и сразу повеселел. Инцидент был улажен.

Брежневу достался костюм генерала, один из членов делегации получил костюм посла, ну а мой костюм достался незадачливому полноватому помощнику Леонида Ильича.

Вот такая история приключилась с моим черным представительским костюмом, на котором жена Олега Шура срочно перешила пуговицы, превратив двубортный костюм в однобортный.

Но на этом история этого необычного костюма не закончилась. Он привлекался мною к носке крайне редко, а материал оказался вечным, да и пошив мастерский. И слегка подогнав под свою и сегодня спортивную фигуру, его с гордостью донашивает мой тесть.

«ФОЛЬКСВАГЕН» И «МЕРСЕДЕС» ПРОТИВ «ФИАТА». 1960-е годы

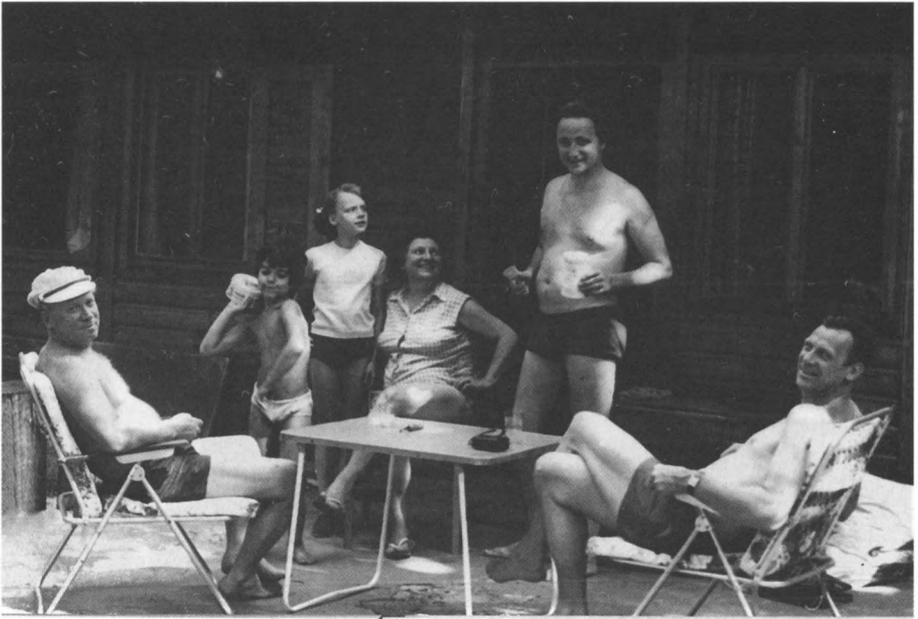
Одним из моих руководителей в Берлине был известный всем германистам тех лет Василий Романович Ситников. Он в разное время работал в послевоенной Австрии, ФРГ, Берлине. Человек высочайшей эрудиции и культуры. Знаток Германии и немцев. Блестящий оратор, он славился своими выступлениями на оперативных совещаниях, высказывая смелые предложения и оригинальные решения некоторых проблемных вопросов. Он был интересным собеседником. Слушать его доставляло удовольствие всем, кому приходилось встречаться и работать с этим человеком, выделявшимся из всех руководителей подобного уровня. В то же время он был доступен и прост в обращении с подчиненными. К нему всегда можно было зайти по любому вопросу и получить исчерпывающий ответ и нужный совет. Он всегда и для всех находил время и мог подписать не терпящий отлагательства документ в любой ситуации — в машине или уже на выходе, на протянутом ему в качестве импровизированного стола кейсе. Вот такой был Василий Романович. Владелец приятного и хорошо поставленного баритонального тенора, он, не кичась своим начальственным положением, мог по просьбе собравшихся на официальном торжестве или в дружеской компании исполнять известные ему классические арии или народные песни. Часто можно было видеть его на волейбольной площадке, где он играл наравне со всеми, беспрекословно подчиняясь команде капитана. Еще он был примечателен своим артистизмом. Ну, это уж, наверное, от рождения, как дар природы. В общем, мне он нравился как руководитель, и я считал за честь участвовать под его началом в любом мероприятии. И вот однажды...

Семейный выезд за город с собакой Йориком. Слева направо:
Алла Санникова, Римма Семенникова, Люба Хилько – жена друга
Санникова Ф.И. Хилько. ГДР 1969 год

Слева направо: Г.Э. Лапин – Генконсул СССР в Карл-Маркштадте
(Хемниц), Алла Санникова, Лида Пахомова, Б.П. Пахомов – представитель
ТАСС в Западном Берлине, Г.З. Санников. ГДР, Тюрингия 1970 год

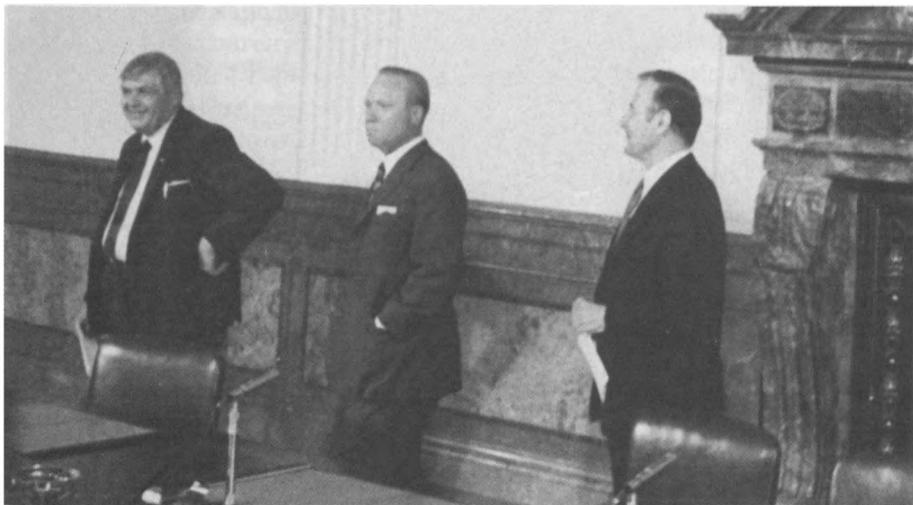
На даче у друга Морица Мебеля. Г.З. Санников, В. Эберляйн (в креслах).
В центре — дочь Мебелей Анеле. ГДР, Тойпицзее 1970 год

Семья Мебелей – лучшие немецкие друзья семьи Санниковых.
Слева направо: Зузи Мебель (сестра), Мориц, Соня и дочь Анеле.
Берлин 1970-е годы

Первый день Четырехсторонних переговоров по Западному Берлину. Советская делегация. Слева направо: Ю.А. Гремитских, Б.П. Хотулев, посол П.А. Абрасимов, П.С. Хрусталеv, Г.З. Санников; далее члены делегации США, советники, посол США в ФРГ К. Раш (крайний справа в очках). Западный Берлин, здание бывшего Контрольного совета. 26 марта 1970 года

Переговоры по Западному Берлину. Слева направо: пресс-атташе делегаций США – Джон Сэндстром, Советского Союза – Г.З. Санников и Франции – Алекс де Гассон готовы ответить на вопросы прессы. Западный Берлин 1971 год

Наталья Шишкова, Михаил Дмитриев и Георгий Санников в здании Контрольного совета в Западном Берлине. 1971 год

Первое в истории «Радиостанции «Свободный Берлин» выступление советской звезды Людмилы Зыкиной. Ее смотрела и слушала вся Европа. Л.Г. Зыкина, аккомпаниатор Анатолий Шалаев, Г.З. Санников. Западный Берлин, в студии «SFB», март 1971 года

— Жорж, — так обращался ко мне в неофициальной обстановке Василий Романович. — Подготовь на завтра машину. Поедем в Западный Берлин на одно ответственное мероприятие. Будет встреча с интересными людьми. Ты будешь со мной в качестве моего помощника. По дороге введу в курс дела.

Оказалось, что дело действительно было серьезное и ответственное. Речь шла о встрече с представителями известных во всем мире автомобильных гигантов «Фольксваген» и «Мерседес». Немцы знали о наших успешных переговорах о закупке технологических линий итальянского концерна «Фиат» и строительстве с их помощью в городе Тольятти, тогда Куйбышевской области, мощного автозавода по производству советского легкового автомобиля на базе итальянского «Фиата», а по сути — начале выпуска копии этой машины.

У нас с итальянцами к тому времени, как поведал Ситников, обговаривалось заключение рамочного договора, и было еще возможно изменить предварительное решение советского правительства и начать переговоры с немцами на более выгодных условиях. Немцы якобы заверяли, что они в любом случае гарантируют выпуск более дешевых автомашин по своим, немецким технологиям. Более того, они предлагали не ограничиваться выпуском только одной модели, а наладить одновременно выпуск и другой модели, более высокого класса. При этом организацией выпуска так называемого народного автомобиля по их образцу занимался концерн «Фольксваген»¹, а более дорогой легковой автомобиль, типа нашей «Волги», смог бы разработать концерн «Мерседес».

Василий Романович особо подчеркнул, что работа с немцами ему представляется более привлекательной, так как женой одного из ведущих руководителей концерна «Фольксваген» является дочь Людвиг Эрхарда². Ситников якобы кому-то из наших влиятельных руководителей высшего эшелона власти пока безрезультатно пытался доказать преимущества немецкого предложения. Я почувствовал, что он уже имел контакт с немецкой стороной по этому вопросу. Однако в детали всей этой истории Василий Романович меня не посвящал, предупредив, чтобы я никому о нашей

¹ «Фольксваген» — «Volkswagen» (VW) — «народный автомобиль».

² Людвиг Эрхард — министр экономики (1949–1963), канцлер ФРГ (1963–1966).

беседе и предстоящей встрече с немцами не рассказывал и ни с кем не делился. Далее он рассказал, что сегодня немцы передадут подготовленные ими выкладки, которые, как они ранее утверждали, должны свести на нет наши успешно завершающиеся переговоры с итальянцами. Впрочем, как сказал Василий Романович, к великому сожалению, в окончательное решение вопроса вмешалась большая политика. Он пояснил, что якобы руководство итальянской компартии обратилось к нашему генеральному секретарю Л.И. Брежневу с просьбой поддержать позиции коммунистов и заключить контракт именно с фирмой «Фиат», так как это продемонстрирует рабочему классу Италии заботу компартии об интересах трудящихся в надвигающемся кризисе в автомобильной отрасли...

Наша машина подъехала к одному из особняков в районе Далема. Через открытые службой ворота мы въехали во двор. Скорее это была большая и хорошо ухоженная лужайка, через которую пролегла «двухколейная», из небольших плиток дорожка для автомобилей к стоянке и гаражу. Запарковав машину, мы в сопровождении все того же служки приблизились к строению на манер баварского крестьянского дома под соломенной крышей. Я знал, что такие «крестьянские» дома были особым шиком у богатых людей. Из дома нам навстречу спешили трое: высокий худощавый мужчина средних лет, чуть пониже и несколько моложе второй и молодая миловидная женщина в «крестьянском» платье¹. Красивое румяное лицо женщины было очень похоже (только в женском варианте) на лицо ее отца — Людвига Эрхарادا. Началась беседа, сразу же принявшая деловой характер. Я вел записи, стараясь зафиксировать максимум услышанного. Вскоре вновь появилась хозяйка дома с подносом, на котором были кофейник и чашки. Она обслуживала гостей со знанием дела, имитируя вид и поведение простой немецкой женщины, ухаживающей за мужчинами-гостями.

Высокий оказался представителем фирмы «Мерседес», муж хозяйки — фирмы «Фольксваген».

¹ Trachten, или Dirndlkleid — «крестьянское», или «народное», праздничное платье (нем.), которое охотно носят женщины из богатых кругов, что всегда было принято в немецком обществе, как бы подчеркивая связь с простым народом. Такой особо орнаментированный женский наряд стоит дорого и доступен только имущим слоям населения.

Немцы сообщили, что их специалисты детально изучили два вопроса: состояние советских дорог и производительность наших крекингов-НПЗ — и пришли к следующему выводу. Общее состояние наших дорог весьма плачевно, а ходовая часть автомобиля «Фиат» не рассчитана на такие дороги и не выдержит нагрузок. Поэтому они предлагают принять предложение немецкой стороны, которая в случае нашего согласия специально разработает под наши дороги мощную ходовую часть, особенно усилив подвеску. Что касается горючего, то советские НПЗ не в состоянии обеспечить машины типа «Фиат» нужным количеством высокооктанового бензина. Немецкие концерны могут разработать новый тип дизельного двигателя для предлагаемых двух моделей автомобилей. Этого вида топлива — солярки — в Советском Союзе всегда было достаточно.

Закончив беседу и получив от немцев подготовленные для нас расчеты, мы покинули гостеприимный «крестьянский» дом.

Сделанный позже мною перевод и справка о встрече были тщательно проверены и дополнены Василием Романовичем. По какому адресу ушли эти документы и чем кончилась вся эта история, я так и не узнал.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО АГЕНТА СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ БОГДАНА СТАШИНСКОГО. 1961 год

В октябре 1959 года в Мюнхене нашим агентом-боевиком Сташинским был ликвидирован руководитель ОУН¹ Степан Бандера.

Я в то время работал в Германии под прикрытием совпосольства в ГДР и хорошо помню описание событий в западной и советской прессе. Существовало две версии. Первая — самоубийство, так как на губах Бандеры судмедэксперты обнаружили мельчайшие осколки тонкого стекла, а в желудке следы синильной кислоты. Медики утверждали, что Бандера мог принять яд. По другой — это была насильственная смерть, наступившая мгновенно оттого,

¹ ОУН — Организация украинских националистов, избравшая после разгрома нацистской Германии своей главной квартирой столицу Баварии — Мюнхен, где оуновцы, пользуясь покровительством властей ФРГ, себя хорошо чувствовали и имели возможность именно отсюда руководить подрывной работой против Советской Украины.

что кто-то смог запихнуть в рот жертвы ампулу с ядом. Однако следов сопротивления жертвы обнаружено не было.

В советской печати и прессе наших друзей из соцлагеря появилось несколько сообщений о смерти Бандеры, которого «убрала» западногерманская Федеральная служба разведки, возглавлявшаяся генералом Геленом. Присовокупили сюда и федерального министра Оберлендера, заматавшего свою причастность к командованию в 1941 году украинским батальоном «Нахтигаль», о делах которого слишком много знал Бандера.

За выполнение специального задания органов КГБ агент Сташинский был награжден орденом Красного Знамени. Вручал ему орден А.Н. Шелепин, в то время председатель КГБ. Ряд оперативных работников были награждены орденами Красной Звезды, медалями, знаками «Почетный сотрудник КГБ», повышены досрочно в воинских званиях и должности.

Проживая в 1960 году в ГДР, где Сташинский готовился к работе в условиях Западной Германии, он познакомился и стал встречаться с гражданкой ГДР некой Ингой Поль, работавшей в Западном Берлине. Кстати, в Западном Берлине до возведения стены в 1961 году работали многие немцы из Восточного Берлина — столицы ГДР.

Проверка этой женщины показала, что она настроена антисоциалистически. Сотрудники, у которых агент находился на связи, пытались отговорить Сташинского от встреч с Поль, но он влюбился в нее и просил разрешения на брак, утверждая, что сумеет оказать нужное для работы с нами влияние и идеологически перевоспитать.

Разрешение на брак с немкой дал А.Н. Шелепин. Сташинский имел тогда советские документы на имя Крылова. Вскоре супруги Крыловы выехали в Москву и их постепенно начали готовить к работе на Западе. Однако выяснилось, что мы имеем дело с антисоветски настроенной Поль. Более того, она духовно была сильнее мужа, и не он, а она оказывала на него прозападное влияние. От использования супругов в работе в качестве советских нелегалов решили отказаться.

Беременная Поль уехала рожать ребенка в Берлин весной 1961 года, а в начале августа того же года ребенок умер и руководство КГБ разрешило выезд Сташинского в ГДР, совершив тем самым роковую ошибку.

Сопровождал Сташинского опытный куратор агента подполковник Александров Юрий Николаевич, ранее работавший в Берлине. Мне позже рассказывали товарищи о резолюции на одном из рапортов по вопросу выезда Сташинского в Берлин из Москвы, сделанной легендарным разведчиком генералом Александром Михайловичем Коротковым, в то время заместителем начальника советской разведки: «Сташинского на Запад выпускать нельзя. Следует создать ему все условия для жизни, построить дачу в любой части Советского Союза по его желанию».

Генерал Коротков умер в июне 1961 года. Уверен, что был бы он жив, Сташинский из Союза никогда бы не выехал в ближайшие несколько десятилетий. И это было бы правильно. Есть обстоятельства, и они с точки зрения государственной безопасности оправданны, когда выезд за пределы своего государства должен быть запрещен. Эти обстоятельства известны всем разведкам мира.

Работавший в то время в аппарате КГБ в ГДР сотрудник, занимавшийся разработкой украинской эмиграции, Александр Пантелеймонович Святогоров, хорошо знавший Сташинского во время его подготовки к ликвидации Ребета¹ и Бандеры, высказал обоснованное сомнение в искренности и надежности агента, в особенности после женитьбы его на Инге Польш.

Святогоров устно доложил свои сомнения одному из руководителей аппарата КГБ в Берлине и предложил организовать усиленную охрану супругов, обеспечив надежное негласное наружное наблюдение.

Принимавший устный доклад Александра Пантелеймоновича генерал сослался на мнение куратора Сташинского Александрова, который был абсолютно уверен в преданности органам КГБ своего подопечного и не допускал мысли о возможной измене. А она случилась.

12 августа 1961 года в день похорон ребенка супруги Сташинские скрытно оставили дом родителей жены недалеко от Берлина и выехали в Западный Берлин, где в полицейском участке заяви-

¹ Лев Ребет — идеолог ОУН. Убит Сташинским в октябре 1957 г. в Мюнхене из спецоружия, стрелявшего парами синильной кислоты, что приводило к мгновенной остановке сердца. Из такого же смертельного приспособления был ликвидирован и Бандера.

ли о бегстве из ГДР по политическим мотивам. Немецкая полиция сразу же передала супругов американцам.

В те дни только самый узкий круг лиц из высшего руководства ГДР и Москвы знал о предстоящем перекрытии секторальных границ в Берлине, что и произошло в ночь с 12 на 13 августа, то есть с субботы на воскресенье, 1961 года. Находившиеся на похоронах ребенка сотрудники КГБ недоумевали по поводу отсутствия родителей.

В конце дня 13 августа 1961 года стало ясно, что Сташинские ушли на Запад. Все те, кто знал, какие задания выполнял агент в 1957 и 1959 годах в Мюнхене и что может произойти, если Сташинский заговорит, пришли в шоковое состояние.

Как и следовало ожидать, Сташинский заговорил. Его заявление западным властям о том, что он агент КГБ и по заданию советской госбезопасности ликвидировал известных украинских политических эмигрантов Ребета и Бандеру, показалось американцам вначале неправдоподобным. Лишь убедившись по предъявленным документам и рассказам Сташинского, что все это правда, они передали агента немцам, чтобы через немецкий Федеральный суд развернуть широкую антисоветскую кампанию.

В Берлин из Москвы прибыла специальная комиссия для разбора такого крупного ЧП. Подполковник Ю.Н. Александров в сопровождении оперработников был сразу же самолетом отправлен в Москву, где через несколько дней арестован. По команде руководства КГБ следственные материалы должны были быть направлены в военный трибунал, что грозило Александрову минимум восемью годами строгой изоляции. Спасло Александрова от тюрьмы одно обстоятельство. Тогда, в годы хрущёвской «оттепели», было разрешено участие адвоката в предварительном расследовании. Александрову дали на выбор любого защитника из утвержденного КГБ списка. На это арестованный Александров заявил, что по рекомендации родственников у него уже имеется адвокат, на что он имеет право как гражданин СССР. Конечно же он знал, что этот защитник, член Московской коллегии адвокатов, еврей по национальности, давно интересует органы КГБ за свои связи с сионистскими кругами и лицами из числа этих кругов, подозреваемых КГБ в принадлежности к ЦРУ. Чекисты пытались отговорить Александрова, но тот стоял на своем. Руководство, как всегда, нашло «соломоно-

во» решение — уволить без пенсии и выходного пособия, чтобы «круги дальше не пошли»...

То же самое произошло и с указанным выше А.П. Святогоровым. Его отправили по месту службы в Киев с указанием немедленно уволить из органов госбезопасности, как и Александрова, без пенсии. Руководство КГБ Украины заступилось за Святогорова, считая решение Москвы неправильным. В те годы это был смелый поступок. Сам Александр Пантелеймонович отличался принципиальностью и честностью. В годы войны десантировался в тыл противника, где, рискуя жизнью вплоть до самопожертвования, выполнял задания Центра. Среди партизан был известен как майор Зорич. Оккупантам он так досаждал, что они организовали на «посланца Москвы» Зорича настоящую охоту, к счастью, неудачную. Не они, а Зорич привел их в ловушку. Киеву удалось отстоять честь и достоинство Святогорова-Зорича...

Александр Пантелеймонович все надеялся, что за него заступится тот генерал, которому он устно докладывал о своих сомнениях в агенте. Не указал разведчик Святогоров в своем письменном объяснении комиссии, что устно докладывал о своих сомнениях, надеясь на помощь генерала. Не дождался. Все промолчали...

15 или 16 августа, на третий день после перекрытия границы, меня вызвали к руководству аппарата КГБ и, как сотрудника посольства с диппаспортом, направили вместе с Святогоровым для его прикрытия в Западный Берлин на поиски Сташинского. Александр Пантелеймонович сам попросил выделить для его прикрытия именно меня, так как я, работая в свое время в Киеве, не только знал Сташинского по некоторым оперативным материалам и рассказам готовивших операцию товарищей, но и видел его, как говорится, «вживую». К счастью, Сташинский не знал и не видел меня.

Мы заняли удобную позицию метрах в 80–100 от главного входа в комплекс зданий на Клейаллее, где размещалась военная комендатура США, административные органы и находились службы ЦРУ. Мы вели по очереди все светлое время дня наблюдение с помощью бинокля. Конечно же это было никому не нужное и заранее обреченное на неудачу мероприятие, годившееся только для доклада в Москву о принятых мерах. Сташинский, если бы он даже еще оставался в Берлине и по воздушному коридору не был вывезен американцами в Западную Германию или еще куда-нибудь

подальше для его же безопасности, был надежно укрыт нашим противником. Даже если бы он все еще оставался в Берлине, американцы вывезли бы его в дальнейшем в автомашине и мы бы его просто не заметили.

Это наблюдение мы вели два дня. Святогоров надеялся на чудо. В первый же день, заняв выбранную позицию, он заявил мне: «Георгий, у меня с собой пистолет. Если мы увидим Богдана, уходи, я буду стрелять. Мне терять нечего. Я убью Богдана и себя». Если бы у меня была хоть малейшая надежда на успех дела, я бы все равно не стал доносить на товарища, хотя и подвергал себя риску быть строго наказанным руководством КГБ, узнай оно об этом...

После завершения процесса в Карлсруэ в 1962 году поднялась огромнейшая волна антисоветчины. Вся западная печать буквально захлебывалась от самых грубых выпадов в адрес Москвы, Советского Союза, КПСС, КГБ. Сташинский как-то ушел в тень. «Убийцы в Москве. Это Хрущёв, Кремль, КГБ. Сташинский жалкий исполнитель, сознание которого сумели отравить коммунисты-чекисты».

Несколько сдержаннее вели себя некоторые западные крупные официозы, правительства основных западных держав.

К сожалению, мы тогда не могли ответить, что по отношению к Бандере был приведен в исполнение приговор Верховного суда о его казни по воле и желанию народа за убитых по приказу Бандеры тысячах советских людей. Наши политические потери из-за предательства Сташинского были огромны.

Оценки трагических событий осени 1959 года с позиций сегодняшнего дня выглядят иными, да и сама акция не достигла результата. Скорее наоборот — она принесла обратное.

Мне в середине 60-х годов рассказывал в Киеве один из руководителей операции полковник А.Д., получивший за нее орден Красной Звезды, что к моменту завершения дела, продолжавшегося 8 лет, ситуация изменилась.

Дело в том, что, когда принималось решение о ликвидации Бандеры, основанное на приговоре Верховного суда о казни главаря ОУН за море пролитой крови, вооруженная борьба с бандеровским подпольем была в разгаре. Через несколько лет сопротивление подполья, особенно после 1950 года, резко пошло на убыль. Спустя еще несколько лет Бандера и его ближайшее окружение

уже не воспринимались их западными покровителями как солидные партнеры по работе против Советского Союза. Авторитет самого Бандеры также стал падать. И не только у западных спецслужб, но и среди руководящих членов ОУН, украинской эмиграции.

Бандеру радовала каждая газетная или журнальная статья в советских изданиях о проявлениях украинского национализма. Он буквально бежал к своим хозяевам, доказывая, что дело его продолжает жить, что с ним «советы» еще считаются и боятся его. Он радовался каждому судебному процессу над украинскими националистами, которые время от времени проходили в Западной Украине. «Вот видите, — обращался он к своим западным друзьям, — опять они говорят обо мне».

Политический престиж Бандеры падал с каждым днем.

Где-то за год до приведения приговора в исполнение украинские чекисты докладывали Москве об изменившейся обстановке вокруг Бандеры, о все усиливающихся разногласиях в руководстве зарубежной ОУН, виновником которых зачастую был Бандера, грызне среди лидеров, о наличии в руководстве разных мнений о способах и средствах ведения борьбы против Советского Союза, о расколе руководства, о падении авторитета Бандеры.

Украинские чекисты в связи с этим ставили вопрос о возможной отмене этой операции, так как смерть Бандеры, по их мнению, может способствовать политической консолидации оуновских зарубежных центров. Москва не соглашалась с мнением Киева. Наверное, определенную роль сыграл и чисто человеческий фактор: кому не хочется получить правительственную награду или повышение по службе? Тем более все было готово для осуществления этой акции...

Похороны Бандеры вылились в мощную демонстрацию единства и сплоченности зарубежных украинских националистов. Смерть Бандеры консолидировала враждебные Советскому Союзу силы в среде украинской эмиграции.

Украинские эмигрантские газеты в те дни писали: «Бандера умер, но дух его живет». Невольно, как ни чудовищно это звучит, он с нашей помощью превратился в националистического Иисуса Христа.

А Сташинский навсегда исчез из поля зрения нашей разведки.

ТАМБУРМАЖОР¹. 1960-е годы

Мы с моим другом Юрой Жаровым в майские праздничные дни стояли на трибуне вместе с народом в центре Берлина, где всегда проходил военный парад ННА² и демонстрация трудящихся Республики. Это было красочное и захватывающее зрелище. Открывал парад военный оркестр, во главе которого, соблюдая старинную прусскую традицию, в парадной форме при стальной каске нового гедезэровского образца и при всех военных регалиях стоял тамбурмажор со специальным длинным жезлом в правой руке. Это был всегда один и тот же офицер в звании подполковника. Высокий, плотного телосложения мужчина средних лет, с уже обозначившимся «пивным» брюшком, но все еще имеющий право именоваться «статным», и с отличной выправкой кадрового военного.

Вот он рукой в ослепительно белой перчатке поднял жезл. Едва уловимое движение жезла и на мгновение мелькнувшая левая рука в такой же белоснежной перчатке заставили оркестр вздрогнуть и в едином порыве чуть качнуться вперед. Вот жезл взметнулся вверх, и воздух содрогнулся от грохота барабанов, ударной и духовой меди, прерываемой через короткие интервалы специфическим звуком многочисленных флейт³, создавая мощную звуковую гамму. Затем последовало еще какое-то еле уловимое, непонятное для непосвященного движение руки и жезла тамбурмажора, и оркестр в этот же момент выбросил вперед высоко поднятую левую ногу и стал «печатать» по мостовой знаменитый «пруссский шаг», подчиняясь единому и четкому ритму и темпу, регулируемому знаковым выбросом вверх жезла тамбурмажора. Иногда жезл отрывался от руки, взлетал верх над головой тамбурмажора и, ловко подхватываемый им, обозначал какую-то новую функцию оркестра.

Мне почему-то этот тамбурмажор и ведомые им как единое целое оркестранты напоминали стаю деревенских гусей, безропот-

¹ Тамбурмажор — капельмейстер, задающий ритм и темп оркестру на марше.

² ННА — Национальная народная армия ГДР.

³ В немецкие военные оркестры еще в XVIII веке флейту ввел немецкий полководец, прусский король Фридрих II, именуемый немецкими историками «Старый Фриц». С тех пор только в немецких оркестрах всех времен и эпох принято использовать в маршевой и парадной музыке большое количество флейт.

но следующих за своим жожаком. Задающий ритм и темп движения человек в военной форме казался мне не специально обученным и особо вышколенным руководителем военного оркестра, а великолепным артистом, выступающим вместе со своим музыкальным коллективом на огромной площади-арене, и этот актер демонстрировал многочисленным зрителям свое высокопрофессиональное изумительное мастерство...

Из восторженного состояния меня вывел толчок Жарова в бок:

— Вижу, ты в восторге от этого тамбурмажора. Мастер, конечно. Я тебе поведаю историю этого военного. Мне рассказывали немецкие товарищи. В 1941-м ему было 20 лет. Он был уже тогда профессиональным военным музыкантом. И именно тамбурмажором. Роль такого капельмейстера, особенно в немецкой армии, огромна. Ей всегда придавалось особое значение. Перед нападением на Советский Союз якобы сам Гитлер дал указание подготовить загодя военный оркестр с лучшим тамбурмажором, который бы и внешне олицетворял собой лучшего представителя арийской расы. Из многочисленных тамбурмажоров вермахта наиболее подходящим не только по профессиональным данным, но и по внешним признакам истинного арийца оказался вот этот ныне здравствующий военнотружущий ННА. Немцы настолько были уверены в победе и захвате Москвы до наступления зимы, что вместе с наступающими на советскую столицу частями вермахта находился и оркестр со специально подобранным для участия в параде на Красной площади после падения Москвы тамбурмажором. Однако чем все это закончилось — известно. Декабрьское 1941 года наше контрнаступление было настолько стремительным и мощным, что немецкое командование не успело вывести из-под удара ту часть вермахта, в которой находился этот оркестр. Так все они, вместе с тамбурмажором, попали к нам в плен. Потом была «Антифа», перевоспитание, пересмотр своих убеждений. И вот перед нами человек, олицетворяющий новую немецкую армию, национальную народную армию Германской Демократической Республики. Я не знаю, кому из немецких товарищей пришла идея именно несостоявшегося тамбурмажора для «парада нацистских победителей» в Москве использовать в ННА по его прямой военной специальности. Но я уверен, это глубоко символично. И хорошо, что наши друзья сохранили понятные каждому немцу традиции старой и привычной для них военной службы со всеми ее атрибу-

тами. Это, разумеется, только форма, оболочка. А содержание новое, наше, социалистическое, — торжественно закончил мой друг.

В общем, может быть, я и не все запомнил дословно из сказанного Жаровым, но суть очень близка именно к этому изложению, к тем словам, которые я услышал от своего друга на военном параде ННА Республики.

Честно признаюсь, что я уже не с таким восторгом воспринимал этого действительно великолепного немецкого тамбурмажора.

БОГОМОЛОВ И «БЕЛЫЕ МЫШИ»¹. 1961 год

Я не раз был свидетелем необычного поведения Саши Богомолова, когда он явно нарушал правила дорожного движения. У немцев любое нарушение правил дорожного движения строго наказывалось, это, однако, не касалось дипломатов. Их могли, естественно, остановить, любезно что-то объяснить, однако, если возникала какая-то конфликтная ситуация или машина с дипломатическим номером проезжала, не обращая внимания на предупреждение дорожной полиции, в посольство иногда поступали сообщения об этих грубых нарушениях правил дорожного движения. Саша, заметив, что его нарушения фиксируются полицией и это может привести к сообщению в посольство, сам останавливался. Ждал, когда к машине подойдет «белая мышь». Не выходя из машины, опускал стекло и еще на подходе полицейского начинал громко кричать, имитируя полное незнание немецкого языка: «Никст ферштеен! Никст ферштеен!» Далее следовала полная словесная абракадабра по-русски, типа: «Дружба! Москва-Берлин! Ракета! Спутник! Юрий Гагарин! Поехали!» Он повторял эти слова в разных вариантах, одаривая полицейского лучезарной улыбкой. Полицейский в ответ только мог улыбнуться, махнуть рукой и, делая нужное движение полицейским жезлом, отпустить его. Саша плавно трогался с места и, продолжая так же улыбаться и коверкая немецкое слово «До свидания», кричал: «Аув фиттерзеен!» Обе стороны оставались довольными собой, жалоб в посольство на Богомолова никогда не поступало.

¹ «Белые мыши» (Weisse Meuse) — так берлинцы называют дорожную полицию из-за их плащей белого цвета и белого верха фуражки.

ПЕРЕКРЫТИЕ СЕКТОРАЛЬНОЙ ГРАНИЦЫ В СТОЛИЦЕ ГДР БЕРЛИНЕ. 13 августа 1961 года

Поздним вечером 12 августа 1961 года в Берлин стали въезжать колонны военных грузовиков. В них сидели вооруженные члены боевых рабочих дружин — цвет рабочего класса Республики. За ними в таких же грузовиках следовали полицейские и армейские части национальной народной армии ГДР (ННА). Солдаты ННА начали укладывать вдоль западной секторальной границы Берлина спираль Бруно и устанавливать столбы, натягивая на них колючую проволоку. По иронии судьбы колючая проволока была изготовлена в ФРГ и закуплена правительством ГДР по каналам внутригерманской торговли якобы для своих внутренних нужд и до определенного времени хранилась на складах Республики.

Шел первый час ночи 13 августа 1961 года. Так началась заранее спланированная сверхсекретная операция стран социалистического содружества по перекрытию государственной границы ГДР в ее столице — Берлине, получившая название «антифашистский защитный вал», а у врагов социализма — «стена позора».

Эта крайне важная для сохранения социализма в ГДР и удержания страны в социалистическом лагере операция готовилась в обстановке глубочайшей секретности. На закрытых совещаниях руководителей партий и правительств социалистических стран неоднократно говорилось о необходимости укрепления ГДР и ее границ, но не назывались ни конкретные шаги, ни даты их проведения. А между тем торчащая в теле ГДР заноза — Западный Берлин — ежедневно и ежечасно не только напоминала о себе, но и наносила серьезный экономический и политический ущерб Республике, а стало быть, и всему социалистическому лагерю. Раскол Германии, начавшийся проведением нашими бывшими союзниками по Второй мировой войне денежной реформы в 1948 году в западной ее части, вскоре привел к образованию в мае 1949 года ФРГ, а вслед за этим, в качестве ответной меры, и к созданию в октябре того же года ГДР со столицей в Берлине. Сразу же возникла проблема беженцев из Республики. Поток их, возрастая из года в год, был настолько мощным, что стоил Республике с октября 1949 года по август 1961 года почти трех миллионов своих граждан, не пожелавших жить в социализме по разным причинам, в

том числе и по экономическим. Только в одном 1953 году на Запад через Берлин ушло более 300 тысяч человек. Прежде всего уходили лучшие специалисты и интеллигенция, для которых уровень жизни в ФРГ становился в несколько раз выше, чем в социалистической Республике. Действовавшие в Западном Берлине денежные обменные пункты оценивали марку ГДР в четыре, а то и в пять-шесть раз ниже марки ФРГ. Открытая граница приводила к тому, что многие жители Западного Берлина, обменяв деньги у себя дома, буквально забивали все театры, рестораны, бары, кафе и закусочные в столице ГДР, скупали огромное количество продуктов, так как стоимость всех видов напитков и продуктов питания в ГДР была приблизительно такой же, как в Западном Берлине, включая все виды услуг для населения. Даже проститутки, которых в Восточном Берлине тоже было предостаточно, стоили в несколько раз дешевле, чем в Западном Берлине. В общем, один только экономический ущерб от утечки всех видов продукции ГДР в Западный Берлин составлял более 5 миллиардов марок в год. К этому следует добавить несколько десятков тысяч жителей столицы и ее пригородов, которые работали на предприятиях и фирмах Западного Берлина, получая там западную валюту, меняя ее затем на марки ГДР и возбуждая тем самым свое окружение по месту жительства в Республике. Работавший уборщиком в Западном Берлине житель столицы получал в итоге зарплату самого высокооплачиваемого служащего в ГДР. Превратить же Восточный Берлин в «витрину» социалистического лагеря, о чем мечтал Хрущёв, нам было не под силу. Как мы ни старались, мы так и не смогли уговорить пойти на экономические жертвы наших друзей в социалистическом лагере, так как из всех европейских социалистических стран жизненный уровень населения в ГДР был выше всех остальных. Западный Берлин в те годы был центром шпионажа и провокаций Запада против социалистических стран, прежде всего против ГДР. Из этого поистине осинового гнезда во все концы Республики исходили саботаж и диверсии. К сожалению, иного и не могло быть: здесь проходила горячая линия между Западом и Востоком; именно здесь, в Германии, противостояли друг другу две мощнейшие военные группировки, возрастающая сила которых вот-вот могла достичь критической массы, после чего всегда следует взрыв. В этом городе сталкивались интересы многочисленных разведок и спецслужб стран НАТО и Варшавского договора.

Только посвященные понимали, какую опасность таят в себе красивые неоновые рекламы и что кроется за витриной западного мира.

Если мне не изменяет память, одна из вражеских диверсий была в 1960 году, когда в демократическом Берлине и части ГДР стала стремительно распространяться дизентерия. Положение спасла советская вакцина, срочно доставленная в ГДР. Заразу остановили. Созданная комиссия установила, что источник инфекции был в сливочном масле, которое поступило в продажу после переработки. Вывод специалистов был однозначен: чтобы получить такой мощный источник инфекции, нужно было бы вылить в масло на заводе колбу с дизентерийной палочкой или вывернуть в продукцию кишечник больного. Это была диверсия. Шло испытание на нашу прочность в биологическом оружии.

Обеспечивая бедную сырьем ГДР нефтью, хлопком, металлом и т.п., Советский Союз так и не смог «привязать» ее к своей экономике, то есть перейти с существовавшей в обеих частях Германии технических норм DIN на ГОСТ. Самым же опасным оставалась политическая ситуация в Западной Германии и в Западном мире в целом. Шел стремительный рост военной промышленности в США. Немецкие реваншисты в ФРГ требовали усиления бундесвера и обеспечения его тактическим ядерным оружием. Встреча в верхах в 1961 году в Париже была торпедирована полетом американского самолета-разведчика У-2, сбитого под Свердловском. С санкции президента США была проведена высадка кубинских эмигрантов на Кубу. Неудачно прошла и встреча Хрущёва с Кеннеди в Вене. Мир замер в ожидании глобальной катастрофы. Мечты Хрущёва о всеобъемлющей международной разрядке рухнули. Не были осуществлены и другие мирные инициативы советского лидера — превратить Западный Берлин в «вольный город» и подписать договор с Германией. Кроме того, руководитель ГДР Ульбрихт, которому Хрущёв еще в 1958 году высказывал мысль о перекрытии секторальных границ в Берлине, теперь однозначно заявил советскому лидеру, что если какое-то время граница будет оставаться открытой, а исход населения Республики будет продолжаться, то крах ГДР неизбежен. Удержать власть в Республике коммунисты не смогут. Вот тогда-то и было принято решение перекрыть секторальную границу в Берлине.

В начале августа 1961 года в Москве состоялась встреча руководителей стран Варшавского договора. Обсуждался вопрос и о перекрытии секторальных границ в Берлине, но конкретная дата не называлась. Только Хрущёв и Ульбрихт знали, что это произойдет через несколько дней.

За сутки до начала операции в Берлине было проведено совещание, на котором присутствовали с немецкой стороны руководители ЦК СЕПГ Ульбрихт и Хонеккер, министры госбезопасности Мильке, внутренних дел — Марон, обороны — Хофманн и транспорта — Крамер. С советской стороны — посол М.Г. Первухин, главком ГСВГ (Группы советских войск в Германии) И.С. Конев, сменивший перед этой важной политической акцией тогда сравнительно молодого генерала И.И. Якубовского, начальник штаба ГСВГ генерал Арико, который докладывал обстановку. В целях сохранения максимальной секретности других руководителей высокого ранга не было, как не было ни секретарей, ни помощников, ни стенографисток. Присутствующие вели деловые записи от руки. Переводчик был только один с советской стороны — Ю.А. Квицинский.

Сотрудников совпосольства собрали на совещание в конце рабочего дня 12 августа, где нам было впервые объявлено о предстоящей акции, строго предупредив о чрезвычайной секретности. Об этом не должны были знать даже жены. Оперативно-дипломатический состав разбили на группы по два человека и каждой определили свой участок у секторальной границы, куда мы должны были выдвинуться на рассвете 13 августа. Цель — получение информации о настроениях и реакции населения.

Чтобы сохранить секретность, Ульбрихт 12 августа в конце дня пригласил к себе на дачу всех членов Политбюро ЦК СЕПГ, Президиума Совмина и Госсовета, руководителей всех политических партий и держал их у себя до глубокой ночи, то есть до начала операции.

Первые часы после перекрытия границы в городе было спокойно. Люди не успели прийти в себя от неожиданного шока. К обеду жители с обеих сторон стали кучками собираться у границы. Жителей Западного Берлина, оказавшихся в это время в столице ГДР, свободно пропускали по месту их жительства. То же самое происходило и с гражданами ГДР, оказавшимися в эту ночь в Западном Берлине. Однако существовавший ранее свободный про-

В доме наших общих друзей Жаровых. Г. З. Санников, Л.Г. Зыкина.
Москва 2005 год

Отъезд в Москву. Прощание с немецкими друзьями. Слева направо:
Ойген (Женя) Класе, Соня Мебель, Алла Санникова, жена Ойгена
Ренате, Георгий Санников. Берлин 1972 год

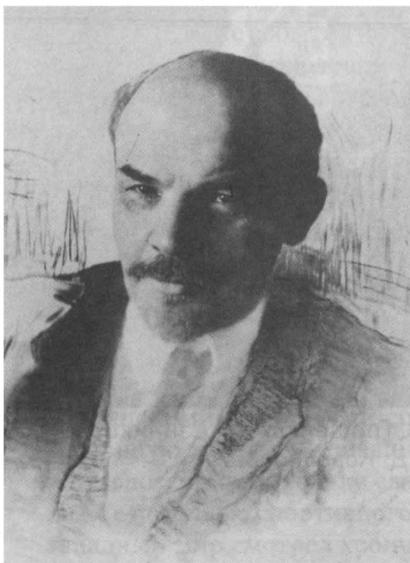
На ноябрьском приеме Генконсульства в западных секторах Берлина. Слева направо: посол Советского Союза в ГДР М.Т Ефремов, консулы А.И. Грищенко и В.Д. Козобродов. Западный Берлин, Курфюрстендамм, отель «Кемпинский» 1974 год

Лейтенант (младший политрук) Красной армии Мориц-Миша Мебель. Действующая армия. Северо-западный фронт. Август 1942 года

Последняя встреча с Вернером-Володей Эберляйном. Берлин 2001 год

Подарок В. Эберляйна автору – копия уникального портрета В.И. Ленина из семейного архива Эберляйнов

На юбилее друга Морица Мебели. Сидят: Маркус и Андрея Вольфы, стоят: Мориц и Соня Мебели, Г. З. Санников. Берлин 23 февраля 2003 года

В кругу друзей. Слева направо сидят: А.И. Грищенко, Г.З. Санников, В.Ф. Стукалин; стоят: А.И. Приходько и В.Д. Козобродов.
Подмосковье 2007 год

ход в Западный Берлин гражданам ГДР был надежно перекрыт уже установленной колючей проволокой.

По решению ЦК СЕПГ коммунисты города вышли на улицы, чтобы быть вместе с народом и разъяснить населению правильность осуществляемой акции. Членов СЕПГ всегда можно было определить по партийному значку на верхней одежде. Это было партийной нормой. Люди группировались вокруг членов партии, дискутировали. Следует сказать, что, по проводившимся ранее секретным социально-политическим исследованиям, только одна треть населения ГДР была настроена убежденно социалистически. Еще одна треть по разным причинам не высказывала открыто своих особых симпатий к социализму, но, в принципе, ее устраивала политическая ориентация ГДР. Таким образом, добрая половина населения была недовольна расколом Германии и не поддерживала коммунистов. К этому следует добавить, что 45% населения ГДР имели родственников в ФРГ и Западном Берлине. Немецкий обыватель в ГДР всегда возмущался отсутствием в Республике экзотических фруктов, прежде всего бананов, которые всегда были в ассортименте довоенной Германии, качественных и дешевых колготок, шоколада, что в изобилии имелось в ФРГ и Западном Берлине.

Трагические события начали развиваться позже, к обеду 13 августа и во все последующие дни по нарастающей, пока через несколько дней не стала возводиться настоящая кирпично-бетонная стена, поначалу с колючей проволокой сверху, которую позже заменили на круглую и такого диаметра бетонную трубу, чтобы ее невозможно было бы обхватить руками. Через такую стену нельзя было перелезть даже с помощью лестницы. Особенно трагичны были первые недели перекрытия границы. Люди, рискуя жизнью, продолжали бежать в Западный Берлин. Они спускались из окон в западную часть города из примыкавших к секторальной границе домов по веревкам или с помощью скрученного постельного белья. Бросались вниз с высоких этажей в расставленные западно-берлинскими пожарными спасательные тенты. Уползали через зловонную жижу канализационных труб. Пробивали машинами и бульдозерами поначалу слабо укрепленную стену, преодолевали ее с помощью спортивного шеста, воздушных шаров и т.п. Весь западный мир смотрел хронику с места событий, содрогаясь при виде прыгающих с высоты стариков, детей и калек. Смотреть нам

все это было, по крайней мере, тоже не очень приятно. Мне тогда особенно запомнился побег 13 августа через секторальную границу солдата ННА, сбрасывающего с себя автомат, которого репортеры запечатлели в момент прыжка через спираль Бруно. Среди беглецов появились первые жертвы. Их убили пограничники ГДР при попытке нарушить государственную границу своей страны. Западноберлинская полиция получила приказ немецких городских властей «прикрывать огнем перебежчиков». Всего за время существования стены с августа 1961 года до осени 1989 года пограничниками ГДР было убито 136 беглецов, в том числе в самом центре города 12 человек. Жертвами ответного огня западноберлинской полиции стали четыре пограничника ГДР. Показательно, что пограничники Республики ни разу не дали спровоцировать себя и, имея приказ не стрелять в сторону Западного Берлина, ни разу не нарушили его. Сегодня у здания Рейхстага рядом с бывшей секторальной границей 12 символических захоронений. На крестах имена и даты рождения и гибели несчастных. Это молодые люди. Но почему до сих пор нет символических могил таких же немцев — пограничников, погибших от пуль братьев по крови, западноберлинских полицейских? Автор полагает, что, пока нет этого, не может быть примирения между когда-то разделенным историей народом.

Стена возникла по вине обоих противостоящих друг другу враждебных идеологических блоков. За нее в равной степени ответственны те, кто навязывал нам холодную войну и проводил политику балансирования на грани войны, и те, кто не нашел в себе сил и мужества покончить со стеной не в ноябре 1989 года, а значительно раньше с учетом складывающейся внутренней ситуации в ГДР и в мире.

Трудно сказать, как развивались бы политические события вокруг Западного Берлина, если бы не стена, охладившая горячие головы. События 13 августа 1961 года прекратили достигший своего апогея политический кризис. Мы продемонстрировали силу, сохранив ГДР, которая просто была бы поглощена более мощной ФРГ, как оно позже и произошло. Крах ГДР, а стало быть, и всего социалистического лагеря с помощью стены был приостановлен на долгие 30 лет. А что же население ГДР, половина которого была против социализма? Оно временно притихло. Исход прекратился.

Проведенная акция остановила назревавший и почти достигший апогея политический кризис, положив начало новому размежеванию сил, проведению новой политики. Это также означало признание необходимости соблюдать статус-кво в сложившихся отношениях между Востоком и Западом.

Примечательны слова президента США Кеннеди: «Все же стена, черт возьми, лучше войны».

По-человечески немцев можно понять, это был их родной город, в обеих частях которого жили родственники, друзья. Тяжело представить нас в таком положении, если бы Москва была разделена на две части. Но время было такое. Эти события уже принадлежат истории.

Приведу на память данные из секретной информации ЦК СЕПГ: «...анализ показал, что все те граждане ГДР, работавшие ранее в Западном Берлине, выполняют свою работу не ниже 180–200%. При этом заявляют, что иначе работать на Западе нельзя — уволят». От себя добавлю, что через несколько лет эти высокие темпы упали до существовавших в ГДР норм.

Неожиданно для мира возникшая 13 августа 1961 года стена так же быстро исчезла после 9 ноября 1989 года, оставив после себя в качестве исторической достопримечательности кусок, разрисованный художниками-любителями в одном из районов города, и музей у когда-то существовавшего контрольно-пропускного пункта «Чек-пойнт Чарли».

Политику социалистических стран в Европе всегда определяла Москва. Припоминаю, как на одном из совещаний в совпосольстве, или, как мы их тогда называли, «оперативке», спустя несколько лет после 1961 года А.А. Громыко сказал, что «пока наши войска стоят в ГДР, она останется социалистической. Терять ГДР мы не можем. Войска наши здесь будут находиться столько, сколько нужно. Если надо — вечно». Как известно, ничего вечного не бывает.

Многие западные политики обвиняют Ульбрихта и руководство Республики в создании стены, приведшей к длительной изоляции от братьев-немцев в ФРГ. Приведу лишь несколько слов из книги «Время и случай. Заметки профессионала» известного дипломата, бывшего совпосла в Бонне, одного из лучших специалистов по германскому вопросу Ю.А. Квицинского: «...как бы подводя общий итог, Ульбрихт сказал тогда Первухину: —

Доложите товарищу Хрущёву: приказ выполнен, все в порядке». Так закончилось одно из эпохальных событий в истории послевоенной Германии.

«БУДЬТЕ ОПТИМИСТАМИ — УЧИТЕ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК!» 1962 год

После долгих усилий по преодолению многочисленных не только бюрократических, но, главное, и политических препятствий, нашему торгпредству в ГДР удалось открыть в 1960 году в Западном Берлине новое представительство Совэкспортфильма. Это было серьезным успехом в вопросе продажи советских фильмов непосредственно в условиях западного мира. Западный Берлин в этом смысле занимал особое положение и являлся крупным культурным центром притяжения, играя роль своеобразного моста между Востоком и Западом.

Расположенное в самом центре Западного Берлина на Курфюрстендамм, 229, представительство сразу же развернуло свою работу, и вскоре ему удалось осуществить несколько удачных сделок по продаже наших фильмов.

Организуемые сотрудниками нового представительства мероприятия, типа небольших приемов с демонстрацией советских фильмов, стали охотно посещать представители различных кругов творческой интеллигенции, чиновники западноберлинского сената, сотрудники администраций США, Англии, Франции в западных секторах города, представители прессы. Здесь частыми гостями были работники военных миссий Чехословакии, Польши, Югославии. Работа представительства проводилась в тесном контакте с давно действовавшим представительством Совэкспортфильма в демократическом секторе Берлина — столице ГДР по адресу Милаштрассе, 2. Там тоже иногда проводились мероприятия, организуемые представительством Совэкспортфильма в Западном Берлине, так как помещение представительства в ГДР могло принимать большее количество гостей.

И вот однажды наши товарищи, работавшие в западной части города, Н.А. Горбачев и Ю.А. Кутырев, пригласили несколько десятков журналистов на Милаштрассе, 2. Все бы ничего. Очередное плановое мероприятие. Но случилось то, что было крайне тя-

жело предусмотреть и предвидеть. Кто-то из присутствовавших западных журналистов рассказал какой-то безобидный, но с политическим звучанием анекдот. Его примеру последовали другие. В том числе и наш 2-й секретарь посольства Вениамин Терентьевич Сутулов. Опытный дипломат, побывавший не в одной длительной заграничной командировке. Осторожный в высказываниях, тем более среди западной журналистской братии. Кто-то из немецких журналистов поднял тогда острую тему «желтой» опасности, как именовали на Западе стремительно развивающийся Китай. Да еще и в свете существовавших тогда известных трений в советско-китайских отношениях. И наш Вениамин Терентьевич рассказал анекдот, суть которого сводилась к следующему: пессимисты изучают русский язык, а оптимисты — китайский. Безобидно посмеялись. Затем в одной из газет, издававшейся в Гамбурге, присутствовавший на этом приеме журналист опубликовал, в общем-то, неплохую и довольно объективную статью о прошедшем приеме. Статья эта заканчивалась словами: «Прощаясь с нами, 2-й секретарь советского посольства в Берлине (далее имярек), перегнувшись с перил лестницы, кричал вслед: “Будьте оптимистами — учите китайский язык”».

Наш посол, демократичный Михаил Георгиевич Первухин, ограничился солидным внушением, а могло быть и хуже. Обошлось. Пришлось Вениамину Терентьевичу попереживать пару недель за допущенный им «дипломатический ляп» и быть объектом некоторых обидных насмешек. Вот так бывает с дипломатами. Уж лучше лишний раз промолчать, ну, на худой конец загадочно улыбаться...

БЕДНАЯ КОЗА. 1962 год

Мы возвращались с неудачной охоты. Без трофеев. Это случилось крайне редко, так как мы обычно охотились по договоренности с немцами и, как правило, обязательно вместе с немецкими егерями. Воскресенье. Осенний теплый и сухой день заканчивался. Добропорядочная немецкая публика, выезжавшая на дачи или просто отдохнуть на природе, давно вернулась в городские квартиры. Асфальтовая лента сельской лесной дороги была пустынной. Еще пару километров, и машина достигнет автобана, а там и Берлин близко. С правой стороны всходила луна, медленно выплывая

из-за низких обрамлявших дорогу холмов. Дорога пошла в гору. Неожиданно с правой стороны в слабом свете луны мы увидели на вершине холма четкий силуэт. Козел! Или коза! То, что мы вместе с егерем целый день тщетно искали. Не сговариваясь и не издавая восторженных возгласов, но явно получив дозу адреналина (это может понять только охотник!), мы стали действовать, как будто заранее обговорили наш план. Водитель сбавил до предела скорость, а затем сдал машину назад, чтобы сравняться со зверем. Конечно, по правилам немецкой охоты мы не имели права ни браконьерничать, ни тем более стрелять из окна автомашины. Кстати, этим частенько «грешили» наши военные. Мы же, сотрудники посольства, относили себя к настоящим охотникам и старались соблюдать действующие в ГДР правила и условия немецкой охоты. Все имели охотничьи удостоверения с отметкой о проплаченных членских взносах. Нас лично знал, а зачастую и охотился с нами главный егеря ГДР Хайнц Шоте. Он же и организовывал эти охоты, иногда вместе с немецкими охотничьими коллективами. Это были замечательные мероприятия с соблюдением торжественных и весьма занимательных немецких охотничьих ритуалов, чем так всегда славилась Германия. Но это особая тема, и мы ее пока опускаем. В общем, как и положено в сложившейся ситуации, водитель (это был один из нас) притормозил «Волгу», сравнявшись с четким силуэтом зверя. Второй член команды осторожно приспустил стекло, а третий, с уже изготовленным для выстрела ружьем, выставил его в окно и прицелился, подав еле слышный сигнал голосом, что означало «глуши мотор, я готов к выстрелу», чтобы убрать мешающую при прицеливании вибрацию кузова. В распоряжении стрелка в таком случае для прицельного выстрела было не более одной-двух секунд, так как животное, привыкшее к звукам работающего автомотора, настораживалось и, как правило, резко обращалось в бегство. Этим браконьерским премудростям нас обучали те же немецкие друзья-егеря. Что главное в охоте? Выследить и не спугнуть зверя... Наступила тишина. Животное (это мы почувствовали) напряглось. И тут же хлопнул выстрел. Мы все трое выскочили из автомашины и резво взбежали по довольно крутому склону холма на его вершину. То, что мы увидели, привело нас в замешательство. Зверем оказалась обычная домашняя коза, привязанная на длинной веревке к прочно вбитому в землю деревянному колу. Метрах в пятидесяти просматривался крестьянский

дом с хозпристройками, а за ним на довольно приличном расстоянии смутно угадывались какие-то строения — по всей вероятности, деревня. Мы раньше неоднократно ездили по этой дороге, но жилые постройки были скрыты холмами. Здешняя местность не была нашим согласованным с немецкими друзьями районом охоты, и мы не могли и предположить, что здесь где-то рядом, в общем-то в глуши, может быть жилье. Все решали секунды. Кол был выдернут, и несчастная коза вместе с колом и веревкой была засунута в багажник. Пусть хозяева думают, что коза выдернула кол и убежала, пропав навсегда.

Домой в посольство вернулись мрачные и расстроенные. Было стыдно и жалко наверняка не очень-то имущих хозяев козы. Иначе кто будет содержать только одну козу? На следующий день по карте проверили место «убиения». Действительно, за обрамлявшими дорогу холмами находилась довольно большая деревня с одним единственным домом на отшибе.

Как компенсировать убытки немецким хозяевам? Подъехать к деревенскому бургомистру с объяснениями и выплатить денежную компенсацию? Мы знали немецкие законы. И не потому, что это было бы слишком дорого, так как в данном случае компенсация включала бы в себя утраченную выгоду в связи с потерей хозяевами козы-кормилицы. Сюда обязательно еще были бы включены и козлята, которых коза могла принести в будущем. В данном случае дело могло получиться шумным и позорным. Коза того явно не стоила. Через пару недель мы в том же составе поехали на рыбалку. Заехали в деревню и под предлогом закипевшей в радиаторе воды остановились у уже известного нам дома. С мотором возились долго, имитируя неполадки с термостатом. Хозяевами оказались пожилые муж и жена, сын которых был офицером полиции, служил в Берлине.

Старику понравился наш автоинструмент западного производства, и мы тут же подарили ему весь набор. А за доставленные «хлопоты» с ремонтом машины у их дома и помощь с водой — две бутылки русской водки. Могли бы дать и больше, в том числе деньгами, но как мы смогли бы это обосновать? Старики были безмерно (во всяком случае, нам так показалось) рады, а у нас камень с сердца упал и на душе стало спокойно. Порадовала нас и удачная рыбалка. Ну, точно Господь смилостивился! Немецко-советская дружба не пострадала.

«ДОСТОЯНИЕ» РОДСТВЕННИЦЫ РОТШИЛЬДОВ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ. 1962 год

Эту историю мне рассказал один из немецких друзей, старый коммунист, работавший в 1960-е годы в аппарате ЦК СЕПГ. Еще до войны в Германии проживала дальняя родственница самого могучего финансового клана планеты, Ротшильдов, — Реха Ротшильд. Убежденная коммунистка, ненавидевшая все, что связано с нацизмом. Мой друг что-то рассказывал о причинах, побудивших эту женщину прийти в коммунистический мир, но, честно говоря, я не очень хорошо запомнил детали этой удивительной истории. Волею судеб Реха очутилась в ГДР. Руководство Республики, лично Вальтер Ульбрихт, а впоследствии и Эрих Хонеккер были заинтересованы в этом члене партии. Еще бы! Клан Ротшильдов возник здесь, в Германии, в XVIII веке. Они наряду с другими им подобными вот уже несколько столетий правят финансами Англии, Франции, США. Их щупальца проникли во все сферы западного общества. А тут такой подарок в идеологической борьбе с Капиталом: хоть и дальняя, но родственница Ротшильдов нашла себя в ГДР! Плюс ко всему она еще обладала каким-то наследством и весьма приличным банковским счетом. Прямых родственников старая дама не имела, и сами понимаете, кто бы в случае... наследовал ее капиталы. ЦК СЕПГ и Республика. Сам факт важнее денег. На каких счетах и какие суммы были у Рехи Ротшильд, где хранились деньги, мой друг не рассказывал. Сама история о коммунистке Рехе тоже не была для меня удивительной, так как история коммунистического движения знала случаи посерьезнее, например наш Савва Морозов, друг Максима Горького. Да мало ли было в той же России подобных ему людей. Тот же фабрикант Шмит чего стоил! Эти люди бескорыстно служили революции, верили в коммунистическое будущее. А ведь богатенькие были. Не из рабочих и крестьян.

Я вспомнил эту историю с Рехой Ротшильд спустя много лет, когда у нас рухнула правящая партия коммунистов и развалился, казалось, крепкий как скала Советский Союз. Вспомнил я и желание Саввы Морозова, который заявлял своим друзьям-большевикам: «...если вы придете к власти, мне ничего не надо, все отдам государству, все свои фабрики, оставьте мне только мой особняк, лошадей для выезда и дайте власть управляющего моими бывши-

ми заводами. Я хочу вытеснить англичан с рынка тканей. Хочу, чтобы русский ситец стал победителем». Он, Савва Морозов, через того же Горького помогал большевикам деньгами. С ним все было ясно — русский человек думал о могуществе России.

Но вернемся к Рехе Ротшильд. Пожилая дама часто болела. Здоровье у нее было слабое, да и возраст вступал в свои права. Мой друг в те годы поддерживал с ней добрые отношения, и она была с ним доверительно откровенна. Оговорюсь, что я раскрываю тайну их разговора, зная, что их обоих давно нет в живых. А финал истории мне все рано неизвестен.

Так вот, на одной из встреч с ним Реха под большим секретом поделилась своим сокровенным. «Знаешь, — говорит, — когда я умру, то все имеющееся у меня имущество я не стану завещать ни партии, ни государству. Я уже сделала завещание. О нем, кроме тебя, никто не знает. Я все оставляю животным в берлинском зоопарке».

Я не знаю, чем закончилась история с завещанием Рехи Ротшильд, имелось ли оно вообще. В 70-е ей было далеко за восемьдесят. Сколько она прожила и чем все кончилось, мне неизвестно. Но очень уж любопытное заявление старой и убежденной коммунистки.

ЖЕРТВЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ, ИЛИ КАК НАС ЧУТЬ НЕ УБИЛА ОЗВЕРЕВШАЯ ТОЛПА В ЗАПАДНОМ БЕРЛИНЕ. 1962 год

Конец августа. Воскресенье. Мы с Ю.А. Квицинским выехали в Западный Берлин, где должны были встретиться с функционерами молодежной социал-демократической организации «Соколы». После жаркой политической дискуссии, усталые, но довольные выполнением, как нам тогда казалось, важной миссии, мы поспешили домой. В этот день на квартире нашего друга Славы Быкова¹ должна была состояться товарищеская вечеринка в кругу близких друзей в связи с каким-то семейным торжеством. Нам

¹ Владислав Иванович Быков — кадровый дипломат. В 1962 г. 3-й секретарь посольства в Берлине. В последующем генеральный консул в Западном Берлине, чрезвычайный и полномочный посол. Возглавлял консульское управление в МИД СССР. Умер в 1985 г. в Пекине, куда выезжал в составе делегации по восстановлению дипломатических отношений с КНР.

не хотелось опаздывать к праздничному застолью. Мы уже свернули на Кохштрассе, ведущую прямо к КПП «Чек-пойнт Чарли», когда увидели впереди по ходу машины запрудившую всю улицу плотно стоявшую к нам спинами толпу людей. Через щели от приспущенных стекол кабины до нас доносился гул голосов. Мы знали, что 13 августа прошлого года были перекрыты секторальные границы и неделю назад в западноберлинской и западногерманской прессе появились многочисленные статьи со злобными выпадами в адрес стран социалистического содружества. У секторальных границ со стороны Западного Берлина прошли антигэдээровские демонстрации. На всякий случай мы свернули на одну из боковых улиц, чтобы выехать к КПП с другой стороны, минуя толпу. Оказалось, что толпа была и с той стороны. Деваться нам было некуда. Я посигналил. Толпа расступилась, мы проехали буквально несколько метров и очутились среди чем-то возмущенных людей, плотно сомкнувшихся вокруг нашей машины. На подаваемые мною звуковые сигналы и повышенный шум двигателя с помощью педали газа толпа не реагировала. Люди не расступались, продолжая что-то злобно выкрикивать и угрожающе размахивать руками и зонтами. Мы вовремя заблокировали двери кабины, так как они стали дергать ручки дверей. Я спустил стекло с моей стороны и громко, перекрывая их вопли, несколько раз прокричал: «Отойдите от машины! Дайте нам проехать!» Мои призывы потонули в безумном реве воплей беснующейся толпы. В меня полетели смачные плевки. Я мгновенно поднял стекло. Мы вдруг почувствовали, как какая-то сила оторвала от земли наш автомобиль. Через стекло заднего обзора вижу красные от натуги лица десятка молодых людей, пытающихся удержать на весу зад машины. Жму на педаль газа, но колеса явно висят в воздухе. В следующее мгновение на бедную машину и стекла кабины обрушивается град ударов кулаками, ногами, ручками зонтов. Кто-то остервенело скоблит каким-то металлическим предметом поверхность крыши, боков и крыльев. От полного уничтожения машины нас спас знаменитый немецкий порядок и чистота улицы, на которой под ногами нападавших не оказалось ни одного камня, кирпича, куска железки, палки или доски.

Затем кем-то организованная толпа крепких молодых людей начинает переворачивать автомобиль. Им удалось положить наше

авто почти набок. Юлий навалился на меня. Помню, как он яростно произнес: «Какие мерзавцы! Они за это ответят!»

Разбушевавшаяся толпа была настолько плотной, что люди мешали друг другу и им никак не удавалось перевернуть машину, не раздавив при этом напивших с противоположной стороны. Теперь я наваливался на Квицинского. Ответить безумной толпе мы ничем не могли. Анализируя позже наше состояние, мы убедились, что страха у нас не было. Было чувство обиды за нашу беспомощность и невозможность чем-то аналогичным ответить толпе. Страх пришел позже, когда мы подъехали к посольству и увидели помятую и исцарапанную поверхность автомобиля...

Им удалось как-то даже приподнять всю машину. Наверное, тут-то нас и заметила дежурившая у КПП полиция. Несколько полицейских ворвались в толпу, молниеносно орудуя дубинками. Крики мгновенно стихли. Опять «сработал» немецкий порядок и дисциплина, почитание власти и силы. Толпа отхлынула от машины, и мы, быстро преодолев несколько десятков метров, остановились, чтобы выразить протест наблюдавшему за нашей машиной и с бесстрастным лицом жевавшему резинку американскому офицеру из военной полиции. Квицинский вылез из машины, подошел к американцу и, показав свой паспорт, сказал, что заявляет протест против нападения на машину советского посольства. При этом он на своем хорошем английском резко спросил американца, какого черта он здесь стоит и не принимает никаких мер. В ответ американец только нагло улыбнулся:

— А я ничего не видел.

— Когда с вашей машиной произойдет что-либо подобное в Восточном Берлине, мы тоже ничего не увидим, — резко ответил Квицинский...

Припарковавшись у посольства, мы осмотрели нашу «страдалицу». Бока, крыша, крылья, капот — везде вмятины и глубокие царапины. Вероятно, какие-то режуще-колющие предметы у немцев были, может быть, нож, но почему-то баллоны не прокололи! Как ни лупили нападавшие по стеклам, они выдержали все удары. Недаром на верхней части каждого стекла четко просматривалась заводская гравировка-штамп «Сталинит»!

О происшествии доложили послу. Михаил Георгиевич Первухин участливо расспросил нас обо всем. Выразил сочувствие в связи с пережитым. Похвалил за мужество и правильное поведение. Нам

приятно было слышать это от кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. В этот же вечер телеграмма о чрезвычайном происшествии ушла в Москву. Через несколько дней последовала нота протеста, о чем была публикация в нашей прессе и в газетах ГДР. В центральной печати в Москве по поводу случившегося в Западном Берлине было опубликовано сообщение ТАСС. Кстати, в западной, так называемой свободной демократической прессе вообще не появилось ни строчки об учиненных разбушевавшимися жителями Западного Берлина беспорядках. Здесь наверняка не обошлось без указания американцев, чтобы не раздражать советскую сторону.

Оказалось, что мы попали в толпу, которая собралась в годовщину гибели вблизи «Чек-пойнт Чарли» бежавшего из ГДР в Западный Берлин Петера Фехтера. Нам повезло. Могли и расправиться. Спустя пару часов те же толпы возмущенных берлинцев в тот же день забрасывали камнями джипы американской полиции и крушили все, что попадалось под руку, в центре города. Ими же был атакован наш военный автобус, доставлявший смену караула у советского памятника в Тиргартене перед зданием Рейхстага.

На следующий день в посольство из представительства КГБ в Карлсхорсте приехал начальник немецкого отдела. «Ну, — думаю, — сейчас похвалит за мужество и стойкость, как наш посол Первухин».

Он мрачно посмотрел на меня и неожиданно произнес совсем не те слова, которые, как мне тогда казалось, начальник должен был сказать своему подчиненному, пережившему вчера неприятные, а может быть, и трагические, минуты.

— Вы догадываетесь, зачем я вас вызвал?

— Думаю, да. По поводу вчерашнего случая.

— Вот именно! Вас придется наказать! Кто вам разрешил выезд в Западный Берлин?

— Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, наш посол Первухин.

— Вы конечно же не указали в нашем журнале о выезде в Западный Берлин и не оставили записку в «кубышке»¹?

¹ «Кубышка» — таким жаргонным словечком называли работавшие под прикрытием совпосольства сотрудники специальный железный ящик, куда через щель опускались записки с точным указанием местонахождения и времени выезжающего на задание в Западный Берлин. Вскрывать ящик могло только руководство.

— Почему же? Я и в журнале оставил запись о выезде, и в «кубышку» опустил записку о месте пребывания в Западном Берлине.

— Ладно, разберемся. Если вы виноваты — накажем.

И ни слова не только похвалы, но и элементарного человеческого сочувствия. Впрочем, тогда я об этом и не подумал.

Не поинтересовавшись деталями случившегося с нами, он тут же начал рассказывать в подробностях о том, что он сам пережил нечто подобное осенью 1956 года в Будапеште во время контрреволюционного путча и как ему пришлось несладко в те минуты, связанные с риском быть растерзанным озверевшей толпой.

«Ну, — думаю, — сейчас скажет пару теплых слов и в мой адрес». Но слов сочувствия и похвалы от начальства так и не последовало. Зато проверить запись в журнале и записку в «кубышке» он не забыл.

ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ ЭГОНА БАРА С НАМИ В ЗАПАДНОМ БЕРЛИНЕ. Начало 1960-х годов

Какое-то очередное мероприятие проходило в майский вечер на Курфюрстендамм в представительстве Совэкспортфильм, недавно начавшем свою деятельность в Западном Берлине. Не помню, было ли это организованным приглашением или в то время ответственный сотрудник сенатской канцелярии при правящем бургомистре Вилли Брандте Эгон Бар по собственной инициативе, что маловероятно, появился на нашем мероприятии, но факт остается фактом — это был он. Уже тогда заметная политическая фигура при Вилли Брандте. Если бы тогда знать, что именно Эгон Бар сыграет такую важную роль в так называемой восточной политике Брандта, политике «наведения мостов»! Он будет не только ближайшим другом и помощником Брандта, этого выдающегося политика XX века, но и разработчиком Московского договора, политики «поворота путем сближения», что и повлекло за собой гибель ГДР, а затем и всего социалистического содружества во главе с Советским Союзом. Впрочем, западные стратеги и разработчики новых политических концепций и сами не ожидали такого стремительного развития событий. Их планам суждено было

сбыться, потому что им помогло внутреннее предательство тех наших лидеров, которые не обладали нужными профессиональными навыками масштабных руководителей при полном отсутствии политического чутья. Они боролись за власть и свалившееся на них неслыханное богатство некогда второй мировой державы. Но оставим это истории...

Бар появился неожиданно, уже в конце мероприятия. Он был в темном пальто, которое положил на оказавшийся рядом с ним стул. С бокалом в руке подошел к стоявшему в стороне недавно прибывшему в посольство новому советнику, руководителю западноберлинской группы Николаю Михайловичу Гусеву. Советник Гусев здесь, на этом приеме, был по положению старше всех присутствовавших. Я думаю, кто-то подсказал Бару, к кому следует подойти. Странно, но советник слабо владел немецким для политической беседы. Я оказался рядом. Николай Михайлович подзвал меня. Наша беседа с бокалами в руках оказалась довольно длительной, наверное, не менее полутора часов. По возвращении домой я на свежую память сделал соответствующие наброски, а позже на работе составил запись беседы, как принято, от имени главного лица, в данном случае Н.М. Гусева, с фиксацией числа и продолжительности беседы и указанием присутствующего при этом лица, то есть себя.

Запомнились некоторые детали из беседы, примечательные своей необычностью, откровенностью. Чувствовалось, что Бар опытный переговорщик. Он как бы «втягивал» собеседника в разговор, умело навязывал ему свои формулировки, свою точку зрения. Он очень откровенно рассказывал о себе, включая некоторые интимные подробности своей биографии, как бы показывая свою искренность, в надежде получить что-то подобное и откровенное взамен. *Do ut des* — «я даю, чтобы ты дал».

Он рассказывал о своей юности и увлечениях. О перенесенном им на фронте и о тяжелейшем послевоенном экономическом подъеме Германии. О попытках германских социал-демократов наладить контакты с трудящимися других стран, действуя там через легальные политические партии левого толка. О наведении мостов речь еще не шла. Он поведал любопытную историю о своей юношеской мечте стать летчиком-истребителем. И это ему удалось. Процесс обучения пилотов в люфтваффе очень длительный. Он превышал по количеству часов самостоятельных полетов мно-

гократно подготовку советских летчиков в довоенный, особенно в военный период. Бар добровольно пришел в авиацию. Мечта сбылась. Он стал курсантом военной школы летчиков-истребителей. Война «перевалила» за ее вторую половину. Уже прошли Сталинград и Курск. Бои шли на Украине. Правда, еще не было высадки союзников в Нормандии в июне 1944 года. Они, молодые пилоты, не верили в поражение Германии. До выпуска, присвоения офицерского звания и вылета на фронт оставались считанные дни. Оказывается, у немцев тоже хорошо работали «особые отделы». Выяснилось, что у Бара бабушка еврейка. В немецкой люфтваффе могут сражаться только чистопородные арийцы. И это было так. Даже при недостатке квалифицированных пилотов, а курсант Бар являлся таковым, его лишили права офицерского выпуска, присвоили воинское звание фельдфебеля и отправили на фронт в пехоту. Пропала мечта умереть за фатерланд в воздушном бою. Но он заработал право умереть на земле. Этого, к счастью, не произошло...

Он довольно жестко обвинял Сталина в массовых репрессиях, но при этом соглашался и с нашими доводами. Он не понимал политику ВКП(б) — Коминтерна, заключающуюся в отказе от союза со всеми демократическими и иными антинацистскими силами в Германии, прежде всего с социал-демократами, что позволило прийти Гитлеру к власти.

Я запомнил его фразу: «Вы, большевики, нетерпеливы. А в политической борьбе нужно иметь большое терпение. Вы всегда торопитесь. Вам подавай все сразу. Вы за кровь и за борьбу на баррикадах. Мы, социал-демократы, ведем другую политику. Политику реформ в интересах трудящихся. Мы за парламентский путь борьбы. Но мы ведь тоже за социализм».

Мы отвечали Бару так, как тогда требовалось, и мы считали это правильным и единственным ответом на его политические оценки. Но, в общем, Эгон Бар произвел впечатление честного и политически выдержанного человека. Чувствовалось, что он настроен развивать личные контакты с нами с позиций западноберлинского сената, а стало быть, с позиций одного из ведущих лидеров социал-демократической партии В. Брандта.

По-моему, была еще одна встреча с советником Гусевым, но у него был другой переводчик. Кто именно, не помню. Вскоре Н.М. Гусева сменил Виктор Николаевич Белецкий. Виктор доволь-

но длительное время встречался с Баром, о чем свидетельствуют записи бесед.

Вскоре возник закрытый канал обмена информацией между советским руководством и канцлером ФРГ Брандтом, который действовал долгие годы, внося взаимовыгодные коррективы в стремительно развивающийся процесс «новой восточной политики» Брандта, нашедшей понимание у советских руководителей. С нашей стороны работало два ведомства, возглавляемые А.А. Громыко и Ю.В. Андроповым. Следует отметить, что контакт с Баром в данной ситуации стал развиваться не на базе ранее имевших место официальных встреч советских дипломатов в Западном Берлине и в ФРГ — он был выстроен вновь с помощью немецкого и советского журналистов, к которым позже присоединился сотрудник нашего Ведомства В.Е. Кеворков¹. Выбор этого талантливого контрразведчика был удачным. Кеворков прекрасно владел немецким языком, был хорошо известен как журналист, обладал «легким пером» и не только знал Германию, ее внутренние и внешние политические проблемы, но и с симпатией и сопереживанием относился к судьбе разделенной страны и к населявшим ее людям, то есть немцам. Ю.В. Андропов достаточно полно изучил этого человека, всецело доверял ему и не ошибся. Вряд ли в Ведомстве в то время нашелся бы кто-либо другой, кто по своим объективным и личным качествам смог исполнить эту деликатную роль...

Бар к этому времени из Западного Берлина переместился вместе с В. Брандтом в Бонн, где занимал высокую должность статс-секретаря в ведомстве канцлера ФРГ. И кроме того, являлся уполномоченным канцлера по Западному Берлину, что позволяло в случае необходимости беспрепятственно встречаться с ним в этом городе без излишних официальных проволочек и незаметно для любопытствующих. А главное — он был ближайшим другом и помощником в разработке политических решений канцлера ФРГ — Вилли Брандта. При этом Бонн не делал из этого тайны

¹ Вячеслав Ервандович Кеворков — известный германист и журналист. В 1969 г. по инициативе Ю.В. Андропова принимал участие в организации прямого канала между Бонном и Москвой, выполняя роль связного между руководством СССР и ФРГ. В 1982 г. в звании генерал-майора вышел в отставку и занимал должность замгендиректора ТАСС. С конца 1991 г. возглавлял бюро ИТАР—ТАСС в Германии. В настоящее время проживает в Бонне. Ветеран контрразведки.

для своих западных союзников, внимательно наблюдавших за развитием контактов, советовался с ними и регулярно информировал Вашингтон о ходе этой работы. Цель была достигнута. Сохранение в тайне встреч и их результатов от вездесущей прессы и чрезмерно любознательной общественности позволило ускорить подписание целого ряда международных соглашений, оказавших положительное воздействие на смягчение политической обстановки в мире в целом. Мне представляется, что такой успех стал возможным еще и потому, что Кеворкову и его другу, известному московскому журналисту Валерию Ледневу, удалось установить с Баром прежде всего самые добрые, теплые человеческие отношения, базировавшиеся на взаимной честности и открытости. И еще: вся проводившаяся в те годы работа по «тайному каналу» проходила в самом тесном взаимодействии между двумя ведомствами — МИД и КГБ.

**НЕЗАБВЕННАЯ ФРАУ КРОЗИГ —
ВЛАДЕЛИЦА КНИЖНОГО МАГАЗИНА
НА КНЕЗЕБЕКШТРАССЕ В ЗАПАДНОМ БЕРЛИНЕ.
1966–1971 годы**

В конце моей первой командировки, где-то в начале 60-х, я как-то зашел в книжный магазин по Кнезобекштрассе, выходящей на знаменитую в Западном Берлине главную и парадную улицу Курфюрстендамм, которую берлинцы, привыкшие все сокращать, ласково и просто именуют Кудамм. Небольшой магазинчик был буквально набит самой современной художественной и политической литературой, в том числе был большой выбор книг и на русском языке. Я, помню, что-то заказывал там и закупал для посольской библиотеки, а также приобретал книги и для МИД. Позже, во время второй командировки, я возобновил посещения этого магазина и вместе с руководителем информационной службы нашего представительства в Карлсхорсте Самуилом Мееровичем Квастелем в течение нескольких лет ежемесячно, а иногда и чаще систематически производил закупку литературы для нашей Службы. Я был знаком с владелицей этого книжного магазина, некой фрау Крозиг, спросив ее однажды, не родственница ли она известного в правительстве Гитлера мини-

стра финансов фон Крозига¹. Солидная, с симпатичным лицом, с теплым и внимательным взглядом, несколько сухощавая, очень интеллигентная дама, не меняя выражения всегда приветливого лица и глядя мне в глаза, скромно ответила, да, она родная племянница этого человека. Поддерживает с ним самые теплые родственные отношения. Она восторженно рассказывала о своем дяде, подчеркивая его аристократическое происхождение, врожденные воспитанность и интеллигентность. Он даже образование получил не в Германии, а в Лозаннском и Оксфордском университетах. Он считался одним из лучших юристов и финансистов Германии еще до прихода Гитлера к власти. Она была уверена в его внутренней непричастности к нацистскому режиму и нацистской идеологии. Он даже не был членом нацистской партии — заявляла она с гордостью. Я не стал переубеждать фрау Крозиг в обратном ввиду бесполезности этого занятия. Судя по ее некоторым высказываниям, а также готовности выполнить любую нашу просьбу по подбору и заказу литературы, она с симпатией относилась к нам, советским людям. Она могла дать нам на две-три недели, а то и на месяц некоторые книги на русском или немецком языке для просмотра, ознакомления или просто почитать, прося каждый раз обращаться очень бережно с данной на время книгой, чтобы позднее ее можно было вновь выставить на полку. Мы с Самуилом Мееровичем не раз пользовались любезностью этой приятной дамы.

Вот такие встречи были неожиданно возможны в этом чужом для советского человека в те годы Западном Берлине.

¹ Иоганн Людвиг фон Крозиг (1887–1977) — министр финансов при Гитлере, последний глава правительства и министр иностранных дел Третьего рейха адмирала Дёница до ареста англичанами 23 мая 1945 г. Поддерживал политику перевооружения Германии и изгнание евреев. Однако не был членом нацистской партии, считая себя «аристократом-консерватором». Некоторые члены его семьи и друзья участвовали в заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г. Фон Крозиг почему-то не привлекался в качестве обвиняемого в Нюрнберге, но позже, в 1947 г., был арестован, а 1949 г. американским военным трибуналом в том же Нюрнберге осужден на 10 лет лишения свободы. В 1951 г. освобожден по амнистии, проведя в заключении 6 лет. Интересен биографический факт его семейной хроники. Отец фон Крозига был племянником Женни фон Вестфален (жены Карла Маркса), чего никогда не скрывал.

«А ГОРОД ПОДУМАЛ — УЧЕНЬЯ ИДУТ». 1966 год

Это случилось в яркий солнечный день 6 апреля 1966 года. Над городом высоко в небе стояла легкая дымка перистых облаков. Ничто не предвещало трагедии. Кто-то из Западного Берлина позвонил в посольство и сообщил, что только что в озеро в английском секторе Западного Берлина — Штесензее — упал советский самолет. Руководитель западноберлинской группы (была такая в те годы в посольстве) Виктор Николаевич Белецкий вместе со мной сразу же выехал в Западный Берлин. Стоявшие на разделяющей озеро дамбе местные жители и полиция рассказали, что 35–40 минут назад в озеро упал самолет, хвостовая часть которого с выделяющейся красной звездой на руле поворота и черными цифрами бортового номера на конце фюзеляжа торчала из темно-зеленой и все еще бурлящей от пузырей воздуха воды.

По немецкой полицейской рации мы связались с английской комендатурой, где нам ответили, что их представители уже в дороге. И действительно, через пару минут подъехали несколько автомашин с военными, в том числе несколько в штатском. Мы сделали англичанам заявление, что самолет является собственностью Советского Союза, что он упал в Западном Берлине в озеро, соединяющееся каналом с водными поверхностями ГДР, то есть рекой Хафель — притоком Шпрее.

По существующему положению, оговоренному с союзниками на Потсдамской конференции в 1945 году, все воды Западного Берлина, соединяющиеся с водными поверхностями бывшей советской зоны оккупации Германии, относятся к юрисдикции ГДР. И что бы нам ни заявляли по этому вопросу англичане, дело они будут иметь в случае необходимости с советской стороной.

Англичане стали с кем-то советоваться по рации, а мы, жестко повторив свое заявление и попросив их проинформировать об этом свое начальство, возвратились в посольство, чтобы как можно скорее доложить об этом серьезном происшествии в Москву.

Временный поверенный пытался связаться с находившимися в Москве на пленуме ЦК КПСС послом Абрасимовым П.А. и главкомом ГСВГ П.К. Кошевым, но безрезультатно. Был воскресный день. Звонить же министру А.А. Громыко или самому генеральному — Брежневу — временный поверенный пока не решался. Гене-

ралы-авиаторы рассказали, что самолет был ЯК-28, истребитель-бомбардировщик, новая секретная машина, модифицированная на базе ранее выпускавшегося серийного ЯК-25. В самолете находятся три сверхсекретных, неизвестных противнику наших новых прибора: определители «свой-чужой» с земли и в воздухе и наводящий на цель. Если приборы попадут в руки англичан, ущерб будет огромный. По инструкции того времени пиропатроны, уничтожающие приборы при вынужденных посадках, связанных с перегрузками или разрушением самолета, вставлялись не на заводе, а только в подразделениях боевого применения, то есть в частях ВВС.

В посольство начали подтягиваться военные. Появился и военный комендант Берлина с немецкой стороны — генерал-лейтенант Поппель, сразу же внесший весьма разумное предложение: не теряя времени, направить мощный немецкий военный катер под советским флагом и с переодетой, как он выразился, в красноармейскую форму, немецкой командой, развести перегораживающие водную поверхность пограничные боны, зацепить тросом самолет и вытащить его в воды ГДР. Предложение немца было поддержано только Белецким, мною и командиром танковой бригады по охране совучреждений в Берлине полковником Селехом, готовым дать своих солдат для обеспечения этой операции, но, естественно, с санкции начальства ГСВГ. Никто из присутствовавших генералов и наш поверенный не поддержал нас, опасаясь международного скандала. Все ждали решения Москвы.

Предложение военного переводчика, щуплого, невысокого роста капитана, доставить его на дипломатической машине в Западный Берлин в военной форме, подплыть на надувной лодке к самолету, взобраться на хвостовое оперение, привязать себя и оставаться таким образом как бы на части советской территории любое нужное время до решения вопроса всерьез воспринято не было. А напрасно — время начинало работать против нас.

Повинуясь какому-то необъяснимому чувству, я пересчитал наших военных, столпившихся в небольшой приемной на первом этаже посольства. Человек двадцать, только одних генералов — двенадцать. Все были чрезмерно возбуждены, что-то сумбурно говорили, перебивая друг друга и пересыпая эмоциональные высказывания четкой, в данном случае оправданной русской нелитературной лексикой. Дружно сетовали на отсутствие своего выс-

шего начальства. Бестолковость и бездействие вызывали недоумение. Ведь кто-то же из военных, замещавших отсутствующего главнокомандующего Кошевого, должен был принять волевое и нужное решение. Нам с Белецким тогда вспомнились события «контрреволюционного путча» 17 июня 1953 года¹, когда в то время главком ГСВГ Гречко, спасая социализм, без санкции Москвы (она была получена позже) вывел танки на улицы городов Республики, что сразу же охладило горячие головы и пыл митингующих.

Наконец удалось разыскать посла. Петр Андреевич, будучи человеком решительным и смелым, моментально дал «добро» на проведение операции, предложенной немецким генералом.

Последовавший сразу же после санкции Москвы выезд на место трагедии показал, что время нами было безвозвратно упущено. Англичане оцепили место падения по дамбе и берегам плотным кольцом солдат и военной полиции. На берегу стояло несколько пулеметных броневых автомобилей. По озеру сновали английские военные катера. Посторонних, кроме советских дипломатов и нескольких наших генералов, к месту падения самолета не пропустили. Ожидалось скорое прибытие плавучего крана для подъема самолета и королевских боевых пловцов из Лондона для извлечения тел пилотов. Место падения англичане на наших глазах быстро закрыли большими деревянными щитами на надувных плотках, полностью скрывшими торчавший из воды хвост самолета, а с наступлением ночи ярко осветили установленными на берегу прожекторами. Работали боевые пловцы. Неожиданно воцарилась темнота, прожектора выключились. В кромешной темноте ничего не было видно. Через час прожектора вновь заработали. Мы только могли догадываться, что англичане в это время скрытно доставили тела пилотов в установленную на берегу и ярко освещенную изнутри палатку и там производили какие-то манипуляции, ибо именно из этой палатки на рассвете были вынесены тела наших парней. Нам не разрешили присутствовать при подъеме из воды тел пилотов и их осмотра.

¹ 17 июня 1953 г. на улицы Берлина и крупных городов ГДР вышли тысячи трудящихся Республики, возмущенных решением правительства увеличить производственные нормы и поднять цены на некоторые продукты питания. В те дни правительство ГДР было вынуждено укрыться от возможных неприятностей у наших военных. Высшее руководство Республики вывозил в безопасное место лично уполномоченный аппарата КГБ при МГБ ГДР Иван Анисимович Фадейкин.

Англичане предложили передать тела летчиков с торжественной церемонией, с соблюдением военного ритуала. Мы с трудом уговорили наших генералов согласиться. На берегу выстроилась рота шотландских стрелков в коротких юбках и шерстяных гольфах. Рядом — шотландский военный оркестр. Из палатки по шесть человек на каждое тело вынесли запакованные в шерстяные одеяла такой же яркой расцветки, как и юбки стрелков, наших пилотов. Оркестр шотландских волюнок заиграл похоронную мелодию. Раздались гортанные выкрики английских команд. Со специально смонтированных на берегу флагштоков приспустили английский и советский флаги. Протяжно пропела военная труба, и тела погрузили в советскую машину. Печальный церемониал закончился. Под унылые звуки волюнок кортеж советских машин направился в сторону Восточного Берлина. Вскоре тела героев были отправлены на Родину.

Созданной в связи с катастрофой специальной авиационной комиссией было установлено следующее. Два новейших советских истребителя-бомбардировщика Як-28, прибывших накануне прямо со Свердловского авиационного завода по маршруту Свердловск — Москва — Берлин на аэродром Эберсвальде к северо-востоку от Берлина, поднялись в воздух и взяли курс на аэродром Бранд, что в 140 километрах юго-западнее Берлина. Набрав высоту 6 тысяч метров, что соответствовало заданному эшелону, самолеты начали снижение. Неожиданно у самолета, пилотируемого летчиком капитаном Борисом Капустиним и пилотом-штурманом старшим лейтенантом Юрием Яновым, отказал правый двигатель. Разворачиваясь в сторону работающего двигателя, как положено по инструкции и теряя высоту, самолет очутился над большим городом, который слева по его курсу мог быть только Западным Берлином. Отказал второй двигатель, и тяжелая машина камнем пошла к земле. Летчики ясно видели жилые массивы громадного города. Высота 4 тысячи метров. В баках 5 тонн горючего.

По конфигурации разбитых костей и тела пилота авиационные медики определили: капитан Капустин увел машину в сторону от жилых домов, пытаясь посадить ее на поверхность мелькнувшего перед ним озера. Не хватило высоты и скорости. Як-28 под углом 30° вошел в поглотившую его воду. Вплоть до удара о водную поверхность капитан Капустин крепко держал ручку штурвала, о чем свидетельствовала содрванная на ладонях кожа.

Они могли катапультироваться, но не сделали этого — под ними были жилые дома. Что могло произойти, если бы ЯК упал на них, тяжело представить.

Один из пилотов в течение 20 минут был еще жив. Потом легкие его заполнились водой.

Авиационный самописец «черного ящика» выдал четкие параметры движения рулей, а пленка — последние слова командира, обращенные к пилоту-штурману: «Спокойно, Юра, спокойно». Далее был удар... Эти парни знали одно — под ними были жилые дома. Высотные герметичные костюмы пилотов были вскрыты англичанами. Личные и летные документы изымались, но были возвращены на место. Находившиеся в самолете секретные приборы исчезли — их англичане демонтировали и не возвратили. Они достались противнику целехонькими. Все остальные части самолета англичане через несколько дней вернули нашим военным.

Причина остановки двигателей — закупорка топливных трубок бумажными наклейками в обоих баках, не удаленных при их изготовлении.

Берлинцы приходили в совпосольство, чтобы выразить благодарность и признательность погибшим советским пилотам. Мы получили сотни писем от жителей Западного Берлина и ФРГ, в которых они восхищались мужеством наших летчиков. Во многих конвертах были деньги — пяти- и десятимарочные купюры — явно от неимущих. В основном это были пожилые люди, пережившие войну. Деньги мы с благодарностью отсылали обратно. Были и крупные переводы в адрес посольства для передачи семьям погибших. Их тоже не принимали, ссылаясь на достаточное государственное обеспечение.

Председатель западногерманской Социал-демократической партии Вилли Брандт, в то время правящий бургомистр Западного Берлина, выступил с предложением наградить героев-летчиков высшей военной наградой ФРГ — Золотым Крестом, что по статуту ордена предусматривало выплату крупной денежной суммы. Предложение Брандта нашло положительное решение правительства в Бонне. Мы отказались от награды. Брандту было направлено письмо, в котором мы указали, что трагедия произошла на территории Западного Берлина, который не является частью ФРГ и не относится к ее юрисдикции. У западноберлинского правитель-

ства — сената пока нет своих орденов. Советское правительство само наградит пилотов.

Военные рассказывали нам, что не только приборы, но и самолет представлял большой интерес для противника. Таких машин перед запуском их в серию было произведено всего три экземпляра, два из которых и направили в наши ВВС в Германию. Что касается украденных англичанами приборов, то сразу же после происшедшего была разработана новая инструкция, по которой подобные приборы отныне снаряжались пиропатронами на заводах.

Через пару дней после этого события мы предложили послу выйти через наши возможности на представительство в Западном Берлине одного из крупнейших в Европе журналов, «Штерн», с целью публикации интервью. Получив согласие, я посетил своих старых знакомых из этого журнала и договорился с ними.

Руководитель западноберлинского бюро журнала Зепп Эбельзедер сразу же соединил меня с Гамбургом, где размещалось издательство. Главный редактор «Штерна» Генрих Наннен после переговоров со мной по телефону направил в Берлин одного из лучших штерновских редакторов Эгона Вацека. На встрече в бюро Агентства печати «Новости» по Блейбтройштрассе, 15, состоявшейся 16 апреля, Вацек неожиданно заявил, что не собирается задавать нам заранее подготовленные советской стороной вопросы, как это обычно практиковалось, и что его вопросы не должны быть известны даже нам. При этом он жестко обосновал свои условия тем, что его приличный заработок в журнале уходит на карманные расходы, так как, будучи мужем единственной дочери миллиардера Дюпона, он может позволить себе быть независимым и свободным, соблюдая, естественно, корректность со своей стороны и оберегая репутацию журнала, с которым он сотрудничает ради своего хобби — журналистики.

В ответ ему не менее твердо было заявлено, что мы готовы ответить на любые вопросы журнала. В тот же день состоялась встреча. С нашей стороны были заместитель командующего ВВС ГСВГ Герой Советского Союза генерал-майор авиации Василий Сидоренков со своим переводчиком, В.Н. Белецкий, пресс-атташе посольства Ю.Ф. Жаров и от АПН Л.Л. Бурняшев.

Вопросов было много, в том числе и каверзных, на которые западный журналист получил полные ответы. Спустя неделю в

«Штерне» №18 появилось интервью на нескольких страницах с большим количеством переданных нами ранее журналисту фотографий. Детально описывалась катастрофа и подчеркивались мужество и героизм русских летчиков, награжденных посмертно орденами Красной Звезды.

Эгон Вацек действительно оказался мастером своего ремесла, и не случайно Генрих Наннен именно его выбрал для первого в истории Западного Берлина интервью с советским генералом. Вацек не побоялся вступить в конфликтный разговор с военной администрацией США в Западном Берлине в связи с таинственным и непонятым происшествием, напоминавшим скорее шпионский детектив. Проживавший в Западном Берлине фотограф «Штерна» некий Ян Парик должен был срочно доставить весь рабочий материал в западноберлинский аэропорт Темпельхоф для передачи очередным рейсом в Гамбург. Однако спустя несколько часов материал в редакцию так и не поступил. Глубокой ночью Вацеку удалось разыскать Парика, и тот признался, что передал материал американцам, которые, перед тем как отправить материал по назначению, сняли с него копию. Материал поступил в редакцию только на следующий день. Так и осталось до конца невыясненным: то ли это была грубая работа американской разведки, то ли глупость, ведь через неделю все это появилось в очередном номере журнала «Штерн». Эта «шпионская» история в последующем была подробно расписана в журнале «Шпигель».

Спустя какое-то время в Берлин приехал уже прославленный в те годы ансамбль Александра Броневицкого. Совпосольство организовало выступление ансамбля и в Западном Берлине, где в одном из концертных залов под открытым небом ослепительно красивая Эдита Пьеха исполнила песню А. Пахмутовой «Огромное небо — одно на двоих», посвященную советским пилотам, самолет которых в 1966 году падал на жилые кварталы этого города. Когда она смолкла, по лицу ее текли слезы. Потрясенный зал молчал, многие плакали. Потом все встали и долго-долго не отпускали певицу...

Прошло много лет, но каждый раз, когда я слышу до боли знакомую мелодию и слова «А город подумал — ученья идут», в памяти возникают события тех далеких дней, залитый солнцем огромный город и подающий с неба как звезда самолет, в котором два русских парня спасали живущих на земле.

КЛОПЫ. 1966 год

Нет-нет! Речь идет не о том жаргонном словечке германских спецслужб — «клоп»¹, которым обозначается подслушивающее устройство. Вовсе нет! Это история ночного кошмара с обыкновенным биологическим видом известного всему человечеству насекомого — вечного спутника человеческого обиталища...

С моим напарником Валерием Л. мы возвращались из далекой служебной поездки, торопясь достичь Лейпцига до быстро надвигающейся осенней ночи.

Была в разгаре Лейпцигская осенняя ярмарка, и мы должны были успеть на ответственное мероприятие, намеченное на утро следующего дня. Мы торопились еще и потому, что последние две ночи практически не спали и, несмотря на нашу молодость и крепкое здоровье, чувствовали себя крайне усталыми. Сменяя друг друга за рулем, мы «выжимали» из изношенного мотора старенького «жучка» — «фольксвагена» его последние силы. Моторчик надрывался, но развить нужную для этого вида автотранспорта скорость даже на хорошей дороге никак не мог. Да и дорога, ведущая к Лейпцигу, была в эти дни изрядно загружена. В любом случае мы должны были загодя отдохнуть и выспаться. Ночь застала нас на въезде в маленький, всего на два-три десятка тысяч жителей, немецкий городок Майнинген. Однако он был широко известен не только в Германии, но и далеко за ее пределами своим стариннейшим немецким драматическим театром. Все театралы мира называли его Майнингенским театром. Это имя он приобрел в далекое Средневековье. В общем, этот городок в некотором смысле был своеобразным культурным центром. До Лейпцига оставалось всего несколько десятков километров, но вести дальше машину не было сил. Я сказал, что, если мы сейчас же не остановимся в этом городишке и не завалимся спать, последствия могут быть непредсказуемыми. Быть за рулем в таком состоянии — просто опасно. Шел второй час ночи. По немецким понятиям наступало утро².

В единственной гостинице нам долго не открывали. Наконец после настойчивых и длительных звонков, звуки которых доноси-

¹ Wanze — клоп.

² В Германии после двенадцати ночи можно говорить «Доброе утро!».

лись до нас из-за массивных старинной работы дубовых дверей, с взятыми в кованую решетку витражами узких окон, раздался человеческий голос. И через стекло на нас уставилось недовольное, испещренное морщинами старческое лицо. Глаза, увеличенные мощными линзами очков, были похожи на птичьи. Раздался звук отодвигаемой задвижки, и старик — дежурный ночной портье — проскрипел:

— Если вы переночевать, то мест у нас нет. Все занято посетителями Лейпцигской ярмарки.

Мы представились сотрудниками советского посольства в Берлине, предъявили ему наши дипломатические паспорта, пожаловались на крайнюю усталость и необходимость в срочном сне. Мы объяснили старику, что рано утром уедем и просим разместить нас где угодно и как угодно, лишь бы поспать пару часов. Глаза старикашки, продолжая сверлить нас, стали еще более злыми, и он произнес:

— Я же сказал, нет у нас мест, а разместить вас в холле на диванах не имею права. У нас другие порядки. Но если вы настаиваете, то могу предложить номер люкс, у нас его мало кто берет из-за высокой цены, поэтому вы тоже его наверняка не возьмете. Цена вас не устроит.

Не уточняя цену номера, попросили нас разместить в нем. Я не помню, сколько стоил этот номер, но что-то действительно очень дорого. Бухгалтерия посольства такие суммы расходов на гостиницу полностью не оплачивала. Однако мы были готовы при отчете доплатить разницу, и еще раз подтвердили портье наше решение. Так и сказали вредному и негостеприимному старику:

— Мы советские дипломаты и сумма в данном случае не имеет значения.

Лицо старикашки не сделалось при этом добрее. Он молча открыл дверь, пропустил нас в гостиничный холл. Записав наши паспортные данные и получив деньги, он повел нас в номер люкс. Следует отметить, что самое респектабельное в этой старинной постройки гостинице была только входная дубовая дверь. Когда мы вошли в номер, на нас дохнул спертый воздух давно не проветривавшегося помещения. Большая комната была заставлена старинной мебелью черного дерева. Два окна были затянуты тяжелыми темно-бардовыми гардинами. Почти весь паркетный пол был закрыт, как нам показалось, довольно потертым, но явно когда-то

дорогим, давно не чищенным ковром. В глубокой нише в стене стояла широченная деревянная кровать, над которой свисал балдахин из такого же материала, как и гардины. Мы смогли только сполоснуть лицо и руки, стянуть с себя верхнюю одежду, кое-как разобрать постель и сразу же рухнуть на нее...

Я проснулся он непонятного и неприятного ощущения — зудело все тело. Что-то смутно знакомое шевельнулось в памяти. Подобное было со мной в военные годы. «Неужели клопы?» Я протянул руку и включил лампу на прикроватном столике. Маленькие кровососы стремительно разбежались в разные стороны. На снежно-белой простыне выделялись кровавые пятна от раздавленных нашими телами во сне насекомых. Откуда они взялись? На моих глазах несколько экземпляров «спикировали» на кровать откуда-то сверху, из-под балдахина. Я с трудом растолкал товарища. Тот мычал, сопротивлялся и никак не хотел ни проснуться, ни тем более вставать и снова трогаться в путь.

— Вставай, Валера! Здесь клопы. Спать все равно не дадут, — громко в ухо спящего говорил я.

Наконец Валера перестал сопротивляться.

— Надо же, — продолжал я втолковывать товарищу, — такая чистоплотная Германия, тем более в гостинице знаменитого города, в номере люкс. Безобразия! — и уже шутливо добавил: — Советские дипломаты сейчас заявят протест по поводу клопов.

Спустились. Удивленный старик-портье уставился на нас:

— Что-то случилось, господа? — подобие улыбки мелькнуло на злом лице.

— Мы не ожидали, что в гостинице такого известного города, как Майнинген, да еще в самом дорогом и лучшем номере окажутся клопы. Остаться в таких условиях в вашей гостинице мы не можем, — спокойно ответил я.

На лице портье появилось некоторое смущение и недоумение, сменившее злую гримасу. И он растерянно произнес:

— Но ведь я не смогу вернуть вам уплаченные за номер деньги.

— А мы и не требуем этого. Потратьте их на истребление этих насекомых.

Мы пожелали злему старикашке доброго утра и покинули негостеприимный ночной приют. В этой истории больше всего пострадал я. Мой товарищ, недовольно ворча, отказался вести машину. Устроившись на заднем сидении, он вскоре уснул. Через два

часа мы мирно почивали в заранее заказанной нашими товарищами гостинице Лейпцига, набираясь сил и бодрости. Мероприятие, которое мы не имели права сорвать, прошло успешно.

ЕЩЕ РАЗ О КЛОПАХ И ТАРАКАНАХ. 1966 год

Вызывает нас как-то посол. Председателя профбюро Володю Совву¹ и меня — его заместителя.

— Вот что я вам скажу, товарищи, — и Петр Андреевич в доступной форме пояснил причину вызова: — Мне только что доложили, что в подвале части жилого здания посольства появились комары, а в квартирах, где проживает технический персонал, уже давно объявились клопы и тараканы. Я только что распек за это безобразие завхоза, но он ничего разумного и действенного по устранению этой гадости предложить не смог. Что можете предложить вы? Как вытравить этих тварей?

Мы сразу же предложили самое разумное — связаться с немецкой санэпидстанцией, которая в ближайшие дни сумеет так обработать помещения, что эта зараза навсегда исчезнет из нашего быта. Посол Абрагимов возмутился такой постановкой вопроса и заявил буквально следующее:

— Вы представляете реакцию немецких товарищей, когда им станет известно, что в советском посольстве завелась такая гадость? Весь Берлин будет знать об этом! Давайте думайте.

Мы продолжали уговаривать посла, аргументируя фактическим материалом и известными нам примерами из истории борьбы с подобным злом, как клопы. Мы вспомнили и поведали Петру Андреевичу историю, имевшую место в Берлине в начале 50-х годов. Когда заселялись вновь построенные по советским проектам элитные дома в районе Лихтенбергерамплац по Франфуртераллее (тогда Сталиналлее), многие квартиры оказались зараженными этой гадостью. Дотошные немцы сразу же создали комиссию, которая очень скоро установила следующее. При завершении строительства, когда шла внутренняя отделка квартир, окна большинства из них были открыты для проветривания. В это

¹ Всеволод Иванович Совва — в те годы первый секретарь посольства в Берлине.

же время в соседнем районе Фридрихсхайн проводились взрывные работы при очистке территории от развалин, оставшихся после войны. В прошлом это были четырехэтажные дома-казармы, заселенные рабочим людом. Образовавшуюся на местах взрыва пыль сносило в сторону элитных и еще не заселенных домов. Вместе с пылью через открытые окна попали личинки клопов. Науке известно, что клопы могут жить без пищи годами и терпеливо дожидаться своей жертвы. Они ничего не боятся, кроме огня, и сохраняют живучесть длительное время. Вскоре после заселения жильцов эти пришельцы из далекого прошлого повергли обитателей элитных квартир в ужас. Их сразу же стало очень много, и они нещадно кусали всех подряд, независимо от политической принадлежности и идеологических воззрений. Организованные и дисциплинированные немцы быстро разобрались с постигшей их бедой. По команде санэпидстанции жильцы, забрав пищевые продукты и домашних животных, покинули на несколько часов квартиры, плотно закрыв за собой окна и двери. Что делали в квартирах работники санэпидстанции, какие средства они применяли, мы не знали. Но с этой проблемой было покончено раз и навсегда.

После короткого раздумья Петр Андреевич произнес:

— Все! К немцам обращаться не будем. Это позорное явление ликвидируем своими силами. Закупите соответствующие препараты и обяжите жильцов заняться приведением квартир в надлежащий порядок. А вы проконтролируете и доложите мне результаты. В советском посольстве не может быть ни клопов, ни тараканов, ни комаров.

Указание посла было принято к исполнению. Кровососы и тараканы исчезли.

«МАЛЕНЬКИЙ» МАТИАС И «БОЛЬШАЯ» ПОЛИТИКА. 1966 год

Я часто бываю в Берлине. И каждый раз, когда я проезжаю сегодняшний Шлоссплатц (раньше в столице ГДР эта площадь носила имя великих немцев: Маркс-Энгельсплатц) автобусом от Алекса (так берлинцы называют Александрплатц) в направлении вокзала Фридрихштрассе, всегда смотрю на красивое, в розовых тонах

здание бывшего Государственного совета ГДР. С этим зданием связано много воспоминаний. Но одно из них запечалилось в памяти наиболее ярко...

Я только что приехал в Берлин в мою вторую длительную командировку. Через несколько дней я полностью вошел в работу. Мы с женой созвонились с нашими близкими немецкими друзьями, а вскоре и посетили их.

Наша старинная семейная подруга Ингрид Штенцель была в отпуске, и я позвонил ей через некоторое время... Солнечный, довольно теплый воскресный день. Конец зимы. Мы встретились все вместе в центре Александрплатц. Мы — это моя жена Алла, дочь Лариса и я, Ингрид, ее мать, тетя Микки и маленький, неполных шести лет, сын нашей Ингрид — Матиас. Едем автобусом на Фридрихштрассе в известное нам кафе. Маленький Матиас сидит у окна с левой стороны. Как принято в немецком городском транспорте, разговорного шума, голосов пассажиров почти не слышно. И вдруг на весь заполненный пассажирами автобус раздается громкий и звонкий голосок Матиаса, показывающего пальцем за окно и смотрящего на бабушку Гертруду лучезарными и наивными детскими глазами: «Бабушка, посмотри на этот красивый дом. Там наверху живет дядя Вилли Брандт, а внизу — дядя Вальтер Ульбрихт. Когда они оба вместе съедутся, тогда и придет объединение Германии». Наверное, весь автобус услышал это обращение ребенка к бабушке. Никто не рассмеялся, все в обозримом для меня пространстве сидели тихо, не изменив выражения лица и не проронив не слова. «Хорошо, хорошо, мой мальчик, — среагировала бабушка Гертруда. — Скоро мы приедем, и ты получишь свое любимое пирожное». Гертруда явно хотела как-то исправить сказанное внуком, отвлечь его внимание. Ведь всем понятно, что ребенок выражал свои детские мысли, аккумулируя те политические настроения, высказываемые его родным окружением, то есть прежде всего родителями. Дело в том, что именно в середине 60-х значительно активизировались контакты между Западом и Востоком, между ГДР и ФРГ, между Бонном и Москвой. Чтобы понять возникшую в автобусе после слов малыша ситуацию, надо было быть немцем или иностранцем, занимающимся германским вопросом или изучающим историю Германии, ГДР. Мне была понятна реакция, вернее, пол-

ное отсутствие оной у тех, кто слышал слова Матиаса. Скажи это громко взрослый, он мог бы оказаться в поле зрения госбезопасности ГДР. Позже в кафе мы с пониманием и весело комментировали сказанное Матиасом. Вот уж воистину: устами младенца глаголет истина!

«ГЛАВНОЕ — НЕ ПОССОРИТЬСЯ С ГДР!» 1966 год

Начиналась моя вторая командировка в ГДР. Все вокруг знакомо. Почти родное, близкое. Немецкие друзья в ГДР, мои товарищи, коллеги по работе с нетерпением ждали моего появления. Было такое чувство, как будто я вернулся в Берлин после очередного отпуска. А между тем я не был в этом городе больше двух лет...

После определения и уточнения круга моих обязанностей в кабинете у посла Абрасимова, где вместе со мной был и руководитель «западноберлинской группы» Виктор Белецкий, я поехал в Карлсхорст представляться моему оперативному начальству «по случаю прибытия для дальнейшего прохождения службы». Возглавлял Представительство КГБ в ГДР генерал-лейтенант Иван Анисимович Фадейкин. В 40-е и 50-е годы он уже работал здесь. Иван Анисимович прошел фронт и за боевые дела, в том числе и в послевоенный период, был отмечен многими высокими наградами. И ранг у него был соответствующий — заместитель руководителя советской разведки. Скромный и интеллигентный человек. В прошлом кадровый военный, он внешне был похож на директора многотысячного крупного промышленного предприятия или министра союзного значения. Никогда не повышал голос на подчиненных, если кто-то и был виноват или допустил оплошность. Всегда ровный и рассудительный, он вызывал уважение и желание быть с ним откровенным. Он, безусловно, соответствовал занимаемому положению, и руководимый им аппарат был в надежных руках. Он сумел установить нужные отношения с партийным руководством Республики и таким «сложным» министром госбезопасности, как Эрих Мильке.

Наши немецкие друзья, высшее руководство Республики относились к Фадейкину с нескрываемым уважением. Именно он, исполнявший тогда обязанности руководителя аппарата МВД СССР в

ГДР, в тяжелой ситуации событий 1953 года¹ под носом разбушевавшейся толпы, окружившей Дом правительства, вывез в бронетранспортерах все высшее руководство Республики в безопасное место под охрану наших военных...

Иван Анисимович уделил мне достаточно времени для того, чтобы обговорить поставленные передо мной задачи. Обстановка в Республике для нас, занимающихся разведкой, была всегда сложной и напряженной. Это и понятно. ГДР был форпостом социализма в Европе. Здесь проходила идеологическая граница двух противоположных государственных систем, а с 1945 года именно у границ Республики находились в постоянном противостоянии две самые мощные в мире военные группировки. Западный Берлин, где было мое «оперативное поле», являл собой не только нарыв на теле ГДР, но был, как мы тогда говорили, основным гнездом шпионажа и диверсий не только в Западной Германии — Западной Европе.

Позже я много раз встречался с Иваном Анисимовичем по работе. Но эта первая встреча навсегда определила мое отношение к руководителю такого высокого уровня.

Мы обсудили с ним мои возможности, перспективы, связи в Западном и Демократическом Берлине. Он был профессионалом своего дела. При обсуждении с ним любых вопросов нашей работы чувствовалось, что с тобой говорит твой товарищ, такой же оперативник, как и ты, только более опытный, мудрый, ну и постарше. Он напоминал мне покойного Александра Михайловича Короткова. Оба знали Германию и немцев. Любили эту страну и понимали ее.

Желая мне успеха и удачи, Иван Анисимович сказал, что в случае необходимости я могу выходить на него напрямую. А в заключение вдруг как-то совершенно неожиданно произнес фразу, смысл которой тогда я не понял, но виду не подал и вопросов не задавал. Вот его слова:

¹ Речь идет о событиях в ГДР в июне 1953 г., оставшихся в истории как «день 17 июня». Это был кульминационный день волнений, а по сути — восстания рабочих ГДР, вызванного недовольством населения повышением норм выработки и цен в магазинах государственного сектора, дефицитом бытовых товаров, что привело к понижению жизненного уровня. Спонтанно начавшиеся массовые беспорядки были использованы западными спецслужбами и инициировались РИАС (радиостанция в американском секторе). Эти события повлекли за собой многочисленные жертвы и были остановлены только введением военного положения с вытекающими отсюда последствиями.

— Мы с вами вторично здесь в командировке. У вас достаточный опыт. В успехе я не сомневаюсь. Если вы приобретете такой ценный источник информации, как сотрудник политического органа в стане нашего «главного противника» — США или в его спецслужбах, даже шифровальщика, — это очень хорошо, это большой успех. Но не это главное. Самое главное — не поссориться с ГДР!

Смысл этих мудрых слов генерала дошел до меня много лет спустя.

ДОЖДЬ-ПРОВОКАТОР, ИЛИ «СОЛНЕЧНЫЙ УДАР» ПОЧТИ ПО БУНИНУ. 1966 год

Знойное берлинское лето. Каменные дома и тротуары большого города буквально источают жар. Один из наших сотрудников, назовем его Борис Л., как было обговорено условиями связи с нашим помощником, в определенные дни выезжает машиной в Западный Берлин, имея для этого соответствующую легенду. Он следует по определенному маршруту, чтобы проверить, не выставлен ли «сигнал» на балконе обычного жилого дома, в котором находится квартира — наш «почтовый ящик» для связи с ценным источником. Хозяйка — проверенный помощник советской разведки. В конце войны, когда гестапо зверски расправилось с ее отцом — немецким коммунистом, она была ребенком. Мать нацисты бросили в концлагерь. Ребенка удалось спасти родственникам и спрятать у себя в деревне. У нее особый счет к нацистскому государству, наследники которого сегодняшние ультраправые. Она считает себя коммунисткой по убеждению. Помогая советской разведке, она не имеет права вступать в компартию...

Проезжая по знакомой улице уже который раз за последние несколько месяцев, Борис наконец-то «снимает» сигнал. Это наша помощница выставила обусловленный знак, обозначавший, что на ее адрес поступило сообщение от нашего человека на далеком Западе. Есть письмо! Сердце разведчика в таких случаях замирает от счастья. Значит, с нашим источником все в порядке!

Спустя короткое время, обычно на следующий день или как-то иначе, в зависимости от условий действующей связи, разведчик встречается в обусловленном месте с содержателем п/я. Та-

кие встречи, как правило, проводятся незаметно для постороннего глаза, когда разведчики попадают в только им известную «мертвую зону», что на нашем сленге называется «моменталкой». Иногда встреча бывает личной, но очень короткой и предельно конспиративной. П/я мы особо тщательно оберегаем. Ведь именно связь в разведке является основным компонентом всей работы.

После тщательной проверки с целью выявления возможного наружного наблюдения противника и под прикрытием других наших сотрудников, действующих по заранее разработанному плану, Борис выходит на встречу. В данном случае речь идет о «моменталке» на одной из аллеек в большом городском лесопарке. Недалеко от поворота на аллею находится будка телефона-автомата, где должна была ожидать появления Бориса хозяйка нашего п/я. Где-то за час до этого столь важного и ответственного для каждого оперработника-агентуриста события над городом нависают грозовые тучи. Воздух делается влажным и тяжелым. В небе уже загрохотало, и солнечный день на глазах превращается в сумерки. Зонта у Бориса нет. Прикрывающие его товарищи остались далеко в стороне, фиксируя парковые выходы и осуществляя одновременно контрнаблюдение из двух кафе, расположенных в этом районе. Любая гроза им не помеха, они спокойно могут попивать пиво или «Берлинер вайсе»¹.

Когда Борис выходит на прямую линию, он замечает вдалеке хозяйку квартиры. Она по условиям встречи уже должна была находиться в телефонной будке, а увидев разведчика и не получив сигнала опасности, войти в боковую аллею. Она явно опаздывала на несколько минут. Это обстоятельство тоже учитывалось. Борис просто должен был замедлить шаг. Ее фигурка только приближалась к телефонной будке, когда небо разорвалось громовыми ударами и блеском молний, вспышки которых были особенно яркими в мгновенно померкнувшем дне. На землю обрушился ураганный ливень. Казалось, небо разверзлось, и потоки воды хлынули на город. Несколько мгновений — и Борис промок до нитки. Спасение для обоих было одно — телефонная будка, куда они оба и устремились. Кругом — ни души. Вокруг грохочет и сверкает.

¹ «Берлинер вайсе» (Berliner Weisse) — напиток типа русского ядреного кваса. Употребляется обычно с добавлением сиропа. Хорошо утоляет жажду. В большом количестве поглощается берлинцами в летнюю жару.

Молодая женщина вымокла вся целиком. С головы и легкой летней одежды стекает вода. Мокрое платье плотно облегает ее привлекательные женственные формы. От мокрого и разгоряченного бегом молодого женского тела исходит волнующий любого мужчину запах. Он заполняет все маленькое пространство тесной будки. От такого запаха кружится голова. Порывы ураганного ветра внезапно стихают. Становится чуть светлее. Грохочет где-то уже в стороне. Но дождь продолжается, правда не такой мощный, как несколько минут назад. Можно слегка приоткрыть дверь будки. Проникающий в тесную кабину воздух приятно холодит разгоряченные лица. Они закуривают, выпуская дым в дверную щель. Женщина передает разведчику завернутую в целлофановый пакет долгожданную весточку-письмо и получает в ответ такой же целлофановый пакет — там деньги и зашифрованная инструкция с новыми условиями связи. Если эта инструкция попадет в чужие руки, непосвященный не поймет, о чем идет речь...

Женщина поворачивается к шефу. Она стоит так близко, что Борис чувствует ее дыхание. Он впервые за все их встречи так детально и близко видит ее веснушчатое и такое волнующе красивое лицо. Почему-то в памяти всплывает голос его любимой берлинской киноактрисы Кнеф, исполняющей знакомый каждому берлинцу шансон: «Berlin! Dein Gesicht hat Sommersprosseln, und dein Mund ist viel zu gross»¹...

Зеленовато-лучистые глаза женщины, как кажется Борису, с нежностью и зовуще смотрят на него. Он чувствует, что сейчас что-то может произойти. Сейчас они прикоснутся друг к другу. Нет, он не имеет права. Не должен терять голову. Они оба разведчики, боевые товарищи. Наверное, женщина чувствует то же самое. Она продолжает улыбаться ему, но уже не так зовуще-призывно, как несколько мгновений до этого. Она впервые за все их пусть и короткие встречи прикасается к его щеке своими полными и такими волнующими губами. Резко отстраняется и выскальзывает в приоткрытую дверь.

— Привет товарищам и шефу!

Шлепая размокшими туфлями по лужам, она исчезает в завесе дождя. Спустя пару минут, выкурив еще одну сигарету, не до-

¹ «Берлин! Твое лицо усыпано веснушками, а губы так манят своей полнотой...»

жидаясь окончания дождя, Борис тоже покидает будку. Почти бегом выходит в обусловленную с прикрывающими его товарищами точку. Делает знак, что с ним все в порядке...

Докладывая результаты этой необычной «моменталки», условия которой были нарушены внезапной природной стихией, он все в деталях рассказал начальству... кроме пережитого им «солнечного удара» в будке. Природа! Он гордился собой, что сумел справиться с охватившим его чувством нежности и желания. Свой доклад он закончил словами:

— Все-таки хозяйка нашего «почтового ящика» большая умница и отличный помощник.

«А МНЕ ТАК ХОТЕЛОСЬ ДОЖИТЬ ДО КОММУНИЗМА...» 1967 год

Эта была самая маленькая аудитория за всю мою «лекторскую» деятельность в ГДР. Короткий осенний день. Несколько часов езды машиной Общества германо-советской дружбы (ОГСД) с немецким водителем (такое тоже иногда бывало) в Саксонию. Не помню, по каким причинам плановая лекция перед немецким коллективом была отменена. Нам стало об этом известно уже по прибытии в районное отделение ОГСД. Извинились немецкие товарищи и, чтобы не пропадала поездка, предложили встретиться с народом в одном из сельскохозяйственных производственных товариществ, по-нашему — колхозов.

Там тоже что-то «не сработало», и дело кончилось дружеской встречей с одной из крестьянских бригад этого товарищества. Пока шли переговоры, пока ехали в далекую сельхозбригаду, прошел еще час. Стало темнеть. Приехали. Деревянный длинный дом-бытовка на колесах, где-то в конце огромного поля. Нас ждали. У входа гостей встречают две девушки в нарядных народных деревенских одеждах. Входим. Аккордеон и мандолина в руках парня и девушки, одетых в синие рубашки с эмблемами Союза свободной немецкой молодежи — ССНМ (как наш комсомол). По взмаху симпатичной девушки в такой же рубашке члена ССНМ схода «берут» «Подмосковные вечера». Все присутствующие, за исключением играющих музыкантов, приветствуют советского гостя и прибывших с ним представителя районной ОГСД, водителя и двух руко-

водителей товарищества дружными аплодисментами. Все улыбаются. Снова взмах руки «дирижера» — и музыканты и еще четверо присоединившихся к их исполнению женщин продолжают все хором петь «Подмосковные вечера». Поют слаженно, красиво. Понятно, что в этой деревне, как и в большинстве подобных мест, есть свое хоровое общество. Такие встречи с хоровым пением при музыкальном сопровождении приняты у наших немецких друзей. Меня, как дорогого советского гостя, встречают советской песней. Членов бригады, куда входят и музыканты с хором, 15 человек. Всех вместе — 20. В вагончике становится душно. Две «летучие мыши» ярко освещают небольшое помещение.

Начинаю свое «выступление». Называю себя и прошу представиться бригаде. Это охотно и с юмором принимается. Каждый называет себя, со смехом уточняя свое семейное положение и социальный статус. Бригадир — женщина в возрасте. Член СЕПГ. У нее две замужние дочери и четверо внуков. Муж не вернулся с Восточного фронта. Обычно я не читаю по бумаге свое выступление, а рассказываю содержание темы, обращаясь к записям за нужной цитатой, цифровыми и другими данными. На сей раз я решил превратить доклад в беседу. Рассказывал о наших достижениях в области экономики и внешней политики, сравнивая их для наглядности с достижениями и успехами в Республике. Я пытался втянуть в беседу некоторых, кто помоложе и с пытливым взглядом. Это мне удалось. Все проходило удачно, кроме неожиданно для меня возникшего языкового барьера. Я знал, что даже немцы из других регионов Германии не всегда понимают содержание саксонских песен, поговорок, а иногда и речь. Деревенский народ простой, без особого образования. Местный саксонский диалект — один из самых тяжелых и непонятных из многочисленных немецких диалектов. Я понимал их с трудом. Почти каждый вопрос переспрашивал. Иногда возникали комичные ситуации, и мы вместе посмеивались. Наконец-то вопросы прекратились.

Вдруг бригадир-женщина обращается ко мне:

— Скажите, товарищ, а мы скоро построим коммунизм?

Я стал объяснять, что мы, собственно, уже вступили в его первую фазу — социализм. Выполнили основной принцип этой фазы: от каждого по способностям, каждому по труду. Что касается второй фазы, окончательной, собственно коммунистической, принцип которой: от каждого по способностям, каждому по потребно-

сти, то это вопрос далекого будущего. Стал рассказывать о национально-освободительном движении в бывших колониях, о распространении социалистических идей, социалистической Кубе, пылающей в огне борьбы Африки и Южной Америки, Юго-Восточной Азии и т.д. и т.п. Вижу, глаза у женщины погрустнели. Говорю:

— Но наши потомки — внуки и правнуки — точно вступят в совершенно новую и счастливую жизнь.

Слушая меня, она смотрела куда-то в пространство поверх моей головы и вдруг тихо произнесла:

— А мне так хотелось дожить до коммунизма.

И грустно улыбнулась, сложив на животе такие же, как и у наших колхозниц, натруженные тяжелым крестьянским трудом руки...

Они еще долго не отпускали меня. Когда мы вышли из душевой бытовки, наступила ночь. Молодые звонкие голоса провожали нас советской песней. В Берлин вернулись на рассвете. Дважды останавливались для заправки и в дорожных закусовых подбадривали себя крепким кофе. Водитель — пожилой человек — настолько устал, что с трудом вел машину, и, чтобы не заснуть, мы вместе во весь голос пели известные нам немецкие, русские и советские песни.

Собранные еще до нашего приезда в саксонскую деревню полевые цветы девичьи немецкие руки сформировали в красивый букет, который я с благодарностью принял и долго любовался им дома в Берлине, вспоминая трогательную встречу с симпатичными простыми людьми из далекой сельскохозяйственной немецкой бригады.

БЕСЕДА С ЭРИХОМ МЕНДЕ¹. Июль 1967 года

Эта неожиданная встреча произошла в Западном Берлине по случаю демонстрации в этом городе фильма Сергея Бондарчука «Война и мир». Организаторы показа устроили пышный прием в Europa-Center. Много гостей, шумно. Я с женой сидел за одним столиком вместе с пригласившим нас на это мероприятие руково-

¹ Эрих Менде — известный западногерманский политик. В 1960–1968 гг. — председатель Свободной Демократической партии, в 1963–1966-е гг. — вице-канцлер и федеральный министр по общегерманским вопросам. В конце 1970 г. «неустойчивый» политик Менде перешел в лагерь ХДС/ХСС.

директором отдела печати канцелярии западноберлинского сената Петером Херцем, моим давнишним знакомым. Одно место за нашим столиком пустовало. Оно принадлежало неожиданно заболевшей жене Херца. Беседуем. Обмениваемся впечатлениями о многочисленных знаменитостях из мира творческой интеллигенции и политической среды. В зале появляется Эрих Менде. Все столики заняты. Менде ищет свободное место, в руках у него тарелка с закуской. Оказалось, что Херц хорошо знаком с этим политиком. Он делает Менде приглашающий жест рукой. Радостный Менде опускается на стул рядом со мной. Херц нас знакомит. Присутствие советского дипломата не смутило Менде, у нас сразу же нашлись общие знакомые среди дипсостава совпосольства в Бонне. Менде почему-то внимательно посмотрел в мою тарелку и разочарованным голосом произнес:

— Мой любимый паштет уже разобрали. Я хотел им полакомиться.

Я тут же предложил политику взять с моей тарелки его любимое лакомство.

— Разве что половину, — радостно согласился бывший вице-канцлер и вилкой и ножом приступил к «изъятию» паштета.

В этот момент неожиданно возникший за спиной моей жены, вероятно давно ожидавший подходящего момента бородатый верзила буквально навалился на нее, в упор ослепив нас фотовспышкой, и тут же исчез. Даже не извинился. Херц узнал его. Им оказался фотокорреспондент из журнала «Шпигель».

— Представляю, как теперь «Шпигель» распишет меня с советским дипломатом, — мрачновато, как мне показалось, произнес Менде. Но тут же всю эту историю превратил в шутку. Мы долго беседовали, обсуждая различные, волновавшие всех нас в ту пору вопросы.

Составленная на следующий день запись беседы с Мендешла положительную оценку у посла и соответствующий отклик в Третьем европейском отделе МИД.

Как мы все и предполагали, в очередном номере «Шпигеля» появилась наша фотография и короткая заметка. Фотографировавший нас сотрудник «Шпигеля», ожидая подходящего момента для фотофиксации, явно внимательно прислушивался к нашему разговору, чтобы затем его воспроизвести в статье. Кроме указания возрастов и служебного положения обоих собесед-

ников, то есть меня и Менде, он изложил сетования бывшего вице-канцлера на то, что на гостевом столе остались лишь жалкие крохи от его любимых икры и салата из птицы, а паштета уже и в помине не было. Затем было пикантно расписано, как знаменитый политик брал с тарелки русского кусок паштета из дичи, в то время как жена дипломата что-то прошептала на ухо мужу.

Менде: Что это за секреты у вас от меня?

Советский дипломат: Жена заметила, что вы, господин Менде, в жизни выглядите намного импозантнее, чем на телеэкране.

Менде на это ответил принятой в немецком языке игрой слов: «Если я сейчас покраснею, то вы, безусловно, истолкуете это только в политическом плане».

Петер Херц позднее передал мне несколько фотографий, присланных ему из журнала «Шпигель».

«ФИЛИН». 1967 год

Берлин, моя вторая командировка.

В поле зрения нашей Службы попал житель Западного Берлина, служебное положение которого представляло большой оперативный интерес. Это был пожилой человек, собиравшийся в скором времени уйти на пенсию. Независимо от этого получение Службой информации даже о его прошлой работе означало бы большой успех. Дело выглядело заманчивым еще и потому, что один из его близких друзей, которому он полностью доверял, волею случая в первые послевоенные годы длительное время имел дело с нашей Службой, был закреплен в работе с нами и являлся проверенным и надежным помощником. Потом «выработался», долго болел, и мы «законсервировали» его, работу с ним прекратили, договорившись о восстановлении связи в случае необходимости по паролю.

Разработка «Филина» была поручена мне. Мы восстановили связь с его другом, и он согласился принять участие в этом деле — оказать помощь нашей Службе. Разработка «Филина» проходила успешно и близилась к завершению.

Работавший в те годы начальником одного из основных подразделений Представительства КГБ при МГБ ГДР в Карлсхорсте

Е.И. Шишкин¹ лично контролировал мою работу по этому делу. Помню, как Евгений Изотович при очередном обсуждении дела поддержал мое предложение «лично познакомиться» с «Филином», хотя Центр и не рекомендовал делать это. Объект нашего внимания являлся штаммгастом² одного кабака, где вместе с друзьями играл в скат³. Иногда вся эта компания со своими женами проводила вечера за пивом или кофе. В общем, мне хотелось, и я считал это оперативно оправданным, получить личное впечатление о «Филине»...

Я расположился спиной к «Филину» за соседним столом, имея возможность слышать разговор и видеть его в большом боковом зеркале. Не буду вдаваться в детали, но, соединив мои личные впечатления от увиденного и услышанного с полученной вскоре некоторой дополнительной информацией о частной жизни «Филина», мы кардинально изменили направление нашей работы. Так что полученная от Евгения Изотовича поддержка была правильной, или, как у нас говорили, оперативно грамотной.

Разработка вступила в завершающую фазу. Состоялась вербовочная беседа. Наш помощник сумел привлечь «Филина» к сотрудничеству с нами на материальной основе, то есть за денежное вознаграждение, размер которого зависел от ценности информации. Но при этом «Филин» поставил ряд условий. Центр проанализировал материалы дела и... отказался от такой, казалось бы, привлекательной и интересной разработки...

В кабинете Шишкина собралось несколько человек из числа моих руководителей, был приглашен и я. Я так и не понял до конца причины отказа Москвы, о чем заявил открыто. Все присутствовавшие с удивлением воззрились на меня, когда я попросил высокое руководство в лице Евгения Изотовича как-то объяснить мне, чем вызвано отрицательное решение Центра. Они буквально «зашикали» на меня:

— Ты что, Георгий! Это же решение Центра. В Службе не принято обсуждать решения Центра.

¹ Евгений Изотович Шишкин — известный германист. Долгие годы работал в Германии, Австрии. В последние годы был одним из заместителей руководителя Службы. В настоящее время генерал-майор в отставке Е.И. Шишкин живет в Москве.

² Штаммгаст (stammgast) — постоянный посетитель, завсегдадайт.

³ Скат (skat) — особо популярная немецкая игра в карты.

И все же я попытался это сделать и неожиданно вновь получил поддержку Евгения Изотовича:

— А я полагаю, пусть Георгий изложит и свои соображения. Не будем его ограничивать ни во времени, ни в содержании оценок и высказываний.

Все замолчали, уважая высокое начальственное положение нашего общего руководителя. Я говорил долго и напористо. Пытался аргументировать свою точку зрения, ибо в этом кабинете хозяином был наш общий шеф — Шишкин.

Когда я закончил, Евгений Изотович удовлетворенно сказал, что я высказался правильно и обоснованно. Причины отрицательного решения Центра ему известны, но называть их он не имеет права.

— Центр прав, ему виднее. А ты, Георгий, молодец, умеешь отстаивать свою точку зрения.

«НАШ ШТЫК БУДЕТ СТОЯТЬ В ГДР ВЕЧНО». 1967 год

Приезжавшие в Республику ответственные работники ЦК, Совмина, МИДа, других государственных учреждений часто по просьбе посла выступали перед дипломатическим составом. Как правило, это происходило утром, во время наших ежедневных оперативок. Гости рассказывали о новостях в Союзе, достижениях их ведомств или направлениях работы курируемых ими учреждений, о положении в промышленности и сельском хозяйстве. То есть — как и чем живет наш народ. Встречался таким же образом с дипломатами и наш министр Андрей Андреевич Громыко. Он хорошо разбирался в сложных перипетиях германской проблематики и чаще других стран социалистического содружества посещал Берлин. Наверное, подчеркивая тем самым особую роль ГДР как форпоста социализма в Европе. Именно здесь проходила граница между Востоком и Западом, здесь противостояли друг другу мощные военные группировки стран НАТО и Варшавского договора. Да и сам Берлин, рассеченный на две половины мощной и высокой практически непреодолимой стеной с пулеметными вышками и особо охраняемой, создавал даже для посвященных в проблемы этого города впечатление напряженности и беспокойства. В общем, Андрей Андреевич проявлял особый ин-

терес к Берлину. Во время своих визитов министр почти всегда встречался с дипсоставом. На одной из таких встреч он, как бы в заключение, подчеркнул то огромное значение, которое придадут наши партия и правительство решению германского вопроса и роли Республики в этом. Что не случайно здесь находится наша самая мощная военная группировка — Группа советских войск в Германии — и уходить отсюда мы не собираемся. Что мы и в дальнейшем будем оказывать нашим немецким друзьям любую помощь в вопросах социалистического строительства, что главное — здесь наш штык и, пока он стоит здесь, опасность реставрации капитализма нам не угрожает. А штык наш будет стоять здесь вечно.

Я сидел рядом с руководителем западноберлинской группы посольства Виктором Белецким. Шепнул ему: «Витя, а ведь вечного в мире ничего не бывает». Он в ответ согласно кивнул. Как всегда с присущим ему в подобных ситуациях несколько мрачным видом.

«САМЫЙ ХОРОШИЙ БОЛЬШЕВИК ТОТ, КОТОРЫЙ ВИСИТ НА ФОНАРНОМ СТОЛБЕ». 1968 год

В помещении бюро ТАСС в Западном Берлине советская сторона давала прием. Приглашенных было около сотни. Присутствовали почти все представители газет, журналов, ведущие журналисты западных СМИ, работавшие в этом городе. Несколько человек приехали из Бонна, в том числе известный журналист социал-демократического толка Штельтцер. Сын того самого старика Штельтцера¹ — друга Вилли Брандта. Все наши журналисты, аккредито-

¹ Теодор Штельтцер — известный в Германии политик. До прихода Гитлера к власти — крупный чиновник (ландрат-управляющий) в одной из земель Германии. В годы войны возглавлял транспортный отдел в штабе вермахта в Норвегии. Всегда выступал против нацистского режима. За участие в Сопротивлении и контакты с заговорщиками, предпринявшими попытку взорвать Гитлера 20 июля 1944 года, был приговорен к смертной казни, замененной на пожизненное заключение. После 1945 года стал одним из основателей Христианского демократического союза в Берлине. Первый премьер-министр земли Шлезвиг-Гольштейн в ФРГ. Двое сыновей Штельтцера — убежденные социал-демократы. Один из них — журналист (о нем и идет речь), другой — известный дипломат.

ванные как в Западном Берлине, так и в столице ГДР — Восточном Берлине.

Было шумно и весело. Журналистская братия всегда и везде чувствует и ведет себя свободно. Народ пронырливый и знающий. За словом в карман не полезет. Прием проходил в фуршетном варианте. Немцы любят такие мероприятия — всегда много спиртного и хорошей русской закуски.

Я беседовал с кем-то из немецких журналистов. Народ уже слегка повеселел, о чем свидетельствовал все усиливающийся гул голосов, временами смех. Рядом в компании нескольких наших журналистов Штельтцер-младший что-то оживленно рассказывал. Лицо его раскраснелось. Было заметно, что он уже прилично выпил. Я прислушался. Штельтцер делился своими впечатлениями о недавней поездке в Москву. Неожиданно я уловил несколько критических замечаний в адрес наших столичных порядков. К сожалению, Штельтцер был прав. Разговор все больше приобретал политическую окраску. Речь пошла об исторических корнях коммунистического движения в России. Совершенно неожиданно, говоря о расколе социал-демократов и о разделении РСДРП на большевиков и меньшевиков, Штельтцер четко произнес: «Лично для меня самый хороший большевик — это тот, который висит на фонарном столбе».

Не ожидая реакции споривших с ним наших товарищей, которые после этих слов немца сразу же замолчали, я повернулся к нему и сказал: «Жаль, что не я здесь хозяин приема, иначе я, как коммунист, вы-то хорошо знаете, что это синоним большевика, — велел бы выбросить вас отсюда вон!» Лицо Штельтцера покраснело еще больше, и он начал оправдываться, понимая, что поступил не только бестактно, но и оскорбительно по отношению ко всем здесь присутствующим нашим товарищам. К сожалению, никто из стоявших рядом не поддержал мое пусть и грубое, но справедливое замечание подвыпившему немецкому журналисту. Все продолжали «тихо» улыбаться. Я резко повернулся и демонстративно, не слушая объяснений Штельтцера, отошел в дальний угол, где хозяин приема угощал западных коллег. Штельтцер остался стоять один и вскоре исчез из моего поля зрения. Наверное, ушел. Больше я его ни на одном нашем приеме не видел.

«ПАТРОННЫЙ ЦИНК»¹. 1968 год

Где-то в начале 1968 года дежурный комендант посольства, принимавший посетителей и почту, передал адресованное мне письмо. Знакомые журналисты из представительства журнала «Штерн»² в Западном Берлине просили связаться с ними и, по возможности не затягивая время, посетить их редакцию. Контакты с представительством этого журнала были частью моих служебных обязанностей по посольской линии.

На следующий день я появился в редакции журнала. «Штерновские» журналисты поведали мне интереснейшую историю. Они утверждали, что располагают точными данными о спрятанных в тайнике на территории одной из воинских частей ГСВГ³ личных вещей крупнейшей политической фигуры Третьего рейха. Речь шла о Мартине Бормане⁴. В «цинке» якобы находились дневниковые записи Бормана, несколько записных книжек, письма, партийный билет члена нацистской партии вместе с золотым партийным значком⁵ и пистолетом «вальтер» — личным подарком фюрера. Тайник оборудован под шпалой остатков железнодорожного полотна.

Сердце мое заколотилось. Я уже ощущал себя причастным к историческому событию особой важности. Журналисты выставили свои условия. В случае согласия советской стороны получить «цинк», мы должны подписать совместно составленный документ, в соответствии с которым немецкая сторона получает право вести фотосъемку всей операции по извлечению из тайника этого

¹ Цинк — так военные называют штатную герметически запаянную упаковку из цинка винтовочно-пулеметных патронов (выпускались до середины XX века).

² «Штерн» — один из двух крупнейших общественно-политических журналов в Германии.

³ ГСВГ — Группа советских войск в Германии.

⁴ Мартин Борман — шеф канцелярии национал-социалистической рабочей партии Германии. Особо доверенное лицо Гитлера. Исчез во время боев в Берлине в конце апреля — начале мая 1945 года. На Нюрнбергском процессе в 1946 году приговорен к смертной казни (заочно). Считался пропавшим без вести, пока в начале 60-х годов прошлого века при строительных работах на территории Западного Берлина не были обнаружены неизвестные останки нескольких солдат вермахта, среди которых в генеральской форме был идентифицирован Борман.

⁵ Этим значком награждались старейшие члены нацистской партии.

«цинка», вскрытию его здесь же и фотосъемку всех изъятых предметов без фиксации самих записей в бумагах. Это было, по словам немцев, необходимо для того, чтобы подтвердить принадлежность содержимого «цинка» Борману. «Штерн» также получал право опубликовать репортаж об этой акции в своем журнале.

На мои вопросы, где хотя бы приблизительно, ориентировочно находится эта воинская часть, журналисты только понимающе-иронически заулыбались, а один заметил:

— Знаешь, Георг, мы тоже умные. Вы в том районе, если мы его даже приблизительно укажем, все остатки железнодорожного полотна на территории всех воинских частей перекопаете, как кроты, прощупаете миноискателями, и мы останемся ни с чем, — и закончил: — Где-то на территории ГДР.

Выторговывать какие-либо условия, не зная реакции нашего посла Петра Андреевича Абрасимова и Москвы и не имея на это разрешения, было бессмысленно, и я возвратился в посольство. Сразу же проинформировал посла. Реакция Петра Андреевича была обнадеживающей. Он уверенно заявил, что, если все то, что я ему рассказал, соответствует действительности — решение Москвы, он уверен, будет положительным и мы получим интересный и нужный документальный материал, который может быть в будущем использован в интересах Советского Союза. Информация с нашим предложением сразу же ушла в Москву.

Прошло несколько дней. Никакого ответа. Решение явно затягивалось. Немцы вновь напомнили о себе. Посол связался с Москвой. МИД ответил: «Вопрос решается у военных». Вторым звонком в МИД посол попросил ускорить решение вопроса. Наконец Москва ответила: «Западногерманский журнал “Штерн” явно действует по чьему-то заданию. Не исключено, что это работа ЦРУ, пытающегося любыми путями и под надуманными предлогами проникнуть на территорию интересующей их советской воинской части, где, возможно, дислоцируется военная секретная техника. Мы уверены, что, получив доступ на территорию нужной им воинской части, они получают интересующую их информацию, перекопают силами наших же солдат остатки железнодорожного полотна, естественно, ничего не найдут и извинятся за причиненное беспокойство». Далее сообщалось, что вопрос был также согласован с Политбюро ЦК КПСС, где мнение военных нашло полную поддержку.

Так была закрыта тема с якобы хранившейся в известном «Штерну» месте на территории ГДР цинковой патронной упаковкой с дневником и другими личными документами и вещами Бормана.

Я в течение всех последующих лет до сегодняшнего дня внимательно отслеживал официальные материалы по немецким военным преступникам, в том числе по Борману, но до сих пор информация журнала «Штерн» о тайнике нацистского бонзы Бормана так нигде и не проявилась.

Наверное, правы были наши военные — западная разведка могла использовать «втемную» журналистов «Штерна» и, подбросив им информацию, проникнуть с их помощью на интересующий противника объект.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ВОЙСК СС ФОН КУГЕЛЬГЕН. 1968 год

Ржев, 1942 год. Воспоминания фронтовика

23 февраля 1968 года. Берлин. Унтер-ден-Линден. Праздничный прием в посольстве по случаю 50-летнего юбилея советских Вооруженных сил. Огромные залы заполнили более тысячи гостей. Много военных. Присутствует весь генералитет ГСВГ. Среди немецких гостей тоже много военных, в основном генералов. Звучат торжественные речи. Для всех сотрудников посольства это прежде всего работа. Делается все от них зависящее, чтобы создать для гостей приятную и уютную атмосферу. Мы с женой находимся в кругу немецких друзей, наших добрых и давнишних знакомых. Двое из них воевали на стороне Красной армии. Более того — фронтовики. Оба имеют боевые награды. У всех приподнятое настроение. Кругом радостные, веселые лица. Шумно. Все усиливающийся гул голосов заставляет нас разговаривать друг с другом громче. Один из «моих» немецко-фронтовиков обращает внимание на входящего в зал заметно прихрамывающего человека. Это кто-то из приглашенных. На лацкане его пиджака четко выделяется значок члена СЕПГ. Моложавое, приятное, открытое лицо. Добрые, умные, чуть с грустинкой глаза, высматривающие кого-то среди окружающих его людей. На вид ему, может быть, чуть-чуть за пятьдесят. Он

проходит мимо нашей весело разговаривающей группы и растворяется в толпе гостей.

— Что означает твой толчок, призыв к молчанию при появлении этого прихрамывающего человека? — спрашиваю я своего немецкого знакомого.

— Я расскажу тебе после приема удивительную историю этого человека.

И действительно, позже он рассказал мне нечто необычное. Его первая встреча с этим человеком произошла более четверти века назад. Он даже представить себе не мог, что именно здесь, сегодня вновь встретит его. Ему было известно, что этот человек прошел советский плен и «антифу», стал довольно известным журналистом и убежденным коммунистом. Даже убрал из своей фамилии приставку «фон», превратившись в «товарища Кугельгена». И это, наверное, правильно. Людям свойственно при определенных ситуациях менять свои идеологические убеждения, воспринимая другую, более убедительную для себя идеологию. Хочу надеяться, что это именно тот случай. Я с нескрываемым любопытством слушал своего товарища.

— Дело в том, — продолжал он, — что летом 1942 года в районе Ржева немецкого офицера в тяжелом состоянии и без сознания вытащили наши разведчики из разбитого немецкого танка на ничейной полосе. Командованию было крайне важно взять «языка». И «добыть» не просто немца, а офицера, от которого можно было бы получить интересующие нас данные о прибывающих на этот участок фронта подкреплениях, так как именно здесь, по полученным ранее сведениям, немцы готовили наступление. В документах взятого в плен офицера значилось, что мы имеем дело со старшим лейтенантом танковой дивизии СС фон Кугельгеном, которого оставшийся в живых экипаж, наверное, счел убитым и оставил в разбитом танке, не забрав даже его документы. У него была перебита нога. Наши врачи хорошо потрудились над его раной, привели все в порядок, наложили шину и подготовили к эвакуации в полевой госпиталь. Офицер пришел в себя и на первом же допросе повел себя нагло-вызывающе. Так, он заявил, что ему ничего не известно о наступлении, что его танковое соединение прибыло для плановой смены других подразделений и вообще недоукомплектовано. Ни о каком наступлении не может быть и речи. Он явно пытался ввести нас в заблуждение. Дословно он за-

явил, что если бы ему даже было бы и известно что-либо интересующее его противников, то есть нас, то говорить правду ему не позволяет присяга фюреру и офицерская честь. Нам так и не удалось от него что-либо получить. Вскоре Кугельген сказал, что чувствует себя плохо, и просил оставить его в покое. Красноармейцы отнесли его на носилках в находившуюся рядом со штабом полуразбитую баню. И тогда проводивший допрос полковник предложил мне выступить в роли раненого и взятого в плен немецкого солдата. К бане примыкало еще одно помещение, откуда через щели в стене можно было переговариваться с находившимся в собственно бане и лежавшим на носилках Кугельгеном. Часа через два наши красноармейцы, громко и возбужденно разговаривая между собой по поводу еще одного «захваченного фашиста», привели меня в эту темную комнату. Я как был в форме лейтенанта Красной армии, так и остался молча сидеть в темноте. Вскоре из бани донеслось: «Wer da?» («Кто там?»). Я пояснил, что вез на конной повозке воду для своей части, перепутал дорогу, лошадь убило взрывом снаряда, а меня ранило в голову. Я потерял сознание и был пленен русскими. Офицер стал тщательно инструктировать меня, как я должен себя вести. Дословно он сказал: «Этим русским свиньям ничего не известно о нашей готовящейся атаке. Это произойдет через день-два. Главное, все отрицать. Ты простой солдат, тебе ничего неизвестно. Нам с тобой надо совсем немного продержаться. Завтра-послезавтра здесь будут наши. Помни о присяге и верности фюреру».

Вскоре офицер стал громко просить вынести его по нужде. Я выскочил в открытую дверь, сказав красноармейцам, чтобы они пока задержались с выносом носилок. И бывает же такое! Все дело в случае, особенно на войне. Из прибывшего к штабу грузовика выгрузили пленного немецкого солдата с перевязанной головой. Я приказал ему стоять рядом со мной, сказав: «Сейчас из этого строя вынесут на носилках раненого в ногу офицера. Смотри внимательно на него. Если он сделает тебе какой-либо знак глазами или движением головы, слегка кивни ему. Если не выполнишь, пристрелю». Пленный поклялся, что сделает все, что ему приказано. Когда красноармейцы вынесли на носилках Кугельгена, он сразу же обвел напряженным взглядом всех стоявших около бани людей. Взгляд его задержался на пленном с перевязанной головой, и он на секунду прикрыл веки.

Солдат чуть заметно кивнул ему. Лицо офицера выразило полное удовлетворение...

Стемнело. Вечером при свете керосиновой лампы мы продолжили допрос Кугельгена. Никаких результатов. Переводчиком была моя землячка из Берлина, тоже лейтенант Красной армии. Кугельген продолжал твердить свое. Все это время я сидел молча, спиной к офицеру. Затем я повернулся и, медленно цедя немецкие слова свистящим шепотом, как пару часов назад, произнес: «Так может, сейчас начнем говорить правду, которую вы рассказали пленному солдату с перевязанной головой? Повторите свой рассказ».

Кугельген побледнел. Лицо его задергалось. Он опустил голову. Прошло несколько томительных минут. Все молчали. Молчал и наш полковник. Наконец офицер поднял голову. Он больше не говорил о преданности фюреру и офицерской чести. Просил его не расстреливать. Так счастливо закончилась для Кугельгена эта фронтовая история... Остальное ты видел все сам.

— Но почему же он так и не узнал тебя на приеме? — спросил я. — Ведь такое откладывается в памяти на всю жизнь!

— Двадцать шесть лет тому назад у меня еще не было такой седой головы. И очков я не носил. Да и как мог сегодняшний товарищ Кугельген соединить воедино события лета 1942 года под Ржевом с февралем 1968 года и приемом по случаю 50-летнего юбилея Советской Армии?!

ЗНАЙ НАШИХ! ВЕНА. 1945 год

(история, рассказанная Виталием Коротковым автору
в Берлине в 1968 году)

К сожалению, мне запомнились далеко не все истории из богатой событиями жизни моего товарища и коллеги по работе в Берлине Виталия Короткова¹, услышанные от него в разное вре-

¹ Виталий Викторович Коротков — видный советский разведчик. Долгие годы работал в Австрии и Германии. Длительное время был куратором знаменитого советского разведчика Хайнца Фельфе (Курт), возглавлявшего советский отдел западногерманской разведки (ВНД). Портреты разведчиков — Короткова и Курта сегодня помещены в кабинете Славы Службы внешней разведки в Ясенево. Кавалер боевых наград, почетный сотрудник КГБ полковник Коротков и ныне в строю. Он ответственный секретарь региональной общественной организации «Ветераны внешней разведки».

мя к кругу общих друзей. Некоторые, наиболее яркие и впечатляющие, особенно из последнего периода и относящиеся ко времени пребывания наших оккупационных войск на территории Германии и Австрии, заслуживают особого внимания. Хотя бы потому, что они дают правдивую и образную картину того времени.

Прибыв в Австрию после разгрома нацистской Германии в 1945 году, Виталий был назначен помощником заместителя по материально-технической части (по военной лексике — зампотех) разведывательного танкового батальона, дислоцированного прямо на берегу Дуная в центре Вены.

Виталий со своим сослуживцем любили в свободное от службы время прогуливаться по Вене. И чего греха таить, им нравилось пощеголять в только что выданной новенькой офицерской форме.

В первые послевоенные месяцы, когда еще вокруг царила эйфория победы, офицерский состав особо строгой дисциплины не придерживался. Как однажды образно выразился Виталий — была сама настоящая вольница! Но при всем при этом наши офицеры вели себя достойно, как и подобает командирам Красной армии. В принципе. Как правило. Солдат, естественно, без особой нужды и разрешения из части не отпускали. Если надо — строем, организовано. Тогда в Вене нашим офицерам не запрещалось даже посещать сектора других держав-победительниц.

Вот так однажды прогуливался Виталий с товарищем по красавице Вене. Ребята (а как еще можно назвать совсем юных офицеров?) ладные, красивые, подтянутые. Им было приятно ловить на себе восхищенные взгляды таких же, как и они, юных венских девушек, которые уже при виде их начинали призывно улыбаться и конечно же не прочь были познакомиться. Это радовало юных лейтенантов, но они держали себя строго. На танцах — другое дело. А тут прогулка по Вене! Надо держаться с достоинством. Инициативы не проявлять и повода не давать. Вот так и шли они, поскрипывая новыми хромовыми офицерскими сапогами, ощущая себя героями-победителями. Чувство уверенности и силы придавали им блестявшие на солнце золотые погоны, новые портупей и такие же новенькие, не как потертые на фронте, кобуры с тяжелыми пистолетами ТТ. Улицы Вены были давно

приведены в полный порядок, завалы и обломки после недавних уличных боев расчищены и убраны. На тротуарах не только ни одного окурка, вообще ни соринки, ни плевка. Вдруг перед глазами на противоположном углу улицы, на фасаде здания вывеска. На ней обозначено, что здесь размещается французский офицерский клуб. Подошли ближе. Через зеркальные стекла широких и высоченных витрин видны столики, за ними военные, в гражданском — никого. Вход только для офицеров. Ребята решительно распахнули дверь и очутились в просторном зале на два десятка столиков с уютно смотрящимися стульями-креслами. Широкая лестница вела куда-то выше. У входа с внутренней стороны их вежливо приветствовал то ли швейцар, то ли метрдотель, ну, в общем, какой-то господин в непонятной полувоенной, но строгого вида одежде. Явно австриец. Он приветствовал вошедших по-французски, затем повторил эти же слова по-немецки и приглашающим жестом указал на свободный столик. Две трети столиков были заняты французскими офицерами. Некоторые были с женщинами. Французы народ европейский, воспитанный и на советских офицеров глаза откровенно не пялили. Но ребята заметили, что их появление было встречено с любопытством и многие, стараясь делать это незаметно, смотрели в их сторону. Подошел официант.

— Чего желают господа офицеры? — спросил он по-немецки.

— Конечно французского коньяка, — сразу сделал заказ Виталий.

Через несколько минут вновь появился официант с маленьким подносом в руке и поставил на стол перед каждым по маленькой коньячной рюмке. Ну не больше 20 граммов темно-коричневой маслянистого вида жидкости. Друзья попросили официанта задержаться. Взяли в руки рюмочки. Принюхались. Приятный коньячный запах. Выпили. Наверное, это был какой-то очень хороший коньяк и, судя по вкусу, явно жутко дорогой. Но не это смутило наших офицеров.

— Пожалуйста, повторите! Но принесите нам двадцать вот таких же рюмочек и два стакана, — попросил Виталий все еще стоявшего перед столом официанта.

Тот и бровью не повел и в лице не изменился. Европа! Запад! Вот уж истинно их буржуазное воспитание и вышколенная внешняя культура!

Официант вернулся очень скоро. На сей раз на большом подносе тесно разместилось 20 коньячных рюмок с теми же 20 граммами в каждой и два больших стакана. Юные офицеры вновь попросили его подождать. Не торопясь в каждый из стаканов вылили по десять рюмок, вздохнули, чокнулись, выпилили, опрокинув в себя сразу весь приятно обжигающий напиток. Расплатились, добавив к весьма приличной сумме хорошие чаевые. Официант склонился в благодарном поклоне. Встали и направились к выходу. Почти все присутствующие при этом зрелище французы, как по команде, поднялись и проводили русских офицеров аплодисментами. Ответив на дружескую реакцию французов кивком головы, наши юные лейтенанты покинули офицерский клуб союзников. Больше они там не появлялись, а вскоре последовало распоряжение советской части аппарата верховного комиссара, запрещающее посещать западные сектора.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ КОСТЮМ

(из рассказа Виталия Короткова о событии,
приключившемся с ним летом 1946 года в Вене)

Воспроизвожу рассказ почти дословно.

«Кроме военной формы у меня не было никакой гражданской одежды. Мы с сослуживцами по праздничным дням обязательно посещали Дом офицеров Красной армии. Это известный всей Вене изумительной красоты дворец Хофбург. В былые годы он использовался как зимняя резиденция австрийских кайзеров. В огромном дворцовом зале на праздничных мероприятиях всегда гремела живая музыка. Играл наш военный оркестр, но чаще выступали австрийские музыкальные коллективы. Здесь я впервые познакомился с музыкальными произведениями и спектаклями таких мировых величин, как Штраус, Кальман, Легар. Как правило, вечер заканчивался танцами. Удивительно легко было вальсировать под музыку этих гениев. Да еще имея при этом местную партнершу. Венские девушки казались мне тогда небесными созданиями, сказочными феями — как снежные пушинки, в воздушных платьях они порхали в моих объятиях по зеркально начищенному паркету. В такие минуты я забывал, что эти «бо-

жественные создания» были сестрами, детьми или внучками еще вчера стрелявшими в нас солдат вермахта, наших врагов. Вот такая вальсирующая с тобой почти невесомая “фея” пару лет назад так же легко и с беззаботной улыбкой на красивой мордашке, разумянившейся от быстрых движений, могла быть в объятиях эсесовца, идейного нациста или пилота люфтваффе, сбрасывавшего на тебя сеющие смерть бомбы. А может быть, ее сегодня не очень-то нежные для такой юной девушки руки огрубели на военном производстве и еще не приобрели ту девическую мягкость, свойственную нежным созданиям. Но что это я уж так грубо и, может быть, незаслуженно кого-то обижаю в своих мыслях? Может быть, она дочь или сестра австрийского коммуниста, борца и участника движения сопротивления нацизму. Впрочем, эти мысли приходили в мою тогдашнюю голову уже после того, как я мог позволить себе власть натанцеваться или проводить партнершу до ее дома. Все мы были в то время молодыми, и подобные мысли не так уж часто посещали меня...

Редко, но некоторых офицеров, в основном старших товарищей, можно было увидеть на танцевальных вечерах в гражданских костюмах. Каюсь, я им немного завидовал. Мне казалось, что иметь такой костюм — предел мечтаний. Честно говоря, военная форма, даже с иголки, новая, мне изрядно поднадоела. Было неловко спрашивать у малознакомых и старших по возрасту и званию офицеров, где и как они приобрели гражданские костюмы. Магазинов в ту пору в Вене, где можно было бы купить приличный костюм, вообще какую-либо гражданскую одежду, не существовало как таковых. Говорили, что где-то в городе есть черный рынок, но мне даже в голову не приходило поинтересоваться, что же там, на этом рынке, можно приобрести...

Я прогуливался по Рингштрассе в центре Вены. Остановился перед уже знакомым и сильно пострадавшим в войну и еще не полностью восстановленным даже с фасадной стороны зданием знаменитой венской оперы. И вдруг вижу прямо напротив, на противоположной стороне броскую вывеску — SCHNEIDER. Слово это было мне знакомо и означало “Портной”.

Дай, думаю, зайду. Раз весит вывеска и дверь вроде открыта, значит, там кто-то что-то шьет. Я был уверен, что мое денежное офицерское содержание запросто позволит заказать очень даже

приличный костюм. Зашел. Владелец ателье, он же портной и закройщик, вежливо так спрашивает: “Чем интересуется молодой офицер?” Отвечаю, что хотел бы заказать себе гражданский костюм. Тот вновь спрашивает, имеется ли у меня для этого материал. Отвечаю, что нет, но рассчитываю на материал ателье, денег у меня достаточно. Называется сумма. Она ошеломила меня. Она была просто астрономической и составляла несколько полных месячных окладов. Понял, что костюма мне не видать. То ли хозяин заметил что-то в выражении моего лица, то ли просто так спросил, не курю ли я. Отвечаю, что да, но мало, а что? Тогда он еще вежливее спрашивает, а не курю ли я американские сигареты. Отвечаю, что иногда курю, в наших офицерских пайках бывают и американские сигареты. Тут я начинаю догадываться, к чему он клонит. Повторяю, совершенно не был в курсе черного рынка. Я даже цен не знал ни на сигареты, ни на кофе, ни тем более на спиртное, которое у нас и так было. Вспомнил, что у меня от пайков оставалось несколько блоков американских сигарет. Сразу же пришло решение. Спрашиваю: “А сколько надо сигарет?” Австриец называет. Точно сейчас не помню, но где-то несколько блоков, которые у меня как раз и были. Сразу же даю согласие на эту сделку. Он говорит, что за такой “подарок” он сможетшить костюм не только из добротного материала, но и очень быстро. А я даже и не представлял, что являюсь счастливым обладателем такой конвертируемой валюты. Снимается мерка, но к работе он приступит после получения сигарет. В этот же день я принес имевшиеся у меня “остатки” офицерского пайка. Обе стороны остались довольны. Через несколько дней я с наслаждением вальсировал в Доме офицеров и чувствовал себя на седьмом небе от приятно облегающего мое тело первого в жизни гражданского костюма. Руки так и тянулись еще и еще раз прикоснуться к ласковому атласу подкладки.

Это “сигаретное” приобретение продержалось у меня много лет. В институт в Москве я все четыре года ходил в офицерском обмундировании, да так полностью и не выносил его, ну а свой любимый “костюмчик” надевал только по выходным, да и то в особых случаях. Он долго оставался моей любимой носильной вещью, сшитой, наверное, одним из лучших венских мастеров, иначе кто бы мог иметь ателье в центре Вены, да еще и напротив оперного театра, известного всему миру. Так у них, у буржуев,

всегда было принято — чем ближе к центру, тем представительнее, дороже аренда, стоимость товара, а стало быть, и клиентура особенная, богатенькая. Ко мне это, однако, не относилось. Ни тогда, ни сегодня».

В КРЕСЛЕ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ. 1954 год

Эту историю в 1968 году также поведал мне Виталий Коротков, мой старинный товарищ и коллега по германскому направлению...

Мы одно время вместе работали в Берлине. Тогда я не знал да и не мог не только знать, но и догадываться, как, впрочем, и он, чем каждый из нас конкретно занимался. Основной закон разведки — конспирация — нами свято соблюдался... Мы были молоды, а стало быть, задорны и веселы. Любили шутку, юмор, подтрунивать друг над другом. При встречах, тем более при веселых застольях, что мы себе время от времени позволяли, наверное, каждый был искренен в своих воспоминаниях. И действительно, молодая память еще четко сохраняла всякие смешные и не очень случаи, вызывавшие у присутствовавших восхищение, смех или сочувствие.

Виталию не было и 19, когда его, офицера-танкиста, после завершения войны направили для дальнейшего прохождения службы в оккупированную войсками союзников по антигитлеровской коалиции Австрию. Послевоенная «веселая» Вена произвела на молодого офицера самое приятное впечатление. Доброволец Красной армии в 16 лет, фронтовик, он остался жив и даже не был ранен.

Эти молодые люди, вчерашние школьники, очутившиеся в горниле самой страшной за всю историю человечества войны, познавшие вонь сгоревшей взрывчатки и трупный смрад, смерть товарищей и людское горе, упивались простым человеческим счастьем — сытостью и покоем. Они радовались победе и мирной жизни. С наслаждением слушали веселые голоса. Их юное воображение будоражил женский смех, а сердце томительно призывало прикоснуться к мягким и ласковым девичьим рукам и губам...

Они не ощущали себя оккупантами. Победителями и освободителями — да. И не потому, что это им внушалось нашей армей-

ской пропагандой. Они охотно делились своим офицерским пайком с голодным населением, делая это искренне, от души. Таков русский человек и его характер. И люди, особенно молодые, их сверстники, были также искренне и откровенно им благодарны.

Вена показалась Виталию неземным раем. Красивый, почти не разрушенный город. Он только что проехал по поверженной и разбитой Германии. Лица немцев были мрачными, замкнутыми. Глаза выражали пустоту и затаившийся страх. Немцы были убеждены, что их всех, оставшихся в живых, русские вывезут в Сибирь, где они будут обречены на смерть от голода и холода. Этого не произошло. Они и представить себе не могли, что эти варвары окажутся не только милосердными по отношению к побежденным, но и готовыми поделиться куском хлеба и табаком с теми, кто еще вчера стрелял в них.

Австрийцы, особенно жители Вены, оказались совсем другими, чем строгие и во всем заорганизованные немцы. С трудом верилось, что этот веселый и, наверное, слегка легкомысленный небольшой народ¹, родным и официальным языком которого является немецкий, был на стороне нацистской Германии, верой и правдой служил своему земляку-австрийцу Гитлеру. Радовался аншлюсу Австрии в 1938 году, вместе с вермахтом сражался на Восточном фронте...

Летом 1946 года Виталий закончил службу в оккупационных войсках в Австрии, демобилизовался и поступил в Московский юридический институт, который успешно окончил. Далее еще одно, на сей раз элитное учебное учреждение закрытого типа, тщательно упрятанное от посторонних глаз за глухим зеленым забором в Подмоскowie. Здесь проходили особую подготовку и получали специфические знания, прежде всего языковые и по странам будущего пребывания, симпатичные молодые люди интеллигентного вида. Виталий год старательно изучал немецкий язык, имея для этого все необходимые условия — великолепных педагогов, маленькую, в два человека, языковую группу, лингвистический кабинет, библиотеку, кинозал, соответствующие бытовые условия и самое главное — многочасовую, включая самостоятельную, ежедневную работу с немецким языком. Большое внимание уделялось и специальной физической подготовке.

¹ Население Австрии в те годы составляло около 7 млн человек. Почти половина проживала в Вене и ее окрестностях.

Первая страна пребывания — уже знакомая молодому разведчику Австрия. Виталий вновь появился в Вене зимой 1954 года. Чуть раньше Виталия в Вену приехал Виктор Белецкий. Он недавно окончил Московский государственный институт международных отношений — единственное в стране политическое учебное заведение. Злые языки с оттенком некоторой зависти и ерничанья называли его «пажеским корпусом». Подбор студентов в него проводился с особой тщательностью. Обязательным условием для абитуриентов были придирчивые медицинская и особенно мандатная комиссии. Волею судеб они очутились в одном рабочем кабинете в качестве МИДовских стажеров дипломатического представительства¹ в советской части аппарата верховного комиссара³. Сотрудники аппарата размещались в роскошном здании бывшей гостиницы «Империал», номера которой были переоборудованы в рабочие кабинеты. В сотне метров от «Империала» возвышалось здание лучшей в городе гостиницы «Гранд-Отель». Все номера гостиницы были заняты только сотрудниками аппарата верховного комиссара. «Гранд-Отель» славился старыми традициями довоенной Вены. Попастъ в гостиницу можно было только через стеклянный цилиндр двери-вертушки. Входящего торжественно приветствовал высокий, представительный, благородной внешности пожилой седовласый швейцар в черном костюме типа смокинга. Он отработанным движением склонял перед каждым, кто появлялся перед ним с улицы, крупную голову, демонстрируя безукоризненно уложенные слегка волнистые волосы. Затем торжественно возвращал голову в исходное положение. Он, казалось, буквально источал всем лицом радость, слегка показывая при этом неправдоподобно хорошо сохранившиеся для своего возраста зубы (дантисты в Вене во все времена были превосходными). Закончив движение «благородной» головы и погасив улыбку, он, в зависимости от времени суток, приятно звучащим и слегка рокочущим голосом приветствовал жильца или гостя. Мужчин и женщин раздельно. Это впечатляло. Поначалу. Потом привыкли. И даже как-то и не обращали внимания на этих театрально вычурных и удивительно похожих друг на друга

¹ После заключения с Австрией мирного договора в 1955 г. представительство было преобразовано в посольство СССР.

² Советская часть Союзнической комиссии (СЧ СК) по Австрии. В Союзническую комиссию входили представители СССР, США, Англии и Франции.

швейцаров. Они работали посменно. Обслуживавший жильцов частично оставшийся с довоенных времен персонал всячески старался как можно лучше угодить новым властям. Впрочем, это устраивало и «новых хозяев». Кстати, при входе на работу и в гостиницу, где проживали советские граждане, необходимо было предъявлять специальный пропуск.

Поражал своим великолепием и гостиничный холл. Лучшей визитной карточки, чем роскошные швейцары и холл, не придумаешь. Вена есть Вена! Громадный холл из-за высокого потолка, теряющегося где-то там, наверху, тем не менее казался небольшим и уютным, готовым удовлетворить все вкусы любого гостя. Стены инкрустированы дорогими сортами дерева. Администрация отеля утверждала, что эти инкрустации изготовлены из различных деревьев, произрастающих только в Южной Америке. Особенным был и паркетный пол. Набранные также из различных сортов дерева разноцветные паркетные пластины были похожи скорее не на дерево, а на акварельную картину мягких пастельных тонов. Часть пола покрывал ковер неброской цветовой гаммы. Он напоминал лесную лужайку, усеянную цветами и освещенную утренним солнцем...

Впрочем, утверждал Виталий, может быть, их тогдашнему подсознательному восприятию до того не виданная роскошь казалась чем-то сказочным, необычным. Но в памяти остались именно такие «картинки». Выделенные для жилья бывшие гостиничные номера казались им излишне роскошными. Ведь работать приехали — не отдыхать! Старинная, классической формы мебель, кожаные кресла и диваны, какое-то особенное постельное белье и непривычные пуховые одеяла. Блиставшие мрамором, белой эмалью и бронзой туалет, умывальники и ванна. Впрочем, все это было довольно приятно и вскоре стало восприниматься, как само собой разумеющееся. К хорошему человек быстро привыкает, плохое запоминается надолго...

Виталий Коротков и Виктор Белецкий быстро сдружились. Разные по характеру и темпераменту, они оба были не просто старательными исполнителями служебных обязанностей, но любили свою работу и стремились как можно быстрее постичь азы дипломатического мастерства. Конечно, Виктор Белецкий поначалу и не догадывался, что его новый друг Виталий — разведчик и в сферу его деятельности входили совсем другие задачи.

Как-то после служебного визита чиновника городской ратуши они решили посетить заседание парламента, которое, судя по газетам, должно было состояться сегодня. Время до начала заседания еще было. Стоял погожий день, приятно пригревало солнышко, настроение было соответствующим, по-весеннему слегка размягченным. Хотелось чего-то необычного. В стороне возвышался знаменитый на весь мир собор Св. Стефана. Они не раз поднимались по крутым каменным ступеням на самый верх. Молодые ноги без особого труда быстро возносили их на смотровую площадку. Вид громадного и красивого города каждый раз завораживал. Как будто видишь все это чудо впервые. Еще раз пойти к собору, посмотреть на город с высоты птичьего полета? На сей раз что-то не очень хотелось двигаться в сторону собора, а потом топать на самый верх.

Может быть, по дороге зайти в Дом офицеров?¹ В буфете можно быстро сытно и дешево пообедать, выпить кружечку пива. Впрочем, они должны быть еще сегодня на службе. И от пива все рано пришлось бы отказаться.

Они медленно шли по самой любимой венцами Рингштрассе², и по ходу их движения медленно выростала громада помпезно-величественного здания парламента Австрии. Они знали историю этого главного государственного учреждения Республики. Это огромная, массивная, в стиле неоклассицизма красивая каменная глыба производит обратное впечатление. Кажется, что дом всего-то в три, но высоких этажа парит в воздухе. Это впечатление усиливается оттого, что здание парламента находится на небольшой, может быть всего в несколько метров, возвышенности. На нем все еще видны следы войны. Уличные бои тогда, в 1945-м, не нанесли большого ущерба городу. Все, что в Вене было уничтожено или сильно пострадало, — следы массивированных бомбардировок союзнической авиации. Зачастую без особой необходимости и не по нашей просьбе. Особенно досталось центру Вены, в том числе и парламенту. Почти половина здания была

¹ Дом офицеров в те годы размещался в зимнем дворце австрийских кайзеров Хофбург. В период оккупации Австрии в 1945–1955 гг. был культурным центром Группы советских войск. Здесь верховный комиссар советской части Союзнической комиссии по Австрии устраивал приемы по большим государственным праздникам.

² Рингштрассе (от нем. Ring — кольцо) — дословно «кольцевая улица», она опоясывает центр Вены.

разрушена или сильно повреждена. Пострадали и внутренние помещения.

Пожалуй, именно парламент был самым значительным по своей красоте и монументальности зданием столицы Австрии. Он всем своим видом внушал величие и уважение к бывшей некогда могучей Австро-Венгерской империи¹. На площади перед парламентом расположена целая скульптурная композиция из белого мрамора. Здесь и фонтан с различными аллегорическими фигурами, демонстрирующими былую имперскую мощь, и женские статуи, и купидоны на дельфинах. В центре композиции на высоком круглом постаменте — древнегреческая богиня Афина Паллада, олицетворяющая мудрость, силу, победу. Верхняя часть Афины покрыта позолоченными нагрудными доспехами, голова увенчана боевым шлемом. В левой руке — символ воинственности и силы — копьё, в правой — богиня победы Ника.

Центральный портал поддерживается восемью колоннами. Столько же колонн размещено внутри портала, создавая симметричный внушительного вида второй колонный ряд. За колоннами во фронтальной стене — несколько массивных, из мореного дуба, отделанных бронзой входных дверей. К portalу с двух сторон ведет широкий полукруглый въезд. Это для транспорта всех видов...

На крыше парламента по всему периметру возвышаются фигуры античных богов...

— Слушай, Виктор, — обращается Виталий к Белецкому. — А не зайти ли нам в парламент прямо сейчас, до заседания? Посмотрим, как выглядят помещения, ведь внутри здания мы еще не были.

Тот отвечает согласием, и друзья, предъявив стоявшему у входа служителю удостоверение сотрудников дипломатического представительства СЧ СК и спросив, как пройти в дипломатическую ложу, проходят внутрь парламента. Места для представителей оккупационных властей и дипломатического персонала Союзнической комиссии находятся в ложах на втором этаже. Имея в запасе достаточно времени, они не торопятся. Медленно перемещаются и с любопытством осматривают внутреннюю отделку помещений. То, что они видят, впечатляет. По обеим сторонам огромного зала размещены статуи античных богов. Друзья долго рассматривают

¹ Австро-Венгерская империя, выступавшая на стороне Германии в Первой мировой войне, развалилась в 1918 году.

на арке входа в следующие помещения изображение женщины — символа Австрии. Все вокруг напоминает священный храм. Особенно поражает размещенная везде античная атрибутика из белого мрамора. И здесь заметны еще не отреставрированные полностью следы войны. Любопытство влечет их все дальше. Наконец они попадают в огромный зал в виде древнегреческого амфитеатра, формы которого им знакомы по учебнику советской средней школы. В верхнем ярусе видны небольшие ложи. Осмотрев зал, они вновь выходят в коридор и поднимаются на второй этаж. Вдоль полукруглой стены справа несколько дверей в ложи. Где-то здесь должна быть и ложа президента Австрии Теодора Кернера, сменившего своего предшественника и руководителя той же Социал-демократической партии Австрии, первого президента Республики после 1945 года Карла Реннера.

Виталий и Виктор минуют несколько дверей и наугад открывают одну из них. В ложе полумрак. Осматриваются. Здесь всего три кресла в один ряд. Они сделаны из темного мореного дуба. Ножки резные, фигурные. Центральное кресло еще более впечатляет своей искусной резьбой и более высокой спинкой. Оказалось, что эта ложа находится в самом центре яруса. В других ложах слева и справа количество кресел значительно больше, пять или даже шесть. И почему-то только одно из кресел с подчеркнута высокой резной спинкой... Они трогают черную, ласкающую руки мягкую кожу. Виталий предлагает Виктору сесть, и они опускаются на мягкие сиденья. Виталий размещается в центральном кресле. Так продолжается несколько минут. Друзья весело переговариваются, делятся впечатлениями. Неожиданно в зале появляется сразу несколько человек. Из боковых дверей в зал-амфитеатр начинают входить люди. Их уже довольно много. Это явно не рабочие, занимающиеся ремонтом и отделкой помещения. Это же депутаты! Друзья понимают, что скоро начнется рабочее заседание парламента. Из зала некоторые депутаты смотрят в их сторону, что-то говорят друг другу и показывают на них. Только сейчас до сознания молодых людей доходит, что они находятся в правительственной ложе. Это обжигает сознание как молния. Сидеть в кресле президента Республики Виталию уже неудобно. Конечно, их не имеют права задерживать и тем более выдворять из парламента. Представители оккупационных держав имеют право присутствовать на заседаниях парламента. Но не в ложе президента! Поэто-

му самое неприятное — пресса. Не дай Бог, если о русских, занявших места в президентской ложе, станет известно местным газетчикам! Неприятностей не оберешься! Впрочем, ни страха, ни угрызений совести у них не появляется. Ну, подумаешь, ошиблись, ложи для сотрудников Союзнической комиссии, дипломатов и прессы находятся рядом с ложей президента. Они быстро покидают ложу и переходят в другую. Они уверены, что возможный щекотливый инцидент исчерпан. Но на всякий случай высокому начальству о том, что случайно попали в ложу президента Республики, решили не рассказывать и перед сослуживцами излишне не хвастаться. А прессу на следующий день все же внимательно просмотрели.

Заканчивая рассказывать эту приключившуюся с ним историю, Виталий сказал:

— Как я ни старался, каких-либо особых чувств и впечатлений от сидения в мягком кресле президента Австрии я не пережил. И ничего особенного не почувствовал. А жаль! Думал, что это будет как-то более волнительно! Впрочем, это и естественно, ведь в те годы мы имели дело с теми, кого Сталин называл социал-предателями.

КУРЫ-НЕСУШКИ И МОЦАРТ. 1968 год

Я выехал в Западный Берлин, чтобы встретиться с моим добрым знакомым и довольно известным журналистом. В прошлом он несколько лет работал радиокомментатором в РИАС под именем Сэма Йензена, а затем ушел на вольные хлеба, то есть стал свободным журналистом. Такая работа ему нравилась, и он, как сам говорил, «наконец-то обрел независимость и свободу». Он был мне интересен тем, что хорошо знал западноберлинскую журналистскую среду и его почти всегда можно было видеть на приемах, где присутствовала пресса. У меня сложилось впечатление, что он был знаком со всеми журналистами, издательствами в Западном Берлине. Писал он на любые темы, имея только одну цель — прилично заработать. И это у него получалось, как он утверждал, довольно успешно. Хорошо фотографировал, в чем ему помогала гражданская жена, фотограф по профессии, сотрудничавшая с несколькими журналами. Внешне он был худощав, подвижен, всегда в хорошем настроении. Он просто лучился радос-

тью, распространяя ее на окружающих. Есть такие люди, я встречал подобных. Великолепный рассказчик и анекдотист.

В конце нашей встречи Сэм сказал, что должен быть на пресс-конференции по случаю открытия в Западном Берлине двух птицеферм, каждая мощностью в 125 тысяч кур-несушек. Я спросил, как такое вообще возможно. Подобные хозяйства могут существовать только далеко за пределами города, так как продукт отхода от птицы — гуано — настолько зловонен и ядовит, что никто еще в мире эту проблему не решил.

— А мы решили, — лихо ответил Сэм. — Если хочешь, поедем со мной. Сам в этом убедишься.

Вскоре мы очутились на пресс-конференции. Действительно, в результате ознакомления с красочно оформленными стендами, снабженными соответствующими пояснениями и графическими схемами, а также после посещения одной из высоченных башен-птицеферм все выглядело вполне реально. На 125 тысяч кур-несушек всего 12 человек обслуживающего персонала. Все автоматизировано. Отопление отсутствует за ненадобностью, так как выделяемое птицей тепло полностью обеспечивает нужную температуру воздуха в помещении. Птица находится в специальных клетках-боксах каждая и в таком узком пространстве, что остается практически без движения, зажата с двух сторон. Перед ее головой с заданной скоростью движется лента с увлажненным кормом. С задней стороны движется в противоположную сторону лента, транспортирующая яйца и биологические отходы. Учитывая, что курица находится без движения и солнечного света, в каждое яйцо на выходе специальным автоматом впрыскивается витамин «А», который не вырабатывается в организме несушки при отсутствии естественных условий, то есть светового дня, солнца, даже при наличии специальных ламп. Фиксируется каждое яйцо. Если несушка пропускает два-три яйца, она поступает на забой, который производится на верхнем этаже. Таких кур ежедневно несколько тысяч. Тушки забитой птицы обрабатываются без участия человеческих рук, они поступают последовательно на ниже расположенные этажи и в конечном итоге попадают в приготовленные лотки в обработанном виде, а внутренности, головы и перо проходят специальную обработку и прессуются в брикеты для дальнейшего использования в виде сельскохозяйственных удобрений.

Ученые подсчитали, что для нормального восстановления организма курицы, способной нести яйцо, ЕЖЕДНЕВНО требуется не более четырех часов сна. В это время отключается освещение и в динамиках звучит классическая музыка, в основном произведения Моцарта. После сна через динамики воспроизводятся призывные горловые звуки и щелканье клювом, издаваемые петухами, которые призывают кур к найденному ими корму, как это и происходит в естественных условиях крестьянского хозяйства. Специалисты утверждали, что эффект от всего этого потрясающий.

Присутствовавшие на пресс-конференции были также ознакомлены с производством бройлеров. Оказывается, чтобы максимально быстро достичь нужного веса и не истратить ни одного лишнего зернышка, глаза каждого петушка закрывались прикрепленным к верхней части клюва одноразовым непрозрачным пластиковым пенсне, стоимостью в один пфенниг. Это делалось для того, чтобы будущий бройлер-петушок, от рождения боец, не видел перед собой врага — другого сородича, а только корм под своими лапками. То есть не было причин для драк, а стало быть, вес сохранялся и преумножался.

И самое главное — была решена проблема защиты окружающей среды, тем более в черте большого города. Разработанные итальянской фирмой особые системы обработки воздуха обеспечивали полную фильтрацию. Запах гуано полностью исчезал. Примечательно, что энергозатраты и вообще все экономические расходы были значительно ниже обычных при таком объеме производства.

На следующий день я доложил послу, как я считал, интересную информацию для нашего торгпредства. Посол внимательно меня выслушал, задавая попутно уточняющие вопросы. Потом с моей помощью изучил полученный на пресс-конференции рекламный материал и неожиданно сказал:

— Немедленно составьте подробную справку и переведите полученные буклеты. Надо срочно направить этот материал в ЦК и МИД.

— Петр Андреевич, — взмолился я, — я же не сельхозник. Пусть это сделает торгпредство. Я только могу курицу зарезать и съесть.

Но посол остался неумолим. И вопрос был закрыт. При этом он сказал, что посольство оперативнее доведет до Центра эту полезную информацию, чем торгпредство.

Спустя несколько месяцев, когда я в отпуске зашел в «родной» Третий европейский отдел МИД, раздался дружный хохот. Комментарии были излишни. Я сам смеялся вместе с товарищами. Все равно всем было и так ясно, что указания посла, если не можешь доказать обратное, следует выполнять. Однако смеялись надо мной и вместе со мной напрасно. Через год посол мне рассказывал, что наша информация о «курочке рябе» была с интересом изучена в сельхозотделе ЦК и в каком-то подмосковном хозяйстве некоторые идеи из нашей информации были успешно внедрены в производство. Взяли ли там за основу музыку Моцарта или нашу легкую эстрадную, мне не известно.

«НАДО ГНУТЬ, ПОКА ГНЕТСЯ...» 1969 год

Я познакомился с N. совершенно случайно на одной из выставок в Западном Берлине. Узнав, что я сотрудник советского посольства в ГДР, он удивился, но не стал «шарахаться» от советского человека. Мы оба оказались любителями того, что экспонировалось, увлеченно обменивались впечатлениями. Наша беседа вскоре перешла в политическое русло, и, к нашему взаимному удовлетворению, по многим вопросам мы имели почти совпадающие точки зрения. Общение продолжили в кафе. Рассчитались, как принято у немцев, каждый за себя. Выяснилось, что N. бывает в Западном Берлине наездами по каким-то своим делам. Договорились встретиться вновь через определенное время.

При последующих встречах N. вел себя более откровенно. Он оказался крупным чиновником государственного учреждения в Западной Германии, проникновение в которое представляло интерес для нашей Службы. Да и сам регион, где он работал, также был нам интересен. В Западном Берлине жила его многолетняя подруга, связь с которой он был вынужден скрывать от семьи. Поездки в Берлин легендировались перед женой служебными интересами, что частично имело место в действительности.

В начале наших встреч мы по очереди оплачивали наши обеды или ужины. А через какое-то время он спокойно обедал и ужинал за мой счет. Под предлогом каких-либо праздничных или семейных событий он стал принимать подарки, однако от предложения получить от меня определенную денежную сумму и самому

выбрать нужную ему вещь категорически отказался, но «подношения» продолжал принимать охотно. Получил он от нас и несколько ценных подарков. При этом я ему разъяснил, что это как бы своеобразное вознаграждение за ту политическую информацию, которую он предоставляет советской стороне. N. с пониманием отреагировал на эту «щекотливую» тему.

Наши встречи продолжались довольно долго, а поступающая от N. информация высоко оценивалась Службой. Рассказывал он и о содержании некоторых документов, проходивших через его руки и носивших секретный характер. Учитывая складывающуюся благоприятную ситуацию, конспиративность наших встреч, политические настроения N., было принято решение активизировать с ним работу и перевести наши отношения на официальную основу. Он, по сути, уже давно превратился в нашего помощника, от которого систематически поступала важная политическая и оперативная информация. У меня складывалось впечатление, что N. понимает характер наших встреч и что стоит за ними и догадывается, с кем имеет дело. Он явно отдавал себе отчет в том, что его информация носит закрытый характер и не должна стать достоянием любого иностранца, тем более сотрудника советского посольства. Наши «игры» продолжались еще какое-то время. Я считал, что все должно оставаться в прежнем состоянии и следует продолжать наши стабильные и доверительные, тем более на конспиративной основе, отношения. При этом не переходить той черты, за которой у N. может наступить психологический срыв, он лишится созданной им внутренней защиты правомерности своих действий, испугается, прекратит встречи и мы потеряем ценный источник. Мне по-прежнему казалось, что вряд ли есть смысл переводить наш «союз» на более прочную основу, договариваться о более надежных способах связи, обучать его методам конспирации и снабжать соответствующей легендой на случай каких-либо неприятностей, если наш контакт с ним попадет в поле зрения контрразведки противника.

При очередном разборе встречи с N. кто-то из начальства предложил провести с ним нужную беседу и окончательно закрепить с ним отношения, то есть привлечь N. к сотрудничеству с разведкой. Я же по-прежнему придерживался иной точки зрения. Кое-кто из моих руководителей тоже был такого же мнения, но нас переубедили. Да и чего греха таить, мне самому хотелось завер-

шить работу с N. окончательной договоренностью и перевести наши отношения в иную плоскость. Такой финал всегда считался в нашем деле большим успехом...

Меня хорошо подготовили к такому сложному и ответственному мероприятию. Я должен был зафиксировать нашу беседу спецтехникой, миниатюрные размеры которой были не больше спичечного коробка, размещенного в моем кармане. Встреча прикрывалась нашими товарищами.

Давая последний инструктаж, мой начальник неожиданно изрек:

— Жорж, не испугаешься? Дело сложное. N. человек с характером, все может случиться.

Конечно, я ответил, что не испугаюсь. И вот я, тщательно проверившись от возможного наружного наблюдения, разместился в уютном кафе на окраине города под надежным оком своих товарищей. Ожидаю появления N. А вот и он. Один его взъерошенный вид, злобное выражение лица говорили о том, что с ним что-то произошло. Он подошел к столу и бросил передо мной свежий номер газеты центрального органа ЦК СЕПГ «Нойес Дойчланд».

— Почитайте, что пишут ваши друзья в ГДР. Каковы их заявления! Разве возможно после таких слов вообще надеяться на установление каких-то отношений с ГДР?

И он возмущенно продолжал в том же духе «распекать» руководителей Республики самыми оскорбительными словами. Я понял, что проводить с N. запланированную беседу ну никак нельзя. Это будет, как у нас говорилось, «оперативно неграмотно» и изначально грозило срывом. Но в ушах звучало «напутствие» начальства: «Не испугаешься?» Если бы не эта брошенная мне вдогонку фраза, я бы не решился проводить с N. такой ответственный разговор.

И я приступил к беседе. Сначала попытался объяснить N. смысл заявления правительства ГДР и получить от него действительно объективную оценку. Этого не произошло. Я не смог успокоить и переубедить его. Тогда я перешел к запланированному разговору. Разразился самый настоящий скандал с взаимными оскорбительными выпадами. Все это было зафиксировано бесстрашной спецтехникой... Расстались непримиримыми врагами. Как на войне. Два противника...

Я специально не стал сам расшифровывать запись встречи. Это сделали другие независимые переводчики. Так было объективнее и надежнее. Документ лег на стол руководству.

Я не стал объясняться с теми, кто настаивал на таком «остром» варианте. Да они и не имели ко мне никаких претензий. Я сам был виноват. Сторонники моей позиции выразили сожаление и сочувствие по поводу неудачи, а Иван Анисимович Фадейкин наложил короткую и предельно ясную резолюцию: «Надо гнуть, пока гнется. Вы перегнули».

У меня и мысли не было кому-то из начальства рассказать, чем было вызвано мое решение в той явно неприемлемой для вербовочной беседы ситуации, я так ни с кем и не поделился этой ставшей роковой фразой: «А не испугаешься?»

Я все-таки уговорил начальство не рвать контакт с N. и выйти на очередную встречу по имевшимся с ним условиям связи. Вышел! Как ни в чем не бывало. Мы оба сделали вид, что между нами не было неприятного, даже оскорбительного разговора. Более того, спустя какое-то время N. по моей просьбе передал нам поступивший в его учреждение закрытый, для служебного пользования объемный документ некой западногерманской организации, оперативная ценность которого была высоко оценена нашей Службой. Вскоре я познакомил N. с другим работником и стал готовиться к отъезду в Москву. Чем закончилась работа с N., мне неизвестно. Таковы законы конспирации.

ВОТ ТАК ВСТРЕЧА! ВАЛЕНТИН И СВЕТЛАНА. 1969 год

Это произошло где-то в середине моей второй заграничной командировки. Мы с Аллой приехали в Западный Берлин. Был августовский воскресный день. Мы шли взявшись за руки по Будапештштрассе в сторону знаменитого берлинского зоосада — излюбленного места отдыха и развлечений не только детей, но и взрослых. Вот и нам захотелось окунуться в чудесный мир животных, отдохнуть и отвлечься от рабочих будней.

Яркое солнце заливало город. Фланирующей публики было достаточно, но она не заполняла полностью широкий тротуар. Все идущие нам навстречу прохожие просматривались и фикси-

ровались достаточно отчетливо. Мы были свободны от работы, поэтому не было той напряженности, которая всегда присутствовала при выполнении служебных задач в этой части города — Западном Берлине...

Я заметил их издали. Эту идущую нам навстречу, как и мы, взявшись за руки, юную пару. Боже ж мой! Сердце мое екнуло. Я сразу же узнал этих молодых людей. Я просто не мог их не узнать. Ошибки быть не могло. Мне они были очень хорошо знакомы. Наши разведчики-нелегалы Валентин и Светлана...

Оперативная судьба свела меня с ними, когда мы с женой были на такой же подготовке к работе в особых условиях, как и они. Светлана, еще будучи студенткой Иняза, была привлечена нашей Службой к выполнению определенного задания. Я был ее руководителем. Случилось так, что она вместе с Валентином должна была провести одно мероприятие. Какое-то время они были вместе, а позже продолжали встречаться и полюбили друг друга. Это совпало и с интересами Службы. Вскоре молодые люди отпраздновали свадьбу. Мой друг разведчик-нелегал Федор Х. и я были у них свидетелями. У меня сохранилась фотография, запечатлевшая всех участников этого события, в том числе и нас с Федей...

Меня удивила не эта случайная встреча с приятным прошлым. Такое случалось, и не раз, не только со мной — со многими нашими разведчиками. Когда вот так же и совершенно неожиданно «пересекались» пути-дороги разведчиков по принципу «нарочно не придумаешь». Но я был поражен последствиями этого неожиданного «свидания»...

Мы медленно отдалялись от Валентина и Светланы и прошли несколько десятков метров, когда Алла спросила:

— Ты знаком с прошедшими мимо нас молодыми людьми?

Я удивленно посмотрел на нее.

— Кого ты имеешь в виду? Я никого из знакомых здесь не видел, — стараясь оставаться спокойным, невозмутимо ответил я.

— Я имею в виду ту молодую пару, что шла нам навстречу, в солнцезащитных очках.

Что это? Ведь, мне казалось, ничто во мне не дрогнуло. Уверен, и внутренне и внешне я оставался совершенно спокойным. Да, ее рука была в моей руке. Убежден, вряд ли что-то могло выдать мое состояние.

— Нет, Алла, тебе показалось. Я даже не могу припомнить, о какой паре ты говоришь. Почти все идущие нам навстречу были парами или с детьми. Да и зачем мне скрывать что-то от тебя?

Алла внимательно посмотрела на меня и медленно произнесла:

— Значит, мне показалось. Но я была уверена, что ты встретил кого-то из знакомых. Да, — утвердительно произнесла она. — Мне могло показаться.

Что это? Интуиция? Воздействие невидимых и необъяснимых флюидов? До сих пор событие это так и осталось для меня загадкой.

По прошествии длительного времени я подтвердил ее правильно угаданное предположение. Но она так и не смогла объяснить возникшее у нее чувство.

По правилам конспирации я никогда не интересовался судьбой Валентина и Светланы. В моей памяти они навсегда остались влюбленными друг в друга и в свою работу молодыми людьми, до конца выполнившими свой долг в тяжелом труде разведчиков-незаконников.

СКРИПАЧ С ГАНТЕЛЯМИ. 1969 год

В конце 60-х (Боже мой, прошлого века!) в Западном Берлине на сцене филармонии выступал с концертом известный советский скрипач Игорь Ойстрах — сын знаменитого Давида Ойстраха. Аккомпаниатором скрипача была его жена Наташа, прекрасная пианистка и очаровательная молодая женщина. Организацией подобных мероприятий в Западном Берлине занималась группа культуры посольства. Но часто приглашались для помощи сотрудники других отделов. На одном из концертов мне было поручено кем-то еще из сотрудников группы культуры (к сожалению, не могу вспомнить, с кем именно) сопровождать скрипача с женой из гостиницы в филармонию, а после концерта и банкета доставлять в гостиницу. Такие поручения посла были самыми приятными и всегда всеми охотно выполнялись. Игорь и Наташа оказались симпатичными интеллигентными и контактными молодыми людьми. Несмотря на знаменитую фамилию и на то, что уже к этому времени имели успех не только дома, но и за границей, они держа-

лись корректно, были просты в обращении. Впрочем, и мы сами, сопровождавшие, были в те годы ненамного старше этой знаменитой пары, чувствовали себя с ними на равных. Работа есть работа. Не помню, какую вещь они исполняли в концертном варианте с фортепьяно, но все в зале были очарованы этими талантливыми музыкантами. От них обоих исходила какая-то обволакивающая присутствующих в зале энергетика, магическая чарующая сила. Ребята (хочется назвать их именно так) «сорвали» бурные аплодисменты и в антракте удалились к себе. Мы последовали за ними по их настоятельному приглашению обменяться впечатлениями и помочь Игорю и Наташе расслабиться. Мы обменивались впечатлениями по поводу реакции публики. С удовольствием передали артистам восторженные высказывания в зале. Слушая нас, Игорь начал раздеваться. Он был во фраке, и когда разделся, мы увидели, что не только спортивного типа майка с короткими рукавами, но рубашка с отделкой под фрак были абсолютно мокрыми. С помощью Наташи он обтерся влажным полотенцем и сменил белье и рубашку. Я не выдержал:

— Скажите, Игорь, неужели вот так, как вы, каждый скрипач, исполняющий подобную программу, теряет столько энергии и пота?

Игорь ответил, что, наверное, больше, чем он, так как отец приучил его с детства ежедневно делать утреннюю легкую зарядку, а спустя несколько часов музыкальных упражнений обязательно проделать силовую зарядку. Я не поверил, подумал, хвастается парень перед нами. Потом было еще два концерта с таким же «антрактным ритуалом», богатым застольем, на котором Игорь не пил спиртного и умеренно ел.

Через три дня мы с товарищем заехали за Ойстрахами, чтобы доставить их в аэропорт. Игорь и Наташа паковали чемодан. Знаменитая скрипка Игоря (не помню точно: то ли Гварнери, то ли Амати) уже покоилась в футляре. Но рядом лежал еще один футляр, несколько больший по размеру.

— А что в этом футляре, Игорь? Запасная скрипка? — поинтересовался я.

Он молча открыл футляр. Там мирно покоились две массивные гантели.

— Это для моей ежедневной силовой гимнастики, — невозмутимо ответил артист.

При выходе из номера Игорь взял в руки довольно объемный и тяжелый чемодан и футляр с гантелями. Футляр со скрипкой несл Наташа. Мы с трудом уговорили Игоря отдать футляр с гантелями. Нес его я. Футляр весил не менее 15–16 килограммов, если не больше. Расстались мы друзьями с обещаниями не забывать друг друга и хотя бы изредка на Новый год обмениваться поздравлениями.

ВАЛЬТЕР УЛЬБРИХТ И МАРТИН ЛЮТЕР — ДВА НЕМЕЦКИХ РЕФОРМАТОРА. 1969 год

С очередной лекцией на тему «Основные принципы внешней политики Советского Союза» я выехал в город Лютерштадт-Виттенберг, что в двух часах езды от Берлина по скоростному автобану на юг. Город носит имя великого реформатора Средневековья Мартина Лютера¹. Именно здесь прошли долгие годы жизни и деятельности великого немца. Среди многочисленных достопримечательностей города старинная красного кирпича башня Замковой церкви. В ней на последнем этаже размещен один из музеев Мартина Лютера, где особо выделяется основной экспонат — высокая кафедра, за которой, опершись одной ногой на окаменевший позвонок мамонта, протестант Лютер сочинял свои религиозные, философские трактаты, критикуя догматы всемогущей католической церкви...

Лекция была организована по просьбе городского правления партии «Христианский демократический союз ГДР». Аудитория — человек 50 функционеров этой партии и магистрата города.

В этот день над югом Республики ожидался ураган. По штормовому предупреждению я должен был бы из Берлина вообще не

¹ Мартин Лютер (1483–1546) — один из образованнейших людей Средневековья. Выступал против политики Ватикана. Был уже тогда против celibата (обет безбрачия). Создатель нового религиозного течения — лютеранства, основанного на заветах Евангелия. Впервые перевел на литературный немецкий язык Библию. Основатель средневекового литературного немецкого языка. Предтеча национального объединения Германии. Лютера можно смело назвать революционером своей эпохи. Он не побоялся на дверях Замковой церкви, в которой проповедовал свое учение, вывесить свои 95 антипапских тезисов. За его еретические высказывания и проповеди папа своей буллой отрек Лютера от Церкви. В знак протеста Лютер сжег папскую буллу.

выезжать, имея на это право. Однако все последующие дни у меня были заняты более важными мероприятиями, и я вряд ли смог позже посетить этот всегда интересовавший меня город и встретиться с не менее интересной аудиторией. Я решил все же не срывать лекцию и сообщил об этом по телефону представителям ХДС в Лютерштадт-Виттенберге...

Ураган еще не достиг Берлина. Я торопился как можно скорее выехать из города и быстро добраться до цели моей поездки по скоростному автобану. Мне оставалось проехать пару десятков километров, когда порывы ветра с грозовым дождем обрушились на дорогу. Сразу потемнело. Встречный ветер был настолько мощным, что моя «Волга», несмотря на выжатую до отказа педаль газа, могла развивать скорость не более 50 километров в час. Кругом грохотало, ухало и сверкало. Стало жутковато. Мне хорошо был знаком этот участок автобана, и в другой ситуации, то есть при нормальной погоде, машина смогла бы идти со скоростью 110–120 километров в час. Счастье, что дорога в этом месте на много километров была прямой как стрела. Ураганный ветер бил прямо в лоб моей тяжелой и устойчивой «Волги». Была бы дорога с поворотами и был бы боковой ветер — меня бы снесло. Там, где автобан проходил в районе лесных массивов, по бокам виднелись поваленные ветром высокие деревья. Вдоль автобана в более или менее укрытых от ветра местах виднелись съехавшие с дороги легковые и грузовые автомашины с укрывшимися в них людьми. На всем протяжении своего пути я не встретил ни одной встречной или попутной машины. Я «мчался» навстречу шторму один. На подъезде к городу, до которого оставалось несколько километров, ураганный ветер неожиданно стал стихать и через короткое время вообще прекратился. Как будто силы небесные знали, куда, к кому и с какой целью я следую в этот город. Мелькнуло солнышко. Грозовые тучи и черное небо виднелись где-то далеко позади и чуть в стороне, откуда еще доносились глухие звуки и гул урагана. Напряжение покинуло меня. Я медленно въезжал в город, разминая онемевшие пальцы. Мне почему-то вспомнилась библейская история о въезде Иисуса Христа в Иерусалим на осле с пальмовой ветвью в руке, только вместо осла у меня была «Волга», а пальмовую ветвь заменяла папка с нужными для лекции заметками. Мне стало весело и спокойно.

При подъезде к городской ратуше, конечной цели многострадальной поездки, мой путь перегородил упавший во время урага-

на ствол громадного платана. Около него стояла машина и суетились люди. Не дожидаясь, пока пожарные расчистят улицу, я оставил в стороне машину и прошел около сотни метров к уже видневшейся ратуше. В окнах, где я увидел лица явно ожидавших меня людей, произошло заметное оживление. И пока я подходил к двери, навстречу со своим помощником поспешил сам бургомистр, он же глава местной партийной организации ХДС. Из-за непогоды, что являлось форс-мажорным обстоятельством, я опоздал на целый час. Но хозяева были рады моему благополучному появлению. Они волновались за меня: я выехал из Берлина, несмотря на штормовое предупреждение. И они считали себя счастливыми, что все с Божьей помощью закончилось благополучно. Как они утверждали, единственной машиной, въехавшей после урагана в их город, была моя. Всем помешал ураган.

Пока мы поднимались крутой старинной лестницей ратуши в зал, где и должна была состояться лекция, я позволил себе пошутить, сказав, что при въезде в их город вспомнил Создателя и, наверное, поэтому неистово бушевавший до этого момента шторм, внезапно стих. Я сказал это серьезным тоном, «не подыгрывая», и был уверен, что мои слова нашли нужное понимание. Я имел дело с верующими людьми или близкими к этому.

То, что я увидел при входе в зал, привело меня в некоторое замешательство. У одной из стен на небольшом отдалении стоял подготовленный для лектора и президиума стол. На столе — несколько бутылок и стаканов. Над столом президиума в простенке между двумя большими старинными окнами-витражами, наверняка чудом уцелевшими после страшной войны, висели два ярких портрета в красивых черного цвета деревянных рамах — Вальтера Ульбрихта и Мартина Лютера. Как позже выяснилось, портреты были выполнены местным мастером и подарены правлению городской ХДС. Причем оба портрета были удивительно похожи друг на друга, хотя внешне Ульбрихт и Лютер (по старинным гравюрам), как известно, были совершенно разными. Но что-то общее в этих картинах удивительно роднило их. Выражение глаз, цвет волос, даже какие-то общие черты лиц. А главное — сам цвет красок, жизнерадостный розоватый тон. Вместе с несколькими ведущими функционерами ХДС города я занял свое место за столом и не мог более детально рассмотреть оба портрета, они оказались у меня за спиной.

На всем протяжении короткой лекции и последующих за ней ответов на довольно большое количество вопросов меня не покидала мысль: «Как могло случиться, что две диаметрально противоположные исторические личности — глава Республики коммунист Вальтер Ульбрихт и религиозный философ, теолог, реформатор Мартин Лютер — оказались вместе? Чьей волей, желанием или указанием они были вывешены на этой стене в одинаковой пропорции и заметно выраженной взаимной значимости? Казалось, что оба они братья».

Я с нетерпением ждал конца мероприятия, чтобы удовлетворить мое все возрастающее любопытство. Наконец подошло время традиционного кофе и личного общения с местным руководством — городским правлением ХДС. Почти все присутствовавшие функционеры были пожилыми людьми. Внешне крепкими и на удивление жизнерадостными и улыбчивыми. Лекция, особенно ответы на вопросы, им понравилась. Это было заметно и по тому вниманию, которое выходило за рамки обычной немецкой внешней вежливости и вопросов личного характера ко мне. Они были благодарны за сам приезд в такую непогоду и за вызванный мною интерес к теме. Я всегда старался сам доклад делать покороче, не более 15–20 минут, а часть вопросов, если аудитория была несколько инертной, инициировать с учетом волнующих граждан Республики актуальных политических тем.

По давно заведенной традиции такие мероприятия заканчивались совместным кофе, обедом или ужином и обязательным вручением памятного сувенира. Это могли быть обычные для того времени вазы, книги, альбомы, настенные тарелки или модели продукции промышленного предприятия, если лекция была в рабочем коллективе. Как правило, с именной надписью. Благообразные «старички» из Лютерштадт-Виттенберга вручили мне деревянную тарелку-барельеф с изображением оленя и небольшую картину, изображавшую старинную Замковую башню-церковь, на дверях которой реформатор Мартин Лютер в далекие времена вывесил позже опубликованные во всем христианском мире свои знаменитые 95 тезисов, потрясшие основы католической церкви. Эта картина до сих пор хранится у меня как дорогая реликвия той встречи.

Прощаясь и поблагодарив радушных хозяев за прием и внимание к лекции, я поинтересовался необычностью «экспозиции», находившихся в помещении портретов двух исторических личностей.

Хозяева тут же охотно дали свои пояснения: «Для нас они оба великие немцы. Во-первых, они наши земляки-саксонцы. Во-вторых, в далекие годы Средневековья Мартин Лютер совершил революционный переворот в сознании христианского мира и создал новое христианское направление протестантского толка — лютеранство. Вальтер Ульбрихт для нас, лютеран, — тоже реформирует сегодня новую Германию. Они много сделали для истории Германии. Мы гордимся ими обоими, поэтому и поместили их рядом».

ВСТРЕЧИ ИНКОГНИТО ПОСЛА АБРАСИМОВА С БРАНДТОМ¹ В СОВЕТСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ. 1969–1970 годы

Прежде чем описать одну из встреч нашего посла в совпосольстве с Вилли Брандтом я позволю себе процитировать Петра Андреевича по поводу Брандта и сделанные им оценки этого политика, являющегося и по моему мнению выдающейся личностью в истории Германии. В одной из своих книг-воспоминаний он писал: «В моей памяти Вилли Брандт остался обаятельным человеком, мудрым, реально мыслящим политическим деятелем, ставшим впоследствии Председателем Социнтерна и почетным председателем Социал-демократической партии Германии. Приведу одну запись, сделанную мной... в качестве посла (уже были подписаны “восточные договоры”, сделавшие возможным проведение Хельсинкской встречи, разворачивались процессы разрядки): “Брандт предполагал развитие событий, которое, может быть, и в недалеком будущем, но приведет к воссоединению немцев в результате центробежных тенденций в соцлагере — возможно, под влиянием идеологии социал-демократизма”. История внесла свои коррективы относительно времени и платформы объединения двух Германий, но прогноз осуществился, и не оставляет никаких сомнений факт, что в эти процессы немалую лепту внесла реалистичная и дальновидная политика Вилли Брандта»².

¹ Вилли Брандт — известный германский политик с мировым именем. В 1957–1966 гг. правящий бургомистр Западного Берлина. В 1966–1974 гг. федеральный министр иностранных дел и вице-канцлер, затем канцлер ФРГ.

² Абрасимов П. А. Четверть века послом Советского Союза. 2-е изд., доп. М.: Национальное обозрение, 2007. С. 232.

А теперь вернемся в те далекие времена, когда совпосольство проводило активную работу по углублению наших контактов с Брандтом, являвшимся инициатором и проводником внешнеполитического курса немецкой социал-демократии, именуемого «новой восточной политикой».

Москва, в принципе, поддерживала инициативу Брандта, но делала это весьма осторожно, временами недоверчиво, прощупывая и проверяя поступающие предложения, наверное, исходя при этом из прочно засевшего в нашей подкорке стереотипа, разработанного в свое время Сталиным, что «социал-демократия была и остается агентурой буржуазии в рабочем движении». Страшновато было отходить от старых и проверенных временем концепций.

В общем, вызывает нас (Ю.А. Гремитских, Б.П. Хотулева, П.С. Хрусталёва, Г.З. Санникова) к себе посол и говорит:

— У меня есть мысль после беседы с Вилли Брандтом в посольстве пригласить его в нашу баню-сауну. Ну а потом можно там же, в баре, продолжить нашу беседу. Думаю, если Брандт согласится, не просто погреться, а попариться по-русски, с веником, доставим ему это удовольствие. Какие есть предложения?

У каждого из нас нашлось что сказать послу. Часть наших мыслей он принял, но с большей не согласился.

Нашей баней-сауной заведовал большой умелец Василий Лукинов. Кстати, он был мастер и по массажу, исполнял и роль бармена, приукрашивая себя при этом бабочкой «кис-кис» и белоснежной рубашкой — при черных брюках, разумеется. Вообще-то, он был командирован в Берлин в качестве электромеханика по лифтам. Но этот симпатичный и исполнительный технический сотрудник кроме основного занятия исполнял работу банщика-парильщика, киномеханика, упаковщика праздничных наборов-подарков, а также был ответственным за хранение в специальном подвальном помещении-кладовке деликатесов, типа семги, баночной селедки, икры разной, дорогих сортов советских коньяков, вин, водок. В общем, лицо ответственное и особо доверенное. Должен сказать, что Василий был не просто толковым и сообразительным специалистом в своих нескольких профессиях, но и вообще добрым, отзывчивым товарищем, никому не отказывая при упаковке чемоданов или картонок при отъезде в отпуск или по завершении заграничной командировки.

Вдруг кто-то из нас и говорит, что выпускать Васю в одних трусах, чтобы «размять» высокого гостя или попарить его веником, невозможно. Посол удивленно посмотрел на нас. И всем сразу стало ясно, о чем идет речь. На теле ладного сложения с рельефно выступающими мускулами этого небольшого роста мужика красовались художественно выполненные татуировки. На левой стороне груди были изображены лица вождей советского государства — Ленина и Сталина. На правой — основоположников научного коммунизма — Маркса и Энгельса. В нижней части грудной клетки с переходом на живот, почти не оставляя свободного места, горный орел нес в когтях красивое бесчувственное тело обнаженной девушки. На верхних частях ног, выше колен, тоже были выполнены какие-то жанровые сцены. На обеих руках нанесены стремительно летящие самолеты — это были первые реактивные советские бомбардировщики Ил-28, на которых проходил в Советской армии службу Василий Лукинов в качестве стрелка-радиста. Вот такая картинка получалась с нашим Василием.

Петр Андреевич принял решение отказаться от использования Лукинова в качестве банщика.

— Вы представляете, что может подумать Брандт? Вдруг ему покажется, что мы специально демонстрируем ему так искусно и живописно расписанного татуировкой человека, намекая на нацистов в концлагерях, где практиковалось делать абажуры из красиво татуированной человеческой кожи. Жаль, но Лукинов для такой работы, к сожалению, не подходит.

Нам с трудом удалось убедить посла в обратном. По нашей рекомендации Василий был облачен в белую поварскую куртку, закрывающую ему всю грудь и живот с чудо-рисунками, а выделенные ему такого же типа поварские брюки, обрезали чуть ниже колен. На голову Лукинова мы водрузили белую шапочку типа головного убора американского военного матроса. Все эти вещи мы приобрели в одном из специализированных магазинов в Западном Берлине. Вопрос был закрыт.

Прием Брандта прошел успешно. Особенно ему понравилась наша баня-сауна и симпатичный банщик, он же бармен, Вася Лукинов.

КОНФЛИКТ В ШКОЛЕ ПРИ ПОСОЛЬСТВЕ В БЕРЛИНЕ, ИЛИ ЛЕВ ДАВИДОВИЧ ТРОЦКИЙ — ГЕРОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. 1969 год

Шел выпускной экзамен по истории СССР последнего, тогда 10-го класса. Выпускников всего-то человек десять. Школа при посольстве — особая. Она считается как бы немецкой спецшколой в нашем понимании, то есть ее учебная программа такая же, как в московских спецшколах с преподаванием на немецком языке. Но в посольской школе работают и учителя-немцы, а часть учеников — немецкие дети из семей ответственных сотрудников партийных или государственных органов Республики. В ней учатся и дети дипломатов из стран социалистического лагеря, аккредитованных в ГДР. В общем, школа на особом положении. Здесь в равной степени звучит русская и немецкая речь. Лучший ученик 10-го класса — сын болгарского посла, также в числе сдающих экзамен по истории. Он учится в нашей школе с пятого класса. Общий любимец. Красивый мальчик. Наши девочки на него заглядываются. Он всем нравится. Учителям тоже. С ним нет никаких проблем. Мальчик за все годы учебы имел только пятерки. Он готовится к поступлению в Московский институт международных отношений и твердо идет на золотую медаль.

За столом экзаменационной комиссии восседают трое — директор школы Виталий Михайлович Стрельников (историк по образованию, он и вел этот класс), учитель физики (он же завуч) и еще кто-то из учителей. Мы со Стрельниковыми дружим. Его жена — Анна Михайловна — тоже учитель истории. Симпатичные милые москвичи. Их берлинская командировка — вторая. За границей они уже работали и хорошо себя зарекомендовали. Оба, естественно, члены КПСС. Виталий не только отлично владеет своим предметом, но и великолепный педагог-воспитатель. Абсолютно неконфликтный человек, умеющий не только располагать к себе родителей и детей, но и успешно руководить, как правило, сложным в условиях заграницы коллективом учителей. Это не в Союзе работать, даже в любой самой престижной спецшколе. Но Стрельников справлялся и был любим и уважаем всеми. Все у него шло гладко до злополучного случая на этом выпускном экзамене по истории...

Сын болгарского посла берет билет и зачитывает его. Последний вопрос — Гражданская война в России в 1918–1922 годах.

Просит отвечать без подготовки. Стрельников советуется с членами комиссии, мальчик начинает отвечать. Он особенно любит историю и, как мне ранее рассказывал Виталий, увлекается работами Ленина, Сталина, знаком с целым рядом произведений Маркса и Энгельса. Более того, он для его возраста прилично разобрался в основных политических течениях, особенно в анархизме¹. Он рассказывал Виталию, что в огромной отцовской библиотеке имеются, наверное, все работы классиков марксизма-ленинизма, включая и теоретиков анархизма. Естественно, мальчик был патриотом коммунистического строительства, мечтал стать дипломатом, чтобы продолжить дело своего отца-коммуниста, воевавшего с немцами в годы Второй мировой в партизанском отряде в Родопских горах, бывшего участника восстания болгарской армии в сентябре 1944 года и боев с вермахтом агонизирующей нацистской Германии...

Третий и последний вопрос... Мальчик быстро и со знанием предмета отвечает. Формулировки и ответы предельно лаконичны и правильны в соответствии с преподававшимся учебным материалом. Стрельников довольно улыбается и останавливает отвечающего.

— Я думаю, — говорит директор, — комиссия не будет возражать против самой высокой оценки.

Неожиданно мальчик говорит, что считает необходимым все-таки до конца осветить вопрос о Гражданской войне, изучением истории которой он всегда интересовался более всего. И вдруг он произносит:

— Я бы хотел подчеркнуть особую роль Троцкого в создании Красной армии, Реввоенсовета Республики и сказать, как оценивал его вклад Ленин.

Он начал цитировать Ленина. Стрельников сразу же попытался остановить мальчика. Но не тут-то было. Тот упрямо продолжал говорить о выдающейся роли Троцкого в Гражданской войне, как бы демонстрируя свои знания, выходящие за рамки учебной

¹ Руководители компартии Болгарии, особенно в период нахождения в подполье, поощряли распространение коммунистами среди населения идей таких известных анархистов, как Кропоткин, Бакунин и др., чьи публикации не были запрещены в буржуазной Болгарии и их можно было приобрести в любом киоске. Это способствовало в определенной степени распространению социалистических идей.

программы. Стрельников дважды прерывал его, давая нужную в те годы и соответствующую политике нашей партии оценку Троцкого, одновременно пытаясь не втянуться в опасную полемику. Члены комиссии молчали, опустив головы. После завершения экзамена по истории один из членов комиссии заявил, что об отличной оценке не может быть и речи. Стрельников стал возражать ему, ссылаясь на высокий уровень подготовки этого способного мальчика.

— Главное, — говорил Стрельников, — он сын посла Болгарии. И увлечение в данном случае Троцким, наверное, известно отцу. Это же скандал на политическом уровне. Будь он советским ребенком, я бы согласился с вашим мнением и сам бы поставил ему «тройку», которая бы лишила его не только золотой, но серебряной медали. Но ведь не тот случай. И конечно же случившееся на экзамене станет известно его отцу. Мальчик один из немногих в школе претендентов на золотую медаль¹. Если он получит даже «четверку», не говоря уже о «тройке», он вообще не получит медаль. Уровень его подготовки и знаний известен всем нашим учителям.

Эту историю я услышал от самого Стрельникова на следующий день после экзаменов (было воскресенье, он пришел к нам домой). С ним была истерика. Он плакал как ребенок, причитая: «Все кончено, меня отправят в Союз и исключат из партии. Я знаю, у нас иначе быть не может. Мне передали — на столе посла лежит бумага о моем поведении на выпускном экзамене по истории. Я виноват, и этого не отрицаю. Но ведь это же сын болгарского посла. Как я мог поступить иначе?»

Я впервые в своей жизни наблюдал испуг, в общем-то, ни в чем не повинного человека. Если все было так, как он мне рассказал, вины его ни как коммуниста, ни как руководителя и педагога не было. Наоборот, действия его были взвешенными и правильными. Кстати,

¹ Советская школа при посольстве в Берлине почти ежегодно выпускала учеников, претендующих на одну-две золотых и такое же количество серебряных медалей. Это объяснялось не только великолепным педагогическим составом, но прежде всего хорошими семейными условиями. А самое главное — в начальных классах было от трех до восьми учеников, в sixth, седьмых, восьмых классах — не более восьми-десяти учеников. То есть практически учителя работали с каждым учеником индивидуально, спрашивали ежедневно, а при снижении оценки тут же ставили в известность родителей. Так, во всяком случае, было в те годы, когда автор работал в Берлине.

позже выяснилось, что написавший на имя члена ЦК нашей партии посла Абрасимова, тоже, между прочим, великолепный педагог и член КПСС, давно подкапывался под директора Стрельникова, чтобы занять его место. Вот такие дела. Я как мог успокоил Виталия.

Вечером я зашел к Виктору Белецкому, под началом которого работал в западноберлинской группе. Виктор был такого же мнения, как и я. Решили идти к послу и, как говорится, «просить» за Стрельникова. Ведь в те времена советским людям была известна только одна работа Льва Давидовича — «Уроки Октября».

Петр Андреевич внимательно нас выслушал и дал почитать письмо «заявителя». Нехорошее, злобное заявление. Прав был Стрельников: письмо задевало не только сына посла, а и самого посла Болгарии. В документе утверждалось, что сдававший экзамен ученик говорил, что читал многие работы Троцкого из библиотеки отца и что директор школы Стрельников вел себя слишком ласково и не дал должного отпора высказываниям этого ученика. Автор письма требовал не просто провести беседу со Стрельниковым, а немедленно отправить его в Союз, строго наказать, вплоть до исключения из партии. Нам показалось, что истинная подоплека вопроса была послу известна. Он принял решение пригласить к себе Стрельникова и «заявителя» и уладить вопрос на своем уровне как члена ЦК КПСС. Я уверен, что, принимая это решение, Петр Андреевич исходил из своих интересов: образцовая партийная организация советского посольства и проявление в школе при посольстве у коммуниста-директора Стрельникова «симпатий» к троцкизму — ЧП для посольства и это могло бы как-то отразиться на репутации нашей партийной организации. Может быть. А может быть, и нет. Просто Петр Андреевич мог быть, это все знают, и великодушным, и человечным. И уж наверняка он не сомневался в политической и идеологической чистоте и искренности Стрельникова. Кроме того, он был хорошо информирован о поведении самого Стрельникова на экзамене и дал ему правильную оценку. Посол дипломатично «развел» соперников, и оба по окончании срока командировки в положенное им время выехали в Союз. Как мне представляется, зная характер Петра Андреевича, он наверняка что-то пообещал «заявителю» в качестве «откупного». Потому что оба они, и Стрельников, и «заявитель», еще не раз бывали в командировках в качестве директоров школ, но в разных странах и в разное время. Вот такая случилась история!

СЛУЧАЕТСЯ И ТАКОЕ. 1969 год

Он был одним из моих любимых оперативных контактов. Значительно моложе меня, он успел получить высшее образование, удачно устроиться на работу. Политика была его хобби. Он увлекался новейшей историей, философией, новыми политическими течениями, симпатизировал социал-демократическим идеям, считал, что будущее, как бы ни развивалось общество, рано или поздно придет к социализму. Конечно, он в какой-то мере критиковал наши порядки, возмущался вводом наших войск в Чехословакию в августе 1968 года, но, в принципе, он был «наш» человек. Его мировоззрение соответствовало критериям нашей Службы. В общем, с ним можно было работать, превращая постепенно в политического единомышленника. А самое главное — он был молод, а стало быть, перспективен. Я оберегал его изначально, с самого первого дня знакомства, которое состоялось задолго до этого «злополучного» вечера...

В Западном Берлине у меня было несколько специально подобранных мест встречи, где можно было вечером и в любое время года уютно устроиться и практически быть незаметным для других посетителей. Крайние маленькие кафе или закулочные в малонаселенных районах, где немного постоянных посетителей и где обычно встречаются, укрываясь от посторонних взглядов, влюбленные или просто те, кому более приятны тишина, мерцающие свечи, зажигаемой или не зажигаемой на твоём столике всегда приветливой обслугой.

Как всегда тщательно подготовившись к такой конспиративной встрече и проверившись по заранее проработанным маршрутам, я скоростным видом городского транспорта быстро очутился на совершенно другой окраине громадного города. Встретились, сидим в уютном уголке. Воркуем. Оба довольны. И встречей, и разговором. Нам было всегда интересно друг с другом. И я уверен — мы оба были искренни.

Два небольших зальчика. Столики так расположены, чтобы посетители чувствовали себя как бы несколько изолированными от соседей. В общем, удобно и то, что нам надо. Сегодня мало посетителей. Рабочий день. Позже народу прибавилось. И вдруг!.. Я уловил брошенный в нашу сторону мимолетный взгляд, быстрый как фото-блиц. Это были две юные девицы. Заняв свои места за столи-

ком, они вновь быстро взглянули в нашу сторону. Я насторожился. Через какое-то время в зал вошла еще одна, на сей раз пожилая пара, явно муж и жена. И они тоже, как бы невзначай, глянули в сторону нашего столика. Сердце мое учащенно забилось. Случайностей быть не могло. Это «наружка». Никто из них больше не смотрел в нашу сторону. Если это «наружка», они убедились, что мы на месте. Они потеряли, очевидно, нас где-то на подходе к этому кабачку. Наверняка вызвали подкрепление и отсюда за нами уже не пойдут. Но вот одна из девиц вновь бросила блиц-взгляд в нашу сторону. Я сконцентрировался и успокоился. Если им даже удалось нас сфотографировать в этом помещении, вряд ли при таком тусклом свете у них получится «читаемое» изображение. Сейчас самое главное ничем не побеспокоить моего визави. Наша встреча практически уже была закончена. Рассчитавшись, мы поднялись из-за стола и направились к выходу. Я сделал несколько шагов по направлению к двери и тут вновь заметил взгляд одной из девиц в сторону уже оставленного нами места. Боже мой! Чуть в стороне и несколько в глубине от нашего столика сидела знаменитость мировой величины. Сам Буби Шольц! Ну кто из немцев, не говоря уже о берлинцах, не знал в лицо этого прославленного чемпиона Германии и Европы по боксу в средней весовой категории! Легендарный боксер! Любимец всего Берлина оказался волею случая в неизвестном, маленьком, затрапезном, в стороне от шумных центральных улиц, сверкающих огнем и светом большого города, кафе. Буби был с молодой девушкой, явно не с женой. Наверняка он, как и мы, попытался укрыться от посторонних глаз, не желая делать свою встречу с женщиной достоянием хорошо знавшей его публики. Он понимал и знал, что, окажись, да еще с юной знакомой, где-то в центре, мог бы быть подвергнут атаке фоторепортеров, срочно вызванных кем-то из посетителей. Такое уже бывало именно с ним, и не раз.

Когда мы уже были на улице, мой молодой друг спросил, заметили ли я сидевшего недалеко от нас знаменитого боксера. Я сделал удивленное лицо и ответил, что нет и что, наверное, мне стоит вернуться, чтобы увидеть воочию спортивную знаменитость, да время торопит. Я ничего не сказал ему о возникшей и вполне реальной опасности очутиться под наблюдением. На этот раз мы расстались с ним несколько позже. На всякий случай я «протащил» его по нескольким проверочным маршрутам, и, убедившись в полной безопасности, мы расстались до следующей встречи. Работа с ним была успешно продолжена.

**«МОСКОВСКАЯ СЫРОКОПЧЕНАЯ» —
ЛЮБИМАЯ КОЛБАСА ОДЕССИТА
СОЛОМОНА БОРЕНШТАЙНА. 1969 год**

Я получил указание руководства закупить в Западном Берлине несколько ювелирных изделий. Это было задание Центра. При этом шеф подчеркнул, что следует купить золотых украшений побольше, а денег потратить поменьше. В набор входило несколько колец, браслетов, цепочек и т.п. Мне было известно, что на одной из улиц в Западном Берлине находилось довольно много небольших ювелирных магазинчиков, владельцы некоторых, и я в этом был уверен, должны были быть выходцами из Советского Союза.

Я отправился «на дело». На шестом или восьмом «заходе» я нашел то, что искал. Владельцем одной из этих «лавочек» был некий Соломон Боренштайн, о чем свидетельствовала вывеска. Небольшое помещение с двумя миловидными продавщицами среднего и юного возрастов. У входа в служебное отделение, привалившись спиной к косяку двери и скрестив ноги, стоял пожилой мужчина и, глядя куда-то вдаль ясными, слегка навывкате голубыми глазами, ковырял в зубах, по-моему, даже не зубочисткой, а спичкой, при этом смачно цокая. Такая поза и издаваемые звуки явно выдавали в нем русскую, во всяком случае не немецкую, привычку. Он был рыжеват, лысеющая голова была подстрижена под полубокс, и он имел великолепно ухоженные, пушистые и хорошо сохранившие рыжину бачки. Немцы такие бачки редко носят. Ну, думаю, это наш человек, наверняка из Одессы. И я не ошибся. Когда я обратился к нему по-русски, он радостно ответил, что он действительно Боренштайн, как указано на вывеске. Магазин принадлежит ему, и он действительно из Одессы.

— А как вы меня узнали? — спросил он. — По пейзажам?

Я честно ответил, что вот так стоять и ковырять в зубах после сытного обеда может только человек, выросший в Одессе. Боренштайн не обиделся. Ему даже очень понравилась моя оценка.

— Чем могу быть полезен?

Я ответил, что мне бы хотелось посмотреть ряд золотых вещей. Может быть, я даже что-то приобрету, выполняя просьбу одного моего друга-писателя из Москвы, который получает приличные гонорары. Просмотрев некоторые интересующие меня изделия и взяв

у Боренштайна что-то подобное каталогу, я распроштался. Я сказал, что должен посоветоваться с другом из Москвы, который сейчас в командировке в Берлине, но не имеет возможности выехать в Западный Берлин и приобрести золотые вещи там. Как известно, золото в Западном Берлине намного дешевле, чем в ГДР.

«Посоветовавшись» с руководством, я через несколько дней вновь посетил Боренштайна. На сей раз я приобрел у него несколько изделий. Обе стороны остались довольны. Я представился ему сотрудником посольства, и это, пожалуй, было наилучшим вариантом. В течение последующих нескольких месяцев я дважды покупал некоторые украшения якобы для своего друга-писателя. Я считал необходимым в дальнейшем сменить тактику и покупать золотые изделия в других местах, где золото было несколько дороже, чем у Боренштайна, но это было бы лучше, чем «привязываться» к одной и той же «лавочке». Шеф не согласился со мной. У Боренштайна было дешевле. Как показали дальнейшие события, нам действительно следовало сменить «лавочку». В очередной заход к Боренштайну он вдруг предложил расплатиться с ним сырокопченой московской колбасой, которую он безумно любит, или же черной икрой. При этом он рассказал, что к нему несколько раз заходили сотрудники советского торгпредства из демократического Берлина и удачно и выгодно для обеих сторон производили вот такой торговый обмен. Разумеется, эта информация была сразу же мною доложена руководству. Круг сотрудников торгпредства, имеющих право посещать Западный Берлин, был крайне ограничен. Однако выявить, кто именно этим занимается, нашей службе безопасности так и не удалось.

Прошло какое-то время. Шеф вызывает меня и говорит, что я был прав: нам надо было бы действовать иначе и закупать золотые вещи в разных магазинах. Выбранная нами легенда о «денежном» писателе провалилась и была неудачной.

— Сегодня утром, — сказал шеф, — ко мне обратились жены наших руководящих товарищей. Одна из них — жена советника посольства, другая — одного из замов торгпреда.

Они имели диппаспорта и могли посещать Западный Берлин. Они рассказали, что были несколько раз в магазине некоего Соломона Боренштайна, кое-что приобрели у него. Боренштайн приглашал их заходить к нему и похвастался, что знаком с советским дипломатом, назвав при этом меня, который уже несколько раз приобретал у него довольно дорогие вещицы и которому он делал

солидные скидки как постоянному покупателю. Такая откровенная информация напугала женщин. Обе прекрасно относились ко мне. Они долго колебались, но «долг советского гражданина — превыше всего», и наконец решили проинформировать моего шефа. Обе заявили, что о ставшем им известным они якобы не говорили даже своим мужьям, придавая особое значение случившемуся. Я хорошо знал обеих, как и они меня. Шеф их успокоил, объяснив, что я по его указанию выполнял поручение Центра и все, что я там, в Западном Берлине, приобретал у Боренштайна, носило официальный характер. Он поблагодарил женщин за проявленную бдительность, просил никому не рассказывать об этом, в том числе и мне, чтобы не ставить их же в неудобное положение. Разумеется, и я виду не подал, что мне обо всем известно. Внешне между этими уважаемыми дамами и мною все оставалось по-прежнему.

После этого случая я еще раз производил закупки нужных нам изделий, но уже в другом магазине и на другой улице города.

ДРУГ ПОСЛА АБРАСИМОВА СЛАВА РОСТРОПОВИЧ. 1970 год

Дипломатический состав посольства с нетерпением ожидал появления Мстислава Леопольдовича Ростроповича у нас в посольстве на «оперативке», которая ежедневно проводилась в 8:30 утра. Ростропович только что вернулся из гастрольной поездки в США, и посол договорился, что маэстро поделится с дипломатами своими впечатлениями о Стране желтого дьявола.

Наконец дверь распахнулась, и появились Петр Андреевич Ростроповичем. Посол, подчеркивая свои дружеские отношения с великим музыкантом, всегда представлял его просто по имени: «Мой друг Слава». Иногда добавлял — «Ростропович». Мстислав Леопольдович не первый раз посещал ГДР. Выступал и в нашем Актовом зале. Слушать его игру было настоящим наслаждением. Извлекаемые гениальной рукой звуки из этой «большой скрипки» — виолончели очаровывали не только знатоков и любителей смычковых инструментов. Они были понятны и простым людям, не обладавшим музыкальной культурой, но имевшим высокую внутреннюю культуру. Это особое чувство восприятия прекрасного присуще многим (помните фильм «Три тополя на

Плющите и роль простой женщины в исполнении Татьяны Дорониной? — вот это именно тот случай). Однако не все одинаково восторженно воспринимали игру нашего великого виолончелиста... И с Мстиславом Леопольдовичем случались конфузы, о которых не стесняясь рассказывал сам маэстро. Но об этом чуть позже...

Мы с вниманием слушали почти часовое выступление Ростроповича о его поездке по Америке, его политические оценки нашего «главного противника» — США. Перед нами выступал квалифицированный лектор Агитпропа. Политически подготовленный даже для такой аудитории, как оперативно-дипломатический состав советского посольства в ГДР. Конечно, не специалисты по США, но все-таки... Красочно, убедительно приводил в качестве примеров то, что увидел собственными глазами **СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК**, — язвы капиталистического общества, где все поставлено в угоду желтому дьяволу.

Я не могу по прошествии десятилетий точно воспроизвести излагавшийся им материал, но именно такое чувство: «говорит и рассказывает» носитель нашей идеологии того времени — это точно, о чем и свидетельствую. Со временем я пришел к выводу, что только такой думающий, болеющий и переживающий за свое отечество человек, как Ростропович, мог позволить себе критику власть предержащих того периода. Наверное, он был борцом по своей натуре, его угнетали несправедливость, лишение человека возможности честно и откровенно выражать свои мысли и идеалы, не боясь быть подвергнутым насилию и наказанию со стороны государства. Уверен, он был бесстрашным, мужественным человеком, если позволил себе приютить и укрыть опального диссидента Солженицына...

Человек имеет право вносить коррективы в свою идеологию, в свои оценки окружающей его действительности... В общем, Слава Ростропович (мы, тогда его одногодки, позволяли такое к нему обращение по его же разрешению) блестяще завершил свое выступление перед дипсоставом посольства. Посол прошел к себе в кабинет, чтобы срочно позвонить кому-то по важному делу, а мы, несколько человек, окружили Ростроповича, чтобы еще пообщаться с этим симпатичнейшим человеком. Задавались какие-то вопросы, он охотно давал пояснения. Кто-то спросил, понимает ли его исполнение, в частности классическую музыку, простой народ, не

имеющий и представления о музыкальной классике, кроме простого русского народного песенного жанра. Что-то в этом роде. И Мстислав Леопольдович охотно и с юмором, как он умел это делать, рассказал историю, приключившуюся с ним совсем недавно, когда он буквально уговорил министра культуры Фурцеву Екатерину Алексеевну направить его с шефским, то есть бесплатным, концертом не просто куда-то подальше от культурных центров, а в самую что ни на есть глушь, в Кулундинскую степь, в только что созданное хозяйство. Екатерина Алексеевна пыталась отговорить музыканта, но надо было знать Славу Ростроповича. Он хотел получить настоящее ощущение, войдя в контакт с самым простым человеком, приехавшим в эти края, лишенные всех удобств цивилизации.

— Ну, смотри, Слава, — завершила свои увещевания Фурцева, — вспомнишь мои слова. Я тебя предупреждала!

«Получив путевку, мы с аккомпаниатором через несколько дней достигли конечного пункта нашего назначения. Усталые от тряской дороги на грузовике, предназначенном для перевозки зерна, покрытые с головы до ног вездесущей пылью, мы с наступлением темноты подъехали к огромному деревянному сооружению для хранения зерна. Стен у этого хранилища не было. Но зато имелась наверняка плотная крыша. Зерно давно вывезли. Никаких скамеек и стульев. Импровизированный подиум-сцена, оборудованный из какой-то деревянной тары, был покрыт брезентом. Крыша этого хранилища поддерживалась многочисленными столбами, как по краям, так и посередине двумя рядами уходящими куда-то далеко вглубь. На столбах перед сценой и над ней висело несколько керосиновых фонарей с романтическим названием “Летучая мышь”. Когда мы втроем: сопровождающий нас представитель филармонии, который, кстати, делал попытки отговорить нас от этой поездки в глухомань, аккомпаниатор и я со своей “бандурой” появились на сцене, наступила относительная тишина. Висевшие на передних столбах фонари выхватывали из темноты только несколько метров пространства, заполненное вплотную сидевшими на земляном полу очень молодыми людьми. Девчат в этом освещенном пространстве было мало, но, наверное, они были где-то там, в глубине, потому что оттуда, из темноты, доносилось их тихое повизгивание. Первые два-три “ряда” были заняты крепкими парнями. Несколько чело-

век было в тельняшках. Почти все без исключения “щелкали” семечки. Особенно выделялся один, с низкой челкой, закрывавшей лоб, в разорванной в нескольких местах тельняшке. Он как-то по-особенному лузгал семечки, беспрерывно забрасывая их в открытый рот большим пальцем руки. Шелуху он не выплевывал, а как-то выталкивал ее, и она этакой маленькой “бородкой” накапливалась у него под губами на подбородке и сама отваливалась. Кто не лузгал семечки, тот курил. Но дышалось легко — степной ветерок уносил табачный дым. На меня смотрели видимые мне десятки любопытных, может быть, чуть настороженных, озорных молодых глаз.

Сопровождающий нас представил и сел на специально принесенный для него стул. Нам тоже выделено было два стула. Парень с челкой перестал заниматься семечками и закурил, смачно затягиваясь и выпуская в нашу сторону дым. Глаза его выражали любопытство и доброту. “Уже хорошо”, — подумал я. И тут я обратился к народу:

— Конечно ни фортепьяно, ни пианино у вас нет. Мы на это и не рассчитывали.

Аудитория сразу же оценила мой юмор — по всему видимому и невидимому мне пространству пронесся единым выдохом звук смешка.

— Ну, уж аккордеон-то у вас обязательно найдется, — все еще с уверенностью в голосе произнес я.

Тишину прервал единственный голос того самого парня с челкой:

— И аккордеона у нас нет.

Снова тишина. Еще не потерявшим надежды голосом я выкрикнул в темноту зернохранилища:

— Но баян-то у вас должен же быть. Хоть плохонький.

Темнота ответила единым выдохом:

— Конечно есть! Найдется!

Тут вновь поднялась “рваная тельняшка” и повернулась в темноту:

— Давай сюда баян, да поживей!

Быстро из темноты возник самый настоящий русский баян. Парень с челкой принял из чьих-то рук баян и протянул его мне, громко спросив:

— А кто из вас на нем умеет?

Я гордо ответил, что аккомпаниаторы такого класса играют и на баяне. Быстро опробовав инструмент, мой коллега радостно констатировал, что инструмент в порядке. Я, уже сидя на стуле и взяв в руки смычок, объявил:

— Римский-Корсаков. “Полет шмеля”.

Установилась звенящая тишина. Даже девочки в темноте перестали повизгивать. “Пилю”, а сам на слушателей поглядываю. Вижу, нравится. Глаза восторженные. В них никакой усталости. А ведь “ломались” на полях целый световой день. Молодость! “Пилю”, но глаз с парня в тельняшке не спускаю и правильно делаю. Вдруг он плюет на папиросу, гасит и “втирает” ее под ноги, поднимается с земли и направляется к нашему “подиуму”. “Неужели бить будет?” — почему-то именно эта дурная мысль приходит в голову. Продолжаю “пилить”, но от рваной тельняшки на могучей груди глаз не отрываю. А он так сбоку подходит ко мне и руку на плечо кладет. Тут я смолк. Опустил смычок. Баян тоже замолк.

— Слышь, друг, — совсем миролюбиво произнес парень в тельняшке. — Дай баян послушать.

Мой коллега играл не меньше двух часов. Он сыграл все, что знал и мог на этом инструменте. Исполнял пожелания этой молодой публики... Когда молодежь, только что слушавшая баян, вышла из-под навеса, я удивился — их было не меньше двухсот человек. Они горячо нас благодарили, каждый старался пожать нам руку. Но героем был не я. Баян!

От ночного ужина мы отказались. Впереди нас ожидала работа в этих же краях, но с другими условиями, не в степи. Когда я докладывал Екатерине Алексеевне свою поездку, она искренне смеялась:

— Я тебя предупреждала, Слава.

Больше я на шефские концерты не ездил».

Вот такую историю Мстислав Леопольдович поведал нам в приемной посла в Берлине.

Честь и слава этому человеку, гениальному маэстро, бесстрашному и мужественному, не побоявшемуся оказать сопротивление разочаровавшей его Системе и оставшемуся до конца своих дней преданным сыном своего Отечества!

**ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПЕРЕГОВОРОВ,
ИЛИ «DAS WAERE ALLES, MEINE DAMEN UND HERREN!»¹.
26 марта 1970 года**

Начались переговоры по Западному Берлину. У всех нас, входивших в состав нашей делегации, включая посла Абрасимова, приподнятое настроение. Все мы (так мне, во всяком случае, казалось) немного возбуждены. Это, наверное, объясняется тем, что подобные мероприятия в трудовой деятельности дипломата любого ранга и положения являются весьма и весьма редким и ответственным делом. С этого дня мы становимся участниками исторического события — решается вопрос о новом статусе Западного Берлина. Как долго продлятся эти переговоры — не знают даже правительства четырех держав. Не исключено, что вследствие каких-либо непредвиденных обстоятельств переговоры могут быть сорваны. Примеров тому, особенно во время все еще продолжающейся холодной войны, в мировой международной практике было предостаточно.

Этой первой встрече предшествовали длительные контакты нашего посла Абрасимова и его советников и помощников с послами трех западных держав и их советниками и помощниками. Был решен вопрос о месте и начале работы. Переговоры должны были проходить в здании бывшего Контрольного совета по Германии, находившемся в Западном Берлине. Контрольный совет был в свое время верховным органом союзнических держав, который обеспечивал единую оккупационную политику на территории всей Германии. После осуществления западными державами раскола Германии в 1948 году, вследствие этого и раскола Большого Берлина, Контрольный совет прекратил свое существование...

За много лет бездействия внутренние помещения были загрязнены пылью, сухой листвой и другим мелким мусором, проникающим с улицы через открытые форточки в летнее время. Попадавшие через эти форточки внутрь здания голуби и мелкие птицы не находили выхода и погибали. Их высохшие останки обильно покрывали пол некоторых комнат. Уборка, чистка помещений, приведение в порядок всех систем обеспечения вентиляции и теплом, косметический ремонт заняли довольно много времени...

¹ «Вот, пожалуй, и всё, дамы и господа!» (нем.).

Этот мощного вида серый дом в стиле строгого немецкого классицизма, расположенный чуть в стороне от одной из центральных улиц города — Хауптштрассе — смотрелся впечатляюще. Мрачность строения скрашивалась обширной лужайкой, обрамленной красивым невысоким ограждением из кованого железа и удобным подъездом к зданию для автомашин.

Внутренние помещения имели все условия для работы большого числа людей. Огромный холл. Широкая мраморная лестница вела на второй и третий этажи, где и находились рабочие помещения, комнаты отдыха, залы заседания, помещения для охраны, технического и обслуживающего персонала. Несколько больших залов предназначались для приема многочисленных гостей. Десятки всевозможных подсобных помещений. Была завезена и новая современная мебель.

На улице плюсовая температура. Солнце греет вовсю. Погода явно способствует успеху первого дня переговоров. В 10:00 начало работы. В 9:00 наша кавалькада из трех машин через контрольно-пропускной пункт, известный как «Чек-пойнт Чарли», направляется в Западный Берлин. На головной машине укреплен флагшток, на котором полощется красный флаг — символ Советского Союза. Это должно означать, что в машине наш полпред — Петр Андреевич Абрасимов. С ним член делегации, отвечающий за протокол, — Поликарп Савельевич Хрусталёв. Во второй — руководитель западноберлинской группы посольства Бронислав Павлович Хотулев и один из помощников посла Юрий Александрович Гремитских. В третьей — автор этих строк, исполняющий обязанности пресс-атташе делегации, и секретарь посла, она же стенографистка-машинистка вместе со своей пишущей машинкой (компьютеры в ту пору еще не появились), незабвенная подруга нашей семьи Наташа Шишкова (в последующем, после замужества за одним из сотрудников посольства Данилова).

Через «бетонный слалом»¹ медленно проезжаем мимо отдающего честь американского офицера, наверное, старшего здесь по

¹ «Бетонный слалом» — изломанным и угловатым способом уложенные на земле бетонные до полуметра высотой прямоугольные плиты, которые вынуждены медленно объезжать автомашины. Это искусственное препятствие, названное так берлинцами, было специально приспособлено для того, чтобы избежать имевших место в первые месяцы сооружения стены 13 августа 1961 года прорывов бежавших в Западный Берлин граждан ГДР с использованием легкового, грузового или другого вида транспорта, включая тяжелые бульдозеры.

званию из дежуривших на КПП американских военных. Постепенно набирая скорость, машины выезжают на Хауптштрассе. По ходу движения мы видим группки стоящих на тротуаре людей. Кто-то показывает нам кулак, как бы угрожая. Но большинство смотрит с нескрываемым любопытством и доброжелательностью. Неожиданно глаза фиксируют несколько пожилых людей, тоже приветствующих наши машины кулаком. Но это известный всем людям труда, и не только коммунистам, жест: согнутая в локте правая рука с поднятым вверх сжатым кулаком. Приветствие немецких коммунистов. Весь мир помнит этот жест убитого нацистами руководителя Коммунистической партии Германии Эрнста Тельмана. Это жест немецких и испанских коммунистов в первой схватке с фашизмом в годы гражданской войны в Испании. Этот жест делали испанские дети, вывозимые из кровоточащей Испании в Советский Союз: «Рот фронт!» Сжатый кулак ассоциировался тогда с испанским «No pasaran!» — «Они не пройдут!» Такая же картина наблюдалась и у поворота к зданию бывшего Контрольного совета. Их было немного, больше было простых любопытствующих обывателей. Но ведь были и те! И это факт. Только сейчас до моего сознания доходит, что утренние западноберлинские газеты известили читателей о месте и времени начала переговоров. И приветствие той маленькой горсточки наших единомышленников в Западном Берлине было особенно приятно и трогательно, наполняло наши сердца гордостью...

У охраняемого американцами въезда в распахнутые ворота, не отличающиеся внешне от такой же металлической изгороди, кучкой толпилось несколько десятков немецких и иностранных корреспондентов, в том числе и советских, аккредитованных в Западном Берлине и ГДР. У наших и ряда иностранных журналистов и фотокорреспондентов были спецпропуска. Их пропустят в зал переговоров к началу встречи, чтобы они могли засвидетельствовать это необычный день. Некоторые знакомые мне журналисты приветствуют наши машины, улыбаются, что-то говорят. Мы тоже приветствуем их поднятой рукой. Немцы пропусков не имеют, их корреспонденты в зале не должны присутствовать. Таковы обговоренные заранее условия...

Хрусталёв выскакивает из машины и открывает дверцу для посла. При входе с наружной стороны дверей по бокам — два американских солдата из состава военной полиции. Фуражки с высо-

кой тульей покрыты белым чехлом. На горле завязанный элегантным плоским узлом шелковый шейный платок зеленого цвета, скрепленный заколкой, на конце которой, как украшение, большая бусина, имитирующая жемчуг. На боку тяжелые массивные пистолеты в кожаных черного цвета кобурах, прикрепленных к широкому брючному ремню такого же цвета. Комичные для русского глаза тупорылые черные американские военного образца тяжелые ботинки. Я их хорошо запомнил со времен Великой Отечественной по ленд-лизу.

Как только Петр Андреевич вышел из машины и, сопровождаемый Хрусталёвым, подошел к дверям, оба американца отработанным движением вскинули руки в белых перчатках к козырькам своих белоснежных фуражек, приветствуя советского посла. Слева от посла и чуть отступив, как и положено, следовал наш «протоколист». Ширина дверного проема позволяла войти в него одновременно двоим. Таким же образом американцы приветствовали вышедших из второй машины Хотулева и Гремитских. Мы же с Наташей, имея в машине довольно солидный груз в виде пишущей машинки и прочих письменных и канцелярских принадлежностей, сначала запарковываемся недалеко от входа с фронтальной стороны здания и уже спустя пару минут следуем за нашими товарищами.

— Неужели нас эти деятели не будут приветствовать? — полусерьезно говорю Наташе, пытаясь под тяжестью машинки. Та в ответ только понимающе улыбается. А «деятели» поприветствовали, хотя солдатам было все равно, команда у них была такая.

Дорога в заранее отведенные нам апартаменты была мне известна. Второй этаж направо и в конце коридора по левой стороне. Для советской делегации выделено, как и всем остальным, две комнаты. Еще дома, в посольстве, договорились рабочие дела в этих помещениях не обсуждать. Вести разговоры только на бытовые темы неслужебного характера. Всем нам это было понятно, даже без рекомендации нашей службы безопасности. Американцы не упустят любой возможности проконтролировать нас техническими спецсредствами. Ясное дело. Обе стороны знают, с кем имеют дело...

Размещаемся. Перебрасываемся отдельными фразами. Определяем рабочее место для Наташи и устанавливаем пишущую ма-

шинку. Чистое, вылизанное, наверное, до стерильности помещение. Громадные сияющие кристальной прозрачностью окна. Высоченные потолки. Здесь, в этом доме в свое время работали Константин Георгиевич Жуков, Василий Иванович Чуйков, те, кто брал в 45-м Берлин...

Зал заседаний, как и наши рабочие места, включая порядок раскладки, нам тоже известны. Мы уже побывали здесь заранее. Когдаходишь в это просторное помещение, прямо перед тобой четырехугольник из столов со свободным внутренним пространством. В зал можно войти одновременно через три двери. Порядок появления в зале всех делегаций обговорен заранее. В точно обусловленное время посол и мы, следующие за ним, входим в зал. Перед нами «наш» стол. Посол занимает свое место — прямо перед стоящим на столе советским флажком. Мы размещаемся справа и слева от него по два человека. Как только делегации разместились за столом, в зал допускаются журналисты, представляющие прессу, теле- и радиокomпании четырех держав. Немцев нет. Всех сидящих за столом переговоров фотографируют и снимают кинокамерами со всех сторон. Это продолжается несколько минут. Затем вся эта пишущая и снимающая братия покидает зал.

Сегодня председательствует Петр Андреевич Абраимов. Он приветствует послов трех держав и открывает работу первого дня переговоров. Оглашает повестку дня. Сегодня все четыре посла в рабочем режиме встречаются впервые. Послы западных держав: США — К. Раш, Франции — Ф. Сейду¹, Великобритании — Р. Джеклинг. Благочестивые, приятные лица. Раш — типичный американец. Седые волосы подстрижены под бобрик, по-американски. Лицо волевое и в то же время приветливое. Часто улыбается. Улыбка конечно же американская, белозубая. Сейду мне не запомнился. Как-то не очень выразителен. Англичанин Джеклинг с красноватым то ли от загара, то ли от морского ветра (он недавно отдыхал) лицом. На всех костюмы-тройки. На нашем — нет. Но Петр Андреевич самый выразительный. Лицо млажавое, энергичное. Красивые седые слегка волнистые густые волосы. Безукоризненно вывязанный галстук, подобранный в тон к костюму. Забегая вперед, хочу сказать, что западная пресса единодушно назвала на-

¹ Его вскоре сменил Ж.-В. Сованьярг, ставший впоследствии, после завершения переговоров, министром иностранных дел.

шого посла самым элегантным и красивым из всех четырех послов-переговорщиков. Много времени на первом заседании было уделено повестке второго дня встречи, предстоящему обсуждению намеченных вопросов. Было также согласовано заявление пресс-атташе советской делегации представителям прессы после завершения работы первого дня встречи послов.

Через несколько часов работы я выезжаю с готовым текстом в Дом прессы, где меня ожидают газетчики, кино- и фотокорреспонденты многочисленных, практически всех основных газет, теле- и радиокompаний западного мира. Не помню, кто из наших ребят был со мной. Входим в зал. В нем не менее 150 человек. Большинство немцев. Это естественно. Решается вопрос о новом статусе Западного Берлина. При нашем появлении в зале мгновенно устанавливается напряженная тишина. Поднимаюсь на невысокий подиум и становлюсь за кафедру-пульт с подсветкой. Передо мной добрая дюжина микрофонов в протянутых снизу руках. Стреко-чут камеры. Их много. Снимают под разным ракурсом. Мне эта манера западных журналистов хорошо знакома. Они стараются выбрать такой ракурс, чтобы картинка для зрителя была особо впечатляющей и привлекающей внимание. Так и ловят какую-нибудь неловкость или неудачное движение. Журналисты, особенно западные, и операторы и фотокорреспонденты, — профессионалы высокого класса. Свою работу знают хорошо. А тут советская физиономия. Жди удара!

Оглядываю зал. Есть знакомые лица. Десятки глаз наблюдают за мной. Какое-то время все еще смотрю в зал и постепенно прихожу в себя. Волнение уступает место спокойному, но слегка напряженному состоянию. Текст заявления прессе предельно краток. Представляю удивление всех присутствующих, когда я зачитаю им этот документ. Все они наверняка ожидают чего-то необычного. Медленно, стараясь быть предельно четким, зачитываю текст, который можно было бы произнести и по памяти. Но чтобы избежать возможных недоразумений, мало ли где я могу споткнуться, демонстративно держу лист бумаги с текстом перед собой. Как и положено, произношу слова текста на русском и немецком языках:

— Сегодня, 26 марта 1970 года, в здании бывшего Контрольного совета в Западном Берлине состоялась первая встреча послов четырех держав. От Союза Советских Социалистических Республик — П. Абраимов, от Соединенных Штатов Америки —

К. Раш, от Французской Республики — Ф. Сейду, от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии — Р. Джеклинг. Были обсуждены вопросы, интересующие представителей четырех держав. Очередная встреча состоится в апреле месяце 1970 года.

Сделал небольшую паузу и посмотрел в стрекочущий кинокамерами и ослепляющий вспышками фотоаппаратов зал. Все они наверняка ждали чего-то необычного, может быть, даже сенсационного и были уверены в продолжении моей короткой речи. Это угадывалось по их лицам и глазам. И вдруг мне стало как-то очень уж подозрительно спокойно и даже весело от вида этих напряженных лиц. Мне стало жаль их. Столько часов сидеть и ждать появления советского пресс-атташе — что же, это все? Думаю, что я точно или почти так уловил мысли этой пишущей и снимающей журналистской братии.

— *Das waere alles, meine Damen und Herren!* — спонтанно пришедшей в голову немецкой фразой завершил я веселым голосом свое выступление и улыбнулся залу.

Несколько секунд той же напряженной тишины. Стрекогут камеры, ослепляют своими вспышками фотоаппараты. Затем раздался гомерический хохот. Они смеялись все, samozабвенно, захлебываясь и вытирая слезы. Я понял! Это была разрядка от того нервного напряжения, которое долгое время не могло найти выхода: я им помог. Затем они долго аплодировали и провожали тесной толпой к выходу, пытаясь задавать какие-то вопросы, на которые я неизменно произносил «*Das waere alles!*».

Вечером, глядя передачи по телевидению, я в очередной раз убедился в мелких пакостях и подвохах западных телевизионщиков. На их «картинке» я выглядел упитанным поросенком, вещавшим хорошо поставленным голосом сообщение об этом политическом событии, которому западные и восточные немцы придавали особое значение. Однако в телепередачах телевидения ГДР я выглядел истинным красавцем, достойно представляющим свою страну. Ракурс здесь был наш, социалистический!

Вечерние и утренние западноберлинские и западногерманские газеты поместили свои материалы об этом событии на первых полосах с большим количеством фотографий. Почти все газеты помянули сказанную мною выше немецкую фразу. Она-то больше всего и запомнилась. Должен сказать, что переговорам по

Западному Берлину должное внимание уделяла вся мировая печать. Это было действительно крупным политическим событием того периода, особенно для немцев.

Неприятности, однако, ожидали меня утром следующего дня. В самом начале рабочего дня меня сразу же вызвал «на ковер» посол и хорошо «распек» за мою шутку с прессой. Но когда я ему красочно рассказал о сцене с журналистами в Доме прессы, он сам рассмеялся.

— Правильно, разрядил обстановку, — согласился посол.

Долгое время сотрудники МИД Республики и западноберлинские журналисты называли меня господином «Das waere alles».

Так завершился оставшийся в моей памяти этот знаменательный день.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ МОРСКАЯ ПРОГУЛКА НА ЯХТЕ ПО МАРШРУТУ ГАМБУРГ — ЛЕНИНГРАД. 1970 год

Генрих Наннен — главный редактор самого многотиражного журнала в ФРГ «Штерн». Известный журналист. Начал свою журналистскую карьеру еще в студенческие годы. Во время Второй мировой войны прославился в журналистской среде тем, что в качестве военного кинофотокорреспондента участвовал в первых атаках люфтваффе на тылы Красной армии. Их бомбардировщик He-111 в июне 1941 года был подбит советским истребителем. Опытному пилоту удалось совершить вынужденную посадку на своей территории. За этот вылет Наннен был награжден Железным крестом.

В послевоенные годы четко придерживался социал-демократической политики. Был близок с Вилли Брандтом, считая его лучшим политическим деятелем Западной Германии и основным лидером европейской социал-демократии.

На одном из приемов в Западном Берлине нас познакомил руководитель бюро журнала «Штерн» в этом городе Зепп Эбельзе-дер. Потом было еще несколько встреч. На одной из них Наннен предложил мне совершить вместе с ним семейную прогулку по маршруту Гамбург — Ленинград на принадлежавшей «Штерну» яхте. Две семейные пары и два члена экипажа. Морская прогулка займет не более недели. Вся организацию морского перехода, включая расходы, редакция берет на себя.

Оформив соответствующим образом запись беседы и доложив своему начальству это заманчивое, на мой взгляд, предложение, я стал ждать решения Москвы. После первичных телефонных переговоров моих берлинских руководителей с Москвой мне объявили, чтобы я готовился к морской прогулке, выдали приличную сумму для приобретения мне и жене нужных вещей и купальных принадлежностей. Больше всего мне понравилась махровая белосиняя фуражка-капитанка.

Я был также предупрежден о том, чтобы пока не рассказывать об этом заманчиво-интересном морском «переходе» ни друзьям, ни сослуживцам. Начальство ждало решения Инстанции. МИД и Служба были согласны.

Решение пришло отрицательное. И это обосновывалось тем, что я сотрудник сопосольства в Берлине, столице ГДР, а не в Бонне — столице ФРГ. Приглашение Наннена поэтому не могло быть принято. Можно было бы вернуться к этому вопросу, если господин Наннен пригласит кого-то из сотрудников нашего посольства в Бонне. Однако Наннен больше никого приглашать не стал. На том вопрос был закрыт. Морская прогулка не состоялась. В память об этом событии у меня до сих пор сохранились некоторые купальные предметы. Очень качественными оказались эти «шмотки», приобретенные в специализированном магазине в Западном Берлине.

«Я ИХ ПОДНИМАЛ КОМАНДОЙ “ВСТАТЬ!”, ЧТОБЫ НЕ ЗАСНУЛИ». 1970 год

Одно из моих выступлений перед немецкой аудиторией должно было проходить в Военной академии Национальной народной армии — ННА. Предстояла встреча с преподавательским составом и слушателями. Тема лекции — «Основные принципы советской внешней политики». Приехал несколько раньше, чтобы прийти в себя после дороги и, как говорится, осмотреться и привыкнуть к новой обстановке. Волновался. Дежурный по академии встретил и проводил меня к начальнику-генералу. До лекции оставалось полчаса. Пока мы знакомились, обменивались впечатлениями по некоторым политическим новостям, в кабинет подошли еще несколько старших офицеров. Это были замполит, кто-то из заместителей и несколько заведующих кафедрами. Ровно без двух-трех минут до

назначенного времени лекции мы вошли в зал. При появлении высокого начальства все находившиеся в зале по команде офицера с шумом встали, замерев как в строю. И так же с грохотом зал единым махом опустился на свои места. За столом президиума разместились несколько человек высшего начальствующего состава во главе с генералом, который представил меня аудитории. Мне показали на стоявшую в двух метрах от стола кафедру с подсветкой. Я встал за этой кафедрой-пультом. Часы показывали точное время начало лекции. Коротко еще раз представился. Передал личные приветы от нашего посла, сказав, что он в прошлом человек военный, танкист и просил особо это подчеркнуть.

Четыреста пар глаз внимательно и бесстрастно смотрели на меня. Все — полное внимание. Я начал свой доклад, придерживаясь известного мне текста, изредка заглядывая в записи. Памятуя, что аудитория ответственная и строгая, поэтому лучше излагать текст по заранее согласованным и выверенным формулировкам. Мало ли что может произойти, если что-то не совсем так, как надо, выразишь своими словами. Я всегда перед началом доклада снимал с руки часы и клал их перед собой, чтобы фиксировать и распределять время. Ровно через десять минут генерал встал и, дождавшись конца очередной моей фразы, попросил остановиться. Генерал командным голосом рявкнул: «Внимание! Встать!» Зал взметнулся единым махом. Через две-три секунды: «Сесть!» Зал с грохотом опустился на свои места. За тридцать минут лекции эта команда следовала дважды. Как мы и договаривались, я закончил свой доклад в определенное заранее время. Теперь в работу вступил другой генерал — замполит: «Какие будут вопросы к лектору, товарищи?» В зале мгновенно поднялось несколько рук. По характеру вопросов и форме обращения у меня возникла уверенность, что все это было заранее подготовлено. Ответы заняли еще двадцать минут. Мероприятие было закончено. Все четко продумано, как заранее спланированная военная операция. Далее встреча продолжалась в комнате отдыха, где уже стоял подготовленный стол с выпивкой и обильными закусками. Все как положено. Я был за рулем, поэтому от спиртного отказался, лишь слегка пригубил рюмку коньяка, чтобы дать присутствовавшим офицерам свободнее чувствовать себя и выпить. Что и произошло. Почти все они прошли военную подготовку в наших академиях. Вспоминали Москву. У некоторых из них жены были советскими гражданка-

ми. Оживленно беседовали о политике, как бы комментируя «сжатые» вопросы слушателей. Я все же решился спросить у генерала, зачем он дважды поднимал слушателей командой «Встать!», и сразу же получил ожидаемый ответ: «Товарищ Санников! Я их поднимал командой “Встать!”, чтобы они не заснули». Он пояснил, что у слушателей после семичасовых занятий перед самой лекцией был обед, впереди кроме этого мероприятия предусмотрен часовой отдых, затем самоподготовка. Народ хоть и молодой, но все равно устает. А после обеда в сон тянет. «Чтобы лучше и внимательней слушали», — закончил генерал. Я был согласен с генералом.

«НЕ ПАЧКАЙТЕ ГРЯЗЬЮ НАШИ ИКОНЫ!» 1970 год

Весной 1970 года в западногерманском журнале «Штерн» появилась публикация двух или трех десятков, расположенных в одну линию, фотоизображений великих личностей за всю историю цивилизации, которые были больны сифилисом. Фотографии были совсем небольшого размера, что-то около 1,5 x 1,5 см, не больше. И никаких комментариев, кроме набранных петитом, а посему читаемых с некоторым напряжением имен. Этот материал был размещен в конце кого-то исторического раздела и не привлекал особого внимания читающего. Во всяком случае, после выхода этого номера «Штерна» ни в одном печатном издании в ФРГ или Западного Берлина этот материал не комментировался, не обсуждался и нигде не упоминался.

А между тем, там значились такие исторические величины, как Юлий Цезарь, немецкий философ Ницше. Даже висевший в каждой казарме бундесвера и почитаемый всей германской нацией Фридрих II, он же «Старый Фриц», и т.д.

Все так бы спокойно и обошлось, но в верхнем крайнем правом углу, не выделяясь ничем из всех остальных, ни размером, ни цветом, значился с такой же лаконичной подписью и таким же петитом «В.И. Ульянов-Ленин».

Вряд ли эта публикация была случайной. Уж очень странное совпадение. В апреле текущего года, то есть совсем близко, все прогрессивное человечество, трудящиеся всего мира готовились отметить 100-летие со дня рождения основателя Российской коммунистической партии и Советского государства. Уверен, что это

была кем-то спланированная акция. Впрочем, нельзя исключать и обычного случайного совпадения...

По линии посольской работы я имел официальные контакты с рядом западногерманских и западноберлинских газет и журналов, в частности с такими журналами, как «Штерн» и «Шпигель». О появлении скандальной публикации, да еще в преддверии такого значимого для всех нас юбилея, я незамедлительно проинформировал посла. Петр Андреевич дал указание выразить наше возмущение руководителю представительства «Штерна» в Западном Берлине по поводу публикации, носящей явно оскорбительный и провокационный характер. В то время бюро этого журнала возглавлял мой хороший знакомый Зепп Эбельзеде. Я незамедлительно встретился с ним. Эбельзеде удивился нашей реакции, с его точки зрения, ничего страшного не произошло, обыкновенный материал. Однако в последующие дни события стали развиваться совершенно по другому сценарию...

Оказалось, что, как только номер «Штерна» с пресловутой публикацией «дошел» до ЦК КПСС, о материале сразу же доложили секретарю ЦК КПСС по идеологии М.А. Сулову¹. Его реакция была молниеносной...

Посол вызвал меня и говорит:

— Только что мне позвонил Михаил Андреевич и потребовал незамедлительно заявить руководству журнала «Штерн» самый жесткий протест. Сделать это следует одновременно с таким же резким протестом представительству журнала в Бонне нашим посольством в ФРГ на уровне пресс-атташе. Потребовать в очередном номере опровергнуть эту чудовищную ложь. Так что свяжитесь с Бонном, договоритесь о совместных действиях.

Через час я уже договаривался с Бонном, где пресс-атташе был Александр Богомолов, о наших совместных действиях. Зепп Эбельзеде как всегда радушно принял меня. На сей раз он согласился с нашим возмущением, но тут же связался со своим шефом Генрихом Нанненом в Гамбурге. Рассказал ему в моем присутствии о заявленном советской стороной протесте. Тот попросил меня к телефону и стал отговаривать от публикации опровержения в очередном номере журнала. Он сказал, что это опровержение только

¹ М.А. Сулов — член Политбюро ЦК КПСС. Среди партийных функционеров ГДР его называли Grauer Eminenz — Серый кардинал.

привлечет еще большее внимание читателей и повысит популярность журнала. И несмотря на то, что это будет им на руку, он не советует нам настаивать на публикации опровержения. Следует сказать, что Генрих Наннен по своим убеждениям был типичным немецким социал-демократом, приверженцем «восточной политики» Брандта, разделял усилия СДПГ «по наведению мостов». Он был в дружеских отношениях с Брандтом и его окружением, в том числе поддерживал связи с такими близкими Брандту людьми, как Эгон Бар и Герберт Венер. Когда-то на одном из приемов в Западном Берлине я познакомился с Нанненом. Потом мы еще пару раз встречались на каких-то мероприятиях в Западном Берлине. Таким образом, наше знакомство было вполне достаточным, чтобы разговаривать более или менее откровенно.

— Я думаю, — сказал Наннен, — не стоит так «популяризировать» эту тему. Мы принесем свои извинения. Я готов направить письмо послу Абрагимову или в Москву, МИД, в ваш партийный аппарат. Как известно, есть две точки зрения на болезнь Ленина: одна утверждает, что его быстрый уход из жизни связан с перенесенным в молодые годы сифилисом, другая отрицает эти утверждения и так же аргументированно и объективно доказывает противоположную точку зрения. Повторное привлечение внимания к этой проблеме вызовет более широкий резонанс. Журналу будет выгодно повторить изложенную ранее историю, только в противоположной трактовке.

Наш телефонный разговор был довольно бурным. Я несколько раз даже перебивал Наннена, убеждая его, что в каждом обществе есть святые символы, свои иконы, и никому непозволительно их задевать.

— Мы никому не дадим пачкать грязью наши иконы, — дословно сказал я Наннену.

Внутренне я был в чем-то согласен с Нанненом. Его предложение о личном извинении письмом я считал более разумным.

— Хорошо, — сказал я в заключение Наннену, — я доложу наш разговор послу и через пару часов перезвоню.

Посол Абрагимов при мне позвонил Сулову по ВЧ:

— Мои сотрудники после заявления протеста и последующей беседы с руководством «Штерна» доложили следующее: публикация опровержения материала в очередном номере журнала только повысит интерес читателей к этой теме. Таким образом, настаивая на опровержении, мы достигнем обратного результата.

Сулов прервал посла, и я был тому свидетель. До меня донеслись его слова:

— Я вам дал четкое указание, товарищ Абрасимов. Выполняйте.

В аппарате раздался щелчок, это Михаил Андреевич бросил трубку.

— Слыхали? — Петр Андреевич посмотрел на меня.

— Да, — ответил я.

— Выполняйте.

Вскоре я вновь был в западноберлинском бюро «Штерна»...

Через две недели, совсем близко от столетнего юбилея нашего вождя, со ссылкой на ранее опубликованную версию о сифилисе, журнал дал материал о мнении врачей, доказывающих, что Ленин не был болен сифилисом. Эта публикация была помещена под фотографией Владимира Ильича в траурной рамке размером 6 x 9 см.

Позже в представительстве «Штерна» я получил данные о результатах продажи этого номера журнала. Если мне не изменяет память, практически был распродан весь тираж, и только небольшая его часть была передана на хранение в архив. Как нас и предупреждала немецкая сторона, спрос на это номер был таким большим именно из-за материала о болезни Ленина. Посол направил в Москву составленную мною справку о результатах наших действий по выполнению указания товарища Сулова. В этой справке упоминалось и о повышенном интересе читателей, спровоцированном упрямством нашего секретаря по идеологии. Реакция Центра на справку мне неизвестна.

«НАЦИ НОМЕР ДВА» — РУДОЛЬФ ГЕСС В ЗАПАДНОБЕРЛИНСКОЙ ТЮРЬМЕ ШПАНДАУ. 1971 год

В тюрьме Шпандау, где содержался единственный оставшийся там узник Рудольф Гесс, мы очутились по приглашению наших военных. Нас было трое — Б.П. Хотулев, Ю.А. Гремитских и я. В этот день должна была произойти смена советского караула американским. По существующим правилам заключенных поочередно охраняли бывшие союзники по антигитлеровской коалиции — Советский Союз, США, Великобритания и Франция. Каждая сторона, сменяя друг друга, должна была в течение одного

месяца нести караульную службу. При этом заключенные (к тому времени единственным оставался Рудольф Гесс) получали довольствие дежурившей стороны, в том числе постельное и носильное белье, воду, напитки, продукты питания, медицинское обслуживание. Более всего Гесс не любил советское дежурство. Постельное и нижнее белье ему выдавалось наше, солдатское. Оно, естественно, отличалось от более комфортного западного. Не получал он от наших фруктов и овощей нужного вида и количества, входивших в обязательный рацион военнослужащих западной стороны. В общем, Гесс нашу смену не любил, предпочитал французскую за обилие сыров и экзотических фруктов, сносно переносил он и англичан, но не скрывал своей неприязни и к американскому рациону.

То, что мы увидели в камере Гесса и других, предназначенных для его обслуживания помещениях, нас удивило и показалось даже чем-то чрезмерным. Уже давно все или почти все было расписано журналистами всех мастей, изданы сотни книг о жизни узников тюрьмы Шпандау, и все же эта тема всегда будет будоражить сознание людей и вызывать их любопытство, связанное с каким-то мистическим страхом к этой части всемирной истории, небывалой, чудовищной трагедии, едва не постигшей все цивилизованное человечество.

В те годы существовал строгий запрет, и он неукоснительно соблюдался: никаких публикаций о правилах и условиях содержания узников и о них самих, никакой информации посторонним.

Сначала нам показали тюремную камеру, где содержался Гесс. Должен отметить, что это была самая настоящая тюремная камера, как и положено в тюрьме, ограниченной площади. Наверное, не более 12–14 квадратных метров, но с довольно высоким потолком, явно более четырех метров, с размещенным наверху круглым плафоном. Слева деревянная кровать без единого железного гвоздя, но с удобным, без металлических пружин матрасом. Справа в углу унитаз и маленький умывальник. Прямо в левом углу за кроватью небольшой деревянный стол, над ним на стене книжная полка с набором книг неполитического содержания. Табурет. Высоко расположенное, продолговатое, уходящее почти под потолок зарешеченное окно с небольшой форточкой, которая в момент нашего прихода была открыта настежь.

На кровати с босыми желтого цвета с пергаментным отливом ногами лежал длинный и костлявый старик (Гессу тогда было без малого 70). Седые волосы были не причесаны. Седой щетины бритва не касалась несколько дней. Вид у него был, в общем-то, чистый, но весь он был какой-то неопрятный. «А ведь в молодости да и позже был красавец», — невольно подумал я. «И это “наци номер два”, тот самый, который вместе с Гитлером сидел в 1924 году в тюрьме Ландсберга за организованный ими антиправительственный путч осенью 1923 года в столице Баварии Мюнхене? Он, который был личным секретарем фюрера, а потом долгие годы его заместителем? А в тюрьме записывал за своим кумиром — Гитлером, диктовавшим ему «Майн Кампф»? Неужели этот так беспомощно выглядевший старик — “преданный пес фюрера”, как его называли в прежние годы нацисты из близкого окружения Гитлера? Нет, я должен прикоснуться к плоти этого дьявольского существа. Он не может быть человеком».

Я протянул руку и слегка коснулся большого пальца ноги Гесса. Никакой реакции. Но это был живой человек!

Гесс лежал с закрытыми глазами, глубоко запавшими в глазницы, что всегда характерно выделялось на всех фотографиях в бытность его во власти. И всегда только рядом с Гитлером.

Вместе с нами в камере с трудом разместились командир нашего охранного подразделения и военный переводчик, который сразу же закрыл форточку.

— Как вы себя чувствуете? — спросил переводчик.

Губы Гесса разжались, и он скрипуче прошептал:

— Не очень хорошо, мне не хватает свежего воздуха.

— Врач говорил, что вы действительно недомогаете, но через форточку в камеру задувает и вы можете простудиться, получить воспаление легких. Это опасно.

— Мне хочется свежего воздуха, — упрямо повторил Гесс.

Ему также упрямо ответил наш переводчик, повторив рекомендации врача.

— Скажите, чтобы мне дали молока, я хочу молока, — снова жалобно проскрипел Гесс.

— Молоко вам запрещено. У вас больная печень.

Больше просьб от так и не открывшего глаз Гесса не поступало. Слегка удрученные виденным, мы приступили к осмотру других помещений, имевших отношение к Гессу. Вот комната для

приема посетителей, хотя Гесс уже несколько лет как отказался от приема гостей и даже переписки. Диван, несколько кресел и журнальный столик. Впечатлило специальное помещение, оборудованное как операционная. Нам сказали, что здесь раньше стояла гильотина и была пыточная. Стены, пол и потолок покрыты казенной белой плиткой. Посередине операционный стол, над которым нависает огромный круг операционной лампы. У одной из стен два стеклянных шкафа с операционным инструментарием и другим медицинским оборудованием непонятного для неспециалиста вида. В нескольких местах на потолке размещены душевые рожки. Оказалось, что в случае срочной необходимости, требующей незамедлительного хирургического вмешательства, мгновенно снимается покрывающий все предметы в этом помещении целлофан, а затем включается мощный душ, смывающий накопившиеся пыль и грязь. Можно приступать к операции.

Сильное впечатление произвели на нас личные вещи и предметы одежды, изъятые у Гесса после его задержания и ареста. Все это было размещено в большом застекленном шкафу в отдельной комнате. Здесь находился его подбитый мехом летный комбинезон, шлем, авиационные очки, серого цвета военный френч, синяя рубашка с галстуком, бриджи, планшет, меховые перчатки, летные с меховой подкладкой сапоги, наручные часы, авторучка и предметы личной гигиены. В случае освобождения все это должно было быть возвращено бывшему владельцу.

Затем состоялось застолье по поводу сдачи дежурства американцам. По существующим правилам все присутствующие при этом не должны были вести разговоры о Гессе.

Несколько слов о самом полете Гесса в Англию. Известно, что Гесс в Первую мировую войну прошел обучение и участвовал в воздушных боях в качестве пилота. В послевоенные годы не потерял интереса к полетам и систематически тренировался, постоянно совершенствуя свое летное мастерство. Он был хорошо подготовленным летчиком-истребителем, прекрасно пилотировал самолет в любых погодных условиях.

10 мая 1941 года заместитель Гитлера Рудольф Гесс менее чем за полтора месяца до нападения Германии на Советский Союз ночью вылетел в Шотландию на двухмоторном самолете «Мессершмитт-110». Достигнув своей цели — владения лорда Гамиль-

тона, известного своими симпатиями к Германии и старого знакомого Гесса, он имел намерение через Гамильтона договориться с англичанами о совместных действиях в войне против Советского Союза. После сообщения английского радио об аресте Гесса, Гитлер объявил его сумасшедшим и отказался от него. Я уверен, но это моя точка зрения, что Гесс в своем решении был не одинок. Либо он выполнял указание Гитлера, будучи беспредельно преданным ему, либо здесь были задействованы определенные политические силы. Преодолеть без подготовки и соответствующих указаний отлично действующую немецкую противовоздушную оборону и беспрепятственно вылететь за пределы Третьего рейха, Гесс не смог бы, действуя он в одиночку. Гесс комфортно себя чувствовал в английском плену, мог свободно переписываться с семьей, которая не была репрессирована в Германии. После войны Нюрнбергским трибуналом Гесс был осужден на пожизненное заключение наряду с другими нацистами. Несколько человек умерло, остальные, кроме Гесса, были освобождены после длительных лет заключения. Западная сторона неоднократно поднимала вопрос об освобождении и этого единственного заключенного, но советская сторона каждый раз отклоняла эти предложения как неприемлемые, учитывая чудовищные преступления главарей Третьего рейха, к коим относился и Гесс. Ежегодное содержание заключенных, даже одного Гесса, обходилось казне западногерманского сената в миллион марок. В начале 80-х определенные круги западной общественности с новой настойчивостью стали выступать с требованиями освободить старого и больного Гесса, который конечно же был информирован об этом. Может быть, это известие как-то приободрило Гесса — он начал проявлять интерес к жизни и однажды заявил, что если он выйдет на свободу, то сделает такое заявление, от которого мир содрогнется. Вскоре он совершил самоубийство, повесившись на электрошнуре в садовом домике во время прогулки. Почему-то именно в это время он остался без наблюдения. Вряд ли он сделал это сам, кто-то ему помог, боясь возможных заявлений после его освобождения. Впрочем, это моя точка зрения. Странно, но буквально через день после этого «самоубийства» садовый домик сгорел. А спустя короткое время было снесено и тюремное здание...

НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИК ЭРИХ ХОНЕККЕР. Начало 1971 года

В течение длительного времени я был дружен с одним старым и заслуженным немецким коммунистом, имя которого я бы не хотел называть. С молодых лет он посвятил себя борьбе за коммунистические идеалы. Он дрался в числе лучших пяти тысяч немецких коммунистов в Испании против диктатуры Франко. Прошел круги ада в гестапо. Чудом выжил в концлагере. Мы редко встречались, поэтому каждое наше свидание было и насыщенным, и приятно-радостным. Одна из таких встреч состоялась незадолго до съезда СЕПГ в мае 1971 года, на котором должен был быть решен вопрос об уходе Вальтера Ульбрихта и смене его вечным «кронпринцем» Эрихом Хонеккером. Старик хорошо знал Хонеккера еще до прихода нацистов к власти в 1933 году. Он был несколько старше его, и в молодые годы они вместе работали в немецком комсомоле.

— Знаешь, — сказал он, — я человек старый, мне скоро умирать. Я бы хотел поделиться с советскими друзьями своими мыслями и мучающими меня сомнениями. Все идет к тому, что скоро во главе нашей партии встанет новый человек. Это Эрих Хонеккер. Я знаю, вы не вмешиваетесь в наши внутренние партийные дела. Но здесь особый случай.

Я внимательно выслушал старого коммуниста. Он рассказал мне, что еще в далекой молодости Хонеккер проявлял себя как убежденный национал-коммунист. Он считал, что только случайный приход нацистов к власти помешал немецким коммунистам возглавить мировое коммунистическое движение. Конечно же вместе с Москвой и Коминтерном. Но именно немецкие коммунисты были самым передовым отрядом в мировом коммунистическом движении, потому что истоки коммунизма возникли здесь, в Германии. История распорядилась иначе. Он внимательно отслеживал партийный рост Эриха Хонеккера. Он убежден, что Хонеккер и сегодня остался убежденным национал-большевиком. Это опасно.

Я не стал развивать эту тему, понимая щекотливость положения. Но не стал и превращать разговор в шутку. Подобные реплики в адрес Хонеккера в завуалированной форме я уже однажды слышал еще от одного старого и убежденного немецкого коммуниста, большого нашего друга.

Найдя благовидный предлог, я попрощался со своим старым другом. Напоследок старик сказал, что, если я проявлю интерес к сказанному им, он приведет мне достаточное количество примеров из жизни и деятельности Хонеккера, которые будут наглядным свидетельством глубоко скрытых истинных идеологических убеждений Хонеккера.

У меня и мысли не было скрыть сам факт этой информации от нашего руководства. Но я решил рассказать об этом только руководителю Представительства КГБ при МГБ ГДР И.А. Фадейкину.

Генерал очень внимательно выслушал меня, поинтересовался, не делился ли я с кем-нибудь из своего непосредственного начальства этой информацией. Потом он добавил, чтобы я никому ничего и впредь не рассказывал. Он сказал, что днями летит в Москву, и доведет эту информацию устно до нашего руководства.

Через несколько дней я вновь предстал перед Иваном Анисимовичем. Я не знаю, с кем генерал встречался по этому вопросу в Москве, но указание мне было объявлено решительное и беспрекословное: никаких контактов далее с названным источником не иметь и разговоры на подобные темы ни с кем из моих немецких друзей не вести. Что и было мною неукоснительно выполнено.

«ЕСЛИ ВОЗНИКНЕТ УГРОЗА ДЛЯ МОЕЙ ЖИЗНИ — СТРЕЛЯЙТЕ!» 1971 год

Шел второй год переговоров по Западному Берлину. В разгаре знойный июнь. В кабинете душно, хотя окно распахнуто настежь. Задувавший с улицы легкий ветерок не приносит облегчения. Здесь, в центре Берлина, мало зелени, и раскаленные камни здания и мостовых делают свое дело. Над городом жаркое марево. Сажу за столом в полурасстегнутой рубашке, без галстука, даже сняв с ног ботинки. Так удобнее работать. Звонок посла отрывает меня от бумаг. Срочно привожу себя в порядок. Перед зеркалом, прикрепленном к стене над спрятанным в стенной нише умывальником, поправляю узел галстука. Мой кабинет в длинном коридоре недалеко от широкой мраморной лестницы, что ведет из вестибюля парадного входа на второй этаж. Роскошный вестибюль каждый раз напоминает мне московскую станцию метро «Маяковская».

Быстро поднимаюсь и через купольный и гербовый залы прохожу в приемную посла. Петр Андреевич, как всегда, куда-то торопится. Его рабочий день расписан по минутам. Работы действительно у нашего посла много, и в это время он обычно редко кого вызывает. Поэтому я слегка волнуюсь. Наверное, случилось что-то неординарное. Так оно и есть!

— Вчера у меня была последняя рабочая встреча с Рашем (послом США). Он сообщил, что, по данным их спецслужб, на послов четырех держав якобы готовится покушение во время переговоров в Западном Берлине.

Далее посол рассказал, что американцы уже приняли некоторые меры предосторожности. Все поступающие в здание Контрольного совета в адрес послов пакеты из любого учреждения или от частных лиц отныне будут вскрываться с помощью специального устройства-манипулятора, который уже доставлен в Западный Берлин вместе со специалистом и установлен в особом помещении. Это на случай, если в пакет будет заложена взрывчатка. Охрана послов при подъезде к зданию и во время их работы будет обеспечиваться специально подготовленной группой из шести агентов ФБР — телохранителей. От КПП «Чек-пойнт Чарли» на маршруте движения до места переговоров безопасность советского посла будет обеспечиваться силами американских военных, дислоцированных в Западном Берлине.

— Мне говорили, вы хорошо стреляете. Получите сейчас же пистолет в референтуре¹, указания я уже дал. Будете меня защищать. Если вы заметите, что кто-то попытается напасть на меня или направит оружие — стреляйте!

— Петр Андреевич, — попытался я возразить послу, — я действительно прилично стреляю, но из гладкоствольного охотничьего ружья. Из пистолета стреляю не очень хорошо.

Посол, как мне показалось, недовольно посмотрел на меня и повторил:

— Получите оружие, — и он сделал известный всем сотрудникам посольства жест рукой, означавший, что разговор окончен — выполняйте.

¹ Референтура — специально защищенное от прослушивания и проникновения посторонних помещение в посольстве, где размещены шифровальные машины, комнаты для конфиденциальных разговоров. Там же хранится оружие для защиты посольства.

Через десять минут я вновь предстал перед послем и продемонстрировал полученный мной у заведующего референтурой пистолет с запасной обоймой. Уже при подходе к двери своего кабинета я услышал настойчивый телефонный звонок. Секретарь-машинистка моего непосредственного шефа сообщила, чтобы я немедленно выехал в Карлсхорст, где в Представительстве¹ меня ждет замещавший на время отсутствия в Берлине руководителя Представительства Ивана Анисимовича Фадейкина генерал П.И. Васильев. Понятно. Ему уже известно о моей новой роли телохранителя нашего посла. Чуть меньше часа — и я в кабинете у генерала.

— Не вздумай стрелять! — вместо ответа на приветствие мрачно произносит Петр Иванович. — Нам еще не хватало новых забот.

— Я не понимаю, — пытаюсь перевести в шутку этот серьезный разговор. — Член ЦК нашей партии говорит, чтобы я в случае чего защищал его и обязательно стрелял, а вы говорите — не стреляй! И что же я должен делать?

— А ничего не делать. Во-первых, я уверен, что все это не более чем болтовня или специально подsunутая дезинформация. Может быть, даже исходящая от самих американцев. А во-вторых, пусть послы защищают американцы, которые по ранее принятой договоренности обеспечивают весь процесс работы переговоров. Все, договорились!

С тем я и уехал.

Наступает утро следующего дня. Пистолет лежит во внутреннем кармане пиджака, оттягивая левую полу вниз. «А вдруг действительно будет попытка покушения? — думаю я. — Ведь не успею вытащить оружие из внутреннего кармана». И приспосабливаю пистолет, как когда-то делал в прошлые годы, за ремень под брюки.

На КПП, к нашему удивлению, мы видим военный джип, похожий на знакомый советскому глазу еще в годы войны «додж»-полугрузовичок. В машине пять мрачного вида парней. Все в штатском. У двоих в руках ручные пулеметы. У другой пары — автоматы. Оружие обнажено и демонстративно выставлено в разные стороны. Джип занимает позицию перед машиной посла. Включается сирена. Мы следуем за джипом на приличной скорости.

¹ Представительство КГБ при МГБ ГДР.

Дважды на перекрестках перед светофором американцы по тротуару объезжают медленнодвигающиеся по проезжей части автомашины. Мы с трудом поспеваем за джипом. «Хозяева» ручных пулеметов с двух сторон смотрят на верхние этажи домов. Туда же направлены стволы их оружия. Автоматчики с обеих сторон наблюдают за прохожими. Быстро достигаем нашей конечной цели. Джип останавливается у въезда. Наши машины подъезжают к зданию. Эта демонстрация американской силы рассчитана, я уверен, на психологическое воздействие. Они еще раз показывают немцам, кто здесь хозяин. В последующем подобных сопровождений машин советской делегации более не было.

Как только мы появляемся в здании, видим американскую охрану. Это прибывшие пару дней назад из США шесть агентов ФБР во главе с их начальником, как выяснилось позже, бывшим шерифом штата Техас и бывшим чемпионом по боксу этого же штата. Крупные, плотные, с симпатичными лицами типичных американцев. Тяжелые подбородки, массивные челюсти, с постоянной ослепительной улыбкой. Все они в почти одинаковых темно-серого цвета костюмах и с одинаковой стрижкой под бокс. Самая короткая стрижка, однако, оказалась у бывшего чемпиона по боксу. То, что он бывший боксер, выдавал его характерный «боксерский» нос — следствие многочисленных поединков на ринге. Этот старший группы агентов ФБР был самый симпатичный, контактный и услужливый.

Должен сказать, что охрана послов американцами была хорошо организована. Почти все находившиеся в здании мужчины были в ослепительно белых рубашках, однако только у охраны были такие белые рубашки, которые рядом или на фоне остальных мужских фигур в белых рубашках заметно выделялись какой-то желтизной. Смотришь на человека из охраны — обыкновенная белая рубашка и никакой желтизны. Это пока с ним рядом не появится непосвященный. Как мне потом объясняли сами американцы, это чтобы в случае стрельбы не поразить своего. На каждую встречу участникам выдавался каждый раз нового формата и раскраски специальный маленький металлический значок, легко и прочно прикрепляемый к лацкану пиджака. В темноте значок флуоресцировал. Это было обязательным условием для всех. Систематически менялись спецпропуска для машин. Охранники были вооружены четырьмя револьверами системы «Кольт». Два револь-

вера закреплялись в подмышечных кобурах, два по бокам в специальных облегченных кобурах. У двух охранников я видел еще по одному револьверу — на спине за поясом. У всех переговорное устройство. В те времена walky-talky. Тогда же впервые мы увидели легкие бронежилеты. Всю эту амуницию американцы снимали с себя во время перерыва и отдыха и водружали на стол. Гора амуниции от шести человек! Бронежилеты, радиостанции, ремни, кобуры и торчащие в разные стороны стволы «короткорылых» револьверов.

Помещение для охраны находилось рядом с нашими апартаментами. Как-то в перерыве я шел по коридору мимо и в открытую дверь увидел все это «чудо» на столе. Невольно чуть придержал шаг. Все шестеро американцев сидели на стульях, положив ноги на стол. Отдыхали. Курили. Что-то пили. Заметив меня, замахали руками, весело загалдели, что означало «Заходи!». Зашел. Потолковали. Доложил о виденном и услышанном послу. Петр Андреевич запретил впредь входить в контакт с охраной...

Ну а что же мой пистолет системы «Макаров»? В первый же день моего пребывания с этой тяжелой «железкой» я уговорил Наташу Шишкову спрятать его в ее дамской сумке и отдать мне в машине на обратном пути домой.

Через два месяца посол разрешил сдать оружие в референтуру.

«СПЕЦКУРЬЕР» АНДРЕЯ АНДРЕЕВИЧА ГРОМЫКО. 1971 год

Пышущий зноем август. С первой встречи послов четырех держав, начавшейся 26 марта 1970 года, прошло 17 месяцев. Переговоры по Западному Берлину вышли на финишную прямую. Наступил самый ответственный период. Окончательная доработка, согласование и парафирование заключительных документов. В этом месяце, впервые за все время переговоров, одних только встреч послов было семь. Им предшествовало не менее двух десятков согласований и обсуждений помощниками, специалистами, экспертами и советниками послов. МИД внимательно отслеживал работу нашей делегации. Для оказания помощи, а в случае необходимости и принятия соответствующих решений прямо здесь, на месте, в Берлин прибыл сам министр Андрей Андреевич

Громыко. Никто на Западе, ни даже руководство ГДР, кроме его высшего звена, ни сотрудники нашего посольства в Берлине, за исключением нескольких, имевших прямое отношение к переговорам, не знали о появлении в Берлине нашего министра. Он был здесь инкогнито. Чтобы обеспечить связь министра с нашим послом во время переговоров в Западном Берлине, был выделен в качестве «спекурьера» ответственный сотрудник посольства, 1-й секретарь Иван Сафрончук¹. Договорились осуществлять связь записками, которые можно было дополнять устной информацией. Посол выделил служебную машину с водителем. Во время работы послов в Западном Берлине Сафрончук должен был постоянно находиться под рукой у нашего министра.

Вот как вспоминает сам Иван Сафрончук свою роль в качестве «связника»:

— Я несколько раз выезжал с записками от Громыко и передавал их Абрасимову. Где-то в конце августа, точную дату не помню, министр направил меня в Западный Берлин с «посланием». Доставить его нужно было срочно. Примчались к зданию бывшего Контрольного совета. У входа — два здоровенных охранника из американской военной полиции — МР. Не пропускают.

Я им говорю: мне срочно к советскому послу.

Они: покажи пропуск, не положено без пропуска.

Нет, думаю, с ними надо иначе. Решил действовать нагло и решительно. С силой протискиваюсь между этими крепкими парнями. Они оторопело смотрят на меня. Бегом по лестнице вверх. Посла нашел обедающим в обществе своих западных коллег. Войти запрещено. Но мне можно. Западные послы с удивлением и любопытством смотрят на меня. Петр Андреевич делает мне знак рукой. Подхожу и даю ему записку. В комнате воцаряется тишина. Посол довольно долго читал записку из двух коротких абзацев. Наверное, что-то обдумывал. Я стою рядом. Потом он посмотрел на меня, тихо спросил:

— Устно ничего не передавал?

— Нет, — говорю.

Еще одна пауза. Наконец посол произнес:

— Ладно, спасибо! Я придумал лучше.

¹ Сафрончук Иван Степанович закончил свою карьеру чрезвычайным и полномочным посланником МИД СССР.

Не знаю, о чем шла речь в этом «послании» министра, так как я не должен был знакомиться без особого на то разрешения с содержанием этой, в общем-то, секретной переписки.

— Что мне делать? — обратился я к все еще о чем-то размышляющему послу.

— Сейчас вам возвращаться не надо. Мы закончим обедать и поедем вместе. Я сам посоветуюсь дома и доложу результаты. Но наше предложение западными послами уже принято. Сейчас у меня будет короткая встреча с журналистами перед зданием, на выходе. И сразу же вместе уедем.

Вскоре посол пришел в своей рабочий кабинет, где я стал невольным свидетелем того, как наш советник-эксперт, правая рука Абраимова на переговорах Юлий Квицинский помогал послу заучивать немецкую поговорку «Ende gut — alles gut!», которую следует понимать в русском переводе, как «Все хорошо, что хорошо кончается» или «Конец — делу венец».

У посла по-немецки это получалось с трудом. С присущей ему настойчивостью он преодолел это препятствие. В сопровождении членов нашей делегации Хрусталёва и Санникова Петр Андреевич вышел из здания. На лужайке перед входом толпа журналистов. Все ждут, что скажет наш посол. Бесперывные вспышки фотоаппаратов. Работают кино- и телекамеры. К послу, стоявшему на ступенях, протянулись десятки рук с микрофонами. Выдержав паузу, посол медленно, но громко и отчетливо, чеканя каждое слово, произносит ставшую знаменитой, только что заученную им немецкую поговорку, которая уже в ближайшие часы стала достоянием мировой прессы и всех радио- и телекомпаний. Интересна была реакция западных журналистов, услышавших слова посла первыми. Шумная, веселая и одобрительная...

На вилле министра на первом этаже до появления Громыко посла встретили помощник министра Макаров Василий Георгиевич, Токовинин Аврелий Андреевич — завсектором в Третьем европейском отделе МИД, ответственный за Западный Берлин, и сотрудник этого сектора Коптельцев Валентин Алексеевич. Все трое настоятельно требовали от Петра Андреевича показать им отправленную ранее со мной записку министра, которую посол так и «не смог найти» ни у себя в рабочей папке, ни в карманах одежды. Так он эту записку и не вернул. Вскоре посол поднялся вверх к министру для доклада.

Должен сказать, что с тяжелой и сложной политической задачей по организации и проведению четырехсторонних переговоров по Западному Берлину посол Абрасимов, к удивлению многих наших дипломатов-германистов, справился блестяще. Его острую реакцию, умение вести сложную политическую беседу, находить выходы из запутанных ситуаций признавали не только мы, карьерные дипломаты со специальным образованием и подготовкой, но и наши противники. Правда, следует сказать, что и помощники у него были достаточно сильными. Вот так, выполняя роль «спецкурьера», я невольно стал участником и свидетелем этого примечательного, поистине знаменательного, если не сказать эпохального, события международной жизни — четырехсторонних переговоров по Западному Берлину.

«ПИЖАМНОЕ СОВЕЩАНИЕ» В РЕЗИДЕНЦИИ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А. А. ГРОМЫКО В БЕРЛИНЕ. Август 1971 года

Завершался последний раунд переговоров. Ему предшествовала целая серия рабочих контактов и встреч между советниками и помощниками послов и самими послами. Основное внимание уделялось встречам с американским послом Рашем. Казалось, все обговорено и согласовано. Наконец-то достигнута окончательная договоренность по самому сложному стержневому политическому вопросу: Западный Берлин не является составной частью ФРГ и не будет управляться ею и впредь. Все было согласовано и с Москвой. Однако наш мудрый министр знает, что делать. Он решил подстраховаться, как я думаю, во избежание мало ли каких возможных осложнений. Поэтому он буквально на два дня появился в Берлине. Инкогнито. О его приезде знал самый узкий круг сотрудников посольства и только первые лица в Республике. Ни единой строчки в прессе. В резиденции министров в Панкове (район Берлина) за день до начала встреч «четверки» было проведено совещание с участием всего нескольких человек. Договорились, что в случае возникновения любой нештатной ситуации ему нарочным из Западного Берлина будет немедленно доставлена информация. Роль нарочного была отведена мне.

Как и следовало ожидать, наши западные коллеги, выступая единым фронтом, в самый последний момент, уже поздно вечером попытались внести некоторые изменения в упомянутую выше формулировку, ссылаясь на якобы не совсем аутентичный перевод с русского. Вновь вспыхнула полемика. Наконец наши советники, хорошо владеющие и английским языком, и специалист-переводчик достигли взаимоприемлемого варианта. Существо вопроса не менялось, но как на это среагирует наш министр, в совершенстве владеющий английским?

Быстро собираюсь. В папке ценнейший груз. Ведь речь идет о переводе на английский самой спорной и основной политической части четырехстороннего соглашения. Спешу к машине. Со мной один из наших коллег. На всякий случай. Я и раньше неоднократно срочно выезжал с переговоров в посольство за различными документами и справочным материалом. Подобные поездки, похожие на внезапные «исчезновения», совершали иногда и мои западные коллеги. Поэтому мой отъезд не вызвал удивления у стоящих у въезда в здание бывшей резиденции Союзного Контрольного совета. Мчусь по почти опустевшим улицам Западного Берлина. В «нашем» Берлине в это время улицы еще более свободны от общественного и личного автотранспорта.

В резиденции министра меня встречает первый помощник — Василий Георгиевич Макаров. Личность в МИД примечательная. От него многое зависит. Возьмет и не пустит к министру. Или перенесет встречу на другое время. Но не в моем случае. У него команда от самого Андрея Андреевича — принимать в любое время суток безотлагательно. Даже глубокой ночью — будить! Внешне Макаров выглядит довольно пожилым. Всегда молчалив, замкнут. На нем в любое время года темный костюм-тройка с выделяющейся на жилете короткой золотой цепочкой от карманных часов. Когда кто-либо входит с ним в контакт по вопросу «захода» в кабинет министра, он демонстративно извлекает из жилетного карманчика свои знаменитые часы и внимательно смотрит на время. Среди оперативно-дипломатического состава министерства, даже руководящего звена из числа «старослуживых», его ласково называют «Василий Темный»¹.

¹ Василий Темный — Василий II Васильевич Темный — внук Дмитрия Донского, правивший в XV веке Московским княжеством. В борьбе за укрепление Московского княжества попал в плен и был ослеплен своими врагами-князьями. Был одним из известных собирателей земель Московского государства.

Василий Георгиевич узнает меня. Смотрит на свои «карманные», качает головой, устало вздыхает, молча показывает на стоящее в углу кресло.

— Подождите.

Я стоя жду появления министра. Он выходит через несколько минут. В очках. И... в пижаме. Но и в пижаме, мягких домашних туфлях он был также величествен и строг, как и в своем обычном для окружающих деловом костюме, всегда безукоризненно сидящем на нем, в слегка приношенных черных ботинках, темных носках и в галстук неброских, приглушенных тонов. И все же картина была необычной! Вид министра в пижаме наполняет меня гордостью от значимости происходящего. Я — пусть и маленький — участник исторического события. Сегодня ночью будет достигнута окончательная договоренность о подписании в ближайшие дни четырехстороннего соглашения. Я почему-то вспоминаю «пижамное совещание» в Рапалло¹.

Мы стоим друг перед другом. Я протягиваю Андрею Андреевичу доставленный мною лист бумаги. На нем несколько измененный текст на русском и его перевод на английский язык.

Проходит несколько томительных минут. В комнате тишина. Звук напольных часов кажется оглушительным. Министр сосредоточенно просматривает документ. Наконец Андрей Андреевич поднимает очки на лоб. Смотрит на меня. Лицо его, как всегда, невозмутимое и спокойное.

— Вы владеете английским? — неожиданно спрашивает он.

— К сожалению, мой английский только на бытовом уровне, — отвечаю я.

¹ «Пижамное совещание» — установившееся в дипломатической литературе название от известного случая во время Международной Генуэзской конференции в 1922 году. Переговоры затягивались, что грозило их срывом. Используя противоречия между Германией и странами-победительницами в Первой мировой войне, советский представитель поздно ночью позвонил в Рапалло (курортное местечко рядом с Генуей), где размещалась делегация Германии, и предложил немцам первыми подписать договор с Советской Россией утром следующего дня, что означало для обеих сторон применение принципа «наибольшего благоприятствования». В этот поздний час немцы, уже в пижамах, продолжали совещаться. Озадаченные такой загадочной и необъяснимой ночной неожиданностью, немцы дали согласие. Подписав первой с Германией Рапальский договор, Советская Республика таким образом прорвала политическую и экономическую блокаду.

Очки опускаются на положенное им место. Он вновь читает подправленный текст. Наконец произносит:

— Думаю, пойдет. Наши переводчики там хорошие.

Поворачивается к Макарову, который протягивает министру твердую папочку и карандаш. Андрей Андреевич ставит «закорючку» из одной непонятной непосвященной буквы на документе. Беру у него историческую бумагу и закладываю в свою папку.

— Что там еще нового? — спрашивает министр.

Несколько минут информирую его о напряженной работе всех послов и советников. Особенно тяжело нашему — Петру Андреевичу Абрагимову. Ему приходится выдерживать натиск трех западных послов. Все четверо выглядят усталыми, но есть твердая уверенность, что сегодня ночью все вопросы по соглашению будут улажены, что и просил передать наш посол. Макаров за спиной шефа уже давно делает мне знаки: «Кончай! Время позднее, министру пора отдыхать».

Долгая пауза. Андрей Андреевич смотрит куда-то в сторону. Потом поворачивает лицо ко мне, протягивает руку. Прощаемся. Рукопожатие сильное, уверенное. Запомнились его последние слова:

— До завтра. А мне сейчас можно и отдохнуть. Привет товарищам.

И уходит в глубину виллы. Макаров провожает меня к выходу. Тороплюсь в Западный Берлин к нетерпеливо ожидающим меня послу и его помощникам.

В ЛОГОВЕ «ГЛАВНОГО ПРОТИВНИКА». **Август 1971 года**

В одной из последних августовских встреч четырех послов, кстати самой напряженной и длительной, было решено в эту же ночь растиражировать коммюнике. Сделать это быстро и оперативно можно было только в представительстве США в Западном Берлине на Клейаллее. Там, у американцев, имелась мощная техническая база — множительные средства и другая нужная и самая совершенная по тем временам техника. Я должен был вместе с моими западными коллегами выехать своей машиной к американцам и провести сверку русского текста. У каждого из моих за-

падных коллег имелась помощница-секретарь. У меня, естественно, никакого помощника, тем более секретаря, не было, так как изначально и надобности в этом не было никакой. Зачем такой «антураж» был им, западникам, нужен — непонятно. Может быть, для престижа. Или, проще говоря, для пущей важности. Вот, думаю, попал! Сейчас поеду к американцам. Там работы на несколько часов. Я же там останусь один! Тут же вспомнил историю времен нашей Гражданской войны, когда известный большевик Постышев¹ был арестован японцами.

Вот, думаю, пройдет пару лет, вспомнят, как я был у американцев ночью один. Дурных голов хватает. Надо что-то придумать.

Когда посол объявлял свое решение о моей поездке к американцам, вся наша группа собралась вместе. Я умоляюще посмотрел на Наташу, она это почувствовала.

— Петр Андреевич! Мои западные коллеги едут к американцам со своими помощниками-секретарями, которые там могут понадобиться при правке документа. Я, конечно, сам могу выполнить эту работу, но как-то не престижно. Представитель советской стороны, а секретаря у него нет.

Посол внимательно посмотрел на меня.

— Это же мой секретарь.

Потом подумал и произнес:

— Ну, если Наташа, согласится, я не возражаю.

Наташа правильно поняла меня.

— Я согласна.

Я никогда не забуду Наташу Шишкову и эту ночь у американцев. Кстати, ей пришлось там прилично поработать на пишущей машинке.

Подъехали к представительству США. У нас был пропуск для въезда вовнутрь, врученный мне моим коллегой американцем Джоном Ландстремом. А между тем наступила ночь. У ворот двое

¹ П.П. Постышев — (1887–1939). Советский партийный и государственный деятель. В годы Гражданской войны один из руководителей Дальневосточной Республики. Активный участник разгрома белогвардейцев на Дальнем Востоке и изгнания японских интервентов. В 1922 г. был арестован японцами и после нескольких часов пребывания в застенках японской контрразведки освобожден. В 1939 г. репрессирован. В числе других обвинений фигурировало его «сотрудничество» с японской разведкой. Посмертно реабилитирован.

американцев в форме военной полиции. Въезжаем во внутренний двор. В глубине виднеется главное здание. Почти во всех окнах свет. Въезд во внутренний двор-площадь проходит через широкую и довольно длинную арку-туннель. Удивляемся. Справа от нас у конца этой арки-туннеля стоит на покрытой каменными плитами мостовой самая обыкновенная жаровня. На решетке, под которой ярко тлеют угли, лежит большой плоский кусок мяса. Вкусный запах приятно щекочет ноздри. Только сейчас мы с Наташей понимаем, что перекусывали в последний раз несколько часов тому назад. Под ложечкой засосало. Перед жаровней на маленькой одноместной низкой скамеечке-табуреточке, положив на такую же скамеечку перед собой вытянутые ноги в солдатских черных тупорылых ботинках-бутсах, прислонившись спиной к стене, сидит в такой же форме, как и впустившие нас военные полицейские, молодой парень. Во рту у него дымящаяся сигарета. На нас он не обращает никакого внимания. Весь поглощен уже, наверное, готовым куском бифштекса.

— Ничего себе, — говорю я своей спутнице, — дисциплинка у них! Бифштексы жарят ночью! Видите ли, проголодался во время дежурства!

Наташа молча соглашается.

Как мне ранее объяснял американский коллега, подъезжаем к первому освещенному зданию. Наверное, Ландстрем нас заметил из окна или, может быть, ему сообщила охрана у ворот. Но его полная и хорошо нам знакомая фигура приветливо машет рукой в ожидании нас у входа. Паркуемся. Американец помогает выгрузить из «Волги» печатную машинку. Вносим ее в здание. Ландстрем выделяет нам свой рабочий кабинет. Обращает на себя внимание, что он даже не убрал со своего рабочего стола лежавшие там стопкой справочники, в том числе список сотрудников миссии. Такая небрежность несколько удивляет. Наташа готовит машинку к работе.

— Какие есть просьбы? — спрашивает нас американец.

Отвечаю, что, пока идет с их стороны какая-то подготовительная работа, мы бы хотели перекусить.

— No problem, — как всегда, отвечает этот симпатичный толстый человек и буквально через несколько минут приносит нам термос с кофе и поднос с бутербродами. Быстро насыщаемся. Вновь появляется Ландстрем и говорит, что множительная техника го-

това, но для быстрого завершения работы требуется с десятков солдат. И неожиданно заявляет, что сейчас на площадке перед зданием будет построение дежурного военного подразделения и он приглашает меня поприсутствовать при этом. Выходим на улицу. Солдат человек тридцать. Офицер сообщает, что для помощи нужно человек десять добровольцев. Желающих оказалось человек двадцать. Офицер отбирает нужных десять человек. Несколько солдат подходят ко мне. Один из них высказывает просьбу от имени всей группы. Возможно ли каждому из них получить личную подпись советского посла Абрасимова на фото в память о знаменательном и для них событии. Лица у американских солдат такие же, как и у наших парней, — открытые, добрые. Злости в глазах я не увидел. Правда, почти у всех прически другие — ежик-бокс. Я не задумываясь отвечаю, что постараюсь получить эти подписи у посла. Солдаты тут же передают мне, правда, уже не десять, а несколько больше крупных фотографий нашего посла.

Возвращаюсь вновь в помещение. Вскоре появляется Ландстрем и передает нам макет русского текста, подготовленный для тиражирования. Мы с Наташей размещаем текст несколько иначе и вносим орфографические правки. Я специально дважды звоню в посольство, как бы согласовывая исправления ошибок, допущенных при наборе текста американцами. Нужды в этих звонках нет никакой. И сонный голос нашего товарища в посольстве звучит с некоторым недоумением:

— Что, сами не можете решить? Ведь это ничего не меняет.

Только спустя много лет я открыл ему «тайну» этих ненужных звонков: мы с Наташей на месте, с нами все в порядке. Посмеялись. Вот такая была обстановка.

Возвращались домой в четвертом часу утра, смертельно уставшие, но довольные успешно выполненным поручением и счастливые от значимости участия в знаменательном, поистине крупном международном событии — четырехсторонних переговорах по Западному Берлину.

Спасибо ей, Наташе Шишковой, по-товарищески поддержавшей меня в сложную минуту.

Утром докладываю послу результаты, показываю экземпляры растиражированного текста. Петр Андреевич доволен. Объясняю ему просьбу американских солдат. Он начинает возмущаться, как я мог позволить себе согласиться на это. Однако, недовольно бурча,

все же ставит свою подпись и число на каждом фото размером 20 x 30 см. Чувствовалось, что послу было лестно, но виду он не подавал. Посол конечно же понимал, что это хорошая пропаганда внешней политики Советского Союза: солдаты увезут фото нашего посла к себе домой в США, будут рассказывать и о своей, пусть и крошечной, но причастности к этому событию, связанному с именем чрезвычайного и полномочного посла СССР П.А. Абраимова в Германской Демократической Республике. Советский посол вместе с послом США в ФРГ Рашем, а также послами Англии и Франции в ФРГ здесь, в Западном Берлине, в течение более полутора лет вели переговоры от имени своих правительств об улучшении положения жителей Западного Берлина, облегчении семейных связей с родственниками, проживающими в Демократическом Берлине и Республике, о смягчении напряженности в этом регионе.

КАК МЫ ПОМОГЛИ НАШЕМУ ПОСЛУ В ЗАПАДНОМ БЕРЛИНЕ в ночь с 18 на 19 августа 1971 года

Была глубокая ночь, когда свершилось то, чего долгие 17 месяцев переговоров по Западному Берлину с нетерпением ожидала мировая общественность. Послы четырех держав наконец окончательно согласовали формулировки некоторых положений текста соглашения, вызывавших ранее разночтения, и поставили свои подписи. Эта последняя рабочая встреча послов началась утром 18 августа и закончилась ночью 19 августа 1971 года. Она продолжалась более 13 часов. В течение всего этого времени послы даже не обедали и лишь дважды легко перекусывали с кофе и чаем. Вид у них был утомленный. Все измотаны до предела. Но вот свершилось! Подписи поставлены! Это подписание в дипломатической практике является предварительным и именуется парафированием, то есть подписанием предварительно достигнутых договоренностей.

Кто-то из послов предлагает выпить по рюмке французского коньяка за завершение многомесячного напряженного и изнурительного труда, за успешно проведенную работу. Все радостно соглашаются. Закуски никакой! Все выпивают по две рюмки крепкой ароматной жидкости. Послы стоят у маленького столика в зале

переговоров. Перед ними почти пустая бутылка коньяка. Лица их, до этого осунувшиеся и бледноватые, порозовели. Особенно румяным и возбужденным выглядит посол США К. Раш. Петр Андреевич прощается с коллегами и спешит в свои апартаменты. Мы следуем за ним. Он торопится в посольство. В комнате отдыха он опускается в кресло, замирает в нем на несколько минут, закрыв глаза, и неожиданно заявляет, что не может подняться и идти. От выпитого коньяка у него кружится голова и не слушаются ноги. Но самочувствие, как он утверждает, хорошее, голова ясно работает. Мы молча стоим около посла. Я предлагаю «подскочить» в ночную аптеку и приобрести недавно вошедший в обиход и широко разрекламированный новый препарат «Алька-Зельцер», который не только снимает усталость, но и устраняет синдром опьянения. Многие из нас его неоднократно применяли при дальних поездках за рулем. Мы уговариваем посла. Он соглашается. Бегу вниз. На улице подзываю стоявшего вместе с группой журналистов у въезда на территорию здания переговоров руководителя корпункта газеты «Труд» Бориса Пахомова. Прошу, чтобы он сделал все незаметно и быстро. Его «фольксваген» рядом на улице. Специально медленно возвращаюсь в здание. Мало ли что мог поручить пресс-атташе делегации советскому журналисту! За стеклянной входной дверью ожидаю возвращения Пахомова. Он появляется через 15 минут. Медленно следую к нему и получаю заветное средство. Так же степенно возвращаюсь к входной двери. Никто из присутствующих и наблюдающих за нами журналистов так и не узнал (хотя некоторые и пытались установить), куда и зачем ездил Пахомов и что именно передал мне. Как только я вхожу в вестибюль и за мной закрывается дверь, вихрем взлетаю по лестнице на второй этаж и бегом по коридору в наши апартаменты. Посол выпивает стакан пузырящегося напитка. Растворили сразу две таблетки. Ждем пару минут. Петр Андреевич медленно поднимается. Он в состоянии двигаться самостоятельно, но на всякий случай соглашается, чтобы его подстраховали с двух сторон. Вдвоем с Поликарпом Хрусталёвым медленно сопровождаем посла по коридору. Главное «препятствие» впереди — спуск по довольно длинной, к счастью удобной, мраморной лестнице с широкой ковровой дорожкой посередине. Петр Андреевич держится стойко, незаметно поддерживаемый нами. Спуск завершен. Машина посла уже у подъезда. Водитель, Владимир Михайлович Илю-

хин, стоит у распахнутой дверцы салона. Помогает послу. Слава Богу! Посол в машине. Рядом с ним Хрусталёв. Никто из наблюдавших ничего необычного не заметил. На душе становится легче. Тяжелый для всех нас день закончился благополучно. Все мы радуемся успеху...

Позже мой американский коллега Сэмстрем, удивляясь стойкости нашего посла, рассказывал, что его шеф К. Раш еще долгих два часа спал в кресле, пока смог двигаться самостоятельно. Крепче всех оказался англичанин. Ох уж эти мне островитяне — морские разбойники! У них, наверное, особая морская закалка и особая стойкость на генном уровне к крепкому пиратскому огненному рому.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ: ВИЛЛИ ШТОФ ПРОТИВ ЭРИХА ХОНЕККЕРА И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО. 1971 год

Крепкого здоровья от рождения, всегда в хорошей спортивной форме¹, Вальтер Ульбрихт с годами стал сдавать физически. Внешне все выглядело благополучно, но он все чаще стал жаловаться на недомогание. Безусловно, сказывались тяжелые годы работы в подполье, Коминтерне, фронт, восстановление разрушенной экономики, выполнение огромных задач, стоявших перед Республикой, постоянная напряженность в международных делах в борьбе за признание Германской Демократической Республики. Подпирал и возраст руководителя СЕПГ и главы государства. Руководящим немецким товарищам и советской стороне становилось все более понятным, что Ульбрихт далее не сможет нести тяжелую нагрузку руководителя такого уровня и ему нужна замена. Обе стороны понимали, что вторым лицом в партии был член Политбюро Эрих Хонеккер, занимавший это высокое положение многие годы. Среди узкого круга руководящих товарищей Республики его неслучайно называли «кронпринцем». Почти все были уверены, что

¹ Один из охранников Ульбрихта незадолго до описываемых событий рассказывал автору, как однажды зимой в доме отдыха ЦК СЕПГ в Оберхофе любитель и поклонник спорта Ульбрихт взял на лыжне такой темп, что охрана не поспевала за ним, вскоре потеряла объект своего внимания и была вынуждена по рации просить о помощи.

именно он станет преемником Ульбрихта. Кстати, единственным партийным функционером в ЦК, у которого в рабочем кабинете не было портрета первого лица государства В. Ульбрихта, был Эрих Хонеккер. Над его рабочим местом висел портрет В.И. Ленина.

Как рассказывал автору наш посол П.А. Абрахимов, немецкие товарищи в осторожной форме пытались выяснить у него, на кого им следует ориентироваться, что думает в связи с возможной заменой Ульбрихта Москва. В этом вопросе советской стороне помог сам старик Ульбрихт. Разговор с послом на эту тему произошел во время посещения им заболевшего главы государства. Ульбрихт посетовал на отсутствие единства в Политбюро ЦК СЕПГ, при этом упомянул об амбициозности Штофа. Москве было об этом известно. Вдруг Ульбрихт сам назвал своим преемником Хонеккера. Это совпало и с нашим мнением. Но как сделать так, чтобы другой претендент — глава правительства Штоф — сам назвал кандидатуру Хонеккера?

Незадолго до окончательного решения немецкими товарищами вопроса о смене руководства посол у себя в рабочем кабинете принимал Вилли Штофа по просьбе последнего. В конце дружеской и доверительной беседы Петр Андреевич неожиданно сказал Штофу, что наши товарищи из госбезопасности¹ не так давно передали ему награду, полученную Штофом во время войны, когда он служил в строительной «Организации Тодта»², и положил на стол перед растерявшимся Штофом медаль «За верность фюреру» и удостоверение к ней. Покрасневший и смутившийся член политбюро сидел молча, опустив голову. Петр Андреевич успокоил его:

— Товарищ Штоф, не надо волноваться. Все это останется между нами. Пусть медаль лежит у меня в сейфе. Время было такое. Мы все понимаем. Работайте спокойно и забудьте об этом³.

¹ Имелся в виду руководитель Представительства КГБ при МГБ ГДР генерал-лейтенант И.А. Фадейкин.

² Тодт — министр вооружения в нацистской Германии в начале Второй мировой войны, создатель так называемой Организации Тодта, ведавшей строительством оборонительных и иных сооружений немецкой военной машины.

³ Как утверждал П.А. Абрахимов, медаль в сейфе он, разумеется, не держал, а возвратил ее И.А. Фадейкину. В одной из своих книг П.А. Абрахимов частично изложил описанный автором случай с медалью. См.: Абрахимов П.А. Четверть века послом Советского Союза. М., 2007. С. 263.

История с медалью, однако, имела продолжение. Спустя какое-то время в узком кругу руководителей высшего звена Республики, среди которых были сторонники как Хонеккера, так и Штофа, Петр Андреевич провел остроумную комбинацию. Вот как он сам описывает эти события:

«Как-то раз, после окончания официальной части одного из приемов, за чашкой кофе около меня задержались несколько членов политбюро ЦК СЕПГ, в том числе Хонеккер и Штоф. Когда мужчины, оставив дам, направились в курительный салон, что означало конфиденциальный разговор, я понял — назревает момент, когда мне придется покончить с создавшейся, весьма затруднительной для меня, ситуацией.

Разговор, разумеется, сразу же коснулся здоровья Ульбрихта и необходимости в связи с этим перемен в руководстве. И я решил на дипломатический маневр.

— А кто, по вашему мнению, мог бы занять этот ответственный пост? — обратился я к стоявшему прямо напротив меня Вилли Штофу. Отступать было некуда, сделав над собой усилие, он произнес:

— Я думаю... товарищ Хонеккер.

Воцарилась тишина.

— А каковы ваши соображения? — невозмутимо продолжал я, обращаясь к одному из присутствовавших, по моим сведениям, поддерживавшему Штофа.

— Я согласен с предложением Штофа, — с притворным безразличием произнес он...

Выбор был сделан. А для меня это стало одним из самых тяжелых — морально и психологически — испытаний в моей дипломатической практике.

Но все же Штоф “отыгрался” за это свое поражение. 17 октября 1989 года на заседании политбюро СЕПГ именно он внес предложение об отставке Хонеккера, которое к удивлению последнего было принято единогласно¹.

На пленуме ЦК СЕПГ Ульбрихт обратился с просьбой освободить его от обязанностей первого секретаря ЦК по состоянию здоровья и из-за преклонного возраста. Учитывая заслуги товарища Ульбрихта, он был избран председателем СЕПГ. Кандидатура Хонеккера была определена и названа самим Ульбрихтом. Нежи-

¹ Абрасимов П.А. Указ. соч. С. 264.

данно перед самым началом работы съезда СЕПГ Ульбрихт сказался больным. Все посвященные, как немецкие, так и советские товарищи, были уверены, что старик не смог справиться с охватившим его чувством обиды и ему будет тяжело пережить свой уход с такого высокого поста перед собравшимися на съезде товарищами.

Нашу партийно-правительственную делегацию для участия в работе съезда СЕПГ возглавлял Л.И. Брежнев. Было принято решение вручить Вальтеру Ульбрихту высшую награду нашей страны — орден Ленина. Но как это сделать? Планировалось провести эту торжественную церемонию во время работы съезда. Но там не будет Ульбрихта из-за его «болезни».

Большой знаток человеческой души и, по природе своего мягкого характера, всегда сочувствовавший любым переживаниям близких ему людей, к которым относился и Вальтер Ульбрихт, Леонид Ильич принял мудрое решение: церемонию награждения провести в загородном доме, где якобы соблюдал постельный режим внезапно «заболевший» бывший руководитель СЕПГ.

Как рассказывали мои товарищи — свидетели этого события, картина была весьма необычной. Такое в жизни нашего генерального случилось, наверное, впервые. Высокий гость в течение нескольких минут должен был ожидать появления хозяина — виновника торжества. Все присутствовавшие при этом высокопоставленные советские и немецкие товарищи ждали разрешения неожиданно возникшей неловкости.

Леонид Ильич с грамотой Президиума Верховного Совета СССР в руках молча стоял перед задернутой гардиной дверью, ведущей в глубину дома. Вдруг чья-то рука раздвинула гардину, и в комнате появился Вальтер Ульбрихт в... домашнем халате и тапочках.

Брежнев громким и торжественным голосом зачитал указ Президиума Верховного Совета СССР, передал папку с грамотой стоявшему за ним помощнику, взял из его рук красную коробочку, извлек из нее сверкающий кружок ордена, приподнял его за орденскую колодку, приблизился к стоявшему перед ним Ульбрихту, улыбнулся и прикрепил орден к... лацкану домашнего халата. Привлек к себе счастливо улыбающегося Ульбрихта и горячо, как это он умел делать, расцеловал награжденного.

В это время присутствовавшие высокие гости стали свидетелями весьма комичной сцены: хозяйка дома, жена Ульбрихта Лотта не вышла вместе с мужем навстречу гостям, а, чтобы лучше рассмотреть происходящее, выглядывала из-заardini.

ЛЮДМИЛА ГЕОРГИЕВНА ЗЫКИНА. КАК МЫ ПРОВЕЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКУЮ ДИВЕРСИЮ В ЗАПАДНОМ БЕРЛИНЕ. 1971 год

В Берлине в разгаре лето. Из всех концертных заграникомандировок в социалистические страны Люся всегда отдавала предпочтение ГДР. Может быть, ее тянуло именно сюда, потому, что такие встречи и внимание, которые ей оказывали наши военные из Группы советских войск, трудно представить даже при самой богатой фантазии. Невозможно описать реакцию залов, заполненных до предела военным народом. Создавалось впечатление, что, если бы она непрерывно пела все 24 часа, никто бы не покинул свое место. Все гремело от бурных приветствий и аплодисментов. Я спросил ее однажды:

— Как ты выдерживаешь такие нагрузки? Поберегла бы себя и голос.

Она ответила:

— Мне для этих молодых ребят, наших солдат и офицеров, ничего не жалко: ни себя, ни голоса!

Она пела столько, сколько было отпущено военным распорядком и армейской дисциплиной.

Я и раньше знал ее репертуар и любил слушать записи ее выступлений, тогда в основном на грампластинках. Раз как-то попал на концерт этой выдающейся русской — иначе и не скажешь, — певицы, голос которой настолько уникален, что его не перепутаешь ни с одним другим голосом. Я и представить не мог, что судьба забросит меня в Берлин, где и сведет с этой замечательной женщиной. Я ближе познакомился с ней в семье наших общих друзей — Жаровых, Юры и Гали. Мы как-то сразу понравились друг другу. На что уж тяжело сходилась с людьми моя покойная Алла, и та сразу же признала Люсю «своей».

Каждый приезд Зыкиной в Берлин доставлял всем нам огромную радость. И вообще, за прошедшие десятилетия я не встречал

ни одного человека, которому бы не нравилась Людмила Зыкина и ее этот чудо-голос. Она казалась нам богиней. Каким-то необычным даром природы. Вся такая русская, своя и близкая. С ней было легко. Как будто ты давно ее знаешь, и просто ненароком расстался, и вот вновь встретился. Зыкина — это визитная карточка России! В ней все поет и звенит от любви к Отечеству своему, и Россия отвечает ей тем же, любовью к ней, своей дочери. Вот такая она — Людмила Георгиевна Зыкина. Для друзей — Люся.

Ей не надо было распеваться. Природа наделила ее не только уникальным голосом, с особым, присущим только ему звучанием и тембром, но и изумительной чуткой душой настоящей русской красавицы, русской женщины. Примечательно, и я уверен в этом, что для слушающих ее молодых русских парней, которым она пела в ГСВГ, она была невестой, любимой девушкой, сестрой, матерью-Россией, далекой и незабываемой Родиной! Да она и сама любила такую аудиторию. Свою, советскую, родную, русскую!..

Посольство уже имело опыт организации выступлений наших творческих коллективов и отдельных исполнителей разного жанра в Западном Берлине. В 1961 году нам удалось провести кинофестиваль советских фильмов. Но выступления наших артистов с трансляцией на всю Германию и Европу — такого еще не было. Должен сказать, что наше «культурное» проникновение в этот город проходило с трудом. Не очень-то хотели нас там видеть некоторые чиновники западноберлинского сената. Да и администрации секторов наших бывших союзников по антигитлеровской коалиции — американцы, англичане и французы — недалеко от них ушли. В общем, трудности были в этом вопросе.

Я имел хорошие контакты с самым мощным пропагандистским центром в Западном Берлине — радиостанцией «Свободный Берлин» («Sender Freies Berlin» — SFB). В то время интендантом (директор-руководитель в ранге министра) там был известный в СДПГ Франц Барзиг, специально направленный в этот город для укрепления партийных позиций Вилли Брандтом, ставшим недавно федеральным канцлером. Именно в это время активизировалась «новая восточная» политика Брандта. Шло усиленное «наведение мостов».

При очередной встрече с Барзигом я постарался заинтересовать его возможностью выступления на SFB кого-либо из наших ведущих эстрадных солистов, что явилось бы подкреплением по-

зиций СДПГ в их «восточной политике». Барзиг сказал, что такое предложение заслуживает внимания и мы к нему вернемся. При этом я не назвал конкретного имени, хотя посольством уже было решено, что это будет Зыкина. На последующих встречах Барзигу была названа наша уже тогда выдающаяся эстрадная звезда Людмила Зыкина. Вскоре согласие было получено, и Барзиг направил соответствующее письмо послу П.А. Абрасимову.

Дальнейшие переговоры прошли успешно, условия обговорены. Причем эти условия были такими же, какие приняты при выступлениях на подобном подиуме западных мировых звезд. По этим условиям мы должны были также согласовать с SFB программу выступления певицы. Контракт был подписан, день репетиции и выступления утвержден. Однако из представленной Барзигу программы он, ссылаясь на каких-то своих «специалистов», просил убрать две песни, содержание которых относилось к военному периоду. В частности, немцы не «пропустили» известную песню «Растет в Волгограде березка». Кстати, одна из любимых песен Люси. Речь-то идет о сталинградской березке. Барзиг просил убрать из программы именно эту песню. А песня эта чудо как хороша! Ведь в ней так проникновенно поется о наших солдатах, павших на берегу Волги-матушки, над их могилами росли русские березки. Видимо, кто-то из его «специалистов» рассказал о взрывной идеологической мощи этой песни, умноженной на исполнение и проникающий в душу голос нашей певицы. Не смог я убедить Франца Барзига. Убрали, чтобы не срывать концерт...

Зал в SFB небольшой, около 400 мест, заполнен полностью. Маловато для нашей Людмилы Зыкиной. Но главное в другом, более важном и значимом. Трансляция на всю Германию и Европу. Зрительный зал был заморожен с первого звука Люсиного голоса. Они впервые видели и слушали певицу. Потом были многократные исполнения на бис. Все, что определено программой выступления, было закончено. Петть что-либо не согласованное с SFB, она по контракту не имела права. В конце наша неутомимая и блистательная Людмила Георгиевна, поражающая слушателей любой аудитории своей молодостью, задором и красотой русской женщины, пригласила на сцену технический персонал, принимавший участие в этом мероприятии. Мужчин и женщин в синих комбинезонах. Их было человек двадцать. Они растянулись по всей сцене. Она встала к ним, взяла их за руки и в третий раз повторила

строки из «Течет Волга». Зал стоя продолжал аплодировать. Это был ошеломляющий успех. Уши со сцены «синие комбинезоны», а зал все не отпускал нашу Люсю. Она подошла ко мне:

— Что будем делать? Что им еще спеть? Как ты думаешь? Может, ту, что убрал из программы господин Барзиг?

Вот уж действительно проявление загадочности русской души! Я знал, что в случае очень даже возможных неприятностей наказание понесу я. И мы решили — все-таки спеть «Березку». Ее последняя песня в этом концерте. Но как она ее исполнила! Люди поняли, о чем идет речь! Они помнят Сталинградскую битву на Волге! Пусть не забывают горькие уроки прошлого.

Я слушал ее, и сердце наполнялось необычным теплом. На сцене стояла и проникала в сознание и души зрителей Россия голубоглазая. Великая страна с великим народом, образ которой так чудно могла воспроизвести великая Зыкина.

На следующий день в своем кабинете нас принимал интендант Франц Барзиг. И ни слова о нашем нарушении контракта. За это ему спасибо. Все-таки социал-демократ. В знак признательности он подарил Людмиле Зыкиной громадный букет изумительно красивых цветов, так напоминающих полевые цветы России.

Через два дня мы провожали Людмилу Георгиевну в Москву, а букет, оставленный ею на память, еще долго напоминал нам об этом необычном концерте.

«А Я УНИЧТОЖИЛ ДЕСЯТЬ ВАШИХ ТАНКОВ. ВСЕ СРАЗУ. И В ОДНОМ БОЮ». 1971 год

Эту историю, случившуюся с ним много лет назад, мне рассказал Саша Богомолов, будучи уже на пенсии. Тогда он работал пресс-атташе в советском посольстве в Бонне.

На приеме в День Советской армии 23 февраля Богомолов, как всегда, был в центре внимания гостей. Около него обычно группировались журналисты, зная острого на язык этого сотрудника посольства. К тому же он так владел немецким языком, что мог говорить с немцами на любые темы в равной степени одинаково не только на классическом литературном языке, но и на некоторых немецких диалектах, которых в Германии несколько десятков. Веселый, общительный и интересный собеседник.

Проходя мимо группы знакомых немцев, он уловил конец фразы: «Да я под Харьковом только в одном бою подбил сразу четыре русских Т-34». Такого Богомолов стерпеть не мог. Развернувшись в сторону хваставшегося своими успехами на Восточном фронте, Саша узнал хорошо знакомого ему и уже подвыпившего журналиста. Этот немец не раз встречался с Богомоловым и симпатизировал ему, разделял многие наши политические позиции. Они были уже давно на ты. Увидев приближающегося Богомолова, немец смутился. Саша, дружески улыбаясь, вмешался в разговор: «Я помню бои под Харьковом. Там у нас и окружение тяжелое было. Упорные танковые бои. Потери с обеих сторон большие. Вы нас там хорошо поколотили. Но твой пример — “в одном бою четыре танка” — никого не удивит. Вот я тоже только в одном бою уничтожил сразу десять танков». Немец сделал удивленное лицо: «Такого не может быть! Я, как бывший танкист, знал бы об этом бое. Наши танкисты и больше подбивали, о ваших слышал, но такого случая что-то не припомню». «А я тебе поясню, — продолжил Саша. — Я с товарищами целый эшелон танков под откос пустил. В вашем тылу. В одном бою. И все сразу».

Саша чокнулся с немцем и, также дружески улыбаясь, отошел к другой группе все слышавших гостей. Смущенный немец-«фронтвик» только развел руками и, как утверждал Саша, больше никогда не хвастался.

Дружеские отношения с этим немецким журналистом стали еще прочнее.

ПОСОЛ АБРАСИМОВ. 1962–1963, 1966–1971 годы

Осенью 1962 года П.А. Абрахимов сменил посла М.Г. Первухина. Он был диаметральной противоположностью нашему предыдущему послу. И внешне, и внутренне. Стремительный по своему характеру, он не вошел, а ворвался в жизнь коллектива. По прошествии короткого времени он несколько всех озадачил: произвел некоторые замены и перестановки в дипломатическом составе, в том числе и среди руководства. Новый посол был решителен во всем, и этим он тоже отличался от Первухина. Это в какой-то степени можно было объяснить тем, что Михаил Георгиевич был «ссылным» и, как указывает Александр Богомолов, «осужден» быть послом. Воз-

можно, именно поэтому он был более осторожен и нерешителен по сравнению с Абрагимовым. Но, как и Первухин, он был сыном своего времени. Петр Андреевич впитал в себя тот дух и внутренний настрой, который был присущ руководителям-коммунистам, беспрекословно выполнявшим все решения партийных инстанций, независимо от своих, может быть, даже не высказываемых вслух личных оценок и убеждений (настроений). Он появился в Берлине, имея за собой огромный по тем временам жизненный опыт. Совсем молодым стал ответственным советским руководителем областного масштаба. Прошел кровавое пекло войны. Ощутил вкус работы на посту крупного советского и партийного руководителя. И уж совсем неожиданно для себя был направлен на дипломатическую работу. Появившись в Берлине, он уже имел за плечами опыт дипломатической деятельности: побывал советником-посланником в Китае и Польше, где он успешно справился со сложными и ответственными поручениями руководства нашей страны...

Германская Демократическая Республика была не только форпостом социализма в Европе. Здесь решались судьбы войны и мира. Именно в этой части Европы противостояли друг другу две самые мощные в мире военные группировки и базы НАТО и Варшавского договора. Перебор критической массы мог произойти в любое время. Достаточно было одной искры для этой пороховой бочки. Сложный регион, сложная страна. Жесткая и ответственная работа дипломатов и разведчиков. И пусть кто-то из функционеров в Республике и называл Абрагимова с оттенком некоторой иронии «генерал-губернатором», он достойно представлял Великую Державу, безоговорочно и с успехом осуществляя волю Москвы. Проводил в жизнь нужную нашей стране линию в социалистическом строительстве в ГДР. Однако при этом Абрагимов умел отстаивать перед Москвой и интересы немецких друзей. Руководство Республики знало и чувствовало это и было благодарно этому достойному представителю нашей страны.

Нашим немецким друзьям в те годы было почти ничего не известно о боевом прошлом Петра Андреевича в годы Великой Отечественной войны. Посол сознательно «закрывал» эту тему. И правильно делал. Он не любил ни вспоминать войну, ни рассказывать о ней. А ему было что поведать.

Когда тишину у советских границ разорвали залпы германских орудий, запылали огрызавшиеся свинцом пограничные зас-

тавы, а небо над нашей территорией наполнилось гулом воздушных армад люфтваффе, двадцативосьмилетний заместитель председателя Брестского облисполкома был в командировке в одном из районов области. Абрасимов собирает несколько десятков почти не вооруженных людей и выдвигается к границе, где уже идет бой... Первые лучи солнца озаряют пшеничное поле. Выброшенные с Ю-52¹ немецкие десантники медленно опускаются на землю. Прямо над головой стремительно надвигающийся купол парашюта, под которым болтается немецкий диверсант. Вот он приземляется почти рядом. Полный штиль. Их лица накрывает купол парашюта. Оружия у Петра Андреевича нет. Рука нащупывает торчащий в земле увесистый булыжник. На голову пытающегося освободиться от купола и строп незадачливого немца обрушивается смертельный удар. Первый убитый враг. Теперь у Абрасимова автомат, пистолет, гранаты. Можно воевать. Группа Абрасимова окружает парашютистов. Вскоре совместно с подоспевшими милиционерами десант ликвидирован. Часть сдается... Блуждание по тылам. Кругом немцы. Без всяких на то указаний Абрасимов по ходу движения к своим, к Гомелю, организует партизанские группы, обговаривает явки, условия связи, создает первый в этом регионе партизанский отряд... Вскоре танкист Абрасимов, получивший до этого свой первый боевой опыт в освободительном походе Красной армии 1939 года в Западной Белоруссии, вновь занимает место в хорошо ему знакомом Т-34. Первые жестокие танковые бои. Первые смерти товарищей. На берегу белорусской реки Сож, притока Днепра, он горит в танке, подожженном немецким коммунитивным снарядом... Осенью 1941 года первое тяжелое ранение. Горечь отступления.

Бои в районе Ростова-на-Дону. Комиссар танкового полка Абрасимов поднимает залегшую под огнем пехоту в атаку. Еще одно тяжелое ранение. Перебита нога. Госпиталь. Случайная встреча в 1943 году в Москве с секретарем ЦК Компартии Белоруссии П.К. Пономаренко², который хорошо знает Абрасимова по работе в Белоруссии. Дальнейшая служба Петра Андреевича

¹ Ю-52 (Junkers-52 — «Юнкерс-52» (Tante «Ju») — трехмоторный военно-транспортный самолет германских ВВС.

² Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко (1902–1984) — с 1938 г. 1-й секретарь ЦК Компартии Белоруссии, одновременно с 1942 г. начальник Центрального штаба партизанского движения.

решена. Он готовит партизан для заброски в оккупированную врагом родную Белоруссию. Сам трижды десантируется на родные земли в глубоком немецком тылу. Где-то там осталась жена Мария Борисовна с крошками дочками Диной и Тamarой. К счастью, немцам об этом не было известно. Лихой партизанской атакой, сбив слабые заслоны немцев и истребив немецкий гарнизон, уводит жителей в лес к партизанам. Вскоре с партизанского аэродрома семья попадает на Большую землю... Он один из организаторов операции по уничтожению наместника Гитлера в Белоруссии гауляйтера Кубе.

Петр Андреевич никогда не рассказывал даже самым близким немецким друзьям о своем поистине героическом военном прошлом. Не потому, что он стеснялся, — так было лучше для его работы в Республике.

Он закончил войну в поверженной Германии. На груди четыре боевых ордена и красные полосы двух тяжелых ранений...

Когда в посольстве стало известно о восстановлении в Западном Берлине здания Рейхстага, он поручил Виктору Белецкому организовать вывоз в посольство кусков стен здания с сохранившимися надписями наших солдат-победителей. Белецкий сумел договориться с простыми немецкими рабочими-строителями и вместе с товарищами вывез на машине несколько десятков ценных экспонатов. Один из них был передан в Центральный музей Вооруженных сил России. Получить бесценные для нас куски плит с надписями официальным путем вряд ли было возможно. Западноберлинский сенат торопился с ремонтом, и часть надписей уже была уничтожена. Рабочий класс Западного Берлина в лице строителей с пониманием отнесся к нашей просьбе и помог безвозмездно вынуть и погрузить плиты. Денег рабочие не взяли, но в качестве подарка с удовольствием и благодарностью приняли ящик русской водки.

Берусь смело утверждать, что в свое время по популярности чрезвычайный и полномочный посол П.А. Абрасимов превосходил всех послов Запада и Востока в обеих частях Германии. К тому же, по заявлению западной прессы, он был и самым импозантным послом.

СТРАННЫЕ ПОХОРОНЫ В ЗАПАДНОМ БЕРЛИНЕ. 1971 год

Родственников у основателя Коммунистической партии Германии Карла Либкнехта¹ было великое множество. Судьба разбросала их по разным странам. Кроме Германии были они и в Голландии, и в Швейцарии, разумеется, и у нас, в Советском Союзе. Часть из них восприняла коммунистические идеалы, отстаивала их и гордилась знаменитым родственником, трагически погибшим во время революции в Германии. Естественно, были среди них и такие, кто не имели никакого отношения к коммунистическому движению. Более того, в период нацистской Германии осуждали коммуниста-революционера Карла Либкнехта и даже выступали с соответствующими заявлениями в центральном органе нацистской партии газете «Фелькишер Беобахтер»², отмежевываясь от своего родственника-коммуниста. В частности были два старика, волею судеб очутившихся в Западном Берлине, где и проживали. Один из них умер естественной смертью, после чего и произошли описываемые мною события. Именно эти два старичка и были теми родственниками Карла Либкнехта, дважды отрекавшимися от него в прессе и осуждавшими коммунизм, что, возможно, и спасло их от концлагеря, а стало быть, и от неминуемой смерти.

Так получилось, что я был знаком с сыном великого немца Карла Либкнехта — Вильгельмом, которого в семейном кругу и близкие друзья ласково называли Хельми. Было ему тогда за 60. Он сохранил удивительную бодрость, энергию и жизнелюбие. Познакомился я с Хельми у моих близких немецких друзей. Посол об этом знал. Вызвав меня, Петр Андреевич как-то невесело произнес:

— Звонили из Москвы. Завтра в Берлин приезжает сын Карла Либкнехта на церемонию кремации родственника отца. Он жил в Западном Берлине. Там же живет и брат умершего. ЦК КПСС разрешил сыну Либкнехта попрощаться с покойным. Поэтому завтра я приму вас обоих и вы, пока Вильгельм Либкнехт будет в Западном Берлине, попокайте его. Мало ли что может случиться. А вдруг

¹ Карл Либкнехт (1871–1919). 15 января 1919 г. зверски убит вместе с Розой Люксембург противниками социалистической революции в Германии, начавшейся в ноябре 1918 г.

² «Voelkischer Beobachter» — «Народный наблюдатель».

провокация? Дело осложняется и тем, что приехавшая в Берлин совсем недавно из Москвы на постоянное жительство в ГДР дочь Вильгельма Майя тоже хочет вместе с отцом попрощаться с покойным в Западном Берлине. Родственники все же. В ЦК СЕПГ не возражают. Свяжитесь с ней и обговорите поездку в Западный Берлин. Учтите, если что-то случится, вы отвечаете головой, — закончил посол.

— А что может случиться, Петр Андреевич? — спросил я посла. — Вильгельм не раз выезжал в ФРГ и Францию через Западный Берлин. Его дочь никогда не была на Западе, но не останется же она там, не попросит политического убежища. Это абсурд.

— Не знаю, — после небольшой паузы и глядя в окно задумчиво произнес посол. — Случись что-либо непредвиденное — отвечать будете вы.

Выйдя от посла, я по телефону договорился с Майей о встрече и скоро был у нее в маленькой однокомнатной квартире, где еще в незапамятных времена функционировало печное отопление. «Скромненько», — с самыми хорошими мыслями подумал я о внучке выдающегося немецкого коммуниста. Майя оказалась миловидной москвичкой, приехавшей в ГДР после окончания вуза. Работала инженером на одном из крупных государственных химических предприятий Берлина. Мило побеседовав, мы расстались. Через день я на своей машине с дипломатическим номером вместе с отцом и дочерью Либкнехт выехал в Западный Берлин. Их дальний родственник, брат усопшего, оказался совсем немощным стариком, проживавшим, если мне не изменяет память, в районе Вильмерсдорфа в маленьком особнячке, который даже с большой натяжкой трудно назвать виллой. Особенно приветливо и гостеприимно нас встретила гражданская жена старичка, оказавшаяся в прошлом простой рабочей, давно находившейся на пенсии. Она последние годы, и это было заметно, трогательно ухаживала за своим старичком мужем. Детей у них не было. Ничего особенного в обстановке дома я не заметил, кроме изумительной работы неизвестного художника портрета маслом второй жены Карла Либкнехта Натали. Очень красивая женщина.

Выяснилось, что сын Либкнехта никогда со стариками в Западном Берлине не встречался, но знал, что такие существуют. Знал он также, что они при нацистах осуждали отца.

Пока хозяйка угощала нас кофе, Майя неожиданно сказала, что хотела бы использовать внезапно открывшуюся перед ней возможность встретиться здесь, в Западном Берлине, со своим другом, который специально прилетел сюда для встречи с ней. Внутри у меня все похолодело. «Начинается, — подумал я. — Прав был посол. Все могло случиться. Чертовка, не сказала мне об этом дома, в нашем Берлине. Ясно, побоялась, что не разрешат выезд. А тут такой удобный предлог — смерть родственника. Что делать? Не сажать же ее в машину и не везти обратно в Демократический Берлин. А вдруг сбежит! Попросит политического убежища! И хана мне! Скандал международный! Ну почему я так думаю? Майя нормальный, воспитанный в нашей среде человек. Нельзя ей не верить! Да и как я могу ей запретить встречу, может быть, с любимым человеком. Будь что будет! Не буду создавать скандальную ситуацию». А вслух сказал:

— Майя, когда это ты успела познакомиться с ним да еще и сделаться его подругой?¹

— В прошлом году, на Лейпцигской ярмарке, — просто ответила Майя. — Я ему вчера позвонила. Он живет в другом городе в Западной Германии. Сказала, что буду в Западном Берлине по случаю смерти родственника, и он просил встретиться с ним здесь. Специально приедет в Берлин. Я знала время нашего нахождения в Западном Берлине, и мы договорились встретиться. Георгий Захарович, позвольте мне, я вас не подведу. Я сейчас, если вы разрешите, уеду на такси и вернусь прямо в крематорий к назначенному времени. У меня в распоряжении три часа. Я вас не подведу. Честное слово, — искренне говорила Майя.

— Конечно, конечно, Майечка, поезжай, дело молодое. Только не подведи меня, да и отца тоже. Не надо опаздывать к прощанию в крематории.

— Не волнуйтесь, Георгий Захарович, — ответила Майя. — Папа знает о наших отношениях с этим молодым человеком, и он еще вчера разрешил мне эту встречу. А вам мы не говорили, потому что вдруг бы отменили наш выезд.

Сделав всем присутствовавшим в комнате прощальный жест ручкой и благодарно посмотрев на меня, Майя оставила нас. Поболтавшись еще какое-то время со старичком хозяином и взяв с

¹ Freundin (подруга — пер. с нем.) — в данном случае, в немецком понимании, та, кто в близких отношениях с тем, кого называет «другом».

собой в машину симпатичную старушку, мы отправились в крематорий. И еще одна неожиданность. Вильгельм попросил купить ему красные гвоздики, которые он положит в гроб. Валюты у него не было, он рассчитывал на меня. Старушка же была с заранее заготовленным букетом красных гвоздик.

В крематории, как это принято у немцев, все происходило по времени с точностью до одной минуты. Из высоко расположенной ячейки холодильной камеры, где находился гроб, служащие этого заведения с помощью специального устройства-подъемника извлекли гроб и поставили его на пол. Подняли крышку, обнажив благородной внешности совершенно седого старичка. Вильгельм положил в гроб цветы и вдруг припал к груди усопшего и зарыдал. Мне кажется, это были искренние слезы. Затем он подошел ко мне и приник к моей груди.

— Георгий Захарович, посмотрите, как он похож на папу — одно лицо!

Действительно, усопший родственник был почти копией расстрелянного в 1919 году Карла Либкнехта, если бы воображение смогло состарить тогда 50-летнего революционера.

Хельми рыдал. Я успокаивал его. Всплакнула и старушка, знавшая покойного всю свою жизнь. А у меня в голове билась только одна мысль: где Майя? Церемония прощания подходила к концу. Майя была хорошо осведомлена о времени приезда в крематорий. В принципе, душа моя была спокойна. Я почему-то верил в искренность и порядочность Майи...

Она вбежала в зал крематория на последних минутах прощания. Успела! Подошла ко мне и благодарно жала мою руку. На сердце отлегло.

— Спасибо тебе, девочка, — только и сказал я.

Завезли старушку домой и поехали к себе, в Демократический Берлин. Вильгельм попросил подъехать к парку на Маркс-Энгельс-плац. В годы жизни Карла Либкнехта эта площадь с зелеными насаждениями именовалась парком Люстгартен¹. Хельми с умилением долго рассказывал мне, как именно вот на этом месте его отец Карл Либкнехт приподнял его, десятилетнего мальчугана, на фундамент решетчатой ограды и он наблюдал демонстрацию революционных матросов.

¹ После объединения Германии этому месту было возвращено старое название — Люстгартен.

— Я тоже был в детской матросской форме...

В последующем мы многократно, но мимолетно встречались с Вильгельмом Либкнехтом, который просил меня, как все близкие друзья, называть его Хельми. Эти встречи «на ходу» происходили, как правило, в здании посольства или редко — на улицах города. Хельми был частым гостем в Республике. Кстати, каждая его поездка в ГДР щедро оплачивалась ЦК СЕПГ. Он так и запомнился мне — энергичным, очень подвижным, небольшого роста человеком, обладавшим энциклопедическими познаниями в области общей истории, мировой литературы, жизни Германии, истории коммунистического движения. Он был интеллигентен, с хорошими манерами и умением понравиться собеседнику. Если я иногда вспоминаю Хельми, в памяти обязательно всплывает звучание его неподражаемого басовитого, с рокочущими интонациями и очень специфического голоса профессионального оратора-трибуна. Я думаю, это было единственным, что он унаследовал от своего отца — вождя и любимца немецких трудящихся в далекие и кровавые революционные годы.

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ. 1971 год

Осенью 1971 года после завершения переговоров по Западному Берлину и подписания четырехстороннего соглашения, значительно улучшившего отношения этого города с внешним миром, наш посол Петр Андреевич Абрахимов выехал в Париж, где возглавил советское посольство. В Берлине его сменил неизвестный в МИДе и среди германистов заместитель председателя Совета Министров СССР Михаил Тимофеевич Ефремов.

Как мне рассказывали товарищи, события с преемником посла Абрахимова развивались следующим образом. Уже было принято решение о назначении послом во Францию П.А. Абрахимова, но еще не было известно, кто его сменил в Берлине. Закончившую пребывание в Москве немецкую партийно-правительственную делегацию во главе с Э. Хонеккером провожали во Внуково советские товарищи. Среди них был и Михаил Тимофеевич Ефремов, который, ничего не подозревая, стоял среди провожавших, о чем-то весело беседуя с окружающими. Эрих Хонеккер обратился к Леониду Ильичу Брежневу с просьбой направить в Берлин не менее достойного по-

сла, каковым являлся для наших немецких друзей Петр Андреевич Абрахимов. Леонид Ильич обещал сделать это незамедлительно. Он обвел взглядом присутствовавших и остановился на М.Т. Ефремове. Окликнул его по имени и попросил подойти.

— Есть желание поехать послом в Германскую Демократическую Республику? Вот прямо сейчас можно договориться с товарищем Хонеккером.

— Леонид Ильич, да я производственник. Занимался всю жизнь промышленностью. Какой из меня дипломат? — как-то робко и неуверенно произнес Ефремов.

— Ничего, освоишься. В посольстве опытный коллектив.

— А когда выезжать?

— Да хоть сейчас, — ответил Леонид Ильич.

Так в одночасье была решена судьба заместителя председателя Совмина СССР. Все произошло так скоропалительно, что в своем центральном печатном органе, «Нойес Дойчланд», ЦК СЕПГ срочно опубликовал сообщение о назначении новым послом Советского Союза в ГДР товарища М.Т. Ефремова. Там же была помещена фотография Ефремова со звездой Героя Социалистического Труда. Но это был другой Ефремов — известный советский ученый, академик, однофамилец будущего посла М.Т. Ефремова. Вот к чему приводит излишняя торопливость.

С новым послом я проработал три месяца. Опытный производственник, он быстро вошел в курс наших дел. Рабочий коллектив посольства был укомплектован знающими свое дело сотрудниками. Посольство работало как четко отлаженный механизм. Основные крупные политические проблемы, в том числе такая кровоточащая рана на теле Республики, как Западный Берлин, в обозримом будущем не могли принести каких-то неприятностей. Внешнеполитический маховик ГДР продолжал успешно раскручиваться. Что касается внутренних проблем, назревающих в Республике, то и они пока не очень беспокоили Москву. Так что Михаил Тимофеевич мог работать спокойно. Ему досталось хорошее наследство. Однако на фоне бурной деятельности Петра Андреевича новый посол явно проигрывал. Был он как-то тих и незаметен. Мне казалось, что он был как-то даже несколько застенчив. Во всяком случае, внешне. Но все это мне могло только казаться. Я слишком мало поработал под его началом.

Наверное, внешность все-таки обманчива. Оказалось, что Михаил Тимофеевич заядлый охотник и имеет «острый» глаз. Узнав,

что я возглавляю охотколлектив посольства, он вскоре вызвал меня к себе и дал поручение организовать для него охоту вместе с нашим охотколлективом, чего Петр Андреевич, кстати отличный охотник, никогда не делал, предпочитая охоту с руководством Республики в особых охотхозяйствах, что всегда было для него продолжением работы в других условиях. Я предложил послу договориться с немецкими егерями об охоте специально для него в особом охотхозяйстве, что легко может сделать опытный наш дипломат и лучший стрелок Михаил Иванович Дмитриев. Но Михаил Тимофеевич отклонил мою идею, настаивая на своем: охота должна быть вместе с посольскими охотниками. Организованная нами с Мишей Дмитриевым охота оказалась на редкость неудачной. Зверя мы никакого не добыли, егеря работали вяло, а передвижения по ухабам лесных дорог в прицепе из-под только что выгруженного навоза ввергло посла да и нас в некоторое смущение. Однако надо отметить, что он стойко переносил эти лишения и, в принципе, остался доволен. Вдоволь постреляли по мишеням. Посол оказался лучшим стрелком. Еще одна охота на зайцев для дипкорпуса, которую ежегодно перед Рождеством организовывал МИД Республики и где присутствовало великое множество народа, была удачной. По числу «набитых» зайцев посол оказался в числе первых.

ПОДАРОК ВОЛОДИ ЭБЕРЛЯЙНА — ПОРТРЕТ В.И. ЛЕНИНА. 1972 год

Подошло время моего отъезда в Москву. Шли последние дни пребывания на немецкой земле. Все мое «оперативное хозяйство» по линии Службы уже было передано в надежные руки моих товарищей. Эта работа проводилась загодя, так как всегда занимает много времени.

Я стал прощаться с моими немецкими друзьями здесь, в столице Республики Берлине. В этом городе оставались мои политические единоверцы, с некоторыми я систематически общался на протяжении почти всего периода моих двух командировок, то есть более 10 лет. Это были годы настоящей и большой, искренней человеческой дружбы, исключавшей предательство нашим идеалам. Мы могли спорить в поисках истины, быть зачастую в чем-то несогласными друг с другом. Но мы всегда были искренни и откры-

венны в высказываниях и оценках. Между нами всегда оставалось главное — человеческая теплота и доверие...

К таким друзьям моей семьи прежде всего относились Мориц и Соня Мебель, их друзья Ойген и Рената Класе, Лея Гроссе, Вернер-Володя и Эрика Эберляйн, Курт и Ирина Винтер и другие немецкие товарищи. Самые теплые отношения в нашей семье сложились с нашей старинной подругой Ингрид Штенцель.

Некоторые из них ушли из жизни, оставшись навсегда в моем сердце...

Последняя встреча с Володей Эберляйном. Близкие друзья называли его любовно за высокий рост Длинным. Володя оригинально попрощался со мной. Он подарил мне портрет Ленина. Фото-портрет относился к 1919 году, когда отец Володи, друг Ленина — Гуго Эберляйн, известный среди коммунистов под псевдонимом «товарищ Альберт», вместе с советскими коммунистами в 1919 году участвовал в создании Коминтерна. Подпись на портрете гласила: «Дорогому товарищу Альберту. Москва, 6 марта 1919 года. В.И. Ульянов (Ленин)».

Такого вида фотография Владимира Ильича была уникальна тем, что к самому фото имела отношение только голова Ленина. Все остальное, верхняя часть пиджака, сорочка и галстук были выполнены рукой художника-графика. Так было модно в те годы. Как утверждал Володя, это было единственное фото Ленина в таком исполнении. Более того, оригинал, естественно, хранился в личном архиве Эберляйнов. Центральный музей В.И. Ленина в Москве просил Володю передать оригинал, но Эберляйн-младший передал музею только копию, сказав, что оригинал этого фото-портрета будет передан московскому музею после его смерти. Володя-Вернер Эберляйн умер в 2002 году. Передать этот портрет Ленина он так и не успел, да и Центрального музея В.И. Ленина в Москве больше не существует...

Он утверждал, что в Советском Союзе таких копий только три: одна в музее, вторая у Саши Богомолова и третья у меня. Такая вот история с портретом Ильича, с надписью на обороте на немецком языке. Привожу ее в русском переводе: «Моему другу и товарищу Георгию Санникову от сына товарища Альберта на добрую память о совместных днях работы в Германской Демократической Республике на благо укрепления дружбы между нашими народами, во имя которой мы оба старались внести свой посильный вклад».

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ ЛЕИ ГРОССЕ. 1960–1970 годы

С этой женщиной необычной и трагической судьбы меня и Аллу познакомили наши общие немецкие друзья Мориц и Соня Мебель. Леа Гроссе, которую близкие друзья ласково называли на русский манер Леечкой, была удивительной женщиной. Глядя на нее, даже при самом богатом воображении невозможно было представить те духовные и физические муки, выпавшие на долю этой хрупкой, сказочно прекрасной женской красоты. Как однажды сказала сама Лея, самое горестное в жизни — это плач без слез («Das Weinen ohne Traenen ist das bitterste»)...

Она родилась в набожной еврейской семье в польском городке Ченстохове, так что католическая притча — обращение к защитнице Божьей: «Матка Боска Ченстоховська» («Ченстоховская Богоматерь») — наряду с притчами из Талмуда также вошла в ее сознание с детства. Еврейские погромы в Польше вынудили семью Леи, как и множество других польских евреев, бежать, как им всем тогда представлялось, в спокойную и благочестивую Германию, ставшую для многих евреев второй родиной.

Как ни старались родные привить маленькой Лее привязанность к иудейской вере, у них ничего не получилось. Любознательная девочка много читала, многое ей было непонятно. Почему евреи не должны работать по субботам? Почему женщины и мужчины молятся одному еврейскому Богу Яхве отдельно?.. Ее буквально душила домашняя атмосфера. Душа стремилась к чему-то другому, возвышенному, романтическому, новому. Германию 20-х годов прошлого века будоражил революционный подъем. Только что прошли восстания рабочего люда в Берлине, Гамбурге, Руре. Совсем рядом клочкотала Бавария, где пусть и совсем коротко, но была провозглашена власть Советов... Именно коммунистические идеи, с которыми ее, еще подростком, познакомил любимый старший брат, привели 17-летнюю Лею в Коммунистический союз молодежи Германии. За знакомство и любовь с уже известным тогда молодым коммунистом Фрицем Гроссе¹ отец жестоко избил дочь и выгнал из дома...

¹ Фриц Гроссе — один из основателей комсомола Германии. После 1933 г. был арестован гестапо и подвергнут пыткам, но нацистам так и не удалось добиться от него признательных показаний. Приговорен к каторжным работам в концлагере Маутхаузен (Австрия). После освобождения из концлагеря и лечения был на партийной работе. Первый посол в Чехословакии сразу же после создания в октябре 1949 г. ГДР.

Лея становится профессиональным революционером. На всю жизнь связывает свою судьбу с Коммунистической партией Германии. Ей только что исполнилось 20, когда ее впервые арестовали и выдворили из страны, запретив работать в Германии... В 1930–1933 годах Лея учится и работает в Москве. В марте 1933 года она снова на нелегальной работе в Берлине. Она сама просила направить ее в Германию, где надеялась увидеть горячо любимого человека — Фрица Гроссе. Лея выполняет работу партийного курьера, обеспечивая нужную для КПГ связь между разрозненными группами коммунистов и частично разгромленным гестапо, но все еще действующим коммунистическим подпольем. Она работает в Германии, Бельгии, Франции, подвергая себя смертельной опасности. Нелегальный курьер. Жизнь под чужими именами. Редкие встречи с любимым Фрицем. Избегать ареста и слезки помогали полученные в юности навыки во время занятий гимнастикой и балетом на профессиональном уровне, знание французского языка, как родного немецкого и польского. Немаловажную роль играли красивая внешность, аристократичные манеры, врожденная артистичность, продуманная и расчетливая смелость, умение скрывать эмоции. Воля и решительность. Преданность идее и любимому человеку-единомышленнику. Приход нацистов к власти внес свои «коррективы» в жизнь партийного нелегала Леи Гроссе. Ее вновь арестовали. На сей раз это сделала созданная гитлеровским режимом новая служба — гестапо. Ее арестовывают выследившие ее нацистские ищейки. Это произошло в августе 1934 года...

Бесперывные изнурительные допросы и побои. Ее несколько раз избивали до потери сознания. Лея была на пятом месяце беременности. Гестаповцы предлагали жизнь ей и ребенку в обмен на предательство. У них не получилось. Очередной допрос. Последнее, что она запомнила, это страшный удар в лицо, опрокинувший ее на каменный пол. Подняться она уже не смогла. С уплывающим сознанием, как в тумане, она видела склонившееся над ней красное от натуги лицо гестаповца, он что-то кричал, но она оглохла от удара. Гестаповец поставил ногу в сапоге на ее живот. До возвращающегося к ней слуха глухо доносилось: «Будешь говорить!..» — поток самых оскорбительных для женщины слов. В ответ молчание, только горящие ненавистью глаза, взгляд которых еще больше распалил нацистского палача...

— Нет, ты не чистопородная еврейка! В тебе течет и немецкая кровь. Так может смотреть и сопротивляться только немецкая женщина! Еврейка на это не способна!

Лея с трудом разлепила запекшиеся от крови губы. Это было ее единственное оружие, которым она могла нанести ответный удар врагу:

— Нет, я чистая еврейка! И бабушка, и дедушка у меня евреи. И весь род мой — евреи!

Она почувствовала поддержку еще не родившегося дитя, стучавшего ручками и ножками у нее в животе.

Изрыгая самые отвратительные и грязные ругательства, гестаповец стал с силой давить сапогом на живот распластавшейся перед ним на полу несчастной и беспомощной женщины. Лея попыталась сбросить ногу в сапоге и повернуться на бок... Последовал последний удар сапогом в низ живота. Боли Лея уже не почувствовала...

Лея очнулась на койке с чистым и свежим бельем в тюремной больнице. У ее кровати сидел пожилой человек, из-под отворотов белого врачебного халата которого виднелась гестаповская униформа. Но глаза этого нациста с теплом и состраданием смотрели на Лею.

— Вот что, девочка, сейчас тебе принесут поесть. Это хорошая пища, больничная. Обязательно поешь. Ты должна сохранить силы. Я прослежу за твоим лечением.

— Что с моим ребенком? — только и смогла произнести Лея.

— У тебя нет больше ребенка. Он погиб.

Лея снова потеряла сознание...

Этот гестаповский врач еще несколько раз заходил к Лее, пока она полностью не пришла в себя. «Неужели в гестапо могут быть люди, сохранившие человеческий облик?» — неоднократно задавалась вопросом Лея. Но с этим гестаповцем было именно так. Он успокаивал Лею:

— Я делал тебе операцию. Ты здоровая женщина. Ты еще сможешь рожать...

Спустя два года тюремного заключения в одиночной камере нацистский суд приговорил Лею к трем годам каторжной тюрьмы, обвинив ее в «государственной измене на подготовительной стадии».

В каторжной тюрьме тоже существовало сопротивление режиму. Четко работала партийная организация, не давая узникам опуститься до животного уровня. Была связь и с подпольем на воле...

Пережитый Леей ад в застенках гестапо, выдвленный из чрева, так и не успевший познать мир ребенок, каторжный, не просто изнуряющий, а испепеляющий душу и тело рабский труд не сломили волю этой маленькой и такой внешне хрупкой женщины. Она по-прежнему верила в свою звезду и светлое будущее всех честных людей...

Нацистские власти после выхода Леи из каторжной тюрьмы на свободу выдворили ее в Польшу, как имевшую в прошлом гражданство этой страны. С помощью товарищей по подполью она сумела на какое-то время благополучно устроиться. После уничтожения Польского государства и оккупации части территории вермахтом Лее удалось связаться с польскими товарищами, которые сумели переправить ее в Советский Союз...

Вновь Москва открыла ей свои объятия. Она среди своих товарищей по партийной работе. Лечение от туберкулеза в Крыму. Война. Много работы. Тяжелая зима 1942 года в Уфе. На фронт не берут по состоянию здоровья. Как она завидовала тем немецким товарищам, которые с оружием в руках сражались с фашизмом в открытом бою или забрасывались в глубокий тыл противника, как ее подруга и одноклассница, с такой же боевой биографией, Катя Нидеркирхнер¹. Возвращение в Германию после победы в 1945-м. Наконец-то у нее семья. Любимый муж и дети. Лея по-прежнему энергична и мужественна. Когда в 1953 году в ГДР вспыхнули волнения и 17 июня тысячные толпы рабочих с антиправительственными лозунгами вышли на улицы, Лея возглавляла отдел кадров киностудии «ДЕФА» в Потсдаме. Рабочие этого огромного предприятия построились в колонну и двинулись в сторону Берлина на поддержку демонстрантов. Все руководство «ДЕФА» затаилось в своих кабинетах. Единственным человеком из руководства, осмелившимся выйти к колонне рабочих, была Лея Гроссе. Эта миниатюрная женщина выступила с такой пламенной и убежденной речью, что рабочие послушались и разошлись по своим рабочим местам.

¹ Катя Нидеркирхнер (Katja Niederkirchner) — 1909–1944. Участница немецкого коммунистического сопротивления. В 1933 г. была арестована гестапо, после освобождения эмигрировала в СССР. В 1941 г. вступила в ряды Красной армии. В октябре 1943 г. была заброшена в тыл немецких войск в Польше, недалеко от Варшавы. Пыталась пробраться в Берлин и присоединиться к немецкому коммунистическому подполью. Недалеко от станции Костица была схвачена нацистами и отправлена в Берлин. В застенках гестапо содержалась в одиночной камере и подвергалась жестоким пыткам. Затем была отправлена в концлагерь Равенсбрюк, где в сентябре 1944 г. казнена. Сегодня ее именем названа одна из улиц Берлина.

Лея много лет возглавляла один из отделов политуправления Министерства национальной обороны ГДР, где регулярно организовывала пропагандистские передачи на ФРГ для солдат бундесвера.

Лея Гроссе прожила до глубокой старости, став свидетелем гибели Республики. Она тяжело переживала исчезновение социалистического лагеря, распад Советского Союза. Как-то в кругу близких сказала: «Неужели моя жизнь прожита зря?» С крахом идеалов на нее обрушилось и личное горе: от нее по политическим мотивам отказалась родная дочь...

Все возвращается на круги своя: незадолго до смерти Леечка вступила в еврейскую общину, покинутую ею на заре своей юности, а ведь всю жизнь была убежденной атеисткой. Что это? Почему так случилось? Она и похоронена на еврейском кладбище Вайсензее в Берлине, хотя предназначенное ей всей ее яркой и трагичной жизнью место было уготовано на кладбище социалистов, рядом с теми, с кем она тесно плечом к плечу сражалась и работала.

«...ВСТРЕЧУ СПАССКОГО С ФИШЕРОМ МЫ ПРОИГРАЛИ НЕ В РЕЙКЬЯВИКЕ, А В МОСКВЕ...» 1972 год

Моя плановая замена в Берлине должна была произойти в 1971 году. Однако посол Абрасимов попросил мое руководство в Москве продлить мне командировку еще на год в связи с продолжающимися переговорами по Западному Берлину, начатыми в марте 1970 года. В «команде» по переговорам я был пресс-аташе нашей делегации. Моя замена на последнем этапе встреч и переговоров делегаций Советского Союза, США, Франции и Великобритании, как считал наш посол, была нежелательна. Я знал о решении Москвы оставить меня на работе после завершения заграничной командировки в Центральном аппарате. Это было для меня, в прошлом сотрудника КГБ Украины, конечно же приятно. Центр есть Центр! И я ждал скорейшего завершения моей работы в Берлине. Однако повлиять на свою дальнейшую судьбу в любом случае я не мог. Пусть будет как решит начальство, полагал я. Все равно квартиры у меня в Москве нет, торопиться мне особенно некуда...

Переговоры закончились в сентябре 1971 года. Я еще несколько месяцев оставался в Берлине. Сдавал дела своему преемнику. Этот процесс всегда занимал достаточно времени и от желания

поскорее уехать не зависел. Если, конечно, не возникали экстраординарные и неожиданные ситуации.

Мое возвращение в Москву совпало с начавшимся переездом Службы в новое здание в Ясенево. Сегодня об этом объекте говорится открыто, а в те годы место дислокации разведки составляло государственную тайну. К слову сказать, один из моих друзей военной юности, ставший после службы в ВВС гражданским пилотом, командиром воздушного корабля «Аэрофлота», — Игорь Владимирович Король давно знал об этом таинственном объекте. Он рассказывал еще в те годы, что на авиационных картах появилась новая точка разворота при заходе на посадку на Внуковский аэродром. Все пилоты «Аэрофлота», а стало быть, не только советские летчики, знали, что это какой-то секретный объект КГБ.

Вскоре после начала моей работы на новом месте мир узнал о готовящейся встрече двух великих шахматистов XX века.

Один из них — чемпион мира с 1969 года, международный гроссмейстер, заслуженный мастер спорта, тридцатипятилетний Борис Спасский, собиравшийся подтвердить звание чемпиона мира, другой — американский шахматист, международный гроссмейстер и чемпион США, двадцатидевятилетний Роберт Фишер, заранее публично объявивший о своей победе над советским шахматистом.

Они должны были встретиться в конце лета 1972 года в столице далекой Исландии — Рейкьявике...

Чтобы лучше понять значимость поединка обратимся к прошлому этих знаменитых в шахматном мире фигур.

Фишер — первый в истории шахмат Америки человек, ставший чемпионом США в 14 лет. В мире шахмат появилась новая восходящая звезда. Мальчик делал стремительную шахматную карьеру, поражая и восхищая шахматный мир невиданной доселе изобретательностью комбинаций и ходов.

Мужая, он не только приобретал опыт в поединках с сильнейшими шахматистами, но и сам очень быстро стал опытным и непредсказуемым противником. Именно он изобрел собственные шахматы, в которых расстановка фигур производится случайно, бессистемно и объявляется перед началом игры. Ему же принадлежит идея электронных часов, дающих проигрывающему шанс на прорыв и выигрыш (но не с Бобби Фишером!). У игравших с ним и изучавших его комбинации возникала мысль, что он пре-

восходит, говоря сегодняшним языком, компьютер. Как утверждают многие, в шахматах он знал все.

Он владел несколькими иностранными языками, в том числе и русским, который, наверное, смог получить от своей матери Реджины, бежавшей из фашистской Германии от нацистского преследования как еврейка и член компартии. Она несколько лет обучалась в Москве по линии Коминтерна, где и познакомилась с немецким коммунистом Фишером — будущим участником Гражданской войны в Испании.

В 1939 году Реджина расстается с Фишером и эмигрирует в США. С тех пор они больше не встречались. Спустя несколько лет на свет появляется будущий шахматный гений. Разные источники утверждают, что настоящим отцом Бобби является венгерский еврей-коммунист, эмигрировавший после окончания Второй мировой войны в США...

На другой стороне планеты несколькими годами раньше появляется не менее талантливый ребенок, тоже возможный шахматный гений, но не столь амбициозный в достижении цели, Борис Спасский. Будущий чемпион мира, ставший еще до этого высокого звания чемпионом мира среди юношей.

Они почти погодки. Возрастная разница между будущими соперниками 6 лет. Спасский старше, и к моменту их встречи в Рейкьявике у него второй брак, очаровательная жена и дочь-малютка. Фишер убежденный холостяк. Он традиционной сексуальной ориентации, но женщины, даже если он ими и увлекается время от времени, занимают второе место. У него одна всепоглощающая страсть — шахматы и фанатическая устремленность стать чемпионом мира. Бобби ничто не интересовало из происходившего вокруг него. Он не по-американски был практически равнодушен к деньгам, хотя именно ему, Бобби Фишеру, удалось в будущем установить высокую денежную планку в шахматных поединках. Он как никто в шахматном мире имел многочисленных поклонников и богатых спонсоров. Он никогда не обращал внимания на свой внешний вид. Мог появиться на важной для него встрече в старых джинсах и свитере. В своих жизненных поступках и оценках он, как, впрочем, и другой гений — Эйнштейн (им, гениям, многое позволено и прощается, на то они и гении!), тоже считал себя Богом.

Вспоминается случай. «Господин Эйнштейн! — обратились как-то к нему. — Вы школьный учитель, и у вас должно хватать

денег на приобретение приличного пальто. На кого вы похожи?» Эйнштейн ответил: «Я простой, никому не известный школьный учитель. Какая разница? Все равно меня никто не знает».

И спустя несколько лет: «Господин Эйнштейн! Вы ученый с мировым именем, а по-прежнему носите свое старое пальто!» Ответ последовал незамедлительно: «Все и так знают, что перед ними великий Эйнштейн. И какая разница, во что я одет!»

Рассказывают, что Бобби мог прийти на солидную деловую встречу с полученными за игру ранее деньгами — пачки долларов — в открытой авоське.

Типичный американский подросток Роберт (Бобби) Фишер в свои 15 лет проездом на очередной турнир попадает в Москву. И ни много ни мало требует встречи с чемпионом мира Ботвинником. Получив отказ, он проводит несколько встреч с советскими шахматистами, продемонстрировав великолепное мастерство. Начиная с этого времени оба претендента внимательно наблюдают друг за другом в играх на всех международных турнирах.

Будущие противники встретились впервые в Аргентине в 1960 году. Победил Спасский. В 1962 году Фишер выиграл схватку у всех противников на Стокгольмском турнире. Однако на последующей встрече (без Спасского) он оказался четвертым после трех советских гроссмейстеров и заявил, что столкнулся с организованным против него сговором этих советских гроссмейстеров. Именно с тех пор он одержим идеей вырвать титул чемпиона мира у Советского Союза...

Время года и место встречи были выбраны не случайно. Именно в этом районе Северной Атлантики стоит ровная и солнечная погода со средней дневной температурой не превышающей 18–20 °С. Климатические условия этого региона благотворно воздействуют на человеческий организм благодаря мощному течению Гольфстрима.

Не могли мешать матчу и многочисленные поклонники этого вида спорта — слишком далеко находится Исландия с населением в то время 230 тысяч человек, а сам Рейкьявик имел всего 73 тысячи жителей.

Встреча была согласована заранее, и обе стороны приступили к усиленной подготовке. Задолго до прибытия в Исландию Фишер с помощью опытных профессионалов-психологов и психиатров начал проводить психологический прессинг на своего будущего противника, умело действуя через средства массовой информации, широко

используя выделенные ему американскими поклонниками и спонсорами громадные средства. Он дал несколько интервью, в которых в жестком и непреклонном тоне заявлял о своей безусловной победе над Спасским, употребляя при этом не принятые в спортивном мире высказывания. Советская сторона хранила молчание.

Полученная из советского посольства в Исландии информация свидетельствовала о том, что американцы на месте продолжают оказывать на Спасского сильнейшее психологическое воздействие, пытаясь любыми средствами вывести чемпиона мира из нормального спортивного состояния, взбудораживая его перед началом или в ходе игры. Фишер без объяснения причин несколько раз переносил время встреч или требовал уже в ходе матча прервать игру в зрительном зале, так как его якобы раздражает присутствующая публика, и перенести игру в другое помещение, где бы не было посторонних. Он неожиданно мог прервать игру и просил администрацию удалить зрителей первых десяти рядов и оградить остальную часть зала канатом. Поступил также сигнал о возможном отравлении Спасского прохладительным напитком, предложенным ему Фишером. Признаки отравления были налицо, но Спасский отказался сдать мочу и кровь для лабораторного анализа.

Спасскому понравилось кресло, которое Фишер привез с собой из США, и он попросил приобрести ему такое же. Просьба чемпиона была незамедлительно удовлетворена. Однако, как только Спасский провел матч в этом кресле, у него появились сильные головные боли. Эксперты из команды Спасского высказали предположение, что американцы могли облучать мозг Спасского, пропуская какие-нибудь неизвестные нам лучи через массивное изголовье, которое могло служить своеобразным экраном. Поступали и другие тревожные сигналы. Спасский начал нервничать, перестал слушать советы своих тренеров. Инициатива в игре перешла к Фишеру.

КГБ СССР по указанию ЦК КПСС принял решение направить в Рейкьявик сотрудника, который в сложившейся ситуации смог бы оказать на Спасского нужное воздействие и провести оперативные мероприятия по выявлению возможных провокаций с американской стороны. Учитывалось и то, что Исландия входит в НАТО и на ее территории в портовом городе Кефлявике находится самая крупная северная американская военная база, с аэродрома которой поднимались в небо стратегические бомбардировщики с

ядерным оружием на борту и, барражируя круглосуточно над Северным полюсом, были готовы в любое время по команде с земли нанести ядерный удар по городам Советского Союза. Было время холодной войны.

Вся страна следила за поединком шахматных гигантов.

Помню, какие яростные споры вели мои коллеги, особенно те, кто увлекался шахматами, разбирался в комбинациях этой сложной и интересной игры. Многие увлекались шахматами настолько, что в свободное от работы время, в том числе и в обеденные перемены, а иногда и после работы «сражались» друг с другом. Такой страсти я никогда не испытывал, но играть умел, и довольно прилично. Наверное, потому, что моя первая жена Алла, ушедшая из жизни в 1984 году, с детских лет увлекалась шахматами и в возрасте восьми лет обыграла на кухне коммунальной квартиры в Киеве в присутствии многочисленных соседей одиннадцатилетнего мальчика — чемпиона Украины среди детей, за что получила от проигравшего удар шахматной доской по голове. Ухаживая за любимой девушкой, я конечно же старался выиграть у нее в шахматы и каждый раз готовился к встречам. Но почти всегда ей проигрывал.

Почему выбор пал именно на меня, тяжело сказать и сегодня. В ПГУ КГБ шахматисты-любители, знавшие о решении руководства, искренне завидовали моей командировке. Как уже было сказано, я шахматами никогда не интересовался, хотя и умел довольно прилично играть. Однако в этом был и плюс, так как Спасский не должен был почувствовать, что его «опекает» сотрудник КГБ. Может быть, помогло и то, что я был хорошо знаком ранее с советским послом в Исландии С.Т. Аставиным по совместной работе в посольстве в Берлине, где он был в начале моей дипломатической деятельности советником-посланником.

Получив короткий инструктаж и напутствие одного из генералов — руководителей КГБ: «Приложите максимум усилий, разберитесь в ситуации, окажите воздействие на Спасского. Он должен выиграть. Это имеет политическое значение. Если Спасский победит, вы получите орден», я с диппаспортом на имя второго секретаря МИД СССР вылетел в Исландию. Встречал меня в аэропорту Кефлявика единственный представитель КГБ в этой стране — он же резидент, оперативный работник, шифровальщик и шофер, все в одном лице, — первый секретарь Борис Хрячков. Настроение у моего коллеги было плохое. Виною тому были неудач-

ная игра Спасского и несложившиеся отношения с послом, нужного контакта у них не получалось.

Посол уже при первой встрече стал жаловаться на нашего сотрудника, заявив, что, естественно, не знает, да ему и не положено знать, чем занимается Борис Федорович в посольстве по линии разведки. Однако за три года пребывания в Рейкьявике он не представил ни одной записи бесед. А ведь он — первый секретарь и обязан вносить свою лепту и в «мидовскую копилку», дословно сказал Аставин. Посол намеревался днями направить в МИД официальное письмо с жалобой на Хрячкова. Сергей Тимофеевич знал нашу Службу, в 50-е годы полковник С.Т. Аставин до направления на учебу в Высшую дипломатическую школу МИД какое-то время возглавлял партком МГБ СССР. Поэтому разрешить с ним мирным путем возникший конфликт особого труда не представило. Более того, я убедил Сергея Тимофеевича в обратном. Наш работник имеет обширный участок своей работы и с обязанностями Службы справляется успешно. Бориса Федоровича я просил «не дразнить гусей», и мы с ним договорились через день-два посетить торгового представителя ГДР, жена которого была советской гражданкой. Вскоре на стол посла «легли» две записи бесед с немецким торговым представителем, представлявшим интерес по мидовской линии. Трения между послом и нашим сотрудником Борисом Хрячковым были сглажены.

Наше посольство в Рейкьявике было маленьким. Оперативно-дипломатический состав насчитывал всего семь человек вместе с послом. Вместо советника-посланника работу эту выполнял советник, которого я тут же окрестил «первым советником». Дружеская шутка «прилипла» к нему до конца командировки в этой стране. Посол С.Т. Аставин, сдержанный и внешне спокойный, слегка медлительный в движениях и речи, был известен в дипломатической среде как один из лучших и успешных послов. В натовской Исландии было много различных проблем, которые успешно решались нашим послом. Но интересно отметить, что ни с кем из своего маленького коллектива дипломатов посол дружбы не водил и в его доме-резиденции никто из сотрудников посольства никогда не был. Я имею в виду совместные застолья, приглашения на обед или ужин. Не привечал посол и приезжавших в страну командировочных из МИДа, за очень редким исключением. Как выяснилось, такое редкое исключение коснулось и меня. За все время моего пребывания

в Рейкьявике я ежедневно встречался с Сергеем Тимофеевичем. Несколько раз вместе прогуливались по набережной. В кругу его семьи я был дважды. Приятно вспомнить сегодня, как мы пили у него дома роскошное чешское пиво под чудесную «рыбью» закуску из им же пойманной и лично засоленной исландской форели и семги. Мне кажется, никогда до этого дня и после я не едал такой разносоленной и по нескольким рецептам приготовленной вкуснятины. А я мог сравнить вкус этого блюда по многочисленным приемам в бытность «пребывания» в дипломатах, в том числе и на самом высоком уровне. Сергей Тимофеевич, угощая меня, каждый раз подчеркивал, где и когда он поймал роскошную рыбу и по каким рецептам сам готовил ее. Самое интересное — мы пили алкогольное чешское пиво в Исландии, где действовал строгий «сухой» закон. Правда, мы пользовались экстерриториальностью. Распитие спиртных напитков происходило в резиденции советского посла. А это территория Советского Союза.

По материалам МИД и ПГУ КГБ, с которыми я ознакомился перед выездом в Исландию, это была удивительная страна, отличающаяся от многих других регионов мира. И по своему географическому положению, и по природе, и по ландшафту, и по населению. Коренные жители острова — потомки древних скандинавов-норвежцев, заселивших эту землю более тысячи лет назад. Ведь это практически Заполярье, рядом Гренландия. Сам остров омывается теплым Гольфстримом. Еще не закончились тектонические процессы, сформировавшие эту землю. Частые землетрясения, к счастью, незначительной силы. Обилие термальных источников. Гейзеры. Лед и рядом огонь вулканических извержений. При полете к острову я из иллюминатора самолета наблюдал фантастическую картину: клубящийся пар, вырывающийся из океанской пучины. Это работал подводный вулкан. Это же зрелище потрясло меня еще больше в ночное время. Странности на этой, в общем-то, гостеприимной земле начались сразу же после приземления «боинга» в аэропорту Кефлявик. У исландской компании в то время было всего два таких воздушных лайнера — больше исландцам и не нужно было. Как только распахнулась дверь «боинга», в салон ворвался влажный воздух с сильным запахом сероводорода. Это был воздух Исландии. Родной воздух этой страны. Неприятный запах сероводорода — следствие многочисленных пробивающихся из-под земли воздушных струй от «дыхания» все еще клокочущих вулканов. К этому запаху быстро привыкаешь. Букваль-

но через 15–20 минут я адаптировался и перестал замечать его. Вроде бы его и не было только что. Странно — но факт! Вторично я был «атакован» сероводородом, когда уже в гостинице Рейкьявика принимал горячий душ из термальной воды. И удивительно! Я перестал ощущать этот запах также через несколько минут. А своеобразие острова продолжало удивлять меня. Гостиница, в которую меня привез Хрячков, считалась весьма приличной и по исландским меркам тянула на четырехзвездочную европейско-скандинавскую. Здание, однако, выглядело более чем странно. Во-первых, сам дом был деревянным с небольшими окнами и имел всего два этажа. Наружные стены были обработаны пропиткой почти черного цвета с коричневатым отливом, что надежно защищало от воздействия постоянно дующих океанских ветров и притягивало солнечные лучи, что немало важно при морском климате суровой Атлантики. Кстати, солнечных дней в Исландии предостаточно. Небо синее-синее. Солнце яркое-яркое. Понятно. Северный полюс близко!

Моя командировка в Рейкьявик была напряженной. Особенно утомительным был рабочий режим. Встречи Фишер — Спасский проходили в конце дня и заканчивались поздним вечером. Дни тренировок и отдыха также завершались в конце дня. Поэтому сразу же садились за составление телеграммы в Центр. Отчитывались ежедневно. Само составление документа занимало немного времени. Но на зашифровку и подготовку к отправке уходило несколько часов. Поэтому, пока Хрячков шифровал телеграмму, я готовил ужин. Жена Бориса Федоровича все это время находилась в Москве.

Обычно мы запекали в духовке знаменитую исландскую баранину с чесноком. Получалось дьявольски вкусное блюдо.

Очень интересно было наблюдать в Исландии этих животных. Вместе с коровами они пребывали на вечно зеленых лугах (земля то теплая!) на бесстойловом содержании. Знаменитые на весь мир исландские средней величины лошадки с густой шерстью поражали воображение. Суровая природа превратила привезенную более тысячи лет назад со скандинавского материка лошадь в настоящего помощника древних норвежских первопроходцев. Высадившиеся на незнакомый берег переселенцы осваивали приютившую их не заселенную ни людьми, ни животными страну с помощью вот этих самых лошадок. Неслучайно поэтому Рейкьявик имеет два основных памятника — навьюченная мохнатая исландская лошадка и носовая часть ладьи с викингками.

Суровый и необычный климат. Страна, где нет пыли, мух, комаров, оводов. Отсюда — прекрасные лошадиные и коровьи шкуры. Известно, что, если крупное животное кусает овод, в месте укуса навсегда остается незарастающее микротоверстие, поэтому при обработке шкур и выработке кож это влияет на качество. Вот почему в мире очень ценятся исландские кожи...

Крепкие внешне и красивые своей статью исландцы. Особенно женщины. Они как-то мощнее, что ли, мужчин. Почти все рыжеволосые или светлые и... веснушчатые. Крепконогие. Что касается исландок, то после возвращения из командировки и доклада о результатах начальству разного уровня я позволил себя шутку с начальником отдела кадров ПГУ Леонидом Ивановичем Пастуховым. Этот великолепнейший руководитель, вызывавший почти у всех сотрудников разведки огромное уважение и симпатии, был известен своим чутким и гуманным отношением к людям. Всегда внимательно выслушает, умело расположит к откровенности собеседника. Чувствовалось, что Леонид Иванович с удовольствием слушает мой рассказ об удивительной стране. И вот я, описывая свои впечатления о исландцах, говорю ему, глядя в глаза: «Меня особенно поразила бархатная женская кожа». Взгляд Леонида Ивановича мгновенно изменился, глаза стали холодными, и он изучающе стал смотреть на меня. Его, наверное, в этот момент пронзила мысль, что подобные ощущения можно получить, только нарушив «Нормы поведения советских граждан за рубежом»¹. Санников «заговорился», расслабился и «протрепался», наверняка подумал Пастухов. Поймав себя на этой мысли, я сразу же объяснил Леониду Ивановичу, что может значить мое выражение «бархатная женская кожа» и как это следует понимать. Просто я описывал мои ощущения в бассейне, где я «нежился» в термальных водах, снимая с себя накопившуюся за ночную работу усталость. Когда купающимся становилось прохладно (а температура воздуха в это время в Рейкьявике составляла не более 12 градусов), народ устремлялся во встроенные по окружности бассейна емкости в форме больших полубочек, куда постоянно поступала горячая термальная вода. Вдоль стен под водой были сооружены сплошные каменные скамеечки. Набившись в прямом смысле как сельди в

¹ Так называлась инструкция, применявшаяся в собеседовании при выезде советских граждан за рубеж.

бочке все вместе — мужчины, в основном пожилые, женщины, преимущественно молодые, и много детей, — все сидят, плотно прижавшись друг к другу. Вот тут мне и удалось ощутить ту самую «бархатную кожу» исландок. Как мне позже пояснили врачи, это следствие постоянных контактов кожи с сероводородной водой. Купающиеся не могли догадаться, что я русский, ибо с ними в беседы я не вступал. Исландский язык — это, по сути, древненорвежский, который в Норвегии давно забыт. Я знал только одно слово по-исландски: «Яу». Что означало: «Да». На все короткие реплики и обращения ко мне я применял это слово в разных тональностях и, как мне казалось, весьма удачно.

Уставшие от ночной работы, просыпались поздно днем. Завтракали, отправляли зашифрованную ночью почту. Почти ежедневно посещал бассейн с термальной теплой водой, благо билет дешевый (вода-то горячая бесплатно!). Дважды выезжали за город, в том числе в знаменитую Долину гейзеров, где расположены два громаднейших, обогреваемых термальными водами парника с овощами и фруктами. Там же бьет на высоту до 30 метров единственный в мире такой мощный гейзер. Храню как дорогие реликвии кусок солевой породы красноватого цвета от этого гейзера и несколько кусков пористой «исландской земли» — внешне похожей на запекшийся каменный уголь.

Чудесная Исландия навсегда осталась в моей памяти. Удивительный мир, ни на что не похожий! Обычный ландшафт острова черного цвета, изредка низкорослые, не более двух метров, березовые рощицы (наши «посольские» и там нашли подберезовики), множество журчащих ручьев, берущих начало у подножий многочисленных сползающих в океан глетчеров. Почти полное отсутствие дорог для транспорта, поэтому в те годы из 40 тысяч легковых автомобилей — 8 тысяч «запорожцев» и «москвичей», проходимость которых позволяла ездить по ровному «гаревому» бездорожью. Кстати, об исландской воде. Центральное отопление обеспечивается термальными водами; что касается питьевой, то используется вода, стекающая от таяния глетчеров. Известно, что этому глетчеровскому льду миллион лет. Утверждают, вода растаявшего глетчера обладает удивительным целебным свойством — омолаживает и улучшает обмен веществ в организме. Интересно, в Исландии практически нет страдающих каменно-почечной болезнью. Наверное, вода помогает.

Как-то завез меня Хрячков на довольно высокую гору с чудесным обзором на Рейкьявик, прибрежные поселки и беспредельную даль Атлантики. При подъеме увидели небольшой грузовичок, а рядом с ним что-то ковыряющих в земле двух молодых парней. Подошли. Я на своем английском спросил:

— Что вы тут делаете? Почему такой странный грузовичок?

Отвечают:

— Геологи мы. Сейчас будем обедать.

— А где обед?

— А вон, у вас рядом, под ногами.

Посмотрел я вокруг себя, а от меня в метре из земли парок пробивается и в небольшом углублении вода кипит. Яйца варятся, и банка с консервами разогревается. Чудеса, да и только! Тут один из них говорит товарищу, тихо так, по-русски:

— Странные какие-то эти чудаки-исландцы. Чего им надо?

Мы обалдели:

— Ребята, мы же русские, из Москвы.

— Мы тоже из Москвы, русские, — смеются ребята-геологи.

Такие вот встречи на земле исландской.

Посол Аставин специально организовал ужин для Спасского, где и познакомил меня с гроссмейстером. Таким образом, мой «ввод» в окружение Спасского прошел успешно. Мы долго беседовали и, наверное, понравились друг другу. Борис произвел впечатление своей откровенностью, широтой суждений. Нашлись у нас и общие знакомые по Москве и МИДу. В беседе активно участвовал и наш посол Сергей Тимофеевич, уделявший самое пристальное внимание Спасскому и готовый оказать ему любую поддержку. Встречи посла со Спасским с моим участием проходили почти ежедневно. Встречались мы с Борисом и без посла.

Спасский вместе с командой проживал в предоставленной исландским правительством вилле на берегу океана, отказавшись от предложенного послом своего коттеджа, который был защищен от прослушивания. На исландской вилле Спасский перед встречей с Фишером обсуждал все варианты игры и защиты со своими тренерами и после первых же встреч с Фишером ему показалось, что противнику известны все обсуждавшиеся ранее варианты и ходы. Борис был в недоумении. Мы рассказали ему, что военная база в Кефлявике располагает самой совершенной электронной техникой и организовать прослушивание помещений исландской виллы, даже не ставя в известность исландцев, не представляет

никаких трудностей. Спасский же уверял меня в обратном, говорил, что он верит в порядочность Фишера и не допускает подобного. Лишь после наших с послом совместных бесед удалось уговорить Спасского перенести тренировки в защищенное от прослушивания помещение. Ситуация сразу же резко изменилась. Фишер занервничал. Напор его ослаб. Стало очевидно, что противник «слушал» нашего гроссмейстера и информировал своего кумира.

Обследовали мы и кресло, доставленное в Рейкьявик из США по просьбе Спасского, но не нашли в нем ничего подозрительного. Правда, в массивном изголовье под слоем кожи специалисты обнаружили в клее мельчайшие частицы металла, но это вряд ли могло служить экраном для облучения. Договорились с Борисом, что он больше не примет от Фишера «угощений» в виде прохладительных напитков. Получили согласие Спасского и на проведение «психических атак» на Фишера. Так, по нашей просьбе он взял с собой на очередной матч термос с чаем и поставил его на приставной столик. Перед следующей встречей гроссмейстеры играли в теннис. Во время игры Спасский подвернул ногу. Заметив хромоту Бориса, посол предложил ему свою прогулочную массивную трость. Мы уговорили Бориса поставить эту трость рядом со своим рабочим местом. Надо было видеть Фишера! Он глаз не сводил с термоса и трости, чуть не проиграл «термосную», а позже у него возникли трудности и в «тросточной» партии.

Специалисты-медики и психологи утверждают, что мужчине после стрессовой ситуации обязательно нужна разрядка — женщина. Поклонники и спонсоры Фишера и тут «обошли» нас. Зная женские вкусы холостяка Фишера, они подобрали и наняли дорогую проститутку, доставили ее из США (в Исландии нет ни порнографии, ни проституции) на американскую военную базу и держали «красавицу» под специальным присмотром, чтобы при необходимости тут же привести ее к Фишеру. Не пригодилась. Мы с Хрячковым телеграммой в Центр высказали свои соображения, и через несколько дней обаятельная, милая и симпатичная, только недавно родившая Борису ребенка пышнокудрая красавица жена самолета была доставлена в Рейкьявик. Однако было уже поздно. Борису хотя и удалось на каком-то этапе выровнять позиции, Фишер продолжал напористо наступать, и Спасский проиграл.

В своем отчете я указал, что встречу Спасского с Фишером мы проиграли не в Рейкьявике, а в Москве, и детально изложил мучавшие меня мысли. Состав команды со Спасским не согласовы-

вался, в ней не было психологов и психоаналитиков. Из нескольких тренеров, входивших в команду, один был ему органически неприятен и вызывал раздражение, серьезно влияющее на психическое состояние нашего игрока. Не было и семейной поддержки, так важной для спортсменов. Позже товарищи рассказывали мне, что якобы именно после этой печальной для советского спорта встречи Спорткомитет стал широко практиковать использование психологов и чаще направлять вместе со спортсменами их жен. Если это так, то я рад, что мой труд был не напрасен.

Возмущало Бориса и требование Спорткомитета обязательно «выхрать» (он так иронически подчеркнуто выговаривал слово «выиграть») у американца во что бы то ни стало. Позиции же американцев в корне отличались от наших. Перед вылетом Фишера в Рейкьявик ему позвонил президент США Никсон и сказал: «Мистер Фишер, независимо от того, победите вы или нет, я приму вас после завершения этой исторической для США встречи». Небезынтересно и заявление Фишера, сделанное журналистам после завершения матча: «Я счастлив, что выиграл у советского чемпиона мира Спасского. В этом матче я победил не Спасского, а советскую шахматную школу, являющуюся частью советской идеологии». Вот уж, действительно, ответ, достойный противника.

А что же Спасский? Борис, казалось, не очень-то и переживал поражение. Он говорил автору этих строк: «Выиграл сильнейший. Я играл не за Светский Союз, я играл за себя. У меня мечта создать на Западе свою собственную шахматную школу, для этого нужны деньги».

Дело в том, что по существующим правилам проигравший чемпионат мира также получал хотя и меньшую, но достаточно солидную сумму в долларах.

Учитывая престижность звания чемпиона мира для Советского Союза, Спорткомитет (мы в Рейкьявике тоже просили чемпиона об этом) предлагал Спасскому на каком-то этапе использовать «мелкое хулиганство» Фишера, о чем говорилось выше, и отказаться от дальнейших встреч, сохранив, таким образом, за собой звание чемпиона. Борис отказался, так как в этом случае он не получил бы деньги вообще.

Спасский спокойно, так мне, во всяком случае, казалось, отнесся к поражению. Всех нас, имевших отношение к этому действительно историческому событию в шахматном мире обескура-

жило, что Спасский через несколько дней после прибытия в Рейкьявик приобрел дорогой американский джип-вездеход, загрузил его дефицитными товарами и отправил морем в Ленинград. Он просил владельца автосалона не делать пока из его покупки рекламы, что и было выполнено. Мы, конечно, сразу об этом узнали.

Будучи глубоко русским человеком и абсолютно не антисемитом, Борис пожаловался мне, что многие считают его евреем и он вынужден доказывать обратное, ссылаясь на родословную и своего деда — православного священника.

Я благодарен случаю, который свел меня с Борисом Спасским, этим великолепным, откровенным, доступным для контакта человеком, эрудированным, милым и приятным собеседником, тактичным в обращении с окружающими, что так присуще настоящему русскому интеллигенту. Пусть он простит меня, если, прочитав этот материал, вспомнит и плохо подумает обо мне как о чекисте, попытавшемся проникнуть ему в душу. Я действовал не только как сотрудник КГБ, выполнявший поставленную руководством задачу, — я был искренен, потому что от всей души желал ему победы как гражданину великой страны, чемпиону мира, просто человеку и делал все от меня зависящее, не имея даже в мыслях, ей-богу, получить обещанный мне за победу орден.

Многочисленные публикации в западной прессе и уверения о том, что во время матча в Рейкьявике находилось много сотрудников КГБ и все кишело агентурой Москвы, не только фантастично преувеличено, но и абсолютно абсурдно. Там присутствовал один-единственный сотрудник нашей спецслужбы — автор этих строк, не считая своего коллеги Бориса Хрячкова.

Проигравший Фишеру в 1972 году в Рейкьявике Борис Спасский планировал взять реванш. Не чувствовал Спасский, что он слабее Фишера. И правильно делал. В шахматах тоже многое определяет время, место и случай. И такой случай представился. Спустя 20 лет после их встречи в Исландии последняя встреча «гения» Фишера и претендующего на такое же признание Спасского состоялась в 1992 году в Югославии. И вновь Борис проиграл Бобби...

Многие называли Фишера «легендарным и загадочным» шахматистом за всю историю шахмат. Звание чемпиона мира достойно его талантов. Но не менее достойны и 10-й чемпион мира Спасский, а за ним и Карпов. Оба по силе и способностям вряд ли уступают «гению». Но, как говорилось выше, — время и случай. Здесь

не может быть мелочей. Многое зависит от складывающихся обстоятельств, как в любом сражении. В то же время многие, хорошо знавшие Фишера и игравшие с ним, утверждают, что он обладал дьявольской способностью создавать вокруг себя обстановку напряжения и нервозности. Может быть. Все может быть...

Надо иметь высочайшее мужество, решимость и настойчивость в достижении заветной цели, обладать нужными бойцовскими качествами, чтобы, как в Рейкьявике, так и в Белграде, дать согласие на игру, а затем и на возможный реванш-выигрыш. Это делает честь нашему Борису Спасскому. Ведь никто из наших шахматных звезд так никогда и не встретился с Бобби Фишером. Кроме Бориса. Боялись, наверное, «шахматного бога».

17 января 2008 года в столице Исландии Рейкьявике в возрасте 64 лет от почечной недостаточности, отказавшись от лечения способами традиционной медицины, скоропостижно скончался «гигант» шахматного мира, неподражаемый и неповторимый американец, гражданин Исландии Роберт (Бобби) Фишер.

Смерть Фишера вызвала во всей мировой прессе не только сожаление о великой утрате для шахматного мира, но и многочисленные воспоминания. И добрые, и злые. Можно только недоумевать, как из патриота американского образа жизни в далекие годы XX столетия он превратился во врага Америки, низвергая на свою родину потоки брани и ненависти, торжествуя и радуясь атаке террористов на башни-близнецы 11 сентября 2001 года. Конечно, здесь определенную роль сыграло и отношение США к нему, когда официальная Америка запретила ему проводить матч-реванш в Белграде в 1992 году с претендентом Спасским, ибо в те годы Югославия подвергалась блокаде со стороны США. Впрочем, не с меньшей яростью он обрушивался на Советский Союз, Россию. Но как мог он, еврей по матери, стать махровым антисемитом, проклинать всех евреев и требовать закрыть все синагоги? Хотя что это я? Гениям ведь все можно. Примечательны слова президента ФИДЕ Кирсана Илюмжинова на смерть Фишера: «Он был шахматным Мессией. Он же называл себя “полубогом”. И в этом не было преувеличения. Даже умер как-то мистически: 64 года. Вся жизнь — по числу шахматных клеток... Вот, последнюю заполнил — и ушел...»

Находясь в Рейкьявике во время того знаменитого матча, шифруя свою секретную миссию, я несколько раз вместе с Борисом Хрячковым встречался с торговым представителем ГДР. Вскоре

между натовской Исландией и ГДР были установлены дипломатические отношения, а в западногерманском журнале «Шпигель» появилась заметка о моем визите, где мне, как германисту, приписывалась определенная роль в этом событии.

В память об Исландии у меня осталась овечья шкура красного цвета с надписью, сделанной Хрячковым на обратной стороне: «Из страны огня и льда. Исландия, г. Рейкьявик. Сентябрь, 1972 год». И небольшая картина под названием «Рождение Исландии». Художник-разведчик использовал крышку коробки из-под сигар, на которой изобразил извержение вулкана с приклеенными к ярко-оранжевой лаве кусочками «земли Исландии» — пористой, застывшей миллионы лет назад лавы.

Запомнилась мне и сценка в гостинице в день отъезда. Хотелось сделать приятное всегда улыбающимся доброжелательным горничным. На столе в номере я разложил в форме сердца наши конфеты «Мишка косолапый», разместив в середине конфетной фигуры коробочку моей любимой «Сливочной помадки». С чемоданом в руках спустился в низ, рассчитался у стойки регистрации и распрощался с хозяйкой и с улыбочивыми горничными. Не успела машина отъехать от гостиницы, как в раскрывшемся окне моей уже бывшей комнаты появились две веснушчатые юные рожицы с тонкими рыжими косичками. Размахивая руками, они певуче и громко кричали: «Вуе! Вуе!..» Прощай, Исландия!

МАРКУС ВОЛЬФ — ОТВЕРГНУТЫЙ ИЗБРАННИК

По роду своей деятельности в посольстве и положению рядового дипломата я не имел права не только встречаться с Маркусом Вольфом на любой основе, но и вообще интересоваться им, в том числе и у наших общих друзей, знавших его еще по «московскому периоду» и в какой-то степени осведомленных о характере его работы в качестве руководителя Внешнеполитической разведки Министерства государственной безопасности Германской Демократической Республики. Это правило соблюдалось мною неукоснительно.

И все же те немногочисленные короткие встречи во время официальных мероприятий по линии посольства, тесное общение с общими друзьями на протяжении многих лет позволили ближе узнать эту выдающуюся личность в истории разведок XX века. Впос-

ледствии я внимательно следил за его литературной и общественной деятельностью. Прочитал все шесть его книг, включая последнюю, изданную уже после смерти Маркуса Вольфа — «Последние беседы». Читал их не только в русском переводе, но и в оригинале, невольно сравнивая некоторые пассажи, вызывающие у меня сомнения. Отслеживал многочисленные интервью и выступления генерала, статьи о нем в средствах массовой информации...

Впервые я увидел Мишу Вольфа на одном из приемов в совпосольстве в начале 1960-х годов. Нас познакомил наш общий друг, впоследствии врач-уролог с мировым именем, Мориц Мебель. Соня и Мориц Мебель, как и Миша и его младший брат Кони, все вместе учились в Москве в школе имени Карла Либкнехта. Война разлучила их.

Даже при первом знакомстве и разговоре Миша произвел на меня удивительно приятное впечатление своим обаянием, располагающей улыбкой, открытостью, простотой и радушием. В последний раз мы виделись и общались в феврале 2003 года в Берлине на юбилее Морица.

Сын немецкого врача-коммуниста Фридриха Вольфа, более известного как писатель и драматург, он с молоком матери — убежденной коммунистки — впитал в себя коммунистические идеалы. Вместе с младшим братом Кони они восторженно слушали рассказы родителей об их первой поездке в Советский Союз, который казался им сказочным царством, где правили Добро и Справедливость, торжествовали провозглашенные Французской революцией Свобода, Равенство и Братство. Они с гордостью носили красные пионерские галстуки и хотели быть такими же борцами за счастье трудящихся, как их родители.

Вся его жизнь с детских лет была сплошной конспирацией и сопряжена с опасностями. Мальчишкой он вместе с братом распространял коммунистические листовки и собирал деньги для бастующих рабочих, скрывая это поручение взрослых от непосвященных. Хранить эту тайну было особенно тяжело — он считал себя «настоящим политическим бойцом и очень взрослым», и ему так хотелось похвастаться перед друзьями-ровесниками.

Перешедшего из-за угрозы ареста на нелегальное положение отца разыскивало гестапо. Нацисты врываются в их дом в поисках любых следов принадлежности к компартии, добываясь от маленького Маркуса показаний на родителей и угрожая расправой и зак-

лучением в концлагерь, требовали указать место нахождения отца. Вот тогда-то он впервые услышал, что он не только опасный государственный преступник, как и его родители, но к тому же еще и еврей, которому не место в арийском обществе.

Спасая семью Вольфа от неминуемого ареста и расправы в концлагере, друзья-коммунисты через Швейцарию переправили их во Францию. Наконец в 1934 году они всей семьей эмигрируют в Советский Союз... Вот она — старая Москва дребезжащих трамваев, конных пролеток и ломовых извозчиков, изредка мелькавших авто, шум и пыль новостроек. Их воображение поразило громадное количество старинных деревянных домов и красивейших богатых особняков из прошлого, грохот расширяющейся улицы Горького с перемещением крупных зданий. Они восторгались строящимся метро, красота станций которого до сих пор удивляет и восхищает всех, кто знакомится с этим чудом подземной строительной техники.

Как писатель-антифашист, Фридрих Вольф получил маленькую, но отдельную двухкомнатную квартиру со всеми, как тогда говорили, удобствами в центре Москвы, рядом с Арбатом, в Нижнем Кисловском переулке. На этом доме в 1988 году, в 100-летие старика Вольфа, была установлена мемориальная доска-барельеф с изображением отца Маркуса — Фридриха Вольфа и брата Конрада — известного кинорежиссера и президента Академии искусств ГДР...

Новые и часть старых друзей Вольфов в Москве были известные писатели, поэты, режиссеры, артисты. Среди близких друзей был сосед по дому советский драматург Всеволод Вишневский, искренне друживший с Фридрихом и много сделавший для этой семьи. С его помощью Фридрих Вольф получил советское гражданство в 1939 году, что позволило ему в 1941 году выехать из Франции в Москву, когда он был интернирован французскими властями после разгрома республиканской Испании фашистским режимом Франко. Не получи вовремя Вольф советский паспорт, участь его была бы однозначной — смерть в застенках гестапо.

В Москве Вольфы сохраняли прежний европейский быт, тщательно поддерживаемый мамой Эльзой, и раз и навсегда, как и раньше у них в Германии, в доме был установлен четкий немецкий порядок и дисциплина: *Ordnung muss sein*. И все же что-то пока едва уловимое произошло с Маркусом и Кони. Ну, во-первых, что это за имена такие: Маркус и Кони? Отныне и навсегда Маркус своими новыми московскими друзьями — уличными мальчишка-

ми переименовывается в Мишу, а Конрад-Кони — в Николая-Колю. И это еще не все! Что это за штаны такие они носят? Какие-то немецкие брюки-гольфы! Пусть их носят фашисты в Германии! Долой! Иначе ты не наш!

Как всегда, мама Эльза правильно поняла обстановку и правила братьям длинные брюки. Очень скоро этих вихрастых немецких ребятишек нельзя было отличить от обычной горластой арбатской шпаны. Теперь все дворы и чердаки были в их власти. Русский язык, нравы и обычаи этого замечательного народа быстро, а затем и навсегда вошли в сердца и мысли братьев Вольф. Русские покорили их простодушием, открытостью, только этому народу присущим характером и необъятной душевностью, любвеобильностью к друзьям и беспощадностью к поработителям, угнетателям, врагам. В то же время только русские так умели прощать и помогать вчерашнему противнику. Маркус-Миша был весь во власти души этого народа. Отношение русских друзей, да и всего московского окружения к семье Вольфов — немецких эмигрантов-коммунистов — завораживало маленького Мишу. В школе, среди арбатских дворовых мальчишек он чувствовал себя не только равным с ними, но знал, что они всегда готовы прийти ему на помощь. Примечательно, что, когда Вальтер Ульбрихт включил Маркуса в состав первой группы немецких коммунистов, вылетавших в 1945 году в поверженную Германию, тот неудачно попытался отказаться, мотивируя желанием продолжить учебу в МАИ. Желание не ехать в Берлин было искренним, он считал своей родиной Советский Союз. Москва была ему ближе и роднее Берлина, бывшего оплота фашизма... После 11 лет жизни в Советском Союзе он чувствовал себя русским. Не немцем и тем более не евреем, хотя никогда не скрывал и не стыдился своих еврейских корней. И конечно же неслучайно спустя годы многие знавшие его в ГДР называли Мишу «полурусским», да он и сам себя считал более москвичом, чем берлинцем. Братья не только говорили на ставшем для них родным русском, но и мыслили на нем. Правда, мудрая и практичная мама Эльза все же заставляла сыновей в доме общаться с ней и отцом на немецком. Братья полюбили русскую кухню во всем ее разнообразии и национальных изысках, тем более что оба с детства мечтали выйти из-под опеки родителей-вегетарианцев, особенно отца. Неслучайно в будущем Миша посвятил русской кухне целую книгу, кстати, связанную с разведкой, и сам весьма обоснованно считал себя специалистом на уровне одного из лучших по пельменям и борщам. Действительно, его знания и умение по приготовлению

многих блюд русской кухни можно считать профессиональными на уровне шеф-повара приличного московского ресторана.

Мировоззрение братьев Вольф, их идеологическая закваска формировались прежде всего в семье родителей-коммунистов. Дух немецкого шовинизма и национализма, как и «благочестивая атмосфера родительского дома», были чужды Фридриху Вольфу — отцу Маркуса. Вместо того чтобы стать раввином, о чем мечтали родители, Фридрих получил медицинское образование и стал практикующим врачом. Уже в студенческие годы увлекался Кантом, Платоном, Ницше, Кропоткиным, творчеством Льва Толстого, что привело его к идеалам пацифизма и утопизма. Он участвовал в Первой мировой войне и познал в полной мере ее ужасы, а социальная несправедливость в тогдашнем немецком обществе и чудовищная безработица, особенно после поражения Германии, знакомство с работами Маркса и Энгельса очень скоро привели Фридриха в лагерь интернационалистов и в компартию Германии, членом которой он и его жена стали в год рождения их первенца — Маркуса, в 1923 году.

Как врач, Фридрих Вольф был знаком с многочисленными пациентами, особенно из рабочей среды, часть которых он лечил бесплатно. Общаясь с благодарными ему людьми за внимание к ним, он конечно же пытался воздействовать на них своей убежденностью коммуниста. На свои деньги, заработанные, в общем-то, тяжким трудом практикующего врача, и на писательские гонорары он создал рабочий театр, актерами в котором были местные рабочие. Репертуар, разумеется, был соответствующим. Многим рабочим Фридрих открыл глаза на реальные политические события и внутреннюю обстановку в тогдашней Германии.

Укрываясь во Франции от гестаповских ищеек, Фридрих Вольф в 1933 году написал свою самую знаменитую пьесу «Профессор Мамлок», обошедшую вскоре все театры мира. Это было первое официальное литературное свидетельство о преследовании евреев в Германии. Фридрих Вольф навсегда запомнил слова одной из призывных нацистских песенок, которую горланили в те времена марширующие по улицам немецких городов униформированные штурмовики:

Когда граната рвется,
От счастья сердце бьется!
Вонзив еврею в горло нож,
Мы снова скажем: «Мир хорош»!

В 1934 году семья Вольфов была лишена германского гражданства, а все имущество было конфисковано. Вскоре в списках гестапо Вольфы фигурировали как особо опасные государственные преступники.

Нацисты убеждали немецкий народ, что во всем виноваты коммунисты. В Советском Союзе к власти пришли жидобольшевики. Сталин через Коминтерн стягивает и консолидирует силы во имя мировой победы коммунизма.

Чудовищные репрессии гитлеровского режима, уничтожение инакомыслящих в концлагерях, хорошо организованная нацистами пропаганда делали свое дело. Многие в Германии поверили, что будущее немецкой нации зависит от уничтожения коммунизма; поверили в бесовскую теорию расово-биологического превосходства арийцев над другими народами.

В Москве Фридрих Вольф продолжил бой с фашизмом, публикуя статьи, памфлеты, рассказы, в которых разоблачал расовую теорию, раскрывал преступную идеологию пришедшей к власти шайки мракобесов-нацистов.

Фридрих Вольф никогда не стеснялся высказывать свои мысли в кругу друзей, если что-то не соответствовало его политическим представлениям, было ему непонятно или он был с чем-то не согласен. Старик Вольф до конца своих дней так и не воспринял указание Коминтерна (по команде Сталина) компартии Германии не объединяться с социал-демократами с целью создания единого фронта всех левых сил, чтобы воспрепятствовать приходу Гитлера к власти в 1933 году. Навсегда в памяти его остались слова Сталина, что «социал-демократы всегда были и остаются агентурой буржуазии в рабочем движении». Вольф считал эту позицию Сталина ошибочной. Не понял он и Договора о ненападении между Сталиным и Гитлером в 1939 году. Именно после этого пакта Молотова — Риббентропа многие немецкие коммунисты, нашедшие убежище в Советском Союзе и по разным причинам не принявшие советского гражданства, были переданы на границе с Германией немецким властям — гестапо. Многие ставшие гражданами СССР были арестованы, расстреляны, высланы на спецпоселения.

По свидетельству друзей, Фридрих рвался в бой в республиканскую Испанию не только как патриот и коммунист-интернационалист. Он торопился, потому что чувствовал, что волна ста-

линских репрессий в конце 30-х коснется и его, как случилось со многими друзьями Вольфов.

Большое значение в формировании идеологического настроения братьев имело и ближайшее окружение родителей. Вольфы были знакомы и со многими поддерживали дружеские отношения из числа московской интеллектуальной творческой элиты. Особенно Мише запомнились летние времена на их даче в Переделкино. Дом всегда был полон знаменитых гостей, и он становился невольным свидетелем, а порой и участником интереснейших политических споров, дискуссий на исторические, литературные, театральные темы. И Миша, и Кони буквально впитывали в себя эту душевную атмосферу, царившую в доме, создаваемую не только родителями, но и многочисленными друзьями, с которыми они не первый год были знакомы.

Влюбчивость и тягу к женской красоте Маркус, наверное, унаследовал от отца. По словам одной из подруг матери, тот пользовался успехом у женщин и сам был не прочь поухаживать и проявить мужской интерес. У него были дети от пяти разных женщин. Мать Маркуса Эльза, которую в семье ласково называли Мени, знала об увлечениях мужа и, по образному выражению той же знакомой семьи Вольфов, «вела себя очень, очень по-немецки». Она в любой ситуации держалась достойно и обладала практичным умом немецкой женщины. Мени на удивление была терпимой и мудрой, поэтому ей до самой смерти старика Вольфа в 1953 году удалось сохранить и любовь, и семью, и нежные отношения. Она была удивительной женщиной. С юных лет ей были присущи не только так свойственная немецкой девушке кротость, но и упрямство и настойчивость в достижении цели, позволившие ей, немке, родившейся и сформировавшейся в филистерской среде типичных немецких бюргеров, особенно в начале XX века, выйти замуж за еврея! Она решительно порвала с ненавистными ей обывательскими традициями маленького городка, с окружавшим и давившим на нее мещанством и уехала с мужем в манящую неизвестность за романтикой и любовью.

В любых ситуациях, порой критических, она не только всегда оставалась верной и постоянной в отношениях с мужем, но и на всю жизнь сохранила преданность тем идеалам, борьбе за которые она отдала всю себя. Позже Маркус утверждал, что мама Эльза-Мени, пожалуй, оказывала на него большее влияние, чем отец.

В 1930-е годы отец в Москве увлекся женщиной, которая родила от него девочку, ставшую в последствии для Маркуса и Кони понастоящему родной сестрой. Леночка была совсем крошечной, когда ее мать арестовали как врага народа, и Мени не задумываясь взяла ребенка в семью. И это притом, что Фридриха вообще не было в Москве: он длительное время находился во Франции. Вольфы хлопотали за мать этой девочки, ставшей для их семьи родной. Сестра Миши Леночка и поныне живет в Москве. Между Мишей и Леной всегда поддерживались теплые, близкие родственные отношения. Именно у Лены в самую лихую годину своей жизни на ее завершающемся витке он нашел приют и покой, укрываясь от «всевидящих глаз и всеслышащих ушей» западных спецслужб. Здесь, в квартире сестры в знаменитом и известном всей Москве Доме на набережной он приходил в себя после крушения ГДР, уничтожения Социалистической единой партии Германии, партии коммунистов. В тяжелых раздумьях анализировал прожитую жизнь, думал о будущем и писал воспоминания. На даче Лены, на прогулках в заснеженном подмосковном лесу в зиму 1990/91 года он делился с ней своими мыслями и принял окончательное решение возвращаться в Германию. Он был уверен и в правильности этого решения, и в конечном результате предстоящей борьбы с бывшими противниками, скоротечно поглотившими и разрушившими первую в истории Германии Демократическую Республику. При полном бездействии президентов, вначале Советского Союза, а затем наследницы бывшей великой державы — России. Как потом говорили немецкие друзья Миши Вольфа, и я был с ними согласен: «Предали вы нас, продали! Но уж если этому и суждено было случиться, то зачем же так дешево! Всего за 19 млрд марок. Да и те, наверное, были разворованы. И ваши офицеры Группы советских войск в Германии так и не получили у себя дома жилья. Бросив все, на много миллиардов различного имущества и годами разработанную инфраструктуру, войска выводились в чистое поле. Скоротечный, но хорошо организованный уход войск скорее напоминал заранее спланированное бегство. Зато свое обещание Западу о быстром выводе советских войск ваше правительство выполнило».

К сожалению, на выборах в Народную палату ГДР в марте 1990 года СЕПГ получила только 14 процентов голосов. Население ГДР больше не верило коммунистам. Советско-германская

дружба в ГДР оказалась не такой прочной. Вновь избранные депутаты никогда не были искренними друзьями Советского Союза. Они дружно проголосовали против политики СЕПГ, и большинство из них повернулось в сторону Запада. Они, наверное, надеялись, что ФРГ тут же одарит их своей братской любовью и бананами, которые в социалистической Республике были в дефиците.

Большое влияние на формирование Маркуса-Миши как личности оказала советская школа имени Карла Либкнехта, где преподавание велось на немецком языке. В этой школе в основном учились дети коммунистов-эмигрантов из Германии и Австрии. Время учебы в школе Миша считал самым счастливым и прекрасным. Сильный педагогический состав. Отлично функционировавшие пионерская и комсомольская организации. Здесь он вступал в комсомол. Неожиданное тихое и незаметное исчезновение некоторых учителей, секретаря партийной, а затем комсомольской организаций навсегда запало в душу, как будто туда плеснули чем-то нехорошим и дурно пахнувшим. Никто ничего не знал, но потом шепотом говорили, что они — враги народа. Ученикам тех классов, в которых работали эти «тихо исчезнувшие», они запомнились как настоящие коммунисты, так, во всяком случае, им казалось. Их любили и уважали за индивидуальное внимание к каждому ученику, знание своих предметов, увлекательную методику преподавания и, как понимали ученики, идеологически правильное объяснение многочисленных политических событий, потрясавших мир и тогдашнее советское общество.

Школу оканчивает с отличием. Как тысячи комсомольцев, бредит небом и учебу в МАИ сочетает с занятиями в аэроклубе. Он — парашютист... Война. Почти все семьи немецких политэмигрантов вывозят из Москвы на спецпоселение в отдаленные районы Казахстана. Маркуса от этой участи спасает имя отца, выполняющего задание Коминтерна. Он продолжает учебу в МАИ в Алма-Ате. Юноша тяжело переживает отказ отправить его на фронт. Его сверстники-студенты — там, а он — в глубоком тылу.

Неожиданный вызов в распоряжение Коминтерна вселяет в него радостную надежду. С весны 1942 года Миша под конспиративным псевдонимом Курт Ферстер — курсант разведывательно-диверсионной спецшколы Коминтерна. Романтики и интернационалисты, преданные до конца идее победы коммунизма во всем

мире, они в то же время не были зашоренными, необразованными фанатиками. Измотанные физически изнурительной спецподготовкой, они в редкие часы свободного времени с увлечением изучают философские течения и работы предшественников марксизма, спорят о судьбах человечества, религиозных учениях и Боге. Эти молодые люди уже изначально были заряжены энергетикой романтического энтузиазма от своих родителей-коммунистов, советской школы. Они спешат как можно скорее не щадя жизни вступить в бой с фашизмом. Они мечтают о будущем справедливом обществе, чтобы жить в нем по собственным убеждениям, но не по принуждению...

Их готовят для заброски в Германию. От верной гибели Мишу спасает решение Москвы распустить Коминтерн и его спецшколу. Это произошло в мае 1943 года. Сталин уступил давлению союзников. Теперь они будут десантироваться только на оккупированной вермахтом территории, где действуют Красная армия и партизаны. Позже Миша узнает, что все ранее закончившие школу и сброшенные на парашютах в Германию и Польшу погибли в гестапо, так как их радиокоды изначально были расшифрованы абвером. Поэтому еще до роспуска Коминтерна заграничное руководство КПГ решило больше не посылать молодых людей, заранее обреченных на провал.

И снова неожиданность — его откомандировывают в Москву и зачислят в специальную небольшую группу тех, кого планировалось использовать в Германии после войны, а пока Миша работает диктором и комментатором на радиостанции КПГ «Дойчер Фольксзендер». В спецшколе Коминтерна Миша влюбился в дочь известного немецкого коммуниста, убитого нацистами в Дахау, — Штенцера. В Москве они поженились. Эмми вскоре направляют на фронт, где на передовой она вела через громкоговорители передачи по разложению солдат вермахта. Была ранена и после выздоровления вернулась в Москву к мужу. В Берлине, куда Миша прибыл вместе с группой руководителей КПГ, он работает на вновь созданном берлинском антифашистском радио. Пишет внешнеполитические обзоры, руководит несколькими редакциями. Выступает как комментатор под псевдонимом Михаэль Шторм. Разрушенная Германия, разбитый Берлин казались Мише Вольфу чужой страной. Московские друзья и русские красноармейцы были ему ближе берлинцев. И все же он чувствовал, что именно Герма-

ния оставалась для него настоящей Родиной. И он должен жить и работать здесь, осуществляя то, к чему его готовили школа, Коминтерн, опытные немецкие коммунисты в Москве. Вольф самостоятельно готовил программы и выходил в эфир. Осуществлявшие контроль советские офицеры разрешали практически все, кроме откровенных передач об отношении народа к советским оккупационным властям, о грабежах и изнасилованиях, особенно в период боевых действий Красной армии, а также об акциях возмездия по отношению к населению. По мнению Вольфа, надо было бы некоторые случаи комментировать и объяснять, чтобы пресекать чудовищно раздутые и постоянно циркулировавшие слухи. Мише были непонятны требования советских товарищей полностью транслировать многочасовые выступления министра иностранных дел Вышинского, других советских руководителей. Немецкие слушатели тут же переключались на волну РИАС (радиостанция в американском секторе), передачи которой были значительно короче и информативнее с учетом немецкой ментальности. Миша был уверен, что лучше было бы комментировать с нужными вставками подобные выступления советских лидеров. Но кураторы имели жесткое указание Москвы, а СЕПГ поддерживала эту линию и вообще запрещала информацию о любых конфликтных ситуациях.

Участие Миши в качестве корреспондента на Нюрнбергском процессе, просмотренные им сотни кинодокументов наложили особый отпечаток на его мировоззрение. Сильное впечатление оставили показания выживших жертв. Он знал и раньше о зверствах нацистских преступников, но и представить себе не мог, что сидящие на скамье подсудимых внешне, казалось бы, нормальные люди разрабатывали, принимали и проводили в жизнь расовые законы об уничтожении целых народов всюду, куда ступала нога немецкого солдата. Мозг отказывался воспринимать страшные сцены кинохроники, показывающей беснующуюся в психиатрике безликую, опьяненную от счастья видеть своего фюрера толпу его соплеменников, говорящих и думающих на одном с ним, Мишей, языке, таких же немцев, как и он. Ему было известно, что многие в советской зоне оккупации не восприняли приход Красной армии как освобождение от фашизма, сожалели о поражении Германии, об утрате ими того образа жизни, который дал им Гитлер. И это несмотря на войну, огромные потери вермахта на Вос-

точном фронте, где была перемолота основная живая сила армии и военной техники Германии. Через 16 лет после войны, до постройки стены в Берлине и укрепления границ ГДР, на Запад переместилось более восьми миллионов его земляков, вначале спасаясь от наступающей Красной армии, а затем покидая ГДР по разным на то причинам.

В 1949 году партия направляет его на работу во вновь созданное в Москве посольство ГДР. Через два года Вольфа отзывают в Берлин и через короткое время назначают руководителем Внешнеполитической разведки. Решение принимается лично Вальтером Ульбрихтом, который не только хорошо знал Вольфов, но и учитывал при этом учебу Маркуса в советской школе, навыки конспирации, полученные в ходе подготовки для выполнения спецзаданий по линии Коминтерна во время войны, опыт журналистской и дипломатической деятельности, второй родной русский язык, многочисленных друзей среди советских товарищей. Новый министр госбезопасности Эрих Мильке изначально был против создания этого обособленного от его влияния, правда в системе МГБ, нового ведомства — разведки. Он в дальнейшем всегда пытался «подмять» эту службу под себя, был категорически против нового руководителя Маркуса-Миши Вольфа. Советским кураторам, в частности одному из руководителей советской разведки Александру Михайловичу Короткову, пришлось приложить немало усилий, чтобы «урезонить» несогласного, своенравного и жесткого Мильке. К счастью, авторитет Короткова, долгие годы работавшего на германском направлении и хорошо известного немецким товарищам, был непререкаем, а Мильке буквально боготворил Александра Михайловича. Дальнейшее развитие событий подтвердило правильность действий советской стороны.

Миша Вольф обладал мощной энергетикой, обволакивал, притягивал к себе собеседника, вовлекая его в сферу своего какого-то необъяснимого, но явно приятного воздействия. Это был настоящий харизматический лидер. Он любил агентурную работу, сам вербовал и встречался лично с наиболее ценной агентурой, выезжая с этой целью за пределы ГДР в капиталистические страны. Использовал грим, накладные усы и бороду, парик. Долгие годы противник не догадывался, с кем именно имеет дело. Но, зная манеру его работы и «почерк», называл его Человеком без лица, Волком (Вольф переводится с немецкого как волк), Человеком в

тени. Идентифицировать личность руководителя гэдээровской разведки западные спецслужбы смогли только спустя десятилетия. Если бы не предательство...

Во всех разведках мира принято использовать некоторых носителей секретной информации противной стороны «втемную», не раскрывая себя, прикрываясь соответствующей легендой. Далеко не всем разведчикам удастся получать такую информацию. Тем более на высоком государственном уровне — у носителей секретной информации, занимающих крупные посты в западном мире. Вольф обладал такой способностью и широко пользовался этой методой, создавая для себя нужные условия. Иногда эти как бы доверительные, дружеские отношения понимающих друг друга людей могут плавно перейти в агентурные. Но главное не в этом. Главное — получить нужную информацию, а характер отношений не имеет особого значения, тем более если при этом соблюдается еще и конспирация, закрытость от окружающих. У Вольфа были такие контакты. Невольно вспоминаются слова одного из героев книги Юлиана Семёнова «Майор Вихорь»: «Разведка — это такая игра, в которой бывший враг может оказаться первым другом». И был прав. За интеллигентность, принятые в высшем свете манеры, эlegantность, обходительность и умение устанавливать и поддерживать контакты в дальнейшем, соблюдая при этом человеческие теплые отношения, и готовность всегда оказать помощь и содействие противники на Западе прозвали Вольфа Джентльменом. Он, как и прежде, всегда оставался открытым и доступным для многочисленных друзей и товарищей по Москве, своих однокашников по учебе и новых друзей в ГДР. Загруженный по работе в разведке сверх возможных пределов, он был готов прийти на помощь старым друзьям, был внимателен к ним и охотно выполнял их просьбы...

Историкам разведок еще долгие годы предстоит разгадывать и описывать феномен успехов Управления А (Внешнеполитическая разведка МГБ ГДР). Достаточно сказать, что источники информации разведки ГДР были во всех значимых объектах западных спецслужб и политических ведомств, где решались вопросы большой политики, а по сути, судьбы войны и мира, включая основную военную компоненту — НАТО. Конечно, немцам из ГДР было легче работать против таких же немцев в ФРГ, чем любой разведке стран социалистического содружества. И все же многое,

если не основное зависело от ее руководителя — генерала Вольфа, его личных и деловых качеств, умения организовать успешную работу такого сложного ведомства, как разведка. Вольф был мастером оперативных разработок и со знанием дела учил работать не по шаблону. И при этом он сам был не только профессионалом-разведчиком, но и политиком высокого уровня...

В конце 80-х, как писал сам Миша в своем опубликованном позже и переведенном на русский язык дневнике: «...мы уже давно страдали оттого, что наши лидеры в деспотической манере дистанцировались от политики Горбачева, с которой как раз и были связаны наши надежды. Мы больше не верили в то, что Хонеккер способен изменить свое мышление. Мориц весьма конкретно объяснял мне физиологические закономерности и последствия склероза кровеносных сосудов в старческом возрасте... Своей книгой я, как мне думалось, мог послужить делу истины. Того же самого хотел Мориц... Но уже тогда его мучил вопрос, не следует ли ему высказать высшему выборному органу партии, в который он входил (М. Мебель был членом ЦК СЕПГ. — *Авт.*), все то, что волновало многих членов партии точно так же, как нас самих. Что бы тогда произошло?»

Под воздействием отца Маркус давно сомневался в правильности сталинской теории о закономерности обострения классово-вой борьбы по мере продвижения общества к коммунизму. Внутренне не был он согласен и с решением Ульбрихта об ускоренном построении социализма. Его коробил жесткий курс Ульбрихта, его «бессердечность и бесчувственность» к своим вчерашним по общей борьбе товарищам-коммунистам, ставшим жертвами репрессий в Москве. Об этом Маркусу рассказывали еще живые родители. Он догадывался, а позже ему стало доподлинно известно, что Ульбрихт, зная о критических высказываниях некоторых руководящих товарищей, которые не во всем были согласны с его политическим курсом и не скрывали своих мыслей от партии, говорили об этом открыто, коварно использовал это в своих интересах. С помощью Мильке эти разговоры и критика были «оформлены» как разоблачение «антипартийной группировки», что позволило освободиться от этих «критиков», снять их с руководящей работы и взять под негласный контроль МГБ.

Вольф в последующем был за более гибкий, продуманный, расчетливый и взвешенный, выверенный тысячу раз курс. Но тогда

он еще колебался, полагая, что и отец, и он могут ошибаться в своих выводах, чего-то не понимая, не зная. Эти мысли его тогда мало смущали и не настораживали. Он продолжал верить в правильность партийной линии СЕПГ и ее руководителей. Об ошибках правительства, приведших к восстанию рабочих летом 1953 года и многочисленным жертвам (более сотни убитых), он особо не задумывался. Верил, что это была «фашистская авантюра» и «контрреволюционный путч», подготовленный и спровоцированный западными спецслужбами. Позже ему станет известно, что Запад специально не готовил и не инициировал выступления рабочих, а просто ловко использовал складывающуюся обстановку в ГДР в своих целях. Но такого мощного и спонтанного взрыва ни на Западе, ни в ГДР не ожидали. Конечно же на всю мощь заработала РИАС, призывая граждан ГДР к участию в демонстрациях и в уже начавшихся массовых беспорядках. В те критические дни для СЕПГ и правительства ГДР положение выправили введенные в Берлин и во все крупные города республики советские танки. По утверждению Вольфа, Ульбрихт остался у власти благодаря, как ни странно, разоблачению и аресту Берия. Москве было не до Ульбрихта. Мятеж в Венгрии в октябре 1956 года, когда в Будапеште убивали сотрудников госбезопасности и коммунистов, заставил Маркуса еще более критически проанализировать явные ошибки руководства ГДР. «Пражская весна» 1968 года снова потребовала спасения социализма с помощью ввода войск стран Варшавского Договора. Это в очередной раз убедило Маркуса в срочной необходимости внесения корректив в социалистическое строительство. Однако и на этот раз ничего не произошло. Соцстраны продолжали развиваться по старым канонам, преследуя инакомыслящих и недовольных. Вольф писал: «Пражский сценарий 1968 года, еще стоявший перед глазами, подталкивал Польшу, нашего непосредственного соседа, к еще большим катастрофическим событиям. ВЕМоскве и Восточном Берлине рычаги власти держали в руках старики, едва ли способные принять дальновидные и мудрые решения». «Жесткий» социализм уже давно не устраивал население ГДР. Если бы не возведение 13 августа 1961 года «антифашистского защитного вала» в Берлине (на Западе его называли «стеной позора»), социализм в ГДР рухнул бы через несколько лет. Маркус пришел к этому выводу позже. Он знал, что существовавший в ГДР режим поддерживало не более 30 процентов населения. Но это по-

чему-то не смущало заскорузлое в своем мышлении руководство во главе с Хонеккером. Они были оторваны от народа, жили своей изолированной от общества жизнью, пользовались малоизвестными населению благами. Никто не хотел признавать своих ошибок, тем более изменять формы и методы социалистического строительства. Они не хотели видеть надвигавшуюся опасность и не верили в ее серьезность. Им казалось, что они спасают завоевания социализма, все более изолируясь от происходивших в Советском Союзе событий и изменений. Хонеккер и большинство из его окружения изначально не верили в реформы Горбачева, в перестройку, предсказывали ее обреченность. Хонеккер уже давно считал себя чуть ли не лидером мирового коммунистического движения, свою Республику — стержнем всего социалистического лагеря. Догматик Хонеккер был не способен оценить складывающуюся ситуацию в ГДР и вокруг нее. Лидеры СЕПГ вели жесткую внутреннюю политику, считая такой курс правильным. Они всегда были уверены, что Советский Союз в случае любого взрыва в ГДР придет на помощь и поможет удержать власть, как это уже было летом 1953 года. И когда Москва практически не прореагировала на крах ГДР, руководство Республики впало в политическую кому, растерялось и оцепенело. Они так и не смогли самостоятельно правильно оценить обстановку и принять разумное решение. Только немногие политики ГДР оказались способными на решительные действия и предприняли попытку организовать разумное противостояние поглощающей Республику ФРГ. Но и они были уже не в силах предотвратить гибель ГДР. По всей вероятности, Горбачев и сам не понимал, что ГДР никак нельзя было отпускать с «короткого поводка», об этом еще раньше предупреждал Андропов. Ведь в Советском Союзе складывалась совсем иная ситуация, непохожая на обстановку в социалистической ГДР, находящейся в зоне прямого воздействия враждебной социализму идеологии, здесь проходила граница двух разных систем и миров.

Лидеры ГДР тогда так и не поверили в открытое предательство Горбачева и Шеварднадзе. Поначалу и ФРГ не могла понять, почему Москва вот так запросто, «за здорово живешь», а может быть, и небескорыстно, разрешает ей «поглотить» более слабую ГДР. Советские лидеры почему-то пренебрегли международным правом и не оформили документально гарантии безопасности и социаль-

ного равноправия всем без исключения гражданам бывшей ГДР. Ведь ФРГ не имела никаких международно-правовых оснований, кроме права сильного, подвергать судебному преследованию ни коммунистов, ни сотрудников госбезопасности — граждан признанного в соответствии с международным правом, историей и ООН немецкого государства — Германской Демократической Республики. Москва промолчала. Якобы Горбачев устно просил канцлера ФРГ Коля не преследовать бывших руководителей ГДР. Вольф дважды обращался к Горбачеву в октябре 1990 и июне 1991 года с просьбой помочь прекратить преследования сотрудников госбезопасности бывшей ГДР. Искренне называл себя сторонником политики Горбачева, цитировал слова канцлера ФРГ: «Не возмездие, а справедливость и примирение должны определить будущее Германии». Письма остались без ответа...

На Западе Мишу называли человеком Москвы. И это было именно так. Разведка ГДР работала и на Советский Союз. Когда Вольф в 1990 году появился в Москве, опасаясь возможной физической расправой над собой в рушившейся ГДР, служба советской разведки, которую тогда возглавлял его друг Шебаршин, не смогла, как говорил позже Вольф, добиться у президента Горбачева действенной поддержки в решении вопроса с ним. Не принял Вольфа и председатель КГБ Крючков, передав лишь «привет и рекомендации ни в коем случае не возвращаться в Германию». Интересную оценку Крючкову дал Вольф в книге «Игра на чужом поле»: «Крючков никогда не был для меня желательным кандидатом на пост председателя КГБ. Он представлялся мне слишком ограниченным, типичным аппаратчиком, в интеллектуальном отношении не сравнимым с Андроповым. Но я никогда и в мыслях не допускал, что человек его калибра мог ввязаться в такую бездарную акцию. Эта попытка путча укрепила меня и Андреа в решении не откладывать больше возвращение в Германию».

Более того, он понимал щекотливость своего положения и не хотел мешать и тем более осложнять своим присутствием в Москве отношения с уже объединенной Германией. Миша почувствовал, что в родной для него Москве он стал *persona non grata*... Автор полагает, что в решении Вольфа вернуться в Берлин определенную роль сыграло и отношение к Хонеккеру Москвы, предавшей своего вчерашнего друга. Наверняка Вольф опасался, что Москва может сдать и его. Внутренне он был готов продол-

жать борьбу за свое будущее с присущим ему гражданским мужеством, не теряя при этом достоинства, доказывая вчерашнему противнику правоту и легитимность действий сотрудников бывшей Внешнеполитической разведки и своих как шефа этой службы в прошлом. Вольф понимал, что «уходить» во вторую эмиграцию в Москву, в город, где еще оставались друзья и сестра Лена, он не сможет. Роль политического изгнанника, обреченного на бездействие, тем более после опереточного ГКЧП, была не для него. Вариант с Кубой тоже обрекал его на политическую смерть. Вошедшие с ним в контакт после объединения Германии люди из ЦРУ не получили планируемых ими результатов. Это были специалисты высокого уровня и класса. Миша всегда относился к сильному и умному противнику с профессиональным уважением. Предложение «сдать» известные ему секреты и получить за это «райскую» жизнь в Калифорнии на роскошной вилле и личный счет в банке было отклонено изначально. Цены предательства для Вольфа просто не существовало генетически. Американцы продолжали долгие годы на что-то надеяться и поэтому за отказ от сотрудничества не давали в последующем даже обычной туристической или гостевой визы. О контактах с бывшими противниками и «коллегами» в Бонне — «братьями по крови» — также не могло быть и речи, хотя американцы вежливо «пригрозили» неприятностями со стороны немецких властей. Зато Израиль мгновенно откликнулся на желание Вольфа посетить эту страну в 1996 году, где он и был принят вместе с Андреа на самом высоком уровне.

В годовщину объединения министр юстиции новой Германии Клинкель заявил: «...в немецком объединении... нет ни победителей, ни побежденных». Однако в начальный период некоторые суды выносили обвинительные приговоры против бывших сотрудников госбезопасности ГДР. «В стране господствовала явная правовая неразбериха», — утверждал впоследствии Вольф. Судебное преследование Вольфа в ФРГ как бывшего шефа разведки ГДР вызвало недоумение даже у руководителя службы разведки бывшего противника — БНД.

Вот что при прощании с Москвой в 1991 году был вынужден сказать ему возглавивший после ареста Крючкова КГБ Шебаршин: «Миша, ты сам видишь, что тут происходит. Ты всегда был для нас верным другом, но в настоящий момент мы ничего не можем для тебя сделать. Кто мог бы подумать, что все так получится! Да хра-

нит тебя Бог!» Следует сказать, что Служба внешней разведки России восстановила справедливость. Маркус-Миша Вольф давно стал желанным гостем Москвы. Его тепло принимали в СВР в Ясенево, устраивали на высоком уровне презентацию его книг, оказывали ему и жене Андреа самое высокое внимание и уважение не только за прошлые заслуги и тесное сотрудничество с советской разведкой, но и за искреннюю любовь к России, русским, Москве, где навсегда осталась частичка его сердца...

Он был еще полон сил и энергии, но, не разделяя внутренне некоторых решений партийного руководства ГДР, попытался уйти со службы до достижения пенсионного возраста. Он жаждал свободы и независимости и не хотел связывать себя государственной дисциплиной. Тогда Мильке не подписал приказ, зная возможную реакцию ЦК СЕПГ. Попросил Вольфа еще поработать. Через три года, в 1986-м, он удовлетворил желание Маркуса, освободившись наконец от «диссидента» Вольфа и опасного для себя возможного преемника — возрастная разница между Мильке и Вольфом составляла 15 лет. Маркус расходился с министром в оценках политической ситуации. Зная его интриганство, не хотел больше работать с человеком, который в нужный для Хонеккера момент помог разделаться со своим бывшим покровителем Вальтером Ульбрихтом. Маркус был не согласен с проводимой МГБ ГДР и инициированной министром линией всеохватывающего контроля населения и выявления инакомыслящих, считая это политически неоправданным и ошибочным. Население ненавидело и боялось «штази», как называли за глаза сотрудников госбезопасности. Вольф был уверен, что, посвятив себя на следующем отрезке жизни творческой писательской работе, он еще сможет как-то повлиять на явно деградирующее общество. Как и многие его друзья, Маркус был уверен, что с приходом в Москве к власти Горбачева начнутся так нужные перемены в обществе. Надежды вскоре улетучились. Модель Советов, исковерканная властителями, потерпела крах повсеместно. Народ отшатнулся от коммунистов. Общество раскололось.

Всесильный молох авторитарного диктата пожирал изначально любого инакомыслящего, будь то неугодный партийный или государственный деятель или обычный диссидент, как это многократно имело место в ГДР. Вольф был глубоко убежден, что сталинские репрессии не могли быть преступлениями коммунизма.

Это были преступления против коммунизма. Преследование критически мыслящих людей в социалистическом обществе не должно было проводиться вообще. Со временем это всегда оборачивается трагедией для общества. Ликвидировать с помощью карающего меча и от имени рабочего класса инакомыслящих и несогласных легче, чем попытаться переубедить этих критиков, перетянуть на свою сторону. Иначе нельзя. У коммунистов уже был достаточно большой отрицательный опыт в этом вопросе. Большевики слишком долго и чрезмерно масштабно проводили репрессивную политику, оправдывая ее сталинской фразой об усилении классовой борьбы по мере приближения к коммунизму.

Спустя годы он по-новому осмыслил слова своего кумира и героя Розы Люксембург. Маркуса поразили ее предсказания. Ему стало понятно, почему левонастроенные круги нового поколения во время событий 1968 года использовали некоторые тезисы Люксембург: отказ от авторитарного господства без отречения от социалистических революционных идеалов и целей. Молодости импонировало высказывание Люксембург против «любых диктаторских методов утверждения власти». Он был согласен с мыслью Люксембург, что настоящая политическая демократия не может давать свободу только маленькой кучке избранных. В противном случае «общественная жизнь постепенно угасает; дирижируют и правят с неумной энергией и безграничным идеализмом несколько дюжин партийных вождей, среди них реально руководит дюжина выдающихся умов, а элита рабочего класса время от времени созывается на собрания, чтобы рукоплескать речам вождей, единогласно одобрять предложенные резолюции... По сути — это хозяйничанье клики; правда, это диктатура, но не диктатура пролетариата, а диктатура горстки политиков» (Люксембург Р. О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма. М., 1991).

Миша всю жизнь искал истину, преодолевая сомнения. Когда его мировоззрение праведного коммуниста-идеалиста и романтика столкнулось с реалиями жестокого и несправедливого мира даже в социалистическом обществе, когда действительность не соответствовала проповедуемым идеалам, — он пытался найти выход, понять причины и объяснить происходившее. Он считал, что «нельзя лишать людей разумной инициативы и тупо выполнять кем-то там “наверху” разработанные решения и программы».

Брать их за основу — одно, но действовать следует применительно к конкретным условиям на местах или в зависимости от сложившейся ситуации. Мишу еще задолго до решения уйти на пенсию начали одолевать сомнения в правильности и целесообразности некоторых правительственных решений, исходивших вначале от первого лица государства Вальтера Ульбрихта, а затем и от его преемника Эриха Хонеккера. Он, как и его товарищи по партии и работе, подчинялся строгим принципам демократического централизма, однако со временем начал сомневаться в правильности этого положения. Он всегда считал, что коммунистическое и человеческое — два нераздельных синонима, практически одно и то же. В этой связи интересно его интервью «Общей газете» (№2 (388) от 11–17.01.2001), в котором он, в частности, сказал: «Главным было идейное убеждение — не коммунистическое, не марксистское, а, если хотите, общечеловеческое».

Кажется, он нашел свою истину в работе над завершением незаконченного киносценария брата Кони. Так возникла его первая книга — знаменитая «Тройка» (рус. пер. «Трое из 30-х»), ставшая сразу же востребованной обществом. Та же тема: Человечность, Справедливость, Добро. И над всем — торжество идеи примирения. Нет, не идеологического — человеческого... Судьба трех друзей: американца Виктора Фишера — сына известного журналиста-демократа Луиса Фишера, немца Лотара Влоха — сына немецкого коммуниста Вильгельма Влоха, погибшего в советских лагерях в период сталинских репрессий, и немца Конрада Вольфа. Все трое, друзья по школе имени Карла Либкнехта в Москве, воспитанные на идеалах коммунизма и социализма, встречаются после войны в 1946 году в поверженной Германии. Виктор Фишер — офицер армии США, Лотар Влох — бывший военнопленный, унтер-офицер вермахта и Конрад-Кони Вольф — офицер Красной армии, коммунист. Книга, вышедшая в 1990 году, стала мировым бестселлером. Впрочем, как и последующие работы Маркуса Вольфа: «По собственному заданию», «Игра на чужом поле». Особенно впечатляет самая мудрая и философская — «Друзья не умирают», в которой наиболее полно раскрывается внутренний мир и душа Миши-Маркуса Вольфа. Он еще на что-то надеялся, когда интеллигенция Берлина организовала многотысячный митинг в ноябре 1989 года на Александрплац. Его упростили выступить. Не скрывая, что он генерал МГБ, Миша обратился с призывом прекратить

уже начавшуюся «охоту на ведьм» — преследование сотрудников госбезопасности и коммунистов. Толпа прореагировала ревом возмущения и освистала его. Страх, как и злости, не возникло. Была обида. Он понимал бушующую толпу, настроение большинства этих людей и не осуждал их, осознавая свою беспомощность. Он никогда не терял мужества, чтобы доказать свою правоту или убежденность, как понимал и то, что уже не в состоянии помочь своим бывшим подчиненным, товарищам и коллегам. Поэтому он охотно принял предложение нового премьера правительства ГДР Ганса Модрова помочь в оценке складывающейся политической ситуации. От участия во вновь формируемом правительстве Вольф категорически отказался.

Стена в Берлине рухнула. Эйфория охватила ранее разделенный город. Отрезвление пришло позже, когда многие бывшие граждане ГДР осознали трудности, лишившись тех социальных благ и преимуществ перед властью капитала, которыми по праву могла гордиться социалистическая ГДР. Развал СЕПГ, вакханалия в партиях, входивших в блок с СЕПГ, изгнание лидера страны Эриха Хонеккера, которого вместе с женой приютила церковь, где он мог как-то укрыться от народного гнева, угнетали Вольфа.

Закрытость и осторожность в отношениях с окружающим миром были от рождения качествами его интравертного характера, усиленными воспитанием в родительском доме, условиями жизни, школой Коминтерна, а затем и спецификой работы в разведке. Даже близким друзьям он иногда казался «вещью в себе». Может быть, лишь с одним человеком он был до конца откровенным, не скрывая своих потаенных мыслей. Это его последняя любовь, жена, советчик и помощница — Андреа. Она сыграла особую роль в его жизни на завершающем этапе, самом болезненном и тяжелом. Установившийся и привычный для него мир, наполненный борьбой и противоречиями, разрушился в одночасье. Андреа и Миша в это тяжелое время составляли единое целое душой и сердцем. Андреа и преданные Мише друзья помогли ему выстоять и победить. Среди самых верных друзей были Соня и Мориц Мебель. Задержание и арест, сбор друзьями огромного денежного залога и освобождение из тюрьмы, позорное судилище в 1993 году в Дюссельдорфе. Тогда в суде к Мише смог пробиться Мориц с букетом традиционных для немецких коммунистов красных гвоздик: «Так держать, Миша! Мы с тобой!» Эта впечатляющая сцена обошла все телеэкраны мира.

В числе любимых его русских сказок была сказка «О колобке»: «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел... И от тебя...» Только не удалось съесть Колобка-Мишу коварной Лисе — Фемиде объединенной Германии.

Неслучайно, особенно в последние годы жизни, он вновь и вновь обращался к творчеству Великого Духовника России — Достоевского, к его основной идее — свободе человеческого духа. Его волновала «Легенда о Великом Инквизиторе», он перечитывал «Бесов». И пришел к выводу, что некоторые его оценки были ошибочны, и он пытался осознать и постичь их. Его беспокоила идея принудительного социализма, и он более не воспринимал ее как необходимость...

Он ушел из жизни во сне в ночь на 9 ноября 2006 года. Ровно в тот день, когда 17 лет назад рухнул «бетонный занавес» между Востоком и Западом. Это было символично. Смерть Миши приняла Андреа. Последнее дыхание он отдавал ей, самому близкому человеку. Лицо его было спокойным и удовлетворенным, как у человека, до конца выполнившего свой долг перед оставшимися по эту сторону жизни. Казалось, он улыбается всем тем, кого любил и неожиданно оставил, и просит простить его. Как будто сам Создатель благословил и успокоил мятежную душу, отправляя сына своего на вечный покой.

МОРИЦ И СОНЯ МЕБЕЛЬ. 1959 год — поныне

Нашей дружбе больше полувека, и это настоящая, искренняя, братская дружба. Я бы даже сказал, что это моя берлинская родня. Мы были оба совсем молодыми, когда я впервые увидел этого рано поседевшего человека неполных сорока лет. Через линзы очков на меня внимательно смотрели, как бы изучая, пытливые умные, может быть, немножко с грустинкой глаза. Врач-уролог в белом халате, к которому я попал на прием. Он внимательно выслушал меня, потом улыбнулся и, как мне показалось, на родном русском произнес:

— Давайте перейдем на русский, так нам обоим будет удобнее...

С тех пор мы не расстаемся, даже на расстоянии, в мыслях мы всегда вместе.

Мориц родился в Эрфурте, в еврейской семье. В Москве он появился в девятилетнем возрасте вместе с матерью и старшей сестрой Зузи. Отец воссоединился с семьей позднее. Родители-коммунисты были вынуждены покинуть родные места и эмигрировать в Советский Союз из-за надвигавшейся на Германию смертельно опасной для всего человечества, еще не разгаданной до конца эпидемией, именуемой «коричневой чумой». К власти пришли нацисты.

Маленький Мориц окунулся в другой мир, пока чужой и непонятный. Московская улица плохо приняла немецкого малыша-эмигранта. Стоило ему только появиться во дворе, как тут же его окружали такие же, как и он, ровесники, мальчишки и девчонки, и начинали громко распевать ставшую ему очень скоро понятной зло-озорную песенку, известную всем московским детям:

Немец-перец, колбаса, тухлая капуста
Съел селедку без хвоста,
И сказал: «Как вкусно!»

Его пытались и поколотить, но он умел драться и постоять за себя. Так что крепкие кулачки Морица доказали его право быть равным с московскими сорванцами. Улица большого города признала его.

Самым отрядным в те годы для Морица и Зузи была немецкая школа имени Карла Либкнехта, где учились дети немецких и австрийских политэмигрантов. В этой школе учились и советские ребята, но их было немного. Морицу запомнился удивительно сплоченный школьный коллектив. Ученики и учителя, воспитатели и пионервожатые — как одна большая и дружная семья. Самые радостные дни своего московского детства и юности Мориц связывает с этой школой... Пока не начались аресты 37 года...

Ему было десять, когда в Москву приехал знаменитый пролетарский певец-коммунист Эрнст Буш¹. Колонный зал Дома Союзом. Здесь вместе с хором учеников школы имени Карла Либкнехта выступал легендарный Буш. Маленький мальчуган — это был Мориц — стоял на крышке рояля и пел вместе со всеми. Таково было желание Буша. Звучала известная всему сражающемуся с нацизмом миру песня немецких коммунистов-каторжан «Болотные солдаты»².

¹ Буш Эрнст (1900–1980) — немецкий певец и актер, исполнитель революционных и рабочих песен. Сражался в интербригадах во время гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. Узник фашистских концлагерей и тюрем.

² «Wir sind die Moorsoldaten und ziehen mit den Spaten ins Moor...» («Мы — болотные солдаты и в болото волочемся мы с лопатой...»).

Гражданская война в Испании. Морицу тринадцать. Он весь там, в сражающихся интербригадах, вместе с немецкими коммунистами. На стене комнаты, где он спит, карта республиканской Испании. Он внимательно отслеживает перемещение фронтов... Комсомол... Политика целиком захватывает юношу. Еще в ранних классах он с удовольствием делал опыты над лягушками, увлекался биологией, мечтал стать врачом... Сейчас эти увлечения исчезают. Ему хочется стать дипломатом. Это тоже фронт. Он должен бороться с нацизмом. Он, как и окружавшие его взрослые, прежде всего те, кто общается с его родителями, ощущает и понимает опасность, исходящую от нацистской Германии. Гитлер — это война. И неожиданный поворот на сближение Советского Союза с Германией непонятен большинству немецких политэмигрантов. Закрывается немецкая школа имени Карла Либкнехта. Учащиеся распределяются по другим московским школам. Они разрозненны, но все еще пытаются поддерживать связь и контакты друг с другом. Но уже нет того прочного и спаянного единым духом прежнего школьного коллектива немецких и австрийских детей. Родители Морица и Зузи, их друзья да и он сам тяжело переживали пакт Молотова — Риббентропа. Им непонятен этот союз с дьяволом. Внезапно исчезнувшая в советской прессе и в передачах по радио антифашистская пропаганда пугает и настораживает. Появилось чувство необъяснимого испуга. Особенно усиливается тревожное состояние, когда после заключения договора с Германией, начали исчезать некоторые немецкие эмигранты-коммунисты, не принявшие или не успевшие принять советское гражданство.

Мысли стать дипломатом почему-то оставили его. Их заменило более прозаичное. Он вспомнил свои школьные медицинские опыты и увлечение биологией. В августе 40-го Мориц — студент 1-го Московского мединститута...

Враг стоял в 120 км от Москвы. В эти самые тревожные и критические дни октября, когда над столицей нависла смертельная опасность и город охватила паника, 18-летний студент второго курса мединститута Мебель по партийному призыву записывается добровольцем в Коммунистический рабочий батальон Фрунзенского района Москвы. Позже эти батальоны были объединены в Московскую коммунистическую дивизию. Неделя на обучение самым простым навыкам: «шагом марш», «по-пластунски», «штыком коли», «бросай гранату». Марш-бросок на Волоколамское шос-

се. Без теплого обмундирования. В ботинках с обмотками. Вооруженные изъятыми из исторического арсенала старыми французскими винтовками образца 1886 года системы Лебеля с ограниченным боеприпасом. Эта старинное 8 мм оружие заряжалось восемью патронами, загоняемыми с дульной стороны в ствольную коробку. И все же по тому времени это было оружие, с которым можно было воевать. В других дивизиях народного ополчения было еще хуже: бойцы были плохо вооружены или вообще не имели никакого оружия. Дивизия, в которую попал Мориц, получила хоть какое-то поражающее противника средство, потому что Волоколамскому направлению придавалось особое значение.

Впереди стояла насмерть дивизия генерала Панфилова, не допустившая прорыва вермахта к столице. Долгожданное наступление. Мориц пережил несколько атак, освобождая от гитлеровцев населенные пункты и деревни. Впервые увидел своими глазами злодеяния нацистов. Убитых и сброшенных в колодцы маленьких детей. Распятое у стены блиндажа, как Христос, обожженное тело полкового комиссара, под которым убежавшие солдаты вермахта развели костер. Сожженные дотла деревни. Трупы детей, стариков, женщин...

Самым страшным противником был жесточайший мороз, доходивший временами до 42 градусов. Согревались у подоженных убежавшими гитлеровцами домов.

Только в феврале 1942 года им выдали зимнее обмундирование — ватники, ватные штаны, теплое белье, валенки. А самое главное — они получили настоящие советские винтовки. К этому времени из 180 бойцов роты, в которой числился красноармеец Мебель, в живых вместе с ним осталось трое.

Командованию было известно, что родной язык красноармейца Мебеля — немецкий. Так он стал младшим политруком 7-го отдела¹ 53-й армии и через передвижную звуковещательную установку приступил к агитационным передачам для солдат вермахта. Мориц все время на передовой, выдвигает громкоговорители ближе к немецким позициям, разъясняет солдатам истинные цели развязанной гитлеровским режимом преступной войны. Противник буквально гонялся за нашими громкоговорителями, бил «по площадям», иногда успешно. Мориц вспоминал, как его однажды

¹ Седьмые отделы вели работу по пропаганде и разложению войск противника.

спасла от гибели неожиданно появившаяся у него такая высокая температура, что он не смог выехать на передачу. Вместо него на передовую поехал представитель Национального комитета «Свободная Германия», который прибыл на фронт для работы и был вынужден заменить внезапно заболевшего Морица. Немцы сразу же открыли ураганный огонь. Один из снарядов разорвался рядом с передвижной звуковещательной установкой. Бывший лейтенант вермахта был тяжело ранен. «Для всех нас, — говорил Мориц, — это была большая потеря, так как он обладал голосом с нужными интонациями и звучанием и был очень изобретателен в работе».

— Что потеряли немцы в чужой стране? Не верьте, это не соответствует действительности, что Красная армия не берет в плен немецких солдат, а сразу же их расстреливает.

Этот бывший лейтенант вермахта так мог построить свое выступление, вводя по ходу некоторые словечки и обороты, что немецкие солдаты чувствовали и это легко ими угадывалось, что говорит действительно бывший офицер вермахта.

Морицу и его товарищам тяжело было смотреть на ранее занятую немцами советскую территорию. Отступая под натиском Красной армии, вермахт оставлял после себя опустошенную, выжженную землю. Население практически отсутствовало. Особенно тяжело досталась немецкая оккупация молодым женщинам. Крепких и здоровых насильно вывозили на работу в Германию. Специально отбирали молодых и красивых девушек, размещая их в солдатских борделях в тылу немецких войск. А однажды Мориц сам чуть не попал в руки противника, очутившись вместе с передвижной станцией практически среди отступавших немецких частей, чудом не заметивших советскую машину. Если бы немцы обратили внимание на одиноко едущий автофургон, гибель была бы неизбежной: немецкого еврея, да еще и офицера-политрука Красной армии, расстреляли бы на месте. На этот случай в вермахте был строжайший приказ фюрера: политкомиссаров и евреев расстреливать на месте.

— Для меня, — рассказывал Мориц, — было однозначно определено: сразу же пустить себе пулю в голову, но не попасть немцам в лапы. Главное при этом — успеть застрелиться.

Самым страшным за всю войну для Морица оказалась переправа на высокий берег Днепра вместе с передовыми частями Крас-

ной армии при освобождении Киева. Аппаратура для радиовещания была погружена в надувную резиновую лодку. Их было несколько человек. Днепр буквально кипел от взрывов. Достаточно было одного осколка или пули в надувной бок, чтобы лодка пошла ко дну. В этом случае Мориц был обречен. Дело в том, что он не умел плавать. Никто из находившихся с ним в лодке даже не догадывался об этом. Каким-то чудом пролетавшие над головой осколки и пули вспарывали воду рядом и почему-то не поражали резиновые бока лодки. Что это? Случай? Чудо? Все могло быть. На войне один Бог для всех — счастливый случай!

И все же война оставила и на нем свою «отметину». Во время уличных боев в словацком городе Нитра в самом конце марта 1945 года осколок ручной гранаты угодил ему в спину. Осколок застрял в теле рядом с позвоночником. Операция была невозможной, в любом случае очень рискованной. Так он и носит до сих пор в себе маленький кусочек крупповской стали.

Для Морица война в Германии закончилась 11 мая 1945 года. Многотысячная группировка немецких войск фельдмаршала Шернера в Чехословакии продолжала упорно сопротивляться, следуя приказу фельдмаршала, который бросил своих солдат и на личном самолете улетел к американцам. Небольшая часть группировки Шернера сумела прорваться на Запад, остальные капитулировали.

Как-то я спросил Морица, много ли немцев за войну сдавалось после его радиопередач. Он ответил, что под Москвой и вообще в первый год войны таковых было мало. Это стало постоянным и систематическим после Сталинграда, Курской дуги, Днепра. Особенно после блистательных операций Красной армии на Украине и в Белоруссии. Так что спасенных немецких «душ» на счету Морица много. Кстати, в армии его, как и Маркуса Вольфа, тоже называли Мишей. Свой вклад в Великую Отечественную «окопный» гвардии старший лейтенант, кавалер трех боевых орденов Мориц-Миша Мебель внес достойный...

Как рассказывал автору сам Мориц, с ним в 1945 году произошла такая история, что, если бы он сам не был ее участником, никогда бы не поверил, что такое вообще возможно. Может быть, это произошло вследствие ошибки армейских кадровиков. В июне 1945 года он получил предписание вместе с частями 53-й армии, в составе которой он воевал с 1941 года, отбыть в распоряжение

2-го Забайкальского фронта в Монголию для участия в войне против милитаристской Японии. Еще до окончания боевых действий он был направлен в Северо-Западный военный округ в город Новосибирск. Доложив о своем прибытии начальнику отдела кадров округа полковнику Баранову, он услышал от него, что ему предстоит работа с японскими военнопленными.

— Я владею немецким и русским языками. Японским я совершенно не владею, — недоуменно пояснил Мориц, на что получил неожиданный и обескураживающий ответ:

— Ну какая разница: немецкий, японский! Это же иностранные языки. У вас есть опыт работы с военнопленными, вы справитесь. Можете идти.

К счастью, Мориц вскоре был направлен для продолжения службы в аппарат Советской военной администрации в Германии. Судьба сталкивает его со старым знакомым по детским и юношеским годам в Москве. Это младший брат Маркуса-Миши Вольфа — Конрад Вольф, как и Мориц, офицер Красной армии. Они вместе ведут политико-идеологическую воспитательную работу среди немецкого населения. После демобилизации в 1947 году Мориц продолжил прерванную войной учебу в мединституте, успешно защитил кандидатскую диссертацию. Он любимый ученик советского уролога с мировым именем Анатолия Павловича Фрумкина. Мориц и не планировал возвращение на свою действительную родину. Часть его родственников, любимая тетя Анна, двоюродные сестрички Рут и Эллю нашли смерть в печах Освенцима. Прошли годы, и в его жизни появилась Соня. Эту голенастую девчонку из младших классов школы имени Карла Либкнехта он давно потерял из виду... Они встретились вновь в Москве уже состоявшимися молодыми специалистами. Соня тоже училась в Первом мединституте. Начала учебу в эвакуации, когда Мориц был на фронте. Биографии их схожи. Она ребенком вместе с родителями — немецкими коммунистами эмигрировала в Советский Союз, ставший для нее второй родиной. Но если для Морица, прошедшего комсомол, фронт, члена партии коммунистов с 1943 года, были открыты все дороги, то над головой Сони Мушкатблат, рожденной в Германии в еврейской семье, способного и одаренного врача-микробиолога, как проклятье висела 5-я графа анкеты — препятствие для ее служебного и научного роста.

Рассказывает Соня:

«Папа был убежденным коммунистом. Он помогал партии с 15 лет, а в 17 стал ее членом. В нашей семье почти все были коммунистами. Папин брат был известным коммунистом, мамины братья тоже были членами КПГ. Мне хорошо запомнилась последняя ночь перед отъездом из родного “красного”¹ Хемница в Москву. Мы все, включая провожавших, распевали революционные песни. Особенно мне нравился “Авиационный марш” — “Все выше, и выше, и выше!”. Подъем у нас был колоссальный. Мы ехали в страну счастья строить социализм. Для отца было совершенно ясно, что, как только он обретет профессию, он обязательно должен поехать в Советский Союз и применить свои знания и силы во имя нового общества. Он закончил Высшее техническое училище в Дрездене. Ему предложили интересную работу в Южной Африке, где платили громадные деньги. Он отказался в пользу Москвы... Почему-то мне запомнился дорожный эпизод, когда мама, уже на советской стороне, открыла ящик стола в купе мягкого спального вагона и, увидев там кусок черного засохшего хлеба, сказала отцу, искреннее рассмеявшись:

— Ну что ж, ты, наверное, будешь кормить меня таким хлебом?

В Москве стояли жуткие морозы, к которым мы не привыкли. Меня так кутали, что я еле передвигалась. Квартира в центре Москвы была у нас по тем временам шикарная — с центральным отоплением, горячей водой, газом, ванной... Начало 30-х прошлого века. Мы знали, что страна переживает тяжелые времена. Особенно плохо было с продуктами, но мы этого не ощущали. Отец получал партмаксимум, этого нам вполне хватало. И, кроме того, у нас был так называемый инснаб, что означало обеспечение разнообразными и хорошими продуктами в любом размере работающих в стране иностранных специалистов...

Мы, немецкие дети, посещали школу с удовольствием. Для нас это был какой-то островок счастья. Мы это еще не понимали, мы это просто чувствовали. Было удивительно хорошим отношение к нам учителей, которых мы называли товарищами. Школу часто посещали немецкие писатели-коммунисты — Эрих Вайнерт, Фридрих Вольф. Их дети учились в нашей школе. На-

¹ Город Хемниц (во времена ГДР Карл-Марксштадт) называли «красным» из-за сильного влияния в нем коммунистов.

шими гостями были Альфред Курелла, Иоганнес Бехер, Вильгельм Пик. Вместе с нашим школьным хором не раз пел революционные песни Эрнст Буш. В школе царил особый дух — ведь к нам все время вливались дети, родители которых томились в тюрьмах и концлагерях Германии. Поэтому для нас фашизм означал вполне реальное и настоящее. Появились испанские дети, с которыми нас связывала общая судьба — ведь многие наши родители воевали в Испании в интербригадах. В общем-то, это было тайной и мы на эту тему не распространялись, но все дети знали об этом... Особенно хорошо запомнила случившуюся со мной в третьем классе драму. Всех приняли в пионеры, а меня нет. Ведь я была в классе самой младшей, и пришлось ждать целых полгода. Я очень переживала...

В 1937 году мне исполнилось двенадцать. Именно этот год стал для меня последним годом моего детства. Все, что вокруг меня происходило, я понимала, и родители ничего от меня не скрывали. У нас в доме открыто говорили об арестах, и родители каждый арест знакомых разъясняли мне: тех, кого арестовали, отнюдь не были фашистами или предателями, это недоразумение. Позже я поняла: они это делали специально, чтобы в случае их ареста я не верила, что они фашисты и предатели...

Вскоре в нашей семье появилась моя любимая двоюродная сестра Рут. Мы родились в один день, 9 января, но она была на пять лет младше меня. В сентябре 37-го арестовали отца, а спустя пару недель и ее маму. Кто-то из знакомых привез ее из Ленинграда в Москву. Рут прожила в нашей семье пять лет...

Папа часто задерживался на работе, и время его отсутствия всегда проходило в напряженном ожидании. В школе все чаще стали появляться дети с заплаканными глазами, потом они незаметно исчезали. Многих наших учителей тоже арестовали. Январь 1938 года показался нам, детям, концом света. Немецкая школа прекратила свое существование. Нас всех распределили по разным московским школам...

Глубокий след в моей душе оставили 1937–1938-е годы. Почти все мои родственники-коммунисты, проживавшие в Советском Союзе, были арестованы. Я плакала над судьбой особенно мною любимого младшего брата мамы. Все это оказало на меня настолько глубокое воздействие, что я не захотела вступать в комсомол. У меня тогда так и не получилось отделить происхо-

дившую трагедию от тех идей, приверженцем которых с юных лет был мой горячо любимый отец. Это состояние продолжалось очень долго, до тех пор, пока мне не пришлось заняться первоисточниками марксизма-ленинизма, потому что предстояла сдача кандидатского минимума и я решила пользоваться не “брошюрной” литературой, как делали многие, а тщательно проработать рекомендованный материал. Помню, как пришла из “Ленинки” и сказала отцу:

— Вот теперь я поняла, почему ты коммунист, почему ты приверженец этих идей. Сама идея великолепна, но это только теоретически. А то, что мы пережили и как все это претворялось в жизнь, — ужасно...

Свет не без изумительных людей. Я попала в Институт крови, эндокринологии и микробиологии имени Гамалеи, войдя в него, в прямом смысле этого слова, с улицы прямо к директору, заявив ему, что обязательно хочу стать микробиологом и работать только под его началом. И он меня взял на работу, несмотря на мою биографию, которая многие годы “кусала” меня. В институте было 500 научных сотрудников, но я была единственной, кто работала не врачом-лаборантом, а простой лаборанткой. Это продолжалось более шести лет. Только в последний год моей работы в институте я наконец-то получила должность врача-лаборанта, а стало быть, и значительное повышение и без того мизерно малой зарплаты.

Перелом в моей жизни наступил после рано ушедшей из жизни (всего 46 лет) моей мамы. Перед смертью она сказала отцу:

— Если будет возможность, вывези ее!

Отец и сам хотел уехать. Здесь были все мои друзья, все личные связи, все было... Да и культура в большей степени, как и душа, была во мне конечно же более русской, чем немецкой, ведь я выросла и сформировалась в Москве. А что и кто там в ГДР? Я знала, что там живет моя любимая Леечка Гроссе, куда исчез Ойген Классе, мой верный дружок детства и юности, я понятия не имела... Вместе с тем я знала, что, если останусь в Советском Союзе, у меня не будет никаких шансов защитить диссертацию, получить приличную работу. У меня была слишком “плохая” для этого биография. Кто-то из институтского начальства как-то сказал мне, что меня хотят отправить работать на целину. Что, видите ли, корни мои не здесь. Но там не было места для так желанной научной

работы. Я почему-то сразу же вспомнила жизнь наших политэмигрантов, немецких коммунистов, там, в Казахстане, на спецпоселении. Пришлось мне искать мои корни.

В январе 1957 года мы с папой покинули Москву. Нас провожала уйма народа. Было очень грустно и почему-то тревожно. Я прожила среди советских друзей более четверти века. Я благодарна своему Первому мединституту, замечательным учителям. Моей тезке Соне, которая волею случая “свела” меня после 16 лет жизненной разлуки с Морицем. Полинке (Полина Зиновьевна Будницкая. — *Авт.*), моей лучшей московской подруге, с которой мы дружим почти 60 лет. И еще многим, очень многим, часть которых давно ушла из жизни. Ни Мориц, ни я никогда не порывали с нашей прошлой жизнью в Москве. Она навсегда осталась в наших сердцах...»

У Мебелей большая и дружная семья — дочь Аннеле (по-нашему Аня), зять Йенс, внуки Тино и Лаура. Соня Мебель стала видным ученым-микробиологом, доктором медицинских наук, профессором. До ухода на пенсию работала в Государственном институте иммунологических препаратов и питательных средств.

И снова слово Соне Мебель: «Мы нашли своих друзей и здесь, в ГДР. Сразу же после нашего приезда в Берлин “объявился” Ойген Класе. Тогда, в уже далекие годы, мы себя хорошо чувствовали в Республике. Мы много работали и приносили, наверное, ощутимую пользу. И это было главным в нашей жизни. Нам платили уважением. Моя биография никого в ГДР не смущала. Самое страшное произошло осенью 1989 года. Мы понимали, что наше государство, наша Республика гибнет. Мы не могли понять, как мог это допустить Советский Союз. Ведь с потерей ГДР рухнет весь лагерь социализма, а стало быть, и Советский Союз. В начале 1990-х происходили не всегда понятные и объяснимые для нас события. Ужасное время! Но надо было жить, помогать дочери, внукам. Надо было как-то приспособливаться, не теряя при этом своего лица. К счастью, наши друзья не изменили ни себе, ни нам. А предательство следует всегда называть предательством и ничем иным. Своим идеалам мы остались верны и надеемся сохранить и укрепить их в семье нашей дочери, в подрастающих внуках...»

БЛЕСК ЗОЛОТА. 1973 год

Это произошло в моем рабочем кабинете в Москве. Получилось так, что я стал невольным свидетелем воздействия на человеческое сознание действительно магической силы золота. В небольшом чемоданчике, типа того старинного, с которым когда-то ходили по больным земские врачи, поместилось больше десяти килограммов различных драгоценностей. Здесь, в этом саквояже, поступившем к нам в Службу издалека, чего только не было: миниатюрные, весом в 10 и более граммов, слитки золота самой высокой пробы, старинные испанские и голландские монеты, чудом сохранившиеся русские золотые монеты достоинством в пять и десять рублей еще царской чеканки из так называемого червонного золота (говорят, что некогда большие запасы именно этого «русского» золота давно закончились в Сибири), золотой и платиновый лом. Много колец из золота и платины, с различными драгоценными камнями — бриллиантами, сапфирами, изумрудами. Браслеты, броши из золота, ну, и прочая драгоценная «дребедень», включая особой работы ручные и карманные часы стоимостью в десятки тысяч долларов. Много массивных цепей крупного плетения из «желтого» (понимай — золотого) и «белого» (платина и белое золото) металла. И что меня особенно удивило — крупный жемчуг разного цвета: от светлого, светло-желтого до почти черного или даже черного цвета — в виде жемчужных нитей разной длины, включая почти метровые. Все это попавшее волею служебного случая в мои руки «богатство» напоминало старинный клад некогда могучих морских пиратов, оставивших по велению прежде всего английской короны кровавый след, навсегда исчезнувший на просторах мирового океана. Все эти морганы, дрейки и вымышленный фантазией великого шотландца Стивенсона морской разбойник Флинт незримо возникли в моем воображении, заполнили все пространство моего небольшого служебного кабинета. Вспомнился их санкционированный грабеж неповоротливых торговых судов, которые легко становились добычей ловких военных фрегатов. Все во имя короны! В докторском кофре лежала и бумага с подробным перечнем находившихся в нем предметов. Я должен был еще раз все перепроверить и сдать в соответствующее подразделение.

Я разложил в моем представлении действительно несметные богатства на рабочем столе и, чтобы лучше видеть, включил на-

стольную лампу. Возвышавшаяся перед моими глазами горка из золота и платины, бриллиантов и жемчуга засверкала искрящейся и переливающейся гаммой многоцветья. Мне казалось, что я оказался в пещере из сказки «Али-Баба и сорок разбойников». И тут мне в голову пришла озорная мысль. Мне захотелось проверить реакцию на эти драгоценности моих лучших друзей, которым я доверял как самому себе. Разумеется, я им не назову источник поступления к нам этого «товара» и другие известные мне подробности. Я прикрыл «золотую горку» газетой и попросил принести еще две настольные лампы. Вошедший сотрудник и внимания не обратил, что там на столе начальника прикрыто газетой. Расположив как можно живописней драгоценности, так, чтобы разного цвета жемчужные нити переплетались с бриллиантовыми ожерельями и брошами, рассыпав сверху кольца и разместив вокруг этого «холма» рядами золотые монеты, я включил все три настольные лампы. Эффект был ошеломляющий! Искрящиеся лучи, преломляясь в направленном электрическом свете, буквально ослепляли. Вот это мне и было нужно. В разное время с небольшим перерывом я попросил трех друзей зайти ко мне, пообещав продемонстрировать нечто необычное. Предположение меня не обмануло. Эффект получился еще более впечатляющим, чем просто освещенное ярким светом настольных ламп сверкающее чудо.

На лицах первых двух моих друзей при виде возвышающейся на столе горки из золота и прочей «мишуры» отразилось чувство обычного человеческого удивления с элементами восторга, а затем один из них запустил руки в эту кучу, назвав ее «буржуазно-навозной», пропустил струящийся блеск сквозь пальцы и весело произнес: «Жаль, не наше, казенное. Подумаешь, нашел что показывать. Вот пропить все это, прокутить — вот было бы здорово!» При этом выражение лица его и глаз никак не изменилось. Подобная реакция была и у второго. Оставался мой самый близкий и, казалось, самый надежный друг. Я ему доверял больше всех. Появился и он. Я сдернул газету. Надо было видеть выражение его лица и глаза. Есть очень удачное, мне так кажется, немецкое выражение: *Gluehende Augen* — лихорадочный блеск глаз. Вот именно такой огонек сверкнул в глазах моего друга. Какая-то еле уловимая гримаска на доли секунды исказила его лицо. Эти короткие мгновения, как фотовспышка, подсознательной, не зависящей от человека реакции были мной зафиксированы. Усилием воли он

мгновенно подавил в себе это проявление истинных, природой данных, переданных, может быть, даже и на генном уровне с молоком матери чувств...

Бросив на драгоценные вещи еще один, уже совершенно равнодушный взгляд, он с видимым безразличием произнес: «Откуда все это дерьмо? Ничего интересного!»

Я невольно вспомнил, как однажды мне довелось увидеть в сейфе одной из наших служб миллион долларов, миллион западногерманских марок, ну, и другой инвалюты, мирно покоившейся до поры до времени каждая на своем месте. Заведующий этим хозяйством взглянул на меня как-то оценивающе, потом сказал, что у всех, кто, может быть, впервые видит такие суммы, реакции возникают разные. Редко, но бывает, что обалдевают... Вот так и мой лучший друг! Мне представляется, что все определяется внутренним содержанием человека, его мировоззрением. Когда-то я вычитал из истории партии большевиков, что среди российских коммунистов было около 40 процентов своеобразных нигилистов в области восприятия материальных ценностей, прежде всего денег. Они вообще их отрицали. По-моему, истинные революционеры кроме здорового авантюризма несли в себе чувство огромной романтики. «Безумству храбрых поем мы песню!» Прав был Буревестник революции!

По-моему, вообще-то, в каждом или почти в каждом совмещается и плохое и хорошее, и черное и белое, и восторг и порицание. Такова природа вещей и человека. Разумеется, нужно быть снисходительным. Однако и учитывать это описанное мною явление при подборе людей на определенную работу. Такие качества, как природная жадность, чрезмерная страсть к накопительству, имеваемая зачастую стяжательством, не должны быть у людей в нашей Службе. В наши дни такую проверку можно провести гораздо проще и дешевле...

«О БЕДНОМ ЧЕКИСТЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...» 1974 год

После завершения последней заграничной командировки я получил назначение на работу в Центр. Рабочий день только начался. Не успел я просмотреть поступившую вчера вечером почту, как ко мне зашел один из сотрудников и молча положил на стол рапорт на имя высокого руководства. Вопрос, который там был изложен,

решался только высшим руководством Службы, но рапорт должен был пройти несколько инстанций, то есть получить визы тех, в подчинении которых работал этот сотрудник. Содержание рапорта вызвало у меня недоумение. Вот оно: «Прошу откомандировать меня по семейным обстоятельствам в региональный отдел кадров (далее указывалось то периферийное управление, откуда он был направлен на учебу в Москву как один из лучших молодых сотрудников для использования в дальнейшем на работе за границей)».

И никаких далее разъяснений этих самых «семейных обстоятельств». Он, безусловно, имел право ссылаться на что угодно и не конкретизировать причины. Я с удивлением посмотрел на него. Нет, вроде все в порядке. Ясный взгляд ничем не затуманенных глаз и цвет лица нормальный. И выглядел он, как обычно, спокойным, уравновешенным, уверенным в себе человеком, всегда вызывавшим у начальства уважение своей исполнительностью, настойчивостью в овладении практическими навыками, необходимыми ему в будущей сложной и ответственной работе за рубежом. В общем, ничего такого, что указывало бы на что-то случившееся, необычное в жизни этого человека. Чувствовалось, что у него вроде бы все в порядке, он явно не нуждался ни в утешении, ни в сочувствии. Но чем же могло быть вызвано столь экстраординарное решение расстаться с «голубой мечтой» — попасть на самый острый участок работы в нашей Службе?

Я попытался как-то очень тактично расспросить его. Безрезультатно. Слава настаивал на своем решении и далее «не раскрывался». Это было его право. Я напомнил Славе, что до его отъезда за рубеж осталось не больше 14–16 месяцев, он заменит сотрудника, который заканчивает свою командировку. Может быть, это произойдет несколько раньше. Что же случилось? Ведь он после двух лет учебы попал на работу в Центр. Прошло всего чуть больше года. Иначе нельзя. Все имеет свои сроки. Слава продолжал молчать. Что-то он скрывал. Что же мучило его? Ведь такие решения принимаются не спонтанно, а являются плодом чего-то необычного, мучительно большого.

— Я сейчас уйду на совещание. Ты никому не говорил о своем решении? — спросил я Славу.

— Нет, — ответил он. — Знает только моя жена. Кстати, у нас с ней все в порядке, и дома, на родине, тоже ничего не случилось, — спокойно пояснил Слава.

— Вот что — никому ничего не говорить и ни с кем не советовать. Иди спокойно работать. Я вернусь, и продолжим разговор, — закончил я.

Я тоже никому из начальства не сказал о необычном рапорте...

Закрывшись в кабинете, мы со Славой попили чайку и душевно поговорили по-мужски. То, что я услышал от Славы, чем и был вызван этот злополучный рапорт, потрясло меня. Оказалось, что его семье просто банально не хватало его, единственного кормильца, зарплаты на самую скромную жизнь. За пару лет до учебы в Москве Слава женился. Родители Вали — простые сельские труженики. Мать — бухгалтер в совхозе, отец — водитель грузовика в этом же хозяйстве. На свадьбу в качестве приданого родители подарили молодым импортный спальный гарнитур. Пока Слава учился в Москве, он был без семьи и материальных трудностей не испытывал, так как Валя с малолетним сыном Ярославом была на иждивении у своих родителей, имевших небольшое натуральное хозяйство — приусадебный участок. Часть зарплаты Слава отдавал по денежному аттестату жене с сыном. Еще небольшую сумму своего аттестата он отсылал бабушке, выросшей и воспитавшей его. Ей — одинокому человеку, не имевшему ни своего дома, ни подсобного хозяйства, на колхозную пенсию не прожить. Вторая беременность Вали, рождение Богдана. После окончания учебы Славе объявили, что через год запланирован его выезд за рубеж. Он решил забрать жену с двумя детьми в Москву, где заранее снял комнату в квартире, хозяева которой были в длительной загранкомандировке. Оплата однокомнатного «угла» была конечно же «коммерческой». Вскоре семья после почти трехлетнего перерыва снова была вместе. Но не знала периферийная молодежь особенностей столицы. Там, дома, была своя прочная и надежная база. Здесь же, в чужом и огромном городе, все нужно было покупать в магазине или на рынке. Валя по профессии провизор. Но двое малышей связывали ее, как говорится, по рукам и ногам. Как все детки в таком возрасте, конечно же, часто болели. Оставить с кем-то дома, под присмотром не на что. Тут никакие ясли не помогут. Кончились подъемные. Постепенно по частям начали продавать свадебный подарок — спальный гарнитур. Продержались год. Последними продали пружинные матрасы, заменив их дешевыми мягкими тюфяками. Зарплата Славы, казалось бы приличная, вся была рас-

писана постатейно. Первое решение для себя — мужское, волевое — бросил курить. Даже любимое пиво по воскресеньям — и от этого удовольствия пришлось отказаться. И все равно денег не хватало. Каких-то совсем немного рублей. Если бы только квартплата была не «коммерческой», может быть, как-то и справились бы...

Слава хорошо помнил голодные годы оккупации, когда они с бабушкой с сумой через плечо побирались за кусочком хлеба по окрестным селам. Не забыть ему и тяжелые послевоенные годы. Он помнил, как отобрал корку хлеба у клевавших ее воробьев и съел. Тяжелая работа в колхозе очень скоро сделала бабушку инвалидом. Но он к этому времени уже заканчивал институт. Не мог он сейчас, офицер, лишить бабушку денежной помощи...

Когда-то, еще в детские годы, он в дорожной пыли босой ногой нащупал что-то твердое. Старинный медный царский пятак. Так началась охватывавшая его все сильнее и сильнее страсть к нумизматике. Ни золотых, ни серебряных монет у него в те годы не было. Медных же у народа было много, вот он их и коллекционировал. К моменту принятия решения возвратиться на родину у него была уже приличная коллекция. Если бы он ее продал, они смогли бы прожить несколько месяцев. Ну а что дальше? Он знал, что подработки любого вида во вне рабочее время в его Службе строго запрещены. Физически крепкий, полный сил, энергии, планов и надежд молодой офицер не мог найти выхода, кроме возвращения на прежнее место службы, где был надежный тыл у Вали, а стало быть, и у него.

Москва безжалостно пожирала всю его зарплату, несмотря на максимальные личного характера ограничения. Они, молодые родители, всегда исходили из того, что дети ни в чем и никогда не должны быть ограничены. И рапорт начал свой официальный путь.

Я молча взял карандаш и чистый лист бумаги, разграфил его на столбцы, сверху обозначил зарплату офицера, и мы вдвоем произвели очень любопытную калькуляцию. Семье не хватало что-то около 10 процентов от зарплаты на более или менее нормальную жизнь с двумя детьми и не по своей воле не работающей женой. Это как раз была та сумма, которая бы восполнялась при нормальной государственной квартплате. С квартирами, даже в нашей Службе, всегда было проблемно. За редким исключением, все вер-

нувшиеся из длительных загранкомандировок имели возможность вступить в жилкооператив. Это касалось прежде всего тех, кто не имел никакой квартирной базы в Москве. Я сказал Славе:

— Мы должны что-то придумать. Если ты не возражаешь, я поговорю с нашим парторгом.

Это был великолепный человек, настоящий, как многие его шутливо называли, «партийный двигатель» — В.Н. Андрианов¹. Слава выдвинул одно-единственное условие — кроме Владимира Николаевича, никто в коллективе не должен знать о его рапорте. Я пообещал...

Выслушав меня, Володя Андрианов не поверил. Мы, теперь уже с ним вдвоем, вновь «поработали» с карандашом и бумагой, с учетом существовавших тогда в Москве цен на продукты и услуги, сопоставив все это с офицерской зарплатой Славы. Вновь все сошлось. В этот же день, уже втроем — парторг нашего подразделения Андрианов, секретарь парткома Службы Г.А. Орлов² и я, — долго «раскладывали» по полочкам денежное содержание Славы, даже с учетом почти ежемесячных продуктовых посылок родителей Вали. Та же картина...

Утром следующего дня Георгий Александрович уже один был в кабинете секретаря «большого» парткома, а спустя несколько дней указанием Юрия Владимировича Андропова из его личного квартирного фонда (был такой у главы нашего Ведомства) Славе был вручен ордер на трехкомнатную квартиру. Еще через две недели счастливые Слава и Валя въехали в свое новое жилище.

В числе приглашенных на новоселье был и я. Не пошел. Мне было бы больно и неловко присутствовать на этом торжестве, зная тайные пружины, приведшие к решению этого вопроса. Слава буквально умолил меня взять в знак благодарности и в качестве памятного подарка один из двух имевшихся в его «медной» нумизматической коллекции серебряный рубль, выпущенный в год смерти Петра I в 1725 году женой его Екатериной. Таких рублей в России было немного. «Мой» рубль был с отверстием для цепочки, поэтому, как утверждал «нумизмат» Слава, он особой ценности не представлял. Это попавшее волею печально-приятного события в мою семью украшение всегда было самым любимым у жены, по-

¹ Андрианов Владимир Николаевич ныне генерал-майор в отставке.

² Орлов Георгий Александрович ныне генерал-майор в отставке.

койной Аллы, а затем и у дочери Ларисы. Теперь я уже могу рассказать дочери историю появления в семье этой монеты и уверен, что этот серебряный знак со временем перейдет по наследству моим правнучкам. Слава Богу, такие уже имеются!

Когда мы вновь встретились со Славой спустя почти три десятилетия, моими первыми словами были:

— Ну что, Слава! Я был прав. Все произошло так, как я тебе говорил.

Его три маленькие звездочки давно превратились в большие. Он слегка поматерел, посolidнел, но остался таким же, как и раньше, подвижным и внешне и внутренне. Он достойно прошел свой нелегкий путь в Службе длиною в несколько десятков лет, соблюдая, как и положено, все правила этой жесткой, часто беспощадной и опасной игры.

Сейчас он уже пенсионер. Он по-прежнему любознателен, остроумен, не теряет интереса к жизни и не может быть без работы. Любит свою Валю, выросших Ярослава и Богдана. Иногда с ветерком выезжает на своей «вольво», а часть своей любви ко всему живому и доставляющему радость вместе со всеми домочадцами отдает тоже члену семьи и общему любимцу светло-бежевому лабрадору Шанелю...

Так и хочется пожелать молодым сотрудникам Службы: можете поступать, как считаете нужным и правильным, но обязательно слушайте старых и богатых опытом «служивых».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После выхода в отставку я еще многие годы продолжал трудиться, и моя деятельность «на гражданке» почти всегда была связана с Германией, как с разделенной, так и позже с объединенной новой Германией. В разное время я трижды отмечал свои «возрастные» юбилеи в Берлине. Последний раз это состоялось весной 1989 года. В этом же году осенью рухнула стена, и время начало новый отсчет неумолимо бегущей стрелкой Истории. То, что произошло с ГДР, до сих пор отзывается болью в моем сердце. Как образно сказала наша семейная немецкая подруга: «Я легла спать гражданкой ГДР, а проснулась гражданкой ФРГ. И никто не спросил меня, хочу я этого или нет». В объединенной Германии есть силы, которые уничтожают все, что напоминает им Германскую Демократическую Республику. А напрасно. В Республике было много хорошего, что всегда с удовлетворением воспринималось простыми тружениками. Ряд социальных завоеваний в ГДР был утрачен в объединенной Германии. До сих пор немцы делятся на «оси» и «веси»¹. «Оси» по-прежнему ущемлены в ряде вопросов. Например, в зарплатах и пенсиях. Явная социальная несправедливость.

Работая в системе Минсельхоза, я в качестве одного из руководителей Ассоциации по сотрудничеству с Баварским крестьянским союзом в течение нескольких лет посещал эту замечательную Землю Германии, именуемую самими баварцами «Свободное государство Бавария». Они действительно весьма самостоятельны, специально подчеркивают, что они *баварцы*. Богатый край, который может прокормить сельскохозяйственной продукцией не только всю Германию, но и часть Европы. Баварцы как-то даже отли-

¹ «Оси» (ossi, от нем. Osten) — Восток, «веси» (wessi, от нем. Westen) — Запад.

чаются и внешне, и внутренне от немцев других земель Германии. Баварцы — скромные, работающие люди. Я имел дело с тружениками сельскохозяйственных регионов. У них такие же, как и у наших крестьян, натруженные на земле руки. Все они объединены в Баварский крестьянский союз, который в те годы возглавлял сенатор Густав Зюллер. Мы с ним впоследствии стали большими друзьями. Он не только с большой симпатией относился к советскому, а затем к российскому крестьянству, но и считал себя искренним другом России. К сожалению, его уже нет в живых. Имя его и дела до сих пор помнят крестьяне Баварии. Наша Ассоциация первой организовала обучение наших фермеров новым формам ведения сельского хозяйства на базе баварских фермерских хозяйств. Молодые российские фермеры проходили четырехмесячную практику, работая в баварских хозяйствах. Хорошее начало, которому не суждено было развиваться. Я тепло вспоминаю сотрудничество с Баварским крестьянским союзом, обучение наших парней в учебном центре, встречи с теми, кто искренне и с теплом относился к нам. Уверен, что заложенные в те годы в новой Германии и новой России партнерские отношения не только будут успешно развиваться, но со временем перерастут в прочное и взаимовыгодное сотрудничество между нашими странами.

Автор благодарен за помощь в работе над книгой вдове Александра Яковлевича Богомолова Нине Николаевне. Особое признание автор выражает своей жене Татьяне Игоревне Блатовой. Он высоко ценит советы Андрея Борисовича Тарасова — дипломата и германиста, проработавшего много лет в разные времена в Берлине и Бонне, участника и свидетеля некоторых изложенных в книге событий.

2010 год

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Ю.А. Квицинский	7
------------------------------------	---

Александр Богомолов

Предисловие к русскому изданию. Н.Н. Богомолова, Н.А. Богомолов	11
Предисловие к немецкому изданию. Б. Малов	12
Вступление	15
Прибытие в Берлин. 1951 год	28
Мой дебют. 1951 год	29
Переговоры в Карлсхорсте. 1951–1953 годы	30
Василий Иванович Чуйков. 1951 год	33
Жизненно важная помощь. 1951 год	34
Владимир Семёнов играет Людвигу ван Бетховена. 1951 год	36
Семёнов о различных видах образования. 1951 год	37
Разные земли, разные нравы. 1951 год	38
Еще кое-что о Чуйкове. 1952 год	40
Переусердствовали. 1952 год	41
Кулак Кобулова. 1952 год	41
Штоф становится министром внутренних дел. 1952 год ...	43
Как ты со мной, так и я с тобой. 1952 год	44
Потрясение от фильма. 1952 год	45
Странная встреча двух президентов. 1953 год	45
Одна порода. 1953 год	47

17 июня 1953 года	47
«Истинные зачинщики». 1953 год	50
Семёнов и субординация. 1954 год	51
История с волосами. 1954 год	52
Суверенные, но необязательные. 1955 год	53
«Подопытные кролики». 1955 год	55
«Вопрос урегулирован или решен?» Аденауэр в Москве. 1955 год	57
Первопроходцы. 1955 год	60
Выверты дипломатии. 1955 год	65
Подозрительно. 1955 год	66
Чья это полиция — мне наплевать. Конец 1950-х годов ...	68
Карл Ширдеван на свой страх и риск обращается к послу Пушкину. 1956–1957 годы	69
Нечто необычное. 1957 год	70
Неловкость 8 мая в Веймаре. 1958 год	72
Первухин «осужден» быть послом. 1958 год	74
Хрущёв, Олленхауэр и папираса. 1959 год	76
Брежнев и Хонеккер. 1960-е годы	77
В гостях у политофицеров национальной народной армии. 1962 год	78
Софи Либкнехт — моя учительница немецкого языка. 1962 год	79
Цирк Абрасимова. 1964 год	80
По Советскому Союзу с Томасом Делером. 1964 год	83
Делер отказывается прививать фруктовое дерево. 1964 год	84
Может ли председатель бундестага Карл Карстенс посетить 9-й конезавод? 1966 год	85
Громько мог бы «перевернуть весь мир». 1966 и 1988 годы	87
Пари на четыре бутылки водки. 1966 год	88
Бундесвер — один раз с другой стороны. 1967 год	89
Словесная труха. 1968 год	90
Одностороннее знакомство. 1969 год	93
Геморрой и шпионы. 1969 год	98
Добрый день, фрау Фанни, русские идут! Конец 1960-х годов	99

Надёжный банк. 1970 год	100
БМВ-2800 и мирное сосуществование. 1970 год	101
В роли китаиста. 1970 год	102
Сибирь начинается прямо за Москвой. 1970 год	103
Фалин в Бонне. 1971 год	105
Освободите дорогу! 1972 год	107
«Сектор ГДР» в Международном отделе ЦК КПСС. 1972–1983 годы	109
На идеологическом участке фронта. 1960–1970-е годы	112
Странные встречи. Конец 1970-х годов	113
Пусть уезжают. 1975 год	115
И снова никакой реакции. 1975 год	116
Кто такой Гийом? 1975 год	117
Искусство переворачивания страниц. 1978 год	118
Как Хонеккер укреплял вечную дружбу. 1982 год	119
Капризы Хонеккера. 1980-е годы	122
Семёнов отправляется послом в Бонн, а я отправляюсь на пенсию. 1982 год	123
Сюрпризы в день рождения отца. 1957 год	125
Митинг в парке Люстгартен. 1991 год	128

Георгий Санников

Вступление	137
Мой первый посол Михаил Георгиевич Первухин. 1958–1962 годы	151
Генерал Коротков. 1958–1961 годы	155
Как Олег Панин помог найти себя бывшему генералу Белой армии. Начало 1950-х годов	176
Ночь в лифте. Начало 1950-х годов	179
Шеф протокола О.С. Панин. 1958 год	180
Как советский военврач-еврей перевоспитал убежденного нациста. 1958 год	188
Неожиданная встреча. 1958 год	192
«Волосатый» Мюллер. 1958 год	193
Дырка в газете, или У страха глаза велики... 1959 год	195

«На этих козлах-топчане они хотели запороть меня на смерть». 1959 год	197
Встреча Никиты Хрущёва и Эриха Олленхауэра в советском посольстве в Берлине. Май 1959 года (продолжение рассказа Александра Богомолова)	200
Дело мастера боится, или Мастерство не пропьешь. 1959 год	204
«Придет время, и всем павшим в Сталинградской битве поставят памятник». 1959 год	207
Советы рыболова Богомолова — как следует ловить леща. 1959 год	209
Священник с партийным билетом в кармане и коммунистическими идеалами в душе. 1959 год	212
Кровь и шоколад. 1959 год	215
Встреча с живой легендой. Эрнст Вольвебер. 1959 год	217
Как немецкие друзья однажды обманули Н.С. Хрущёва. 1960 год	219
Как пресс-атташе Богомолов учил подчиненных. 1960 год	220
Китайские дети, или Проникновение в чужую среду. 1960 год	222
Шаром покати... 1960 год	224
«Встречи» с Беном. 1960 год	227
Неожиданные встречи с прошлым. 1960-е годы	229
Адъютант белогвардейского генерала Шкуро — боец Интернациональной бригады Сашка	229
Случай в Барселоне	231
Русский бас в Западном Берлине	233
Как мой черный протокольный костюм участвовал в похоронах президента ГДР Вильгельма Пика. 1960 год	237
«Фольксваген» и «Мерседес» против «Фиата». 1960-е годы	240
Предательство агента советской разведки Богдана Сташинского. 1961 год	243
Тамбурмажор. 1960-е годы	250
Богомолов и «Белые мыши». 1961 год	252

Перекрытие секторальной границы в столице ГДР Берлине.	
13 августа 1961 года	253
«Будьте оптимистами — учите китайский язык!» 1962 год .	260
Бедная коза. 1962 год	261
«Достояние» родственницы Ротшильдов для Республики.	
1962 год	264
Жертвы холодной войны, или Как нас чуть не убила озверевшая толпа в Западном Берлине. 1962 год	265
Первые контакты Эгона Бара с нами в Западном Берлине.	
Начало 1960-х годов	269
Незабвенная фрау Крозиг — владелица книжного магазина на Кнезебекштрассе в Западном Берлине.	
1966–1971 годы	273
«А город подумал — ученья идут». 1966 год	275
Клопы. 1966 год	282
Еще раз о клопах и тараканах. 1966 год	285
«Маленький» Матиас и «большая» политика. 1966 год	286
«Главное — не поссориться с ГДР!» 1966 год	288
Дождь-провокатор, или «Солнечный удар» почти по Бунину.	
1966 год	290
«А мне так хотелось дожить до коммунизма...» 1967 год ...	293
Беседа с Эрихом Менде. Июль 1967 года	295
«Филин». 1967 год	297
«Наш штык будет стоять в ГДР вечно». 1967 год	299
«Самый хороший большевик тот, который висит на фонарном столбе». 1968 год	300
«Патронный цинк». 1968 год	302
Старший лейтенант войск СС фон Кутельген. 1968 год	304
Знай наших! Вена. 1945 год (история, рассказанная Виталием Коротковым автору в Берлине в 1968 году) ..	307
Первый гражданский костюм (из рассказа Виталия Короткова о событии, приключившемся с ним летом 1946 года в Вене)	310
В кресле президента Республики. 1954 год	313
Куры-несушки и Моцарт. 1968 год	320
«Надо гнуть, пока гнется...» 1969 год	323
Вот так встреча! Валентин и Светлана. 1969 год	326
Скрипач с гантелями. 1969 год	328

Вальтер Ульбрихт и Мартин Лютер — два немецких реформатора. 1969 год	330
Встречи инкогнито посла Абрасимова с Брандтом в советском посольстве. 1969–1970 годы	334
Конфликт в школе при посольстве в Берлине, или Лев Давидович Троцкий — герой Гражданской войны. 1969 год	337
Случается и такое. 1969 год	341
«Московская сырокопченая» — любимая колбаса одессита Соломона Боренштайна. 1969 год	343
Друг посла Абрасимова Слава Ростропович. 1970 год	345
Первый день переговоров, или «Das waere alles, meine Damen und Herren!». 26 марта 1970 года	350
Несостоявшаяся морская прогулка на яхте по маршруту Гамбург — Ленинград. 1970 год	357
«Я их поднимал командой “Встать!”, чтобы не заснули». 1970 год	358
«Не пачкайте грязью наши иконы!» 1970 год	360
«Наци номер два» — Рудольф Гесс в западноберлинской тюрьме Шпандау. 1971 год	363
Национал-большевик Эрих Хонеккер. Начало 1971 года ..	368
«Если возникнет угроза для моей жизни — стреляйте!» 1971 год	369
«Спецкурьер» Андрея Андреевича Громыко. 1971 год	373
«Пижадное совещание» в резиденции министра иностранных дел А. А. Громыко в Берлине. Август 1971 года	376
В логове «главного противника». Август 1971 года	379
Как мы помогли нашему послу в Западном Берлине в ночь с 18 на 19 августа 1971 года	383
Борьба за власть: Вилли Штоф против Эриха Хонеккера и что из этого вышло. 1971 год	385
Людмила Георгиевна Зыкина. Как мы провели идеологическую диверсию в Западном Берлине. 1971 год	389
«А я уничтожил десять ваших танков. Все сразу. И в одном бою». 1971 год	392
Посол Абрасимов. 1962–1963, 1966–1971 годы	393

Странные похороны в Западном Берлине. 1971 год	397
Зигзаги судьбы. 1971 год	401
Подарок Володи Эберляйна — портрет В.И. Ленина. 1972 год	403
Трудное счастье Леи Гроссе. 1960–1970 годы	405
«...Встречу Спасского с Фишером мы проиграли не в Рейкьявике, а в Москве...» 1972 год	409
Маркус Вольф — отвергнутый избранник	425
Мориц и Соня Мебель. 1959 год — поныне	447
Блеск золота. 1973 год	457
«О бедном чекисте замолвите слово...» 1974 год	460
Заключение	466

Богомолов А.Я., Санников Г.З.

Б 744 Без протокола : невыдуманные истории рассказывают дипломат Александр Богомолов и разведчик Георгий Санников / Александр Богомолов, Георгий Санников; [предисл. Ю.А. Квицинского]. — М. : Печатные Традиции, 2010. — 480 с., ил.

ISBN 978-5-91561-048-3

У книги, которую читатель держит в руках, такая же необычная судьба, как и у ее авторов.

Рукопись Александра Богомолова, изданная первоначально в Германии, буквально взорвала общество своей откровенностью и честностью. Специфика основной работы Георгия Санникова не позволила осуществить более раннюю публикацию его воспоминаний. Читатель имеет уникальную возможность познакомиться с ними впервые.

Два друга, два патриота, два Профессионала — дипломат и разведчик, долгие годы проработавшие в Германии — волею судеб были очевидцами и участниками многих ключевых процессов на международной арене 50–80-х годов XX века.

Это не скучные политические мемуары. К этим воспоминаниям больше всего подходит определение «невыдуманные истории». О людях, о явлениях, о событиях.

На страницах книги Читатель найдет увлекательный рассказ об истинных героях страны и предателях ее интересов, приоткроет дверь на кухню Большой Политики, получит возможность увидеть обратную сторону процессов, на десятилетия определивших развитие стран и народов, внесет в сложившуюся у него картину мироустройства новые яркие штрихи. Штрихи к портрету ушедшей Эпохи...

УДК 82/89

ББК 84/66.49/67.401.212

**Александр Яковлевич Богомолов
Георгий Захарович Санников
БЕЗ ПРОТОКОЛА**

Редактор М. Щелетова
Технический редактор Л. Фирсова
Корректор Е. Никитина

Подписано в печать 29.03.10. Формат 60х90/16.
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 30.0.
Тираж 3000 экз. Заказ 537.

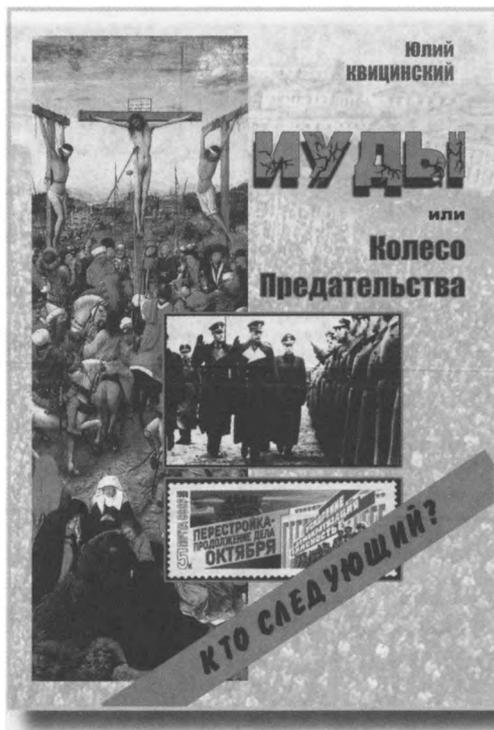
ООО «Печатные Традиции»
105120, Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, д. 11, к. 2
e-mail: ooo-pt@mail.ru www.printed-tradition.ru
По вопросам реализации
обращаться по тел.: (495) 580-37-84

Отпечатано в ОАО «Ивановская областная типография»
153008, г. Иваново, ул. Типографская, 6.
E-mail:091-018@rambler.ru

Издательство «Печатные Традиции»
П Р Е Д Л А Г А Е Т:

ИУДЫ, или КОЛЕСО ПРЕДАТЕЛЬСТВА / КВИЦИНСКИЙ Ю.А.

М.: Печатные Традиции, 2009. 640 с.

Автор книги Юлий Александрович Квицинский — известный дипломат, много лет работавший в ГДР и ФРГ и возглавлявший в свое время делегации СССР на переговорах с США по ядерному разоружению.

Книга включает в себя три произведения, объединенные общей темой — генезис предательства, причины и стадии его развития. В первых двух представлены истории предательства Иуды, одного из учеников Христа, и история предательства генерала Власова. Завершает трилогию книга «Отступник», в которой изложен один из вариантов объяснения причин событий, вошедших в историю страны как «период перестройки».

www.printed-tradition.ru
(495) 580-37-84

Издательство «Печатные Традиции»
П Р Е Д Л А Г А Е Т:

**ТРИ ПУЛИ ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА.
СМЕРТЕЛЬНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК ДАЛЛАСА /
НЕЧИПОРЕНКО О.М.**

М.: Печатные Традиции, 2009. 496 с.

Автор книги — полковник КГБ в отставке Олег Максимович Нечипоренко, ветеран внешней разведки и контрразведки, где он проработал в общей сложности около 40 лет.

22 ноября 1963 года в Далласе был убит 35-й президент США Джон Фицджеральд Кеннеди.

Автором представлено большое количество фактологического материала и блестяще прокомментированы разные версии убийства Джона Ф. Кеннеди. Отличительная черта этого произведения — хороший литературный стиль, логичность изложения и эрудированность автора.

www.printed-tradition.ru
(495) 580-37-84

Издательство «Печатные Традиции»
П Р Е Д Л А Г А Е Т:

БОЛЬШАЯ ОХОТА / САННИКОВ Г.З.

М.: Печатные Традиции, 2008. 544 с.

Книга рассказывает о работе органов госбезопасности по ликвидации остатков бандформирований украинских националистов в Западной Украине в 40–50 годах.

Автор — непосредственный участник борьбы с вооруженным подпольем ОУН в Западной Украине и оперативных радиоигр советской контрразведки с целью проникновения в зарубежные центры ОУН и в спецслужбы Запада. Санников Г.З. долгие годы работал во внешнеполитической разведке (ПГУ) за рубежом, отдавая все силы служению своей Родине.

Книга иллюстрирована многочисленными фотографиями и документами, многие из которых публикуются впервые.

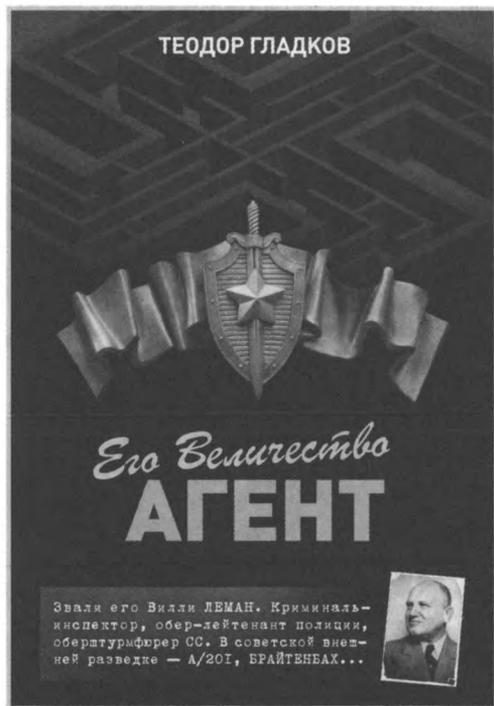
www.printed-tradition.ru
(495) 580-37-84

Издательство «Печатные Традиции»

П Р Е Д Л А Г А Е Т:

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО АГЕНТ / ГЛАДКОВ Т.К.

М.: Печатные Традиции, 2010. 256 с.

Новая книга Теодора Гладкова, известного историка и писателя, автора многих произведений о жизни и работе разведчиков, и на этот раз посвящена человеку уникальной судьбы. Вилли Леман — ветеран НСДАП, старший офицер гестапо, куратор оборонной промышленности и военного строительства Германии. Он же — агент советской внешней разведки А/201, «Брайтенах», на протяжении долгих и страшных 12 лет передававший в Центр бесценные сведения о развитии и укреплении фашистского режима.

В книге нет и доли авторского вымысла, только факты удивительной истории удивительного человека, жизнь и подвиг которого лишились грифа «Совершенно секретно» лишь в июне 2009 года.

www.printed-tradition.ru
(495) 580-37-84

Александр Яковлевич БОГОМОЛОВ (1922–2001)
Известный дипломат-германист. В июле 1941 года добровольцем ушел на фронт, был минером, получил тяжелое ранение, но вернулся в строй. Из многочисленных советских и иностранных наград самыми значимыми для него были медали «За отвагу» и «За оборону Москвы», полученные в 1943 году. Долгое время работал в Германии. В 50–80-е годы XX века ему довелось принимать участие практически во всех переговорах между высшими руководителями СССР, ГДР и ФРГ.

Георгий Захарович САНИКОВ (1929)
Полковник внешней разведки. Начинал службу в начале 1950-х годов на Украине, принимал участие в операциях по ликвидации националистических вооруженных формирований и в радиоиграх с западными разведцентрами. Этот период своей жизни Г.З. Санников описал в книгах «Операция «Рейд» и «Большая охота», прочно вставших в ряд отечественных бестселлеров мемуарного жанра. Больше 20 лет работал за рубежом по линии внешнеполитической разведки, из них 12 — в Германии.

Два Друга, два Патриота, два Профессионала были очевидцами и участниками многих ключевых процессов на международной арене 50–80-х годов XX века.

Это не скучные политические мемуары. К этим воспоминаниям больше всего подходит определение «невыдуманные истории». О людях, о явлениях, о событиях.

На страницах книги Читатель найдет увлекательный рассказ об истинных героях страны и предателях ее интересов, приоткроет дверь на кухню Большой Политики, получит возможность увидеть обратную сторону процессов, на десятилетия определивших развитие стран и народов, внесет в сложившуюся у него картину мироустройства новые яркие штрихи. Штрихи к портрету ушедшей Эпохи...

ISBN 978-5-91561-048-3

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕЧАТНЫЕ ТРАДИЦИИ»